ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Небесный фермер · Среди планет
Космическое семейство Стоун

АЗБУКА

Небесный фермер. Среди планет. Космическое семейство Стоун (сборник)

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Небесный фермер; Среди планет; Космическое семейство Стоун (сборник)
Смещение фронтира
Небесный фермер
Среди планет
Космическое семейство Стоун
О романах «Небесный фермер», «Среди планет» и «Космическое семейство Стоун»

Аннотация

Действие романов, составивших этот том, происходит в сложный период истории будущего по Хайнлайну. По всей Солнечной системе вспыхивают восстания против диктатуры Земли. Колыбель человечества лишается радиоактивных материалов и биоресурсов Венеры, продукции лунной гидропоники и возможности контролировать марсианский проект. Но луны Юпитера продолжали снабжать Землю продовольствием, а промежуточная база на Церере стала новым форпостом земной цивилизации, откуда началось освоение и разработка ресурсов в поясе астероидов. Вскоре эти проблемы потеряют актуальность – на Земле грядет Третья мировая война, но пока…

Билл Лермер, молодой герой космического фронтира из романа «Небесный фермер», отправляется вместе с семьей на спутник Юпитера Ганимед, чтобы превратить маленькую планету в цветущий сад. Ганимед оказывается стойким орешком, впрочем и у новых его хозяев крепкие зубы и характер

былых фронтирсменов Дикого Запада.

В романе «Среди планет» юный бедолага Дон Харви попадает в водоворот событий, от которых зависит возможный исход войны между Землей и колониями Венеры.

В «Космическом семействе Стоун» читатель вместе с братьями-близнецами и непредсказуемым их семейством путешествуют на корабле «Роллинг Стоун» по просторам планетным. Предприятие это небезопасно, потому что путешествующая компания вечно вляпывается в какую-нибудь неприятность.

Перевод романа «Небесный фермер» выполнен заново. Переводы других романов публикуются в новой редакции.

Роберт Хайнлайн
Небесный фермер; Среди планет; Космическое семейство Стоун (сборник)

Robert A. Heinlein
FARMER IN THE SKY
Copyright © 1950 by Robert A. Heinlein
BETWEEN PLANETS
Copyright © 1951 by McCall Corporation and Robert A. Heinlein
THE ROLLING STONES
Copyright © 1952 by Robert A. Heinlein
All rights reserved
Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева
Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.
© К. Плешков, перевод, 2018
© А. Шаров (наследники), перевод, 2018
© Н. Виленская, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель — рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

* * *

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы не говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фаристействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно

современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею ввиду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Смещение фронтира

Если каравеллы Колумба гнала через океаны жажда золота и пряностей, то первопроходцев космоса отправляли в черную бездну куда более приземленные нужды — голод и потребность в энергии. Население Терры неуклонно росло, качество жизни неуклонно падало, но люди, как и любой другой биологический вид, отвечали на ухудшение условий жизни ускоренным размножением. Колонии Луны и Венеры не могли снизить величину демографического давления, они лишь поглощали излишек социально активного населения, что позволяло властям хоть как-то контролировать оставшихся. Но даже пассивное большинство представляло угрозу для человечества и земной цивилизации — просто потому, что все эти люди хотели есть.

Ни Луна, что была безжизненным каменным шаром, ни ее антипод, обильная жизнью Венера, не могли насытить постоянно растущие аппетиты Земли. Освоение Луны было довольно затратным предприятием, а джунгли Венеры неохотно что-либо выпускали из своих зеле-

ных объятий. И когда с третьей попытки люди сумели закрепиться на Марсе, там немедленно заработал атмосферный проект. Во многом он был чисто политическим шоу — истинные затраты на полный комплект оборудования и реальные сроки восстановления кислорода из древних осадочных пород были несоразмерны с циклами политической жизни. Куда более реальной и привлекательной представлялась задача терраформирования малых планет, покрытых водной и метановой оболочкой. Производство кислорода электролизом из такого сырья было на порядки более эффективно, чем его термическое восстановление из оксидов кремния и железа в марсианских песках. Проблема была в том, что ледяные шары Европы, Каллисто и Ганимеда находились от Земли на расстоянии шестисот миллионов километров — на орбите вокруг планеты-гиганта Юпитера.

Древние атомные ракеты, с помощью которых шло освоение Венеры и Марса, тратили годы на полет к Юпитеру и обратно, что превращало терраформинг его спутников в довольно долгое и дорогостоящее предприятие. И тем не менее человечество расходовало на эти экспедиции тонны урана и железа, потому что эффективная

отдача планет-колоний продолжала падать. На них зарождались собственные социальные структуры и складывались нации — со всеми вытекающими обстоятельствами.

Восстания вспыхнули в последней четверти XXI века, практически одновременно на всей периферии. Земля лишилась радиоактивных материалов и биоресурсов Венеры, продукции лунной гидропоники и возможности контролировать марсианский проект. Но луны Юпитера продолжали снабжать Землю продовольствием, а промежуточная база на Церере стала новым форпостом земной цивилизации, откуда началось освоение и разработка ресурсов в поясе астероидов.

По иронии судьбы национальные революции стали последним проявлением пассионарности в колониях: в условиях полной изоляции и отсутствия внешнего давления там быстро сформировались национальные бюрократические структуры, перенявшие и отчасти скопировавшие функции земной колониальной администрации. К концу века колонии превратились в экономически и политически самодостаточные государства, медленно, но неуклонно дрейфующие обратно в объятия земной метрополии.

Вчерашние революционеры и их потомки отправились на новую периферию Ойкумены — в Пояс астероидов, к спутникам Юпитера и Сатурна.

К этому времени окраины Солнечной системы стали действительно доступны. Появлению нового фронтира было бы невозможно без масс-конвертора Томпсона в качестве источника энергии и факела Ортеги в качестве движителя космических кораблей. Новая техника полностью изменила прежние расчеты эффективности и доступности космических проектов. Спутники планет-гигантов и астероиды внезапно оказались совсем рядом, и то, что вчера казалось неэффективной бессмыслицей, теперь обрело вполне реальный смысл.

Пояс способен был насытить энергетический голод, луны Юпитера исправно поставляли продовольствие, а новые корабли легко справлялись с потоками переселенцев. Но в начале XXII века эти проблемы внезапно потеряли актуальность — Третья мировая война резко снизила демографическое давление, масс-конвертор доказал свою эффективность в качестве источника энергии на любом доступном сырье, а промышленное производство синтетической пищи навсегда отправило голод в область древних страшилок.

Однако, решая эти задачи, человечество сдвинуло фронтир с внутренних планет к границам Системы, и теперь любая внутренняя проблема, любой побудительный импульс мог отправить его только дальше — к звездам.

С. В. Голд

Небесный фермер

Посвящается Сэнди

1. Земля

В тот день наш отряд был в горах Сьерра-Невада, и мы припозднились с возвращением. Из лагеря стартовали вовремя, но служба управления движением развернула нас далеко на восток из-за непогоды. Меня это не обрадовало — отец обычно не садился ужинать один.

К тому же мне подсунули в качестве второго пилота какого-то нового мальчишку — мой обычный второй пилот и заместитель командира патруля заболел, поэтому скаутмастер мистер Кински дал вместо него этого балбеса. Сам мистер Кински летел на другом вертолете с патрулем кугуаров.

— Почему не прибавишь скорость? — поинтересовался балбес.

— Никогда не слышал о правилах воздушного движения? — спросил я.

Вертолет управлялся дистанционно с земли и медленно летел по заданному курсу вдоль выде-

ленного нам транспортного коридора.

— Всегда можно сочинить что-нибудь непредвиденное, — рассмеялся балбес. — Сейчас увидишь.

Он включил микрофон:

— Лис восемьдесят третий вызывает службу…

Я отключил связь, а потом, когда диспетчер ответил, включил снова и сказал, что их вызвали по ошибке. Балбес не скрывал своего недовольства.

— Маменькин сыночек! — приторно-сладким голосом произнес он.

Вот этого говорить точно не стоило.

— Иди назад, — велел я ему, — и скажи Слэтсу Кейферу, чтобы шел сюда.

— Зачем? Он не пилот.

— Ты, как мне кажется, тоже. Но он весит столько же, сколько и ты, а я не хочу нарушать баланс этого драндулета.

Он откинулся на спинку сиденья:

— Старик Кински назначил меня вторым пилотом, так что никуда я отсюда не уйду.

Я досчитал до десяти и промолчал. Пилотская кабина летящего вертолета — не самое подходящее место для драки. Больше мы не произнесли ни слова, пока я не посадил машину на площадке Северный Сан-Диего и не выключил сопла на

роторе.

Вышел я, естественно, последним. Мистер Кински ждал нас, но я его не видел — все мое поле зрения занимал тот балбес.

— Может, повторишь, что ты тогда сказал? — Я схватил его за плечо.

Между нами встал появившийся словно ниоткуда мистер Кински:

— Билл, Билл! Что это значит?

— Я… — Я собирался заявить, что намерен выбить этому балбесу все зубы, но передумал.

Мистер Кински повернулся к нему:

— В чем дело, Джонс?

— Я ничего не сделал! Спросите кого угодно.

Я уже намеревался сказать, что он может повторить то же самое перед пилотской комиссией — нарушение субординации в воздухе всегда считалось серьезным проступком. Но его фраза «спросите кого угодно» меня остановила. Никто, кроме нас двоих, ничего не видел и не слышал.

— Билл, проведи перекличку патруля и отпусти их, — сказал мистер Кински, посмотрев на нас обоих.

Так я и сделал, а потом отправился домой.

В общем, добрался я уже весь вымотанный и на нервах. По дороге послушал новости, кото-

рые ничем меня не порадовали. Паек урезали на очередные десять калорий, отчего я ощутил еще больший голод, вспомнив, что не успеваю к ужину с отцом. Дальше в новостях сообщили, что космический корабль «Мэйфлауэр» наконец введен в строй и открыт прием заявлений от потенциальных эмигрантов.

«Что ж, кому-то повезет, — подумал я. — Никаких урезанных пайков, никаких балбесов вроде Джонса…»

И новенькая, с иголочки, планета.

Джордж — то есть мой отец — сидел в гостиной, просматривая какие-то бумаги.

— Привет, Джордж, — сказал я. — Ты ужинал?

— Привет, Билл. Нет.

— Сейчас приготовлю.

Войдя в кухню, я понял, что он не только не ужинал, но и не обедал. Надо соорудить ему двойную порцию.

Достав из холодильника два синтестейка, я бросил их в размораживатель, добавил большой пакет картофеля «айдахо» для отца и пакет поменьше для себя, затем вынул упаковку салата и оставил ее греться естественным путем.

К тому времени, когда я залил кипятком два суповых кубика и порошковый кофе, стейки уже

были готовы для жарки. Я перенес их в гриль, установил средний режим и прибавил температуру размораживателя, чтобы картошка подоспела к стейкам, после чего вернулся к холодильнику за парой кусков торта с мороженым на десерт.

Гарнир разогрелся. Быстро взглянув на сводку продовольственных расходов, я решил, что мы можем себе позволить чуть больше, и отрезал к картошке пару кусочков маргарина. Звякнул гриль; я извлек из него стейки, поставил все на стол и включил свечи, как это всегда делала Энн.

— Иди, все готово! — крикнул я.

Переписав с упаковок данные о калориях и количестве баллов, я бросил их в мусоросжигатель. Так никогда не запутаешься в расходах.

Едва я закончил, отец сел за стол. Прошло всего две минуты двадцать секунд — в готовке на самом деле нет ничего сложного. Не понимаю, почему женщины устраивают из-за этого такую кутерьму. Вероятно, в их действиях просто нет системы.

— Господи! — отец понюхал стейки и широко улыбнулся. — Билл, ты нас разоришь.

— Это уже моя проблема, — ответил я. — У меня пока остались излишки за этот квартал. — Я нахмурился. — Вот только в следующем их уже не

будет, если не перестанут урезать пайки.

Отец замер, не донеся кусок стейка до рта.

— Опять?

— Опять. Послушай, Джордж, я никак не пойму. В этом году был хороший урожай, к тому же в Монтане заработал завод по выращиванию дрожжей…

— Билл, ты ведь следишь за всеми новостями о продовольственном снабжении?

— Естественно.

— Обратил заодно внимание на результаты переписи населения в Китае? Попробуй посчитать на логарифмической линейке.

Я понял, что он имеет в виду, и стейк вдруг показался мне похожим по вкусу на старую резину. Какой смысл пытаться экономить, если кто-то на другой стороне планеты намерен обратить в прах все твои усилия?

— Этим чертовым китайцам стоило бы перестать плодиться и начать выращивать еду!

— Все, Билл, должно делиться поровну.

— Но…

Я замолчал. Джордж, как обычно, был прав, но отчего-то мне это показалось не вполне честным.

— Слышал про «Мэйфлауэр»? — спросил я, что-

бы сменить тему.

— А что там с «Мэйфлауэром»?

Голос отца вдруг стал настороженным, что меня удивило. С тех пор как умерла Энн — моя мать, — мы с Джорджем сблизились настолько, насколько только могут сблизиться двое мужчин.

— Ну… он введен в строй, только и всего. Начался отбор эмигрантов.

— И что? — столь же настороженно спросил отец. — Чем вы сегодня занимались?

— Ничем особенным. Прошли пешком около пяти миль к северу от лагеря, и мистер Кински принял у некоторых ребят зачеты. И я видел горного льва.

— Что, правда? Я думал, их больше не осталось.

— Ну… мне показалось, будто я его видел.

— Значит, скорее всего, так оно и было. Что еще?

Поколебавшись, я рассказал ему о том балбесе, Джонсе.

— Он даже не из нашего отряда. Как он смеет вмешиваться в мою работу пилота?

— Ты правильно поступил. Похоже, Билл, этот балбес Джонс, как ты его называешь, слишком мо-

лод, чтобы доверить ему пилотскую лицензию.

— Собственно, он на год старше меня.

— В мое время даже подавать на лицензию можно было лишь после того, как тебе исполнится шестнадцать.

— Времена меняются, Джордж.

— Это точно. Это точно…

Отец внезапно погрустнел, и я понял, что он думает об Энн.

— Неважно, сколько ему лет, — поспешно сказал я, — но как этот червяк Джонс смог бы пройти тест на психологическую устойчивость?

— Психологические тесты несовершенны. Как и люди.

Отец откинулся в кресле и, закурив трубку, спросил:

— Хочешь, Билл, я сам приберусь сегодня?

— Нет, спасибо.

Он всегда об этом спрашивал, и я всегда отказывал. Отец слишком рассеян и отправляет продовольственные баллы в мусоросжигатель. Зато от моего внимания ничто не ускользает.

— Сыграем в криббедж? — предложил я.

— Я тебя наголову разгромлю.

— Кто же еще, кроме тебя?

Я собрал мусор, сжег посуду и последовал за от-

цом в гостиную. Он уже доставал доску и карты.

Похоже, мысли его были заняты вовсе не игрой. Я уже был близок к выигрышу, прежде чем он успел всерьез начать партию. Наконец он положил карты и посмотрел прямо на меня:

— Сынок…

— Гм? — В смысле: «Да, Джордж?»

— Я решил эмигрировать на «Мэйфлауэре».

Я опрокинул доску для криббеджа, но тут же поднял ее, сбавил обороты и попытался выровнять полет.

— Круто! Когда отбываем?

Отец яростно затянулся трубкой:

— В том-то и суть, Билл. Ты никуда не летишь.

Я лишился дара речи. Отец никогда прежде так со мной не поступал. Несколько мгновений я лишь сидел, шевеля губами, словно рыба, и лишь затем сумел проговорить:

— Папа, ты шутишь.

— Нет, сынок, не шучу.

— Но почему? Ответь мне на единственный вопрос: почему?

— Понимаешь, сынок…

— Называй меня Билл.

— Хорошо, Билл. Одно дело — когда я сам решаю рискнуть, начав жизнь колониста, но у

меня нет никакого права ломать жизнь тебе. Ты должен завершить образование. На Ганимеде нет приличных учебных заведений. Выучишься, станешь взрослым — и если уже тогда захочешь эмигрировать, дело твое.

— И это единственная причина? Потому что я должен учиться?

— Да. Ты останешься здесь и получишь диплом. Мне бы хотелось видеть тебя и с докторской степенью. А потом, если пожелаешь, можешь ко мне присоединиться. Своего шанса ты не упустишь — кандидаты, имеющие там близких родственников, рассматриваются в первую очередь.

— Нет!

Отец, похоже, оставался непоколебим. Впрочем, и я, пожалуй, тоже.

— Джордж, послушай меня. Если ты меня здесь бросишь, никакой пользы от этого не будет. Я не стану учиться. Я уже сейчас могу сдать экзамены на гражданство третьего класса. А потом получу разрешение на работу, и…

— Разрешение на работу тебе не потребуется, — оборвал он меня. — Я оставлю тебе хорошее содержание. Билл, ты…

— Хорошее содержание? Думаешь, я притронусь хоть к одному твоему кредиту, если ты

улетишь и бросишь меня? Буду жить на стипендию, пока не сдам экзамены и не получу рабочую карточку.

— Не так громко, сынок! Ты ведь гордишься тем, что ты скаут?

— Ну… да.

— Кажется, припоминаю, что скаутам положено слушаться старших. И быть с ними вежливыми.

Меня словно обдало жаром. Следовало сообразить, что он это скажет.

— Джордж…

— Да, Билл?

— Если я был с тобой груб — извини. Но законы скаутов придуманы не для того, чтобы скаутами легче было командовать. Пока я живу в твоем доме — буду делать все, что скажешь. Но если ты меня бросишь, у тебя больше не будет на меня никаких прав. Разве это нечестно?

— Будь благоразумен, сынок. Я поступаю так ради твоего же блага.

— Не соскакивай с темы, Джордж. Честно или нечестно? Если ты улетишь за миллионы миль отсюда, как ты можешь рассчитывать, что сумеешь влиять на мою жизнь? Я буду сам по себе.

— Я все равно останусь твоим отцом.

— Отцы и сыновья должны держаться вместе. Насколько я помню, отцы, приплывшие на том, первом «Мэйфлауэре» взяли с собой своих детей.

— Это другое дело.

— Почему?

— Речь идет о намного более далеком путешествии. И весьма опасном.

— И тогда было опасно — все знают, что половина колонии в Плимуте умерла в первую же зиму. И расстояние ничего не значит — важно то, сколько времени занимает путешествие. Если бы сегодня мне пришлось идти назад пешком, мой поход затянулся бы и на следующий месяц. Пилигримам потребовалось шестьдесят три дня, чтобы пересечь Атлантику, — по крайней мере, так учили в школе. Но сегодня в новостях сказали, что «Мэйфлауэр» — нынешний «Мэйфлауэр» — доберется до Ганимеда за шестьдесят дней. То есть получается, что до Ганимеда ближе, чем от Лондона до Плимут-Рока.

Отец встал и выбил трубку.

— Я не собираюсь с тобой спорить, сынок.

— И я тоже…

Я глубоко вздохнул. Возможно, продолжать не следовало, но меня охватила злость. Ко мне никогда прежде не относились подобным образом,

и, вероятно, я хотел причинить ответную боль.

— …но вот что я тебе скажу: ты не единственный, кого тошнит от урезанных пайков. Если ты думаешь, что я собираюсь тут оставаться, пока ты будешь жрать от пуза в своих колониях, то советую подумать еще раз. А я-то считал, будто мы — партнеры…

О последних своих словах я тут же пожалел. Именно это сказал он мне на следующий день после смерти Энн, и так с тех пор оставалось всегда.

Еще не успев договорить, я понял, почему Джордж хотел эмигрировать и что продовольственные баллы тут вовсе ни при чем. Но я не знал, как взять собственные слова назад.

Отец уставился на меня, затем медленно проговорил:

— Думаешь, в этом все дело? Что я хочу улететь, чтобы больше не пропускать обед, экономя продовольственные баллы?

— А в чем еще? — спросил я, не зная, что ответить.

— Гм… хочешь — верь, хочешь — нет, Билл, но больше мне сказать нечего. Пойду, пожалуй, спать.

В смешанных чувствах я отправился к себе в

комнату. Мне настолько хотелось, чтобы рядом была мама, что я в буквальном смысле ощущал это желание на языке, зная, что то же самое чувствует и Джордж. Она никогда не допустила бы, чтобы наш спор дошел до той точки, когда мы начали бы кричать друг на друга — или, по крайней мере, я на него. К тому же наши партнерские отношения разрушились и никогда уже не могли бы стать прежними.

После душа и долгого массажа я почувствовал себя лучше. Я понял, что на самом деле наше партнерство не так-то просто разрушить. В конечном счете Джордж все равно бы понял, что я должен лететь с ним, и не позволил бы колледжу встать на моем пути. В этом я нисколько не сомневался — или почти не сомневался.

Я начал думать о Ганимеде.

Ганимед!

Да что там — я даже на Луне никогда не бывал!

У нас в классе был мальчик, который родился на Луне. Его родители остались там, а его отправили домой учиться. Он строил из себя покорителя глубокого космоса, но расстояние до Луны составляло меньше четверти миллиона миль — в нее практически можно было швыряться камнями. Лунная колония не могла обеспечивать сама

себя, и там действовали те же нормы пайков, что и на Земле. По сути, это была часть Земли. Но — Ганимед!

Я вспомнил, что до Юпитера примерно полмиллиарда миль, плюс-минус в зависимости от времени года. Как могло мизерное расстояние до Луны сравниться с подобным прыжком?

Внезапно я понял, что забыл, каким по счету спутником Юпитера является Ганимед — третьим или четвертым. Но знать мне это было обязательно нужно. В гостиной лежала книга, которая могла сообщить и эту информацию, и много другой, — «Путешествие по колониям Земли» Элсуорта Смита. Я направился за ней.

Отец так и не ложился — сидел в кресле и что-то читал.

— О… привет, — сказал я и принялся искать книгу.

Он кивнул и продолжал читать.

Книги на обычном месте не оказалось. Я огляделся вокруг.

— Что ищешь, Билл? — спросил отец.

И тут я увидел, что он держит именно ее.

— Гм… ничего, — ответил я. — Не знал, что книга у тебя.

— Эта? — показал отец.

— Неважно. Найду что-нибудь еще.

— Бери. Я уже просмотрел.

— Ну… ладно, спасибо.

Взяв книгу, я направился к двери.

— Погоди, Билл.

Я остановился.

— Решено, — сказал он. — Я никуда не лечу.

— Гм?!

— Ты был прав насчет того, что мы партнеры. Мое место здесь.

— Да, но… Послушай, Джордж… извини за то, что я наговорил насчет пайков. Я знаю, что дело не в этом. Просто… ты должен лететь.

Мне хотелось сказать ему: я знаю, все дело в Энн. Но я боялся, что если произнесу имя Энн вслух, то тут же разрыдаюсь.

— Другими словами, ты согласен остаться — и учиться дальше?

— Ну… — К ответу я был не вполне готов, будучи полон решимости лететь сам. — Я не совсем это имел в виду. Я имел в виду, что знаю, почему ты хочешь лететь… почему ты должен лететь.

— Гм… — Он долго раскуривал трубку. — Понимаю. А может, и нет. — Он помолчал. — Давай так, Билл. Наше партнерство остается в силе. Либо мы оба летим, либо оба остаемся — если только

ты добровольно не останешься, чтобы получить степень и присоединиться ко мне потом. Так честно?

— Ну… да, конечно!

— Тогда поговорим позже.

Я пожелал ему доброй ночи и поспешно нырнул в свою комнату.

«Вильям, малыш, — сказал я себе, — все уже практически решено, — если только не окажешься чересчур мягкосердечным и не согласишься остаться».

Забравшись в постель, я раскрыл книгу.

Ганимед был третьим спутником Юпитера — удивительно, что я об этом забыл. Размерами он превосходил Меркурий и еще больше Луну — вполне приличная планета, пусть даже и спутник. Сила тяжести на поверхности составляла одну треть земной — там я весил бы примерно фунтов сорок пять. Первый контакт состоялся в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году — об этом я знал, — а проект по созданию атмосферы начался в тысяча девятьсот девяносто восьмом и продолжался до сих пор.

В книге имелось стереоизображение Юпитера, каким он был виден с Ганимеда, — круглый, словно яблоко, красно-оранжевый и приплюсну-

тый на обоих полюсах. И еще он был невероятно огромен и прекрасен. Глядя на него, я заснул.

В последующие три дня у нас с отцом не нашлось возможности поговорить, поскольку все это время я провел вместе с классом в Антарктике, откуда вернулся с обмороженным носом и шикарными фото пингвинов. У меня было время подумать.

Отец, как обычно, забыл записать расходы, но сохранил упаковки от продуктов, так что я быстро привел всю бухгалтерию в порядок.

После ужина я позволил ему выиграть у меня две партии, а потом сказал:

— Слушай, Джордж…

— Да?

— Помнишь, о чем мы говорили?

— Ну… да.

— В общем, так. Я несовершеннолетний и не могу полететь, если ты мне не разрешишь. Мне кажется, тебе стоило бы так и сделать, но если нет — учебу я не брошу. В любом случае ты должен лететь — сам знаешь почему. Прошу тебя: подумай еще раз и возьми меня с собой. Но и вести себя словно капризный младенец я тоже не стану.

Отец в замешательстве посмотрел на меня:

— Вполне достойная речь, сынок. Имеешь в

виду, что готов отпустить меня, а сам остаться здесь, продолжать учебу и не устраивать по этому поводу истерик?

— Ну, не то чтобы готов… но буду вынужден смириться.

— Спасибо. — Отец пошарил в кармане и достал фотографию. — Можешь взглянуть.

— Что это?

— Фотокопия твоего заявления на эмиграцию. Я подал его два дня назад.

2. Зеленоглазое чудовище

В последующие несколько дней мои дела в школе шли не лучшим образом.

Отец предупредил, чтобы я не особо настраивался, — наши заявления пока не одобрили.

— Знаешь, Билл, заявок поступило вдесятеро больше, чем реально может полететь.

— Но большинство хотят на Венеру или Марс. Ганимед слишком далеко, и это отпугивает неженок.

— Я не имел в виду заявки на все колонии, а только на Ганимед, конкретно на первый рейс «Мэйфлауэра».

— Даже при всем при этом тебе меня не напугать. Всегда было так, что достойным оказывался

лишь один из десяти.

Отец со мной согласился, сказав, что впервые в истории были приложены некоторые усилия, чтобы отобрать для колонизации лучших, вместо того чтобы использовать колонии в качестве свалки для неудачников и криминальных элементов.

— Но, Билл, с чего ты решил, что мы с тобой обязательно подойдем? — добавил он. — Ни ты, ни я не супермены.

Слова его потрясли меня до глубины души. Мысль, что мы можем оказаться не вполне достойными, даже не приходила мне в голову.

— Джордж, они просто не могут нам отказать!

— Вполне могут.

— Но как? Там нужны инженеры, а ты крутой спец. Я, конечно, не гений, но делаю успехи в школе. Мы оба здоровы, у нас нет никаких вредных мутаций — мы не дальтоники, не больны гемофилией и все такое прочее.

— Никаких вредных мутаций, о которых мы знаем, — поправил отец. — Однако соглашусь с тем, что мы, похоже, удачно выбрали себе прародителей. Собственно, ни о чем столь очевидном я даже не думал.

— Тогда что? Что может нам помешать?

Отец повозился с трубкой, как всегда бывало, когда ему не хотелось отвечать сразу.

— Билл, когда я выбираю для работы стальной сплав, мало сказать: «Что ж, неплохой блестящий кусок металла — вот его и возьмем». Нет, мне приходится принимать в расчет длинный список испытаний, которые расскажут мне все про этот сплав, на что он годен и чего я могу от него ожидать в конкретных обстоятельствах, в которых собираюсь его использовать. Если бы тебе пришлось отбирать людей для тяжелой работы в колониях, кого бы ты искал?

— Ну… не знаю.

— Вот и я не знаю. Я не социальный психометрист. Но говорить, будто им нужны здоровые люди с приличным образованием, примерно то же самое, что говорить, будто мне нужна для работы сталь, а не древесина. Важен как минимум сорт стали. А может, нужна вообще не сталь, а титановый сплав. Так что не особо надейся.

— Но… слушай, а мы-то что можем сделать?

— Ничего. Если нас не выберут, можешь убеждать себя, что ты чертовски качественный сорт стали и не твоя вина, что им нужен был магний.

Все это, конечно, было очень хорошо, но меня нисколько не радовало. В школе я, однако, не

показывал виду. Я уже рассказал всем, что мы подали заявление на Ганимед, и, если бы нам отказали, я попал бы в довольно дурацкое положение.

Мой лучший друг Дак Миллер не находил себе места от волнения и тоже был полон решимости лететь.

— Но как? — спросил я. — Твои родители собираются туда?

— Я об этом уже подумал, — ответил Дак. — Все, что мне нужно, — кто-то из взрослых в качестве спонсора, опекуна. Если сумеешь уболтать своего старика за меня вписаться — все на мази.

— Но что скажет твой отец?

— Ему все равно. Он постоянно твердит, что, когда ему было столько же, сколько мне сейчас, он уже зарабатывал себе на жизнь. Мол, мальчик не должен ни от кого зависеть. Ну так как? Поговоришь сегодня вечером со своим стариком?

Я заверил его в этом, что и сделал.

Отец немного помолчал, затем спросил:

— Ты в самом деле хочешь, чтобы Дак полетел с тобой?

— Конечно. Он мой лучший друг.

— Что скажет по этому поводу его отец?

— Дак пока не спрашивал, — ответил я, а затем

объяснил, как к подобному отнесся бы мистер Миллер.

— Вот как? — заметил отец. — Тогда давай подождем и посмотрим, что скажет мистер Миллер.

— Ладно… слушай, Джордж, то есть ты имеешь в виду, что впишешься за Дака, если его отец согласится?

— Я имею в виду то, что сказал, Билл. Подождем. Проблема может решиться сама собой.

— Ну, может, мистер и миссис Миллер тоже решат подать заявления, после того как Дак их слегка подстегнет?

Отец слегка изогнул бровь:

— У мистера Миллера, скажем так, здесь множество деловых интересов. Думаю, легче приподнять плотину Гувера, чем убедить его от них отказаться.

— Но ты же отказываешься от своего бизнеса?

— Это не бизнес, а моя профессиональная практика. Но я не отказываюсь от своей профессии — я беру ее с собой.

На следующий день, встретившись в школе с Даком, я спросил, что сказал его отец.

— Забудь, — ответил он. — Вопрос закрыт.

— То есть?

— Мой старик утверждает, что только у послед-

него идиота может возникнуть мысль отправиться на Ганимед. Мол, Земля — единственная планета в системе, пригодная для жизни, и если бы некая компания мечтателей не запудрила мозги правительству, мы давно бы перестали спускать деньги в унитаз, пытаясь превратить в зеленые пастбища несколько голых каменных глыб в небе. Он говорит, будто все это предприятие обречено.

— Вчера ты так не считал.

— Это было до того, как я узнал, что и как. Оказывается, мой старик намерен сделать меня своим партнером. Как только я окончу колледж, он собирается начать вводить меня в курс всех дел. Раньше он об этом не говорил, потому что хотел, чтобы я научился быть самостоятельным и инициативным, но решил, что пора мне об этом узнать. Что скажешь?

— Что ж, пожалуй, не так уж и плохо. Но что там насчет того, что «предприятие обречено»?

— «Не так уж и плохо» — скажешь тоже! В общем, мой старик говорит, что содержать постоянную колонию на Ганимеде нет никакой возможности. Это очень опасное место, и жизнь там приходится поддерживать искусственно — его точные слова. Когда-нибудь техника откажет,

и вся колония погибнет до последнего человека. И тогда мы наконец перестанем поступать вопреки природе.

Больше мы не разговаривали — пора было идти в класс.

Вечером я рассказал обо всем отцу.

— Что думаешь, Джордж?

— Ну… что-то в этом есть…

— Гм?!

— Не спеши. Если бы на Ганимеде все сразу пошло не так и у нас не было бы средств это исправить, он вернулся бы к тому состоянию, в котором мы его обнаружили. Но это не весь ответ. У людей есть странное свойство считать «естественным» все, к чему они привыкли. Но никакой «естественной» природной среды, с тех пор как люди слезли с деревьев, давно не осталось. Билл, каково население Калифорнии?

— Пятьдесят пять — шестьдесят миллионов.

— Известно ли тебе, что первые четыре здешние колонии вымерли от голода? Истинная правда! Каким же образом здесь могут жить пятьдесят с лишним миллионов и не голодать? Не считая, естественно, урезания пайков? — Он сам ответил на собственный вопрос. — У нас четыре атомные станции на побережье только для того,

чтобы превращать морскую воду в пресную. Мы используем каждую каплю из реки Колорадо и каждый фут снежного покрова, выпадающего в горах Сьерра-Невада. И мы применяем миллион других технических устройств. Если эта техника откажет — допустим, по-настоящему крупное землетрясение выведет из строя все четыре атомные станции, — страна вновь превратится в пустыню. Сомневаюсь, что нам удалось бы эвакуировать столько людей до того, как большинство из них умерло бы от жажды. Но вряд ли мистер Миллер не спит ночами, тревожась по этому поводу. Для него Южная Калифорния — вполне «естественная» среда. Все относительно, Билл. Когда у человека есть в распоряжении масса и энергия и хватает сообразительности понять, как с ними обращаться, он может создать любую среду, какая ему нужна.

После этого я почти не видел Дака. Примерно тогда же мы получили предварительные извещения о необходимости пройти тесты на пригодность к жизни в колонии на Ганимеде, и свободного времени у нас оставалось мало. К тому же Дак, похоже, изменился, а может, изменился я сам. Все мои мысли были заняты предстоящим путешествием, а ему не хотелось

говорить на эту тему. Или, может быть, он просто боялся сболтнуть что-нибудь такое, что мне бы не понравилось.

Отец не позволял мне бросать школу, пока оставалось неясным, подходим мы или нет, но из-за тестов мне все равно пришлось немало пропустить. Естественно, сначала была обычная медкомиссия с некоторыми дополнениями. Например, тест на перегрузку — я смог выдержать восьмикратную, прежде чем потерял сознание. Или тест на переносимость низкого давления и кровоточивость — не годились те, у кого шла кровь из носа или были расширены вены. И многое другое.

Но все эти тесты мы прошли. Затем последовали психологические проверки, которые оказались намного хуже, поскольку невозможно было понять, чего от тебя ждут, а зачастую ты вообще даже не знал, что тебя тестируют. Началось с гипноанализа, ставившего испытуемого в неравное положение, — кто знает, какую чушь ты нес, погруженный в сон?

Как-то раз мне пришлось долго дожидаться, когда придет психиатр, чтобы со мной побеседовать. В кабинете сидели двое клерков; когда я вошел, один из них достал из папки мою медико-

психологическую карту и положил на стол.

— Ладно, коротышка, — сказал второй, рыжеволосый парень с приклеенной улыбкой. — Садись на скамейку и жди.

Какое-то время спустя рыжий взял мою папку и начал ее читать. В конце концов он фыркнул и повернулся к первому клерку:

— Эй, Нед, ты только глянь!

Тот прочитал указанное место, и, похоже, ему это тоже показалось забавным. Я заметил, что они наблюдают за мной, и сделал вид, что не обращаю на них никакого внимания.

Первый клерк вернулся за свой стол, но рыжий подошел к нему, держа в руках мою папку, и начал читать вслух столь тихо, что большинства слов я не смог разобрать. Услышанное, однако, заставило меня поежиться.

Закончив, рыжий посмотрел прямо на меня и рассмеялся.

— Что смешного? — встав, спросил я.

— Не твое дело, коротышка, — ответил он. — Сядь.

Я подошел к ним:

— Покажите.

Первый клерк сунул папку в ящик стола.

— Нед, маменькиному сыночку хочется гля-

нуть, — сказал рыжий. — Почему бы ему не дать?

— Вряд ли ему понравится, — заметил первый.

— Да, пожалуй, — снова рассмеялся рыжий. — Кто бы мог подумать, что ему захочется стать отважным колонистом!

Первый взглянул на меня, покусывая ноготь на большом пальце:

— Вряд ли это так уж смешно. Может, сгодится на кухне.

Рыжий, похоже, зашелся в конвульсиях.

— Спорю, он будет симпатично смотреться в фартуке.

Год назад я бы его стукнул, хотя он превосходил меня весом и ростом. При словах про «маменькиного сыночка» я позабыл обо всем своем желании отправиться на Ганимед. Мне хотелось только одного: стереть дурацкую ухмылку с его физиономии.

Но я сдержался. Не знаю почему — может, оттого, что сам командовал толпой непослушных сорванцов, патрулем Юкки. Как говорит мистер Кински, тот, кто не в состоянии навести порядок, не прибегая к помощи кулаков, никогда не станет командиром патруля под его началом.

Так или иначе, я просто обошел вокруг стола

и попытался открыть ящик. Он оказался заперт. Я посмотрел на клерков; оба улыбались, но я — нет.

— Мне был назначен прием на тринадцать часов, — сказал я. — Поскольку доктор не явился, передайте ему, что я договорюсь с ним по телефону о другом времени.

Повернувшись, я вышел.

Придя домой, рассказал обо всем Джорджу. Он лишь выразил надежду, что я не ухудшил своих шансов.

С врачом я так и не встретился. Оказалось, что это были вовсе не клерки, а психометристы и на меня постоянно были направлены камера и микрофон.

Наконец мы с Джорджем получили извещения, где говорилось, что нас признали годными и включили в список пассажиров «Мэйфлауэра» — «при условии выполнения всех требований».

В тот вечер продовольственные баллы нисколько меня не волновали. Я устроил для нас обоих настоящий пир.

Упомянутые требования перечислялись в присланной брошюре. «Рассчитаться со всеми долгами» — это меня не волновало, поскольку никаких долгов, кроме половины кредита, ко-

торые я был должен Слэтсу Кейферу, у меня не имелось. «Прислать письменное обязательство явиться» — об этом должен был позаботиться Джордж. «Завершить любые действия перед судами высшей инстанции» — я никогда не бывал в суде, не считая скаутского Суда чести. Там упоминалось еще несколько пунктов, но с ними все мог решить Джордж.

Однако мне попался текст мелким шрифтом, который меня встревожил.

— Джордж, — сказал я, — тут говорится, что эмиграция ограничивается семьями с детьми.

Отец поднял взгляд:

— Разве мы не такая семья? Если ты, конечно, не против считаться ребенком.

— Ну… да, пожалуй. Я думал, имеются в виду супружеские пары с детьми.

— Не забивай голову.

Я промолчал, хотя и не был уверен, что отец точно знает, что говорит.

Немало времени ушло на прививки, анализы на группу крови и вакцинацию, так что в школу я почти не ходил. Когда меня не кололи или не брали у меня кровь, меня тошнило от последних проделанных надо мной процедур. Наконец нам пришлось вытатуировать на себе все наши ме-

дицинские данные: идентификационный номер, резус-фактор, группу крови, время сворачиваемости, перенесенные болезни, естественный иммунитет и прививки. Девочки и женщины обычно делали татуировки прозрачными чернилами, видимыми только в инфракрасном свете, или наносили их на подошвы стоп.

Меня спросили, где я желаю татуировку — на подошвах? Я ответил, что не хочу стать хромым калекой, — у меня еще было немало дел. В конце концов мы пришли к компромиссу, сделав татуировку на седалище, и мне несколько дней пришлось есть стоя. Место выглядело вполне подходящим, — по крайней мере, мало кто мог его обнаружить. Но чтобы увидеть его самому, приходилось пользоваться зеркалом.

Время поджимало — мы должны были прибыть в космопорт Мохаве двадцать шестого июня, всего через две недели. Пора было выбрать, что взять с собой. Каждому позволялось пятьдесят семь и шесть десятых фунта, о чем объявили лишь после того, как взвесили каждого из нас.

В брошюре говорилось: «Завершите все свои земные дела, словно собираетесь умереть». Легко сказать. Но когда умираешь, с собой ничего не возьмешь, а тут такая возможность — пятьдесят

семь с небольшим фунтов.

Вот только вопрос: пятьдесят семь фунтов чего?

Своих шелковичных червей я отдал в школьный кабинет биологии, как и змей. Дак хотел забрать мой аквариум, но я ему не позволил — он дважды заводил рыбок, и оба раза они умирали. Я поделил их между двумя товарищами по отряду, у которых уже были рыбки. Птиц я отдал миссис Фишбайн с нашего этажа. Кота или собаки у меня не было; как говорит Джордж, девяностый этаж не слишком подходящее место для младших сограждан — так он их называет.

Я занимался уборкой, когда вошел Джордж.

— Что ж, — заметил он, — впервые могу зайти в твою комнату без противогаза.

Я пропустил его слова мимо ушей — Джордж всегда так говорит.

— Все еще не знаю, как поступить. — Я показал на груду на моей кровати.

— Сделал со всего микрофильмы?

— Да, со всего, кроме этой фотографии.

Это было кабинетное стереофото Энн, весившее около фунта и девяти унций.

— Возьми ее, конечно. Такова жизнь, Билл, — придется путешествовать налегке. Мы перво-

проходцы.

— Не знаю, что выбросить.

Похоже, вид у меня был мрачный, поскольку отец сказал:

— Хватит себя жалеть. Мне, к примеру, пришлось отказаться от нее — и, поверь, это весьма тяжко. — Он показал свою трубку.

— Почему? — спросил я. — Трубка не так уж много весит.

— Потому что на Ганимеде не выращивают табак и не импортируют его.

— Ох… Слушай, Джордж, все бы ничего, если бы не мой аккордеон. Не знаю, что и делать.

— Гм… Тебе не приходило в голову включить его в список предметов культурного назначения?

— То есть?

— Прочитай мелкий шрифт. Одобренные предметы культурного назначения не включаются в персональный лимит багажа. За их доставку платит колония.

У меня никогда не возникало мысли, что я могу оказаться владельцем чего-то подобного.

— Никто мне не разрешит, Джордж!

— Попытка не пытка. Зачем сразу сдаваться?

Два дня спустя я предстал перед комиссией по

науке и культуре, пытаясь доказать свою ценность. Я сыграл «Индейку в соломе», «Опус 81» Неру и вступление к «Заре XXII века» Моргенштерна в аранжировке для гармоники, а затем выдал на бис «Зеленые холмы Земли».

Меня спросили, люблю ли я играть для других, после чего вежливо проинформировали, что о решении комиссии сообщат позже. Примерно через неделю я получил письмо, в котором мне велели передать аккордеон в службу доставки аэродрома Хэйворд. Меня признали «культурной ценностью»!

За четыре дня до старта отец вернулся домой рано — он закрывал свою контору — и спросил меня, не найдется ли у нас чего-нибудь особенного на обед, поскольку мы ждем гостей. Я ответил, что, скорее всего, да — судя по моим записям, у нас еще оставались пайки, которые нам все равно пришлось бы вернуть.

— Сынок… — Он в замешательстве посмотрел на меня.

— Да, Джордж?

— Помнишь тот пункт в правилах насчет семей?

— Ну… да.

— Так вот, ты был прав, но я кое-что от тебя

скрывал и теперь должен признаться. Завтра я женюсь.

В ушах у меня зашумело. Слова отца застигли меня врасплох — даже если бы он дал мне пощечину, я и то удивился бы меньше.

Я стоял, уставившись на него и лишившись дара речи.

— Но, Джордж… как ты можешь? — наконец сумел выговорить я.

— Почему бы и нет, сынок?

— Но как же Энн?

— Энн умерла.

— Но… но…

Не в силах больше произнести ни слова, я нырнул в свою комнату, заперся на замок и лег на кровать, пытаясь привести мысли в порядок.

Какое-то время спустя я услышал, как отец дергает за ручку.

— Билл?

Он постучал в дверь. Я не ответил, и вскоре он ушел. Я продолжал лежать. Кажется, я даже плакал, но вовсе не из-за проблем с отцом. Я плакал, как в тот день, когда умерла Энн и у меня никак не укладывалось в голове, что я никогда ее больше не увижу. Никогда не увижу ее улыбку, не услышу ее слов: «Выше голову, Билли».

И я высоко поднимал голову, а она с гордостью смотрела на меня, поглаживая по руке. Как мог Джордж так поступить? Как он мог привести в дом Энн другую женщину?

Встав, я оглядел себя в зеркале, а потом настроил в ванной контрастный душ и жесткий массаж, после чего почувствовал себя лучше, хотя меня до сих пор слегка тошнило. Сушилка обдула меня горячим воздухом и со вздохом отключилась. Мне показалось, словно сквозь ее шум я слышу голос Энн, но это наверняка было лишь наваждение.

«Выше голову, сынок», — говорила она.

Я оделся и вышел.

Отец мучился с ужином — в буквальном смысле этого слова. Он даже каким-то образом умудрился обжечь в микроволновке большой палец. Мне пришлось выбросить всю его стряпню за исключением салата. Набрав новых продуктов, я занялся готовкой. Мы оба молчали.

Я накрыл стол на троих, и отец наконец подал голос:

— Лучше на четверых, Билл. Сам знаешь — у Молли есть дочь.

Я выронил вилку:

— Молли? В смысле — миссис Кеньон?

— Да. Разве я не говорил? Хотя нет — ты так и

не дал мне сказать.

Естественно, я знал секретаршу отца. Знал и ее дочь — двенадцатилетнюю избалованную малявку. Отчего-то при упоминании миссис Кеньон поступок отца показался мне еще более неприличным. Она даже присутствовала на похоронах Энн, и ей хватило наглости расплакаться.

Теперь я понял, почему она была столь общительна со мной, когда я появлялся в конторе отца. Она уже тогда положила глаз на Джорджа.

Я молчал. Что тут скажешь?

Когда прибыли гости, я вежливо поприветствовал их, после чего скрылся, сделав вид, будто вожусь с готовкой. Ужин прошел в достаточно странной обстановке. В основном беседовали отец и миссис Кеньон, а я отвечал, когда ко мне обращались. Я не слушал их, все еще пытаясь понять, как он мог так поступить. Малявка пару раз заговаривала со мной, но я быстро поставил ее на место.

После ужина отец предложил всем нам сходить в кино. Я отказался под предлогом, что все еще собираю вещи. Они ушли.

Я все думал и думал. И с какой бы стороны ни пытался взглянуть, ничего хорошего не видел.

Сначала я решил, что вообще не полечу на

Ганимед, если полетят они. Отец лишил бы меня содержания, но я бы тяжко трудился и выплатил все долги — я не собирался быть им хоть чем-то обязанным!

Потом я в конце концов понял, почему отец так поступил, и почувствовал себя лучше, хоть и ненамного. Слишком высока была цена.

Отец вернулся поздно, один и постучал в мою дверь. Дверь была не заперта, и он вошел в комнату:

— Ну, сынок?

— Что «ну»?

— Билл, я знаю, что это оказалось сюрпризом, но тебе придется пережить.

Я рассмеялся, хотя мне было вовсе не весело. Пережить! Может, он и мог забыть Энн, но я — никогда.

— А пока, — продолжал отец, — мне хотелось бы, чтобы ты вел себя прилично. Надеюсь, ты понимаешь, насколько ты был с ними груб, — разве что не плюнул им в лицо?

— Я? Груб? — возразил я. — Разве я не приготовил для них ужин? И не был вежлив?

— Не более вежлив, чем выносящий приговор судья. И столь же дружелюбен. Стоило бы дать тебе крепкого подзатыльника, чтобы вспомнил о

хороших манерах.

Вероятно, вид у меня был чересчур упрямый, поскольку отец сказал:

— Ладно, забудем. Со временем, Билл, ты сам поймешь, что это была не такая уж плохая мысль. Пока же все, о чем я тебя прошу, — прилично себя вести. Я вовсе не требую бросаться им на шею, но настаиваю, чтобы ты оставался таким же вежливым и дружелюбным, как обычно. Попробуешь?

— Ну… наверное. Слушай, пап, зачем надо было устраивать такой сюрприз?

Отец несколько смутился:

— Моя ошибка. Возможно, я предполагал, что ты затеешь скандал, и оттягивал до последнего.

— Но если бы ты просто сказал, я бы все понял. Я же знаю, почему ты хочешь на ней жениться…

— Да?

— Мне следовало догадаться, когда ты упомянул правила. Чтобы мы могли полететь на Ганимед, ты должен быть женат.

— Что?

— Разве нет? — удивился я. — Ты же сам говорил, что…

— Ничего я такого не говорил!

Отец замолчал, глубоко вздохнул и медленно продолжил:

— Билл, возможно, у тебя и впрямь возникло такое впечатление — хотя меня это вовсе не радует. А теперь объясняю ситуацию, как она есть: мы с Молли женимся вовсе не для того, чтобы эмигрировать. Мы эмигрируем потому, что женимся. Возможно, ты еще слишком юн, чтобы понять, но я люблю Молли, и Молли любит меня. Если бы я захотел остаться, осталась бы и она. Но поскольку я хочу лететь, она тоже хочет. Ей вполне хватает ума сообразить, что мне нужно полностью порвать с прошлым. Понимаешь?

Я ответил, что, пожалуй, да.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — отозвался я.

Отец повернулся, собираясь уйти, но я позвал его:

— Джордж…

Он остановился.

— Значит, Энн ты больше не любишь? — вырвалось у меня.

Отец побелел, сделал шаг и снова остановился.

— Билл, — медленно проговорил он, — я уже несколько лет не поднимал на тебя руку, но сейчас впервые хочется задать тебе хорошую трепку.

Мне показалось, что он так и поступит, и я

решил, что, если он попробует меня тронуть, его ждет сюрприз, какого еще ни разу не бывало в его жизни. Но он даже не подошел ко мне, лишь закрыл за собой дверь.

Я снова принял душ, в чем на самом деле не нуждался, и лег в постель. Вероятно, пролежал целый час, думая о том, что отец хотел меня ударить, и жалея, что рядом нет Энн, которая могла бы подсказать, что делать. Наконец я включил пляшущие огоньки и таращился на них, пока не отрубился.

За завтраком мы оба молчали и почти ничего не ели.

— Билл, — наконец произнес отец, — хочу попросить у тебя прощения за свои слова вчера вечером. Ты не сделал и не сказал ничего такого, за что я мог бы поднять на тебя руку, и я не имел права так говорить или даже думать.

— Ладно, все в порядке, — ответил я и, помолчав, добавил: — Мне тоже не стоило говорить того, что я тогда сказал.

— Ты имел на это полное право. Мне просто грустно оттого, что у тебя возникла подобная мысль. Билл, я никогда не переставал любить Энн и никогда не буду любить ее меньше.

— Но ты же… — Я не договорил. — Не пони-

маю.

— Вряд ли стоило рассчитывать, что поймешь. — Отец встал. — Билл, церемония в пятнадцать часов. Можешь одеться и быть готовым за час до этого времени?

— Я не смогу, Джордж, — поколебавшись, ответил я. — Слишком много дел.

Выражение его лица нисколько не изменилось, как и голос.

— Ясно, — сказал он и вышел.

Вскоре за ним закрылась дверь квартиры. Немного позднее я попытался позвонить ему в контору, но услышал лишь скрежещущий голос автоответчика: «Оставьте, пожалуйста, сообщение», чего я делать не стал. Решив, что Джордж вернется до пятнадцати часов, я оделся как на парад, даже воспользовался отцовским кремом после бритья.

Но он так и не появился. Я попробовал еще раз позвонить в контору, потом еще, но получал в ответ все ту же просьбу оставить сообщение. Собравшись с духом, я нашел номер миссис Кеньон, но отца там не оказалось — там вообще никто не ответил. Где-то в пятнадцать тридцать я вышел на улицу и отправился в кино.

Когда я вернулся, на телефоне мигал красный

огонек. Нажав кнопку воспроизведения, я услышал голос отца: «Билл, я пытался тебе звонить, но тебя не было дома, а ждать я не могу. Мы с Молли отправляемся в небольшое путешествие. Если потребуется со мной связаться, звони в Контактную службу в Чикаго — мы будем где-то в Канаде. Вернемся в четверг вечером. Пока». На этом запись заканчивалась.

В четверг вечером… Старт был назначен на утро пятницы.

3. Космический корабль «Биврёст»[1]

В четверг вечером отец позвонил мне из квартиры миссис Кеньон — то есть Молли. Мы были вежливы друг с другом, но разговор не клеился. Я сказал, что полностью собрался и надеюсь, что они хорошо провели время. Отец ответил утвердительно и спросил, не могу ли я приехать к ним, чтобы всем вместе отправиться оттуда утром.

Я сказал, что не знал их планов и потому купил себе билет до порта Мохаве и забронировал номер в отеле «Ланкастер». И как мне теперь поступать?

---

[1] Примечания: 1

Биврёст — в германо-скандинавской мифологии радужный мост, соединяющий Асгард с другими мирами, аналог Млечного Пути.

— Похоже, Билл, ты вполне можешь позаботиться о себе сам, — немного подумав, ответил отец.

— Конечно могу.

— Ладно. Увидимся в порту. Хочешь поговорить с Молли?

— Ну… нет, просто передай ей от меня привет.

— Спасибо, передам. — Он отключился.

Я пошел к себе в комнату за чемоданом, весившим пятьдесят семь и пятьдесят девять сотых фунта, — к нему и лягушачьей волосинки было не добавить. Комната была пуста, не считая моей скаутской формы.

Взять ее в полет я позволить себе не мог, но пока не выкинул.

Хотел бросить в мусоросжигатель, однако помедлил. На медкомиссии мне записали вес сто тридцать один и две десятых фунта, вместе с одеждой, в которой я должен был лететь.

Но в последние несколько дней я не так уж много ел.

Я шагнул на весы в ванной — сто двадцать девять и восемь десятых. Взяв форму, я снова встал на весы — сто тридцать два и пять десятых.

«Вильям, — сказал я себе, — тебе придется не ужинать, не завтракать и не пить воды завтра

утром».

Свернув форму, я взял ее с собой.

Квартира полностью опустела. В качестве сюрприза для следующих жильцов я оставил в холодильнике мой ужин, затем выключил всю технику, кроме холодильника, и запер за собой дверь. Странное чувство — мы с Энн и Джорджем жили здесь с тех пор, как я себя помнил.

Спустившись в подземку, я сел в шедший в сторону от побережья поезд. Двадцать минут спустя уже был в отеле «Ланкастер» в пустыне Мохаве.

Вскоре выяснилось, что забронированный мной «номер» — на самом деле раскладушка в бильярдной. Я рысью направился вниз, чтобы разобраться, в чем дело.

Когда показал клерку свою бронь, тот лишь взглянул на нее и сказал:

— Молодой человек, вы когда-нибудь пытались разместить на ночлег шесть тысяч человек одновременно?

Я ответил, что нет.

— В таком случае радуйтесь, что у вас есть хотя бы раскладушка. Номер, который вы забронировали, занимает семья с девятью детьми.

Я ушел.

Отель напоминал сумасшедший дом. Я не су-

мел бы ничего поесть, даже если бы не пообещал себе не брать ни крошки в рот, — к обеденному залу было не пробиться за двадцать ярдов. Под ногами повсюду крутились вопящие дети. Часть семей эмигрантов сидела на корточках в танцевальном зале. Я окинул их взглядом, и мне стало интересно, по какому принципу их отбирали — просто вытаскивая наугад из мешка?

Наконец я лег спать. Меня мучил голод, и я уже начал жалеть, что создал себе столько проблем из-за скаутской формы, которая мне явно не пригодится.

Будь у меня продовольственная книжка, я мог бы встать и занять очередь в обеденный зал, но мы с отцом свои сдали. У меня еще оставались деньги, и мне пришла в голову мысль попытаться найти какого-нибудь свободного торговца — вроде бы они бывают в отелях. Но отец говорит, что «свободный торговец» — неправильное слово, на самом деле они торговцы с черного рынка и ни один порядочный джентльмен не станет ничего у них покупать.

К тому же я понятия не имел, где их вообще искать.

Встав, я выпил воды, а потом снова лег и попытался расслабиться. Наконец я заснул, и мне

снилось клубничное печенье с настоящими сливками из-под коровы.

Проснулся я голодным, но внезапно вспомнил, что сегодня мой последний день на Земле, и волнение тут же заглушило голод. Я поднялся и надел скаутскую форму, а поверх нее свой корабельный комбинезон.

Я думал, что мы отправимся прямо на борт, но ошибался.

Нас собрали под навесами, тянувшимися перед отелем возле посадочных туннелей. Кондиционеров на улице, естественно, не было, но ранним утром пустыня еще не успела нагреться. Найдя букву «Л», я сел под ней, устроившись на чемодане. Отец и его новая семья пока не появились, и я уже начал думать, не придется ли мне отправиться на Ганимед одному. Впрочем, мне было все равно.

За воротами примерно в пяти милях от нас виднелись стоящие на летном поле корабли — «Дедал» и «Икар», снятые для этого единственного полета с трассы Земля — Луна, и старый «Биврёст», на моей памяти всегда использовавшийся в качестве челнока до космической станции Супра-Нью-Йорк.

«Дедал» и «Икар» были больше, но я надеялся

попасть на «Биврёст» — первый корабль, старт которого я видел в своей жизни.

Рядом со мной поставила свой багаж какая-то семья. Мать взглянула через поле и спросила:

— Джозеф, который из них «Мэйфлауэр»?

Муж попытался объяснить, но озадаченное выражение ее лица никуда не делось. Я с трудом удерживался от смеха — как можно собираться в путешествие на Ганимед и при этом даже не знать, что корабль, на котором ей предстоит лететь, построен в космосе и не может нигде приземлиться?

Толпа эмигрантов и пришедших их проводить родственников становилась все гуще, но отца я пока не видел. Услышав, как меня позвали по имени, я обернулся и обнаружил перед собой Дака Миллера.

— Здорово, Билл, — сказал он. — Думал, разминемся.

— Привет, Дак. Нет, я пока тут.

— Я пытался тебе звонить вчера вечером, но по телефону ответили, что номер не обслуживается, так что я плюнул на школу и явился сюда.

— Ох… да зачем?

— Хотел принести тебе вот это.

Он протянул мне пакет — целый фунт шоко-

ладных конфет в коробке. Я не знал даже, что сказать.

Поблагодарив его, я добавил:

— Дак, мне в самом деле очень приятно, но придется вернуть их тебе.

— Почему?

— Вес. В смысле, масса. Любая лишняя унция на счету.

— Можешь нести в руках.

— Не поможет. Все равно считается.

— Тогда давай откроем, — немного подумав, сказал Дак.

— Ладно, — кивнул я и, открыв коробку, протянул ему конфету.

Только когда я взглянул на них сам, я понял, насколько проголодался, — мой желудок буквально умолял хотя бы о крошке еды.

Сдавшись, я съел одну конфету, решив, что лишний вес все равно выйдет с по́том, — становилось все жарче, а на мне под комбинезоном была скаутская форма. Не самая лучшая одежда для пустыни Мохаве в июне! А потом, естественно, я почувствовал, что страшно хочу пить, — одно влечет за собой другое.

Подойдя к питьевому фонтанчику, я сделал крошечный глоток. Вернувшись, я закрыл коробку с

конфетами и вернул ее Даку, велев раздать их на следующем скаутском сборе и сказать ребятам, что я был бы рад, если бы они полетели вместе со мной.

Он заверил, что так и поступит, а потом добавил:

— Знаешь, Билл, я тоже с радостью бы полетел. В самом деле.

Я ответил, что сам был бы этому рад, но… когда он успел передумать? Он явно смутился, но тут появился мистер Кински, а за ним отец вместе с Молли, малявкой Пегги и сестрой Молли, миссис ван Метер. Все начали пожимать друг другу руки, миссис ван Метер расплакалась, а малявка тут же поинтересовалась, почему на мне такая толстая одежда и почему я потею.

Джордж не сводил с меня глаз, но тут назвали наши имена, и мы двинулись через ворота.

После того как взвесили Джорджа, Молли и Пегги, подошла моя очередь. Вес моего багажа, естественно, сошелся в точности, а потом на весы встал я сам. Они показали сто тридцать один и одну десятую фунта — я вполне мог съесть еще одну конфету.

— Порядок! — объявил весовщик, а затем, подняв взгляд, добавил: — Что это ты на себя

напялил, сынок?

Из-под короткого рукава комбинезона торчал вылезший левый рукав моей формы. Нашивки на нем сияли, словно сигнальные огни.

Я промолчал. Весовщик начал ощупывать бугры на месте закатанных рукавов формы.

— Парень, — сказал он, — ты оделся словно полярник — не удивительно, что ты весь обливаешься потом. Разве ты не знал, что на тебе не должно быть ничего, кроме предписанной одежды?

Подошел отец и спросил, в чем проблема. Я стоял, чувствуя, как пылают мои уши. Вмешался помощник весовщика, и они начали спорить, что со мной делать.

Весовщик позвонил кому-то и наконец сказал:

— Лимит веса соблюден, так что если ему хочется считать свой маскарадный костюм частью собственной кожи — пусть. Следующий!

Я двинулся дальше, чувствуя себя полным идиотом. Мы вошли внутрь и шагнули на механическую дорожку. К счастью, там было прохладно. Несколько минут спустя мы оказались на погрузочной площадке под ракетным кораблем. Лифт остановился возле пассажирского люка, и я понял, что корабль — действительно «Биврёст».

Внутри все было организовано заранее. Наш багаж забрали еще на погрузочной площадке, и каждому пассажиру было назначено место в соответствии с его весом. В итоге мы снова разделились: я оказался на палубе непосредственно под рубкой управления. Найдя свое место — койку 14-D, — я направился к иллюминатору, откуда были видны «Дедал» и «Икар».

Проворная крошечная стюардесса, ростом по колено кузнечику, сверила мое имя со списком и предложила укол от тошноты. Я отказался — нет, спасибо.

— Бывал раньше в космосе? — спросила она.

Я признался, что нет.

— Тогда лучше будет сделать тебе укол.

Я ответил, что у меня лицензия воздушного пилота и вряд ли меня будет тошнить, но не стал говорить, что моя лицензия позволяет летать только на вертолетах. Она пожала плечами и отошла.

— «Дедал» — старт разрешен, — послышалось в громкоговорителе.

Я подошел ближе, чтобы получше видеть. «Дедал» стоял примерно в четверти мили и был выше нашего корабля. Его изящный силуэт сверкал в лучах утреннего солнца, производя незабывае-

мое впечатление. Позади него и чуть правее, над бункером службы управления движением, горел зеленый свет.

Корабль слегка наклонился к югу, всего на несколько градусов.

Из его основания вырвалось пламя — сперва оранжевое, а затем ослепительно-белое. Огненный столб ударил в землю, и корабль поднялся в воздух.

Несколько мгновений он, казалось, висел неподвижно, и было видно, как сквозь его выхлоп мерцают очертания холмов. А потом он исчез.

Просто — исчез. Корабль взмыл в воздух, словно испуганная птица, превратившись в столбик белого пламени в небе, и пропал из виду, хотя внутри отсека все еще слышался и ощущался грохот его двигателей.

Сквозь звон в ушах я услышал за спиной чей-то голос:

— Но я же еще не завтракала. Неужели капитан не может подождать? Скажи ему, Джозеф.

Это была та самая женщина, которая не знала, что «Мэйфлауэр» построен в космосе. Муж попытался ее утихомирить, но тщетно. Она позвала стюардессу, и я услышал, как та ответила:

— Но, мэм, с капитаном сейчас никак нельзя

поговорить. Он готовится к старту.

Похоже, никакого действия ее слова не возымели. Стюардесса в конце концов сумела успокоить женщину, пообещав, что та сможет позавтракать после старта. Я принял информацию к сведению, решив, что тоже обращусь с просьбой о завтраке.

Через двадцать минут взмыл «Икар», а потом в громкоговорителе раздалось:

— Всему экипажу занять свои места и приготовиться к старту.

Я вернулся на свою койку. Стюардесса убедилась, что все мы пристегнуты, предупредила, чтобы мы не отстегивали ремни, пока она не разрешит, и спустилась на нижнюю палубу.

У меня щелкнуло в ушах, и по всему кораблю пронесся легкий вздох. Я несколько раз сглотнул, зная, что сейчас происходит: обычный воздух сменялся стандартной гелиево-кислородной смесью под давлением вполовину атмосферного на уровне моря. Но той женщине это не понравилось, и она заявила:

— Джозеф, у меня болит голова. Джозеф, я задыхаюсь. Сделай что-нибудь!

Она села, цепляясь за ремни. Ее муж тоже сел и заставил ее снова лечь.

«Биврёст» слегка наклонился, и в громкогово-

рителе послышалось:

— Три минуты до старта!

После долгой паузы раздалось:

— Две минуты!

Затем:

— Одна минута!

И другой голос начал отсчет:

— Пятьдесят девять! Пятьдесят восемь! Пятьдесят семь!

Сердце мое забилось с такой силой, что я почти ничего не слышал. Но голос продолжал:

— Тридцать пять! Тридцать четыре! Тридцать три! Тридцать два! Тридцать один! Полминуты! Двадцать девять! Двадцать восемь!

И в конце концов:

— Десять!

— Девять!

— Восемь!

— Семь!

— Шесть!

— Пять!

— Четыре!

— Три!

— Два…

Я так и не услышал «один», или «пуск», или что-нибудь еще. На меня рухнуло что-то тяжелое,

и я подумал, что мне конец. Однажды, когда мы с ребятами исследовали пещеры, я угодил под обвал, и меня пришлось откапывать. Примерно так же было и сейчас — вот только откапывать меня никто не собирался.

Грудь моя разрывалась от боли. Казалось, будто сейчас треснут ребра. Я не мог пошевелить даже пальцем. Сглотнув, я понял, что не могу вдохнуть.

Я не слишком испугался, поскольку знал, что мы будем стартовать с большим ускорением, но чувствовал себя крайне неуютно. Сумев слегка повернуть голову, я увидел, что небо приобрело пурпурный оттенок. На моих глазах оно почернело — и появились звезды, миллионы звезд. И тем не менее в иллюминатор продолжал литься солнечный свет.

Рев двигателей оглушал, но шум почти сразу начал утихать, и вскоре его стало совсем не слышно. Говорят, будто старые корабли продолжали шуметь даже после преодоления скорости звука, но к «Биврёсту» это не относилось. Внутри него было тихо, словно в набитом пером мешке.

Мне ничего не оставалось, кроме как лежать, глядя в черное небо, пытаясь вдохнуть и стараясь не думать о навалившемся на меня весе.

А потом, столь внезапно, что у меня едва не вывернулся наизнанку желудок, я вообще перестал что-либо весить.

4. Капитан Делонгпре

Должен заметить, что, когда впервые оказываешься в свободном падении, в этом нет ничего забавного. Конечно, потом привыкаешь — иначе умрешь с голоду. Бывалым космопроходцам подобное даже нравится — в смысле, невесомость. По их словам, два часа сна в невесомости равны целой ночи на Земле. В конце концов я привык к отсутствию веса, но полюбить невесомость так и не смог.

«Биврёст» ускорялся меньше трех минут, показавшихся намного дольше из-за высокой перегрузки — почти шесть «же». Потом корабль больше трех часов находился на орбите, и все это время мы падали, пока капитан не начал маневрировать, чтобы выйти на одну орбиту с «Мэйфлауэром».

Иными словами, мы падали прямо вверх на протяжении двадцати с лишним тысяч миль.

Возможно, это звучит глупо — все знают, что предметы не падают вверх. Они падают вниз.

Впрочем, все когда-то знали, что Земля плос-

кая.

Мы падали вверх.

Как и все, я изучал основы космической баллистики в школьном курсе физики и читал множество историй о том, как плаваешь в воздухе внутри космического корабля на орбите. Но можно не сомневаться — в подобное не поверишь, пока не испытаешь сам.

Взять, к примеру, миссис Тарбаттон — ту самую женщину, что хотела позавтракать. Полагаю, она, как и все остальные, училась в школе, но продолжала настаивать, чтобы капитан хоть что-нибудь сделал. Я понятия не имел, что он мог бы сделать, — разве что найти для нее какой-нибудь маленький астероид.

Не то чтобы я не сочувствовал ей — или даже себе самому. Доводилось оказаться в эпицентре землетрясения, когда все, от чего ты когда-либо зависел, внезапно обрушивается на тебя и твердая почва под ногами перестает быть таковой? Вот примерно так же и тут, только намного хуже. Здесь не место повторять школьный курс физики, но, когда космический корабль движется по траектории свободного падения, прямо вверх или в любом ином направлении, все внутри него движется вместе с ним и ты бесконечно падаешь

— что неизбежно отражается на твоем желудке.

Именно это я заметил первым. Пристегнутый к койке, я не мог никуда уплыть, но чувствовал слабость, дрожь и головокружение, словно мне дали хорошего пинка в живот. Потом мой рот наполнился слюной, я сглотнул и тут же очень пожалел, что съел ту конфету.

Но наружу она все-таки не вышла.

Единственное, что меня спасло, — отсутствие завтрака. Некоторым не так повезло, и я старался не смотреть в их сторону. Я намеревался отстегнуться сразу же после выхода на орбиту и взглянуть в иллюминатор на Землю, но полностью утратил к этому интерес. Пристегнутый к койке, я сосредоточился на своем бедственном положении.

Из люка с соседней палубы выплыла стюардесса, оттолкнулась носком ноги, удержалась рукой за центральную опору и повисла в воздухе в позе ласточки, глядя на нас сверху. Смотрелась она весьма симпатично — если бы я был в состоянии это оценить.

— Как самочувствие? — весело спросила она.

Дурацкое замечание, но, полагаю, обычное для медсестер. Кто-то застонал, а в другом конце отсека заплакал младенец.

Стюардесса подплыла к миссис Тарбаттон и спросила:

— Теперь можете позавтракать. Чего бы вы хотели? Яичницу?

Я стиснул зубы и отвернулся, желая ей заткнуться. Снова повернув голову, я увидел, что она поплатилась за свой идиотский вопрос и вынуждена теперь заниматься уборкой.

— Гм… мисс… — сказал я, когда она закончила с миссис Тарбаттон.

— Эндрюс.

— Мисс Эндрюс, кажется, я передумал насчет того укола от тошноты.

— Без проблем, дружок, — улыбнулась она и, достав из маленькой сумки на поясе инъектор, сделала мне укол.

Кожу обожгло, и на мгновение мне показалось, что со съеденной конфетой я все-таки расстанусь. Но потом все улеглось, и я почувствовал себя почти счастливым — насколько это было возможно в данной ситуации.

Покинув меня, стюардесса сделала уколы еще нескольким, которые до этого храбрились так же, как и я. Миссис Тарбаттон получила другой укол, полностью лишивший ее чувств. Один или двое смельчаков отстегнулись и поплыли к иллюми-

наторам. Я решил, что чувствую себя достаточно хорошо, чтобы попробовать тоже.

Плавать в невесомости оказалось не столь легко, как можно было бы подумать. Отстегнув ремни, я сел — больше в мои планы ничего не входило. Внезапно я обнаружил, что неуправляемо барахтаюсь в воздухе, отчаянно пытаясь за что-либо ухватиться.

Перекувырнувшись, я врезался затылком в нижнюю сторону палубы рубки управления и увидел звезды — не те, что в иллюминаторах, а у себя в голове. Затем палуба с койками на ней начала медленно приближаться ко мне.

Я сумел схватиться за какой-то ремень и затормозить. Койку, к которой он относился, занимал некий маленький толстячок.

— Извините, — сказал я.

— Ничего страшного, — ответил он и отвернулся, словно мое присутствие крайне ему не понравилось.

Оставаться там я не мог, но не мог и вернуться к собственной койке, не хватаясь за ремни других занятых. Снова оттолкнувшись, на этот раз очень мягко, я сумел за что-то удержаться, ударившись о противоположную палубу.

Вся она была усеяна скобами и тросами. Не от-

пуская рук, я подтянулся по-обезьяньи к одному из иллюминаторов.

И впервые увидел Землю из космоса.

Не знаю, чего я ожидал, но явно не этого. Земля выглядела в точности так же, как в учебнике географии или, может быть, даже скорее, как в заставках телевизионной станции Супра-Нью-Йорк. И все же она отличалась. Пожалуй, разница была примерно такая, как между описанием хорошего пинка под зад и настоящим пинком.

Не на словах, а вживую.

Прежде всего, она не располагалась в точности по центру, как на телевизионном экране, но касалась края иллюминатора, а корма корабля вырезала из нее большой кусок Тихого океана. И она двигалась, уменьшаясь в размерах. Пока я висел у иллюминатора, она уменьшилась примерно вдвое, становясь все более круглой. Колумб был прав.

Земля медленно поворачивалась — передо мной слева направо проплыла оконечность Сибири, затем Северная Америка и наконец северная половина Южной. Канаду и восточную часть Северной Америки закрывали ослепительно-белые облака — белее даже полярной шапки. Прямо напротив нас в океане отражалось солнце, от

которого болели глаза. Остальная часть океана, не затянутая облаками, имела почти пурпурный цвет.

Зрелище было столь прекрасным, что у меня перехватило дыхание. Мне хотелось протянуть руку и дотронуться до Земли.

А позади нее сияли звезды, более яркие, крупные и многочисленные, чем можно увидеть с антарктической базы Литтл Америка.

Вскоре вокруг столпилось больше народу, желавшего взглянуть на Землю. Матери пытались успокоить отчаянно толкающихся детей и сами делали глупые замечания. В конце концов я вернулся на койку, пристегнулся одним ремнем, чтобы не уплыть, и погрузился в размышления. Стоило гордиться тем, что ты родом со столь большой и прекрасной планеты. Внезапно я сообразил, что так и не видел ее всю вблизи, несмотря на все путешествия, которые мы совершали на уроках географии, поездку на скаутский слет в Швейцарию и отдых в Таиланде вместе с Джорджем и Энн.

И теперь я знал, что никогда больше не увижу Землю, отчего мне стало весьма грустно.

Подняв взгляд, я обнаружил стоящего передо мной парня.

— Что с тобой, дорогой мой Вильям? — спросил он. — Тошнит?

Это оказался тот самый балбес Джонс. Меня словно обухом по голове ударило. Если бы я знал, что он собирается эмигрировать, я бы дважды подумал, прежде чем решаться на такой шаг.

Я спросил его, откуда он взялся.

— Естественно, оттуда же, откуда и ты, — ответил он. — Я задал тебе вопрос.

Я сообщил ему, что меня вовсе не тошнит, и поинтересовался, с чего у него вообще возникла столь дурацкая мысль. Схватив меня за руку, он повернул ее так, что стала видна красная точка от укола, и рассмеялся. Я отдернулся.

Снова рассмеявшись, он показал свою руку, на которой тоже была красная точка.

— С каждым случается, — сказал он. — Не тушуйся.

Помолчав, он добавил:

— Идем поглядим, что тут и как, пока нас снова не заставили пристегнуться.

Я последовал за ним. Он был не из тех, кого я выбрал бы себе в друзья, но, по крайней мере, хоть какое-то знакомое лицо. Мы добрались до люка, ведшего на следующую палубу, и я уже собирался в него вплыть, но Джонс меня остановил.

— Пойдем в рубку управления, — предложил он.

— Что? Да нас же туда не пустят!

— Попытка не пытка. Идем.

Мы вернулись назад и преодолели короткий коридор, заканчивавшийся дверью с надписью: «РУБКА УПРАВЛЕНИЯ — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» Кто-то написал ниже: «Это к тебе относится!!!», а кто-то еще добавил: «К кому? Ко мне?»

Джонс попробовал открыть дверь, но та оказалась заперта. Рядом была кнопка, и он на нее нажал.

Дверь открылась, и мы оказались лицом к лицу с человеком с двумя полосками на воротнике. Позади него сидел мужчина постарше и с четырьмя полосками.

— Кто там, Сэм? — крикнул он. — Скажи им, что мы не на рынке.

— Чего вам надо, ребята? — спросил первый.

— Сэр, — ответил Джонс, — мы интересуемся астронавигацией. Разрешите нам побывать в рубке управления?

Поняв, что он сейчас все испортит, я уже повернулся, собираясь уйти, но пожилой бросил:

— Пустяки, Сэм, пускай заходят!

— Как скажешь, шкипер, — пожал плечами молодой.

Мы вошли, и капитан сказал:

— Держитесь за что-нибудь, чтобы не парить вокруг. И ничего не трогайте, или я вам уши оборву. Так кто вы такие?

Мы ответили.

— Рад познакомиться, Хэнк. И с тобой тоже, Билл. Добро пожаловать на борт, — поприветствовал он нас и дотронулся до вновь вылезшего рукава моей формы. — Сынок, у тебя исподнее наружу торчит.

Покраснев, я объяснил, как на мне оказалась эта форма. Он рассмеялся.

— Так ты смошенничал, чтобы ее протащить? Забавно — да, Сэм? Хотите кофе?

Они ели сэндвичи и пили кофе — естественно, не из чашек, а из маленьких пластиковых мешочков вроде тех, из которых поят младенцев. На мешочках даже имелись соски. Я ответил — нет, спасибо. Хотя после укола мисс Эндрюс я и почувствовал себя лучше, но все же не настолько. Хэнк Джонс тоже отказался.

В рубке управления не было никаких иллюминаторов, только большой телевизионный экран на переборке со стороны носа, но он был

выключен. Интересно, что бы подумала миссис Тарбаттон, если бы знала, что капитан не видит, куда мы летим, и его это, похоже, нисколько не волнует?

Я спросил его про иллюминаторы. Он ответил, что это чисто для туристов.

— Что бы ты стал делать с иллюминатором, даже если бы он у тебя был? — спросил он. — Высунул бы голову в окно и смотрел на дорожные указатели? Мы и так можем видеть все, что требуется. Сэм, включи видео и покажи ребятам.

— Есть, шкипер.

Молодой подплыл к койке и начал щелкать переключателями, оставив свой сэндвич висеть в воздухе.

Я огляделся. Рубка имела круглую форму, и тот ее конец, с которого мы вошли, был больше другого — она находилась практически в носу корабля, и борта сходились вместе. В рубке стояли две койки, одна для пилота, а другая для второго пилота, у самой стены, отделявшей рубку от пассажирских отсеков. Большую часть пространства между койками занимал компьютер.

Койки были куда удобнее, чем пассажирские, — они имели форму тела и позволяли приподнимать колени, голову и спину подобно

больничной кровати, а также были снабжены подлокотниками, поддерживавшими руки над приборами. Посередине над каждой койкой изгибалась дугой приборная панель. Лежащий на койке мог наблюдать за циферблатами и прочим, даже когда перегрузка вдавливала его голову в подушки.

Засветился телевизионный экран, и мы увидели заполнявшую бóльшую его часть Землю.

— Это вид с кормы, — сказал второй пилот, — с телекамеры в хвосте. Мы направляем их во все стороны. Теперь попробуем вид спереди.

Он что-то нажал, но ничего не появилось, кроме нескольких крошечных точек — вероятно, звезд. Хэнк сказал, что в иллюминатор их видно намного больше.

— Никто не смотрит на звезды на экране, — ответил второй пилот. — Когда нужно увидеть звезды, мы используем целостат. Вот так…

Он лег на койку и, протянув руку за голову, придвинул к лицу какое-то устройство с окуляром, резиновый кожух которого полностью закрывал один глаз. «Целостат» — всего лишь научное название телескопа с встроенным в него перископом. Пилот не стал предлагать нам в него посмотреть, и я взглянул на приборную панель.

На ней виднелось несколько радаров, какие можно найти на любом атмосферном летательном аппарате, даже на вертолете, и множество других приборов. О большинстве из них я не имел ни малейшего понятия, хотя некоторые выглядели достаточно очевидно, вроде датчика скорости приближения, температуры сопла, коэффициента массы, скорости истечения и прочего.

— Смотрите, — сказал второй пилот.

Он что-то сделал на своем пульте, и одна из маленьких точек на телеэкране ярко вспыхнула, несколько раз моргнула и погасла.

— Это Супра-Нью-Йорк — я заставил сработать ее радарный маяк. Вы видите его вовсе не по телевидению — это сигнал радара, вызванный на тот же самый экран…

Он снова повозился с кнопками, и мигнул еще один огонек — две продолжительные вспышки и одна короткая.

— …а вон там строят «Звездный скиталец».

— А где «Мэйфлауэр»? — спросил Хэнк.

— Хочешь увидеть, куда летишь?

Пилот снова коснулся кнопок, и в стороне от нас появился еще один огонек, вспыхивавший группами по три.

Я сказал, что не очень похоже, будто мы летим

именно туда. На этот раз ответил капитан:

— Мы летим стороной, мимо всего этого увеселительного парка. Хватит, Сэм. Заблокируй свою панель.

Мы вернулись туда, где капитан продолжал есть свой сэндвич.

— Ты скаут-орел?[2] — спросил он меня.

Я ответил утвердительно, и Хэнк тоже.

— Сколько вам было лет, когда вы получили это звание? — поинтересовался капитан.

Я сказал, что мне было тринадцать, а Хэнк — что двенадцать. Капитан заявил, что сам получил звание скаута-орла в одиннадцать лет. Что касается меня, то я не поверил ни тому ни другому.

Капитан сказал, что завидует нам обоим, поскольку мы летим на Ганимед. Второй пилот поинтересовался, чему тут, собственно, завидовать.

— Сэм, — заметил капитан, — ты не романтик в душе. Ты до самой смерти будешь гонять челнок туда-обратно.

— Может, и так, — возразил второй пилот, — зато у меня есть возможность часто ночевать

---

[2] Примечания: 2

Скаут-орел — высшее скаутское звание, которое имеют лишь четыре процента американских бойскаутов. Для получения требуется сдать порядка двадцати зачетов в разных областях.

дома.

— Пилотам не следует жениться, — сказал капитан. — Взять, к примеру, меня. Мне всегда хотелось стать покорителем глубокого космоса. И я уже был к этому полностью готов, когда меня захватили в плен пираты, и я упустил свой шанс. А к тому времени, когда шанс появился снова, я уже был женат.

— Ты все уши прожужжал своими пиратами, — усмехнулся второй пилот.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Взрослые почему-то считают, будто любой, кто моложе их, проглотит любую чушь, и я стараюсь их не разочаровывать.

— Что ж, все это хорошо, — сказал капитан, — но, пожалуй, на этом мы с вами распрощаемся, юные джентльмены. Нам с мистером Мэйсом нужно проделать кое-какие расчеты — иначе мы можем посадить эту колымагу в Южном Бруклине.

Мы поблагодарили их и ушли.

Я нашел отца, Молли и малявку на палубе дальше к корме.

— Где ты был, Билл? — спросил отец. — Я тебя по всему кораблю ищу.

— В рубке с капитаном, — ответил я.

Отец удивленно взглянул на меня, а малявка скорчила рожу и заявила:

— Тоже мне выдумщик. Туда никого не пускают.

На мой взгляд, девчонок следует растить на дне глубокого темного мешка, пока они не станут старше и не поумнеют. А потом можно либо их выпустить, либо завязать мешок и зашвырнуть подальше — не знаю, что лучше.

— Тихо, Пегги, — сказала Молли.

— Можете спросить Хэнка, — ответил я. — Он был со мной. Мы…

Я огляделся, но Хэнк исчез. Так что я сам рассказал им обо всем, кроме истории с пиратами.

— Я тоже хочу в рубку, — заявила малявка, когда я закончил.

Отец возразил, что вряд ли это удастся устроить.

— Почему? — возмутилась она. — Билл же там был.

Молли вновь велела ей замолчать.

— Билл — мальчик, и он старше тебя.

Малявка ответила, что это нечестно. Возможно, она была и права — но такова жизнь.

— Ты должен быть польщен, Билл, — продолжал отец, — что удостоился встречи со знамени-

тым капитаном Делонгпре.

— Ха!

— Возможно, ты слишком юн, чтобы помнить. Он дал себя запереть в автоматическом грузовике, доставлявшем ториевую руду с лунных рудников, и разоблачил банду похитителей, которую журналисты назвали «Рудными пиратами».

Я промолчал.

Мне хотелось увидеть «Мэйфлауэр» из космоса, но нас заставили пристегнуться еще до того, как я сумел его отыскать. Однако мне удалось как следует разглядеть станцию Супра-Нью-Йорк, а «Мэйфлауэр» находился на той же двадцатичетырехчасовой орбите, что и она. Мы приближались почти прямо к ней, когда поступила команда пристегнуться.

Капитан Делонгпре оказался классным пилотом. Он не стал осторожничать, прокладывая для корабля новую борозду, — лишь один раз включил двигатель, выбросив в нужное время нужное количество реактивной массы в нужном направлении. Как говорится в учебнике физики, «любая проблема корректировки орбиты в одной плоскости, если она вообще имеет решение, может быть решена однократным приложением ускорения» — при условии, что пилот достаточно опытен.

И он оказался достаточно опытен. Когда снова наступила невесомость, я взглянул через плечо в иллюминатор и увидел «Мэйфлауэр», сверкавший в лучах солнца. Он был невероятно огромен, и до него было совсем недалеко. Последовал мягкий толчок, и громкоговоритель пропел:

— Контакт завершен. Можете отстегнуть ремни.

Отстегнувшись, я подплыл к иллюминатору, в котором виднелся «Мэйфлауэр». Легко было понять, почему он никогда не сможет приземлиться. У него отсутствовали крылья и даже стабилизаторы и форма была совершенно неподходящей — почти шарообразная, не считая сходившегося с одной стороны конуса.

Корабль казался чересчур маленьким, пока я не сообразил, что крошечная выпуклость, торчавшая за его краем, — на самом деле нос «Икара», разгружавшегося с дальней стороны. Внезапно корабль обрел гигантские размеры, а маленькие мошки на его поверхности превратились в людей в скафандрах.

Один из них чем-то в нас выстрелил, и к нам, извиваясь, устремился трос. Когда шишка на его конце оказалась рядом с нами, из нее вырвался яркий пурпурный разряд, и волосы у меня встали

дыбом, а по коже побежали мурашки. Несколько женщин в нашем отсеке взвизгнули, и я услышал, как мисс Эндрюс успокаивает их, говоря, что это всего лишь корректировка разницы потенциалов между двумя кораблями. Если бы она сказала, что это была молния, она оказалась бы столь же права, но вряд ли это бы их успокоило.

Я нисколько не испугался — подобного мог ожидать любой мальчишка, когда-либо возившийся с радио или любой другой электроникой.

Шишка на тросе с лязгом ударилась о борт корабля, и вскоре за тонким тросом последовал трос потолще, а затем корабли начали медленно сближаться, пока «Мэйфлауэр» не заполнил целиком иллюминатор.

Вскоре в ушах у меня щелкнуло и громкоговоритель произнес:

— Экипажу приготовиться к высадке.

Мисс Эндрюс велела нам ждать. Наконец подошла наша очередь, и мы двинулись в сторону палубы, через которую до этого сюда вошли. Миссис Тарбаттон задержалась — они с мужем о чем-то спорили с мисс Эндрюс.

Покинув корабль, мы прошли через суставчатый стальной барабан длиной футов в десять и ступили на борт «Мэйфлауэра».

5. Капитан Харкнесс

Знаете, что самое худшее в космических кораблях? От них воняет.

Воняло даже на «Мэйфлауэре», хотя он был новеньким, с иголочки. От него пахло маслом, сваркой, растворителями и пóтом рабочих, которые долго жили внутри него. Потом явились мы с трех кораблей, и от большинства несло той вонью, которая обычно исходит от людей, когда они напуганы или чересчур нервничают. Мой желудок все еще протестовал, и ему почти удалось одержать надо мной победу.

Хуже всего, что на корабле не может быть приличных душевых, так что ванна становится роскошью. После того как всех распределили по своим местам, нам выдали билеты на две помывки в неделю, но много ли это значит, особенно если помывка означает два галлона воды, чтобы обтереться губкой?

Тот, кто испытывал неодолимую потребность помыться, мог поспрашивать других и, возможно, купить билет у кого-нибудь, кто был готов пропустить очередное купание. В моем кубрике был один парень, который продавал все свои билеты в течение четырех недель, пока всех

нас не начало тошнить и мы не устроили ему незапланированную баню, обработав его очень жесткой щеткой. Но я забегаю вперед.

Сжечь грязную одежду тоже было нельзя — ее приходилось стирать.

Когда мы впервые оказались на «Мэйфлауэре», потребовалось около получаса, чтобы рассортировать всех нас по противоперегрузочным койкам. Предполагалось, что людей с «Дедала» и «Икара» разместят раньше, но сделать этого не успели, и в коридорах возникли пробки. А когда все парят в воздухе и ты не знаешь, где какая сторона, пробка становится в восемь раз хуже обычной.

Никаких стюардесс, которые могли бы нас направлять, тоже не было — их роль играли эмигранты со значками с надписью «корабельный помощник» на груди. Многие из них, однако, сами нуждались в помощи, пребывая в не меньшей растерянности, чем остальные. Все это напоминало любительский театр, в котором служители не знают, как найти зарезервированные места.

К тому времени, когда я оказался в назначенном мне кубрике и пристегнулся, по всему кораблю уже звенели звонки и орали громкоговорители:

— Приготовиться к ускорению! Десять минут!

Мы стали ждать.

Казалось, будто прошло больше получаса. Наконец начался обратный отсчет.

«Вильям, — сказал я себе, — если уж старт с Земли столь тяжел, то тут тебе точно все зубы вышибет».

Я знал, что нам предстоит разогнаться до девяноста трех с лишним миль в секунду — трети миллиона миль в час! Если честно, мне было страшновато.

Шли секунды; затем последовал мягкий толчок, вдавивший меня в подушки, — и все. Я просто лежал, глядя в потолок, который опять стал потолком. Пол снова находился подо мной, но никакой чрезмерной тяжести я не ощущал. Я прекрасно себя чувствовал.

Я решил, что это только первый этап, а потом начнется настоящий ужас.

Экран под потолком кубрика засветился, и я увидел лицо мужчины с четырьмя полосками на воротнике; он был моложе капитана Делонгпре.

— Приветствую вас, друзья, — улыбнувшись, сказал он. — Говорит капитан Харкнесс. Корабль продолжит движение с ускорением в один «же» в течение четырех с небольшим часов. Пожалуй, пора подавать обед?

Он снова улыбнулся, и я понял, что желудок нисколько меня не беспокоит, если не считать чувства зверского голода. Видимо, он знал, что все мы, сухопутные крысы, страшно проголодаемся в ту же минуту, как только к нам вернется нормальный вес.

— Постараемся обслужить вас как можно быстрее, — продолжал капитан. — Можете отстегнуть ремни, сесть и расслабиться, но вынужден вас попросить соблюдать осторожность в одном: корабль правильно сбалансирован, так что тяга двигателя проходит в точности через наш центр масс. Иначе мы начали бы вращаться, вместо того чтобы двигаться по прямой, и могли бы закончить свой путь в ядре Солнца, а не на Ганимеде. Вряд ли кому-то хочется превратиться в импровизированное жаркое, так что прошу каждого из вас не покидать без необходимости окрестностей своей койки. Корабль снабжен автоматическим компенсатором импульса, но его не следует перегружать. Прежде чем отдалиться более чем на шесть дюймов от вашего нынешнего местонахождения, получите разрешение у своего корабельного помощника. — Он снова улыбнулся, и улыбка его вдруг стала крайне неприятной. — Любой нарушивший данное

правило будет пристегнут силой, а когда мы перейдем в свободный полет, капитан назначит подобающее его проступку наказание.

В нашем отсеке никаких корабельных помощников не было, и нам ничего не оставалось, как только ждать. Я познакомился с другими мальчишками в кубрике — кто-то был старше меня, кто-то младше. Одному из них, рослому рыжеватому парню лет семнадцати по фамилии Эдвардс, которого тут же прозвали Горлопаном Эдвардсом, ждать быстро надоело.

Вряд ли стоило его винить, — казалось, будто прошли часы, но поесть нам так и не дали. Мне показалось, будто о нас забыли.

Эдвардс маячил возле двери, выглядывая наружу.

— Смешно! — наконец бросил он. — Не можем же мы тут торчать весь день. Я намерен выяснить, в чем дело. Кто со мной?

— Капитан велел сидеть на месте, — возразил кто-то из ребят.

— И что с того? Что он может нам сделать? Мы не члены команды.

Я заметил, что капитан обладает властью на всем корабле, но Эдвардс лишь отмахнулся:

— Ерунда! У нас есть право знать, что происхо-

дит, и право получить еду. Кто пойдет со мной?

— Нарываешься на неприятности, Горлопан, — сказал другой мальчик.

Эдвардс остановился. Думаю, замечание его обеспокоило, но пойти на попятный он уже не мог.

— Слушайте, — наконец заявил он, — нам полагается корабельный помощник, а нам его не выделили. Вы выбираете меня корабельным помощником, парни, и я приношу вам пожрать. Как насчет такого?

Возражать вслух никто не стал.

— Ладно, я погнал, — сказал Горлопан.

Не прошло и нескольких секунд после его ухода, как появился корабельный помощник с большой коробкой упакованных пайков. Он раздал их все, и остался один лишний. Затем он пересчитал койки.

— Разве тут не двадцать мальчиков? — спросил он.

Мы переглянулись, но все промолчали. Достав список, он начал вызывать каждого по имени. Эдвардс, естественно, не ответил, и помощник вышел, забрав с собой его паек.

Потом появился Горлопан и, увидев нас за едой, поинтересовался, где его обед. Мы объяснили, и

он сказал:

— Черт побери, что же вы мне не оставили? Хорошая же вы компания.

Он снова вышел, но вскоре вернулся вне себя от злости. За ним вошел корабельный помощник, который пристегнул его к койке.

Мы как раз доедали свои пайки, когда снова засветился экран на потолке и на нем появилась Луна. Казалось, будто мы летим прямо к ней, причем на большой скорости. У меня начали возникать подозрения, что капитан Харкнесс где-то пропустил десятичную точку.

Лежа на койке, я смотрел, как растет лунный диск. Когда он заполнил собой весь экран и уже казалось, что мы обязательно в него врежемся, я заметил, что лунные горы смещаются по экрану справа налево. Я облегченно вздохнул, — возможно, капитан все-таки знал, что делает.

— В данный момент мы пролетаем мимо Луны и в связи с этим слегка меняем курс, — послышалось в громкоговорителе. — Наша относительная скорость в точке максимального сближения составляет свыше пятидесяти миль в секунду, что приводит к достаточно впечатляющему эффекту.

Впечатляющему — не то слово! Мы пронеслись вдоль лунного диска примерно за полминуты,

после чего он скрылся позади. Вероятно, на него просто была постоянно направлена телекамера, но ощущение возникло такое, будто мы спикировали, резко свернули и помчались прочь. Вот только на таких скоростях круто не свернешь.

Часа через два двигатель отключился. К тому времени я успел заснуть, и мне снилось, будто я прыгаю с парашютом и он не раскрылся. Вскрикнув, я проснулся, ощутив невесомость и подкативший к горлу комок. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы сообразить, где я.

— Разгон завершен, — сообщил громкоговоритель. — Сейчас корабль будет приведен во вращение.

Но это произошло не сразу, а очень медленно. Мы подплыли к одной из переборок и соскользнули вдоль нее к внешней стене корабля. Внешняя стена превратилась в пол, на котором мы стояли; бывший пол с койками на нем стал стеной, а бывший потолок с телеэкраном на нем — другой, противоположной. Мы почувствовали, как постепенно становимся все тяжелее.

Горлопан оставался пристегнутым к койке: корабельный помощник передвинул замки так, чтобы он не мог сам до них добраться, и теперь болтался на ремнях, словно младенец за спиной

индианки. Он начал орать, чтобы мы помогли ему спуститься.

Никакая опасность ему не угрожала, и вряд ли он испытывал особые неудобства — восстановившаяся сила тяжести была намного меньше земной. Позже выяснилось, что капитан раскрутил корабль до одной трети «же» и так и оставил, поскольку именно такова была сила тяжести на Ганимеде. Так что срочная необходимость освобождать Горлопана отсутствовала.

Никто, впрочем, особо с этим не торопился. Мы все еще обсуждали случившееся, а некоторые ребята отпускали шуточки, которые Горлопану явно не нравились, когда вошел все тот же корабельный помощник, отстегнул Горлопана и велел нам всем идти за ним.

Вот так мне довелось присутствовать на капитанской аудиенции.

Чем-то это похоже на древние времена, когда местный повелитель сидел на троне и по справедливости судил своих подданных. Мы направились следом за помощником, которого звали доктор Арчибальд, к каюте капитана Харкнесса. В коридоре возле каюты уже собралось немало народа. Наконец вышел капитан Харкнесс, и дело Горлопана стало первым.

Свидетелями были мы все, но капитан допросил лишь нескольких — я в их число не вошел. Доктор Арчибальд рассказал, что обнаружил Горлопана бродящим по кораблю во время разгона, и капитан спросил Горлопана, слышал ли тот приказ оставаться в своей койке.

Горлопан пытался увиливать и возлагать вину на всех нас, но, когда капитан припер его к стене, он вынужден был признаться, что слышал приказ.

— Сынок, — сказал капитан Харкнесс, — ты недисциплинированный болван. Не знаю, на какие неприятности ты нарвешься, будучи колонистом, но на моем корабле ты уже ими обзавелся.

Немного подумав, он добавил:

— Говоришь, все из-за того, что ты проголодался?

Горлопан ответил, что да, он ничего не ел после завтрака и до сих пор так и не пообедал.

— Десять дней на хлебе и воде, — сказал капитан. — Следующее дело.

Следующее дело касалось такого же проступка, но совершенного женщиной — одной из тех крупных впечатляющих дам, которые считают, будто могут всеми командовать. Она поскандалила со

своим корабельным помощником и отправилась к капитану, чтобы пожаловаться ему лично — во время разгона.

— Мадам, — ледяным тоном проговорил капитан Харкнесс, — из-за вашей непробиваемой глупости подверглись опасности мы все. Есть что сказать в свое оправдание?

Она разразилась тирадой о том, насколько груб был с ней помощник и что ей никогда в жизни не доводилось слышать о столь абсурдных судилищах, и так далее, и тому подобное. Наконец ее прервал капитан.

— Вам когда-нибудь приходилось мыть посуду? — спросил он.

— Нет, конечно!

— Так вот, теперь придется — на протяжении последующих четырехсот миллионов миль.

6. $E = MC^2$

Когда нас отпустили, я отправился на поиски отца. Казалось, будто я ищу иголку в стоге сена, но, расспросив окружающих, я все-таки его нашел. У них с Молли была своя каюта. С ними находилась и Пегги, и я подумал, что она тоже занимает эту каюту, что вызвало у меня легкую досаду. Но потом я увидел, что коек всего две, и

понял, что у Пегги место в общем кубрике. Как оказалось, в кубриках разместили всех детей старше восьми лет.

Отец был занят тем, что снимал койки со стены и перемещал их на нынешний пол. Когда я вошел, он прервал свое занятие, после чего мы сели и поговорили.

Я рассказал ему про капитанскую аудиенцию, и он кивнул:

— Мы видели на экране. Хотя твою сияющую физиономию я не заметил.

— Почему? — тут же поинтересовалась Пегги.

— Откуда я знаю? — Немного подумав, я добавил: — Слушай, Джордж, шкипер на космическом корабле примерно равен абсолютному монарху?

— Гм… — после некоторого размышления ответил отец. — Нет, он скорее конституционный монарх. Но он в самом деле монарх.

— Хочешь сказать, мы должны перед ним кланяться и называть его «ваше величество»? — поинтересовалась Пегги.

— Вряд ли это было бы разумно, Пег, — ответила Молли.

— Почему? Было бы даже весело.

— Что ж, — улыбнулась Молли, — потом расскажешь, как у тебя это получится. Подозреваю,

он просто перекинет тебя через колено и отшлепает.

— Не посмеет! Я кричать буду!

Я вовсе не был в том уверен. Помня про четыреста миллионов миль грязной посуды, я решил, что, если капитан прикажет мне изображать лягушку, я радостно начну перед ним скакать.

Если капитан Харкнесс и был монархом, он не слишком держался за собственную власть. Первым делом он приказал нам провести выборы и организовать совет корабля, после чего мы его почти не видели.

Голосовать могли все старше восемнадцати. Но голосовать пришлось и остальным — нам велели создать младший совет, хотя непонятно, какой с него был толк.

Но кораблем с тех пор правил совет взрослых — настоящий совет. Он даже выступал в роли суда, и капитан больше не выносил наказаний. Отец рассказал, что капитан визирует все решения совета — ему приходилось это делать, чтобы они имели законную силу, — но я ни разу не слышал, чтобы он отклонил хотя бы одно.

И знаете, что первым делом постановил тот совет — после того как расписал часы приема пищи и прочее? Они решили, что мы должны учиться!

Срочно собравшийся младший совет принял резолюцию против подобного решения, но она ничего не значила. Учебы нам было не избежать.

В состав младшего совета входила и Пегги. Я спросил ее, почему она не отказалась, если не собирается ничем заниматься. На самом деле я просто ее поддразнивал, — собственно, она устроила за нас приличную битву.

Впрочем, учеба оказалась не столь уж плоха. В космосе почти нечего делать, и если ты видел одну звезду, можешь считать, что видел их все. А первым, с чего началась наша учеба, стала экскурсия по кораблю, против чего никто не возражал.

Мы разбились на группы по двадцать человек, и экскурсия заняла целый день — в смысле, «день» по времени корабля. «Мэйфлауэр» имел форму шара с конусом сбоку — вроде юлы. В вершине конуса находился выхлоп двигателя — хотя главный инженер Ортега, водивший нас по кораблю, называл его «соплом».

Если считать сопло кормой, то в круглом конце, на носу, находилась рубка управления, а в ее окрестностях — каюты капитана и офицеров. Сопло и все пространство, занимаемое реактором, отделял от остальной части корабля радиацион-

ный щит, проходивший прямо через корабль. От щита до самой рубки управления простирался большой трюм — цилиндр диаметром в сто с лишним футов, разделенный на отсеки. Мы везли с собой в колонию множество груза — землеройную технику, концентрированные удобрения, приборы и не знаю что еще.

Центральный цилиндр окружали жилые палубы — палуба A под самой обшивкой корабля, под ней палуба B, дальше палуба C, а потолок палубы D одновременно являлся внешней стеной трюма. На палубе D располагались столовые, камбуз, комнаты отдыха, изолятор и тому подобное, а три внешние палубы занимали кубрики и каюты. На палубе A через каждые десять или пятнадцать футов шли ступеньки, поскольку она была вписана во внешний контур корабля, и потолки на ней имели разную высоту. В самой дальней к корме части палубы A расстояние от пола до потолка составляло всего около шести футов, и там жили дети помладше, в то время как в самой широкой части корабля потолки на палубе A находились на высоте двенадцати или тринадцати футов.

Изнутри корабля трудно было понять его устройство — он не только был разделен переборками, но и вызванная вращением искусственная

гравитация сбивала с толку. В любом месте палубы, где бы ты ни стоял, она казалась ровной, но резко уходила вверх впереди и позади. Однако до искривленной части дойти было невозможно — если ты продолжал идти вперед, палуба все так же выглядела ровной. Пройдя достаточно далеко, можно было описать круг и вернуться в начальную точку, совершив путешествие по всему кораблю.

Я никогда бы сам этого не сообразил, если бы мистер Ортега не набросал для нас схематический рисунок.

Мистер Ортега рассказал нам, что корабль совершает три и шесть десятых оборота в минуту, или двести шестнадцать полных оборотов в час, чего вполне достаточно, чтобы центробежная сила на палубе B составила одну треть «же». Палуба B находилась в семидесяти пяти футах от оси «Мэйфлауэра»; палуба A, где жил я, располагалась дальше, и сила тяжести там составляла где-то на десятую долю больше, а на палубе C, соответственно, на столько же меньше. На палубе D она была намного ниже, и если внезапно встать из-за стола в столовой, могла закружиться голова.

Рубка управления находилась на самой оси, и там можно было парить в невесомости, даже ко-

гда корабль вращался. По крайней мере, так мне говорили — внутрь меня ни разу не пустили.

Вращение корабля создавало еще один странный эффект: все окружающее располагалось «внизу» в том смысле, что единственным местом, где можно было разместить иллюминаторы, являлся пол палубы А, и именно там они и находились — четыре больших иллюминатора, каждый в своем отдельном отсеке.

Мистер Ортега показал нам одну из этих смотровых галерей. Иллюминатор представлял собой большую круглую кварцевую плиту в полу, с ограждением вокруг.

Первые вошедшие направились прямо к ограждению, но тут же попятились. Две девочки взвизгнули. Протолкавшись вперед, я взглянул вниз… и обнаружил, что смотрю прямо во вселенскую бездну, простиравшуюся на миллионы миль.

Я не попятился, — как говорит Джордж, я скорее акробат, чем акрофоб[3], — но все же вцепился в ограждение. Вряд ли кому-то хотелось бы свалиться с такой высоты. Обработанный кварц не давал отражения, и казалось, будто между тобой и потусторонним миром ничего нет.

---

[3] Примечания: 3
Акрофобия — страх высоты.

Из-за вращения корабля звезды плыли перед иллюминатором, отчего становилось только хуже. Слева вынырнул ковш Большой Медведицы, проследовал почти подо мной и ускользнул вправо, чтобы несколько секунд спустя появиться снова.

— Пожалуй, с меня хватит, — сказал я и уступил место другому желающему, но, похоже, никто особо больше не рвался.

Потом мы прошли через гидропонную ферму, но там не было ничего интересного — просто растения, производившие кислород для нашего дыхания. В основном это были водоросли, но имелись также и грядки с овощами. Я поинтересовался, как существовали растения до того, как на борту появились пассажиры, и мистер Ортега показал на кран для подачи углекислого газа на стене.

— Естественно, приходилось их снабжать.

Мне следовало догадаться и самому — простая арифметика.

Главный инженер повел нас обратно в одну из столовых. Мы сели, и он рассказал о реакторе.

Мистер Ортега поведал нам, что эволюция космических кораблей проходила в три этапа. Первыми стали ракеты на химическом топливе,

не слишком отличавшиеся от больших немецких военных ракет времен Второй мировой войны, только многоступенчатые.

— Вы, ребята, молоды и не видели подобных ракет, — сказал он, — но они были самыми большими из когда-либо построенных космических кораблей — из-за своей крайней неэффективности. Как вам всем известно, первая ракета, достигшая Луны, была четырехступенчатой. Длина ее последней ступени почти равнялась длине «Мэйфлауэра», но ее полезная нагрузка составляла меньше тонны.

Эволюция космических кораблей характеризуется тем, что корабли уменьшались в размерах, вместо того чтобы увеличиваться. Следующей стадией развития стала ракета на атомной энергии. Это был немалый шаг вперед — отпала нужда в ступенях, и корабль типа «Дедала» мог стартовать с Земли даже без катапульты, а тем более дополнительных ступеней и долететь до Луны или даже до Марса. Но подобные корабли по-прежнему обладали недостатками ракет — они зависели от атомного реактора, который разогревал реактивную массу и выбрасывал ее через сопло, так же как их предшественники зависели от химического топлива, использовав-

шегося для той же цели.

Последним этапом эволюции стали корабли на преобразователях массы, такие как «Мэйфлауэр», и, вероятно, на этом она заканчивается — корабль на преобразователях массы теоретически способен достичь скорости света. Взять, к примеру, наш полет — мы разгонялись с ускорением в один «же» примерно четыре часа двадцать минут, набрав скорость свыше девяноста миль в секунду. Если бы мы двигались с таким же ускорением чуть меньше года, то приблизились бы к скорости света.

Кораблю на преобразователях массы вполне хватит для этого энергии. При стопроцентной эффективности потребуется около одного процента его массы в качестве энергии и еще один процент в качестве реактивной массы. Именно так станет летать «Звездный скиталец», когда он будет достроен.

Кто-то из детей помладше поднял руку:

— Мистер главный инженер?

— Да, сынок?

— А что, если он пролетит так еще несколько недель и преодолеет скорость света?

— Не получится, — покачал головой мистер Ортега.

— Почему, сэр?

— Насколько ты силен в математике, сынок?

— Не больше, чем учат в школе, — ответил мальчик.

— Боюсь, в таком случае что-либо объяснять не имеет смысла. Просто поверь мне на слово: ученые уверены, что это невозможно.

Меня не раз беспокоил именно этот вопрос. Почему нельзя лететь быстрее света? Конечно, я знал про все те научные разговоры, будто уравнения Эйнштейна доказывают, что скорость быстрее света — бессмысленная величина вроде веса песни или цвета звука, поскольку она включает в себя квадратный корень из минус единицы. Но все это лишь теория, а если то, что мы изучали по истории науки, хоть что-то значит, ученые меняют свои теории столь же часто, как змея кожу. Я поднял руку.

— Ладно, — сказал главный инженер. — Говори, вихрастый.

— Мистер Ортега, если невозможно преодолеть скорость света, то что случилось бы, если «Звездный скиталец» приблизился бы к ней, а потом капитан вдруг разогнал бы двигатель до шести «же» и так бы и оставил?

— Ну, тогда… нет, скажем так… — Он замолчал

и по-мальчишески улыбнулся. — Лучше не задавай мне таких вопросов, парень. Я инженер с волосатыми ушами, а не спец по математической физике.

Он задумчиво посмотрел на меня и добавил:

— Если честно — не знаю, что случилось бы, но многое бы отдал за то, чтобы это выяснить. Возможно, мы узнали бы, как выглядит корень квадратный из минус единицы изнутри. Но вернемся к «Мэйфлауэру», — поспешно продолжил он. — Вероятно, вам известно, что, когда первый «Звездный скиталец» не вернулся назад, «Мэйфлауэр» предназначался на роль «Звездного скитальца-2», но конструкция его успела устареть еще до начала строительства, так что имя отдали новому межзвездному кораблю, «Звездному скитальцу-3», переименовали этот в «Мэйфлауэр» и стали использовать его для обслуживания колоний. Вы, ребята, даже не знаете, как вам повезло. До сегодняшнего дня эмигрантам на Ганимед приходилось проводить в космосе два года и девять месяцев, просто чтобы туда добраться. А вы проделаете тот же путь за два месяца.

— А быстрее лететь мы не можем? — поинтересовался кто-то.

— Можем, — кивнул он. — Но нам это ни к

чему, к тому же возникнут сложности с астронавигацией и управлением. В этих новых кораблях реактор намного опережает возможности приборов. Ничего, потерпите — ваши внуки будут преодолевать тот же путь за неделю с постоянным ускорением в один «же». Кораблей будет столько, что придется заводить космических регулировщиков и, возможно, мы сумеем отправлять за пределы планеты столько же людей, сколько ежегодно рождается лишних ртов. Но хватит об этом. Кто может сказать, что означает «Е равно Эм-Це в квадрате»?

Я мог бы ответить, но уже однажды выступил, а заслужить репутацию подлизы мне вовсе не хотелось.

— Это означает, что массу можно преобразовать в энергию, — наконец сказал кто-то из ребят постарше.

— Верно, — согласился мистер Ортега. — И впервые это было продемонстрировано при испытаниях атомной бомбы в тысяча девятьсот сорок пятом году в Аламогордо, штат Нью-Мексико. То был особый случай — тогда еще не знали, как управлять процессом, и сумели лишь устроить гигантский взрыв. Потом появились урановые реакторы, но они все равно мало на

что годились, поскольку в энергию превращался только микроскопический процент массы. Лишь с открытием уравнений преобразования энергии Килгора — не беспокойтесь, вы будете изучать их, когда станете постарше, если вам будет интересно, — лишь когда Килгор показал, каким образом можно это сделать, стало ясно, как реализовать на практике уравнение массы-энергии доктора Эйнштейна родом из тысяча девятьсот пятого года. И мы все еще не знали, как управлять процессом. Чтобы превратить массу в энергию, требовалась дополнительная масса для оболочки реактора — причем масса весьма особого рода, которая не превращалась бы в энергию, когда не нужно, и могла бы затормозить реакцию, когда нужно. Обычный металл для этого не годился — с тем же успехом можно было бы использовать мягкое масло. Но уравнения Килгора показали, как сделать в том числе и это, — если правильно их прочитать. Кто-нибудь представляет, сколько энергии получится при преобразовании в нее определенной массы?

Никто этого не знал.

— Все содержится в единственном уравнении, — сказал мистер Ортега. — В старом добром эйнштейновском «Е равно Эм-Це в квадрате».

Получается, что один грамм массы дает девять на десять в двадцатой эргов энергии.

Он написал: 1 г = 9 × 1020 эрг.

— Не так уж много на первый взгляд, — продолжал он. — А теперь попробуем так.

На это раз он написал иначе: 900 000 000 000 000 000 000 эргов.

— Прочитайте. Девятьсот тысяч миллионов миллиардов эргов. Все равно мало что значит, да? Подобные цифры недоступны пониманию. Физики-ядерщики постоянно держат под рукой гору нулей, словно плотник — бочонок с гвоздями. Попробую объяснить еще раз. Фунт массы — любой старой доброй массы, скажем фунт перьев, — преобразуется в энергию, равную пятнадцати миллиардам лошадиных сил-часов. Понятно теперь, почему «Мэйфлауэр» был собран на орбите и никогда не сможет где-либо приземлиться?

— Слишком горячо, — сказал кто-то.

— Слишком горячо — это еще мягко сказано. Если бы «Мэйфлауэр» стартовал из космопорта Мохаве, весь Лос-Анджелесский район города Южная Калифорния превратился бы в лужу лавы, а люди от Сан-Франциско до Нижней Калифорнии погибли бы от радиации и жара. Теперь вам должно быть понятно, почему между нами и ре-

актором через весь корабль проходит защитный экран, а до сопла вообще никак не добраться.

К несчастью, среди нас оказался Горлопан Эдвардс — просто потому, что он был из того же кубрика.

— А если понадобится ремонт? — спросил он.

— Отказать ничто не может, — объяснил мистер Ортега. — В реакторе нет никаких движущихся частей.

Горлопана его ответ нисколько не удовлетворил.

— Но если что-то все-таки сломается, как вы станете его чинить, если туда никак не добраться?

Горлопан и впрямь мог вывести из себя кого угодно.

— Поверь мне, сынок, — слегка раздраженно ответил мистер Ортега, — даже если туда можно было бы добраться, вряд ли кому-либо этого захотелось бы. Ни в коем разе!

— Ха! — бросил Горлопан. — Я просто имел в виду: если починить все равно ничего нельзя, даже если понадобится, то какой смысл посылать на корабле инженеров?

Наступила такая тишина, что можно было услышать, как пролетит муха, — если бы таковые здесь имелись.

Мистер Ортега побагровел, но лишь сказал:

— Наверное, чтобы отвечать на дурацкие вопросы молокососов вроде тебя.

Он повернулся к остальным:

— Еще вопросы есть?

Вопросов, естественно, никому больше задавать не хотелось.

— Пожалуй, на сегодня достаточно, — сказал он. — Занятия окончены.

Позже я рассказал обо всем отцу. Он помрачнел.

— Боюсь, главный инженер Ортега не сказал вам всей правды.

— То есть?

— Прежде всего — у него хватает работы по обслуживанию вспомогательной аппаратуры по эту сторону защитного экрана. Но при необходимости можно добраться и до сопла.

— Каким образом?

— В экстренной ситуации, возможно, могут потребоваться некоторые корректировки. И тогда на мистера Ортегу будет возложена почетная обязанность забраться в скафандр, вылезти наружу на корму и сделать все необходимое.

— Хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что несколько минут спустя

должность главного инженера займет его помощник. Главных инженеров весьма тщательно отбирают, Билл, и не только на основе их технических познаний.

У меня по спине пробежал неприятный холодок. Мне не хотелось об этом думать.

7. Скауты в космосе

После того как проходит первое волнение, путешествие на космическом корабле становится самым скучным времяпровождением в мире. Обстановка не меняется, делать особо нечего, да и места для этого нет. Внутри «Мэйфлауэра» теснилось почти шесть тысяч человек, и там в буквальном смысле негде было повернуться.

Взять, к примеру, палубу В — там спали две тысячи пассажиров. Ширина ее от носа до кормы составляла сто пятьдесят футов, а окружность вдоль цилиндра — около пятисот. Получается в среднем около сорока квадратных футов на пассажира, но немало места занимают лестницы, коридоры, стены и прочее. В итоге каждому оставалось место для койки и еще примерно столько же свободного пола.

В подобном пространстве родео не устроишь — даже хоровод водить не получится.

Палуба А была больше, а палуба С меньше, поскольку находилась ближе к оси, но в среднем выходило то же самое. Совет организовал систему временных зон, чтобы оптимально использовать камбуз и столовые и чтобы мы не наступали друг другу на пятки в душевых. Палуба А жила по гринвичскому времени, палубу В оставили в зоне плюс восемь, то есть по времени Западного побережья, а палубу С перевели в зону минус восемь, по филиппинскому времени. Естественно, мы оказались бы при этом в разных днях, но сутки всегда официально отсчитывались по Гринвичу, а вся эта уловка предназначалась лишь для того, чтобы равномерно распределить использование столовых.

Собственно, больше беспокоиться было не о чем. Мы рано вставали, страдая не от усталости, но от скуки, и ждали завтрака. После завтрака главной мыслью становилось, как убить время до обеда. Вся вторая половина дня проходила в ожидании волнующего события, каковым являлся ужин.

Должен признать, что идея заставить нас учиться оказалась не столь уж плохой, поскольку позволяла с пользой потратить по два с половиной часа утром и после обеда. Некоторые

взрослые жаловались, что столовые и все свободное пространство постоянно забиты учениками, но чего они еще могли от нас ожидать? Что мы станем висеть на антеннах? В любом случае в классе мы занимали меньше места, чем если бы болтались под ногами.

И все же школой это можно было назвать с большой натяжкой. В трюме имелось несколько учебных автоматов, но добраться до них мы не могли, и их все равно бы не хватило на всех. Каждый класс состоял примерно из двух десятков ребят и одного из взрослых, обладавших теми или иными знаниями, — просто удивительно, сколь многие взрослые не знают вообще ничего! Взрослый рассказывал о том, что знал лучше всего, а ребята его слушали. Потом мы задавали вопросы, а он задавал вопросы нам. Никаких настоящих экзаменов, никаких экспериментов, никаких демонстраций, никаких стереофильмов.

Отец говорит, что это лучшая школа в мире — мол, университет, по сути, всего лишь бревно, на одном конце которого сидит преподаватель, а на другом студент. Но отец — своего рода романтик.

Скука настала такая, что не было смысла даже вести дневник — даже если бы я сумел раздобыть где-то микропленку.

Мы с отцом иногда играли по вечерам в криббедж — ему каким-то образом удалось втиснуть доску и колоду карт в лимит багажа. Потом он с головой ушел в техническое планирование, которым занимался для совета, и у него не стало времени. Молли предложила мне научить ее играть, и я согласился.

Потом я научил и Пегги, она оказалась довольно-таки способным игроком для девчонки. Меня слегка тревожило, что я предаю Энн, заведя дружбу с Пег и ее матерью, но все же решил, что Энн сама бы хотела, чтобы я так поступил. Энн всегда со всеми дружила.

Однако у меня все равно оставалось время. При силе тяжести в одну треть от земной и без физических упражнений я не мог спать больше шести часов за ночь. Свет выключался на восемь часов, но после возникших в первую же неделю проблем в постель нас больше не гнали. После отключения света я обычно болтался по коридорам вместе с Хэнком Джонсом, пока у нас обоих не начинали слипаться глаза. Мы о многом с ним говорили, и оказалось, что Хэнк не такой уж плохой парень, если держать его в рамках.

Моя скаутская форма все так же лежала свернутая под матрасом. Как-то утром, когда я застилал

койку, Хэнк заметил ее и спросил:

— Слушай, Вильям, чего ты так за нее держишься? Не пора ли распрощаться с прошлым?

— Не знаю, — признался я. — Может, на Ганимеде будут скауты?

— Никогда об этом не слышал.

— Почему бы и нет? На Луне же есть.

— Это ничего не доказывает, — ответил он.

Но разговор все же завязался, и у Хэнка возникла гениальная идея — почему бы не организовать скаутское движение прямо здесь, на «Мэйфлауэре»?

Мы созвали сбор. Пегги распространила информацию через младший совет, и мы назначили время на пятнадцать тридцать того же дня, сразу после учебы, то есть пятнадцать тридцать по Гринвичу, или времени палубы А. Соответственно, для ребят с палубы В это было семь тридцать утра, а для палубы С — полчаса до полуночи. Лучше мы придумать не могли. Палуба В могла поспешить с завтраком и успеть при желании на сбор, и мы решили, что те с палубы С, кому действительно интересно, могут лечь спать позже.

Пока все подтягивались, я играл на аккордеоне, поскольку, как сказал отец Хэнка, для разогрева собрания, прежде чем оно приступит к работе,

требуется музыка. В объявлении говорилось «все скауты и бывшие скауты», и к пятнадцати тридцати народ уже толпился в коридорах, хотя мы воспользовались самой большой столовой. Хэнк призвал всех к порядку, а я отложил аккордеон и приступил к исполнению обязанностей временного секретаря, одолжив для этой цели диктофон у связиста.

Хэнк выступил с небольшой речью. Пожалуй, в будущем ему светила прямая дорога в политику. Он сказал, что все мы помним настоящую дружбу и благородные традиции скаутов Земли и нам крайне жаль их терять. Еще он добавил, что в основе скаутских традиций лежат традиции исследователей и первопроходцев и сейчас, при освоении новой планеты, самое подходящее время и место для того, чтобы воплотить их в жизнь. Собственно, продолжать дело скаутов от нас требовал дух Даниэля Буна[4].

Я даже не знал, что Хэнк столь хорошо умеет говорить. Получилось и впрямь неплохо.

Закончив, он подмигнул мне. Я встал и сказал, что хотел бы предложить проект резолюции, а

---

[4] Примечания: 4

Даниэль Бун (1734–1820) — американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев США.

потом зачитал его — изначально он был намного длиннее, но мы его сократили. Там говорилось: «Постановляем! Мы, нижеподписавшиеся, скауты и бывшие скауты из многих организаций, а теперь пассажиры корабля „Мэйфлауэр“, ставим своей целью сохранить скаутские традиции и проложить скаутскую тропу к звездам, создав организацию бойскаутов Ганимеда в соответствии с принципами и целями скаутского движения и вновь подтвердив тем самым Закон Скаутов».

Возможно, это выглядело довольно цветисто, но звучало впечатляюще, — по крайней мере, никто не засмеялся.

— Вы слышали резолюцию, — сказал Хэнк. — Каково ваше мнение? Все поддерживают?

Услышав со всех сторон голоса в поддержку, он предложил перейти к обсуждению.

Кто-то возразил, что мы не можем называться бойскаутами Ганимеда, поскольку мы пока не на Ганимеде, но встретил холодный прием и смолк. Потом кто-то еще заметил, что Ганимед не звезда, так что фраза насчет «скаутской тропы к звездам» звучит глупо.

Хэнк ответил, что это поэтическая вольность и в любом случае освоение Ганимеда — шаг в правильном направлении, за которым должны

последовать новые шаги; что насчет «Звездного скитальца-3»? Второй возражавший тоже замолчал.

Самое худшее возражение последовало от Мюнца по прозвищу Миллиметр, занудного мелкого выскочки, не влезавшего в собственные штаны.

— Уважаемый председатель, собрание не имеет законной силы, — заявил он. — У вас нет никаких полномочий создавать новую скаутскую организацию. Как действующий член Девяносто шестого отряда из Нью-Джерси, я протестую против процедуры в целом.

Хэнк поинтересовался, какими, по его мнению, полномочиями обладает Девяносто шестой отряд из Нью-Джерси на орбите Марса.

— Вышвырнуть его! — крикнул кто-то.

Хэнк стукнул кулаком по столу:

— Вышвыривать его вовсе незачем — но, поскольку братец Миллиметр считает наш сбор недействительным, он не имеет права в нем участвовать. Ему предлагается покинуть помещение. Голосуем?

Все проголосовали единогласно, а затем Хэнка выбрали председателем. Он назначил несколько комитетов: по организации, планированию, программам, полномочиям, зачетам, связям и

тому подобное. Задача последнего состояла в том, чтобы найти на корабле людей, которые раньше были скаут-мастерами, комиссарами и прочее, и организовать Суд чести. На сборе присутствовали около десятка взрослых пассажиров, и один из них, помощник с палубы А доктор Арчибальд, подал голос:

— Уважаемый председатель, я был скаут-мастером в Небраске и хотел бы добровольно предложить свои услуги новой организации.

Хэнк посмотрел ему прямо в глаза:

— Спасибо, сэр. Ваша кандидатура будет рассмотрена.

Ответ явно застиг доктора Арчибальда врасплох, но Хэнк как ни в чем не бывало продолжал:

— Мы ценим помощь всех старших скаутов и нуждаемся в ней. Комитету по связям поручено переписать имена всех, кто готов ее оказать.

Мы решили, что у нас будет три отряда, по одному на палубу, поскольку пытаться собрать всех в одно время было не слишком удобно. Хэнк попросил встать всех скаутов-разведчиков, но их оказалось слишком много, и он скомандовал остаться стоять только тем, кто носил звание скаута-орла. Таких набралось около десятка.

Хэнк разделил орлов по палубам и велел нам заняться организацией отрядов, начав с выбора старшего командира патруля. На палубе А орлов было только трое — я, Хэнк и парень из другого кубрика, которого я раньше не встречал, Дуглас Макартур Окадзима. Дуг с Хэнком объединили свои голоса, и в итоге эту работу поручили мне.

Мы с Хэнком планировали завершить сбор физическими упражнениями, но для них попросту не было места, так что я снова взял аккордеон, и мы спели «Тропу скаутов», а после «Зеленые холмы Земли». Затем мы все вместе снова принесли клятву: «Даю слово чести, что всеми силами буду исполнять свой долг перед Богом и моей планетой, храня физическую форму, ясность ума и моральные принципы». На этом сбор закончился.

Какое-то время мы собирались ежедневно, устраивая сборы отрядов, заседания комитетов, встречи командиров патрулей и тому подобное, так что скучать нам было практически некогда. Поначалу отряды назывались просто «отряд А», «отряд В» и «отряд С», по названиям соответствующих палуб, но нам хотелось дать им не столь обезличенные имена. В любом случае мне требовалось имя для моего отряда — мы собирались

начать прием новых членов, и хотелось чего-нибудь более завлекательного, чем просто «отряд палубы А».

Кто-то выдвинул название «Космические крысы», но голосование не прошло. Кто-то еще предложил назвать отряд «Майскими цветами» по имени нашего корабля, но этот вариант даже не стали ставить на голосование — автора предложения попросту осмеяли.

Затем мы отклонили варианты: «Пилигримы», «Отряд космопроходцев», «Звездные скитальцы» и «Поднебесные». Наконец встал парень по имени Джон Эдвард Форбс-Смит.

— Слушайте, — заявил он, — мы ведь делимся на три отряда на основе используемых нами временны́х зон? Палуба В живет по времени Калифорнии, палуба С — по времени Филиппин, а мы живем по Гринвичу, или времени Англии. Почему бы не выбрать соответствующие названия? Мы, к примеру, могли бы назваться отрядом Святого Георгия.

Бад Келли сказал, что мысль, в общем-то, неплохая, но пусть лучше вместо святого Георгия будет святой Патрик, — в конце концов, Дублин тоже живет по гринвичскому времени, а Патрик — куда более важный святой.

— С каких это пор? — спросил Форбс-Смит.

— С начала времен, жалкий англичашка, — ответил Бад, и нам пришлось утихомиривать их обоих, после чего было решено имена святых не использовать.

Но мысль Джонни Смита пришлась нам по вкусу, и мы остановились на отряде бойскаутов Ганимеда имени Баден-Пауэлла[5], что, с одной стороны, ассоциировалось с английской временно́й зоной, а с другой никого не могло обидеть.

Идея всем понравилась. Палуба С взяла себе имя Агинальдо[6], а палуба В назвалась отрядом имени Хуниперо Серры[7]. Услышав последнее, я слегка пожалел, что наша палуба не живет по калифорнийскому времени, но особо переживать

---

[5] Примечания: 5

Лорд Роберт Стефенсон Смит Баден-Пауэлл (1857–1941) — британский военачальник, основатель скаутского движения. Менее известен как писатель и художник.

[6] Примечания: 6

Эмилио Агинальдо-и-Фами (1869–1964) — филиппинский политический деятель. Первый президент Филиппин в 1899–1901 годах.

[7] Примечания: 7

Хуниперо Серра (1713–1784) — монах-францисканец, основатель католических миссий на территории современной Калифорнии, в том числе Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Сакраменто и Сан-Диего. Своей деятельностью миссионера и исследователя заслужил прозвища Апостол и Отец Калифорнии.

не стал — именем Баден-Пауэлла можно гордиться не меньше.

Все трое носивших эти имена были разведчиками, первопроходцами и просто отважными людьми. Двоим из них так и не довелось стать скаутами в узком смысле этого слова, но все они являлись таковыми в широком смысле — подобно Даниэлю Буну.

Как говорит отец, имя многое значит.

Едва услышав о нашей затее, девочки тоже организовали движение герлскаутов, и Пегги стала членом отряда имени Флоренс Найтингейл[8]. Вряд ли это могло кому-то повредить, но почему девчонки всегда подражают мальчишкам? Впрочем, мы были чересчур заняты, чтобы обращать на них внимание, — перед нами стояла задача приспособить скаутскую деятельность к новым условиям.

Мы решили сохранить все звания и нашивки, имевшиеся у ребят в прежней организации, — именно постоянные звания, но не должности. То, что кто-то был командиром патруля или секретарем, ничего не значило; но если кто-то являлся

[8] Примечания: 8

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании.

скаутом-орлом на Земле, он оставался им и в БСГ, как сокращенно называлась организация бойскаутов Ганимеда. Если кто-то был скаутом-волчонком[9], он так им и оставался. Если кто-то из мальчиков не имел документальных подтверждений — что относилось почти к половине из них, — мы принимали его скаутскую клятву в качестве официальной.

Это все было просто, но с зачетами и нашивками оказалось сложнее. Вряд ли можно ожидать, что кто-то сумеет сдать зачет по пчеловодству там, где пчел нет вообще. (Потом выяснилось, что в трюме на самом деле имелось несколько погруженных в анабиоз пчелиных роев, но мы их не использовали.)

Зато мы могли ввести нашивки за заслуги в области гидропоники и принять соответствующие зачеты прямо на корабле. Мистер Ортега организовал для нас зачеты по устройству космических кораблей, а капитан Харкнесс — по баллистике и астронавигации. К концу полета у нас хватало разных зачетов, чтобы любой мальчишка мог претендовать на звание скаута-орла, как только у нас появился Суд чести.

---

[9] Примечания: 9

Скауты-волчата — младшая ветвь скаутского движения (7–11 лет).

Но это случилось в последнюю очередь. Я никак не мог понять, почему Хэнк постоянно тянет с окончательным отчетом комитета по связям, задача которого заключалась в том, чтобы набрать скаут-мастеров, комиссаров и так далее. Когда я его об этом спросил, он лишь загадочно на меня посмотрел и ответил — мол, сам увидишь.

И в итоге я действительно увидел. Наконец состоялось общее собрание всех трех отрядов, на котором утвердили скаут-мастеров, объявили о создании Суда чести и так далее. С тех пор всем заведовали взрослые, а мы снова стали в лучшем случае командирами патрулей. Что ж, все хорошее когда-нибудь кончается.

8. Авария

На пятьдесят третий день полета, когда до Ганимеда оставалось около недели, капитан Харкнесс с помощью маховика развернул корабль, чтобы мы могли увидеть, куда летим, — в смысле, чтобы могли увидеть пассажиры; для его астронавигации это никакого значения не имело.

Все дело в том, что ось «Мэйфлауэра» была направлена почти прямо на Юпитер, а сопло — назад в сторону Солнца. Поскольку иллюминаторы располагались через каждые девяносто

градусов вдоль бортов, мы, хотя и могли видеть большую часть неба, не имели возможности взглянуть вперед на Юпитер или назад на Солнце. Теперь же капитан наклонил корабль на девяносто градусов, так что мы, если можно так выразиться, катились вдоль нашей траектории. Таким образом можно было увидеть как Юпитер, так и Солнце из любого иллюминатора, хотя и не одновременно.

Юпитер уже напоминал крошечный красно-оранжевый диск. Некоторые из ребят заявляли, будто могут разглядеть его спутники. Честно говоря, сам я их различить не мог, по крайней мере в первые три дня после того, как капитан развернул корабль. Но по-настоящему здорово было уже то, что я мог увидеть Юпитер.

Марс за время полета мы так и не увидели — он оказался по другую сторону Солнца, в трех миллионах миль от нас. Единственное, что мы могли наблюдать, — все те же старые добрые звезды, которые можно видеть с Земли. Даже астероиды нам не встретились.

И тому имелась причина. Когда мы стартовали с орбиты Супры-Нью-Йорк, капитан Харкнесс направил «Мэйфлауэр» не прямо туда, где должен был находиться Юпитер, но увел корабль к северу

от эклиптики, обходя стороной пояс астероидов. Всем теперь известно, что метеориты в космосе не представляют реальной опасности. Если только пилот преднамеренно не совершает глупости — скажем, направляет корабль в голову кометы, — столкнуться с метеоритом практически невозможно. Слишком редко они попадаются.

С другой стороны, в поясе астероидов космического мусора куда больше. Старые корабли на ядерных реакторах обычно летали прямо через пояс, идя на риск, и ни один из них всерьез не пострадал. Но капитан Харкнесс, обладавший в буквальном смысле всей властью во вселенной, предпочел не рисковать и облететь его вокруг. Шансы, что в «Мэйфлауэр» попадет метеорит, равнялись нулю.

Вернее, должны были равняться. Ибо в нас он все-таки угодил.

Это случилось почти сразу после побудки по времени палубы А. Я застилал койку, держа в руках свою скаутскую форму и уже собираясь сложить ее, чтобы убрать под подушку. Форму я так ни разу и не надевал — ни у кого другого не было формы, в которой он мог бы прийти на скаутский сбор, так что не носил ее и я, но все равно держал свернутой под подушкой.

Внезапно раздался звук, жутче которого я не слышал за всю жизнь. Он был похож на выстрел из ружья прямо над моим ухом, грохот захлопывающейся стальной двери, треск разрываемых неким великаном ярдов материи — и все это одновременно.

Потом я не слышал уже ничего, кроме звона в ушах. Ошеломленно тряхнув головой, я посмотрел вниз и увидел почти у себя под ногами дыру размером с мой кулак. Дыру окружала обгоревшая изоляция, а сквозь нее зияла чернота. Увидев промелькнувшую звезду, я понял, что смотрю прямо в космос.

Послышалось шипение.

Не помню, думал ли я тогда о чем-нибудь. Я просто скомкал свою форму, присел и запихал ее в дыру. На мгновение мне показалось, будто ее высосет наружу, но потом она застряла, перестав двигаться дальше. Воздух, однако, продолжал уходить. Кажется, именно тогда я впервые понял, что мы теряем воздух и можем задохнуться в вакууме.

За моей спиной кто-то вопил во все горло, что сейчас умрет. Со всех сторон выли тревожные сирены, не давая услышать даже собственные мысли. Герметичная переборка нашего кубрика

автоматически скользнула в уплотнители, заперев нас.

Я перепугался до смерти.

Мне было известно, что так положено и лучше загерметизировать один отсек, убив находящихся там людей, чем погубить весь корабль, но все дело в том, что в этом отсеке находился я сам. И вряд ли я из тех, кого можно назвать героем.

Я чувствовал, как давление высасывает затычку, сделанную из моей формы.

Отчего-то я вдруг вспомнил, что в ее рекламе упоминалась «тропическая самовентилирующаяся ткань», и пожалел, что вместо нее под рукой не оказался надежный пластиковый дождевик. Я боялся запихивать ее дальше, опасаясь, что она провалится, отдав нас на милость вакуума, и готов был отказаться от десерта на ближайшие десять лет ради всего лишь одной резиновой заплатки величиной с мою ладонь.

Вопли прекратились, затем возобновились опять. Это оказался Горлопан Эдвардс, который колотил по герметичной переборке и орал:

— Выпустите меня! Заберите меня отсюда!

Его заглушил усиленный мегафоном голос капитана Харкнесса:

— Эйч-двенадцать! Доложите обстановку! Эйч-

двенадцать, вы меня слышите?

В свою очередь его заглушили множество других голосов.

— Тихо! — крикнул я что было силы, и на секунду наступила тишина.

Передо мной стоял с широко раскрытыми глазами Малыш Бранн, один из моих «волчат».

— Что случилось, Билли? — спросил он.

— Принеси мне подушку с койки. Бегом! — ответил я.

Сглотнув, он послушался.

— Сними наволочку, быстро!

Он стащил наволочку, умудрившись изрядно помять подушку, и подал ее мне, но руки мои были заняты.

— Положи сверху мне на руки, — сказал я.

Это была обычная подушка из мягкой пенорезины. Я выдернул одну руку, за ней другую, а потом придавил подушку коленями и ладонями. Подушка слегка вмялась посередине, и я испугался, что ее сейчас разорвет, но она выдержала. Горлопан опять начал орать, а капитан Харкнесс продолжал просить хоть кого-то в отсеке Н-12 сообщить ему, что происходит.

— Тихо! — снова крикнул я. — Кто-нибудь стукните Горлопана по башке, чтобы заткнулся!

Мысль эта пришлась по вкусу многим, и трое ребят тут же начали претворять ее в жизнь. Горлопану дали по шее, потом кто-то врезал ему в живот, и все навалились на него.

— Теперь всем замолчать, — сказал я. — Если Горлопан попробует пискнуть, стукните его еще раз. — Я попытался набрать в грудь воздуха. — Эйч-двенадцать слушает!

— Доложите обстановку, — ответил голос капитана.

— В корабле дыра, капитан, но мы ее заткнули.

— Каким образом? И насколько она большая?

Я рассказал ему, и, собственно, на этом все и закончилось. Чтобы до нас добраться, потребовалось некоторое время, поскольку, как я позднее узнал, в первую очередь изолировали герметичными переборками наш участок коридора, а это означало, что требовалось вывести всех из помещений по обе стороны от нас и напротив. Но в конце концов двое в скафандрах открыли переборку и выгнали всех, кроме меня. Потом они вернулись, и одним из них оказался мистер Ортега.

— Можешь встать, парень.

Голос его казался странно далеким из-за шлема.

Другой присел, продолжая удерживать подушку вместо меня.

Мистер Ортега держал под мышкой большую металлическую заплатку с липкой прокладкой с одной стороны. Мне хотелось остаться и посмотреть, как он будет ее ставить, но он выгнал меня и закрыл дверь. Коридор снаружи был пуст, но я заколотил по герметичной переборке, и меня пропустили туда, где ждали остальные. Всем хотелось знать, что происходит, но никаких новостей для них у меня не было, поскольку меня прогнали.

Вскоре мы ощутили странную легкость, и капитан Харкнесс объявил, что вращение корабля будет ненадолго отключено. Вернулись мистер Ортега и его напарник и направились в рубку управления. Вскоре вращение отключилось полностью, и меня страшно затошнило. Все разговоры капитана Харкнесса с теми, кто вышел наружу, чтобы заделать дыру, передавались по внутренней связи, но я их не слушал. Когда тебя тошнит, вряд ли тебя будет хоть что-то интересовать.

Потом вращение восстановилось, аварию устранили и нам позволили вернуться в наш кубрик. Он выглядел точно так же, не считая

пластины, приваренной в том месте, куда попал метеорит.

Завтрак запоздал на два часа, и занятия этим утром отменили.

Вот так случилось, что я во второй раз попал на капитанскую аудиенцию. Там присутствовали Джордж, Молли и Пегги, а также скаут-мастер нашей палубы доктор Арчибальд, все ребята из моего кубрика и все офицеры корабля. Остальные наблюдали за происходящим по видео. Я хотел надеть форму, но она превратилась в покрытые клейкой дрянью лохмотья. В конце концов я срезал с нее нашивки и бросил ее в мусоросжигатель.

— Капитанская аудиенция — наказания и поощрения! — крикнул первый помощник.

Все вытянулись в струнку. Вышел капитан Харкнесс, и отец подтолкнул меня вперед.

Капитан посмотрел на меня.

— Вильям Лермер? — спросил он.

— Так точно, сэр, — ответил я.

— Зачитываю вчерашнюю запись из бортжурнала, — сказал он. — «Двадцать первого августа в ноль семь ноль четыре стандартного времени, во время свободного полета в соответствии с планом, корабль подвергся удару мелкого метеорита.

Сработала система безопасности, и получившее пробоину пространство, отсек Эйч-двенадцать, было изолировано без серьезной потери давления в остальной части корабля. Отсек Эйч-двенадцать — кубрик, в котором в момент аварии находилось двадцать пассажиров. Один из пассажиров Вильям Джей Лермер соорудил импровизированную заплатку из подручных материалов и сумел удержать достаточное для дыхания давление до прибытия ремонтной команды. Благодаря его сообразительности и незамедлительным действиям были спасены жизни всех находившихся в отсеке Эйч-двенадцать».

Капитан поднял взгляд от бортжурнала и продолжил:

— Заверенная копия данной записи вместе со свидетельскими показаниями будет направлена в Межпланетный Красный Крест с соответствующими рекомендациями. Другая копия будет выдана тебе. У меня нет иной возможности тебя вознаградить, кроме как выразить тебе свою благодарность от всего сердца. Я знаю, что говорю не только от имени офицеров, но и от имени всех пассажиров, а в особенности родителей твоих товарищей по кубрику.

Помедлив, он поманил меня пальцем, давая

знак подойти ближе, и понизил голос:

— Ты в самом деле отлично справился. Решимости тебе не занимать. Ты вправе собой гордиться.

Я ответил, что, наверное, мне просто повезло.

— Возможно, — кивнул он. — Но подобное везение обычно случается с теми, кто к этому готов.

Немного помолчав, он добавил:

— Лермер, ты никогда не думал поступить в космическое училище?

Я сказал, что, может, и думал, но вряд ли всерьез.

— Что ж, Лермер, — сказал капитан, — если когда-нибудь решишь, дай знать. Можешь связаться со мной через Ассоциацию пилотов в Луна-сити.

На этом аудиенция закончилась, и мы ушли. Я шагал рядом с Джорджем, а чуть поодаль — Молли и Пегги.

— Это мой брат, — услышал я слова Пегги.

— Тихо, Пегги, — сказала Молли. — И не показывай пальцем.

— Почему? — возразила Пегги. — Он же мой брат.

— Да, брат, — ответила Молли, — но разве это повод его смущать?

Но я нисколько не смутился.

Позже меня нашел мистер Ортега и протянул мне маленький искореженный кусочек черного металла размером с пуговицу.

— Все, что от него осталось, — сказал он. — Но, думаю, тебе бы хотелось его иметь, если можно так выразиться, в качестве платы за испорченную скаутскую форму.

Поблагодарив его, я ответил, что не особо переживаю из-за потери формы, — в конце концов, она в числе прочего спасла мою собственную шкуру.

— Мистер Ортега, — спросил я, взглянув на метеорит, — можно как-то узнать, откуда он взялся?

— Вряд ли, — ответил он, — хотя можно попросить ученых разрезать его на кусочки и высказать свое мнение. Если, конечно, ты не против, что от него ничего не останется.

Я сказал, что предпочту оставить метеорит себе, что и сделал, — он до сих пор лежит у меня в кармане.

— Это либо фрагмент кометы, — продолжал мистер Ортега, — или кусочек Разрушенной планеты. Мы не знаем, что именно, поскольку там, где мы находимся, не должно быть ни того ни другого.

— Но было, — сказал я.

— Значит, было.

— Гм… мистер Ортега, почему бы не покрыть корабль достаточно толстой броней, чтобы помешать подобным штучкам?

Я вспомнил, как выглядела оболочка корабля в месте пробоины: она казалась чудовищно тонкой.

— Ну… во-первых, этот метеорит был настоящим гигантом среди себе подобных. Во-вторых, Билл, ты что-нибудь знаешь про космические лучи?

— Боюсь, не так уж много.

— Тебе наверняка известно, что человеческое тело проницаемо для первичного космического излучения, которое для него безвредно. Именно с ним мы сталкиваемся здесь, в космосе. Но металл для него не полностью проницаем, и когда оно проходит сквозь металл, возникают всевозможные эффекты в виде вторичного, третичного и четвертичного космического излучения. Они накапливаются и приносят немалый вред, вызывая мутации и неприятные последствия не только для тебя самого, но и для твоих потомков. И из этого следует, что человек безопаснее всего чувствует себя в космосе, когда окружающей его

оболочки корабля хватает лишь для того, чтобы удерживать внутри воздух и не пропускать внутрь ультрафиолет.

В последующие несколько дней Горлопана было почти не слышно, и я решил, что, возможно, он усвоил полученный урок, но ошибался. Наткнувшись на него в одном из нижних коридоров, где никого больше не было, я намеревался с ним разминуться, но он преградил мне дорогу.

— Хочу с тобой потолковать, — сказал он.

— Ладно, — ответил я. — О чем?

— Считаешь, будто ты самый умный?

Мне не понравились ни его слова, ни тон, которым они были произнесены.

— Я вовсе не считаю, будто я умный, — сказал я. — Я в самом деле умный.

Он уже успел меня утомить.

— Дерзить вздумал? Думаешь, я должен тебе руку целовать и благодарить за спасение жизни?

— Что, правда? — усмехнулся я. — Если ты об этом, то можешь не беспокоиться — я поступил так вовсе не ради тебя.

— Знаю, — ответил он. — И учти — я вовсе тебе не благодарен.

— Ну и ладно, — пожал я плечами. — В благодарности таких, как ты, я нисколько не нуждаюсь.

— До чего же ты меня достал, — тяжело дыша, медленно проговорил он.

В следующее мгновение меня свалил удар костяшками пальцев в зубы.

Я осторожно поднялся, пытаясь застичь его врасплох, но тщетно — он снова сбил меня с ног. Я попробовал пнуть его лежа, но он увернулся.

После третьего удара я остался лежать. Когда звезды перед моими глазами рассеялись, он уже исчез — а я не сумел даже дотронуться до него пальцем. Хорошим бойцом я никогда не был — увы, продолжал действовать языком, когда следовало прибегнуть к кулакам.

Подойдя к бачку с водой, я сполоснул лицо. Пробегавший мимо Хэнк спросил, что, во имя всего святого, со мной стряслось, и я ответил, что налетел на дверь. То же самое я сказал и отцу.

Горлопан больше меня не беспокоил, и мы с тех пор не разговаривали. В ту ночь я долго лежал, не в силах заснуть, и пытался разобраться в случившемся, но так и не сумел. Тот, кто придумал дурацкую фразу: «Я силой десяти богат, поскольку чист душой»[10], наверняка никогда не встречался с Горлопаном Эдвардсом. На мой

---

[10] Примечания: 10

Строка из стихотворения «Сэр Галлахад» Альфреда Теннисона.

взгляд, от Горлопана не было никакой пользы, и я с удовольствием заткнул бы его физиономией проделанную метеоритом дыру. Я пробовал придумать разные способы, как с ним разделаться, но ни один из них не выглядел реалистичным. Как говорит отец, бывают ситуации, которые никак не исправить.

9. Спутники Юпитера

Ничего особенного больше не происходило, пока не пришла пора подлетать к Юпитеру, — не считая пропавшего четырехлетнего малыша. Его родители обыскали все вокруг, но ребенка так и не нашли, несмотря на последовавшую из рубки управления просьбу ко всем дать знать, если кто-то хоть что-нибудь заметит.

Так у нас появился шанс испытать на деле умение скаутов действовать в чрезвычайной ситуации. Экипаж корабля не мог участвовать в поисках, поскольку он состоял лишь из капитана, двоих вахтенных офицеров, мистера Ортеги и его помощника. Капитан Харкнесс снабдил каждого скаут-мастера планами, и мы обшарили весь корабль, словно мальчишка собственные карманы в поисках монетки в полкредита. Малыша мы обнаружили минут через двадцать, — похоже,

чертенок пробрался на гидропонную ферму во время ее обслуживания и оказался там заперт.

Пока он там сидел, ему захотелось пить, и он пытался утолить жажду растворами для поливки растений. Результат оказался вполне ожидаемым. Ничего серьезного с малышом не случилось, но уборка потребовалась изрядная.

В тот вечер мы с отцом обсуждали эту историю за игрой. Пегги была на сборе герлскаутов, а Молли куда-то ушла, и мы на какое-то время остались одни.

Мать ребенка устроила скандал, как будто с ним произошло нечто ужасное. Собственно, что может случиться на космическом корабле? За борт малыш свалиться никак не мог.

Отец заметил, что ее реакция вполне естественна.

— Слушай, Джордж, — спросил я, — тебе не кажется, что некоторые из эмигрантов не годятся на роль колонистов?

— Ну… возможно.

Я думал про Горлопана, но упомянул миссис Тарбаттон, которая в конце концов сдалась и даже не полетела с нами, и ту тетку по имени миссис Григсби, которая сама создала себе кучу проблем и вынуждена была стать посудомойкой,

а также еще одного типа по имени Сондерс, который постоянно нарывался на неприятности с советом, пытаясь жить собственной жизнью и не считаясь с мнением остальных.

— Джордж, как им подобные вообще прошли психологические тесты?

— Билл, — спросил отец, — ты когда-нибудь слышал о политическом влиянии?

— А? — только и смог ответить я.

— Знаю, подобная мысль может шокировать, но ты достаточно взрослый, чтобы принять мир таким, какой он есть, а не каким он должен быть. Рассмотрим гипотетический случай: вряд ли племянница государственного советника провалит психологические тесты. Да, первые тесты она может провалить, но комиссия может счесть иначе — если советник всерьез хочет, чтобы она прошла.

Какое-то время я переваривал услышанное. На Джорджа это было не похоже — особым цинизмом он никогда не отличался. Да, лично я циник, но Джордж обычно крайне наивен.

— В таком случае, Джордж, вообще нет никакого смысла проводить психологические тесты, если подобные люди всегда могут проскользнуть и так.

— Напротив — тесты обычно честные. Что касается тех, кому удается проскользнуть, это не столь уж и важно. Старушка мать-природа рано или поздно о них позаботится. Выживают те, кто способен выжить.

Он закончил раздачу и сказал:

— Ну все, с таким раскладом у тебя никаких шансов.

Он всегда так говорит.

— Любой, кто таким образом использует свою должность, должен быть ее лишен! — заявил я.

— Угу, — кивнул Джордж. — Однако поумерь свой пыл, сынок, — нам приходится иметь дело с людьми, а не с ангелами.

Двадцать четвертого августа капитан Харкнесс развернул корабль и начал сближение с целью. Около четырех часов мы замедлялись, а потом примерно в шестистах тысячах миль от Юпитера перешли в свободный полет, оказавшись по другую его сторону, где в тот момент находился Ганимед. Невесомость все так же не доставляла ни малейшего удовольствия, но на этот раз мы были к ней готовы, и все желающие получили уколы — в том числе и я.

Теоретически «Мэйфлауэр» мог совершить единственный сложный маневр, выйдя после

окончания замедления на низкую круговую орбиту вокруг Ганимеда. Практически же намного лучше было спокойно приблизиться к цели, избежав новых проблем с метеоритами, точнее, с «ложными кольцами».

Естественно, у Юпитера нет колец, как у Сатурна, но в той же плоскости, что и его спутники, крутится изрядное количество космического мусора. Будь его достаточно много, он был бы виден подобно кольцам Сатурна. Но даже при всем при этом его вполне достаточно, чтобы пилоту приходилось соблюдать осторожность. Неспешно приближаясь к Юпитеру, мы чувствовали себя словно зрители в первом ряду на экскурсии по окрестностям планеты и ее спутников.

Большая часть обломков, столкновения с которыми мы старались избежать, находится в плоскости экватора Юпитера, так же как и кольца Сатурна, так что капитан Харкнесс провел корабль прямо над северным полюсом планеты. Соответственно, мы благополучно миновали опасную зону, пока не обогнули Юпитер, приближаясь к Ганимеду, но к тому времени мы уже летели на небольшой скорости.

Чего, впрочем, нельзя было сказать о нашем полете над северным полюсом Юпитера — мы

преодолевали тридцать с лишним миль в секунду, и расстояние до планеты составляло около тридцати тысяч миль. Зрелище, скажу я вам, было еще то — диаметр Юпитера составляет девяносто тысяч миль, так что на высоте в тридцать тысяч чувствуешь себя не слишком уютно.

Минуты две я смотрел на Юпитер в иллюминатор, затем мне пришлось уступить место другому, до кого еще не дошла очередь, и вернуться в кубрик, где можно было наблюдать открывавшуюся перед нами картину на телеэкране. Зрелище выглядело довольно странным — Юпитер обычно представляют в виде диска с идущими параллельно его экватору полосами, но сейчас мы смотрели на него с полюса, и полосы превратились в круги. Планета напоминала гигантскую мишень, выкрашенную в оранжевый, кирпично-красный и коричневый цвета, если не считать того, что половина ее отсутствовала, погруженная в тень.

Прямо на полюсе виднелось темное пятно. Нам объяснили, что в этой зоне постоянно царит ясная спокойная погода и что в этом месте можно увидеть поверхность планеты. Но как я ни вглядывался, ничего не увидел, кроме темноты.

Когда мы пролетели над полюсом, из тени внезапно показалась Ио — первый спутник Юпи-

тера. Величиной Ио почти такая же, как и Луна, и мы видели ее примерно с того же расстояния, как и Луну с Земли, так что и по размеру она выглядела так же. На фоне черного неба, словно по мановению волшебной палочки, возник темный кроваво-красный диск, который меньше чем через пять минут стал ярко-оранжевым, почти цвета самого Юпитера.

Я попытался отыскать спутник Барнарда, но не нашел. Этот малыш находится на расстоянии меньше одного диаметра от поверхности Юпитера и совершает оборот вокруг планеты за двенадцать часов. Мне было интересно, поскольку я знал, что на нем располагается юпитерианская обсерватория, а также база проекта «Юпитер».

Вряд ли я что-то пропустил — диаметр спутника Барнарда составляет всего около ста пятидесяти миль. Говорят, что с него практически можно спрыгнуть. Я спросил об этом Джорджа, и он ответил, что ничего не выйдет, поскольку орбитальная скорость спутника — порядка пятисот футов в секунду, и вообще, кто наговорил мне такую чушь?

Позже я проверил и убедился, что он был прав. Отец — настоящий кладезь бесполезной информации. Как он говорит, факты стоит любить уже

за то, что они существуют.

Каллисто находилась позади нас, и мы пролетели довольно далеко от нее. Европа располагалась справа по курсу почти на девяносто градусов, и одну ее половину закрывала тень. Нас отделяло от нее четыреста с лишним тысяч миль, и выглядела она не столь впечатляюще, как Луна с Земли.

Ганимед прямо перед нами становился все больше, и мне показался странным его цвет. Каллисто была серебристой, словно Луна, хотя и не столь яркой; Ио и Европа сияли оранжевым, как и сам Юпитер. Но Ганимед был полностью тусклым!

Я спросил Джорджа, и он, как обычно, не стал медлить с ответом:

— Ганимед когда-то был столь же ярким, как Ио и Европа. Это парниковый эффект — тепловая ловушка. Иначе мы не смогли бы там жить.

Об этом я, естественно, знал — парниковый эффект является самой важной частью проекта по созданию атмосферы. Когда на Ганимеде высадилась экспедиция тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, температура на его поверхности составляла пару сотен градусов ниже нуля — вполне достаточно, чтобы заморозить молоко

сердечных чувств![11]

— Но послушай, Джордж, — возразил я, — мне, конечно, известно про тепловую ловушку, но почему там так темно? Как будто в мешке.

— Свет есть тепло, тепло есть свет, — ответил он. — Какая разница? На поверхности вовсе не темно — свет и тепло попадают туда, но не уходят обратно, что, в общем, не так уж и плохо.

Я заткнулся. Для меня это было нечто новое и непонятное, так что я решил подождать и не задавать лишних вопросов.

Когда мы приблизились к Ганимеду, капитан Харкнесс снова сбросил скорость, и, пока корабль замедлялся, нас как следует накормили. Есть в невесомости я так и не научился, даже с уколами. Капитан вывел корабль на низкую круговую орбиту на высоте около тысячи миль над Ганимедом. Мы прибыли в пункт назначения, и теперь оставалось ждать, когда нас кто-то заберет.

Именно во время путешествия к поверхности Ганимеда я начал подозревать, что жизнь колониста вовсе не так чудесна и романтична, как казалось на Земле. Вместо трех кораблей, которые могли бы забрать всех сразу, прибыл только

---

[11] Примечания: 11

«Молоко сердечных чувств» — фраза из «Макбета» Шекспира.

один, «Паникер», вполне способный поместиться в один из отсеков «Биврёста». Он мог перевезти за один раз только девяносто человек, что означало множество рейсов.

Мне повезло — мне пришлось прождать в невесомости всего три дня. Но я успел потерять десять фунтов.

Пока я ждал, я трудился, помогая разместить в трюме груз, который каждый раз доставлял «Паникер». Наконец подошла наша очередь, и мы набились в него.

Внутри корабль был ужасен: его палубы напоминали скорее полки, расстояние между которыми не составляло и четырех футов. Воздух был спертым, а уборку после прошлого рейса, похоже, вообще не делали. Индивидуальные противоперегрузочные койки отсутствовали — их роль играли устилавшие палубу матрасы, на которых мы теснились плечом к плечу, рискуя попасть друг другу ногой в глаз.

Шкипером была громкоголосая дама, которую все звали капитан Хэтти. Она постоянно орала на нас, требуя поторопиться, и даже не стала проверять, все ли мы пристегнуты.

К счастью, полет оказался недолгим. Корабль стартовал столь резко, что я впервые после тестов

потерял сознание, а потом мы минут двадцать пребывали в свободном падении. Затем вновь последовала перегрузка, и мы глухо ударились о поверхность Ганимеда.

— А ну выходите, сухопутные крысы! — рявкнула капитан Хэтти. — Все, приехали!

Атмосфера на борту «Паникера» состояла из чистого кислорода, в отличие от гелиево-кислородной смеси на «Мэйфлауэре». Мы садились под давлением в десять фунтов на квадратный дюйм, после чего капитан Хэтти сбросила давление, уравняв его с нормальными для Ганимеда тремя фунтами. Что ж, трех фунтов кислорода вполне достаточно, чтобы выжить, — собственно, на Земле его столько же, а остальные двенадцать фунтов составляет азот. Но из-за внезапного падения давления я все равно почувствовал, что задыхаюсь, хотя на самом деле это было не так.

Когда мы вышли из корабля, вид у нас был весьма жалкий, а у Пегги текла из носа кровь. Лифтов не было — нам пришлось спускаться по веревочной лестнице. И к тому же нас встретил жуткий холод.

Падал снег; вокруг завывал ветер, сотрясая лестницу. Самых маленьких детей пришлось спускать с помощью троса. Землю устилал слой

снега толщиной дюймов в восемь, за исключением того места, где его расплавил выхлоп двигателя «Паникера». Ветер швырял снег мне в лицо, и я почти ничего не видел, но кто-то схватил меня за плечо, развернул кругом и крикнул:

— Не останавливайся! Иди в ту сторону!

Я двинулся в указанном направлении. На краю проталины стоял еще один человек, певший ту же самую песню, а в снегу виднелась протоптанная тропинка. Разглядев других, скрывшихся в снежной пелене, я рысцой последовал за ними, пытаясь согреться.

До укрытия было около полумили, но я успел продрогнуть — наша одежда явно не предназначалась для подобных условий. К тому времени, когда мы оказались внутри, я стучал зубами от холода, а обувь моя промокла насквозь.

Укрытие представляло собой похожее на ангар здание, в котором было немногим теплее из-за открытой двери, но оно, по крайней мере, защищало от непогоды. Туда набилась куча народа, некоторые в корабельных комбинезонах, а другие — местные жители. Колонистов невозможно было ни с кем спутать из-за бород, а у кого-то и длинных волос. Я решил, что ни за что не стану на них походить и всегда буду чисто выбрит, как

и Джордж.

Я отправился на разведку, пытаясь отыскать Джорджа и компанию, что мне в конце концов удалось. Он нашел какой-то тюк, на котором теперь сидела Молли, держа на коленях Пегги. Я с радостью отметил, что у Пег перестал кровоточить нос, но лицо ее было покрыто засохшими слезами, кровью и грязью. То еще зрелище.

Вид у Джорджа был мрачный — словно в первые несколько дней после того, как он лишился своей трубки.

— Привет! — сказал я, подойдя ближе.

Джордж огляделся вокруг и улыбнулся:

— Рад тебя видеть, Билл! Как дела?

— Если хочешь узнать мое мнение, — ответил я, — то тут сплошная разруха.

Он снова помрачнел и сказал:

— Надеюсь, рано или поздно они наведут порядок.

Шансов обсудить данный вопрос нам не представилось. Рядом с нами остановился колонист с припорошенными снегом сапогами, волосами и лицом. Поднеся к губам два пальца, он громко свистнул.

— А ну, потише! — крикнул он. — Мне нужны двенадцать крепких мужчин и парней для раз-

грузки багажа.

Он огляделся и начал показывать пальцем:

— Ты… ты… и ты…

Джордж оказался девятым, я — десятым.

Молли начала протестовать. Возможно, иначе Джордж бы и заупрямился, но он лишь сказал:

— Нет, Молли, дело есть дело. Идем, Билл.

Мы снова вышли на холод.

Снаружи стоял тягач, на который мы погрузились и с громыханием поехали назад к кораблю. Отец позаботился о том, чтобы меня послали внутрь «Паникера», желая защитить меня от непогоды, и я получил очередную дозу острых высказываний капитана Хэтти, — с ее точки зрения, мы работали недостаточно быстро. Но в конце концов мы спустили вниз весь багаж, и, когда я покинул корабль, вещи были уже погружены в тягач. Обратно мы ехали по такому же холоду.

Молли и Пегги на месте не оказалось. Большой зал был почти пуст, и нам велели перейти в соседнее здание. Я видел, что Джордж явно расстроен отсутствием Молли.

В соседнем здании на стенах висели большие таблички со стрелками: «Мужчины и мальчики — направо» и «Женщины и девочки — налево». Джордж поспешно свернул налево, но не успел

пройти и десяти ярдов, как его остановила суровая женщина в комбинезоне колониста.

— Вам в другую сторону, — решительно заявила она. — Здесь женская спальня.

— Знаю, — согласился отец, — но я хотел бы найти свою жену.

— Можете поискать ее за ужином.

— Я хочу видеть ее сейчас.

— В данный момент я не располагаю возможностями для поисков кого бы то ни было. Придется подождать.

— Но…

Мимо нас прошли несколько женщин, и отец заметил одну с нашей палубы на «Мэйфлауэре» и крикнул:

— Миссис Арчибальд!

Она обернулась:

— Мистер Лермер? Как дела?

— Миссис Арчибальд, — напряженно проговорил отец, — вы не могли бы найти Молли и сказать ей, что я жду здесь?

— Попробую, мистер Лермер.

— Спасибо, миссис Арчибальд! Огромное вам спасибо!

— Не за что.

Она ушла, и мы стали ждать, не обращая внима-

ния на суровую охранницу. Наконец появилась Молли, без Пегги. Можно было подумать, что они с отцом не виделись целый месяц.

— Я не знала, что делать, дорогой, — сказала она. — Нам велели пройти в спальное помещение, и мне показалось, что для Пегги так будет лучше. Я не сомневалась, что ты нас найдешь.

— Где сейчас Пегги?

— Я уложила ее в постель.

Мы вернулись в главный зал. Там стоял стол, за которым сидел мужчина с табличкой над головой: «Иммиграционная служба — информация». К столу выстроилась длинная очередь, и мы заняли в ней место.

— Как Пегги? — спросил отец.

— Боюсь, она простудилась.

— Надеюсь… — проговорил отец. — Э… надеюсь… апчхи!

— Ну вот, и ты тоже, — укоризненно заметила Молли.

— Я вовсе не простудился, — возразил отец, утирая глаза. — Просто рефлекс.

— Да?.. — сказала Молли.

Очередь проходила под низким балконом, с которого смотрели двое парней моего возраста или чуть постарше, облокотившись на ограж-

дение. Оба были колонистами, и один из них пытался отращивать бороду, но выглядело это крайне убого.

— Рэйф, — сказал один из них, поворачиваясь к другому, — только посмотри, кого нам теперь присылают.

— Печальное зрелище, — кивнул второй.

Первый ткнул в мою сторону пальцем:

— Взять, к примеру, этого — явно артистичная натура.

Второй задумчиво уставился на меня и спросил:

— Он, вообще, живой?

— Какая разница? — ответил первый.

Я повернулся к обоим спиной, не обращая внимания на их смех. Терпеть не могу любителей позубоскалить.

10. Земля обетованная

Перед нами в очереди стоял мистер Сондерс. Он возмущался из-за плохой погоды и заявлял, что подвергать людей таким мучениям — настоящий произвол. До этого он работал вместе с нами на погрузке багажа, но особо не перетруждался.

Сидевший за столом пожал плечами:

— Комитет по делам колоний назначил дату

вашего прибытия, и мы ничего не можем с этим поделать. Вряд ли вы могли рассчитывать, что мы отложим ради вашего удобства наступление зимы.

— Я буду жаловаться!

— Как пожелаете. — Человек за столом протянул ему бланк. — Следующий!

Он посмотрел на отца:

— Чем могу помочь, гражданин?

Джордж спокойно объяснил, что хотел бы, чтобы с ним была его семья.

— Извините, — покачал головой мужчина. — Следующий.

Отец не собирался сдаваться.

— Вы не имеете права разлучать мужа и жену. Мы не рабы, не преступники и не животные. Наверняка у иммиграционной службы есть перед нами какие-то обязательства.

Мужчина устало взглянул на него:

— Ваша партия — самая большая из всех, с какими нам приходилось работать. Мы сделали все, что могли. Здесь город первопроходцев, а не отель «Астор».

— Все, о чем я прошу, — минимальное личное пространство для семьи, о котором говорится в изданиях Комитета о Ганимеде.

— Гражданин, все те издания писались на Земле. Потерпите, и ваш вопрос решится.

— Завтра?

— Нет, не завтра. Через несколько дней — или несколько недель.

— Недель? — взорвался отец. — Проклятие, да я скорее построю себе иглу в чистом поле, чем с этим соглашусь!

— Ваше право. — Клерк протянул отцу лист бумаги. — Если хотите подать жалобу, изложите ее здесь.

Отец взял бумагу, и я взглянул на нее. Это был напечатанный бланк, адресованный Комитету по делам колоний — на Земле!

— Когда напишете, отдайте бланк мне, и его переснимут на микрофильм, чтобы отправить с почтой на «Мэйфлауэре».

Посмотрев на бланк, отец фыркнул, смял его и направился прочь. Молли последовала за ним.

— Джордж, Джордж! — позвала она. — Не расстраивайся так. Как-нибудь переживем.

— Конечно, милая, — застенчиво улыбнулся отец. — Но до чего же красивая у них тут система — пересылать все жалобы в головную контору, за полмиллиарда миль!

На следующий день из-за рефлексов Джорджа

у него потекло из носа. Пегги стало хуже, Молли за нее тревожилась, а отец вообще не находил себе места и в конце концов куда-то ушел, чтобы поднять бучу насчет здешних порядков.

Если честно, меня все более-менее устраивало. Спать в общей спальне мне не в тягость — я бы проспал и конец света. Да и насчет еды нас не обманули.

Только представьте — на завтрак нам дали кукурузные лепешки с сиропом и настоящим маслом, сосиски, настоящую ветчину, клубнику со столь густыми сливками, что я сперва даже не понял, что это такое, чай, молоко, томатный сок, дыню, яйца — и всего этого сколько хочешь.

На столе стояла открытая сахарница, но на солонке имелась маленькая надпись: «Экономь соль». Не оказалось и кофе, чего бы я не заметил, если бы Джордж его не попросил. Отсутствовало и кое-что другое, хотя тогда я просто не обратил на это внимания, — например, древесные плоды типа яблок, груш или апельсинов. Но какая, собственно, разница, когда есть клубника, арбузы, ананасы и тому подобное? Не было и росших на деревьях орехов, зато имелся арахис.

Все сделанное из пшеничной муки считалось роскошью, но на первых порах можно было обой-

тись и без этого.

На обед нам предложили кукурузную похлебку или студень из мясного бульона, сырное суфле, жареного цыпленка, отварную говядину с капустой, кукурузную кашу с сиропом, запеченные баклажаны, жемчужный лук с огурцом, фаршированные помидоры, сладкую картофельную запеканку, жареный ирландский картофель по-немецки, салат из свежей капусты со сметаной, ананасы и творог с салатными листьями. За ними последовали мятное мороженое, вишневый пирог, замороженный гоголь-моголь, малиновый лед и три разновидности пудинга — но на десерты меня уже не хватило. Я пытался попробовать всего понемногу, и, когда дошло дело до десерта, во мне уже не оставалось места. Пожалуй, я чересчур много съел.

Блюда не отличались особым изяществом, примерно как в скаутском лагере, но еда была так хороша на вкус, что я просто не мог позволить ей пропасть впустую. Обслуживание тоже напоминало лагерь — очередь к раздаче, никаких скатертей или салфеток. И посуду требовалось мыть, а не просто выбрасывать или сжигать — ее доставляли с Земли, и она стоила примерно как аналогичное по весу количество урана.

В первый день первых пятьдесят ребят из очереди и пятьдесят последних увели из столовой, заставив мыть посуду. На следующий день потребности поменялись, и на мытье посуды забрали пятьдесят человек из середины. Оба раза я оказался в дураках.

Первый ужин состоял из грибного супа, запеченного окорока, жареной индейки, горячего кукурузного хлеба с маслом, холодного мясного заливного, крема из спаржи, картофельного пюре с морковью и трех видов салата. На десерт были пудинг из заварного крема с изюмом и сладким соусом, испанский виноград и клубника с сахарной пудрой.

Помимо всего прочего, в любое время можно было заскочить на кухню и перекусить.

Первые три дня я практически не выходил наружу. Шел снег, и, хотя мы находились в солнечной фазе, во мгле не было видно ни Солнца, ни тем более Юпитера. К тому же часть времени мы пребывали в зоне затмения. Холод стоял ужасающий, а теплой одежды у нас пока не было.

Однажды меня послали вместе с продуктовым тягачом в город за припасами. Не то чтобы я многое там увидел — вряд ли человек, живший в районе Сан-Диего, вообще мог бы назвать Леду

городом, — но мне все же удалось взглянуть на гидропонные фермы. Их было три — большие ангары, названные в соответствии с тем, что в них выращивалось, «Оаху»[12], «Долина Империал»[13] и «Айова». Ничего особенного, просто обычное беспочвенное растениеводство. Особо долго я там не задержался, поскольку от мерцающего света, с помощью которого ускоряют рост растений, у меня болели глаза.

Меня, однако, заинтересовали тропические растения, которые выращивали в «Оаху», — многие из них я прежде никогда не видел. Я заметил, что большинство растений помечены «Г. М.», а некоторые — «Н. З.». На мой вопрос один из садовников ответил, что «Г. М.» означает «ганимедская мутация», а второе — «нормальное земное».

Позже я выяснил, что почти все выращиваемое на Ганимеде являлось особой мутацией, приспособленной к его условиям.

Дальше располагался еще один ангар под названием «Техас». Внутри него находились настоящие коровы, и там было крайне интересно.

---

[12] Примечания: 12

Оаху — третий по величине и наиболее населенный остров Гавайского архипелага.

[13] Примечания: 13

Империал — долина на юго-востоке Калифорнии.

Известно ли вам, что коровья нижняя челюсть двигается из стороны в сторону? И — что бы вам ни доводилось слышать — у них нет отдельного соска специально для сливок.

Мне не хотелось уходить, но в ангаре «Техас» воняло почти как в космическом корабле. Совершив короткую пробежку по снегу, я оказался в помещении Биржи, где проходили все операции купли-продажи в Леде и были собраны под одной крышей большие и маленькие магазины.

Я огляделся, подумав было купить подарок для заболевшей Пегги, но, увидев цены, испытал настоящий шок. Если бы пришлось покупать на Бирже жалкие пятьдесят фунтов вещей, которые мне позволили взять с собой, они обошлись бы — истинная правда! — в несколько тысяч кредитов. Все, что доставлялось с Земли, стоило именно таких денег. Цена тюбика крема для бритья составляла двести восемьдесят кредитов.

Продавались также товары, изготовленные на Ганимеде, — в основном ручной работы и тоже дорогие, хотя и не настолько, как привезенные с Земли.

Я поспешно ретировался, поняв, что на Ганимеде стоит дешево только одно — еда.

Водитель тягача поинтересовался, где я был,

вместо того чтобы заниматься погрузкой.

— Стоило бы тебя тут бросить, чтобы добирался назад пешком, — проворчал он.

Я не нашелся что ответить и промолчал.

Вскоре зиму выключили. Тепловая ловушка заработала в полную силу, небо прояснилось, и наступила хорошая погода. Впервые я увидел небо Ганимеда вскоре после рассвета во время очередной солнечной фазы. Из-за тепловой ловушки небо выглядело бледно-зеленым, но на его фоне ярко сиял Юпитер — огромный и красно-оранжевый. Он был воистину прекрасен — я никогда не уставал смотреть на Юпитер!

Полная луна кажется большой, но Юпитер с Ганимеда больше нее в шестнадцать или семнадцать раз и закрывает собой в двести пятьдесят с лишним раз большую область неба. Он просто висит в небесах, не восходя и не заходя, и остается лишь удивляться, что его там держит.

Первый раз я увидел его в половинной фазе, и мне показалось, что прекраснее он быть просто не может. Но Солнце продолжало ползти по небу, и день спустя Юпитер превратился в серп, став еще прекраснее. В середине солнечной фазы мы, естественно, вошли в область затмения, и Юпитер приобрел вид огромного красного светя-

щегося кольца в небе, ярче всего сиявшего в том месте, где только что прошло позади него Солнце. Но лучше всего выглядит темная фаза.

Возможно, стоит объяснить подробнее про фазы. Я сам понял их суть, лишь оказавшись на Ганимеде. Ганимед настолько мал и настолько близок к своей главной планете, что, как и Луна, всегда повернут одной стороной к Юпитеру — именно потому Юпитер и выглядит неподвижным. Движется Солнце, движутся другие юпитерианские спутники, движутся звезды — но не старина Юпитер. Он просто висит на одном месте.

Ганимед совершает оборот вокруг Юпитера за земную неделю с небольшим, так что у нас есть трое с половиной солнечных суток, а затем трое с половиной суток тьмы. По времени Ганимеда период обращения составляет в точности одну неделю; двадцать четыре часа равны его седьмой части. При этом ганимедская минута получается примерно на стандартную секунду дольше земной, но кого это волнует? Кроме, естественно, ученых, но у них есть часы, отсчитывающие оба варианта времени.

Соответственно, неделя на Ганимеде проходит примерно так: Солнце восходит в полночь каж-

дое воскресенье, а утром в понедельник оно чуть выше восточного горизонта, и Юпитер находится в половинной фазе. Солнце продолжает подниматься все выше, и где-то к ужину во вторник оно уходит за Юпитер, из-за чего Ганимед оказывается в зоне затмения, которое может длиться от часа с небольшим до примерно трех с половиной. Появляются звезды, и плотная атмосфера Юпитера создает вокруг него потрясающий эффект красного кольца. Когда во вторник приходит пора ложиться спать, снова становится светло.

В полдень четверга Солнце заходит, и начинается темная фаза, которая прекраснее всего. Юпитер становится виден во всех своих красках, и намного легче разглядеть другие его спутники, которые могут находиться где угодно и практически в любых сочетаниях.

Юпитер и его спутники — своего рода миниатюрная солнечная система, и на Ганимеде чувствуешь себя зрителем в первом ряду. В небе всегда найдется что-то новое. Кроме одиннадцати «исторических» спутников, величиной от Ганимеда до Джей-десять или Николсон-Альфы, которая, по сути, не более чем шар из камня и льда всего пятнадцати миль в поперечнике, есть еще с десяток диаметром лишь в несколько миль,

но достаточно больших, чтобы называться спутниками, и бог знает сколько еще более мелких. Иногда мелкие спутники подлетают достаточно близко к Ганимеду, чтобы можно было увидеть их диски: в основном у них весьма вытянутые орбиты. В любой момент можно увидеть в небе несколько ярких огоньков — таких же, какими кажутся планеты с Земли.

Ио, Европа и Каллисто всегда выглядят как диски. Когда Европа проходит между Юпитером и Ганимедом, размер ее такой же, как и у Луны с Земли. Она и в самом деле такой же величины, как Луна, и в этот момент расстояние до нее составляет лишь около четверти миллиона миль.

Потом она уходит вдаль на миллион с лишним миль, становясь вчетверо меньше. Те же самые перемены претерпевает и Ио, но столь большой никогда не становится.

Когда Ио и Европа проходят между Ганимедом и Юпитером, их движение можно наблюдать невооруженным глазом, гонясь за их тенями или опережая их, в зависимости от фазы. Ио и Европа, находясь внутри орбиты Ганимеда, никогда не удаляются слишком далеко от Юпитера — Ио держится на расстоянии в пределах нескольких его диаметров, Европа может уйти от него граду-

сов на шестьдесят. Каллисто дальше Ганимеда и путешествует по всему небу.

От подобного зрелища невозможно устать. По сравнению с ним земное небо вгоняет в тоску.

К шести утра в субботу Юпитер оказывается в полной фазе, и стоит встать пораньше, чтобы это увидеть. Зрелище не только потрясающее, но при этом всегда возникает обратное затмение и видно, как вдоль лика старины Юпитера ползет тень Ганимеда, круглое черное пятнышко. Только теперь по-настоящему осознаешь колоссальные размеры Юпитера — твоя планета отбрасывает на него тень, а для него это не более чем веснушка.

Поперечник Юпитера составляет девяносто тысяч миль по экватору и восемьдесят четыре тысячи от полюса до полюса. Ганимед же не дотягивает и до трех тысяч.

В последующие дни после полной фазы Юпитер идет на убыль и к полуночи воскресенья снова оказывается в половинной фазе. Восходит солнце, и вновь начинается светлая фаза. Я ожидал, что солнечный свет окажется достаточно тусклым, — Юпитер далеко и получает в двадцать семь раз меньше света от Солнца, чем Земля; я полагал, что мы будем постоянно наблюдать нечто вроде сумерек.

Но все было иначе — мне казалось, будто солнце светит столь же ярко, как и на Земле. Джордж говорит, что это оптическая иллюзия, связанная с тем, как работает человеческий глаз, — радужная оболочка просто не пропускает лишний свет. Яркость солнечного света в пустыне на Земле составляет около десяти тысяч фут-свечей, на Ганимеде же — лишь четыреста. Но по-настоящему яркий искусственный свет отмечается при интенсивности всего в двадцать пять фут-свечей, и даже в хорошо освещенном помещении редко бывает столь светло.

Если в твоем распоряжении имеется лишь ведро в два галлона, есть ли разница, наполнишь ты его из океана или маленького пруда? Солнечного света на Ганимеде в любом случае было больше, чем способен воспринять глаз, и потому он выглядел столь же ярким, как и на Земле.

Однако я все же заметил, что получить солнечный ожог почти невозможно.

11. «Батраки»

Где-то через неделю Джордж обзавелся жильем, которое оказалось намного лучше, чем у большинства иммигрантов, но оно его не устраивало, как и Молли, да и меня на самом деле тоже.

Проблема заключалась в том, что для этого ему пришлось наняться инженером-управленцем в правительство колонии, а это означало, что он будет слишком занят и вряд ли у него найдется время на участок земли для фермы. Но к должности прилагалось семейное жилье — если можно назвать таковым две комнаты размером двенадцать на двенадцать футов.

Суть заключалась в том, что колония состояла из поселенцев и горожан. Горожане работали на правительство и жили в принадлежащих ему домах — за исключением немногих, занимавшихся частной торговлей. В число горожан входил представитель Комитета по делам колоний, пилот капитан Хэтти, инженеры-гидропоники, персонал больницы, специалисты с энергостанции и тепловой ловушки, персонал местной конторы проекта «Юпитер» и все остальные, занимавшиеся чем-либо, кроме возделывания земли. Однако большинство колонистов были поселенцами, на что рассчитывал и Джордж. Как и почти каждый, мы прилетели сюда потому, что нам пообещали бесплатную землю и возможность выращивать собственную еду.

Бесплатная земля действительно имелась — целая планета. Но совсем другое дело — построить

дом и основать ферму.

Изначально предполагалось, что колонист прилетает с Земли со своей семьей и высаживается в Леде. По прибытии Комитет по делам колоний дает ему квартиру в городе, помогает выбрать земельный участок и построить на нем дом. Комитет кормит его и его семью в течение года — то есть двух ганимедских лет, — пока он возделывает свои несколько акров. Затем у него есть десять лет, чтобы выплатить долг комитету, обработав для последнего как минимум двадцать акров — при этом ему позволено обрабатывать столько же земли для себя в течение всего времени, пока он расплачивается с долгами. После он может расшириться и приобрести больше земли, заняться торговлей — что угодно. У него уже есть надежная опора, и долг полностью выплачен.

Комитет по делам колоний вложил огромные средства в проект по созданию атмосферы, сделав планету пригодной для жизни. Инвестиции возвращались в виде обрабатываемой колонистами земли, и рано или поздно должен был наступить день, когда комитет станет обладателем тысяч акров превосходных сельскохозяйственных земель, которые он затем сможет продавать на Земле последующим поселенцам. Тем, кто хотел

эмигрировать с Земли, предстояло платить за это право, и немало. Такие, как мы, просто не могли бы себе этого позволить.

К тому времени, хотя Ганимед и был бы закрыт для свободной иммиграции, на Каллисто уже появилась бы атмосфера, и первопроходцы могли отправиться туда, начав все сначала. Банкиры называют подобное «самоокупаемостью», имея в виду первоначальные инвестиции с Земли.

Но на самом деле все получилось иначе. Когда мы высадились на Ганимеде, там было лишь около тридцати тысяч человек, и планировалось принимать примерно по пятьсот иммигрантов за земной год — именно столько могли перевезти все корабли старого типа. Не стоит забывать, что кораблям на ядерном реакторе требовалось на полет туда и обратно пять с лишним лет, так что для доставки подобного количества людей за год была необходима целая флотилия.

Потом «Звездный скиталец-2» переименовали в «Мэйфлауэр» и передали его Комитету по делам колоний, после чего им на голову свалилось сразу шесть тысяч человек. Мы оказались столь же долгожданными гостями, как и внезапно явившийся ночной визитер в семью больного.

Колонисты в течение целого земного года знали

о нашем прибытии, но возможности возразить у них не было. Хотя с Земли можно было отправить сообщение на Ганимед в любой момент, если только на пути не оказывалось Солнце, самое лучшее радио, которым могла похвастаться колония, требовало ретранслятора на Марсе, работавшего лишь тогда, когда Марс находился ближе всего к Юпитеру, что, увы, было отнюдь не так.

Должен признать, что для нас сделали все возможное. Еда имелась в избытке, и удалось организовать спальные места. Пункт приема иммигрантов ранее был разделен на семейные номера; пришлось снять переборки и использовать их для изготовления коек, на которых разместили нас. Перенеся в другое место городской совет, его здание превратили в столовую и кухню. Мы были укрыты от непогоды и хорошо накормлены, хотя нам и приходилось тесниться точно так же, как и на «Мэйфлауэре».

Возможно, вы спросите: почему, имея в распоряжении год, для нас не построили новые здания? Что ж, мы задали тот же вопрос, причем достаточно требовательно, — и ответ нас крайне огорчил.

Новые здания не построили потому, что просто не могли. До прибытия землян на Ганимеде не было ничего, кроме голого камня и льда. Есте-

ственно, все об этом знают — но знает ли каждый, что это означает? Я точно не знал.

Здесь не было ни древесины, ни листового металла, ни изоляции, ни проводов, ни стекла, ни труб. Поселенцы в Северной Америке строили хижины из бревен — но и бревен тут тоже не было.

Большие гидропонные ангары, пункт приема и несколько других общественных зданий возвели из материалов, доставленных с находившейся на расстоянии в полмиллиарда миль Земли. Остальную часть Леды и все дома поселенцев сооружали тяжким трудом из местного камня. Для нас сделали все, что могли, — с учетом того, что имелось в их распоряжении.

Вот только мы этого не оценили.

Естественно, жаловаться нам вряд ли стоило. Все-таки, как заметил Джордж, первым поселенцам в Калифорнии пришлось голодать, никто не знает, что случилось с колонией Роанок, а участники первых двух экспедиций на Венеру погибли все до единого. Нам же ничто не угрожало.

И даже если нам и приходилось на какое-то время смириться с казарменным образом жизни, нас ждала свободная земля.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что ждать придется довольно долго. Именно

потому Джордж в конце концов сдался и нанялся на работу инженером в управлении. Ближайшая открытая для поселения земля находилась в девяти милях от города, а чтобы она нашлась в достаточном количестве для шести тысяч человек, большинству из них пришлось отправиться за восемнадцать или двадцать миль.

Что такое двадцать миль? Несколько минут в подземке, прыжок вверх-вниз на вертолете — но, братец, приходилось ли тебе проделывать путь в двадцать миль пешком? А потом обратно?

Поселить шесть тысяч человек так далеко от города было невозможно — слишком медленным был процесс. Когда-то первопроходцы отправлялись в путь с ружьем и топором, а поселенцы следовали за ними в запряженных быками фургонах с мебелью и сельскохозяйственными орудиями. Двадцать миль ничего для них не значили.

Но не на Ганимеде.

В колонии имелось два тягача, и еще один доставили на «Мэйфлауэре». Они являлись единственными транспортными средствами на всей планете, предназначавшимися для обслуживания повседневных нужд не только шести тысяч новых поселенцев, но и прибывших ранее трид-

цати тысяч человек.

Все это объяснили нам на большом собрании глав семей. Мне там присутствовать не полагалось, но собрание проводилось на открытом воздухе, и ничто не могло мне помешать. В числе прочих в собрании участвовали главный эколог и главный инженер планеты, а вел его председатель совета колонии. Было заявлено, что Ганимед по-настоящему нуждается не в новых фермерах, а в производстве. Нужны были изыскатели, шахты, фабрики и механические мастерские. Планета нуждалась в любых металлических изделиях, которые слишком дорого было завозить с Земли. И потому любого, согласившегося работать по этой части, готовы были кормить не только год, но и неопределенно долго.

Что касается тех, кто настаивал на фермерстве, — что ж, вот вам земля, и делайте что хотите. Техники для ее обработки не хватало, так что могло пройти два или три года, прежде чем у данного конкретного иммигранта появится шанс возделать свой первый акр.

В первых рядах собравшихся кто-то встал и крикнул:

— Нас надули!

Председателю мистеру Толли не сразу удалось

успокоить толпу. Когда ему наконец дали возможность говорить, он ответил:

— Может, вас надули, а может, и нет. Смотря как считать. Готов согласиться, что здешние условия не таковы, какими их вам изображали на Земле. Собственно…

— Спасибо за одолжение! — язвительно бросил кто-то.

— Либо вы соблюдаете порядок, либо я закрываю собрание, — раздраженно заявил мистер Толли.

Все снова замолчали, и он продолжил. Нынешние поселенцы обработали больше земли, чем могли возделывать, и нуждались в рабочих руках, чтобы увеличить объемы урожая. Работа имелась для каждого — работа, которая давала бы ему какое-то занятие, обучала фермерству на Ганимеде, а заодно и кормила его жену и детей, пока он ждал бы своей очереди на поселение.

Когда до собравшихся дошел смысл слов мистера Толли, толпу словно сковало холодом, словно они почувствовали себя подобно Иакову, который после семи лет тяжкого труда узнал, что ему придется трудиться еще семь лет, чтобы получить желанную невесту. Собственно, я чувствовал себя так же, даже несмотря на то, что

Джордж уже решился на работу в управлении.

— Мистер председатель! — кто-то поднялся с места.

— Да? Ваша фамилия?

— Сондерс. Не знаю, как остальные, но я фермер и всегда им был. Но — именно фермер, а не батрак. Я прилетел сюда вовсе не затем, чтобы к кому-то наниматься. Можете делать со своим предложением все, что сочтете нужным, но я настаиваю на своих правах!

Послышались разрозненные аплодисменты, толпа оживилась.

— Никто вам этого не запрещает, мистер Сондерс, — ответил мистер Толли.

— Что ж, рад, что вы так считаете, мистер председатель. Но хватит этой чуши. Я желаю знать две вещи: какой участок земли я получу и когда мне будет предоставлена техника, чтобы я смог начать приводить его в надлежащее состояние?

— По поводу своего первого вопроса можете проконсультироваться с земельной конторой, — сказал мистер Толли. — Что касается второго — вы слышали главного инженера, по оценке которого среднее время ожидания техники составит около года и девяти месяцев.

— Слишком долго.

— Ничего не поделаешь, мистер Сондерс.

— И что вы предлагаете?

Мистер Толли пожал плечами и развел руками:

— Я не волшебник. Мы передали с «Мэйфлауэром» срочное сообщение для Комитета по делам колоний, чтобы со следующим рейсом нам не присылали больше колонистов, но прислали технику. Если они согласятся, возможно, к следующей зиме ситуация облегчится. Но, как вы видели — как уже видели мы все, — Комитет по делам колоний принимает решения, не советуясь с нами. Первый рейс «Мэйфлауэра» следовало сделать полностью грузовым, а вам — подождать.

— К следующей зиме, говорите? — немного подумав, ответил Сондерс. — До нее еще пять месяцев. Думаю, я человек разумный и смогу подождать. Но никакого батрачества — это исключено!

— Я вовсе не говорил, что вы сможете поселиться на своей земле через пять месяцев, мистер Сондерс. Может пройти год и девять месяцев или даже больше.

— Ни за что не поверю!

— Как вам будет угодно. Но речь идет о фактах, а не о некой теории. Если вам все-таки придется

ждать и вы не станете работать на другого фермера, как вы намерены все это время кормить себя и свою семью?

Мистер Сондерс окинул взглядом собравшихся и широко ухмыльнулся:

— Что ж, в таком случае, мистер председатель, полагаю, кормить нас придется правительству, пока оно не сможет обеспечить выполнение условий договора. Свои права я знаю.

Мистер Толли посмотрел на него так, словно только что откусил от яблока и обнаружил внутри вместо червяка самого Сондерса.

— Мы не допустим, чтобы ваши дети голодали, — медленно проговорил он, — но что касается вас — можете хоть камни грызть. Кто не работает тот не ест.

— Это вам просто так не пройдет! — едва не взорвался Сондерс. — Я подам в суд на правительство и на вас как на его ответственного представителя. Вы не можете…

— Заткнитесь! — рявкнул мистер Толли и продолжил уже спокойнее, обращаясь ко всем нам: — Будем откровенны — вас соблазнили прилететь сюда радужными обещаниями, и ваше разочарование вполне понятно. Ваш контракт, однако, подписан с Комитетом по делам колоний, находя-

щимся на Земле, и у вас нет никакого контракта с общественным советом Ганимеда, председателем которого я являюсь. Соответственно, граждане Ганимеда ничем вам не обязаны, и мы пытаемся о вас заботиться лишь из общепринятой любезности. Если вам не нравится то, что мы вам предлагаем, — не набрасывайтесь на меня, от меня все равно ничего не зависит. Обсуждайте все вопросы с представителем иммиграционной службы — для этого он тут и находится. Собрание объявляю закрытым!

Но иммиграционного представителя там не оказалось — он предпочел держаться от собрания подальше.

12. Пчелы и нули

Нас в самом деле надули, и столь же ясно было, что помощи ждать неоткуда. Некоторые иммигранты действительно пообщались с представителем Комитета по делам колоний, но особого утешения это им не принесло. По его словам, он подал в отставку после того, как понял всю тщетность попыток исполнять невыполнимые распоряжения, находясь в пятистах миллионах миль от главной конторы, и собирался вернуться домой, как только прибудет сменщик.

Это стало поводом для нового возмущения — если он может отправиться домой, значит могут и другие. «Мэйфлауэр» все еще висел на орбите, принимая груз. Многие требовали, чтобы их отправили обратно на корабль.

Капитан Харкнесс заявил, что у него нет полномочий везти через полсистемы безбилетных пассажиров. Тогда они снова накинулись на представителя комитета, подняв немалый шум.

Наконец проблему сумел решить совет во главе с мистером Толли. В брюзгах и слабаках Ганимед не нуждался. Было заявлено, что, если комитет откажется доставить обратно тех, кто считал себя обманутым и не желал здесь оставаться, следующей партии вообще не будет разрешено высадиться на планету. Представитель сдался и выписал капитану Харкнессу ордер на их транспортировку.

Мы устроили по этому поводу семейный совет в больничной палате Пегги — она вынуждена была там оставаться, поскольку врачи держали ее в условиях нормального земного атмосферного давления.

Остаться нам или вернуться? Отец пребывал в затруднительном положении. На Земле он по крайней мере работал на себя, здесь же он был

всего лишь наемным служащим. Если бы он оставил работу и решил стать поселенцем, ему пришлось бы два или три ганимедских года трудиться подручным в поле, прежде чем мы смогли бы рассчитывать на собственную ферму.

Но главная проблема заключалась в Пегги. Хотя она и прошла медицинскую комиссию на Земле, к низкому давлению на Ганимеде она приспособиться так и не смогла.

— Возможно, ничего не поделаешь, — сказал Джордж Молли. — Нужно вернуть Пег в те условия, к которым она привыкла.

Молли посмотрела на его вытянувшуюся длиннее моей руки физиономию:

— Джордж, ты же не хочешь вернуться?

— Не в том дело, Молли. На первом месте благополучие детей.

Он повернулся ко мне и добавил:

— Тебя, Билл, это ни к чему не обязывает. Ты достаточно взрослый и можешь решать сам. Если хочешь остаться — уверен, это можно устроить.

Я ответил не сразу. На семейный совет я пришел основательно не в духе — не только из-за того, что нас водили за нос, но и из-за стычки с компанией местных мальчишек-колонистов. Но больше всего меня выводило из себя давление

воздуха в палате. К пониженному давлению я уже успел привыкнуть, и оно мне нравилось. В палате же Пегги, где давление равнялось земному, я с трудом мог дышать, и мне казалось, будто я плаваю в теплом супе.

— Вряд ли мне хотелось бы вернуться, — сказал я.

Пегги сидела в постели с широко раскрытыми, словно у детеныша лемура, глазами.

— Я тоже не хочу обратно! — заявила она.

Молли не ответила, лишь погладила ее по руке.

— Джордж, — сказала она, — я много над этим думала. Знаю, возвращаться ты не хочешь, и Билл тоже. Но нам вовсе не обязательно возвращаться всем вместе. Можно…

— Исключено, Молли, — решительно возразил отец. — Я не для того на тебе женился, чтобы с тобой расстаться. Если тебе придется вернуться — я вернусь с тобой.

— Я не об этом. Пегги может вернуться с О'Фаррелами. Моя сестра ее встретит и позаботится о ней. Когда сестра узнала, что я решила лететь, она хотела, чтобы я оставила Пегги с ней, так что все будет хорошо.

На Пегги она не смотрела.

— Но, Молли! — проговорил отец.

— Нет, Джордж, — ответила она, — я все продумала. Мой первый долг — перед тобой. И это вовсе не значит, будто о Пегги будут плохо заботиться, — Феба станет ей матерью, и…

К Пегги наконец вернулся дар речи.

— Не хочу жить с тетей Фебой! — завопила она и разревелась.

— Ничего не выйдет, Молли, — сказал Джордж.

— Джордж, — возразила Молли, — меньше пяти минут назад ты заявлял, что готов оставить Билла одного.

— Но Билл практически мужчина!

— Он не настолько взрослый, чтобы жить самостоятельно. И речь вовсе не о том, чтобы оставить Пегги одну, — Феба окружит ее любовью и заботой. Нет, Джордж, если бы женщины сбегали домой при первых же проблемах, никаких первопроходцев никогда бы не было. Пегги придется вернуться, но я останусь.

Пегги на время перестала плакать и заявила:

— Я не вернусь! Я тоже первопроходец — правда, Билл?

— Конечно, малышка! — ответил я и погладил ее по тыльной стороне ладони.

Она вцепилась мне в руку.

Не знаю, отчего у меня вырвались последующие слова. Воистину — от этой малявки у меня была одна лишь головная боль из-за ее бесконечных вопросов и требований разрешить ей делать все то же самое, что делал я. И тем не менее я услышал собственный голос:

— Не беспокойся, Пегги. Если ты полетишь назад, я полечу с тобой.

Отец резко взглянул на меня, затем повернулся к Пегги:

— Билл сказал не подумав, детка. Так что особо не рассчитывай.

— Но это же правда, Билл? — спросила Пегги.

Я уже успел пожалеть о сказанном, но все же ответил:

— Конечно, Пегги.

Она снова повернулась к отцу:

— Вот видишь? Но это неважно — мы все равно не вернемся, никто из нас. Ну пожалуйста, папочка, — я обещаю, что выздоровею. Мне с каждым днем все лучше.

Конечно, ей было лучше — в палате под давлением. Я сидел весь в поту, жалея, что не сумел удержать язык за зубами.

— Не знаю, что и делать, Джордж, — сказала Молли. — Что думаешь?

— Гм…

— Так что?

— Ну… думаю, мы можем поднять давление в одной комнате в нашей квартире. Могу соорудить в мастерской какой-нибудь насос.

Слезы Пегги внезапно высохли.

— То есть я смогу выйти из больницы?

— Да, милая, если у папы все получится.

Молли с сомнением посмотрела на отца.

— Но, Джордж, это не решает наших проблем.

— Может, и нет. — Он встал и расправил плечи. — Но ясно одно — либо мы все улетаем, либо все остаемся. Лермеры будут держаться вместе. Отныне и навсегда.

Ошибались мы не только насчет наших возможностей как поселенцев. Как выяснилось, на Ганимеде уже были скауты, хотя известие об этом до Земли пока не добралось. После высадки отряды с «Мэйфлауэра» не проводили сборов — все были попросту слишком заняты. Скаутом быть, конечно, весело, но порой на это просто нет времени.

Не проводил сборов и местный отряд Леды. Раньше они собирались в здании городского совета, но теперь оно стало нашей столовой, и они остались без помещения, что вряд ли прибавило

с их стороны дружеских чувств к нам.

На того парня я наткнулся на Бирже — он просто проходил мимо, и я заметил на его груди маленькую нашивку — явно самодельную и не слишком качественную, но она все же привлекла мое внимание.

— Хей! — крикнул я.

Он остановился:

— И тебе «хей»! Это ты мне кричал?

— Ну… да. Ты ведь скаут?

— Само собой.

— Я тоже. Меня зовут Билл Лермер, — я протянул ему левую руку, как принято у скаутов.

Он ответил тем же:

— Сергей Росков, — и окинул меня взглядом. — Ты из новеньких?

— Да, прилетел на «Мэйфлауэре».

— Понятно. Без обид — я тоже родился на Земле. Значит, был там скаутом? Отлично. Приходи на сбор, и мы снова тебя запишем в наши ряды.

— Я и сейчас скаут, — возразил я.

— Ага, понял — «бывших скаутов не бывает». Ладно, приходи, и сделаем все официально.

Мне самое время было заткнуться, но такая уж моя черта, — наверное, даже когда вострубил бы ангел Страшного суда, я все равно говорил бы, а

не слушал.

— Все и так официально, — сказал я. — Я старший командир патруля, отряд имени Баден-Пауэлла.

— Не далековато ли ты оказался от своего отряда?

И я все ему рассказал. Он выслушал меня до конца, а затем спокойно ответил:

— И вам еще хватило наглости назваться бойскаутами Ганимеда? Больше ничего не хотите себе присвоить? Наш зал собраний вы уже заполучили, может, теперь и в наших постелях спать пожелаете?

— Ты о чем?

— Ни о чем. — Он немного подумал. — Всего лишь дружеское предупреждение, Билл…

— Гм?

— Здесь есть только один старший командир патруля — и он прямо перед тобой. Так что не перепутай. Но на сбор все равно приходи, — добавил он. — Мы всегда рады новому салаге.

Вернувшись на приемный пункт, я нашел Хэнка Джонса и все ему рассказал. Он восхищенно уставился на меня.

— Вильям, старина, — заявил он, — следует отдать тебе должное — у тебя истинный талант

испортить что угодно. Это и впрямь нелегко.

— Думаешь, я настолько напортачил?

— Надеюсь, что нет. Что ж, найдем доктора Арчибальда и посмотрим, что можно сделать.

Скаут-мастер нашего отряда заведовал клиникой, и нам пришлось подождать, пока он закончит прием пациентов.

— Вы что, заболели или просто хотите сжульничать? — спросил он.

— Док, — сказал я, — мы ошибались. На Ганимеде уже есть скауты.

— Знаю, — ответил он.

— Как? — удивился я.

— Мы с мистером Гинзбергом и мистером Бруном вели переговоры со здешним скаутским руководством, чтобы решить, каким образом наши отряды могут войти в вышестоящую организацию. Несколько осложняет ситуацию тот факт, что скаутов с «Мэйфлауэра» на самом деле больше, чем в местном отряде. Но все полномочия, естественно, у них.

— Ясно, — пробормотал я.

— Через несколько дней устраиваем объединенный сбор — после того, как договоримся о правилах.

Немного подумав, я решил, что все же стоит

рассказать ему о случившемся. Он молча меня выслушал, и я наконец сказал:

— Хэнк считает, что я все испортил. Что думаете, док?

— Гм… — проговорил он. — Надеюсь, он ошибается. Но, полагаю, лучше точно не стало.

Я не знал, что ответить.

— Не стоит устраивать трагедию, — посоветовал он. — Все будет хорошо. А теперь беги и обо всем забудь. Возможно, ничего не изменится.

Но изменения все-таки случились. Док и остальные добивались того, чтобы наши отряды признали законными с сохранением всех званий. Но после того, как Сергей рассказал всем о нашем разговоре, настоящие скауты Ганимеда завопили, будто мы всего лишь компания салаг, и неважно, кем мы были раньше на Земле. Нам предстояло начать все с нуля, а если от нас был хоть какой-то толк, мы могли это доказать, сдав все положенные зачеты.

В итоге был найден компромисс — как говорит Джордж, подобные ситуации всегда заканчиваются компромиссом. Звания подтверждались условно, с требованием в течение года сдать все зачеты, отличавшиеся от наших. Наши отряды сохранялись в прежнем составе, но с одной су-

щественной разницей: все командиры патрулей должны были быть из числа изначальных скаутов Ганимеда — их перевели к нам из отряда Леды. Должен признать, отчасти это было справедливо — как я мог быть командиром патруля на Ганимеде, будучи настолько зеленым новичком, что не отличал здешний север от запада? Но другим бывшим командирам патрулей не слишком понравилось, когда они узнали, что виновником всех проблем оказался я.

На этот счет у нас состоялся разговор с Хэнком.

— Билли, мальчик мой, — сказал он мне, — надеюсь, ты понимаешь, что твоя популярность теперь не больше, чем у муравьев на пикнике?

— Кому какое дело? — возразил я.

— Тебе есть дело. Самое время совершить аутодафе.

— И что означает это самое аутодафе, черт бы его побрал?

— В данном случае это означает, что тебе следует перейти в отряд Леды.

— С ума сошел? Сам знаешь, что эти ребята о нас думают, особенно обо мне. Мне еще повезет, если вообще жив останусь.

— Что лишь показывает, насколько плохо ты знаешь человеческую природу. Конечно, при-

дется на первых порах потерпеть, но это самый быстрый способ вернуть себе кое-какое уважение.

— Хэнк, ты и впрямь дурак? В том отряде я действительно стал бы салагой — да еще каким!

— О том и речь, — спокойно ответил Хэнк. — Мы все салаги — только в нашем собственном отряде этого не видно. И если мы останемся здесь, мы еще долго будем салагами. Но если мы перейдем к ним, мы окажемся среди тех, кто знает здешнюю жизнь не понаслышке, и кое-что из их познаний перепадет и нам.

— Ты сказал «мы»?

— Я сказал «мы».

— Понял. Ты сам хочешь перейти в тот отряд и придумал трюк насчет того, чтобы так же поступил и я. Тебе просто нужна компания. Хорош друг, нечего сказать!

Он лишь усмехнулся, нисколько не смутившись:

— Эх ты, старина Билл! Тебя что, по башке надо стукнуть раз восемь-девять, чтобы ты вник в суть? Все не так уж плохо. Ровно через четыре месяца и девять дней мы больше не будем салагами и станем старожилами.

— Откуда такая точная дата?

— Оттуда, что именно тогда «Мэйфлауэр» вернется из очередного рейса, и как только прибывшие на нем ступят на Ганимед, новичками окажутся уже они.

— Вот оно что!

Так или иначе, мы перешли в отряд Леды, и на первых порах нам пришлось нелегко, особенно мне… как, например, в ту ночь, когда меня заставили рассказать, каково это — быть героем, и какой-то балбес прицепился к моей истории про метеорит. Но я с честью выдерживал все испытания, и Сергей вмешивался каждый раз, когда видел, что надо мной пытаются насмехаться. В конце концов им просто надоело.

Сергей настолько старался изобразить из себя благородного рыцаря, что мне хотелось дать ему хорошего пинка.

Чтобы вернуть себе прежнее звание скаута-орла, мне требовалось получить лишь две нашивки, сдав зачеты по агрономии и планетарной экологии в условиях Ганимеда. Обе темы были непростыми, но стоили того, чтобы их изучить, — в конце концов, без подобных знаний на Ганимеде резко снижались шансы выжить. И я начал грызть гранит науки.

Экология оказалась одним из самых сложных

предметов, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело. Когда я сказал об этом Джорджу, он ответил, что, возможно, политика еще хуже, а если подумать, то, может быть, политика является всего лишь одним из аспектов экологии. В словаре говорится, что экология — «наука о взаимоотношениях живых организмов и окружающей среды». Это мало что значит. Примерно как называть ураган движением воздуха.

Проблема с экологией заключается в том, что непонятно, с чего начать, — любое явление влияет на все остальное. Не соответствующие сезону заморозки в Техасе могут повлиять на цену завтрака на Аляске, а она, в свою очередь, на улов лосося, и так далее. Или, скажем, пример из истории: английским колониям требовались молодые холостяки из Англии, и потому дома оставались старые девы; старые девы держат кошек, кошки ловят полевых мышей, полевые мыши разоряют гнезда шмелей, шмели опыляют клевер, клевер едят коровы, а коровы снабжают мясом английских солдат, которые защищают колонии, куда эмигрировали холостяки, вследствие чего появились старые девы.

Не слишком научно, да? Чересчур много переменных, и вместо них не подставить цифры.

Джордж говорит, что, если ты не можешь что-то измерить и записать в виде цифр, ты слишком мало знаешь о предмете, чтобы называть это наукой, и что касается его самого — спасибо, но он лучше займется инженерным делом.

Впрочем, некоторые стороны прикладной экологии на Ганимеде вполне поддавались изучению. Взять, к примеру, насекомых — на Ганимеде ты ни при каких обстоятельствах не имел права раздавить их. Когда люди впервые высадились на планету, насекомых здесь не было вообще. И теперь любые букашки существуют на Ганимеде лишь потому, что таков был план совета по экологии и главный эколог одобрил их внедрение в окружающую среду. Ему нужно, чтобы насекомые жили и процветали, выполняя свои естественные функции, и плодили множество новых маленьких насекомых.

Естественно, скауту даже в голову не придет раздавить насекомое, разве что ядовитого паука, но все равно постоянно приходится помнить, что, стоит тебе наступить на таракашку, последует суровый штраф — если попадешься, — а также назидательная лекция о том, что колония вполне может обойтись и без тебя, зато насекомые для нее жизненно необходимы.

Или, например, дождевые черви. Я знаю, что они стоят столько же, сколько такое же количество урана, поскольку мне приходилось их покупать. Фермеру без дождевых червей не обойтись.

Внедрение насекомых в экологию планеты — не столь простое дело, как может показаться. У Ноя было куда меньше проблем с его животными, каждой твари по паре, поскольку, когда ушли воды потопа, в его распоряжении оставалась приспособленная к нуждам его «пассажиров» планета. Ганимед — не Земля. Взять, например, пчел — мы привезли их на «Мэйфлауэре», но не выпустили на свободу. Все они находились в ангаре под названием «Оаху», и оставаться им там предстояло достаточно долго. Пчелам нужен клевер или его близкое подобие. Клевер мог расти на Ганимеде, но реальное предназначение его заключалось в том, чтобы вносить в почву азот и таким образом освежать истощившиеся поля. Но клевер мы пока не сажали, поскольку азота в воздухе было слишком мало.

Но я забегаю вперед, касаясь инженерной стороны экологии. До нашего появления Ганимед состоял из голого камня и льда, на нем царил жуткий холод и практически отсутствовала ат-

мосфера — лишь следы аммиака и метана. Так что первым делом требовалось снабдить его атмосферой, пригодной для дыхания человека.

Материал имелся под рукой — лед. Приложив достаточное количество энергии, можно разбить молекулу воды на водород и кислород. Водород естественным образом поднимается вверх, а кислород остается на поверхности, где им можно дышать. Процесс продолжался пятьдесят с лишним лет.

Кто-нибудь может представить, сколько энергии нужно, чтобы снабдить планету размеров Ганимеда по всей ее поверхности кислородом под давлением в три фунта на квадратный дюйм?

Три фунта на квадратный дюйм означают девять фунтов массы, поскольку сила тяжести на Ганимеде составляет лишь треть от земной. Это значит, что на каждый квадратный фунт поверхности Ганимеда нужно израсходовать как минимум девять фунтов льда — и лед этот крайне холоден, двести с лишним градусов ниже нуля по Фаренгейту.

Сначала его нужно нагреть до точки плавления, после чего растопить, а затем разложить молекулу воды на кислород и водород — не с помощью обычного лабораторного электролиза,

но нагревая до сверхвысокой температуры в преобразователе массы. В результате получается три фунта кислородно-водородной смеси на квадратный дюйм. Смесь эта не взрывоопасна, поскольку легкий водород остается наверху и пограничный слой слишком близок к вакууму, чтобы поддерживать горение.

Но чтобы этого добиться, требуется энергия, и немало — шестьдесят пять тысяч британских тепловых единиц[14] на каждый квадратный дюйм поверхности, или на каждые девять фунтов льда, если кому-то так нравится больше. Ганимед, может, и небольшая планета, но ее поверхность составляет 135 000 000 000 000 000 квадратных дюймов поверхности. Умножим это на 65 000 БТЕ на каждый квадратный дюйм, затем переведем их в эрги и получим:

92 500 000 000 000 000 000 000 000 000 000 эргов.

Девяносто два с половиной миллиона миллиардов квадриллионов эргов! Число это показалось мне столь красивым, что я записал его в своем дневнике и показал Джорджу.

Его это особо не впечатлило. Джордж сказал,

---

[14] Примечания: 14

Британская тепловая единица — количество тепла, необходимое для того, чтобы поднять температуру одного фунта воды на один градус Фаренгейта (примерно 252 калории).

что все числа одинаковы и ни на кого, кроме тупиц, не производят впечатления цепочки нулей. Он заставил меня рассчитать, что означает данное число в понятиях массы-энергии, через добрую старую формулу $E = MC^2$, поскольку для снабжения Ганимеда атмосферой использовались преобразователи массы в энергию.

По закону Эйнштейна один грамм массы равен 9 × 1029 эргов, так что то причудливое длинное число превращается в 1,03 × 1011 граммов энергии, или 113 200 тонн. В основном в энергию превращался лед, хотя, вероятно, и часть местного камня тоже. Преобразователь массы мог сожрать что угодно.

Предположим, что речь идет только о льде, тогда в итоге получается ледяной куб со стороной в сто шестьдесят футов. По крайней мере, это число было доступно моему пониманию.

Я показал ответ Джорджу, но тот все равно его не впечатлил. Он сказал, что я должен понимать суть обоих чисел одинаково легко и мне следует осознать, что оба они означают одно и то же и имеют одну и ту же величину.

Не стоит думать, будто атмосфера Ганимеда была создана из ледяного куба со стороной в сто шестьдесят футов, — это всего лишь масса,

которую пришлось преобразовать в энергию, чтобы проделать данный трюк. Масса льда, превращенного в кислород и водород, покрыла бы всю планету слоем толщиной в двадцать с лишним футов — подобно полярной шапке, когда-то покрывавшей Гренландию.

Как говорит Джордж, все это доказывает, что изначально Ганимед был целиком скован льдом и, не будь у нас преобразователей массы, мы никогда не сумели бы его колонизировать. Порой мне кажется, что инженеры настолько лишены фантазии, что слишком многие радости жизни проходят мимо них.

После того как на Ганимеде установилось давление в три фунта на квадратный дюйм, заработала тепловая ловушка и планета достаточно нагрелась для того, чтобы кровь не замерзала в жилах. На нее смогли прилететь колонисты, которым не требовалось ходить в скафандрах и жить в герметичных помещениях. Однако проект по созданию атмосферы на этом не закончился. Во-первых, поскольку первая космическая скорость на Ганимеде была слишком низкой, всего одна и восемь десятых мили в секунду по сравнению с семью милями в секунду на Земле, новая атмосфера постепенно улетучивалась в космос,

особенно водород, и примерно за миллион лет исчезла бы полностью. Во-вторых, нужен был азот.

Азот не требуется нам для дыхания, и обычно мы особо о нем не задумываемся. Но азот необходим для производства белка — мышечной ткани. Большинство растений получают его из земли; некоторые, наподобие клевера, люцерны и бобовых, получают азот также из воздуха и возвращают его в землю. Почва Ганимеда богата азотом — изначальная скудная атмосфера состояла отчасти из аммиака. Но рано или поздно настало бы время, когда нам пришлось бы возвращать азот обратно туда, откуда мы его брали. Так что атмосферный проект был теперь нацелен на производство азота.

Данный процесс был не столь прост, как разложение воды, — он требовал превращения стабильного изотопа кислорода-16 в стабильный изотоп азот-14. Реакция эта потребляла столько энергии, что вряд ли была бы возможна в природе — по крайней мере, так говорилось в книге, — и в течение долгого времени считалась невозможной даже теоретически. Ядерную физику я знал лишь в объеме средней школы, так что все уравнения я пропустил. Суть заключалась в том, что подобная возможность все же была при наличии

нужного типа преобразователя массы, и Ганимед мог получить азот в атмосфере к тому времени, когда его поля истощатся и их потребуется вновь обогащать.

С углекислым газом проблем не было — на Ганимеде имелась не только замерзшая вода, но и сухой лед, который испарился в атмосферу задолго до того, как первый поселенец заявил о своих правах.

Но это вовсе не означало, что можно начать заниматься сельским хозяйством, если у тебя в распоряжении кислород, углекислый газ и участок земли. Эта земля была столь же мертва, как Христофор Колумб. Голый стерильный камень, лишенный какой-либо жизни — которой здесь никогда не существовало. Требуется немало труда, чтобы превратить мертвый камень в плодородный теплый чернозем, кишащий бактериями и земляными червями, — то есть в ту почву, с которой можно получить урожай.

Именно создание почвы и стало задачей первых поселенцев.

Чувствуете, насколько все сложно? Клевер, пчелы, азот, первая космическая скорость, баланс растений и животных, газовые законы, законы сложных процентов, метеорология, математика

— экологу приходится думать обо всем, причем наперед. Экология подобна взрывчатому веществу — то, что может показаться мелочью и безобидным вмешательством, способно изменить всеобщее равновесие. Все слышали про английских воробьев, про австралийских кроликов, едва не сожравших весь континент до последнего дома, про карибских мангустов, уничтоживших кур, которых они должны были защищать, и про африканскую улитку, практически погубившую Западное побережье, прежде чем удалось найти убивающего ее паразита.

Стоит привезти на Ганимед безобидное полезное насекомое, растение или животное, позабыв взять заодно его естественных врагов, и через пару сезонов начнешь жалеть, что не завез вместо них бубонную чуму.

Но все это было заботой главного эколога; в задачи же фермера входила прикладная агрономия — создание почвы, а затем выращивание на ней растений.

Это означало, что все попадавшееся по пути — вытаявшие из льда гранитные валуны, потоки застывшей лавы, пемзу, песок, древнюю твердую породу — приходилось взрывать на мелкие кусочки, дробить их верхний слой в песок, из-

мельчать верхние несколько дюймов в пыль и наконец вносить в почву частицу самой матери Земли. А потом за ней требовалось ухаживать, поддерживая в ней жизнь и помогая ей распространяться. Нелегкая работа.

Но все это было крайне интересно. Я полностью позабыл о своем первоначальном намерении изучить тему лишь ради того, чтобы сдать зачет на нашивку. Поспрашивав других, я выяснил, где можно увидеть разные стадии этого процесса, и взглянул на них сам, потратив на это большую часть светлой фазы.

Вернувшись в город, я узнал, что меня искал Джордж.

— Где ты был, черт побери? — требовательно спросил он.

— Да просто болтался в округе, — ответил я. — Смотрел, как работают поселенцы.

Он поинтересовался, где я спал и как мне удавалось раздобыть еду.

— Билл, то, что ты учишься ради своих нашивок, — все это очень хорошо, но и в бродягу превращаться тоже ни к чему, — возразил он. — Возможно, в последнее время я мало уделял тебе внимания — извини…

Он ненадолго задумался.

— …Пожалуй, тебе стоило бы пойти в здешнюю школу. Вряд ли они многое смогут тебе дать, но все лучше, чем болтаться без дела.

— Джордж?

— Да, наверное, так будет лучше…

— Ты что, полностью отказался от мысли стать поселенцем?

Во взгляде отца промелькнуло беспокойство.

— Сложный вопрос, Билл. Я до сих пор хочу, но поскольку Пегги больна — трудно сказать. Но наша фамилия до сих пор в списках. Я должен принять решение до жеребьевки.

— Пап, я все сделаю.

— То есть?

— Оставайся на своей работе и позаботься о Пегги и Молли. А обустройством фермы займусь я.

13. Джонни Яблочное Семечко[15]

Жеребьевка земельных участков состоялась три недели спустя, и на следующий день мы с Джорджем отправились взглянуть, что же нам досталось. Участок находился к западу от города,

---

[15] Примечания: 15

Джонни Яблочное Семечко — прозвище Джонатана Чепмена (1774–1845), первым начавшего сажать яблони на Среднем Западе Америки. Впоследствии стал фольклорным персонажем.

за грядой Кнейпера, в незнакомой мне местности — в основном я бродил восточнее, ближе к энергостанции, где располагалась большая часть обработанной земли.

Некоторые из попадавшихся нам по пути ферм выглядели не так уж плохо — несколько возделанных акров, покрытых пышной зеленью, и намного больше уже разровненной и очищенной от камней территории. Мне это напомнило Иллинойс, но чего-то не хватало. Наконец я понял, чего именно, — деревьев.

Но даже без деревьев пейзаж был прекрасен. Справа, к северу от нас, простирались подножия Больших Сахарных гор, в двадцати или тридцати милях за которыми высились покрытые снегом вершины. Слева, изгибаясь с юга в сторону Леды, тянулась лагуна Серенидад. Мы находились на высоте в пару сотен футов над озером. День был ясный, и я попытался разглядеть дальний берег, но не уверен, что мне это удалось.

У отца тоже поднялось настроение, и он немелодично насвистывал на ходу старый госпел «Земля обетованная». Что касается меня, то я унаследовал свои музыкальные способности от Энн.

— Билл, я тебе завидую, — прервавшись, сказал отец.

— Мы все равно будем вместе, Джордж, — ответил я. — Я всего лишь иду в авангарде.

Немного подумав, я добавил:

— Джордж, знаешь, что я первым делом стану выращивать, после того как посажу съедобные растения?

— Что?

— Закажу с Земли семена и выращу тебе немного табака.

— Только не это, сынок!

— Почему? — Я понял, что мои слова его тронули — иначе он не назвал бы меня «сынок». — Вполне реально.

— Весьма благородно с твоей стороны, но нужно думать о главном. К тому времени, когда мы сможем себе позволить подобное, я уже позабуду, как разжигать трубку. Если честно, я не особо по ней скучаю.

Какое-то время мы шли молча, радуясь вновь возникшему чувству близости. Наконец дорога закончилась. Остановившись, отец достал из сумки нарисованную от руки карту:

— Должно быть, где-то здесь.

На карте было показано, где заканчивается дорога, а дальше шла пунктирная линия, отмечавшая, где та пройдет впоследствии. Виднелись

также очертания нашей фермы, ближайший угол находился примерно в полумиле дальше по несуществующей дороге. Судя по карте, граница наших владений — или наших возможных владений, если мы сумеем привести их в пригодный для жизни вид, — проходила вдоль северной стороны дороги на протяжении около четверти мили, а оттуда сворачивала в сторону предгорий. Поверх надписи «Участок 117-Н-2» стояла печать главного инженера.

Отец смотрел туда, где завершалась дорога. Прямо поперек ее пересекал поток застывшей лавы высотой с меня, неприступный и суровый, словно зима в штате Мэн.

— Билл, — спросил отец, — насколько ты хороший индеец?

— Пожалуй, неплохой.

— Надо попробовать измерить участок шагами, идя прямо на запад.

Но это оказалось почти невозможно. Постоянно приходилось двигаться в обход, оскальзываясь на лаве, которая только внешне кажется мягкой. Отец ободрал ногу, а я обнаружил, что потерял счет пройденным шагам. Наконец, перебравшись через лаву, мы вышли на поле каменных глыб размером от кулака до целого дома, которые

оставил после себя растаявший ледник — на его месте теперь располагалась лагуна Серенидад.

Как говорит Джордж, у Ганимеда наверняка была бурная молодость среди горячего пара и вулканических извержений.

Преодолеть поле валунов было несколько проще, зато выдерживать прямое направление — намного сложнее. Вскоре отец остановился.

— Билл, — сказал он, — ты знаешь, где мы?

— Нет, — признался я, — но мы вовсе не заблудились. Если двинемся на восток, рано или поздно выйдем к обработанной земле.

— Пожалуй, стоит так и сделать.

— Погоди.

Впереди виднелся особенно крупный валун. Огибая камни, я подошел к нему и сумел вскарабкаться на его вершину, отделавшись лишь царапиной на руке.

— Вижу дорогу, — сообщил я отцу. — Мы к северу от того места, где нам следует быть. Похоже, мы слишком далеко зашли.

Запомнив ориентир, я слез с камня. Пройдя, как мне показалось, нужное расстояние на юг, мы снова свернули на восток.

— Похоже, мы промахнулись, Джордж, — вскоре сказал я. — Не такой уж я хороший индеец.

— Правда? — спросил он. — А это что?

Отец чуть опередил меня и теперь стоял возле каменной пирамиды с плоской плитой наверху, на которой было написано краской: «117-Н-2, Юго-Вост. угол».

Последние полчаса мы находились на территории нашей фермы — к ней относился и громадный валун, на который я взбирался. Присев на относительно ровный камень, мы огляделись вокруг. Какое-то время мы оба молчали, думая об одном и том же: если это ферма, то я прихожусь сам себе двоюродным дедушкой.

Отец что-то пробормотал.

— Что? — переспросил я.

— Голгофа, — громче проговорил он. — Голгофа, обитель черепов.

Проследив за его взглядом, я увидел большой камень, лежавший поверх другого. В лучах солнца он действительно напоминал скалящийся череп.

Тишина стояла такая, что слышно было, как звенит в ушах. Окружающая обстановка вгоняла в тоску. Я отдал бы что угодно, лишь бы услышать какой-то звук или увидеть какое-то движение. Даже выскочившую из-за камня ящерицу я готов был расцеловать от счастья.

Но ящериц здесь никогда не существовало.

— Билл, — наконец спросил отец, — уверен, что справишься?

— Конечно уверен.

— Знаешь, тебе это вовсе не обязательно. Если хочешь вернуться на Землю и поступить в Массачусетский технологический — могу устроить к следующему рейсу.

Возможно, он считал, что, если я вернусь, я смогу забрать с собой Пегги и она захочет лететь со мной. Может, мне и стоило что-то заметить по этому поводу, но я лишь спросил:

— А ты собираешься вернуться?

— Нет.

— Вот и я тоже.

Тогда я сказал так скорее из упрямства — следовало признать, что наша «ферма» вовсе не похожа на молочные реки в кисельных берегах и на самом деле выглядит весьма мрачно. Вряд ли кто-то, кроме некоего сумасшедшего отшельника, захотел бы здесь поселиться.

— Подумай хорошенько, Билл.

— Я уже обо всем подумал.

Мы еще немного посидели молча, погруженные в размышления. Внезапно мы едва не подпрыгнули, услышав чье-то пение. Мгновение назад я

желал услышать хоть какой-то звук, но, когда он действительно раздался, ощущение было такое, будто меня схватила во тьме чья-то липкая рука.

— Что за… — проговорил отец.

Оглянувшись, я увидел идущего в нашу сторону рослого мужчину. Несмотря на свои размеры, он скользил между камней, словно горный козел, почти паря в воздухе при пониженной силе тяжести. Когда он подошел ближе, я понял, что уже видел его раньше — он присутствовал на Суде чести, его звали мистер Шульц.

Отец помахал ему, и вскоре он остановился рядом с нами. Ростом он был на голову выше отца и обладал столь крупной фигурой, что его хватило бы на нас двоих, — особенно выделялись бочкообразная грудь и толстый живот. Голову его покрывали густые рыжие волосы, а на грудь падала похожая на путаницу медных пружин борода.

— Приветствую, граждане, — прогремел он. — Меня зовут Иоганн Шульц.

Отец представил нас друг другу. Мы обменялись рукопожатием, и моя ладонь почти утонула в руке Шульца, который пристально посмотрел на меня и сказал:

— Кажется, Билл, мы уже виделись.

Я ответил, что да, на скаутских сборах.

— Командир патруля? — кивнув, добавил он.

Я признался, что раньше действительно был таковым.

— Скоро станешь снова, — сказал Шульц, словно дело было уже решенным, и повернулся к отцу. — Кто-то из киндеров видел, как вы идете по дороге, и мама послала меня, чтобы я пригласил вас к нам на чай и кусочек ее доброго кофейного пирога.

Отец ответил, что это весьма любезно с их стороны, но мы не хотели бы навязывать им свое общество. Мистер Шульц, похоже, его не слышал. Отец объяснил, зачем мы здесь, и показал ему карту и каменную пирамиду.

— Значит, будем соседями, — несколько раз кивнув, ответил Шульц. — Неплохо, неплохо! Кстати, соседи зовут меня Джон или иногда Джонни.

Отец сказал, что его зовут Джордж, и с этого момента они стали закадычными друзьями.

Встав возле пирамиды, мистер Шульц вгляделся на запад, затем на север, в сторону гор. Потом он забрался на большой валун, чтобы лучше было видно, и посмотрел еще раз. Мы поднялись следом за ним.

— Дом ставьте там, недалеко от дороги, но не на ней самой, — сказал он, показывая в сторону возвышенности к западу от нас. — И сперва обработайте этот участок — тогда в следующем сезоне сможете продвинуться дальше к холмам. — Он посмотрел на меня. — Что, нет?

Я ответил:

— Пожалуй, да.

— Это хорошая земля, Билл, — продолжал он. — У вас будет отличная ферма.

Он нагнулся, подобрал камень и потер его в пальцах.

— Хорошая земля, — повторил он и, осторожно положив камень, выпрямился. — Мама нас ждет.

Мама Шульц действительно нас ждала, и ее «кусочек кофейного пирога» скорее напоминал встречу блудного сына. Но прежде чем войти в дом, мы невольно остановились, восхищаясь деревом.

Это было настоящее дерево — яблоня, на поросшей чудесной зеленой травой лужайке перед домом. Более того, на двух ее ветвях висели плоды. Я уставился на них, раскрыв рот.

— Красиво, да, Билл? — спросил мистер Шульц, и я с ним согласился.

— Да, — продолжал он, — это самое прекрасное

дерево на Ганимеде, и знаешь почему? Потому что на Ганимеде оно единственное.

Он шумно рассмеялся и ткнул меня под ребра, словно только что сказал нечто забавное. Ребра у меня потом болели неделю.

Мистер Шульц рассказал отцу обо всем, что ему приходилось делать, чтобы заставить дерево расти, и какую глубокую яму пришлось для него вырыть, а потом провести канал, чтобы ее осушить. Отец спросил, почему оно плодоносит только с одной стороны.

— На будущий год опылим другую сторону, — ответил мистер Шульц, — и тогда у нас будут сорта «Старк Делишес» и «Римская красавица». А в этом году — «Род-Айлендские зеленые» и «Винный сок».

Он протянул руку и сорвал яблоко:

— Билл, держи «Винный сок».

Поблагодарив, я откусил от яблока. Вряд ли мне доводилось пробовать что-либо вкуснее.

Мы вошли в дом, где познакомились с мамой Шульц и еще четырьмя или пятью другими Шульцами разного возраста — от ползавшего в песке на полу младенца до девочки моего возраста и почти такого же роста. Ее звали Гретхен, и волосы у нее были рыжие, как у отца, только прямые и

заплетенные в длинные косы. Мальчики были в большинстве своем блондинами, в том числе те, с которыми я познакомился позже.

Дом состоял в основном из просторной гостиной с большим столом посредине, роль которого играла каменная плита фута четыре в ширину и двенадцать-тринадцать в длину, опиравшаяся на три каменных столба. Судя по тому, как мама Шульц нагрузила стол, даже хорошо, что он был каменным.

Вдоль стола тянулись две каменные скамьи, а с каждого конца — два настоящих кресла, сделанных из бочек для нефти и кожаных подушек.

Вытерев передником лицо и руки, мама Шульц обменялась с нами рукопожатиями и настояла, чтобы отец сел в ее кресло, — как она объяснила, ей самой все равно сидеть долго не придется. Затем она вернулась к готовке, а Гретхен налила нам чаю.

Кухня располагалась в конце комнаты, и центральную ее часть занимал большой каменный камин. Он выглядел совсем как настоящий — каковым, как я позднее выяснил, и являлся, хотя, естественно, никакие дрова в нем никогда не горели и он использовался лишь в качестве вентиляционной трубы. Но папе Шульцу хотелось

иметь камин, и он его получил. В стену была вделана печь мамы Шульц.

Мне показалось, будто печь облицована голландскими изразцами, хотя я не мог в это поверить. Кто бы стал везти сюда с Земли нечто столь бесполезное, как декоративная плитка?

— Что, неплохо рисует моя малышка Кэти? — сказал папа Шульц, проследив за моим взглядом.

Одна из средних девочек покраснела, прыснула и выбежала из комнаты.

От моего яблока ничего не осталось, кроме крошечного огрызка, и я не знал, что с ним делать в столь безупречно чистом помещении, но тут папа Шульц протянул руку:

— Дай сюда, Билл.

Я отдал огрызок. Взяв нож, папа Шульц аккуратно отделил семечки. Кто-то из детей вышел и принес маленький бумажный конверт, в который он поместил семечки, а потом заклеил и подал мне.

— Держи, Билл, — сказал он. — У меня только одна яблоня, но у тебя их теперь восемь!

Я слегка удивился, но все же поблагодарил его.

— По эту сторону от того места, где ты будешь строить свой дом, есть овраг, — продолжал он. — Если заполнишь его слой за слоем, создавая

плодородную почву, и добавишь совсем немного затравки, сможешь вырастить там целый ряд деревьев. Когда подрастут твои саженцы, мы привьем их с моего дерева.

Я осторожно убрал конверт с семенами в сумку.

Появились еще несколько мальчиков. Они вымыли руки, и вскоре мы все сидели за столом, наслаждаясь жареным цыпленком, картофельным пюре, консервированными томатами и прочим. Мама Шульц сидела рядом со мной, настаивая, чтобы я побольше ел, а то у меня душа еле в теле держится — что, естественно, было неправдой.

После, пока Джордж разговаривал с папой Шульцем, я познакомился с детьми. Четверых мальчиков я знал — они были скаутами. Пятый, Иоганн-младший — все звали его Йо, — был старше меня, лет двадцати, и работал в городе под началом главного инженера. Остальных звали Хуго и Петер — оба скауты-волчата. Кроме них, был еще Сэм, а также Вик — скаут-разведчик, как и я. Младенец оказался девочкой, а ее старших сестер звали Кэти и Анна — они походили на близнецов, хотя ими не были, — и Гретхен. И все они говорили одновременно.

Наконец меня позвал отец:

— Билл, как ты знаешь, у нас нет шансов получить камнедробилку в ближайшие несколько месяцев.

— Да, — слегка озадаченно кивнул я.

— Каковы твои планы на это время?

— Ну… пока точно не знаю. Буду учиться тому, чем придется заниматься.

— Гм… мистер Шульц любезно предложил взять тебя к себе подручным на ферму. Что скажешь на этот счет?

14. Моя собственная земля

Папа Шульц нуждался в подручном не больше, чем я во второй паре ушей, но это не помешало мне перебраться к ним. В их семье работали все, кроме малышки, и можно было не сомневаться, что она начнет мыть посуду, едва встав на ноги. Все трудились не покладая рук, и, похоже, это им нравилось. Когда дети не работали, они делали домашние задания, и мальчиков, не справлявшихся с уроками, наказывали, оставляя их дома вместо работы в поле.

Мама Шульц слушала, как они рассказывают выученное, одновременно занимаясь готовкой. Иногда ей приходилось выслушивать то, чего она

наверняка никогда сама не изучала, но знания детей проверял и папа Шульц, так что особого значения это не имело.

Что касается меня, то я многое узнал о свиньях, коровах, курах, а также о том, как разводить затравку, создавая тем самым новую. Затравкой назывались доставлявшиеся с Земли концентрированные почвенные культуры с бактериями и прочим, без которых было не обойтись для поддержания жизни в поле.

Учиться пришлось многому. Взять, к примеру, коров — половина людей не может отличить собственную левую руку от правой, так что кто бы мог подумать, будто в подобном разбирается корова? Но, как я выяснил, попытавшись доить одну из них левой рукой, вполне.

Работать приходилось не разгибаясь, в столь же примитивных условиях, как на какой-нибудь китайской ферме. Стандартным средством транспорта служила обычная тачка, но я перестал усмехаться при ее виде, узнав, сколько она стоит на Бирже.

Отсутствие техники вовсе не было связано с отсутствием энергии — ее можно было получить сколько угодно посредством антенны на крыше дома. И тем не менее вся имевшаяся в колонии

техника принадлежала всей колонии, причем только та, без которой колония никак не могла обойтись, — вроде камнедробилок, а также оборудования для тепловой ловушки и самой энергостанции.

Как объяснил Джордж, любая доставка с Земли являлась компромиссом между людьми и грузом. Колонисты постоянно требовали присылать больше техники и меньше иммигрантов, но Комитет по делам колоний настаивал на как можно большем количестве людей за счет сведения к минимуму ввозимого груза.

— Комитет, естественно, прав, — продолжал он. — Если будут люди, будет и техника — мы сделаем ее сами. К тому времени, когда у тебя появится своя семья, Билл, иммигранты будут прибывать сюда с голыми руками, вообще без багажа, а мы сможем снабдить каждого всем необходимым, от пластиковых тарелок до культиваторов.

— Если ждать, пока у меня появится своя семья, — сказал я, — то это надолго. Пожалуй, холостяк куда более легок на подъем.

Отец лишь улыбнулся в ответ, словно знал нечто такое, чего не знал я, но не хотел говорить. Мы отправились вместе с ним в город поужинать

в компании Молли и Пегги, которых я почти не видел с тех пор, как стал работать у папы Шульца. Молли преподавала в школе, Пегги, естественно, бывать на ферме не могла, а отец был занят на месторождении окиси алюминия в двадцати милях к востоку от города. Проект отнимал все его свободное время, и он говорил, что на будущий ганимедский год можно будет продавать листовой алюминий.

Надо сказать, фермерский труд на Ганимеде не казался столь уж тяжким. Во многом помогала низкая сила тяжести — не приходилось тратить лишние силы, таская собственную тушку. На харчах мамы Шульц я набрал сто сорок два фунта массы и, соответственно, весил меньше пятидесяти фунтов вместе с башмаками и прочим. Столь же легкой казалась и нагруженная тачка.

Но вряд ли кто-то догадался бы, что облегчало работу по-настоящему.

Здесь не было сорняков.

Они отсутствовали как таковые — мы всерьез постарались, чтобы их не завезти. После того как была подготовлена почва, оставалось лишь, по сути, бросить семена в землю и побыстрее отойти, прежде чем взошедший росток не угодил тебе в глаз.

Естественно, это вовсе не означало, что нам не приходилось работать. Работы на ферме хватало даже без сорняков, а учитывая легкий вес нагруженной тачки, мы попросту перевозили за то же время втрое больший объем. Но развлекаться нам это нисколько не мешало — я никогда еще не встречал семью, которая столько смеялась.

После ужина я играл на аккордеоне, который принес из города. Мы все хором пели, подхватывая следом за рокочущим басом папы Шульца и пытаясь попасть в мелодию. И всем нам было весело.

Когда Гретхен преодолела свою робость в общении со мной, оказалось, что она ужасно любит дразниться. Но я всегда мог ответить ей тем же, делая вид, будто ее волосы охвачены огнем, и грея над ними руки или угрожая облить ее водой, пока она не подожгла дом.

Наконец наступил день, когда подошла очередь воспользоваться камнедробилкой, о чем я почти пожалел, — настолько мне было хорошо в компании Шульцев. Но к тому времени я уже мог кастрировать петуха или высадить кукурузную грядку. Мне еще многому предстояло научиться, но и причин, по которым я не мог бы обустроить собственную ферму, тоже не находилось.

Нам с отцом пришлось подготовить нашу ферму к работе камнедробилки, взорвав динамитом самые крупные валуны, — камнедробилка подавилась бы чем-либо крупнее бочонка, но со всем остальным прекрасно справлялась. К счастью, динамит стоит дешево, и мы его не жалели. Сырьем для него является нитроглицерин, который не требовалось завозить с Земли, — глицерин получают из животных жиров, а азотная кислота представляет собой побочный продукт проекта по созданию атмосферы.

Отец провел со мной две недели, превращая крупные глыбы в камни средней величины, а потом решил, что завершение работы можно безопасно доверить мне. В дальнем конце нашего участка тек маленький ручеек талой воды, и мы взрывами проложили для него новое русло, ведшее ближе к тому месту, где должен был стоять дом. Мы временно оставили русло сухим, намереваясь взорвать естественную каменную плотину позже. Один довольно большой холм мы снесли полностью, засыпав его остатками овраг со стороны озера. Заряд потребовался немалый, и я едва не отправился на тот свет, недооценив радиус разлета осколков.

Работа шла легко и споро. Я одолжил в конторе

главного инженера вибродрель, с помощью которой можно было проделать в камне скважину глубиной в двадцать футов с той же легкостью, с какой горячий нож входит в масло. Потом — засыпать порох, заполнить остальную часть дыры каменной пылью, поджечь фитиль и бежать со всех ног!

Но самую большую радость я испытал, взорвав тот камень, что был похож на оскаленный череп. Наконец-то я разделался с его ухмылкой!

Пока мы занимались взрывными работами, у нас побывал гость. Мы с отцом только что сели пообедать, когда явился Сондерс — «человек-лобби», как называл его Джордж. Мы пригласили его разделить с нами еду — сам он не принес с собой ничего, кроме собственного аппетита.

Он постоянно на что-то жаловался. Отец попытался сменить тему, спросив его, как он справляется с расчисткой своего участка. Сондерс ответил, что работа идет медленно.

— Вы ведь получаете камнедробилку после нас? — спросил отец.

Сондерс ответил утвердительно и добавил, что хотел бы одолжить немного пороха, поскольку иначе он может не успеть. Отец согласился, хотя это означало, что завтра ему пришлось бы снова

отправляться сюда из города после работы.

— Знаете, мистер Лермер, — продолжал Сондерс, — я вот все думаю, и мне кажется, что мы занимаемся не своим делом.

— Правда? — не понял Джордж.

— Именно! Прежде всего взрывные работы — не для поселенцев; их должны проводить специально обученные команды, присланные правительством. В любом случае так записано в контракте — нам должны предоставить обработанную землю.

Отец спокойно ответил, что мысль, может, и хорошая, но он не знает, где взять столько обученных команд для работы на полутора тысячах новых ферм.

— Пусть их нанимает правительство! — заявил мистер Сондерс. — Пусть доставляют их с Земли. Послушайте, мистер Лермер, вы же работаете в конторе главного инженера. Почему бы вам не высказаться от имени всех остальных?

Джордж взял вибродрель и подготовил очередной заряд.

— Боюсь, вы не к тому обратились, — наконец ответил он. — Я работаю совсем в другом отделе.

Похоже, мистер Сондерс и сам понял, что ничего не добьется.

— Во-вторых, — сказал он, — я поинтересовался здешней почвой, или тем, что тут так называется. И опять все не так, как надо. — Он пнул камень. — Эта дрянь ни на что не годится. На ней ничего не вырастишь.

— Естественно, — согласился отец. — Сперва нужно подготовить почву.

— Вот и я об этом, — продолжал Сондерс. — Нужна почва — хороший плодородный чернозем. Нам говорят, чтобы мы создавали ее сами — по квадратному футу за раз. Запахивали в нее отбросы, разводили земляных червей и занимались всякими прочими глупостями.

— Знаете способ получше?

— Уж точно знаю! Собственно, к этому я и веду. Мы тут ковыряемся, следуя указаниям бюрократов, которые ни разу урожая не снимали, и все это ради нескольких дюймов второсортной почвы, в то время как нас ждут не дождутся миллионы кубических футов плодороднейшего чернозема.

Отец резко поднял взгляд:

— Где?

— В дельте Миссисипи, вот где! Там слой чернозема в сотни футов…

Мы оба странно посмотрели на него, но он, похоже, говорил вполне серьезно.

— …Да, землю действительно нужно сперва разровнять. Но потом — засыпать камни настоящей земной почвой на глубину по крайней мере в два фута. Только тогда будет смысл заниматься фермерством. Пока же мы просто впустую теряем время.

— Вы хоть представляете, сколько это будет стоить? — помолчав, спросил отец.

— Неважно, — отмахнулся мистер Сондерс. — Важно то, что мы получим в итоге. Правительство ведь хочет, чтобы мы тут поселились? В таком случае, если мы все объединимся и настоим на своем, мы будем иметь то, чего хотим.

Он торжествующе выпятил подбородок.

Джордж хотел было возразить, но промолчал. Засыпав заряд каменной пылью, он выпрямился и утер пот со лба.

— Послушайте, гражданин, — сказал он, — вы что, не видите, что мы заняты? Я собираюсь поджечь фитиль, и вам, пожалуй, стоит отойти подальше.

— Уф? — буркнул Сондерс. — И насколько мощный этот заряд? Как далеко мне отойти?

Будь он внимательнее, сам бы мог понять, насколько мощный заряд и как далеко ему следует отойти.

— Ну, скажем, мили на полторы или даже две, — ответил отец. — Чем дальше, тем лучше.

Сондерс взглянул на него, пренебрежительно фыркнул и направился прочь. Мы отошли подальше и взорвали заряд. Пока готовили следующий, я заметил, что Джордж задумчиво шевелит губами.

— Если скромно считать, что кубический фут чернозема весит сто фунтов, — наконец сказал он, — потребуется полностью загрузить «Мэйфлауэр», чтобы один только мистер Сондерс смог получить ферму, которую, как он полагает, должны преподнести ему на блюдечке. При таких темпах потребуется ровно тысяча ганимедских лет — пятьсот земных, — чтобы «Мэйфлауэр» доставил почву для всех наших ферм.

— Ты забыл про «Крытый фургон», — добавил я.

— О да! — улыбнулся Джордж. — Когда «Крытый фургон» войдет в строй, мы сможем сократить данный срок до двухсот пятидесяти лет — при условии, что новых иммигрантов не будет и всем запретят заводить детей! — Он нахмурился. — Билл, почему некоторые вполне взрослые на вид люди не разбираются в простой арифметике?

Я не знал, что ответить, и он продолжил:

— Ладно, Билл, давай работать дальше. Боюсь, нам так и придется ковыряться, как выражается наш друг Сондерс, даже если его это не устраивает.

Утром, когда должна была прибыть камнедробилка, я ждал ее в конце трассы. Машина двигалась со скоростью двадцать миль в час, заполнив собой дорогу от края до края. У лавовой стены она остановилась. Я помахал водителю; он помахал в ответ, затем машина несколько раз взрыкнула, продвинулась вперед и отгрызла кусок лавы.

Лава представляла для нее не большую преграду, чем арахисовая скорлупа. Встроенный в ее шасси виброрезак входил в лаву, словно нож хозяйки, отделяющей бисквит от сковороды, затем большая стальная лопата впереди откалывала кусок, и конвейер отправлял его прямо в пасть машины.

Водитель мог либо сбросить раздробленный материал под катки в задней части машины, либо откинуть его в сторону. В данный момент он так и поступал, оставляя сделанный виброрезаком чистый срез, который становился дорожным полотном — немного пыльным, но несколько дождей быстро поправили бы дело.

Машина производила страшный шум, но водителя это, похоже, нисколько не волновало, а может, даже ему нравилось — довольно сильным ветром пыль уносило прочь, и поднятый на лоб респиратор не скрывал улыбку на его лице.

К полудню он добрался до нашего участка. Мы вместе поели, а потом он начал разравнивать место для моей фермы — пять акров; с остальным приходилось подождать. Мне и так повезло, что я мог получить землю для обработки на несколько месяцев раньше изначального графика. Вторым рейсом «Мэйфлауэр» доставил еще три камнедробилки и совсем немного иммигрантов — ровно столько, чтобы заменить тех, кто отказался и вернулся назад. Именно о таком компромиссе городской совет договорился с Комитетом по делам колоний.

Когда камнедробилка вместо лавы вгрызлась в твердую породу, грохот стал еще хуже, но мне он казался музыкой, и за работой машины я мог наблюдать без конца. Каждая пережеванная ею каменная глыба означала кусочек земли для меня. К ужину вместе с отцом появился водитель-сменщик. Какое-то время мы вместе смотрели, как тот работает; потом отец вернулся в город, а я остался. Около полуночи я направился к по-

ка не обработанному участку, нашел большой камень, чтобы солнце не било в глаза, и прилег вздремнуть.

Я проснулся оттого, что меня тряс за плечо водитель:

— Вставай, парень, теперь у тебя есть ферма.

Поднявшись, я огляделся вокруг, потирая глаза. Пять акров, с дренажной канавой по контуру и небольшой возвышенностью посередине, где должен был стоять дом. У меня появилась ферма.

Следующим логичным шагом становилось возведение дома, но в соответствии с графиком на следующей неделе должен был прибыть жевун. Жевун — своего рода камнедробилка-детеныш. Вместо антенны он работает на батареях и прост в обращении, так что с ним может управиться каждый. Его задача — довершить начатое камнедробилкой, по сравнению с которой он выглядит маленьким и слабым. В колонии их имелось около сорока.

Камнедробилка оставила после себя слой каменных обломков размером с мой кулак на несколько футов в глубину. Спереди жевуна были гребни разной величины. Грубый гребень погружался в камни примерно на полтора фута, выбирая самые большие, которые отправлялись

в воронку машины, где перемалывались в обломки с грецкий орех.

Пройдясь по земле грубым гребнем, его отсоединяли и меняли на средний, а также перенастраивали дробящие катки. На этот раз проход совершался на глубину всего в десять дюймов, а результатом его становился гравий. Затем то же самое проделывали со среднетонким гребнем, потом с тонким, и после обработки верхних шести дюймов почвы они превращались в каменную пыль, напоминавшую тончайший песок. Она оставалась все столь же мертвой, но была готова к зарождению в ней жизни.

Так повторялось раз за разом, каждый раз продвигаясь на дюйм. Чтобы полностью использовать выделенное время, жевун должен был оставаться в движении круглые сутки, пока его не заберут. Весь первый день я провел в его седле, пообедав на ходу. После ужина меня сменил отец, потом пришел из города Хэнк, и мы менялись всю ночь — собственно светлую фазу, поскольку это была ночь понедельника.

На следующий день папа Шульц нашел меня спящим с головой на приборной панели и отправил к себе домой, чтобы я как следует выспался. С тех пор каждый раз, когда я оставался один

на четыре или пять часов, появлялся кто-то из Шульцев. Не знаю, как мы с отцом справились бы без них в темную фазу той недели.

Но мне действительно помогли, и к тому времени, когда нужно было отдавать жевун следующему пользователю, почти три с половиной акра были готовы к тому, чтобы засеять их затравкой.

Близилась зима, и мне хотелось побыстрее обзавестись домом, чтобы провести в нем зимний месяц, но для этого мне пришлось бы напрячься всерьез. Нужно было что-то посадить, чтобы весеннее таяние не смыло верхний слой почвы. Короткий ганимедский год не так уж плох, и я этому даже рад — на Земле зима тянется дольше, чем это реально необходимо. С другой стороны, отдыхать просто некогда.

Папа Шульц посоветовал посадить траву — мутировавшая трава могла расти на стерильной почве, примерно как растения в гидропонных растворах. Ковер из корешков удержал бы почву, даже если бы зима погубила траву, и через корни могла распространяться инфекция из затравки.

Затравка, по сути, представляет собой всего лишь хороший чернозем с Земли, кишащий бактериями, грибками и микроскопическими червями — всем необходимым, кроме крупных

дождевых червей, которых приходится добавлять самому. Однако просто так земную почву на Ганимед не привезешь. В каждой ее горсти содержатся сотни полезных растительных и животных организмов, но, помимо них, и сотни полностью нежелательных: микробы столбняка, болезнетворные вирусы растений, гусеницы-совки, споры, семена сорняков. Большинство из них слишком малы, чтобы их можно было увидеть невооруженным глазом, а некоторые даже невозможно отфильтровать.

Соответственно, для изготовления затравки в лабораториях на Земле требовалось создать чистые культуры всех необходимых бактерий, вырастить в лабораторных условиях маленьких червячков, грибки и все прочее, что нужно было сохранить, а потом взять саму почву и сделать ее безжизненной, словно лунный грунт, облучив, прокалив и проверив на полную стерильность. Затем в мертвую почву следовало поместить все сохраненные формы жизни, после чего получалась затравка. Доставленное на Ганимед изначальное сырье разбавлялось вшестеро, после чего ему давали разрастись и разбавляли снова. В центнере затравки, который получал поселенец, мог содержаться всего фунт настоящей земной

почвы.

Прилагались все возможные усилия для того, чтобы, как говорят экологи, «ограничить вторжение извне» до приемлемого уровня. Описывая наше путешествие, я, возможно, не упомянул, что наша одежда и багаж подверглись стерилизации, и, прежде чем мы снова смогли надеть свою земную одежду, нам пришлось пройти тщательную обработку специальным моющим средством. После двух месяцев пути это была единственная настоящая помывка, но после нее от меня несло больницей.

Тягачи доставили полагающуюся мне норму затравки, и я вышел в то утро пораньше из дома Шульцев, чтобы их встретить. Есть разные мнения насчет того, как использовать затравку. Некоторые поселенцы разбрасывают ее равномерно, рискуя, что она может погибнуть, некоторые засеивают небольшие гнезда через каждые шесть или восемь футов в шахматном порядке… так надежнее, но медленнее. Я раздумывал, как поступить мне, когда вдруг заметил какое-то движение на дороге.

Шесть человек толкали перед собой тачки. Когда они подошли ближе, я понял, что вижу перед собой всю мужскую часть семьи Шульцев,

и вышел им навстречу.

Каждая тачка была нагружена гниющим мусором — и все это предназначалось мне! Похоже, папа Шульц специально его собирал, чтобы устроить мне сюрприз. Я не знал, что сказать.

— Ого, папа Шульц, даже не знаю, как вас отблагодарить!

Он яростно уставился на меня:

— Какая тут может быть благодарность, если у нас компоста по самые уши?

Затем он велел мальчикам вывалить содержимое тачек поверх моей затравки, взял вилы и начал все перемешивать столь же тщательно, как мама Шульц взбивала яичный белок.

Всю работу он взял на себя, так что особо беспокоиться мне не пришлось. По его мнению — которое я даже не пытался оспорить, — имевшихся у нас удобрений хватало примерно на акр, и метод Шульца заключался в том, чтобы перемешать их с почвой. Но он не стал выбирать один сплошной акр, а проложил семь полос длиной в пару сотен ярдов каждая, тянувшихся через мою переработанную и пережеванную почву на расстоянии в тридцать пять или сорок футов друг от друга. Все мы взяли по тачке — шесть их и одну мою — и разбросали удобрение вдоль

каждого ряда.

Закончив и поставив каменные пирамидки, обозначавшие, где проходят полосы, мы разрыхлили землю на протяжении пяти-шести футов по обеим сторонам каждого ряда. Около полудня появились мама Шульц с Гретхен, разгрузили свои тачки, и мы сделали перерыв, устроив пикник.

После обеда Йо должен был вернуться в город, но он почти доделал свою полосу. Папа Шульц закончил свою и начал помогать Хуго и Петеру, которые были слишком малы, чтобы как следует управляться с граблями. Вскоре я разделался со своей полосой и смог довершить оставшуюся после Йо часть. В конце дня появился отец, рассчитывая, что ему придется помогать мне весь вечер, — была светлая фаза, и работать можно было до тех пор, пока не станешь валиться с ног. Но на его долю ничего не осталось, и он тоже не знал, как их всех отблагодарить.

Хотелось думать, что мы справились бы и без Шульцев — возможно, нам это даже бы удалось, — но я в этом несколько сомневаюсь. Первопроходцы нуждаются в добрых соседях.

Всю последующую неделю я вносил искусственные нитраты — отходы из реактора колонии — в промежутки между полосами. Не столь каче-

ственная подкормка, как затравка с Земли, но в любом случае не столь дорогая.

Затем я начал косить траву — вручную, совсем как в Библии, — и аккуратно сгребать ее граблями. И тут снова явился этот старый паразит Сондерс — он появлялся и до этого, но только тогда, когда рядом со мной не было отца. Вероятно, ему было попросту одиноко. Семья его оставалась в городе, а сам он построил себе хижину из камней высотой в десять футов. Фермой он практически не занимался, и я не мог понять, что он вообще собирается делать.

— Привет, — сказал я, не отрываясь от работы.

Какое-то время он мрачно наблюдал за мной, после чего наконец спросил:

— Ты что, юноша, всерьез хочешь, чтобы у тебя разорвалось сердце?

Я ответил, что никаких перебоев с сердцем пока не замечал, и в любом случае — разве он сам не обустраивает ферму?

— Нет уж! — фыркнул он.

— Тогда чем вы вообще занимаетесь?

— Билет себе покупаю, вот чем.

— Да?

— Единственное, что тут можно продать, — обработанная земля. Так что я намерен сыграть с

ними в их же собственную игру. Приведу этот участок в надлежащий вид, потом сбагрю его очередному неудачнику, а сам со своими отправлюсь прямиком на старушку Землю. И если ты не полный дурак — советую тебе поступить так же. Фермером ты здесь никогда не станешь. Это невозможно.

Он уже успел меня утомить, но я не из тех, кто готов на откровенную грубость.

— Ну, не знаю, — сказал я. — Взять, к примеру, мистера Шульца — у него прекрасная ферма.

— Ты про Джонни Яблочное Семечко? — снова фыркнул Сондерс.

— Я про мистера Иоганна Шульца.

— Ну да, Джонни Яблочное Семечко. Все в городе его так называют. Он же чокнутый. Знаешь, что он сделал? Дал мне горсть яблочных семечек с таким видом, будто одарил меня богатствами царя Соломона.

Я опустил грабли:

— А что, разве нет?

Сондерс сплюнул мне под ноги:

— Да он просто клоун, только и всего.

— Мистер Сондерс, — сказал я, замахиваясь граблями, — вы стоите на моей земле, моей собственности. Даю вам две секунды, чтобы вы

убрались прочь и никогда больше не возвращались.

— Эй! — Он попятился. — А ну-ка прекрати! Поосторожнее со своими граблями!

— Убирайтесь! — повторил я.

И он убрался.

Проблема с домом заключалась в том, что на Ганимеде постоянно случаются небольшие землетрясения. Это как-то связано с изостазией, что на самом деле означает всего лишь «равенство давления», но по сути это целая наука о том, как горы уравновешивают моря и почему на всей планете одинаковая сила тяжести.

Это связано еще и с приливными течениями, что несколько странно, поскольку на Ганимеде никаких приливов не бывает — Солнце слишком далеко, чтобы как-то на них влиять, и Ганимед всегда повернут одной и той же стороной к Юпитеру. Да, можно заметить маленький прилив в лагуне Серенидад, когда Европа ближе всего к Ганимеду, и даже крошечное воздействие от Каллисто и Ио, но таких приливов, как на Тихом океане, здесь не бывает никогда.

Зато есть застывшие приливные течения. Как объясняет мистер Хукер, главный метеоролог, Ганимед был ближе к Юпитеру, когда он остыл

и стал вращаться медленнее, и в коре планеты образовалась своего рода ископаемая приливная выпуклость. Как известно, такая есть и на Луне.

Потом появились мы, расплавили полярную шапку и снабдили Ганимед атмосферой. Давление на планете перераспределилось, и происходит восстановление изостатического баланса, что приводит к постоянным слабым землетрясениям.

Мне, как уроженцу Калифорнии, хотелось иметь сейсмостойкий дом. Именно такой был у Шульцев, и мысль показалась мне неплохой, хотя на Ганимеде ни разу не случалось землетрясений такой силы, чтобы свалить с ног человека, не говоря уже о том, чтобы разрушить дом. С другой стороны, большинство колонистов особо этим не заморачивались — не так-то просто построить сейсмостойкий дом из камней.

Хуже того — это попросту дорого. Основной перечень оборудования, обещанного колонисту в его контракте на эмиграцию, выглядит достаточно прилично: мотыга, лопата, тачка, ручной культиватор, ведро и так далее, — но, когда всерьез берешься за дело, оказывается, что это только начало, и приходится отправляться на Биржу, чтобы купить много чего другого. Я уже

задолжал почти полтора обработанных акра еще до того, как зашла речь о постройке дома.

Как обычно, мы согласились на компромисс. Одна комната должна была стать сейсмостойкой герметичной камерой, поскольку она предназначалась Пегги. Девочке становилось лучше, но она все равно не могла переносить низкое давление. Если наша семья собиралась перебраться на ферму, спальню Пегги требовалось оборудовать шлюзом и установить в нем воздушный насос. Все это стоило денег.

Прежде чем я закончил возделывать участок, мне пришлось отдать в долг еще два акра. Отец пытался за меня поручиться, но ему прямо заявили, что, не будучи поселенцем, он не обладает необходимой репутацией. На этом все и завершилось. Мы планировали построить одну комнату с усиленными стенами, надеясь позднее добавить к ней другие. Пока же дом должен был состоять из гостиной размером десять на двенадцать футов, где спал бы я, отдельной крошечной спальни для Джорджа и Молли и комнаты Пегги. И все это, кроме комнаты Пегги, — голые каменные стены с навесной крышей.

Маловато, да? Ну и что такого? Эйб Линкольн начинал с меньшего.

Я начал резать камень, едва закончив с посевами. Вибропила чем-то похожа на вибродрель, только она режет по прямой, а не сверлит дыру. При включенном питании нужно быть крайне осторожным, чтобы не лишиться пальцев или еще чего-нибудь, но камень разрезается, словно масло. В соответствии с контрактом вибропила предоставляется в пользование на двое суток бесплатно и при желании еще на двое по сниженной цене. Тщательно спланировав работу, я сумел втиснуться в два бесплатных дня. Мне не хотелось влезать в новые долги, поскольку я рассчитывал не позже чем через две весны обзавестись мерцающими прожекторами. Такие же стояли в полях у папы Шульца, что позволяло почти вдвое увеличить урожай. Земные растения непривычны к трем с половиной суткам темноты, но если воздействовать на них во время темной фазы мерцающим светом, старый добрый фотосинтез только прибавляет ходу.

Но с этим приходилось подождать.

В постройке дома принимал участие весь патруль — патруль Ауслендеров[16], членом которого я являлся. Для меня это стало сюрпризом, хотя

---

[16] Примечания: 16

Ausländer — иноземец *(нем.)*.

удивляться вряд ли стоило — в строительстве участвовали все, поскольку в одиночку возвести дом было просто невозможно. Я сам принимал участие в шести, — впрочем, двигало мною отнюдь не великодушие, а желание набраться опыта.

Но патруль появился еще до того, как я кому-либо рассказал о том, что готов заняться возведением дома.

Шагавший впереди Сергей остановил шумную компанию в том месте, где предполагалось поставить дом, и сурово обратился ко мне:

— Билл, не числится ли за тобой долгов как за скаутом?

— Сам знаешь, что нет, — ответил я.

— Тогда можешь помочь, но не путайся под ногами.

Внезапно он улыбнулся, и я понял, что это всего лишь шутка. Повернувшись к патрулю, он крикнул:

— Отрабатываем строительство дома! Всем разойтись и приступить к выполнению задания!

Внезапно происходящее стало напоминать телевизионную комедию, где все действие снято в ускоренном режиме. Я никогда прежде не видел, чтобы кто-то работал столь энергично, как они.

Могу сказать одно: человека делает скаутом вовсе не скаутская форма. Впрочем, ни у кого из нас ее и не было — мы не могли позволить себе особую одежду специально для скаутских мероприятий.

Кроме Ауслендеров, с ними были Вик Шульц и Хэнк Джонс, оба из патруля Твердокаменных, а также Дуг Окадзима, вообще даже не из нашего отряда: он оставался в отряде имени Баден-Пауэлла. При виде ребят мне стало легко на душе. В последнее время я мало с ними общался — в светлую фазу всегда работал допоздна и не бывал на сборах, а в темную фазу у меня не возникало особого желания совершать после ужина девятимильную прогулку до города.

Почувствовав себя несколько глупо при мысли, что, хотя я, возможно, о них и забыл, они не забыли обо мне, я решил, что стану посещать сборы независимо от степени усталости, а также сдам зачеты на те две нашивки при первой же возможности.

Заодно я вспомнил о еще одном не доведенном до конца деле — Горлопане Эдвардсе. Увы, когда ты занят обустройством фермы, не возьмешь выходной лишь ради того, чтобы отыскать кое-кого и начистить ему физиономию. К тому же мне не помешало бы набрать еще с десяток фунтов — по-

вторения прошлого раза мне вовсе не хотелось.

Почти сразу же появился отец вместе с двумя коллегами из своей конторы, и они занялись укреплением и герметизацией комнаты Пегги. Судя по всему, он был в курсе происходящего, в чем сам признался. Это была идея Сергея, и именно потому отец в свое время лишь отмахнулся от меня, когда я говорил ему, что пора позвать на помощь соседей.

— Слушай, Джордж, — сказал я, отведя отца в сторону, — чем, во имя всего святого, мы собираемся их всех кормить?

— На этот счет не беспокойся, — ответил он.

— Но как?

Всем известно, что поселенец, которому строят дом, обязан обеспечить помощников питанием, а я оказался к этому не готов.

— Я сказал: не беспокойся, — повторил он.

И тут я понял почему: появилась Молли с мамой Шульц, Гретхен, сестрой Сергея Марьюшкой и двумя подружками Пегги. Вряд ли они сумели бы унести на Земле тот груз, который тащили сейчас. Пикник получился отменный, и Сергей с трудом заставил своих скаутов продолжить работу после обеда.

Теоретически готовкой занималась Молли у

Шульцев, но я прекрасно знал маму Шульц — в любом случае следует признать, что кухарка из Молли так себе.

Молли принесла мне записку от Пегги: «Дорогой Билли, приходи сегодня вечером в город и все мне расскажи. Пожалуйста!» Я сказал Молли, что приду.

К восемнадцати часам того же дня на дом уложили крышу, и он был готов. Отсутствовала лишь дверь, остававшаяся на Бирже. Энергомодуль тоже мог появиться не раньше чем через неделю. Но у нас уже имелся дом, который мог защитить нас от дождя, а также маленький коровник, хотя никакой коровы у меня не было.

15. Зачем мы прилетели?

Судя по записям в моем дневнике, мы перебрались в дом в первый день весны.

Пришла Гретхен и помогла мне подготовиться к прибытию остальных. Я предложил позвать заодно и Марьюшку, поскольку работы хватало, но Гретхен лишь раздраженно бросила: «Как знаешь!» — и я передумал. Женщины порой бывают странными. Но, так или иначе, Гретхен и впрямь отличная работница.

Я спал в доме с момента его постройки, еще до

того, как пришли техники из конторы главного инженера, чтобы установить антенну на крыше и провести свет и тепло. Но все это было еще до начала зимы, и я прожил месяц во вполне комфортных условиях, отделывая внутренность дома и собирая на лето лед, несколько тонн которого я сложил в овраге рядом с домом, где планировал в ближайшее время посадить яблони. Лед вполне мог пролежать там, пока я не сооружу настоящий холодный погреб.

Первые несколько месяцев после переезда в дом всей семьи стали самыми счастливыми в моей жизни. Мы снова были вместе, чему я был только рад. Отец все так же проводил большую часть темной фазы в городе, работая неполную неделю, но это всех устраивало, поскольку его интересовал проект по созданию местного производства, а работа помогала расплатиться с долгами. В светлую фазу мы трудились почти круглые сутки бок о бок или по крайней мере в пределах видимости.

Молли, похоже, нравилась роль домохозяйки. Я учил ее готовить, и она схватывала все на лету. Кулинария на Ганимеде — настоящее искусство. Многое приходится готовить под давлением, даже выпечку, поскольку вода закипает при

температуре чуть больше ста сорока градусов по Фаренгейту. Можно даже помешать кипяток пальцем, если не держать его там чересчур долго. Потом Молли начала учиться у мамы Шульц, но я не возражал — мама Шульц была настоящей мастерицей своего дела. Из Молли могла получиться отличная кухарка.

Пег, естественно, приходилось жить в своей комнате, но мы надеялись, что скоро она сможет оттуда выйти. Мы понизили давление до восьми фунтов на квадратный дюйм, смешав кислород и азот в равных пропорциях, и обычно все принимали пищу в ее комнате. Мне все так же досаждал плотный воздух, но приходилось с этим мириться ради совместных семейных обедов и ужинов. Вскоре я привык, и от смены давления у меня даже не болели уши.

Пегги могла также бывать на улице. Мы привезли ей из города надувные носилки — очередную вещь, купленную в кредит! — и отец оборудовал их газовым аппаратом от старого космического скафандра, который он позаимствовал у сотрудников проекта «Юпитер». Пегги могла забраться в носилки, закрывшись изнутри, после чего мы снижали давление в ее комнате и выносили ее наружу, где она могла насладиться лучами солн-

ца, посмотреть на горы и озеро или понаблюдать, как мы с отцом работаем в поле. Прозрачный пластик пропускал ультрафиолет, что было ей лишь на пользу.

Носить маленькую худенькую девочку не составляло никакого труда, и в светлую фазу она проводила немало времени на воздухе.

Мы начали свое хозяйство с курицы-наседки и пятнадцати оплодотворенных яиц, а также пары кроликов. Вскоре у нас уже имелось свое мясо. Пегги мы всегда говорили, что берем жаркое на обед у Шульцев, и вряд ли она когда-либо узнает правду. Поначалу я ежедневно ходил на ферму Шульцев за свежим молоком для Пегги, но в середине лета мне подвернулся шанс обзавестись коровой-двухлеткой в кредит по разумной цене. Пегги назвала корову Мейбл и очень расстраивалась, что не может ее погладить.

У нас не оставалось практически ни минуты свободного времени. Мне так и не удалось сдать зачеты, не лучше обстояло дело и с посещением скаутских сборов. Слишком много было забот и без того. К примеру, оборудование пруда — лагуну Серенидад заселили планктоном и водорослями, но рыбу там только собирались разводить, так что вряд ли стоило в ближайшее время ждать

разрешения на рыбную ловлю. В итоге я сделал пруд для рыбок, вокруг которого мы посадили сад в китайском стиле.

Постоянной заботы требовали и растения. Высаженная мной трава прижилась, и вскоре после нашего переезда земля, похоже, готова была принять дождевых червей. Отец собирался отправить ее образец в город на анализ, когда к нам зашел папа Шульц. Услышав о наших намерениях, он взял горсть обработанной земли, помял ее, понюхал, попробовал на вкус и сказал, что я могу высаживать в нее своих червяков. Я так и сделал, и с тех пор они время от времени попадались нам при работе в поле.

По тому, как росла трава, были видны очертания засеянных затравкой полос в полях. Видно было также, как распространяются микроорганизмы, хотя и не особо заметно. Мне предстояло немало тяжкого труда, прежде чем полосы встретятся друг с другом и сольются, после чего можно будет подумать о том, чтобы взять напрокат жевун и обработать еще полтора акра, используя перегной с нашего собственного поля и нашу собственную компостную кучу. Затем можно было заняться дроблением камней на очередных акрах, но вряд ли стоило думать об этом сейчас.

Мы посадили морковь, салат-латук, свеклу, белокочанную и брюссельскую капусту, картошку и брокколи, а между рядами высадили кукурузу. Неплохо было бы отвести акр под пшеницу, но на столь маленьком участке подобное не имело смысла. Рядом с домом расположилась особая грядка, где росли томаты, тыквы, горох и фасоль. Эти растения требовали для опыления пчел, и Молли приходилось опылять их вручную, что было весьма утомительным занятием. Мы надеялись, что рано или поздно у нас будет пчелиный улей, и энтомологи из экологической группы в буквальном смысле выбивались из сил, пытаясь вывести породу пчел, способных процветать в местных условиях. Все дело в том, что в числе прочего, хотя наша сила тяжести составляло всего одну треть от земной, наше атмосферное давление почти впятеро меньше земного, что крайне не нравилось пчелам — им тяжело было летать.

А может, пчелы просто консервативны от природы.

Пожалуй, я был счастлив — или усталость и занятость просто не давали мне почувствовать себя несчастным — вплоть до следующей зимы.

Сначала зима казалась мне хорошей возмож-

ностью отдохнуть. Делать особо было нечего, кроме как собирать лед и ухаживать за коровой, кроликами и курами. Усталости я не замечал, в отличие от Молли, которая, похоже, полностью выматывалась. Она не привыкла к сельской жизни и не умела управляться на ферме так, как мама Шульц.

Кроме того, ей не хватало водопровода в доме, но вряд ли его стоило ожидать в ближайшем будущем. Естественно, я носил для нее воду, для чего обычно приходилось взламывать лед в ручье, но для всех нужд воды не хватало. Впрочем, Молли не жаловалась.

Не жаловался и отец, но от его носа к уголкам рта пролегли глубокие морщины, которые не полностью закрывала борода. Причиной тому была в основном Пегги.

Когда девочку впервые привезли на ферму, она сразу же ожила. Мы постепенно снижали давление в ее комнате, и она настаивала, что прекрасно себя чувствует и могла бы выйти наружу без всяких надувных носилок. Мы даже попробовали однажды так и сделать по совету доктора Арчибальда, и кровь из носа у нее не пошла, но минут через десять ей захотелось обратно.

Так или иначе, приспособиться она не могла.

Дело было не только в давлении, — казалось, будто она вообще неспособна здесь прижиться и вырасти. Бывало у вас когда-нибудь так, что растение отказывается расти там, где его посадили? Вот и тут примерно так же.

Ее место было на Земле.

Вряд ли дела у нас шли так уж плохо, но есть гигантская разница между богатым фермером вроде папы Шульца, когда у тебя горы коровьего навоза на скотном дворе, в погребе висят окорока и есть все современные удобства, даже водопровод в доме, и бедняками вроде нас, которым приходится выбиваться из сил, чтобы погасить долги перед комитетом. Той зимой у нас хватало времени, чтобы над этим поразмыслить.

Однажды в четверг мы все собрались после обеда в комнате Пегги. Только что началась темная фаза, и отцу нужно было возвращаться в город — мы всегда устраивали ему проводы. Молли штопала, а Пег с Джорджем играли в криббедж. Я достал аккордеон и начал наигрывать какую-то мелодию. Пожалуй, у нас в тот момент у всех было радостно на душе, и я даже сам не знаю, что на меня нашло, но вскоре я обнаружил, что играю «Зеленые холмы Земли», чего не было со мной уже давно.

Я громко исполнил фортиссимо: «Уходят ввысь сыны Земли под грохот реактивных струй…», подумав, что реактивные струи давным-давно уже не грохочут, и мысль эта не оставляла меня до последнего припева, который играется очень тихо: «Дай нам, судьба, последнюю посадку на той планете, где мы родились…»

Подняв взгляд, я увидел, что по щекам Молли текут слезы.

Желая дать самому себе хорошего пинка, я поставил пронзительно пискнувший аккордеон на пол, даже не закончив, и встал.

— Что случилось, Билл? — спросил отец.

Я что-то пробормотал насчет того, что иду посмотреть, как там Мейбл.

В гостиной я оделся потеплее и действительно вышел наружу, хотя и не в сторону сарая. Прошел снегопад, и уже почти наступила кромешная тьма, хотя солнце зашло всего пару часов назад. Снег уже перестал идти, но небо затянуло облаками, скрывавшими из виду Юпитер.

Сквозь разрыв облаков на западе просачивался сумеречный свет закатного солнца. Когда мои глаза приспособились к мраку, я смог увидеть исчезающие в облаках заснеженные горы, покрытую снегом заледеневшую гладь озера и

призрачные очертания окружавших наши поля валунов. Пейзаж вполне соответствовал моему настроению — он выглядел словно место ссылки за долгую греховную жизнь.

Я попытался понять, что я, собственно, здесь делаю.

Облака на западе слегка разошлись, и я увидел одинокую ярко-зеленую звезду низко над горизонтом, над той самой точкой, где зашло солнце.

Это была Земля.

Не знаю, как долго я так простоял. Наконец мне на плечо легла чья-то рука, и я вздрогнул. Это оказался отец, тепло укутанный для девятимильного путешествия сквозь тьму и снег.

— Что с тобой, сынок? — спросил он.

Я попытался ответить, но у меня перехватило дыхание. Наконец я с трудом сумел выговорить:

— Папа, зачем мы сюда прилетели?

— Гм… ты же сам хотел. Помнишь?

— Знаю, — кивнул я.

— И все-таки настоящая причина — главная причина — в том, что мы не можем позволить, чтобы наши внуки голодали. Земля перенаселена, Билл.

Я снова посмотрел на Землю.

— Папа, — наконец сказал я, — я сделал одно

открытие. Жизнь заключается не только в том, чтобы сытно питаться трижды в день. Да, мы можем выращивать здесь урожай — при должном подходе можно вырастить даже волосы на бильярдном шаре. Но вряд ли твоих внуков ждет здесь лучшая судьба. Я знаю, в чем я ошибся.

— Ты не прав, Билл. Твоим детям здесь понравится. Так же как и эскимосам нравится жить там, где они живут.

— Чертовски в этом сомневаюсь.

— Не забывай — предки эскимосов не были эскимосами, они тоже были иммигрантами. Если ты отправишь своих детей обратно на Землю, скажем, учиться, они будут тосковать по Ганимеду. Они возненавидят Землю. Они станут слишком много весить, им не будет нравиться воздух, не будет нравиться климат, не будут нравиться люди.

— Но… послушай, Джордж, а тебе самому здесь нравится? Ты рад, что мы сюда прилетели?

Отец долго молчал.

— Меня, Билл, беспокоит Пегги, — наконец ответил он.

— Угу, знаю. Но что насчет тебя — и Молли?

— За Молли я не волнуюсь. У женщин свои причуды — тебе еще предстоит это узнать. — Он

передернул плечами. — Мне пора. Иди в дом и скажи Молли, пусть приготовит тебе чашку чая. А потом присмотри за кроликами, — похоже, самочка снова собирается родить, так что крольчат потерять не хотелось бы.

Сгорбившись, он зашагал в сторону дороги. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а затем я вернулся в дом.

16. Парад

Потом внезапно наступила весна, и все стало хорошо.

Даже зима кажется не такой уж неприятной после того, как заканчивается. Без зимы не обойтись — земля нуждается в морозе и оттепели, не говоря уже о том, что многие растения не станут плодоносить в отсутствие холодов. В любом случае четыре недели непогоды всегда можно пережить.

Весной отец временно уволился с работы, и мы совместными усилиями засеяли наши поля. Взяв напрокат механическую тачку, я разбросал живую почву по своим полосам. Дальше последовал тяжкий труд по подготовке оврага к посадке яблонь. Вскоре после того, как папа Шульц дал мне семена, я начал проращивать их в помещении

— сперва у Шульцев, потом у нас. Шесть семян дали побеги, и теперь саженцы вымахали почти на два фута.

Мне хотелось попробовать посадить их снаружи, — возможно, следующей зимой пришлось бы снова забрать их в дом, но попытаться стоило.

Отца тоже заинтересовало мое предприятие — не только из-за плодовых деревьев, но и из-за древесины. Древесина выглядит здесь устаревшим материалом, но попробуй без нее обойтись.

Думаю, Джордж представлял себе Большие Сахарные горы, покрытые высокими прямыми соснами… когда-нибудь.

Мы перекопали овраг, проложили дренаж и засыпали яму, потратив немало нашего зимнего компоста и часть драгоценного верхнего слоя почвы. Когда мы закончили, места хватало для двадцати деревьев, и мы высадили шесть наших саженцев. Пришел папа Шульц и произнес над ними благословляющую молитву.

Потом он направился в дом, чтобы поздороваться с Пегги, почти целиком заполнив ее комнатку. Как говорил Джордж, стоит папе Шульцу вдохнуть, и в комнате тут же падает давление.

Чуть позже папа Шульц и отец сели о чем-то поговорить в гостиной. Когда я проходил мимо,

отец меня остановил.

— Билл, — спросил он, — как ты насчет того, чтобы сделать здесь окно?

Он показал на пустую стену.

— И как же мы будем сохранять тепло? — удивился я.

— Я имею в виду — настоящее окно, со стеклом.

Я задумался. Мне никогда не доводилось жить в помещениях с окнами — мы всегда обитали в квартирах. Конечно, я видел окна в загородных домах на Земле, но на Ганимеде не было ни одного окна, и мне даже не приходило в голову, что они вообще могут тут быть.

— Папа Шульц собирается сделать окно у себя в доме. Я подумал, что не так уж плохо сидеть в тепле и смотреть на озеро вечерами в светлую фазу, — продолжал отец.

— Какой дом без окон и камина? — безмятежно проговорил папа Шульц. — Теперь, когда у нас стали делать стекло, — почему бы и нет?

Отец кивнул:

— Три сотни лет человечество имело застекленные окна в домах. А потом все заперлись в крошечных клетках с кондиционерами и уткнулись в дурацкие телеэкраны. С тем же успехом

можно было бы находиться и на Луне.

Сама подобная мысль могла потрясти, но выглядела она не столь уж плохо. Я знал, что в городе делают стекло. Джордж говорит, что стекольное производство — одно из древнейших, если не самое древнее, и притом одно из самых простых. Но я воспринимал стекло как материал для бутылок и тарелок, а не для окон. На Бирже уже продавались стеклянные ведра, примерно вдесятеро дешевле тех, что привозились с Земли.

Видовые окна — отличная идея! Можно было прорубить окно в южной стене и видеть озеро, а другое — в северную, чтобы видеть горы. Да и вообще, почему бы не сделать окно в потолке, чтобы смотреть на старый добрый Юпитер, лежа в постели?

«Успокойся, Вильям, — подумал я, — а то еще немного, и ты построишь целый дом из стекла».

После того как папа Шульц ушел, я поговорил на эту тему с отцом.

— Слушай, — сказал я, — идея насчет окон, конечно, хорошая, особенно для комнаты Пегги, но вопрос в том, сможем ли мы себе это позволить?

— Думаю, сможем, — ответил он.

— Я имею в виду — без того, чтобы тебе пришлось возвращаться на работу в городе? Ты же

вкалывал как лошадь, а теперь это ни к чему. Ферма сможет нас прокормить.

— Как раз хотел об этом поговорить, — кивнул отец. — Билл, я уже почти решил отказаться от работы в городе, за исключением занятий, которые веду по субботам.

— А это тебе действительно нужно?

— Так уж вышло, что мне нравится учить инженерному делу. И не беспокойся насчет стоимости стекла — мы получим его бесплатно. Твоему старику причитается кое-какая благодарность за то, что он проектировал стекольное производство. «Не заграждай рта волу, когда он молотит»[17], — процитировал он. — А теперь займемся лучше делом — на пятнадцать часов намечается дождь.

Недели через три случился парад спутников — почти невероятное событие, когда Ганимед, Каллисто, Ио и Европа выстраиваются точно в одну линию и находятся по одну сторону от Юпитера. К подобному расположению они близки каждые семьсот два дня, но обычно не в полной мере. Все дело в том, что у них разные периоды обращения по орбите — от менее двух суток у Ио до более двух недель у Каллисто, и дробные части

---

[17] Примечания: 17
Втор. 25: 4.

в точности не совпадают. К тому же их орбиты имеют разный эксцентриситет, а сами орбиты не лежат в одной плоскости. В общем, вполне логично, что настоящий парад спутников случается крайне редко.

Кроме того, в этот раз они выстраивались в одну линию также и с Солнцем — событие должно было произойти во время полной фазы Юпитера. Главный метеоролог мистер Хукер объявил, что, по имеющимся расчетам, столь идеальное расположение планет больше не повторится в ближайшие двести тысяч лет. Так что вряд ли стоит удивляться, что все с нетерпением ждали, когда это произойдет. Ученые из проекта «Юпитер» не находили себе места от волнения, заранее готовясь к наблюдениям.

Пребывание Юпитера в полной фазе означало не только то, что к выстроившимся в ряд пяти небесным телам добавится шестое — Солнце, но и то, что мы сможем увидеть тени Ганимеда и Каллисто, которые окажутся в центре Юпитера, как только Ио и Европа достигнут середины пути.

Полная фаза наступает в шесть утра в субботу, и мы все встали около половины пятого, а к пяти уже были на улице. Мы с Джорджем вынесли Пегги в ее надувных носилках и успели как раз

вовремя.

Была прекрасная ясная летняя ночь, освещенная сиянием похожего на объятый пламенем воздушный шар Юпитера. Ио едва коснулась его восточного края — подобное событие называют «первым контактом». Европа уже слегка наползла на восточный край, и мне пришлось вглядеться, чтобы ее увидеть. Когда спутник не в полной фазе, его можно без труда различить на фоне планеты, но в полной фазе он стремится с ней слиться. Однако как Ио, так и Европа чуть ярче Юпитера, к тому же они нарушают узор его полос, что также позволяет их разглядеть.

Примерно на полпути к центру Юпитера в его восточной половине виднелись тени Ганимеда и Каллисто. Я бы не сумел их отличить, если бы не знал, что тень Ганимеда находится дальше к востоку. Они напоминали маленькие круглые черные пятнышки — три с небольшим тысячи миль мало что значат по сравнению с восьмьюдесятью девятью тысячами миль поперечника Юпитера.

Ио выглядела чуть крупнее теней, а Европа раза в полтора больше, примерно как Луна с Земли.

Мы ощутили легкий толчок под ногами, но он никого не обеспокоил — к землетрясениям мы

привыкли, к тому же именно в этот момент Ио «поцеловалась» с Европой, а затем начала постепенно заходить под нее — или за нее.

Спутники довольно быстро двигались на фоне диска Юпитера, а за ними медленно ползли тени. По прошествии примерно получаса две тени соприкоснулись и начали сливаться. Ио наполовину заползла под Европу, напоминая большую опухоль на ее боку. Оба спутника преодолели около половины пути до центра, а тени были к нему еще ближе.

Около шести часов Ио полностью скрылась под Европой, и Европа «поцеловалась» с тенью, которая теперь была одна и имела круглую форму.

Еще через четыре или пять минут тень наползла сверху на Европу, и я понял, что вижу самое выдающееся зрелище в своей жизни — Солнце, Юпитер и четыре самых больших его спутника выстроились в одну линию.

Я шумно выдохнул, только сейчас сообразив, что затаил дыхание.

— Ничего себе! — только и сумел выговорить я.

— Согласен с тобой, Билл, — кивнул отец. — Молли, может, лучше отнесем Пегги в дом? Боюсь, она может простудиться.

— Да, — согласилась Молли. — Я тоже замерзла.

— Пойду схожу к озеру, — сказал я.

Естественно, ожидался самый крупный из всех известных приливов. Хотя озеро было не слишком большим, чтобы в нем существенно поднялась вода, я сделал накануне отметку, надеясь, что сумею измерить уровень прилива.

— Не заблудись в потемках, — крикнул мне вслед отец.

Я промолчал — дурацкое замечание в ответе не нуждается.

Я прошел около четверти мили после конца дороги, когда последовал удар стихии.

Страшный толчок швырнул меня лицом вниз. Я знал, что такое сильные землетрясения в Калифорнии, но с этим они не могли сравниться ни в коей мере. Какое-то время я лежал ничком, вцепившись ногтями в камни и пытаясь удержаться.

Тошнотворные толчки следовали один за другим, и на их фоне раздавался низкий грохот, куда более ужасающий, чем удары грома.

В бок мне ударил катящийся камень. Я поднялся на ноги, сумев устоять. Земля все еще раскачивалась, грохот не умолкал. Я бросился

бежать в сторону дома, спотыкаясь словно на шатающихся льдинах и дважды упав по пути.

Фасад дома полностью обвалился, крыша накренилась под неестественным углом.

— Джордж! — заорал я. — Молли! Где вы?

Джордж услышал меня и выпрямился. Он находился по другую сторону дома, и я увидел его над обвалившейся крышей. Отец молчал. Я метнулся к нему.

— Вы целы? — спросил я.

— Помоги вытащить Молли, — выдохнул он.

Позже я узнал, что Джордж вошел в дом с Молли и Пегги, помог извлечь Пег из носилок и отвести девочку в ее комнату, а потом снова вышел на улицу, оставив Молли готовить завтрак. Землетрясение случилось в тот момент, когда отец возвращался из сарая. Но тогда у нас не было времени на разговоры — нам пришлось голыми руками растаскивать каменные блоки, для укладки которых требовались совместные усилия четверых скаутов.

— Молли! Молли! — рыдал Джордж. — Где ты?

Молли лежала на полу рядом с каменным столом, на который рухнула крыша. Мы оттащили остатки крыши, и Джордж перебрался через обломки.

— Молли! Молли, милая!

Она открыла глаза:

— Джордж!

— Ты цела?

— Что случилось?

— Землетрясение. Ты цела? Не ранена?

Молли села и, поморщившись, ответила:

— Похоже, нет… Джордж! Где Пегги? Найди Пегги!

Комната Пегги была нетронутой — укрепленные стены выдержали удар стихии. Джордж настоял на том, чтобы сперва вывести Молли на улицу, а затем мы начали оттаскивать каменные плиты, не позволявшие добраться до ведшего в комнату шлюза.

Внешнюю дверь шлюза сорвало с креплений. Внутри было темно — свет Юпитера туда не проникал. Я впотьмах толкнул внутреннюю дверь, но та не подалась.

— Никак не открыть, — сказал я отцу. — Принеси фонарь.

— Вероятно, ее удерживает давление воздуха. Крикни Пегги, чтобы забралась в носилки, и мы спустим воздух.

— Мне нужен фонарь, — повторил я.

— У меня его нет.

— Разве ты его не брал?

У меня был фонарь — мы всегда брали с собой фонари, выходя на улицу в темную фазу, но во время толчка я его где-то потерял.

Немного подумав, отец перебрался через обломки и вскоре вернулся:

— Нашел его по дороге к сараю. Вероятно, выронил.

Он посветил на внутреннюю дверь и тихо проговорил:

— Плохо дело. Взрывная декомпрессия.

Между верхом двери и рамой виднелась щель, в которую можно было просунуть пальцы. Дверь удерживало вовсе не давление — ее заклинило.

— Пегги! — крикнул отец. — Пегги, милая, ты меня слышишь?

Ответа не последовало.

— Билл, возьми фонарь и встань в стороне, — сказал он мне.

Отойдя назад, он с размаху ударил в дверь плечом. Та слегка подалась, но не открылась. Он ударил еще раз, и дверь распахнулась, бросив его на четвереньки. Отец поднялся на ноги, и я посветил фонарем в комнату.

Пегги лежала наполовину свалившись с кровати, словно пыталась встать, прежде чем потерять

сознание. Голова ее свисала вниз, и изо рта на пол текла струйка крови.

Следом за нами вошла Молли, и они с отцом уложили Пегги в носилки, после чего отец поднял давление. Пегги была жива — она судорожно дышала, кашляла и забрызгала нас кровью, пока мы пытались ей помочь, а потом расплакалась. Когда ее поместили в носилки, она, похоже, успокоилась и заснула — а может, снова лишилась чувств.

Молли плакала, но вела себя удивительно сдержанно. Выпрямившись, отец утер лицо и сказал:

— Билл, берись за носилки. Нужно доставить ее в город.

— Да, — кивнул я, встав с одного конца.

Молли держала фонарь. Пробравшись через груду камней, которая еще недавно была нашим домом, мы с отцом вышли на открытое пространство и поставили носилки на землю. Я огляделся.

На фоне диска Юпитера все так же виднелись тени — Ио и Европа еще не достигли его западного края. Все произошло меньше чем за час. Но мое внимание привлекло не это — слишком странно выглядело небо. Звезды светили слишком ярко, и их было слишком много.

— Джордж, — спросил я, — что стряслось с

небом?

— Сейчас не до этого… — Внезапно он замолчал и медленно проговорил: — О господи!

— Что? — забеспокоилась Молли. — Что случилось?

— Все в дом, быстро! Нужно найти всю одежду, какая только есть. И одеяла!

— Что? Зачем?

— Тепловая ловушка! Ее больше нет, — вероятно, землетрясение разрушило энергостанцию!

Мы снова начали рыться в обломках, пока не нашли все необходимое. Времени это заняло немного — мы знали, где что лежит, и требовалось лишь отвалить камни. Одеяла предназначались для носилок — отец замотал их, словно кокон, и завязал.

— Ладно, Билл, — сказал он. — А теперь — вперед!

В это мгновение послышалось мычание Мейбл. Остановившись, я посмотрел на отца. Он тоже остановился, застыв в нерешительности.

— Тысяча чертей! — бросил он, впервые на моей памяти по-настоящему выругавшись. — Мы не можем бросить ее замерзать — она член семьи. Идем, Билл.

Снова поставив носилки, мы побежали к сараю.

Он превратился в груду мусора, но по жалобам Мейбл было слышно, где она. Мы сволокли с нее упавшую крышу, и она поднялась на ноги. Похоже, корова особо не пострадала, но, видимо, ее сильно оглушило. Она негодующе смотрела на нас.

Потребовалось немало усилий, чтобы перетащить корову через обломки, — отец тянул, а я толкал. Отец отдал повод Молли.

— А что с курами? — спросил я. — И с кроликами?

Некоторых раздавило, другие бегали по двору. Я почувствовал, как какой-то кролик юркнул между моих ног.

— Нет времени! — бросил отец. — Нам их все равно не забрать; все, что мы можем для них сделать, — перерезать им горло. Идем!

Мы направились к дороге.

Молли шла впереди, таща за собой Мейбл и неся фонарь. Без света нам было не обойтись. Небо, еще несколько минут назад чересчур светлое и ясное, внезапно затянуло дымкой. Вскоре Юпитер стал вообще не виден, а потом наступила кромешная тьма.

Под ногами хлюпала влага — не от дождя, но от неожиданно выпавшей росы. Становилось все

холоднее.

Потом пошел промозглый проливной дождь, сменившийся мокрым снегом. Молли замедлила шаг.

— Джордж, — спросила она, — мы еще не дошли до поворота к Шульцам?

— Нет смысла, — ответил отец. — Нужно доставить ребенка в больницу.

— Я не об этом. Не стоит ли их предупредить?

— Ничего с ними не случится. У них крепкий дом.

— Но… холод?

— Ох…

Он понял, что она имела в виду, а потом, подумав, понял и я. Без тепловой ловушки и энергостанции каждый дом в колонии превращался в морозильную камеру. Что толку от энергоприемника на крыше, когда энергии нет вообще? Будет все холоднее, холоднее, холоднее…

А потом еще холоднее. И еще…

— Идем дальше, — внезапно сказал отец. — Решим, когда доберемся до поворота.

Но мы ничего не решили, поскольку поворота так и не нашли. К тому времени мы уже пробирались сквозь хлещущую в лицо метель, — казалось, будто в кожу вонзаются маленькие

раскаленные иголки.

Когда мы миновали лавовую стену, отмечавшую начало новой дороги к нашему дому и новым фермам за ним, я начал отсчитывать про себя шаги. По моим подсчетам, мы прошли около пяти миль, когда Молли остановилась.

— В чем дело? — заорал отец.

— Дорогой, — ответила она, — я не могу найти дорогу. Похоже, я заблудилась.

Я разбросал ногами снег, под которым действительно оказалась мягкая земля. Отец взял фонарь и посмотрел на часы.

— Судя по всему, мы прошли около шести миль, — объявил он.

— Пять, — поправил я. — Или пять с половиной, если с самого начала.

Я объяснил, что считал шаги. Отец задумался.

— Мы дошли примерно до того места, где дорога сливается с полем, — сказал он. — Вряд ли это дальше полумили или мили до перевала через гряду Кнейпера, а за ней мы уже не заблудимся. Билл, возьми фонарь и пройдись направо на сотню шагов, потом налево. Если не найдешь дорогу — пойдем дальше. И, ради всего святого, возвращайся по собственным следам — иначе в такую метель ты нас просто не отыщешь.

Я взял фонарь и отправился в путь. Направо ничего не обнаружилось, хотя я прошел сто пятьдесят шагов вместо ста. Вернувшись, я доложил обстановку и двинулся налево. Отец, возившийся с носилками, лишь что-то проворчал.

Пройдя двадцать три шага налево, я нашел дорогу, провалившись почти на фут, упав ничком и едва не потеряв фонарь. Поднявшись, я вернулся назад.

— Отлично! — сказал отец. — Накинь это себе на шею.

«Это» оказалось подобием хомута, который он соорудил, заново обвязав носилки одеялами и освободив часть веревки. Просунув в петлю шею, я мог нести основной вес на плечах, лишь поддерживая свой край носилок руками. Не то чтобы было очень тяжело, но руки начали коченеть от стужи.

— Неплохо! — ответил я. — Но, Джордж, пусть Молли возьмется с твоего конца.

— Чушь!

— Никакая не чушь. Молли вполне справится — да, Молли? И ты знаешь дорогу лучше нас — ты множество раз ходил по ней в темноте.

— Билл прав, дорогой, — тотчас же сказала Молли. — Возьми Мейбл.

Сдавшись, отец взял фонарь и повод. Мейбл не хотелось идти дальше, — вероятно, она предпочла бы сесть. Отец пнул корову под зад и дернул за повод, явно оскорбив ее в лучших чувствах, — к подобному обращению она не привыкла, особенно со стороны отца. Но ублажать ее у нас не было времени — становилось все холоднее.

Мы пошли дальше. Не знаю, каким образом отец держался дороги, но ему это вполне удавалось. Прошел, вероятно, еще час пути, и гряда Кнейпера осталась далеко позади, когда Молли споткнулась, а потом у нее подогнулись колени и она опустилась на снег.

Остановившись, я тоже сел, чувствуя, что крайне нуждаюсь в отдыхе. Мне ничего не хотелось — я готов был остаться тут, и пусть меня занесет снегом.

Вернувшись, отец успокаивающе обнял ее и сказал, чтобы теперь она вела Мейбл, — на этом участке заблудиться было почти невозможно. Молли настаивала на том, чтобы нести носилки, но отец, не обращая на нее внимания, снял хомут с ее плеч, затем отогнул с носилок часть одеяла, посветил внутрь и вернул одеяло на место.

— Как она? — спросила Молли.

— Дышит, — ответил отец. — И открыла глаза,

когда на них попал свет. Идем.

Он надел хомут, а Молли взяла фонарь и повод. Она не могла заметить того, что заметил я: пластиковый пузырь носилок покрылся изнутри инеем. Отец не видел, как дышит Пегги, — он не видел ничего вообще.

Я долго думал о том, как относиться к подобной лжи. Отец определенно не был лжецом, и все же мне казалось, что в данный момент ложь лучше правды. Сложный вопрос.

Вскоре я об этом забыл — все мое внимание было занято тем, чтобы ставить одну ногу впереди другой и считать шаги. Казалось, будто я больше не чувствую собственных ступней.

Отец остановился, и я наткнулся на край носилок.

— Слышишь? — сказал он.

Прислушавшись, я услышал отдаленное громыхание.

— Землетрясение?

— Нет. Тихо! — помолчав, он добавил: — Это на дороге. Всем отойти вправо!

Громыхание стало громче, и наконец я различил сквозь метель свет в той стороне, откуда мы пришли. Отец тоже его увидел и, шагнув на дорогу, начал размахивать фонарем.

Источник громыхания остановился прямо перед ним — это оказалась камнедробилка, нагруженная цеплявшимися за нее со всех сторон людьми, которые ехали даже на лопате.

— Забирайтесь! Быстрее! — крикнул водитель.

Увидев корову, он добавил:

— Скотину не берем!

— У нас носилки с моей девочкой, — крикнул в ответ отец. — Нам нужна помощь!

Последовало короткое замешательство, затем водитель приказал нескольким мужчинам спуститься и помочь нам. В суматохе отец куда-то исчез. Мгновение назад Молли еще держала повод Мейбл, а потом отец пропал вместе с коровой.

Мы подняли носилки на лопату, и несколько человек приперли их собственными спинами. Я не знал, куда девался отец, и уже собирался спрыгнуть и отправиться на его поиски, когда он вдруг появился из темноты и вскарабкался рядом со мной.

— Где Молли? — спросил он.

— Наверху. Но где Мейбл? Что ты с ней сделал?

— С Мейбл все в порядке.

Он сложил нож и убрал его в карман. Больше вопросов я не задавал.

17. Катастрофа

После мы миновали еще несколько человек, но водитель не останавливался. Мы уже почти въехали в город, и он утверждал, что они могут добраться и сами. Как он сказал, у него заканчивался заряд аварийной энергобатареи — он ехал от самого поворота к озеру, за десять миль от нашей фермы.

К тому же я понятия не имел, где бы он мог их разместить. Мы и так висели почти в три слоя, и отцу приходилось предупреждать народ, чтобы они не наваливались на носилки.

Потом энергобатарея все-таки села, и водитель крикнул:

— Всем сойти! Добирайтесь самостоятельно!

Но к тому времени мы были фактически уже в окрестностях города, и если бы не снежная буря, проблем не было бы вообще никаких. Водитель вызвался помочь отцу с носилками, а когда я увидел его при свете, оказалось, что это тот же самый, который дробил камни на нашем участке.

В конце концов мы очутились в больнице, где Пегги передали врачам и поместили в палату под давлением. К счастью, она была жива — в крайне тяжелом состоянии, но жива.

Молли осталась с ней. Я тоже предпочел бы остаться, — в больнице, где имелся собственный аварийный источник питания, было достаточно тепло. Но мне не разрешили.

Отец сказал Молли, что идет доложиться главному инженеру, а мне велели отправиться в приемный пункт для иммигрантов. Там все выглядело точно так же, как в тот день, когда мы сюда прилетели, только еще хуже — и холоднее. Я очутился в том же самом помещении, которое первым увидел на Ганимеде.

Зал был забит народом, и с каждой минутой из окрестностей прибывали все новые беженцы. Меня пробирал холод, хотя и не столь пронизывающий, как на улице. Свет, естественно, не горел — электричество, как и тепло, поступало с энергостанции. В разных местах стояли ручные фонари, позволявшие хоть как-то пробираться на ощупь. Как обычно, кто-то жаловался, хотя, возможно, и не столь раздраженно, как порой приходилось слышать от иммигрантов. Я не обращал на них внимания, устало радуясь тому, что нахожусь в относительном тепле и кровь вновь начинает приливать к ногам.

Мы провели там тридцать семь часов, и лишь сутки спустя нас хоть как-то покормили.

Устояли все металлические сооружения, подобные приемному пункту. Но, как мы узнали из разговоров, не уцелело практически ни одно из каменных зданий. Энергостанция вышла из строя, а вместе с ней и тепловая ловушка. Нам ничего не говорили, за исключением того, что сейчас ее чинят.

Тем временем мы набились в помещение до упора, согреваясь в основном теплом собственных тел, словно овцы в загоне. Как нам сказали, для обогрева использовались также несколько энергобатарей, которые включались каждый раз, когда температура падала ниже нуля по Цельсию. Даже если так, я ни одной не видел и сомневаюсь, что там, где я находился, температура поднималась хотя бы на долю градуса.

Я сидел, обхватив руками колени и то и дело проваливаясь в полудрему. Проснувшись от очередного кошмара, я вскакивал и ошеломленно озирался вокруг, а потом снова садился на пол, продолжая морозить задницу.

Помню, я встретил в толпе Горлопана Эдвардса и, помахав пальцем у него под носом, заявил, что у меня в планах начистить ему рожу. Вроде бы он уставился на меня, словно не узнавая, хотя, возможно, мне все это просто приснилось. Мне

казалось, что я наткнулся и на Хэнка, с которым мы долго о чем-то говорили, но, как мне сказал потом Хэнк, он ни разу за все время меня не видел.

После долгого ожидания — казалось, будто прошла неделя, но, судя по имеющимся данным, было лишь восемь часов утра воскресенья — нам выдали немного тепловатого супа, чудесного на вкус. После я хотел выйти из здания и отправиться в больницу, чтобы найти Молли и выяснить, как дела у Пегги.

Но меня не пустили. Температура снаружи составляла семьдесят градусов ниже нуля по Фаренгейту и продолжала падать.

Около двадцати двух часов включился свет, и самое худшее закончилось.

Вскоре после этого нас прилично накормили сэндвичами и супом, а когда в полночь взошло солнце, нам объявили, что все желающие рискнуть могут выйти наружу. Я подождал до полудня понедельника, когда температура поднялась до минус двадцати, и помчался в больницу.

Пегги чувствовала себя относительно неплохо. Молли осталась с ней, согревая ее своим телом в постели. Хотя в больнице имелся аварийный источник тепла, он не был рассчитан на подобную катастрофу — холод стоял почти такой же,

как и в приемном пункте. Но Пегги это пережила, большую часть времени проспав. Она даже улыбнулась мне и сказала «привет».

Левая рука Молли висела на перевязи. Я спросил ее, что случилось, и почувствовал себя крайне глупо. Она сломала руку во время землетрясения, но я об этом не знал, как и Джордж, — никто из инженеров еще не вернулся.

Казалось, она совершила невозможное — пока я не вспомнил, что она несла носилки лишь после того, как отец соорудил веревочные хомуты. Молли есть Молли.

Потом меня выгнали, и я стремглав кинулся обратно на приемный пункт, где почти сразу же наткнулся на Сергея, который позвал меня. В руках он держал карандаш и какой-то список, а вокруг него уже собралась группа ребят постарше.

— Что такое? — спросил я.

— Тебя-то как раз мне и надо, — ответил он. — Думал, ты уже покойник. Мы тут собираем спасательную команду — готов?

Естественно, я был готов. Команды состояли из старших скаутов, от шестнадцати лет, и молодых мужчин. Нас отправили на тягачах, по одному по каждой дороге, и мы работали группами по двое.

Когда мы грузились, я заметил Хэнка Джонса, и мне разрешили взять его в напарники.

Работа была кошмарная. Нам выдали лопаты и списки живших на каждой ферме. Иногда имя сопровождалось припиской «числится среди живых», но чаще таковая отсутствовала. Команду высаживали со списками жителей трех или четырех ферм, и тягач шел дальше, чтобы забрать их на обратном пути.

Наша задача заключалась в том, чтобы выяснить все сомнения насчет неотмеченных имен и — теоретически — спасти уцелевших.

Но никого живого мы не нашли.

Те, кому повезло, погибли во время землетрясения; те же, кому не повезло, слишком долго ждали и не сумели добраться до города. Некоторых мы находили на дороге — они слишком поздно отправились в путь. Хуже всего было с теми, кто пытался пересидеть стихию в оставшихся целыми домах. Мы с Хэнком нашли мужчину и женщину, которые просто сидели обнявшись. Тела их были тверды словно камень.

Обнаружив тело, мы пытались опознать его по списку, потом засыпали снегом на глубину в несколько футов, чтобы оно могло какое-то время пролежать, пока не начнется оттепель. Решив

вопрос с жителями фермы, мы разыскивали всю скотину, какую удавалось найти, и уносили или волокли трупы к дороге, где их забирал тягач, чтобы отвезти в город и поместить в морозильную камеру. Казалось, будто мы занимаемся грязной работой, обворовывая мертвецов, но, как заметил Хэнк, вполне возможно, что вскоре нам пришлось бы слегка поголодать.

Меня слегка беспокоило, что Хэнк воспринимает происходящее со своеобразным юмором. Впрочем, вскоре я понял, что лучше уж так, чем поддаться вгоняющему в тоску мрачному настроению, и стал смеяться вместе с ним.

Но мне следовало сообразить, что к чему, когда мы подошли к его собственной ферме.

— Можно пропустить, — сказал он, делая отметку в списке.

— Может, все же проверим насчет скотины? — спросил я.

— Нет. Слишком мало времени. Идем к ферме Миллера.

— Они что, не ушли?

— Не знаю. Я не видел никого из них в городе.

Миллеры, увы, никуда не ушли, и мы едва успели отдать им последние почести, прежде чем нас подобрал тягач. Лишь неделю спустя я

узнал, что родители Хэнка оба погибли во время землетрясения. Прежде чем отправиться в город, он вытащил их тела из развалин дома и уложил в погреб.

Как и я, в момент удара стихии Хэнк был на улице, наблюдая за парадом спутников. Тот факт, что толчок случился почти сразу же после того, как небесные тела выстроились в линию, спас многих от гибели в собственных постелях. Однако, как говорят, именно парад небесных тел стал причиной землетрясения, спровоцировав его приливными силами, так что в каком-то смысле то на то и выходит. Естественно, землетрясение вызвал не парад сам по себе — дело к нему шло еще со времен начала проекта по созданию атмосферы. Законы гравитации требуют равновесия.

Когда случилось землетрясение, численность колонии составляла тридцать семь тысяч человек. После завершения переписи выживших оказалось, что их меньше тринадцати тысяч. К тому же мы лишились всего урожая и почти всей скотины. Насчет возможного голода Хэнк вполне мог быть прав.

Нас высадили у приемного пункта, и в путь отправилась следующая команда. Я нашел местечко поспокойнее и попытался заснуть.

Мне казалось, что я едва успел задремать, когда кто-то потряс меня за плечо. Это оказался отец.

— Билл, с тобой все в порядке?

— В полном. — Я потер глаза. — Видел Молли и Пегги?

— Только что от них. Я на несколько часов свободен. Билл, ты не встречал никого из Шульцев?

Я сел, полностью проснувшись:

— Нет, а ты?

— Тоже нет.

Я рассказал ему, чем занимался, и он кивнул:

— Спи дальше. Попробую что-нибудь узнать о них.

Но сон больше не шел. Вскоре отец вернулся, сказав, что так и не сумел ничего выяснить.

— Билл, я за них волнуюсь.

— Я тоже.

— Пойду проверю сам.

— Идем вместе.

— Обоим идти незачем, — покачал головой отец. — Тебе нужно поспать.

Но я все равно пошел с ним. Нам повезло — по нашей дороге как раз ехала спасательная команда, и нас подвезли. Наша ферма и ферма Шульцев лежали по пути, и отец сказал водителю, что мы проверим и там и там, а по возвращении в

город обо всем доложим. Водителя это вполне устроило.

Нас высадили у поворота, и мы с трудом побрели к дому Шульцев. С каждым шагом меня все больше охватывал страх. Одно дело забрасывать снегом относительно незнакомых людей, и совсем другое — найти маму Шульц или Гретхен с мертвыми посиневшими лицами.

Я не мог представить себе папу Шульца мертвым. Такие, как он, не умирают — они просто продолжают существовать вечно. Или мне так только кажется.

Но я все равно оказался не готов к тому, что мы обнаружили.

Когда мы обогнули небольшой холм, скрывавший их дом с дороги, Джордж остановился и сказал:

— По крайней мере, дом стоит. Насчет сейсмостойкости он был прав.

Дом действительно стоял на месте, но яблоня — «самое прекрасное дерево на Ганимеде» — исчезла, будто ее и не было. Я бросился бежать.

Мы уже были почти рядом с домом, когда дверь открылась. На пороге стоял папа Шульц.

Все они были живы, все до единого. От дерева осталась лишь зола в камине. Папа Шульц срубил

его, как только отключилась подача энергии и начала падать температура, а потом постепенно скормил его пламени.

Рассказывая нам об этом, папа Шульц показал на почерневшую топку:

— Народ смеялся над очередной глупостью старика Иоганна. Что ж, вряд ли они теперь считают старину Джонни Яблочное Семечко таким уж глупцом!

Он расхохотался и хлопнул отца по спине.

— Но… ваше дерево… — тупо проговорил я.

— Посажу новое — много новых. — Внезапно он посерьезнел. — Но, Вильям, что с твоими отважными маленькими деревцами? Они ведь погибли?

Я ответил, что пока их не видел. Он мрачно кивнул:

— Они погибли от холода. Хуго!

— Да, папа?

— Принеси яблоко.

Хуго выполнил просьбу, и папа Шульц протянул плод мне:

— Посадишь новые семена.

Кивнув, я сунул яблоко в карман.

Шульцы крайне обрадовались, услышав, что все мы целы, хотя мама Шульц сокрушалась

насчет сломанной руки Молли. Йо добрался до нашей фермы сквозь метель, обнаружил, что нас нет, и вернулся, отделавшись обмороженными ушами. Сейчас он искал нас в городе.

Но главное, что с ними ничего не случилось. Спаслась даже их скотина — коровы, свиньи, куры и люди вместе жались друг к другу, согреваясь огнем от срубленного дерева.

Когда возобновилась подача энергии, животных вернули в сарай, но в доме до сих пор виднелись следы их присутствия, а также чувствовался запах. Похоже, маму Шульц больше огорчила разруха в ее безупречной гостиной, чем масштабы катастрофы. Вряд ли она понимала, что большинства ее соседей нет в живых. До нее это еще не дошло.

Отец отказался от предложения папы Шульца пойти с нами взглянуть на нашу ферму. Тогда папа Шульц сказал, что встретит нас на тягаче, поскольку он все равно собирался в город, чтобы узнать, чем может помочь. Выпив по кружке крепкого чая мамы Шульц и съев кукурузного хлеба, мы ушли.

Пока мы брели к нашей ферме, я думал о том, как хорошо, что Шульцы остались живы. Я сказал отцу, что это настоящее чудо.

— Не чудо, — он покачал головой. — Они прирожденные выживальщики.

— Кто такие выживальшики? — спросил я.

Отец долго молчал и наконец ответил:

— Выживальщики — те, кто выживает. Пожалуй, иначе и не определишь.

— Но в таком случае мы тоже выживальщики, — сказал я.

— Возможно, — кивнул отец. — По крайней мере, данный удар стихии мы пережили.

Когда я уходил, дом был разрушен. За минувшее время я успел насмотреться на десятки разрушенных домов, но для меня все равно стало потрясением, когда мы поднялись на холм и я увидел, что нашего дома действительно больше нет. Возможно, я ожидал, что какое-то время спустя проснусь в теплой постели и все будет хорошо.

Поля, по крайней мере, никуда не делись — единственное, что можно было о них сказать. Я разгреб снег на полоске земли, которая, как я знал, начинала давать побеги. Растения, естественно, погибли, а земля затвердела. Я почти не сомневался, что не осталось в живых даже земляных червей — их некому было предупредить, чтобы они закопались поглубже.

Погибли, само собой, и мои саженцы.

С подветренной стороны от остатков сарая мы нашли двух прижавшихся друг к другу заледеневших кроликов. Кур мы не обнаружили, кроме одной — нашей самой первой наседки. Она сидела на яйцах, и гнездо ее не пострадало, накрытое куском упавшей крыши сарая. Наседка так и не двинулась с места, и яйца под ней замерзли. Думаю, именно это потрясло меня больше всего.

Я стал всего лишь парнем, у которого когда-то была своя ферма.

Отец какое-то время шарил вокруг дома, затем вернулся к сараю.

— Ну что, Билл? — спросил он.

Я встал:

— Джордж, с меня хватит.

— Тогда вернемся в город. Тягач скоро будет.

— Я о том, что с меня действительно хватит!

— Да, знаю.

Первым делом я заглянул в комнату Пегги, но отец успел забрать все, что можно. Однако мой аккордеон остался на месте, припорошенный снегом из-за сломанной двери. Я смахнул снег и поднял инструмент.

— Оставь его, — сказал отец. — Здесь с ним ничего не сделается, а тебе все равно некуда его

положить.

— Вряд ли я когда-либо сюда вернусь, — сказал я.

— Что ж, ладно.

Мы собрали в мешок все найденное отцом, добавили к нему аккордеон, двух кроликов и курицу и вынесли на дорогу. Когда наконец показался тягач, мы забрались в него и отец бросил кроликов и курицу поверх груды собранного добра. У поворота нас ждал папа Шульц.

На обратном пути мы с отцом пытались высмотреть у дороги Мейбл, но так ее и не нашли. Вероятно, ее подобрал кто-то раньше, учитывая близость к городу. Что ж, может, оно и к лучшему — я не каннибал.

Мне удалось немного поспать и поесть, а потом меня отправили с очередной спасательной командой. Жизнь колонии начинала постепенно налаживаться. Те, чьи дома уцелели, вернулись обратно, а остальных разместили в приемном пункте, примерно так же, как и сразу после высадки. Еды, естественно, не хватало, и на Ганимеде ввели нормированное распределение впервые с тех пор, как на нем появились колонисты.

Голодать не приходилось — нас было не так уж много, а еды на данный момент имелось до-

статочно. Реальные трудности могли наступить позже. Было решено сдвинуть зиму на три месяца назад и начать все заново с весны, что приводило к путанице в календаре, но мы получали возможность как можно скорее снять новый урожай, который возместил бы утраченный.

Отец продолжал работать в конторе главного инженера. Планировалось построить еще две энергостанции на экваторе, каждая из которых могла в одиночку обеспечивать работу тепловой ловушки. Катастрофа, подобная случившейся, не должна была повториться. Всю технику, естественно, приходилось доставлять с Земли, но нам повезло в одном: положение Марса позволяло использовать находившийся там ретранслятор. Сообщение сразу же достигло Земли, и вместо очередной партии иммигрантов к нам следующим рейсом должно было прибыть все необходимое.

Нельзя сказать, чтобы меня все это особо волновало. Я тоже находился в городе, хотя Шульцы приглашали меня пожить у них. Я зарабатывал себе на жизнь, заново отстраивая и укрепляя дома оставшихся в живых. Было решено, что все мы — Джордж, Молли, Пегги и я — возвращаемся назад с первым же рейсом, если для нас найдется место. Решение было принято единогласно, если

не считать того, что с Пегги никто не советовался — ее поставили перед фактом.

Вернуться собирались не только мы. Комитет по делам колоний, естественно, поднял вой, но в силу сложившихся обстоятельств им пришлось уступить. После того как об этом было объявлено официально и началось составление списков, мы с отцом пошли в контору агента комитета, чтобы подать заявления. Мы оказались почти последними — отец уезжал из города по делам, и мне пришлось ждать его возвращения.

На закрытых дверях конторы белела записка: «Буду через полчаса». Мы стали ждать. На стене висели списки с именами тех, кто подал на репатриацию. Я начал их читать, чтобы убить время, а за мной и отец.

Найдя фамилию Сондерса, я показал ее Джорджу, на что он лишь буркнул: «Невелика потеря». Была там и фамилия Горлопана Эдвардса, — возможно, я все-таки видел его в приемном пункте, хотя с тех пор больше не встречал. Мне пришла в голову мысль загнать его на корабле в угол и наставить ему шишек, но, честно говоря, весь интерес у меня пропал. Я продолжал читать.

Я рассчитывал найти фамилию Хэнка Джонса, но ее там не обнаружилось. Внимательно пере-

читывая список, я начал замечать в нем некую закономерность.

Наконец вернулся агент и отпер дверь. Отец коснулся моей руки:

— Идем, Билл.

— Погоди, Джордж, — сказал я. — Ты прочел все фамилии?

— Да.

— Я тут подумал… знаешь, Джордж, что-то мне не хочется числиться среди этих болванов.

Отец задумчиво пожевал губами:

— Прекрасно понимаю, о чем ты.

Именно тогда я принял решение:

— Можешь поступать как хочешь, Джордж, но домой я возвращаться не собираюсь.

Отец с несчастным видом посмотрел на меня.

— Я должен забрать Пегги, Билл, — после долгого молчания сказал он. — Без меня и Молли она не полетит. А лететь она должна.

— Да, знаю.

— Понимаешь, Билл, каково мне?

— Да, пап, понимаю.

Он направился подавать заявление, насвистывая мелодию, которую насвистывал сразу после смерти Энн. Вряд ли он сам это замечал.

Я подождал его, и мы вместе ушли.

На следующий день я перебрался обратно на ферму. Не к Шульцам — к себе. Я спал в комнате Пегги и занимался ремонтом дома, готовясь посеять аварийный запас семян.

А потом, недели за две до того, как должен был стартовать «Крытый фургон», Пегги умерла, и необходимость возвращаться на Землю для всех нас отпала.

Отец передал печальное известие с Йо Шульцем, который тогда был в городе. Йо разбудил меня и все рассказал. Я поблагодарил его в ответ.

Он спросил, не хочу ли я пойти вместе с ним в их дом. Я ответил, что мне бы побыть одному. Пообещав зайти на следующий день, он ушел.

Я лежал на кровати Пегги.

Она умерла, и я ничем не мог помочь. Она умерла, и виноват в этом был я сам… если бы я ее постоянно не подбадривал, ее удалось бы убедить вернуться, прежде чем стало слишком поздно. Сейчас она была бы на Земле, ходила бы в школу и росла здоровой и счастливой — в Калифорнии, а не в этой проклятой дыре, где она не могла жить, где вообще никогда не предполагалось жить человеческим существам.

— О, Энн, Энн! — рыдал я, кусая подушку. — Позаботься о ней, Энн, — она такая маленькая и не

знает, как ей быть!

Потом я перестал рыдать и прислушался, отчасти надеясь, что Энн ответит мне и скажет, что позаботится о Пегги. Но сперва я ничего не услышал… а потом раздались очень тихие, едва различимые слова: «Выше голову, Билли. Выше голову, сынок».

Вскоре я встал, умылся и быстро зашагал в город.

18. Команда первопроходцев

Мы все жили в комнате Пегги, пока я и отец сажали семена, а потом начали пристраивать к ней новый дом, на этот раз сейсмостойкий, с большим окном, выходившим на озеро, и еще одним, смотревшим в сторону гор. Мы проделали окно и в комнате Пегги, отчего та стала выглядеть совсем иначе. Наконец мы пристроили еще одну комнату, словно чувствуя, что она может нам понадобиться. Во всех помещениях имелись окна, а в гостиной стоял камин.

Весь второй сезон после землетрясения мы с отцом были страшно заняты. Семян к тому времени хватало, и мы засеяли пустую ферму через дорогу. Потом туда въехали новоприбывшие по фамилии Эллис и заплатили нам за урожай.

Всего лишь обычная сделка, но она помогла нам сократить долг перед комитетом.

Через два ганимедских года после парада небесных тел ничто не напоминало о случившемся. Не осталось ни одного разрушенного дома, население составляло сорок пять с лишним тысяч человек, а город процветал. Новые колонисты прибывали с такой скоростью, что им удавалось продавать комитету часть продукции вместо земли.

Неплохо шли дела и у нас самих: появился улей с пчелами, а также Мейбл Вторая, Марджи и Мами, и я отправлял излишки молока в город на проезжавшем по дороге раз в день грузовике. Я приучил Марджи и Мами к ярму и использовал их для вспашки — мы обработали еще пять акров — и заходил даже разговор о том, чтобы обзавестись лошадью.

У некоторых лошади уже были, например у Шульцев. Совет сначала сопротивлялся, но в конце концов одобрил ввоз новых животных, хотя консерваторы пытались держаться за трактора. Однако у нас пока не было оборудования для производства тракторов, а политика состояла в том, чтобы сделать планету самодостаточной, так что сторонники живой силы в итоге победили.

Лошади способны производить новых лошадей, чему никогда не научишь ни один трактор.

Более того, хотя я и воротил нос, живя в Сан-Диего, бифштекс из конины восхитителен на вкус.

Как оказалось, дополнительная комната нам действительно потребовалась — для двух мальчиков-близнецов. Новорожденные младенцы на первых порах вызывают желание побыстрее от них избавиться, но со временем становятся все симпатичнее, хоть и не сразу. Я купил им в подарок колыбель, сделанную на самом Ганимеде, из скрепленной синтетическим каучуком стеклоткани. Появилась возможность приобретать все больше товаров местного производства.

Я сказал Молли, что, когда малыши подрастут, я приму их в ряды скаутов-волчат. Теперь я чаще присутствовал на сборах, поскольку у меня снова был свой патруль — патруль имени Даниэля Буна, в основном состоявший из новых ребят. Зачеты я так до сих пор и не сдал, но всего сразу не сделаешь. Как-то раз я уже собрался этим заняться, но именно в тот день у нас опоросилась свинья. Но своих планов я не менял — мне хотелось снова стать скаутом-орлом, пусть даже в моем возрасте нашивки как таковые меня уже не особо интересовали.

Может показаться, будто выжившие ни словом не вспоминали погибших в катастрофе, но это неправда — просто когда трудишься изо дня в день, мысли твои заняты совсем другим. В любом случае мы были не первой колонией, лишившейся двух третей населения, и наверняка не последней. Горевать можно лишь до поры до времени, а потом горе превращается в жалость к самому себе. По крайней мере, так утверждает Джордж.

Джордж все еще хотел, чтобы я вернулся на Землю и завершил учебу, и я сам не раз над этим размышлял. До меня начало доходить, что научился я далеко не всему. Идея мне нравилась — она не имела ничего общего с паническим бегством сразу после землетрясения. Будучи владельцем собственности, я сам мог заплатить за перелет. Стоимость была весьма существенная — пять акров, — и в итоге я оказался бы почти на мели, к тому же мою часть работы пришлось бы выполнять Джорджу и Молли. Но оба они были только за.

Кроме того, у отца имелись на Земле заблокированные счета, позволявшие оплатить мое обучение. Воспользоваться деньгами отец все равно не мог — в качестве платы за доставлен-

ные извне товары комитет принимал только обработанную землю. А если бы городской совет выиграл длившуюся на Земле судебную тяжбу, заблокированные средства отца даже могли пойти в счет оплаты за перелет, который в этом случае не стоил бы нам ни единого квадратного фута земли. Так или иначе, отказываться не имело никакого смысла.

У нас уже зашел разговор о том, чтобы я улетел на «Новом ковчеге», когда возник актуальный вопрос — о проведении разведки на планете.

Кроме Леды, Ганимед нуждался и в других поселениях — это было ясно еще тогда, когда мы на нем высадились. Комитет планировал построить два космопорта возле двух новых энергостанций, чтобы на планете было три центра, из которых могла бы распространяться цивилизация. Нынешним колонистам предстояло построить новые города — приемные пункты, гидропонные ангары, лазареты и так далее, за что им платили импортными товарами. Соответственно, должна была расти иммиграция, в чем комитет был теперь крайне заинтересован, располагая кораблями для доставки большого количества людей.

Команды первопроходцев собирались доставить к выбранным местам на старом «Паникере».

В их числе были и Хэнк с Сергеем.

Мне отчаянно хотелось отправиться вместе с ними. За все время, что я провел на Ганимеде, я ни разу не был дальше пятидесяти миль от Леды. Если бы кто-то спросил меня на Земле, как там на Ганимеде, я, честно говоря, ничего не смог бы рассказать, — по сути, я нигде не бывал.

У меня был шанс слетать на спутник Барнарда в качестве временного сотрудника проекта «Юпитер», но из этого ничего не вышло — из-за близнецов. Мне пришлось остаться и заниматься фермой.

Я поговорил на эту тему с отцом.

— Такое ощущение, будто на Землю тебе совсем не хочется, — с серьезным видом сказал он.

Я заметил в ответ, что речь идет всего о двух месяцах.

— Гм… — хмыкнул он, — ты еще не сдал свои зачеты?

Отец и так знал, что я их не сдал. Я сменил тему, сказав, что с разведчиками отправляются Хэнк и Сергей.

— Но они оба старше тебя, — ответил он.

— Не так уж и намного!

— Однако мне кажется, что они уже достигли надлежащего возраста, а ты еще нет.

— Слушай, Джордж, — возразил я, — законы создаются для того, чтобы их нарушать. Ты сам так говорил. Наверняка для меня найдется место — скажем, повара.

Именно эту работу я и получил, став поваром.

Я всегда умел прилично готовить, хотя вряд ли оказался бы лучшим учеником в классе мамы Шульц. Во всяком случае, в нашей команде никто не жаловался.

Капитан Хэтти высадила нас в заданной точке в девяти градусах севернее экватора и на ста тринадцати градусах западной долготы — примерно в трех тысячах ста милях от Леды, на дальней стороне планеты, где Юпитер был уже не виден. Как говорит мистер Хукер, в ближайшие сто лет температура на Ганимеде повысится примерно на девять градусов по мере таяния все новых древних ледников — к тому времени Леда окажется в субтропиках, а планета станет пригодной для жизни на половине территории, удаленной от полюсов. Пока же колонии предстояло основывать на экваторе или в его окрестностях.

Я жалел, что нашим пилотом была капитан Хэтти — невыносимая старая мегера. По ее мнению, пилоты космических кораблей принадлежат к особой расе сверхлюдей, — по крайней мере,

именно так она себя ведет. Не так давно Комитет заставил ее взять пилота-сменщика — для одного пилота работы было попросту чересчур много. Ей пытались также навязать пилота-стажера, неявным образом намекая на будущую отставку, но она отказалась наотрез, вдобавок еще и угрожая поднять «Паникер» в небо и врезаться на нем в землю. Никто не осмелился объявить ее слова блефом — от «Паникера» полностью зависело все.

Изначально «Паникер» предназначался лишь для транспортировки грузов и пассажиров между Ледой и станцией проекта «Юпитер» на спутнике Барнарда — но это было в те времена, когда корабли с Земли садились в Леде. Потом появился «Мэйфлауэр», и «Паникер» стал играть роль челнока. Шли разговоры о еще одном челноке, но пока что у нас его не было, что и позволяло капитану Хэтти бить в самое больное место, вызывая в воображении комитета образ нагруженного корабля на орбите Ганимеда, который бесконечно кружит вокруг планеты, не имея возможности спуститься, словно застрявший на дереве котенок.

Стоило, однако, отдать Хэтти должное — с кораблем она управлялась идеально. Казалось,

будто ее нервные окончания находятся в его обшивке. В ясную погоду она могла даже садиться планируя, несмотря на разреженный воздух. Но, думаю, она предпочитала хорошенько встряхнуть своих пассажиров, садясь на двигателях.

Высадив нас, «Паникер» взял на борт запас воды и улетел. Капитану Хэтти предстояло доставить на место другие три команды. Всего «Паникер» обслуживал еще восемь команд первопроходцев. За нами он должен был вернуться примерно через три недели.

Главой нашей команды был Поль дю Морье, новый помощник скаут-мастера отряда Ауслендеров и тот самый парень, который посодействовал, чтобы меня взяли поваром. Он был младше некоторых своих подчиненных, более того, он брился, из-за чего выделялся словно белый петух в свинарнике и выглядел еще моложе. Точнее говоря, он брился раньше, но в этом путешествии начал отращивать бороду.

— Лучше подровняйте свою растительность, — посоветовал я.

— Что, не нравится моя борода, Доктор Бурда?

Этим прозвищем он наградил меня за «рагу-омнибус», мое собственное изобретение; впрочем, я на него не обижался.

— Ну, — заметил я, — вашу физиономию она прикрывает, так что толк от нее есть, вот только вас могут спутать с неотесанным колонистом. Вряд ли подобное достойно благородных господ из Комитета.

— Может, мне только этого и надо, — загадочно улыбнулся он.

— Может быть, — кивнул я. — Но если станете носить такую бороду на Земле, вас в зоопарк посадят.

Он должен был вернуться на Землю тем же рейсом, на который рассчитывал я, — на «Крытом фургоне», через две недели после завершения разведки.

— Что ж, значит, так тому и быть, — снова улыбнулся он и сменил тему.

Столь приятного во всех отношениях человека, как Поль, я никогда прежде не встречал. Нельзя было отказать ему и в уме — он окончил Южноафриканский университет и в придачу к нему аспирантуру Института Солнечной системы на Венере, получив диплом эколога, специализировавшегося на освоении новых планет.

Он командовал нашей разношерстной компанией индивидуалистов, не повышая голоса. Настоящему лидеру вовсе не обязательно при-

бегать к силе.

Но вернемся к нашей разведке. Я мало что видел, поскольку по уши зарылся в кастрюльки и сковородки, но знал, что происходит. Долина, в которой мы высадились, была выбрана на основе сделанных с «Паникера» фотографий, и теперь в задачу Поля входило решить, насколько идеально она подходит для колонизации. Одно из преимуществ заключалось в том, что долина находилась в прямой видимости энергостанции номер два, но оно не имело особого значения — передаточные станции можно было разместить в любом месте в горах (пока безымянных) к югу от нас. В большинство новых поселений энергию в любом случае пришлось бы передавать посредством ретрансляторов. За исключением фактора безопасности для тепловой ловушки, создавать дополнительные энергостанции не имело смысла — всей планеты бы не хватило, чтобы использовать потенциал единственного преобразователя массы.

Все занялись делом — инженеры изучали возможность прокладки дренажной системы и оценивали вероятные водные ресурсы за год, топографы снимали рельеф местности, химики и агрономы исследовали различные каменные об-

разования на предмет их пригодности в качестве почвы, а архитектор составлял проект будущего города, фермы и космопорта. В команде были и другие специалисты, вроде минералога мистера Вильи, который занимался поисками руды.

Поль, будучи «специалистом общего профиля», осмыслил все полученные данные, что-то посчитал на логарифмической линейке, долго таращился в небо, а затем выдал окончательный ответ. Для данной долины ответ оказался отрицательным, и мы переместились в следующую по списку, водрузив на спины все наше снаряжение.

У меня появился один из немногих шансов осмотреться вокруг. Ведь мы высадились на восходе солнца — на этой долготе он приходился примерно на пять утра среды, — и наша цель заключалась в том, чтобы сделать как можно больше за время каждой светлой фазы. Свет Юпитера хорош, когда работаешь у себя на поле, но от него нет никакого толку, когда разведываешь неизвестную территорию, а здесь не было даже света Юпитера, только Каллисто каждую вторую темную фазу, или, точнее, каждые двенадцать с половиной суток. Соответственно, мы трудились всю световую фазу не прерываясь, принимая

таблетки для бодрости.

Вот только человек, который сидит на таблетках, ест вдвое больше, чем тот, который регулярно спит. Говорят, у эскимосов есть поговорка: «Поспать — все равно что поесть». Мне приходилось готовить горячую пищу каждые четыре часа, круглые сутки, и на осмотр достопримечательностей просто не оставалось времени.

Прибыв в лагерь номер два, мы поставили палатки, я соорудил на скорую руку поесть, а Поль раздал снотворное. К тому времени солнце уже зашло, и мы в буквальном смысле свалились замертво часов на двадцать, разложив подстилки из стеклоткани и накрывшись прорезиненной стеклотканью.

Я снова покормил народ, Поль раздал очередную порцию снотворного, и мы опять заснули. Поль разбудил меня днем в понедельник. На этот раз я приготовил легкий завтрак, а затем развернулся на всю катушку, намереваясь устроить пиршество. К тому времени все как следует отдохнули, и снова ложиться спать никто не собирался. В итоге все наелись до отвала.

После мы несколько часов сидели и разговаривали. Я достал свой аккордеон, который взял с собой по просьбе народа — или, вернее, по пред-

ложению Поля, — и сыграл несколько мелодий. Потом мы еще поговорили.

Начался спор о том, как возникла жизнь, и Джок Монтэг, химик, вспомнил старую теорию, что солнце когда-то светило намного ярче.

— Попомните мои слова, — сказал он. — Когда мы соберемся исследовать Плутон, окажется, что жизнь была там до нас. Жизнь постоянна и неизменна, словно закон массы-энергии.

— Чушь, — очень вежливо ответил мистер Вилья. — Плутон даже не настоящая планета; когда-то он был спутником Нептуна.

— Ну, значит, Нептун, — настаивал Джок. — Жизнь существует во всей вселенной. Попомните мои слова: когда проект «Юпитер» наконец доведут до ума и он заработает, жизнь найдут даже на поверхности Юпитера.

— На Юпитере? — взорвался мистер Вилья. — Брось, Джок! Там сплошной метан с аммиаком, он холоднее, чем тещин поцелуй. Или ты шутишь? Да на поверхности Юпитера даже света нет — одна тьма кромешная.

— Говорю и буду говорить, — ответил Монтэг. — Жизнь постоянна и неизменна. Везде, где имеются масса и энергия и есть условия для возникновения крупных устойчивых молекул, будет жизнь.

Взгляните на Марс, на Венеру, на Землю — самую опасную планету из всех. Взгляните на Разрушенную планету.

— Что скажете, Поль? — спросил я.

— Ничего, — мягко улыбнулся босс. — У меня недостаточно данных.

— Вот! — заявил мистер Вилья. — Вот слова умного человека. Скажи-ка, Джок, с чего ты вдруг стал авторитетом в данной области?

— У меня есть преимущество, — гордо ответил Джок. — Я слишком мало об этом знаю. В философских дебатах факты лишь помеха.

Тему сменил главный агроном мистер Сеймур:

— Меня не столько беспокоит, откуда возникла жизнь, сколько то, куда она идет. Во всяком случае, здесь.

— То есть? — поинтересовался я.

— Во что мы собираемся превратить эту планету? Мы можем сделать с ней все, что захотим. На Марсе и Венере имелись местные культуры. Мы не осмеливаемся чересчур их изменять и никогда их особо плотно не заселяли. Спутники Юпитера — совсем другое дело; в данном случае решать только нам. Говорят, будто человек способен бесконечно приспосабливаться. Я же утверждаю обратное: человек не столько приспосабливается

сам, сколько приспосабливает к себе окружающую среду. Именно этим мы здесь и занимаемся. Но каким образом?

— Я думал, все уже решено, — сказал я. — Основываем новые центры, прибывают новые люди, и мы распространяемся дальше, так же как и в Леде.

— Да, но чем это закончится? У нас теперь есть три корабля, совершающих регулярные рейсы. Вскоре корабли начнут прибывать каждые три недели, потом по кораблю в неделю, потом каждый день. Если не соблюдать крайнюю осторожность, в конце концов придется вводить нормированное распределение еды, как и на Земле. Билл, ты знаешь, насколько быстро растет земное население?

Я признался, что не знаю.

— С каждым днем людей становится на сто с лишним тысяч больше, чем накануне. Посчитай.

Я посчитал:

— Получается… э… где-то пятнадцать — двадцать кораблей в день. И все же мне кажется, что корабли для перевозки такого количества построить можно.

— Да, но куда нам их всех девать? Представь, что каждый день здесь высаживается вдвое с

лишним больше людей, чем уже живет на всей этой планете. И не только по понедельникам, но и по вторникам, по средам, по четвергам — все последующие недели, месяцы и годы, лишь ради того, чтобы удержать население Земли на стабильном уровне. Говорю тебе — ничего из этого не выйдет. Наступит день, когда нам придется полностью прекратить иммиграцию.

Он агрессивно огляделся, словно ожидая, что ему станут возражать.

Разочароваться ему не пришлось.

— Да брось, Сеймур! — сказал кто-то. — Думаешь, тебе принадлежит эта планета, потому что ты первым сюда добрался? Ты просто сумел проскользнуть, пока правила никого особо не ограничивали.

— С математикой не поспоришь, — настаивал Сеймур. — Ганимед должен как можно скорее стать самодостаточным — а затем мы захлопнем двери!

— Это не потребуется, — покачал головой Поль.

— Ха! — буркнул Сеймур. — Почему? Отвечайте. Вы же представляете комитет. Какой красивый ответ они придумали?

— Никакого, — ответил Поль. — И ваши цифры

верны, только выводы ошибочны. Да, Ганимед должен стать самодостаточным, но можете забыть о своей страшилке насчет десятков кораблей с иммигрантами в день.

— И почему же, осмелюсь спросить?

Поль обвел взглядом палатку и улыбнулся, словно извиняясь.

— Готовы выдержать краткое изложение диссертации по динамике народонаселения? Боюсь, я не обладаю преимуществом Джока — в этой теме я кое-что смыслю.

— Не мешайте ему, — сказал кто-то. — Пусть говорит.

— Ладно, — продолжал Поль, — вы сами согласились. Многие полагали, что конечная цель колонизации — уменьшить перенаселенность и нехватку продуктов питания на Земле. Но ничто не может быть дальше от истины.

— Как? — сказал я.

— Немного терпения. Маленькая планета не только физически не в состоянии принять на себя прирост населения большой планеты, как справедливо заметил Сеймур, но есть и еще одна причина, по которой притока в сто тысяч человек в день у нас никогда не будет, — чисто психологическая. Желающих эмигрировать, даже если

их не отбирать, никогда не станет столько же, сколько рождается новых людей. Большинство просто не покинет родину. Многие даже не покинут свою родную деревню, не говоря уже о том, чтобы отправиться на далекую планету.

— Согласен, — кивнул мистер Вилья. — Добровольный эмигрант — весьма странная порода. И редкая.

— Верно, — кивнул Поль. — Но предположим на секунду, что ежедневно готовы эмигрировать сто тысяч человек и Ганимед вместе с другими колониями способны их принять. Облегчит ли это ситуацию дома — в смысле, на Земле? Ответ: нет.

Похоже, на этом он закончил.

— Прошу прощения за мою тупость, Поль, — наконец спросил я, — но почему нет?

— Ты изучал экологию, Билл?

— Немного.

— А математическую теорию народонаселения?

— В общем… нет.

— Но тебе наверняка известно, что после любых крупных войн на Земле население всегда становилось больше, чем до них, независимо от числа погибших. Жизнь не просто постоянна

и неизменна, как выражается Джок, она имеет взрывной характер. Базовая теорема математической теории народонаселения, для которой никогда не существовало исключений, гласит, что население всегда растет, не только в пределах имеющегося количества пищи, но и сверх него, вплоть до минимальной поддерживающей жизнь диеты — по сути, грани голодной смерти. Иными словами, если мы будем отправлять с Земли по сто тысяч человек в день, население продолжит увеличиваться, пока прирост не составит двести тысяч в день, или максимум для новой экологической динамики Земли.

Какое-то время все молчали — сказать было нечего. Наконец подал голос Сергей:

— Мрачную картину вы нарисовали, босс. И каков же ответ?

— Его не существует, — сказал Поль.

— Я не об этом, — возразил Сергей. — Я имел в виду — каков выход?

Когда Поль ответил, все услышали лишь единственное слово, произнесенное столь тихо, что, если бы не наступившая тишина, его невозможно было бы разобрать:

— Война.

Послышался шорох ног и ропот — подобное

казалось просто немыслимым.

— Да бросьте, мистер дю Морье, — сказал Сеймур. — Может, я и пессимист, но не настолько. Войны больше невозможны.

— В самом деле? — спросил Поль.

— Хотите сказать, что Космический патруль нас подведет? — воинственно заявил Сеймур. — Другой причины для начала войны просто нет.

— Патруль нас не подведет, — покачал головой Поль. — Но остановить войну они не смогут. Полицейских сил вполне достаточно для прекращения отдельных конфликтов и подавления их в зародыше. Но когда конфликт охватывает всю планету, никаким полицейским силам не хватит ни средств, ни сил, ни ума. Естественно, они отважно попытаются вмешаться, но у них ничего не выйдет.

— Вы в самом деле в это верите?

— Таково мое твердое убеждение. И не только мое, но и комитета. Нет, я имею в виду не политиков, а карьерных ученых.

— Тогда о чем, черт побери, думает комитет?

— О строительстве колоний. Мы считаем, что это стоит того само по себе. Колонии вовсе не обязательно должны пострадать от войны — собственно, вряд ли это вообще случится. Будет

примерно так, как с Америкой в конце девятнадцатого века, — проблемы Европы обошли ее стороной. Скорее следует ожидать, что война, когда она случится, станет столь масштабной и продолжительной, что межпланетные полеты надолго прекратятся. Вот почему я говорил, что эта планета должна стать самодостаточной. Чтобы поддерживать межпланетные путешествия, требуется высокотехнологичная культура, а на Земле она вскоре может исчезнуть.

Думаю, слова Поля застигли врасплох всех присутствующих — меня уж точно. Сеймур ткнул в его сторону пальцем:

— Если вы во все это верите, то почему тогда возвращаетесь на Землю?

— Я никуда не возвращаюсь, — снова тихо ответил Поль. — Я намерен остаться здесь и стать поселенцем.

Внезапно я понял, почему он начал отращивать бороду.

— Значит, ожидаете скорого начала войны, — сказал Сеймур, и слова его прозвучали как утверждение, а не как вопрос.

— Раз уж я столь далеко зашел, — поколебавшись, проговорил Поль, — отвечу прямо. Война случится не раньше чем через сорок земных лет

и не позже чем через семьдесят.

Послышался всеобщий вздох облегчения.

— От сорока до семидесяти, говорите? — продолжал за всех Сеймур. — Но в таком случае нет никакого смысла сюда переселяться — вряд ли вы доживете до войны. Хотя это вовсе не значит, что из вас не выйдет хорошего соседа.

— Я вижу эту войну, — настаивал Поль. — Я знаю, что она будет. Хочу ли я такой судьбы для моих гипотетических детей и внуков? Нет. Только здесь я найду свой покой. И если я женюсь, то здесь. Я не собираюсь воспитывать потомство в радиоактивной пыли.

Кажется, именно в этот момент в палатку просунул голову Хэнк, поскольку я не помню, чтобы Полю кто-то ответил.

— Эй, джентльмены! — крикнул он, откидывая клапан. — Европа взошла!

Мы кучей вывалились наружу, возможно пытаясь преодолеть охватившее всех замешательство — слишком уж откровенен был с нами Поль. Хотя, вероятно, мы все равно бы вышли — пусть дома мы и видели Европу каждый день, но сейчас зрелище было совершенно иным.

Поскольку Европа обращается вокруг Юпитера внутри орбиты Ганимеда, она постоянно

находится в непосредственной близости от Юпитера, если можно назвать таковой отдаление на тридцать девять градусов. Мы находились на ста тринадцати градусах западной долготы, Юпитер висел на двадцать три градуса ниже нашего восточного горизонта, а это означало, что Европа на максимальном удалении к западу от Юпитера оказывалась максимум в шестнадцати градусах над истинным горизонтом.

Прошу прощения за арифметику. Поскольку практически рядом с нами к востоку располагалась гряда высоких холмов, все это означает, что раз в неделю Европа всходила над холмами, едва их касаясь, висела так около суток, а затем разворачивалась и заходила на востоке, точно там же, где и взошла, двигаясь вверх-вниз словно лифт.

Если вы никогда не бывали вне Земли, не говорите мне, что такого не может быть. Так уж вышло, что Юпитер и его спутники порой ведут себя довольно странно.

Во время нашего путешествия подобное случилось впервые, так что все мы смотрели, как по холмам, словно по волнам, скользит маленькая серебристая лодочка с поднятыми вверх рогами. Начался спор, продолжает ли она восходить или начинает снова садиться, и многие стали све-

ряться с часами. Некоторые заявляли, что могут заметить ее движение, но не могли прийти к единому мнению, в какую сторону. Вскоре я замерз и вернулся в палатку.

Но так или иначе я был рад, что нас прервали. У меня возникло чувство, что Поль сказал нам гораздо больше, чем намеревался, и намного больше, чем ему хотелось бы вспоминать после наступления светлой фазы. Я решил, что виной всему снотворное. Порой без него не обойтись, но оно зачастую развязывает язык, заставляя выбалтывать правду, которую хотелось бы скрыть.

19. Иные

К концу второй светлой фазы стало ясно — во всяком случае, Полю, — что вторая долина вполне подойдет. Она была вовсе не идеальной, и, возможно, за горным хребтом нашлась бы получше, но жизнь слишком коротка. Поль присвоил ей рейтинг в девяносто два процента, рассчитанный по какой-то замысловатой системе, которую придумал комитет, и он на семь процентов превышал проходной. Идеальная долина могла и подождать, когда ее найдут колонисты… что рано или поздно наверняка случилось бы.

Мы назвали ее Долиной Радости, просто на

счастье, а горы к югу от нее — Павловыми вершинами, несмотря на протесты Поля. Он сказал, что название все равно неофициальное, но мы ответили, что постараемся приложить все усилия, чтобы оно стало официальным. Главный топограф Эби Финкельштейн нанес вершины на карту, и мы подтвердили данный факт своими подписями.

Третья светлая фаза ушла на сбор подробностей и подведение итогов. После можно было возвращаться назад, если бы у нас была такая возможность. Но возможность отсутствовала, и нам ничего не оставалось, кроме как пережидать очередную темную фазу. Некоторые нашли себе занятие, круглыми сутками играя в покер, но я держался от них подальше, поскольку не мог себе позволить что-либо проиграть и не обладал талантом угадывать прикуп. Иногда мы заводили разговоры на какую-нибудь тему, но они ни разу не принимали столь серьезного оборота, как в первый раз, и никто больше не спрашивал Поля, что он думает о перспективах на будущее.

К концу третьей темной фазы мне окончательно наскучил вид нашего лагеря, и я попросил Поля отпустить меня прогуляться.

С самого начала третьей темной фазы мне

помогал Хэнк. Он работал помощником топографа, делая фотографии рельефа местности, и собирался сделать панорамный снимок долины с возвышенности на юге, когда над кряжами на западе случилась солнечная вспышка.

Хэнк недавно обзавелся собственной камерой и радостно щелкал все подряд. На этот раз он попытался сделать кроме официальной фотографии и свою собственную, но официальная у него так и не вышла, к тому же он не успел защитить глаза от ярких солнечных лучей. В итоге повредил зрение, и его определили ко мне помощником на кухню.

Вскоре он выздоровел, но Финкельштейн больше не желал иметь с ним дела. Так что я попросил отпустить на разведку окрестностей нас обоих, и Поль разрешил.

Немалое возбуждение в конце второй светлой фазы вызвала находка лишайников у западного края долины. Какое-то время казалось, что на Ганимеде обнаружена местная жизнь, но тревога была ложной — после тщательного изучения выяснилось, что лишайники эти не только земной разновидности, но и санкционированы советом по экологии.

Но по крайней мере стало ясно одно: жизнь

распространялась и пускала корни в трех с лишним тысячах миль от того места, куда ее занесли изначально. Мы не сумели прийти к единому мнению насчет того, задуло ли споры ветром, или их принесли на одежде строители энергостанции, но на самом деле это было не так уж важно.

Мы с Хэнком, однако, решили разведать, не удастся ли найти еще лишайники, к тому же их обнаружили в стороне от того пути, которым мы пришли из лагеря номер один. О том, что мы идем искать лишайники, Полю мы говорить не стали, поскольку боялись, что он нам запретит уходить чересчур далеко от лагеря. Он предупредил, чтобы мы вернулись к шести утра в четверг, чтобы успеть свернуть лагерь и отправиться к месту нашей высадки, где должен был ждать «Паникер».

Я согласился, поскольку в любом случае не собирался уходить далеко. Меня не особо волновало, найдем мы лишайники или нет, — я не слишком хорошо себя чувствовал, но никому об этом не говорил, опасаясь лишиться единственного шанса увидеть окрестности.

Лишайников мы больше не нашли. Но мы нашли кристаллы.

Мы шагали бок о бок. Я радовался, словно отпущенный из школы мальчишка, несмотря на

боль в боку, а Хэнк делал бесполезные фотографии странных камней и лавовых потоков. Хэнк говорил, что подумывает продать свою ферму и поселиться здесь, в Долине Радости.

— Знаешь, Билл, — сказал он, — тут будет не обойтись без настоящих ганимедских фермеров, которые могли бы научить новичков уму-разуму. А кто лучше меня знает, как вести сельское хозяйство на Ганимеде?

— Почти каждый, — заверил я его.

Он не обратил на мои слова никакого внимания.

— Тут по-настоящему здорово, — продолжал он, окидывая взглядом местность, напоминавшую Армагеддон после тяжкой битвы. — Намного лучше, чем вокруг Леды.

Я согласился, что кое-какие возможности тут есть.

— Но вряд ли это для меня, — добавил я. — Вряд ли мне захотелось бы поселиться там, откуда не видно Юпитера.

— Чепуха! — ответил он. — Ты что, прилетел сюда на небо таращиться? Или фермой заниматься?

— Спорный вопрос, — признался я. — Порой мне кажется одно, а порой другое. А иногда я даже

понятия не имею, что мне ближе.

Хэнк меня не слушал:

— Видишь ту расселину там, наверху?

— Само собой. И что?

— Если перебраться через тот ледничок, можно к ней подняться.

— Зачем?

— Думаю, она ведет в другую долину — где, возможно, еще лучше. Никто там еще не бывал. Я точно знаю — я же был в команде топографов.

— Я все пытаюсь помочь тебе об этом забыть, — сказал я. — Но что там может быть интересного? На Ганимеде наверняка сотни тысяч долин, в которых никто не бывал. Ты что, решил заняться торговлей недвижимостью?

Идея Хэнка мне не нравилась. Вид бескрайних просторов Ганимеда подавлял, и мне хотелось держаться поблизости от лагеря. Вокруг было тихо, словно в библиотеке, даже тише. На Земле всегда слышны какие-то звуки, хотя бы и в пустыне. Вскоре тишина, голые скалы, лед и кратеры начали действовать мне на нервы.

— Идем! Не будь неженкой! — ответил он и начал взбираться наверх.

Расселина вела вовсе не в другую долину, а в некое подобие коридора среди холмов. Одна его

стена была странно плоской, словно ее построили специально. Какое-то время мы шли вдоль нее, и я уже собирался повернуть назад. Я остановился, чтобы позвать Хэнка, который вскарабкался на камень по другую сторону, чтобы сделать фотографию, и взгляд мой упал на что-то цветное. Подойдя ближе, я увидел кристаллы.

Я уставился на них, и мне показалось, будто они смотрят на меня в ответ.

— Эй! — крикнул я. — Хэнк! Иди скорее сюда!

— Что случилось?

— Иди сюда! Тут есть кое-что, что стоило бы сфотографировать!

Хэнк спустился и подошел ко мне.

— Чтоб мне провалиться, — шумно выдохнув, прошептал он.

Он начал орудовать камерой. Я никогда не видел подобных кристаллов, даже сталактитов в пещерах. Они были шестигранными, за исключением некоторых с тремя и двенадцатью гранями. Различались они и размерами — от мелочи величиной с шампиньон до стройных столбиков высотой по колено. Пройдя немного дальше, мы обнаружили кристаллы, доходившие до груди.

И это были не простые призмы — они разветвлялись и пускали побеги. Но больше всего

потрясали их всевозможные цвета, менявшиеся на глазах. В конце концов мы решили, что они вообще не имеют окраски и все это лишь игра отраженного света. По крайней мере, так считал Хэнк.

— Идем, — сказал он, отсняв целую кассету фотографий. — Посмотрим, откуда они берутся.

Идти мне никуда не хотелось. У меня дрожали ноги после подъема, и при каждом шаге я ощущал спазмы в правом боку. Вероятно, у меня ко всему прочему кружилась голова. Когда я смотрел на кристаллы, мне казалось, будто они извиваются и корчатся, и мне приходилось моргать, чтобы они вновь обрели неподвижность.

Но Хэнк уже двинулся с места, и я последовал за ним. Если бы сейчас была весна, можно было сказать, что кристаллы растут вдоль водного русла каньона. Похоже, они нуждались в воде. Мы дошли до места, где пол коридора был покрыт толщей древнего льда с тонким слоем оставшегося с прошлой зимы снега. Кристаллы прорубили проход прямо сквозь лед, образовав естественный ледяной мост, а также расчистили пространство в несколько футов по обеим сторонам.

Поскользнувшись, Хэнк ухватился за один из кристаллов, который отломился, издав ясный,

похожий на серебряный колокольчик звон. Выпрямившись, Хэнк тупо уставился на свою руку — вдоль ладони и пальцев шли параллельные порезы.

— В следующий раз будешь умнее, — сказал я и, достав аптечку, перевязал ему руку. — А теперь пора назад.

— Пустяки, — ответил он. — Подумаешь, пара царапин! Идем.

— Слушай, Хэнк, я хочу вернуться. Что-то мне нехорошо.

— Что такое?

— Живот болит.

— Слишком много жрешь, только и всего. Тебе не хватает физических нагрузок.

— Нет, Хэнк. Мне нужно назад.

Он задумчиво уставился на ущелье.

— Билл, — наконец сказал он, — мне кажется, я понял, откуда берутся кристаллы. Это совсем недалеко. Подожди здесь, а я схожу гляну. Потом я вернусь и пойдем прямо в лагерь. Я недолго, честно.

— Ладно, — согласился я.

Он начал взбираться наверх, и вскоре я последовал за ним. Мне вбили в голову еще в те времена, когда я был скаутом-волчонком, что в

незнакомой местности нельзя разделяться.

Услышав крик Хэнка, я поднял взгляд и увидел, что он стоит лицом к большой темной дыре в склоне утеса.

— Что случилось? — крикнул я.

— Чтоб меня молнией поразило к тысяче чертей! — ответил он или что-то в этом роде.

— Что случилось? — раздраженно повторил я и поспешил к нему.

Кристаллы продолжали подниматься все выше, уходя к самому устью пещеры, но не внутрь нее — они образовывали некое подобие плотной изгороди вдоль ее порога. На дне ущелья, словно сброшенный туда могучим землетрясением, лежал плоский каменный монолит размером с блок Стоунхенджа. Видно было, где он откололся от утеса, открыв дыру. Плоскость скола была столь же ровной и гладкой, как и в творениях древних египтян.

Но мы смотрели не на это — мы смотрели в дыру.

Внутри было темно, но туда проникал рассеянный свет, отраженный от дна каньона и дальней стены. Мои глаза начали привыкать к полумраку, и я увидел, куда смотрит Хэнк. Стало ясно, что вызвало у него такую реакцию.

Там было нечто, явно не природного происхождения. Не могу сказать, что именно, поскольку оно не напоминало ничего из того, что я видел за свою жизнь сам или на картинках или о чем я когда-либо слышал. Как описать то, чего никогда не встречал и для чего просто не существует слов? Черт побери, его и разглядеть с ходу было невозможно — глаза просто не воспринимали образ.

Но я понял, что это не камни, не растения и не животные. Это были творения человеческих рук — ну, может, и не человеческих, но явно не возникшие случайно.

Мне очень хотелось подойти поближе и взглянуть внимательнее. На мгновение я даже забыл о плохом самочувствии.

Хэнку явно хотелось того же самого.

— Идем посмотрим! — как обычно, сказал он.

— Но как? — спросил я.

— Ну, просто… — Он остановился и огляделся. — Может, можно обойти кругом… Нет… Билл, придется разбить часть кристаллов и пройти прямо через них. Иначе никак.

— Тебе что, мало одной порезанной руки? — поинтересовался я.

— Разобью их камнем. Жаль, конечно, — они такие красивые, но ничего не поделаешь.

— Вряд ли ты сумеешь разбить крупные кристаллы. К тому же ставлю два против одного, что они достаточно острые, чтобы прорезать твои ботинки.

— Рискну.

Он нашел камень и провел эксперимент. Я оказался прав в обоих отношениях.

Хэнк остановился и задумчиво присвистнул:

— Билл…

— Да?

— Видишь тот маленький уступ над дырой?

— И что?

— Он ведет налево дальше, чем кристаллы. Навалю груду камней, чтобы мы сумели до него добраться, а потом пройдем по нему и спрыгнем прямо перед входом в пещеру. Кристаллы не настолько близко к нему.

Подумав, я решил, что у нас и впрямь может получиться.

— Но как мы вернемся?

— Навалим тех штук, что виднеются внутри, и снова вскарабкаемся наверх. В худшем случае могу поднять тебя на плечи, а потом ты спустишь мне ремень или еще как-нибудь.

Будь я немного умнее, я бы возразил. Но мы попробовали, и нам все удалось — вплоть до

момента, когда я повис на руках над входом в пещеру.

Почувствовав пронзительную боль в боку, я разжал пальцы.

Я пришел в себя оттого, что меня тряс Хэнк.

— Оставь меня в покое! — прорычал я.

— Ты вырубился, — ответил он. — Не знал, что ты настолько неуклюжий.

Я не ответил, лишь поджал колени к животу и закрыл глаза.

Хэнк снова встряхнул меня:

— Ты что, не хочешь посмотреть, что там?

Я пнул его ногой:

— Не хочу, будь там даже сама царица Савская! Ты что, не видишь, что мне плохо?

Я снова закрыл глаза.

Видимо, я потерял сознание, а когда снова очнулся, Хэнк сидел по-турецки передо мной, держа мой фонарь.

— Долго же ты спал, дружище, — мягко проговорил он. — Ну как, получше?

— Не особо.

— Попытайся собраться, и идем со мной. Ты должен это увидеть. Билл, ты не поверишь. Это величайшее открытие со времен… в общем, неважно. Колумб по сравнению с ним жалкий

трус. Мы теперь знамениты, Билл.

— Может, ты и знаменит, — сказал я. — А я болен.

— Где у тебя болит?

— Везде. Живот твердый, как камень, а боль хуже, чем зубная.

— Билл, — с серьезным видом спросил он, — тебе аппендикс удаляли?

— Нет.

— Гм… может, и стоило.

— Нашел подходящее время советовать!

— Не волнуйся.

— Какое, к черту, не волнуйся! — Я приподнялся на локте, чувствуя, как кружится голова. — Хэнк, послушай. Ты должен вернуться в лагерь и все рассказать. Пусть пришлют за мной тягач.

— Билл, — мягко ответил он, — ты сам прекрасно знаешь, что никаких тягачей в лагере нет.

Я пробовал найти какой-то выход, но мозги уже не соображали.

— Ладно, пусть хотя бы принесут носилки, — буркнул я и снова лег.

Вскоре я почувствовал, как Хэнк шарит под моей одеждой, и попытался его оттолкнуть, а потом, ощутив прикосновение чего-то холодного, замахнулся на него кулаком, но не попал.

— Спокойно, — сказал он. — Я нашел немного льда. Не дергайся, а то компресс свалится.

— Не хочу никакого компресса.

— Придется. Не снимай его, пока мы отсюда не выберемся, тогда, может, выживешь.

Я был слишком слаб, чтобы возражать, и потому лишь снова закрыл глаза, а когда открыл их опять, к своему удивлению, почувствовал себя лучше — не совсем при смерти, а просто отвратительно. Хэнк куда-то исчез. Я позвал его, а когда он не ответил, меня охватила паника.

Внезапно он появился рядом, размахивая фонарем.

— Я думал, ты ушел, — сказал я.

— Нет. Если честно, мне отсюда не выйти. Я не могу вскарабкаться на уступ и перелезть через кристаллы тоже не могу. Уже пробовал.

Он показал мне порванный окровавленный ботинок.

— Поранился?

— Ничего, выживу.

— Это еще неизвестно, — ответил я. — Никто не знает, что мы здесь, а как ты говоришь, нам отсюда не выбраться. Похоже, нам грозит голодная смерть. Хотя мне уже все равно.

— Кстати, — заметил он, — я оставил тебе

немного поесть. Боюсь, правда, что маловато, слишком уж долго ты спал.

— Не упоминай про еду! — Я рыгнул и схватился за бок.

— Извини. Но слушай, я же вовсе не говорил, будто нам не выбраться.

— Только что говорил.

— Нет, я говорил, что не могу выбраться сам.

— Какая разница?

— Неважно. Но, думаю, мы все-таки выберемся. Что ты там плел насчет тягача?

— Тягача? Ты что, умом повредился?

— Проехали, — ответил Хэнк. — Тут есть нечто похожее… или, может, не совсем…

— Давай решай.

— Считай, что это повозка. Думаю, я сумею ее вытащить, по крайней мере через кристаллы. Воспользуемся ею как мостом.

— Ладно, кати ее сюда.

— Ее не надо катить. Она… э… в общем, она ходит.

Я попытался подняться:

— Такое я точно должен увидеть.

— Просто отодвинься подальше от входа.

С помощью Хэнка я попробовал встать:

— Я с тобой.

— Поменять тебе компресс?

— Может, позже.

Хэнк отвел меня назад и показал мне ходячую повозку. Не знаю, как описать ее словами, — возможно, вы видели ее потом на фотографиях. Будь сороконожка величиной с динозавра и сделана из металла, получилось бы примерно то же самое. Ее тело напоминало корыто, которое поддерживали тридцать восемь ног, по девятнадцать с каждой стороны.

— Никогда прежде не видел столь безумной конструкции, — проговорил я. — Тебе ни за что ее оттуда не вытолкнуть.

— Не спеши с выводами, — посоветовал он. — И если, по-твоему, это нечто безумное, то тебе стоит взглянуть и на прочее.

— Например?

— Билл, знаешь, как мне кажется, что это за место? Думаю, это ангар для космического корабля.

— Не говори глупости — космическим кораблям не нужны ангары.

— Значит, этому нужен.

— Хочешь сказать, что там космический корабль?

— Ну… не знаю. Никогда не видел ничего подобного, но если это не космический корабль, тогда

не знаю, что это вообще такое.

Мне хотелось посмотреть самому, но Хэнк возразил:

— В другой раз, Билл, — нужно возвращаться в лагерь. Мы и так опаздываем.

Протестовать я не стал. После ходьбы у меня снова разболелся бок.

— Ладно, что дальше?

— Дальше?

Хэнк повел меня к заднему концу штуковины, где корыто опускалось почти до пола. Он помог мне забраться внутрь, велел лечь и направился к другому концу со словами:

— Можно подумать, эту штуку соорудил четверорукий горбатый карлик. Держись.

— Ты хоть знаешь, что делаешь? — спросил я.

— Я уже пробовал переместить ее на шесть футов, а потом испугался. Абракадабра! Держись крепче!

Он сунул палец глубоко в отверстие.

Штуковина бесшумно и мягко пришла в движение. Когда мы выбрались на солнечный свет, Хэнк вытащил палец из дырки. Я сел. Штуковина выдвинулась из пещеры на две трети, и передний ее конец находился за пределами кристаллов.

— Что ж, Хэнк, у тебя получилось, — вздохнул

я. — Идем. Если приложить к боку еще льда, думаю, смогу сам.

— Погоди, — ответил он. — Хочу кое-что попробовать. Там есть другие дырки, в которые я пока пальцы не совал.

— Может, хватит?

Вместо ответа он попробовал другое отверстие, и машина внезапно попятилась.

— Ой!

Хэнк выдернул палец и, вставив его в предыдущую дыру, не вынимал, пока машина не вернулась на прежнее место.

Уже осторожнее он испытал остальные дырки и наконец нашел ту, посредством которой машина слегка приподняла передний конец и повернула его влево, словно гусеница.

— Ну вот, совсем другое дело, — радостно объявил он. — Я могу ею управлять.

Мы двинулись вдоль каньона. Хэнк оказался не вполне прав, считая, что может управлять машиной, — скорее это напоминало управление лошадью или одним из недавно вошедших в моду полуавтоматических автомобилей. Ходячая повозка дошла до естественного ледяного мостика, под которым были кристаллы, и сама остановилась. Хэнк попытался провести ее че-

рез достаточно большое отверстие, но тщетно. Подвигав туда-сюда передним концом, словно принюхивающийся пес, машина начала постепенно подниматься по склону, обходя лед.

При этом она продолжала держаться ровно, — вероятно, она могла менять длину своих ног, словно сказочный косогорный сней[18].

Добравшись до ледника, который мы пересекали по пути к ущелью, Хэнк остановил машину и сменил мне компресс. Похоже, машина не имела ничего против льда самого по себе, просто отказывалась проходить сквозь отверстия: когда мы снова двинулись с места, она медленно и осторожно, но вполне уверенно перебралась через маленький ледник.

Мы направились в сторону лагеря.

— Это самое величайшее из всех когда-либо построенных транспортных средств для путешествий по пересеченной местности, — провозгласил Хэнк. — Хотел бы я знать, на чем она работает. Если бы я сумел ее запатентовать, я стал бы богачом.

— Она твоя — это же ты ее нашел.

— Все же она не совсем мне принадлежит.

---

[18] Примечания: 18

Hillside snee — вероятно, придумано самим Хайнлайном; точное происхождение неизвестно.

— Хэнк, — ответил я, — ты что, и впрямь думаешь, будто владелец за ней вернется?

Он странно посмотрел на меня:

— Нет, Билл, не думаю. Но… как давно, по-твоему, она там оказалась?

— Даже гадать не хочу.

В лагере стояла только одна палатка. Когда мы приблизились, из нее кто-то вышел. Это оказался Сергей.

— Где вы были, парни? — спросил он. — И где, черт побери, вы украли эту штуку?

Помолчав, он добавил:

— Что это вообще такое?

Мы как смогли посвятили его в суть случившегося с нами. Сергей, в свою очередь, рассказал, что нас искали сколько могли, а потом Полю пришлось возвращаться в лагерь номер один, чтобы встретить «Паникер». Он оставил Сергея, чтобы тот забрал нас, как только мы появимся.

— И еще он оставил вам записку, — добавил Сергей.

Там говорилось:

Дорогие мои друзья по переписке,

мне крайне жаль уходить, бросив чокнутых салаг вроде вас на произвол судьбы, но график вы

знаете не хуже меня. Я мог остаться сам, чтобы доставить вас на место, но ваш друг Сергей настоял, что эта честь должна быть предоставлена ему. Каждый раз, когда я пытаюсь призвать его к голосу разума, он лишь глубже забирается в свою нору, скалит зубы и рычит.

Как только получите мое письмо, хватайте ноги в руки — и бегом в лагерь номер один. Повторяю — бегом, а не шагом. Мы задержим «Паникер», но вы прекрасно знаете, как относится к соблюдению графика наша дорогая тетушка Хэтти. И если вы опоздаете, ей это очень не понравится.

Как только увидимся, я намерен как следует надрать вам уши.

Удачи,

П. дю М.

Постскриптум для Доктора Бурды: о твоем аккордеоне я позаботился.

Когда мы закончили читать, Сергей сказал:

— Мне хотелось бы услышать больше о том, что вы нашли, раз этак в десять. Но не сейчас — нужно стремглав мчаться в лагерь номер один. Хэнк, думаешь, Билл не сможет идти?

Я ответил сам решительным «нет». Возбуждение постепенно проходило, и мне снова стало хуже.

— Гм… Хэнк, как считаешь, эта движущаяся куча хлама сможет нас туда доставить?

— Полагаю, она сможет доставить нас куда угодно. — Хэнк похлопал машину по боку.

— Как быстро? «Паникер» уже приземлился.

— Уверен? — спросил Хэнк.

— Я видел его след в небе по крайней мере три часа назад.

— Тогда вперед!

О поездке я почти ничего не помню. Один раз мы остановились, и мне снова наложили ледяной компресс, а потом меня привел в чувство крик Сергея:

— «Паникер»! Я его вижу!

— Да, «Паникер». Пришли, — ответил Хэнк.

Я сел и посмотрел вперед.

Мы спускались по склону, когда из хвоста корабля, до которого оставалось меньше пяти миль, вырвалось пламя, и он взмыл в небо.

Хэнк застонал. Я снова лег и закрыл глаза.

Машина остановилась в очередной раз, и я снова очнулся. Перед нами стоял Поль, уперев руки в бока и не сводя с нас яростного взгляда.

— Вовремя вернулись, пташки, — заявил он. — Но где вы откопали… это?

— Поль, — взволнованно проговорил Хэнк, —

Билл серьезно болен.

— Ох ты!

Поль, подтянувшись, взобрался в машину и больше вопросов не задавал. Мгновение спустя он обнажил мой живот и ткнул большим пальцем между пупком и тазовой костью.

— Больно? — спросил он.

Я был слишком слаб, чтобы его стукнуть. Он дал мне таблетку.

В дальнейших событиях я участия не принимал, но случилось следующее: капитан Хэтти по настоянию Поля ждала пару часов, а потом объявила, что вынуждена стартовать. Как она сказала, ее график был согласован с «Крытым фургоном», и она не собиралась заставлять восемь тысяч человек ждать ради нас двоих. Мы с Хэнком могли сколько угодно играть в индейцев, если нам так хотелось, но ее график был далеко не игрушкой.

Поль ничего не мог поделать, и он остался ждать нас, отправив остальных.

Но тогда я обо всем этом не знал. Я едва осознавал, что еду в шагающей повозке, и дважды приходил в себя, когда мне меняли лед, но все остальное выглядело словно в тумане.

Мы ехали на восток — Хэнк управлял маши-

ной, а Поль прокладывал путь по наитию. Спустя долгое время, которое я провел в полубреду, они добрались до лагеря первопроходцев, проводивших разведку в ста с лишним милях от нас, и Поль вызвал оттуда по радио помощь.

Затем прилетел «Паникер» и забрал нас. Единственное, что я помню, — посадку в Леде, когда кто-то сказал:

— Быстрее! У парня приступ аппендицита.

20. Дома

Наша находка вызвала немалый ажиотаж, который продолжается и поныне, но я ничего этого не видел. Я был слишком занят, пребывая в преддверии райских врат. Вероятно, за то, что я остался жив, я должен благодарить доктора Арчибальда, а также Хэнка, Сергея, Поля и капитана Хэтти. И еще — живших давным-давно представителей неизвестной расы. Как они выглядели, я не знаю до сих пор, но именно они создали идеальную машину для наземных путешествий по пересеченной местности.

Я поблагодарил каждого, кроме них. Все пришли навестить меня в больнице, даже капитан Хэтти, которая сперва пыталась на меня рычать, а потом, уходя, наклонилась и поцеловала меня

в щеку. Я настолько удивился, что едва ее не укусил.

Приходили, естественно, и Шульцы; мама Шульц рыдала надо мной, папа дал мне яблоко, а Гретхен почти все время молчала, что на нее не похоже. А Молли принесла близнецов повидать меня и наоборот.

«Планета», выходившая в Леде ежедневная газета, взяла у меня интервью. Им хотелось знать, являются ли наши находки творением человеческих рук.

Сложный вопрос, над которым с тех пор бьются люди намного умнее меня. Ибо — что есть человек?

То, что нашли в той пещере мы с Хэнком, а затем пришедшие туда позже ученые из проекта «Юпитер», не могло быть создано людьми, по крайней мере подобными нам. Шагающая повозка оказалась самой простой из находок, предназначения же для большей части остального пока даже не удалось понять. Выяснить, как выглядели загадочные существа, ученые тоже не смогли ввиду отсутствия каких-либо их изображений.

Может показаться удивительным, но ученые пришли к выводу, что у этих существ не было глаз — по крайней мере, таких, как у нас. Потому

они и не пользовались изображениями.

Если подумать, само понятие «изображение» кажется достаточно эзотерическим. Им не пользуются ни венериане, ни марсиане. Возможно, мы единственная раса во вселенной, которая изобрела подобный способ фиксировать предметы и события.

А значит, «людьми» в нашем понимании они не являлись.

Но они были людьми в истинном смысле этого слова, хотя я наверняка с воплем кинулся бы бежать, встретив одного из них в темном переулке. Как сказал бы мистер Сеймур, они владели самым важным умением — управлять окружающей средой. Они не были животными, вынужденными подчиняться законам природы и принимать то, что она им дает, — они подчиняли природу своей воле.

Полагаю, они все-таки были людьми.

Самым странным из всего этого были кристаллы, и я даже не знал, что по их поводу думать. Каким-то образом кристаллы были связаны с пещерой, или ангаром для космического корабля, или еще чем. Но внутрь пещеры они проникнуть не могли, или им просто не полагалось.

Последовавшая за нами команда проекта

«Юпитер» отметила еще один факт: большая неуклюжая ходячая повозка прошла по узкому каньону, не наступив ни на один кристалл. Вероятно, Хэнк оказался не таким уж плохим водителем, что он, впрочем, отрицает:

— Не спрашивайте меня. Я не в силах понять всего происходящего во Вселенной — слишком уж она велика.

Я располагал немалым временем для размышлений, пока меня не выписали из больницы, а подумать было о чем, в частности о моем предстоящем путешествии на Землю, чтобы продолжить обучение. «Крытый фургон» я, естественно, пропустил, но это ничего не значило — я мог улететь на «Мэйфлауэре» через три недели. Но хотелось ли мне лететь? Трудный вопрос.

В одном я был уверен точно: я намеревался сдать зачеты на нашивки, как только встану с больничной койки. Я и так уже слишком долго откладывал. Когда оказываешься на волосок от смерти, начинаешь понимать, что вечности впереди у тебя нет.

Но вернуться к учебе — совсем другое дело. Прежде всего, как сказал отец, совет проиграл тяжбу с комитетом, и отец не мог воспользоваться своими средствами на Земле.

И еще мне вспомнились слова Поля в ту ночь, когда у него развязался язык, — о надвигающейся войне.

Верил ли Поль в то, что говорил? И если да — мог ли я поддаться страху? Если честно, то вряд ли — Поль утверждал, что война начнется не раньше чем через сорок лет. Вряд ли я пробыл бы на Земле больше четырех или пяти лет, к тому же какой смысл бояться далекого будущего?

Я пережил землетрясение и последовавшее за ним восстановление и полагал, что вряд ли теперь что-то может всерьез меня напугать.

В душе я подозревал, что, если война все-таки случится, я пойду воевать, а не стану пытаться от нее сбежать. Может, и глупо.

Нет, я не боялся войны, но она все равно занимала мои мысли. Почему? Наконец до меня дошло, и когда меня навестил Поль, я задал ему мучивший меня вопрос:

— Слушай, Поль, помнишь, ты говорил о войне? Значит ли это, что, когда Ганимед достигнет того же состояния, что и нынешняя Земля, здесь тоже будет война? Не сейчас — через несколько столетий?

Он довольно грустно улыбнулся в ответ:

— Возможно, к тому времени нам хватит зна-

ний, чтобы не дойти до такого состояния. По крайней мере, хотелось бы надеяться.

Он посмотрел куда-то вдаль и добавил:

— Новые колонии всегда несут новую надежду.

Мне понравилась его формулировка — «новая надежда». Однажды я слышал, что именно так называли новорожденного младенца.

Я все еще не мог решить насчет возвращения на Землю, когда однажды воскресным вечером меня навестил отец и я спросил его о стоимости возможного перелета.

— Я знаю, Джордж, что земля формально принадлежит мне, но на ваши плечи ляжет немалый груз.

— Напротив, — ответил он, — мы вполне сведем концы с концами. Для этого и нужны сбережения. Молли только за. Кстати, близнецов мы тоже собираемся отправить учиться, когда придет время.

— И все равно, Джордж, мне это не нравится. Да и есть ли смысл? В каком-то особом образовании я не нуждаюсь. Я подумываю насчет Каллисто — это новая планета, и там масса возможностей для любого. Я мог бы наняться в экспедицию по созданию атмосферы — Поль замолвит за меня словечко — и постепенно расти вместе с про-

ектом. Возможно, со временем стану главным инженером всей планеты.

— Не станешь, если не овладеешь всеми премудростями термодинамики!

— То есть?

— Инженеры не «растут», они учатся. Получают образование.

— А я что, не учусь? Разве я не посещаю твои занятия? Инженером я вполне могу стать и здесь — зачем мне для этого тащиться обратно за полмиллиарда миль?

— Чепуха! Учеба требует дисциплины, а ты даже свои зачеты не сдал. Того и гляди упустишь шанс стать скаутом-орлом.

Мне хотелось объяснить ему, что сдавать зачеты и учиться ради них вовсе не одно и то же, а я действительно учился. Но я не сумел правильно сформулировать ответ.

— Послушай, сынок, — сказал отец, — буду с тобой откровенным. Дело не в том, чтобы стать главным инженером планеты, — в наши дни даже фермер нуждается в лучшем образовании, какое только может получить. Без него он всего лишь деревенщина, неотесанный крестьянин, который бросает семена в землю и надеется, что они каким-то чудом прорастут. Я хочу, чтобы

ты вернулся на Землю и получил престижную степень — Массачусетского технологического, Гарварда, Сорбонны. Постарайся этого добиться, а потом делай что хочешь. Поверь мне, твои усилия окупятся с лихвой.

— Пожалуй, ты прав, Джордж, — немного подумав, ответил я.

Отец встал:

— Что ж, решай. Мне пора на автобус, а то придется шагать пешком до фермы. До завтра.

— Спокойной ночи, Джордж.

Я лежал и думал. Вскоре зашла старшая медсестра миссис Динсмор, выключила свет и пожелала доброй ночи. Но заснуть я не мог.

Я знал, что отец прав. Мне не хотелось оставаться невеждой. Более того, я видел преимущества, которыми обладали дипломированные специалисты, — возможность в первую очередь устроиться на работу, быстро получить повышение. Что ж, подумал я, получу корочку, а потом вернусь — и, может, отправлюсь на Каллисто или начну обрабатывать новый участок земли. Слетаю на Землю — и обратно.

Но сон все равно не шел. Я посмотрел на свои новые часы: почти полночь, несколько минут до рассвета — и решил, что хочу увидеть восход

солнца. Возможно, мне долго теперь не доведется бывать здесь в полночь воскресенья.

Я выглянул в коридор — старушки Динсмор нигде не было — и выскользнул наружу.

Солнце висело чуть ниже горизонта — к северу его первые лучи касались самой высокой антенны энергостанции, находившейся за многие мили отсюда на вершине Гордости. Стояла прекрасная погода. Юпитер над головой был в половинной фазе, огромный, оранжевый и величественный. К западу от него выплывала из тени Ио, превращаясь на моих глазах из черной в вишнево-красную, а затем в оранжевую.

Я подумал о том, как буду чувствовать себя на Земле. Каково будет весить втрое больше, чем сейчас? Здесь я не ощущал собственной тяжести, но каково будет плавать в густом грязном супе, который там считают воздухом?

И каково это — когда не с кем поговорить, кроме сидящих в своих норах, словно сурки, землян? О чем говорить с девушкой, которая никогда не была в колониях и не поднималась в небо над землей выше, чем на вертолете? Они же все неженки. Взять, к примеру, Гретхен — она могла свернуть шею цыпленку и кинуть его в кастрюлю. Земная девчонка на ее месте визжала

бы от страха.

Над горизонтом поднялся краешек солнца, окрасив снег на вершинах Больших Сахарных гор в розоватый цвет на фоне бледно-зеленого неба. Я начал постепенно различать окружавший меня пейзаж — неуступчивую и непорочную новую территорию, ничем не напоминавшую Калифорнию с ее сидящими друг у друга на голове пятьюдесятью или шестьюдесятью миллионами населения. Именно здесь я хотел жить, и именно здесь было мое место.

К черту Калтех, Кембридж и прочие модные учебные заведения! Я намеревался показать отцу, что получить образование можно, и не приобщаясь к Лиге плюща. А первым делом я собирался сдать зачеты и снова стать скаутом-орлом.

Разве американский президент Эндрю Джонсон не учился читать, уже работая, даже после того, как женился? Пройдет время, и у нас будут ученые и гуманитарии не хуже, чем где-либо еще.

Долгий медленный рассвет продолжался, и лучи солнца очертили перевал Кнейпера к западу от меня. Я вспомнил ту ночь, когда мы преодолевали его в метель. Как говорит Хэнк, жизнь колонистов хороша одним: она четко отделяет мальчиков от мужчин.

«Я жил и работал среди настоящих мужчин», — прозвучала фраза у меня в голове. Райслинг?[19] Или, может, Киплинг? И я тоже жил и работал среди настоящих мужчин!

Солнце коснулось крыш, осветив лагуну Серенидад, цвет которой сменился с черного на пурпурный, а затем на голубой. Это была моя планета, здесь был мой дом, и я понял, что никогда ее не покину.

Из дверей суетливо выбежала миссис Динсмор и тут же заметила меня.

— Еще чего надумал! — сварливо бросила она. — А ну-ка, быстро на место!

— Мое место здесь, — улыбнулся я. — И я намерен тут остаться!

[19] Примечания: 19

Райслинг — поэт, герой рассказа Хайнлайна «Зеленые холмы Земли», автор слов одноименной песни.

Среди планет

Скотту и Кенту

1. Нью-Мексико

— Спокойно, мальчик, спокойно!

Дон Харви осадил маленького толстяка-пони. Обычно Лодырь оправдывал свою кличку, но сегодня ему, кажется, пришла охота порезвиться. И Дон, в общем-то, его не винил. День стоял такой, какие бывают только в Нью-Мексико: небо, до блеска отмытое прошедшим ливнем, земля уже сухая, но вдалеке еще висит клочок радуги. Небо было слишком голубым, крутые холмы — слишком цветущими, а дали — слишком яркими, чтобы казаться реальными. Невероятный покой окутывал Землю и заставлял, затаив дыхание, ожидать чуда.

— У нас целый день впереди, — предупредил Дон Лодыря, — так что не взмыливай себе бока. Скоро крутой подъем.

Скакал Дон один, а причиной его одиночества было чудесное мексиканское седло, которое родители заказали для него на день рождения.

Вещица была прекрасная, разукрашенная серебром, как индейские мокасины. Но в фермерской школе, которую посещал Дон, седло это выглядело так же нелепо, как строгий костюм во время клеймения скота, — этого родители Дона не учли. Он-то седлом гордился, но у других мальчишек седла были простые, пастушьи. Они безжалостно высмеяли его, когда он впервые появился с этим седлом, и тут же превратили Дональда Джеймса Харви в Дона Хайме.

Вдруг Лодырь отпрянул назад. Дон огляделся, увидел, что его испугало, выхватил свой пистолет и выстрелил. Потом он спешился, бросив поводья вперед, чтобы Лодырь остановился, и оценил итоги своих трудов. В тени скалы еще подергивалась довольно крупная змея с семью погремушками на хвосте. Ее срезанная лучом голова валялась рядом с туловищем. Погремушки Дон решил не забирать. Попади он точно в голову, непременно взял бы трофей, чтобы похвастаться своим стрелковым искусством. А так ему пришлось полоснуть змею лучом наискось. Если он принесет в школу гадину, убитую столь неуклюже, кто-нибудь обязательно спросит, почему бы ему было не принести просто садовый шланг.

Дон оставил ее валяться и снова забрался в

седло, болтая с Лодырем.

— Ничего страшного, обыкновенная старая злая рогатая гремучка[20], — успокаивающе произнес он. — Она тебя испугалась больше, чем ты ее.

Он пощелкал языком, и они двинулись в путь. Пробежав несколько сотен ярдов, Лодырь снова шарахнулся в сторону, испугавшись на этот раз не змеи, а внезапно раздавшегося звука. Дон осадил его и строго сказал:

— Куриные твои мозги! Когда ты перестанешь вздрагивать от телефонных звонков?

Лодырь дернул мышцами на холке и фыркнул. Дон потянулся к луке седла, снял телефонную трубку и ответил:

— Мобильный шесть-джей-двести тридцать три триста девять, говорит Дон Харви.

— Это мистер Ривз, Дон, — донесся голос директора школы «Ранчито Алегре». — Где ты?

— Направлялся на месу[21] Педлерс Грейз, сэр.

— Возвращайся домой, и как можно скорее.

---

[20] Примечания: 20

Рогатая змея (или кераст, crotalus ceraster) — один из видов гремучей змеи. Водится она на юге-западе США и севере Мексики; название свое получила за выдающиеся над глазами наросты, напоминающие рога.

[21] Примечания: 21

Меса (или меза) — характерная для рельефа юга США и Мексики небольшая столовая возвышенность с обрывистыми склонами, образующаяся в результате ветровой и водяной эрозии обширных плато.

— Угу! Что-то случилось, сэр?

— Радиограмма от твоих родителей. Если пилот вернулся, я вышлю за тобой вертолет и попрошу кого-нибудь привести твою лошадь.

Дон заколебался. Он не хотел, чтобы на Лодыре ездил кто попало, — не ровен час, разгорячат лошадь и не дадут ей остынуть. С другой стороны, радиограмма от родителей наверняка была важной. Предки работали на Марсе, и мать писала регулярно, присылая почту с каждым кораблем, но радиограмма, не считая поздравлений на Рождество и ко дню рождения, — дело и вправду неслыханное.

— Скоро буду, сэр.

— Хорошо! — Мистер Ривз дал отбой. Дон развернул Лодыря и отправился по тропе обратно. Лодырь оглянулся на седока, взгляд у него был укоризненный и разочарованный.

Принадлежавший ферме вертолет обнаружил всадника всего в полумиле от школы. Дон отмахнулся и сам загнал Лодыря на подворье. Его мучило любопытство, но он задержался, чтобы обтереть и напоить пони, и только потом вошел в дом. Мистер Ривз ждал в своем кабинете. Взмахом руки он пригласил Дона войти и передал ему послание. Вот что в нем было:

«ДОРОГОЙ СЫН ДЛЯ ТЕБЯ ЗАБРОНИРОВАНО МЕСТО
ВАЛЬКИРИЯ ОКОЛОЗЕМНОЙ ДВЕНАДЦАТОГО АПРЕЛЯ ЛЮБОВЬЮ МАМА И ПАПА».

Дон заморгал, не постигая простого смысла телеграммы.

— Но это же прямо сейчас!

— Да. Ты не ожидал?

Дон задумался. Конечно, в душе он надеялся в конце учебного года вернуться домой (если можно назвать возвращением домой полет на Марс, на который его нога никогда не ступала). Вот если бы они устроили ему местечко на «Вандердекене»[22] месяца через три…

— В общем-то, нет. Я не могу понять, почему они вызывают меня до конца четверти.

Мистер Ривз сосредоточенно составлял кончики пальцев вместе.

— По-моему, это очевидно, — ответил м-р Ривз, не отрываясь от своего занятия.

Дон удивился:

— Что вы имеете в виду? Мистер Ривз, ведь вы не думаете, что тут начнутся неприятности?

— Дон, я не пророк, — серьезно ответил ди-

---

[22] Примечания: 22

Капитаном призрачного «Летучего голландца» был шкипер ван дер Декен, хотя некоторые источники утверждают, что Ван Страатен.

ректор. — Но мне кажется, что твои родители обеспокоены и хотят, чтобы ты как можно скорее оказался подальше от зоны возможных военных действий.

Все это совершенно не укладывалось у мальчика в голове. Война — это нечто такое, о чем узнаешь на занятиях. Войн же теперь не бывает. Конечно, на уроках новейшей истории рассказывали о нынешнем колониальном кризисе, но все равно… Он казался чем-то далеким — даже человеку, который путешествовал столько, сколько Дон. Кризис — дело дипломатов и политиков, а не что-то там житейское.

— Послушайте, мистер Ривз, может быть, они и волнуются, но я-то — нет. Я хотел бы радировать им, что прибуду со следующим кораблем, когда кончатся занятия.

Мистер Ривз покачал головой:

— Нет, я не могу позволить тебе поступать наперекор воле родителей и их недвусмысленному распоряжению. Во-вторых… э-э-э… — директор школы, казалось, с трудом подбирал слова, — ну, в общем, в случае войны тебе, Дональд, может стать тут… скажем так, неуютно.

Как будто какой-то недобрый сквозняк прокрался в директорский кабинет. Дон почувствовал

себя одиноким и не по годам взрослым.

— Почему? — резко спросил он.

Мистер Ривз сосредоточенно изучал свои ногти.

— Ты точно знаешь, на чьей ты стороне? — медленно спросил он.

Дон задумался. Отец его родился на Земле; мать принадлежала ко второму поколению колонистов Венеры. Но ни одна из этих планет не была их настоящим домом: они встретились и поженились на Луне и вели свои исследования в области планетологии во многих секторах Солнечной системы. Сам Дон родился в космосе, и его свидетельство о рождении, выданное Федерацией, оставило вопрос о его гражданстве открытым. Благодаря происхождению родителей он мог претендовать на двойное гражданство. Он не считал себя венерианским колонистом: в последний раз родители посещали ее так давно, что планета в его представлении стала чем-то нереальным. С другой стороны, только одиннадцати лет от роду он впервые бросил взгляд на прекрасные холмы Земли.

— Я — гражданин Системы, — решительно ответил он.

— Мм… — протянул директор. — Прекрасная

фраза, и, возможно, когда-нибудь она будет что-то значить. А пока — говорю это как друг — я согласен с твоими родителями. Марс, по-видимому, останется нейтральной территорией; там ты будешь в безопасности. И опять говорю как друг: для человека, который не определил точно, на чьей он стороне, дела тут могут принять не совсем хороший оборот.

— Никто не имеет права сомневаться в моей лояльности! По закону я считаюсь урожденным землянином!

Директор не ответил. Дон воскликнул:

— Глупости все это! Если бы Федерация не выжимала из Венеры последние соки, никаких разговоров о войне и вовсе не было бы.

Ривз поднялся:

— Это все, Дон. Я не собираюсь спорить с тобой о политике.

— Но это правда! Прочтите «Теорию колониальной экспансии» Чемберлена!

Ривз, похоже, был удивлен.

— Как эта книга попала тебе в руки? Явно не из школьной библиотеки.

Дон не ответил. Книгу ему прислал отец, но предупредил, чтобы он держал ее подальше от чужих глаз. Книга эта принадлежала к числу

запрещенных. Во всяком случае, тут, на Земле.

— Ты что, якшаешься с буклегерами[23], Дон? — спросил Ривз.

Дон молчал.

— Отвечай!

Не дождавшись ответа, Ривз тяжело вздохнул и сказал:

— Ладно, не будем об этом. Ступай к себе и собирайся. Ровно в час вертолет отвезет тебя в Альбукерке.

— Да, сэр.

Дон направился к выходу, но тут директор школы остановил его:

— Одну минуту. В пылу нашего… э-э-э… спора я едва не забыл, что на твое имя пришло еще одно послание.

— О! — Дон взял бланк, на котором было напечатано: «ДОРОГОЙ СЫН, НЕ ЗАБУДЬ ПЕРЕД ОТЛЕТОМ ПОПРОЩАТЬСЯ С ДЯДЕЙ ДАДЛИ. МАМА».

В каком-то смысле второе сообщение удивило даже больше, чем первое; Дон не без труда сообразил, что мать, должно быть, имела в виду доктора Дадли Джефферсона — друга, но не родственника

---

[23] Примечания: 23

Буклегер — неологизм Хайнлайна, образован по аналогии с бутлегерами, продавцами нелегального спиртного во времена Сухого закона; от слова book — «книга».

его родителей, человека, ничего в жизни Дона не значившего. Но Ривз, казалось, не заметил ничего странного в сообщении, поэтому Дон, запихнув бумажку в карман своих «левайсов», вышел из комнаты.

Он уже давно безвылазно жил на Земле, но к сборам приступил рационально, как истинный космонавт: зная, что билет дает право на бесплатный провоз только пятидесяти фунтов багажа, Дон принялся раскладывать вещи. Вскоре у него получилось две кучки. Одна, очень маленькая, — на постели. Необходимая одежда, несколько капсул с микрофильмами, логарифмическая линейка, авторучка и врисa — похожий на флейту марсианский инструмент, на котором он давно не играл, потому что это не нравилось остальным ученикам. На постели соседа по комнате выросла куда более внушительная куча ненужного теперь барахла.

Дон взял врису, пару раз пробежал по ней пальцами и положил инструмент в большую кучу. Везти на Марс марсианское изделие — все равно что везти уголь в Ньюкасл.

В этот миг в комнату вошел Джек Моро, сосед Дона по комнате:

— Что это тут у тебя творится? Большая убор-

ка?

— Я уезжаю.

Джек поковырял пальцем в ухе:

— Я, кажется, оглох. Готов поклясться, ты сказал, что уезжаешь.

— Да. — Дон остановил сборы, показал Джеку радиограмму и объяснил, что к чему.

Джек заметно поник:

— Не нравится мне все это. Конечно, год выпускной, я знаю, но я не думал, что ты сорвешься раньше срока. Как же я теперь буду засыпать без твоего храпа? Он меня успокаивал… И с чего вдруг такая спешка?

— Не знаю. Правда не знаю. Директор говорит, что мои предки сдрейфили из-за войны и хотят вытащить свое дражайшее чадо в безопасное место. Но это же глупо, ты согласен? Я имею в виду, люди сегодня слишком цивилизованны, чтобы устраивать войны.

Джек не ответил. Дон подождал, потом резко спросил:

— Ты согласен или нет? Никакой войны не будет.

— Может, так, а может, и нет, — медленно ответил Джек.

— Ой, да кончай ты!

— Хочешь, помогу тебе паковаться? — предложил сосед.

— Тут и паковать нечего.

— А эта куча, с ней что?

— Все твое, если захочешь. Поройся, потом позови остальных, пусть забирают, кому что нравится.

— Чего? Слышь, Дон, да не нужны мне твои вещи. Я их упакую и отправлю за тобой следом.

— Ты когда-нибудь пересылал багаж на другую планету? Это барахло того не стоит.

— Тогда продай. Знаешь что, давай после ужина устроим аукцион?

Дон покачал головой:

— Некогда. Я в час улетаю.

— Что? Ну, ты меня прямо убил, парень. Это мне совсем не нравится.

— Ничего не поделаешь. — Дон снова принялся перебирать вещи.

Несколько одноклассников забрели попрощаться. Сам Дон о своем отъезде не распространялся, и директор, по его мнению, тоже лишнего не болтал, но все-таки слух как-то разнесся. Дон предложил друзьям налетать на добычу, при условии, что Джек будет первым.

Вскоре до Дона дошло, что причиной отъез-

да никто из них даже не поинтересовался. Это раздражало больше, чем любые назойливые расспросы. Ему хотелось сказать кому-то, все равно кому, что просто смешно сомневаться в его лояльности. Да и вообще войны не будет.

Руп Солтер, мальчик, живущий в другом крыле здания, просунул голову в дверь и стал наблюдать за сборами.

— Сваливаешь, да? Я услышал, решил вот проверить.

— Я уезжаю, если тебя это интересует.

— Вот-вот, я про это и говорю. Послушай, Дон Хайме, как насчет твоего циркового седла? Я бы помог тебе от него избавиться, если сойдемся в цене.

— Седло не продается.

— Брось, там, куда ты собрался, лошади не водятся. Назначай цену.

— Теперь седло — Джека.

— И оно не продается, — быстро сказал Моро.

— Вот оно, значит, как? Что ж, вольному воля, — безразличным голосом продолжал Солтер. — А кляча? Свою клячу ты уже кому-нибудь завещал?

Лошади мальчиков, за редким исключением, принадлежали школе, но выпускники пользова-

лись давнишней и очень почетной привилегией «завещать» временную собственность другим школьникам по своему выбору. Дон резко вскинул голову. Только сейчас он вспомнил о Лодыре. Внезапно он с горечью осознал, что не может взять с собой этого маленького толстого дуралея, и совсем забыл, что о нем нужно кому-то позаботиться.

— Это дело решенное, — ответил Дон, а про себя добавил: «Во всяком случае, настолько, насколько оно касается тебя».

— И кто же теперь у нее хозяин? Лошадь, конечно, так себе, но я хотел бы избавиться от той «козы», которая мне досталась. Нет, серьезно, я могу хорошо заплатить.

— Все уже решено.

— Да ладно дурака-то из себя строить. Я же пойду к директору, и лошадь все равно отдадут мне. Завещание лошади — привилегия выпускника, а ты просто сваливаешь до срока.

— Мотай отсюда.

Солтер ухмыльнулся:

— А ты у нас, оказывается, обидчивый. Все вы, туманоеды, слишком круто кипите, чтобы уразуметь свою выгоду. Ну что ж, скоро вас всех уму-разуму научат.

Дон еле сдержался. Туманоедами называли тех, кто приезжал с окутанной облаками Венеры. Это прозвище было ничуть не хуже, чем «лайми» или «янки»[24], если только его не произносили, как сейчас, глумливо, намеренно стараясь оскорбить. Остальные мальчики смотрели на Дона, не зная, полезет он в драку или нет.

Джек поспешно поднялся с койки и направился к Солтеру:

— Давай, Солти, отваливай. Некогда нам тут с тобой дурака валять.

Солтер посмотрел на Дона, потом опять на Джека, пожал плечами и сказал:

— Мне тоже особо некогда с вами здесь околачиваться… Но я найду время, если ты захочешь.

Полуденный звонок из столовой разрядил напряжение. Кое-кто из мальчишек направился к двери; Солтер пошел вместе с ними. Дон остался.

— Пошли пожуем, — предложил Джек.

— Джек…

— Да?

---

[24] Примечания: 24

«Лайми» (от названия цитрусового плода лайма) называли английских моряков, которым с 1795 года выдавали сок лайма в качестве противоцинготного средства. Прозвище жителей северных и восточных штатов США «янки», по слухам, произошло от «Ян-киис» (то есть Ян-сыр). Сначала так называли голландских пиратов, а затем голландцы, жители Нового Амстердама, стали называть так английских переселенцев.

— Может, ты заберешь Лодыря?

— Дон, ты же знаешь. Я бы взял, ну а Леди Мод? С ней мне тогда что делать?

— Да я все понимаю. Как же мне теперь быть?

— Постой-ка! — Джек просиял. — Ты знаешь этого малыша, Скинти Морриса? Новенького из Манитобы? У него еще нет постоянной, ему только «коз» давали, да и то приходилось в очереди постоять. Уж он-то Лодыря обижать не станет. Я знаю, я давал ему покататься на Моди. Руки у него добрые.

У Дона отлегло от сердца.

— Ты сделаешь это для меня? И договоришься с мистером Ривзом?

— Что? Да ты можешь сам ему об этом сказать за ланчем. Пошли.

— Не пойду. Я не голоден. И не больно мне хочется говорить на эту тему с директором.

— Почему?

— Ну… не знаю. Когда он вызвал меня сегодня утром, мне показалось, что он настроен не совсем… дружелюбно.

— Что он тебе сказал?

— Да дело не в словах, а в том, как он их говорил. Может, я и впрямь такой мнительный, да только мне показалось, что он будет рад от меня

избавиться.

Дон ждал, что Джек начнет спорить, примется доказывать, что он ошибался. Вместо этого он немного помолчал, потом тихо сказал:

— Не принимай близко к сердцу, Дон. Директор, наверно, и сам-то как на иголках. Ты знаешь, что он получил предписание?

— Какое предписание?

— Тебе ведь известно, что он офицер запаса? Он обратился за указаниями и получил их. Приказ вступает в силу в конце семестра. На период его военной службы руководство школой принимает на себя миссис Ривз.

Дон, уже и без того бывший на пределе, почувствовал, что у него голова идет кругом. На период военной службы? Как можно говорить такое, когда никакой войны нет?

— Точно тебе говорю, — продолжал Джек. — Я узнал от повара.

Помолчав, он добавил:

— Послушай, старик, мы ведь друзья?

— Ну конечно!

— Тогда скажи мне честно: ты и в самом деле собираешься на Марс? Или отправляешься на Венеру вступать в армию?

— Да с чего ты это взял?

— Ладно, молчу. Но знаешь, если это даже и так, все равно между нами все останется по-прежнему. Мой старик говорит, что, когда приходит такое время, самое главное — это найти в себе мужество, чтобы встать в строй. — он посмотрел в лицо Дональду и добавил: — Как ты поступишь — твое личное дело. Тебе известно, что у меня в следующем месяце день рождения?

— Ну да.

— Так вот, после него я собираюсь записаться на курсы пилотов. Вот почему мне хочется знать, что будешь делать ты.

— Ох.

— Но это же ничего не изменит, во всяком случае — между нами. И потом — ты же собираешься на Марс.

— Да. Да, это так.

— Хорошо! — Джек взглянул на часы. — Я должен бежать, иначе они выкинут мою жратву свиньям. Ты точно не идешь?

— Точно.

— До встречи! — Он выбежал из комнаты.

Дон немного постоял, чтобы собраться с мыслями. Старина Джек, должно быть, относился к ситуации серьезно, раз отказался от Йельского университета ради курсов пилотов. Но он ошиба-

ется. Он должен ошибаться.

Чуть погодя Дон вышел в кораль[25]. Лодырь подбежал на зов и принялся тыкаться мордой в карманы в поисках сахара.

— Прости, старина, — грустно сказал Дон. — Даже морковки нет, совсем забыл.

Он постоял, прижавшись лбом к лошадиной морде и почесывая пони за ушами. Потом тихо заговорил, пустившись в подробные разъяснения, будто Лодырь мог понять слова, дававшиеся Дону с таким трудом.

— Вот такие дела, — заключил он. — Мне нужно уезжать, а тебя мне взять с собой не разрешат.

Он мысленно возвратился к первому дню их дружбы. Лодырь был еще совсем жеребенком, но Дон его тогда испугался. Пони казался большим, опасным и, вероятно, плотоядным. Дон ни разу не видел лошадей, пока не прилетел на Землю, и Лодырь был первым конем, которого он увидел вблизи.

Дон внезапно почувствовал, как к горлу подкатывает комок, и замолчал. Продолжать не было сил. Обняв пони за шею, он расплакался. Лодырь тихо заржал, понимая — что-то случилось, и все

---

[25] Примечания: 25

Кораль — загон для скота (от искаженного curral, *порт.*).

тыкался в хозяина носом. Дон поднял голову:

— Прощай, малыш, и береги себя. — Он резко повернулся и бегом бросился к общежитию школы.

2. «Мене, мене, текел, упарсин»[26]

Школьный вертолет высадил его на аэродроме в Альбукерке. Чтобы успеть на свою ракету, Дону пришлось поторопиться, так как служба управления полетами потребовала от пилота вертолета обойти стороной арсенал в Сандии. Взвешивая багаж, Дональд столкнулся с еще одним новшеством службы безопасности.

— У тебя в вещах есть камера, сынок? — спросил весовщик, когда Дон подал свои сумки.

— Нет. А что?

— А то, что когда мы будем досматривать твой

---

[26] Примечания: 26

В библейской Книге пророка Даниила рассказывается, как последний царь вавилонский из халдейской династии Валтасар во время осады его столицы Вавилона войсками Кира, царя персидского, и Дария, царя мидийского, устроил во дворце пышное пиршество, где вместе с приближенными кощунственно пил вино из похищенных в Иерусалимском храме золотых и серебряных сосудов. В разгар пира таинственная рука начертала на стене роковые слова: «Мене, мене, текел, упарсин», которые призванный в пиршественный зал пророк Даниил объяснил следующим образом: «мене» — исчислил Бог царство твое и положил ему конец; «текел» — ты взвешен на весах и найден очень легким; «упарсин» — разделено царство твое и отдано мидийцам и персам.

багаж на флюороскопе, то засветим пленку.

По-видимому, рентгеновским лучам не удалось обнаружить в его белье никакой бомбы, так что сумки Дональду вернули, и он поднялся на борт крылатой ракеты «Санта-Фе трэйл», курсирующей между Юго-Западом и Нью-Чикаго. В салоне он пристегнул ремни безопасности, улегся на подушки сиденья и стал дожидаться взлета.

Поначалу, на взлете, рев двигателей беспокоил его больше, чем перегрузка. Но шум исчез, как только они прошли звуковой барьер, и наконец дало себя знать ускорение. От перегрузки Дон потерял сознание.

Он очнулся, когда корабль перешел в режим свободного падения, по крутой параболе скользя над равнинами. Дональд сразу же почувствовал сильное облегчение: не надо больше терпеть этот чудовищный гнет, сдавливающий грудную клетку, стискивающий сердце, эту тяжесть, от которой мышцы становятся словно ватные. Но, не успев насладиться этим благословенным ощущением легкости, он пережил новую напасть: его желудок, казалось, пополз вверх, к горлу. Сначала Дон встревожился, ибо не мог объяснить это неожиданное и невыносимое ощущение. Потом у него возникло дикое подозрение. Возможно

ли? Только не это! Этого не может быть… только не космическая болезнь. Нет, только не у него! В конце концов, он родился в невесомости, а космическая тошнота — удел ползающих по земле, этих жалких кротов!

Но подозрение мало-помалу перерастало в уверенность; годы вольготной жизни на планете подорвали его иммунитет. С затаенным смущением Дональд подумал, что и впрямь ведет себя будто крот. Перед стартом ему не пришло в голову попросить укол от тошноты, хотя он и проходил мимо стойки, обозначенной ярко-красным крестом.

Вскоре его тайный позор стал явным. Дон едва успел схватить один из пластиковых пакетов, которые раздавали пассажирам специально на этот случай. После этого он почувствовал себя лучше, хотя слабость не проходила. Вполуха Дон принялся слушать доносящееся из динамика описание местности, над которой они пролетали. При подлете к Канзас-Сити небо из черного опять стало лиловым, крылья вновь обрели опору, а пассажиры снова почувствовали перегрузку, когда ракета плавно пошла на посадку в Нью-Чикаго. Планировала она со свистом, по длинной пологой траектории. Дон поднял спинку кресла

и сел.

Спустя двадцать минут, когда навстречу кораблю понеслась посадочная площадка, радар запустил носовые двигатели и «Санта-Фе трэйл» приземлился. Полет занял меньше времени, чем путешествие на вертолете от школы до Альбукерке. И часу не прошло, как корабль проделал в восточном направлении такой же путь, какой в свое время крытые фургоны переселенцев, двигаясь на запад, преодолевали за восемьдесят дней, если все шло хорошо. Ракета местного сообщения приземлилась на поле, на самой окраине города, рядом с огромной, все еще немного радиоактивной равниной, где теперь располагался главный космодром планеты, а когда-то в прошлом — Старый Чикаго.

Дон задержался, пропуская вперед семейство индейцевнавахо, и сошел с корабля следом за скво. К борту медленно подполз трап-эскалатор. Дональд ступил на него и поехал к зданию вокзала. Внутри его поразили огромные размеры здания, этаж за этажом простиравшегося вверх и под землю, вниз. Станция «Гэри» обслуживала не только «Санта-Фе трэйл», «Трассу 66» и прочие местные ракеты, летающие на Юго-Запад, она обслуживала еще дюжину местных и несколько

межконтинентальных линий, а также грузовые туннели и космические корабли, курсирующие между Землей и станцией «Околоземная», а от нее — к Луне, Венере, Марсу и спутникам Юпитера. Здесь проходил становой хребет империи, простиравшейся за пределы Земли.

Дональд привык и к безбрежной пустоте космоса, и к обширным равнинам Нью-Мексико, поэтому его выводили из себя и угнетали шумные суетливые толпы. Когда люди ведут себя наподобие муравьев, они теряют достоинство, и Дон чувствовал это, хотя и не мог выразить своих ощущений словами. Тем не менее приходилось терпеть сутолку; он увидел три шара — эмблему «Межпланетных линий» — и пошел по светящимся стрелкам к кассам предварительных заказов.

Равнодушный клерк уверил Дона, что в кассе ничего не знают о заказанном для него месте на «Валькирии». Дон терпеливо втолковал ему, что место бронировали с Марса, и предъявил радиограмму от родителей. Раздраженный его активностью, клерк наконец-то согласился позвонить на «Околоземную». Отделение на спутнике подтвердило заказ. Повесив трубку, клерк повернулся к Дону:

— О’кей, можете прямо тут оплатить билет.

У Дона упало сердце.

— Я думал, он уже оплачен.

У него был при себе аккредитив, подписанный отцом, но денег на оплату полета к Марсу все равно не хватило бы.

— Да? Они мне ничего такого не говорили.

По настоянию Дона клерк опять позвонил на космическую станцию. Да, полет был оплачен, поскольку билет заказывали из пункта назначения. Что же это за служащий, который не способен разобраться в своих бумажках? Обложенный со всех сторон клерк нехотя выдал Дону билет на место номер 64 на борту ракетного корабля «Дорога славы», вылетавшего с Земли на «Околоземную» следующим утром в 9 часов 3 минуты 57 секунд.

— У вас есть разрешение службы безопасности?

— Что? Это еще зачем?

Клерк, похоже, с радостью ухватился за такую замечательную возможность законным способом увильнуть от своих обязанностей.

Он забрал у Дона билет.

— Вам некогда было новости послушать? Дайте ваше удостоверение.

Дон неохотно вручил ему удостоверение личности; клерк вставил его в опознаватель и вернул.

— Теперь отпечатки больших пальцев, — велел он.

Дон оставил отпечатки и сказал:

— Это все? Я могу получить свой билет?

— И он еще говорит «это все»! Будьте здесь завтра утром примерно за час до отлета. Тогда и заберете билет, если, конечно, Межпланетное бюро расследований разрешит.

Клерк отвернулся. Дон тоже. Он чувствовал себя потерянным и не знал толком, что делать дальше. Директору школы он сказал, что переночует в отеле «Хилтон-Караван-сарай», в котором его семья останавливалась восемнадцать лет назад, в единственной гостинице, название которой он знал. С другой стороны, ему необходимо было отыскать доктора Джефферсона — «дядюшку Дадли», — раз на этом так настаивала его мать. Едва перевалило за полдень, Дон решил, что пристроит свои сумки, а уж потом отправится на поиски.

Отделавшись от сумок, он нашел свободную переговорную кабину и, отыскав номер доктора, набрал его. Видеофон доктора выразил вежливое сожаление по поводу отсутствия Джефферсона и предложил Дону оставить для него сообщение. Дон стал диктовать, как вдруг послышался мягкий голос:

— Для тебя я дома, Дональд. Где ты, парень?

Включился экран видеофона, и перед Доном появилось смутно знакомое лицо доктора Дадли Джефферсона.

— Ой! Доктор, я на вокзале, в Гэри. Я только что прибыл.

— Тогда хватай такси и пулей сюда.

— Э-э… Я не хотел вас беспокоить, доктор. Я позвонил потому, что мама просила попрощаться с вами.

В душе он надеялся, что доктор Джефферсон действительно будет занят, чтобы тратить на него свое время. Как бы ни недолюбливал он города́, ему вовсе не хотелось провести последний на Земле вечер, обмениваясь любезностями с другом семьи; он хотел поболтаться по улицам в поисках развлечений, которые мог предложить ему этот современный Вавилон. Отцовский аккредитив жег ему карман — Дону не терпелось малость потратиться.

— Ко мне, и никаких разговоров! Увидимся через несколько минут. А я пока выберу тельца поупитаннее и зарежу его. Кстати, ты получил мою посылку? — На лице доктора внезапно появилось настороженное выражение.

— Посылку? Нет.

Доктор недобрым словом помянул почтовую службу.

Дон сказал:

— Может, она меня еще догонит? Там было что-то важное?

— А, пустяки! Поговорим потом. Ты оставил адрес для пересылки?

— Да, сэр. «Караван-сарай».

— Хорошо. Пришпорь-ка лошадей, и посмотрим, как быстро ты сумеешь сюда добраться. Чистого неба!

— И мягкой посадки, сэр.

Они оба отключились. Дон вышел из будки и осмотрелся в поисках стоянки такси. Вокзал казался запруженным народом больше прежнего. На глаза то и дело попадалась униформа — не только летная или корабельной обслуги, но и мундиры разных родов войск, равно как и форма вездесущей полиции безопасности. Дон протолкался сквозь толпу вниз по пандусу, по туннелю с движущейся дорожкой и наконец нашел то, что искал. На стоянке такси выстроилась целая очередь, и Дон пристроился в хвост.

Рядом с очередью растянулась здоровенная неуклюжая ящероподобная туша венерианского дракона. Продвинувшись в очереди и

поравнявшись с ним, Дон вежливо просвистел приветствие. Дракон повернул к Дону дрожащий на стебельке глаз. Чуть ниже рабочих щупалец, между передними ногами, к телу существа была пристегнута маленькая коробочка — водер. Щупальца забегали по клавишам, и венерианин ответил ему механическим голосом водера, а не свистом на родном языке:

— Я тоже приветствую вас, сэр. Воистину приятно, находясь среди чужаков, услышать вдруг звуки, которые ты познал, будучи еще заключен в яичную скорлупу.

Дон с восторгом отметил, что аппарат инопланетянина произносит слова, как настоящий кокни[27]. Дон рассвистелся в благодарностях и выразил надежду, что собеседника ждет легкая смерть.

Венерианин поблагодарил его, опять с помощью водера, и добавил:

— У вас очаровательное произношение, но не окажете ли вы мне любезность перейти на ваш родной язык, чтобы я мог в нем попрактиковаться?

---

[27] Примечания: 27

То есть как уроженцы лондонского Ист-Энда, которые отличались неграмотной, грубой, зато сочной, с изобилием метафор и скрытых рифм речью.

У Дона мелькнуло подозрение, что тон его свиста, должно быть, ужасен и дракон едва его понимает. Он тотчас перешел на человеческую речь.

— Меня зовут Дон Харви, — сказал он и засвистел снова, но лишь для того, чтобы назвать свое венерианское имя — Туман-над-Водами.

Имя это дала Дону мать, и мальчик не видел в нем ничего смешного. Как и дракон. Он засвистел, впервые с начала беседы назвав свое имя, и добавил через водер:

— Меня называют Сэр Исаак Ньютон.

Дон понял, что венерианин, назвав себя таким именем, следовал широко распространенному среди драконов обычаю брать для простоты общения с людьми имя какого-нибудь землянина, которым драконы восхищались.

Дон хотел спросить Сэра Исаака, не знаком ли он, случайно, с семейством матери Дона, но очередь сместилась, а дракон остался лежать на месте. Дону пришлось продвинуться вперед, чтобы сохранить свое место в очереди. Венерианин поглядел ему вслед дрожащим на стебельке глазом и просвистел Дону пожелание легкой смерти.

В веренице автоматических такси образовалась

брешь, и к очереди подъехал грузовичок с платформой, управляемый водителем. Опустились сходни. Дракон встал на шесть своих мощных лап и поднялся на платформу. Дон свистом простился с венерианином и вдруг с неприятным чувством заметил, что за ним пристально наблюдает полицейский из службы безопасности. Дон быстро шмыгнул в свое автоматическое такси и захлопнул верх.

Он набрал адрес и откинулся на спинку сиденья. Маленькая машина устремилась вперед, поднялась по пандусу, прошла сквозь грузовой туннель и въехала на подъемник. Сначала Дон пытался следить, куда его везут, но головоломный муравейник, называемый Нью-Чикаго, способен был вызвать несварение желудка у любого тополога. И Дон сдался. Похоже, робот-автомобиль знал, куда едет, и, без сомнения, это знала диспетчерская машина, от которой такси получало направляющие сигналы. Остаток пути Дон беспокоился только о билете, который ему так пока и не выдали, о слишком уж бдительном работнике полиции безопасности и, наконец, о посылке от доктора Джефферсона. Впрочем, посылка его мало волновала. Почта сплоховала — это раздражало, но не смертельно. Он надеялся,

что мистер Ривз догадается отправить следом за ним на Марс всю почту, не переадресованную до сегодняшнего полудня.

Потом он подумал о Сэре Исааке. Приятно было повстречать земляка.

Квартира доктора Джефферсона оказалась глубоко под землей в одном из дорогих городских кварталов. Дон едва не сорвал встречу: такси остановилось у дверей квартиры, но, когда он попытался выйти, дверца машины открываться не захотела. Загоревшееся табло счетчика напомнило ему, что он должен сначала заплатить за проезд. И тут Дон понял, что угодил в ловушку для деревенщины, взяв роботакси и не позаботившись о мелочи, чтобы накормить счетчик. Он был уверен, что этот автомобильчик, каким бы он ни считался умным, на аккредитив даже и не посмотрит. Дон вконец расстроился, решив, что сейчас машина доставит его в ближайший полицейский участок, но от этого его избавило появление доктора Джефферсона.

Доктор дал ему мелочь для оплаты проезда и проводил в свою квартиру.

— Не огорчайся, мой мальчик, — сказал он. — Со мной это случается примерно раз за неделю. Дежурный сержант местного отделения держит

у себя в столе специальный ящик с монетами на тот случай, если придется выкупать меня у наших механических хозяев. Раз в квартал я рассчитываюсь с ним, да еще на чай добавляю. Садись. Херес?

— Э-э… нет, спасибо, сэр.

— Тогда кофе. Сливки и сахар у тебя под рукой. Что слышно от родителей?

— Ну, как обычно. Оба чувствуют себя хорошо, работы хватает и все такое.

Рассказывая, Дон озирался по сторонам. Комната была большая, удобная, даже роскошная. Правда, книги, неаккуратно разбросанные повсюду — на полках, столах и даже на стульях, — маскировали ее богатую обстановку. В углу, похоже, горел настоящий камин. Через открытую дверь Дон заметил еще несколько комнат. Он прикинул в уме (и здорово при этом ошибся), как дорого могут стоить подобные хоромы в Нью-Чикаго.

Перед ним было обзорное окно, которое, по идее, должно было бы выходить в городские недра: вместо этого в нем виднелись поднимающиеся над горным ручьем ели. Пока Дон рассматривал эту картину, из воды выпрыгнула форель.

— Я не сомневаюсь, что работы им хватает, — ответил хозяин. — У них всегда так. Твой отец

пытается за одну короткую жизнь раскрыть тайны, копившиеся миллионы лет. Невозможно, конечно, но он сделал неплохую попытку. Понимаешь, сынок, когда твой отец начинал свой жизненный путь, мы даже не подозревали, что в Системе когда-то существовала первая империя. Если, конечно, она была первой, — задумчиво добавил он. — Сейчас-то мы прозондировали руины на дне двух океанов — и сумели связать их с историческими свидетельствами с четырех других планет. Понятно, не все эти открытия — заслуга твоего отца, но без его работы ничего этого не было бы. Твой отец, Дональд, — великий человек, и твоя мать — тоже. Говоря о ком-нибудь из них, я, разумеется, имею в виду их обоих. Угощайся бутербродами.

— Спасибо. — Дон взял сэндвич, и это помогло ему избежать ответа.

Похвала в адрес родителей была, конечно, приятна, но с такими словами не принято соглашаться вслух.

Но доктор умел поддерживать разговор и без участия собеседника.

— Конечно, мы никогда не получим ответы на все вопросы. Каким образом развалилась на куски и превратилась в космический мусор

благороднейшая из планет, колыбель империи? Твой отец провел четыре года в поясе астероидов — ты был там с ним — и не нашел вразумительного ответа. Была ли это планета со спутником — вроде системы «Земля — Луна», — разрушенная приливными силами? Или ее взорвали?

— Взорвали? Но ведь это теоретически невозможно, — заспорил Дон. — Разве нет?

Доктор Джефферсон взмахом руки отмел его возражение:

— Все теоретически невозможно до тех пор, пока не происходит на самом деле. Можно написать историю науки наоборот, собрав туда торжественные заверения самых авторитетных ученых насчет того, чего нельзя сделать и что не может случиться. Ты хоть немного изучал математическую философию, Дон? Знаком ли ты с теорией множественных вселенных и с открытыми системами[28] аксиом?

— Э… Боюсь, что нет, сэр.

— Простая идея и очень заманчивая. Она о том, что возможно все. Именно все. И все происходило. В одной вселенной ты согласился выпить

---

[28] Примечания: 28

Открытая система — система, поддерживающая обмен с внешней средой. Теория открытых систем была разработана Людвигом фон Берталанфи и расширена впоследствии до общей теории систем.

этого хереса и нализался как свинья. В другой вселенной пятая планета никогда не разрушалась. В третьей энергия атома и ядерное оружие — вещи совершенно невозможные, каковыми и считали их наши предки. Эта последняя не лишена привлекательности, во всяком случае для неженок вроде меня.

Он поднялся:

— Не увлекайся бутербродами. Я собираюсь повести тебя в ресторан, а там, кроме всего прочего, будет еда… еда, которую сам Зевс посулил богам, да так и не подал.

— Я не хочу отнимать у вас слишком много времени, сэр. — Дон все еще надеялся побродить по городу в одиночестве.

Он впал в отчаяние, представив себе ужин в каком-нибудь чопорном клубе для толстосумов, после чего последует длинная беседа о высоких материях. А ведь сегодня последний его день на Земле.

— Время? Что такое время? Каждый следующий час жизни столь же нов и свеж, как тот, что мы только что прожили. Ты уже снял номер в «Караван-сарае»?

— Нет, сэр. Я только сдал на вокзале свои сумки.

— Хорошо. Переночуешь здесь. Потом мы пошлем за твоим багажом.

В поведении доктора произошла едва заметная перемена.

— Но твою почту должны были переслать в гостиницу?

— Да, в гостиницу.

Дон с удивлением заметил, что доктор Джефферсон явно встревожен.

— Хорошо, займемся этим позднее. Тот пакет, который я тебе послал… его быстро переправят?

— Я не знаю, сэр. Обычно почта приходит два раза в день. Если она прибыла после моего отъезда, то пролежит до утра, как обычно. Но если директор позаботится, то пошлет ее в город со специальным курьером, чтобы я получил все завтра утром до отлета.

— Ты хочешь сказать, что школа не связана с городом пневмопочтой?

— Нет, сэр, повар привозит утреннюю почту, когда ездит за покупками, а дневную сбрасывают на парашюте с рейсового вертолета из Розуэлла.

— Необитаемый остров! Ну ладно, ближе к полуночи проверим. Если посылка не пришла — ничего страшного.

Тем не менее доктор казался встревоженным и

почти всю дорогу до ресторана молчал.

Ресторан непонятно почему назывался «Задняя комната», и никакой вывески снаружи не оказалось. Обыкновенная дверь в стене туннеля, такая же, как и все остальные. Несмотря на это, множество людей, похоже, знало, что там такое, и горело желанием туда попасть. Попытки их пресекал исполненный достоинства сурового вида мужчина, который охранял вход, преграждённый бархатным шнуром. Он узнал доктора Джефферсона и послал за метрдотелем. Доктор сделал рукой жест, понятный во все времена всем метрдотелям на свете, барьер убрали, и гостей с королевскими почестями провели к столику возле танцевальной сцены. Заметив, какие доктор дал громадные чаевые, Дон вытаращил глаза. И ему даже не пришлось менять выражение лица, когда он увидел подошедшую к их столику официантку.

Не мудрствуя лукаво, он решил, что девушка — прекраснейшее из всех созданий, которых он когда-либо видел. И по фигуре, и по тому, как она одета. Джефферсон заметил, с каким видом тот смотрит на официантку, и усмехнулся:

— Сынок, не трать попусту свой энтузиазм. Мы заплатили, чтобы смотреть на тех, кто будет

там. — Он махнул рукой в сторону сцены. — Начнем с коктейля?

Дон ответил, что поверить в такое не может, а коктейля ему не надо.

— Ну, как хочешь. Ты уже большой, и один кусочек мирских благ тебе не сможет повредить. Но ужин, надеюсь, ты мне заказать позволишь?

На это Дон согласился. Пока доктор обсуждал с «принцессой-рабыней» меню, Дон огляделся. Интерьер имитировал улицу поздним вечером; над головой загорались звезды. Помещение опоясывала высокая кирпичная стена, скрывавшая несуществующий средний план и заполнявшая пространство между полом и искусственным небом. Из-за стены свешивались ветви яблонь, они покачивались от легкого ветерка. У дальней стены зала располагался старинный колодец с журавлем. Дон увидел, как к колодцу подошла еще одна из «принцесс-рабынь», подняла журавль и достала серебряное ведерко с обернутой салфеткой бутылкой.

По другую сторону сцены, напротив них, убрали столик, чтобы освободить место для большой прозрачной пластиковой капсулы на колесах. Дон ни разу таких не видел, но знал ее назначение. Это была марсианская «коляска» — передвижной

кондиционер, обеспечивающий необходимым прохладным разреженным воздухом уроженца Марса. Сквозь стенки смутно виднелся ее обитатель: хилое тело поддерживал подвижный металлический каркас с сервоприводами, призванный помочь марсианину справиться с силой тяжести третьей планеты. Его псевдокрылья уныло повисли, марсианин не шевелился. Дон пожалел беднягу.

В детстве он встречал марсиан на Луне, но тамошнее тяготение было меньше, чем на Марсе; оно не превращало их в инвалидов, обездвиженных гравитационным полем, слишком болезненным для продуктов марсианской эволюции. Находиться на Земле было для марсиан тяжело и опасно, и Дону стало интересно, что привело сюда этого пришельца. Может быть, дипломатическая миссия?

Доктор Джефферсон отпустил официантку, поднял взгляд и увидел, что Дон во все глаза таращится на марсианина.

— Интересно, зачем он сюда пришел? — проговорил Дон. — Уж наверняка не для того, чтобы поесть.

— А может, он хочет посмотреть, как кормят животных. Я тут тоже отчасти ради этого, Дон.

Оглянись вокруг повнимательнее. Такого ты не увидишь нигде.

— Наверное, не увижу… На Марсе уж точно.

— Я не об этом, парень. Содом и Гоморра, которые прогнили насквозь и катятся в пропасть. «Актерами, сказал я, были духи… и в воздухе прозрачном… растаяли они…»[29], ну и так далее. Возможно, с ними и «весь шар земной». Что-то я сегодня разговорился. Ты давай развлекайся, это недолго продлится.

Дон растерялся:

— Доктор Джефферсон, вам нравится здесь жить?

— У меня такая же декадентская натура, как и у города, в котором я обретаюсь. Тут моя естественная среда. Но это не мешает мне отличать кукушку от ястреба.

Доносившаяся непонятно откуда приглушенная музыка оркестра вдруг смолкла, из громкоговорителя раздалось:

— Сводка новостей!

В тот же миг сумеречное небо над головой почернело и по нему побежали светящиеся буквы, а голос в громкоговорителе принялся вслух читать

---

[29] Примечания: 29

Шекспир У. Буря. Акт 4, сц. 1.

слова, появлявшиеся на потолке:

«БЕРМУДЫ. ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ. МИНИСТЕРСТВО ПО ДЕЛАМ КОЛОНИЙ ТОЛЬКО ЧТО ЗАЯВИЛО, ЧТО ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ КОЛОНИСТОВ НА ВЕНЕРЕ ОТКЛОНИЛ НАШУ НОТУ. ИЗ ИСТОЧНИКОВ, БЛИЗКИХ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ФЕДЕРАЦИИ, ИЗВЕСТНО, ЧТО ТАКОЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ НЕ ЯВИЛОСЬ НЕОЖИДАННОСТЬЮ И ПРИЧИН ДЛЯ ТРЕВОГИ НЕТ».

Вновь вспыхнул свет, и опять зазвучала музыка. Губы доктора Джефферсона растянулись в саркастической усмешке.

— Как кстати! — заметил он. — Как своевременно! Это словно письмена на стене.

Дон начал было отвечать доктору, пытаясь перекричать музыку, но тут началось представление, и он отвлекся. Пока передавали новости, сцена рядом со столиком незаметно ушла в пол и из образовавшегося углубления поднялось дрожащее в токах воздуха облако, подсвеченное изнутри лиловым, багровым и розовым. Облако рассеялось, и Дон увидел, что сцена снова вернулась на место, теперь уже с танцовщицами. На заднем плане появилась декорация с изображением горы. Доктор Джефферсон был прав: девушки, на которых стоило поглазеть, высту-

пали на сцене, а не обслуживали столики. Дон так увлекся, что даже не заметил, как принесли заказ. Доктор тронул его за локоть:

— Съешь хоть что-нибудь, пока не упал в обморок.

— Что? Да-да, сэр. — Дон с аппетитом принялся за еду, но глаза его не отрывались от сцены. В труппе был один мужчина, изображавший Тангейзера[30], но Дон не знал и знать не хотел, кого этот артист играет; он замечал его, лишь когда тот заслонял собой остальных. Так и с ужином: Дон увидел, что именно ест, успев уже на две трети опустошить тарелку.

— Тебе нравится? — спросил доктор.

Дон внимательно посмотрел на сцену, но вдруг понял, что Джефферсон спрашивает о еде, а не о танцовщицах.

— Конечно! Ужасно вкусно! — Он пригляделся к содержимому своей тарелки. — А что это?

— Неужели не узнаешь? Запеченный детеныш грегариана.

Дону потребовалась пара секунд, чтобы уразуметь, что такое грегариан. В раннем детстве он

---

[30] Примечания: 30

Тангейзер — историческое лицо, ставшее персонажем легенды о Венериной горе (Герзельберг близ Вартбурга), куда богиня заманила миннезингера и держала в плену развлечений семь лет.

видел сотни маленьких сатироподобных двуногих существ — faunas gregarious veneris Smythii[31], — но сначала не мог увязать общепринятое название с дружелюбными, глупыми существами, которых он и его товарищи по играм, впрочем, как и все остальные колонисты Венеры, всегда называли толкунами из-за их неистребимой привычки толпиться, толкаться, тыкаться рыльцами, садиться людям на ноги и вообще всячески выказывать неутомимую жажду физического контакта.

Но съесть детеныша этих самых толкунов? Дон почувствовал себя каннибалом, и второй раз за день его чуть не вывернуло, как новичка в космосе. Он проглотил то, что застряло в горле, и постарался взять себя в руки, но больше к еде не прикасался.

Он вновь повернулся к сцене. Гора Венеры исчезла, а вместо нее появился мужчина с усталыми глазами, который без умолку выпаливал шутки, жонглируя при этом горящими факелами. Дона этот номер не заинтересовал, и он принялся разглядывать зал. Мужчина, сидевший от них через три столика, встретился с ним глазами и,

---

[31] Примечания: 31
Фавн стадный венерианский Смита *(лат.)*.

будто бы не заметив, сразу же отвернулся. Дон призадумался, затем внимательно оглядел мужчину и решил, что знает его.

— Доктор Джефферсон?

— Да, Дон?

— Вы, случайно, не знаете венерианского дракона, который называет себя Сэр Исаак Ньютон? — спросил он и на всякий случай просвистел настоящее имя венерианина.

— Не делай этого! — резко остановил его доктор.

— Чего не делать?

— Не афишируй свое происхождение без особой необходимости, по крайней мере не сейчас. Почему ты спрашиваешь об этом э-э… Сэре Исааке? — Доктор говорил очень тихо, едва шевеля губами.

Дональд рассказал ему о случайной встрече на станции Гэри.

— Когда я оттуда уезжал, то был совершенно уверен, что полицейский из МБР за мной следил. И теперь тот же самый человек сидит вон там, только теперь он в штатском.

— Ты уверен?

— Кажется, да.

— Мм… ты можешь и ошибаться. Или он просто

пришел сюда после службы, хотя полицейскому из службы безопасности тут делать нечего, с его-то жалованьем! Слушай, не обращай на него внимания и давай больше о нем ни слова. И о драконе тоже. И обо всем остальном, что хоть как-то касается Венеры. Сделай вид, будто ты просто веселишься, но очень внимательно прислушивайся ко всему, что я тебе буду говорить.

Дон попробовал так и сделать, но теперь ему было трудно сосредоточиться на веселье. Даже когда вновь появились танцовщицы, он почувствовал, что его так и тянет обернуться и посмотреть на человека, испортившего им вечеринку. Тарелку с запеченным грегарианом убрали, и доктор заказал для Дона блюдо под названием «Гора Этна». Кушанье и вправду напоминало вулкан — над верхушкой даже тянулась вверх струйка пара. Дон зачерпнул кусок горы ложечкой — и обнаружил, что это лед пополам с огнем, «Этна» атаковала его нёбо противоречивыми ощущениями. Он с удивленьем подумал: «Как можно такое есть?» — но из вежливости и с опаской попробовал еще ложечку. Вскоре он обнаружил, что все съедено, и даже пожалел, когда больше ничего не осталось.

В перерыве представления Дон попытался по-

расспросить доктора Джефферсона, что тот на самом деле думает о военном психозе, но доктор решительно перевел разговор на занятия его родителей и принялся рассуждать о прошлом и будущем Системы.

— Сынок, пусть тебя не волнует день сегодняшний. Это всего лишь неприятности, мелкие неприятности, которые неизбежно предшествуют объединению Системы. Через пять сотен лет историки вряд ли их даже отметят. Будет Вторая империя — к тому времени уже шесть планет.

— Шесть? Вы что же, серьезно думаете, что нам когда-нибудь что-то удастся сделать с Юпитером и Сатурном? А, вы, наверно, имеете в виду спутники Юпитера!

— Нет, я говорю о шести настоящих планетах. Мы подтащим поближе к огоньку Плутон и Нептун, а Меркурий отодвинем подальше, чтобы немножечко поостыл.

Мысль о перемещении планет поразила Дона. Она звучала дико, невероятно, но он не стал спорить, коль скоро его собеседник придерживался мнения, что все в мире возможно.

— Роду человеческому необходимо жизненное пространство, — продолжал доктор Джефферсон. — В конце концов, Марс и Венера населены

разумными существами, и мы не можем продолжать их колонизировать, не прибегая к геноциду, да и непонятно, сработает ли геноцид хотя бы с марсианами. Но перестройка этой Системы — не более чем инженерная задача, пустяк по сравнению с тем, что мы еще сделаем. Через пятьсот лет вне Системы будет больше землян, чем внутри нее; нами будет кишеть пространство возле каждой звезды класса G[32] в окру́ге. Ты знаешь, что бы я сделал, будь я в твоем возрасте, Дон? Я бы постарался получить койку на «Первопроходце».

Дон кивнул головой:

— Хотелось бы.

«Первопроходец» — звездолет, который не был рассчитан на возвращение, — начали строить на Луне и на орбите вокруг нее еще до его рождения. Скоро корабль должен был отправиться в полет. Все или почти все ровесники Дона, по крайней мере в мечтах, хотели на нем полететь.

— Конечно, — добавил доктор, — без невесты тебе не обойтись.

---

[32] Примечания: 32

По интенсивности линий в спектрах звезд в зависимости от физических условий в их атмосферах (температур, давлений и т. д.) все звезды делятся на спектральные классы O-B-A-F-G-K-M, причем этот ряд расположен в порядке убывания температуры (от 30 000 гр. К до 3000 гр. К). Звезды спектральных классов О и В — голубые, А и F — белые, G — желтые (к ним относится и наше Солнце), К — оранжевые, М — красные.

Он показал на сцену, которую снова заполонили танцоры.

— К примеру, вон та блондинка. Как она тебе, ничего? По крайней мере, здоровая.

Дон улыбнулся, сразу почувствовав себя искушенным ловеласом:

— Вряд ли ей понравится судьба пионерки. По-моему, ей и здесь неплохо.

— Давай не будем гадать, а лучше спросим у нее самой. Сюда, пожалуйста. — Доктор подозвал метрдотеля, и деньги перешли из рук в руки. Вскоре блондинка уже была возле их столика, но подсаживаться не стала. Ударил тамтам, его поддержал оркестр, блондинка принялась петь и напела Дону таких нежностей, которые смутили бы его даже в разговоре с глазу на глаз. Он больше не чувствовал себя искушенным ловеласом, — наоборот, кровь прилила к лицу, и всякое желание брать эту женщину к звездам в момент пропало. И тем не менее он наслаждался происходящим.

Артисты уходили со сцены, когда свет внезапно мигнул и из громкоговорителей разнеслось:

— Угроза вторжения из космоса! Угроза вторжения из космоса!

Весь свет в зале погас.

3. Облава

На какое-то бесконечно долгое мгновение воцарилась кромешная тьма и полная тишина; не слышалось даже приглушенного жужжания вентиляторов. Потом посреди сцены вспыхнул крошечный огонек, озаривший лицо выступающего комика. Он нарочито нелепо гнусавил:

— Следующим звуком, который вы услышите, будет… рев труб Страшного суда! — Он хихикнул и быстро затараторил: — Сидите спокойно, ребята, и крепче держите бумажники: кое-кто из прислуги в родстве с начальством. Это просто учения. Во всяком случае, у нас над головами футов сто бетона, а пачка закладных и того толще. Ну а теперь, чтобы вы как следует настроились на следующий номер, выпейте-ка разок за счет заведения! Следующий номер — мой! — Он подался вперед и крикнул: — Герти! Тащи-ка то пойло, что мы так и не смогли втюхать клиентам под Новый год!

Дон почувствовал, что напряжение в зале спадает, и тоже расслабился. Поэтому, когда его запястье стиснула в темноте чья-то рука, испуг его был сильнее вдвое.

— Тихо! — шепнул ему на ухо доктор.

Дон позволил увести себя в темноту. Джефферсон, по-видимому, хорошо знал, что здесь и где: они вышли из зала, не натолкнувшись ни на один стол и лишь однажды впотьмах задев кого-то из публики. Похоже, они шли по длинному коридору, где было темно, как в угольном ящике, потом свернули за угол и остановились.

«Но выходить нельзя, сэр», — услышал Дон чей-то голос. Доктор ответил так тихо, что слов было не разобрать. Что-то зашелестело; они снова двинулись вперед, вышли в какую-то дверь и повернули налево. Потом зашагали по новому туннелю. Дон был уверен, что это пешеходный туннель возле самого ресторана, хотя в темноте они, кажется, повернули под прямым углом. Доктор Джефферсон по-прежнему сжимал запястье Дона и молча тащил его вперед. Вновь поворот, а за ним — лестница, ведущая вниз.

Поблизости были другие люди, хотя и немного. Один раз кто-то в темноте схватил Дона, он с яростью двинул кулаком, угодил во что-то дряблое и услышал приглушенное мычание. Доктор потащил его вперед еще быстрее.

Наконец Джефферсон остановился; казалось, он что-то нащупывает в темноте. Раздался женский визг. Доктор отпрянул проворно, продвинулся

еще на несколько футов и снова остановился.

— Здесь, — сказал он. — Залезай. — Доктор потянул Дона вперед и положил на что-то его руку; Дон ощупал и решил, что это припаркованное такси с откинутым верхом. Он влез в машину, а доктор Джефферсон забрался на заднее сиденье и закрыл за собой верх. — Теперь мы можем поговорить, — сказал он спокойно. — В ту первую машину кто-то успел залезть раньше нас. Мы не двинемся с места, пока опять не дадут ток.

Дон внезапно осознал, что весь дрожит от волнения. Немного успокоившись, он спросил:

— Доктор, это действительно нападение?

— Я сильно в этом сомневаюсь, — ответил Джефферсон. — Скорее всего, учения — я на это надеюсь. Но они дали нам возможность без помех оттуда убраться.

Дон задумался, а доктор продолжал:

— Чего ты переживаешь? Тебя что, волнует чек? Так у меня там счет.

Дон даже не подумал о том, что они сбежали, не заплатив. Так он и сказал и еще добавил:

— Вы это из-за службы безопасности? Того полицейского, которого я вроде как узнал?

— Увы, да.

— Ну… я, возможно, ошибся. То есть он похож

на того человека, это точно, но как он мог меня выследить, даже если, допустим, успел прыгнуть в следующее такси? Я точно помню, что на платформе подъемника было только мое такси. Даже если это тот же самый полицейский, тут просто случайное совпадение, он за мной не следил.

— Возможно, он следил за мной.

— Что?!

— Ничего, не обращай внимания. А что касается того, как он тебя выследил… Дон, ты знаешь, как работают эти такси?

— Ну, примерно.

— Если этот полицейский хотел сесть тебе на хвост, он не стал бы брать следующее такси, а позвонил бы и сообщил номер твоего. Этот номер сразу же отследили бы через пульт диспетчерской. Если они успеют это сделать, пока ты не доехал до места, они узнают твой пункт назначения из компьютера и отправят туда другого сотрудника, ждать твоего прибытия. И уже оттуда он продолжит слежку за тобой. Когда я позвонил и вызвал такси, к моей линии уже подключились, как и к машине, которая приняла вызов. В итоге, когда мы прибыли в «Заднюю комнату», первый полицейский уже сидел там за столиком. Это был их единственный промах — подсадить человека,

которого ты уже видел. Но промах вполне простительный: работы у них сейчас выше головы!

— Но я-то им зачем нужен? Даже если они думают, что я… хм… нелоялен, все равно не такая уж я важная птица.

Доктор Джефферсон помедлил, потом сказал:

— Дон, я не знаю, как долго мы сможем разговаривать. Сейчас можно болтать свободно, потому что все обесточено и они так же ничего не могут поделать, как и мы. Но как только дадут напряжение, разговорам конец, а мне надо многое тебе рассказать. Когда включат электричество, нельзя будет говорить даже здесь, в машине.

— Почему?

— Считается, что никто этого не знает, но в каждом такси есть микрофон. Частоту, на которой ведется управление машиной, можно промодулировать звуковым сигналом, и это никак не скажется на работе машины. Поэтому, как только дадут ток, мы уже не будем в безопасности. Да, это позор, я знаю. Я не рискнул разговаривать в ресторане, даже когда играл оркестр. Они могли навести на нас узконаправленный микрофон. Теперь слушай внимательно. Во-первых, мы должны найти ту посылку, которую я тебе отправил. Просто обязаны. Я хочу, чтобы ты передал

ее своему отцу… вернее, ее содержимое. Во-вторых, завтра утром ты должен попасть на челнок, даже если небо упадет на землю. В-третьих, ночевать у меня ты все-таки не будешь. Извини, но я считаю, что так лучше. В-четвертых, когда включат ток, мы немного покатаемся по городу, болтая о пустяках и не называя имен. Потом мы подъедем к какой-нибудь телефонной будке и ты позвонишь в «Караван-сарай». Если пакет там, ты простишься со мной, вернешься на вокзал, заберешь свои сумки, затем поедешь в отель, снимешь там номер и возьмешь почту. Завтра утром ты сядешь в свой корабль и улетишь. Мне не звони. Все понял?

— Угу. Думаю, что да, сэр. — Дон помолчал, а потом выпалил: — Но почему? Может быть, я не вовремя говорю об этом, но, наверно, мне следует знать, почему мы так поступаем.

— Знать? Что именно?

— Ну… Что в посылке?

— Увидишь. Можешь открыть ее, если хочешь, осмотреть — а там сам для себя решай. Если не захочешь ее передавать — что ж, твое право. Что же касается остального… какие у тебя политические убеждения, Дон?

— Э-э… Это довольно сложно сказать, сэр.

— Мм… В твоем возрасте я тоже не очень-то во всем этом разбирался. Давай скажем так: ты хотел бы разделять убеждения своих родителей — до тех пор, пока не заведешь собственные?

— Ну конечно!

— А тебе не показалось странным, что твоя мать так упорно советовала меня разыскать? Не стесняйся, я знаю, что молодой человек, приехавший в большой город, не станет по собственному желанию встречаться с малознакомыми людьми. Стало быть, она, наверное, полагала, что встреча со мной важна для тебя.

— Думаю, да.

— Тебе этого достаточно? Человек не может выболтать то, чего не знает, и потому может избежать многих неприятностей.

Дон обдумал это. Слова доктора были вполне разумны, но ему очень уж не хотелось делать что-либо непонятное, не зная, зачем это делается и почему. С другой стороны, если бы он просто получил пакет, то, несомненно, передал бы его своему отцу, ни о чем не задумываясь.

Он собрался задать новый вопрос, но тут вспыхнул свет, и маленькая машина заурчала. Доктор Джефферсон воскликнул: «Ну наконец-то!» — и, склонившись над панелью управления, быстро

набрал пункт назначения. Автомобиль двинулся вперед. Дон хотел что-то сказать, но доктор покачал головой.

Машина проползла сквозь несколько туннелей, спустилась вниз по пандусу и остановилась на широкой подземной площади. Доктор расплатился и повел Дона через площадь к пассажирскому лифту. Площадь была запружена народом; явственно ощущалось, в каком напряжении находятся все эти люди, — предупреждение о космическом налете сделало свое дело. Дон и доктор с трудом проложили себе дорогу через толпу, скопившуюся возле уличного телеэкрана в центре площади. Дон с облегчением втиснулся в переполненный лифт.

Теперь доктор Джефферсон направлялся к другой стоянке такси — на площади несколькими уровнями выше. Они сели в машину и поехали прочь; в этом автомобиле они провели только несколько минут, потом опять поменяли такси. Дон вконец запутался, и, спроси его сейчас кто-нибудь, он ни за что не смог бы сказать, где они: на севере или на юге, на западе, на востоке, высоко или низко? Когда они вышли из последнего по счету такси, доктор взглянул на часы и сказал:

— Хватит время тянуть. Сюда.

Он показал на стоявшую поблизости кабину видеофона.

Дон вошел в кабину и позвонил в «Караван-сарай». Есть ли там почта на его имя? Нет. Дон объяснил, что он не зарегистрирован в отеле. Служащий посмотрел еще раз.

— Извините, сэр, почты нет.

Дон вышел и сообщил доктору. Тот покусал губу.

— Сынок, видно, я здорово просчитался. — Он огляделся по сторонам. Рядом никого не было. — И впустую потратил время.

— Может, я чем-то могу помочь?

— А? Думаю, что можешь. Уверен, что можешь. — Он умолк и задумался. — Сейчас мы идем ко мне. Так надо. Но там мы не задержимся. Найдем какую-нибудь гостиницу, только не «Караван-сарай», и боюсь, что ночью нам с тобой придется поработать. Ты как?

— Ну конечно!

— У меня есть несколько таблеток «время взаймы», они помогут. Послушай, Дон, что бы ни случилось, завтра ты должен попасть на этот корабль. Понял?

Еще бы ему было не понять. Так или иначе он собирался попасть на борт корабля и не видел

особых причин, которые могли бы ему помешать. Он уже подумывал про себя, а все ли у доктора Джефферсона в порядке с мозгами.

— Хорошо. Пойдем пешком. Тут близко.

Пройдя полмили туннелями и спустившись на лифте, они оказались на месте. Свернув в туннель, где находилась его квартира, доктор огляделся по сторонам. Пусто. Они быстро пересекли дорогу, и доктор открыл дверь.

В гостиной сидели два незнакомца.

Доктор Джефферсон посмотрел на них и сказал:

— Добрый вечер, джентльмены, — и повернулся к своему гостю. — Спокойной ночи, Дон. Было очень приятно тебя увидеть, и, разумеется, передавай от меня привет родителям. — Доктор сжал руку Дона и решительно подтолкнул его к двери.

Двое мужчин встали. Один сказал:

— Долго же вы добирались до дому, доктор.

— Я забыл о назначенной встрече, джентльмены. Ну, до свиданья, Дон. Я не хочу, чтобы ты опоздал.

Произнося последнюю фразу, доктор крепко пожал ему руку. Дон ответил:

— Э… До свидания, доктор. Спасибо.

Он повернулся, чтобы уйти, но тут человек,

который разговаривал с Джефферсоном, быстро загородил Дону дорогу:

— Минутку, пожалуйста.

— Джентльмены, мальчика-то зачем держать? — вступился доктор. — Пусть идет, чтобы мы спокойно могли заниматься делом.

Не отвечая ему, мужчина крикнул:

— Элкинс! Кинг!

Из глубины квартиры появились еще двое мужчин, и тот, который, очевидно, был старшим, приказал:

— Уведите парня в спальню. И закройте дверь.

— Пошли, приятель.

Дон, который молча пытался разобраться в этой непонятной для него ситуации, разозлился. Он был почти уверен, что эти люди — из полиции безопасности, хотя и в штатском. Но его воспитали в убеждении, что честному человеку бояться нечего.

— Подождите! — запротестовал он. — Никуда я не пойду. В чем дело?

Человек, позвавший Дона за собой, подошел к нему и схватил за предплечье. Дон вырвался. Быстрым незаметным жестом командир пресек все возможные действия своих людей:

— Дон Харви…

— Ну, чего?

— Я мог бы дать вам сразу несколько ответов. Например, такой. — Он показал жетон. — Правда, эту штуку легко подделать. Или мог бы показать тебе бумажки — солидные, с печатями, подписанные важными людьми, — если бы позаботился тратить на это время.

Дон заметил, что голос мужчины звучит мягко и сдержанно.

— Но вышло так, что я устал и спешу, и мне не хочется тратить время на словесные игры с юными обормотами. Так что хватит с тебя того, что нас четверо и все мы тут при оружии. Ну как, пойдешь по-хорошему или тебе малость поддать под зад и оттащить силком?

Дон уже собирался ответить ему так же, как отвечал когда-то в подобных случаях товарищам по школьным играм, но тут вмешался доктор Джефферсон:

— Сделай то, что они просят, Дональд!

Дон закрыл рот и пошел за полицейским в дальнюю комнату.

Мужчина ввел его в спальню и закрыл дверь.

— Садись, — благодушно сказал он.

Дон не двинулся с места. Мужчина подошел к нему, положил ладонь на грудь и толкнул.

Дон сел.

Мужчина нажал кнопку на пульте управления, и кровать приподнялась, приняв положение, при котором удобно было читать. Потом улегся. Со стороны казалось, будто он спит, но всякий раз, когда Дон смотрел на охранника, тот встречался с ним взглядом. Дон напрягал слух, стараясь расслышать, что творится в гостиной. Но напрасно: в спальне, где он сидел, была отличная звукоизоляция.

Поэтому он сидел и ерзал на месте, пытаясь понять, что происходит. Ему казалось почти невероятным, что только сегодня утром они с Лодырем отправились на гору Педлерс Грейз. Интересно, как там сейчас Лодырь, скучает ли по нему этот прожорливый маленький шельмец?

«Нет, наверно», — с грустью подумал он.

Дон украдкой взглянул на охранника. Интересно, а что, если, подобравшись и подтянув как можно глубже под себя ноги…

Охранник покачал головой.

— Не делай этого, — посоветовал он.

— Чего не делай?

— Не пытайся на меня напасть. Иначе мне придется действовать быстро и ты можешь сильно пострадать.

Казалось, он снова задремал.

Дон приуныл. Если ему даже удастся напасть на охранника, может, даже его оглушить, там в гостиной все равно еще трое. Допустим, он от них и уйдет. Но куда ему бежать в чужом городе, где у них все схвачено и все под контролем?

Однажды он видел, как кошка, жившая на конюшне, играла с мышью. Душой он был на стороне мыши, но все равно не меньше минуты завороженно наблюдал эту сцену и только потом шагнул вперед и выручил бедного зверька. Кошка ни разу не позволила мыши отбежать на расстояние, большее, чем длина ее лапы. А теперь мышью был он, Дональд…

— Поднимайся!

Дон вскочил на ноги, испуганно и едва ли сознавая, где он находится.

— Эх, парень, мне бы твою чистую совесть, — восхищенно сказал охранник. — Уметь засыпать, когда хочешь, — дар Божий, это уж точно. Пошли, босс хочет тебя видеть.

Дон первым вошел в гостиную. Там был только напарник его охранника. Дон оглянулся и спросил:

— А где доктор Джефферсон?

— Неважно, — ответил его страж. — Лейтенант

терпеть не может, когда его заставляют ждать.

И пошел к выходу.

Дон задержался, и второй полицейский небрежно взял его за руку. Резкая боль пронзила до самого плеча, и Дон покорно пошел вперед. Снаружи их ждала машина с ручным управлением, она была побольше, чем такси-робот. Один охранник нырнул за руль, другой толкнул Дона в пассажирский отсек. Дон сел, попробовал обернуться и понял, что не может этого сделать. Он даже руки поднять не мог. Любая попытка пошевелиться была сродни борьбе со множеством тяжелых одеял. Дон мог только сидеть и дышать.

— Успокойся, — сказал охранник. — Можешь растянуть связки. С этим полем лучше вести себя мирно, не то все это плохо кончится.

Дону пришлось самолично убедиться в правоте полицейского. Незримые оковы, какова бы ни была их природа, держали тем крепче, чем настойчивее он пытался от них избавиться. Но стоило ему расслабиться и вести себя тихо, как он вовсе перестал их ощущать.

— Куда вы меня везете? — спросил Дон.

— А то ты не знаешь? В МБР, куда же еще. В городское отделение.

— За что? Я ничего не сделал!

— Раз не сделал, значит долго и не задержишься.

Автомобиль остановился в большом гараже. Все трое вылезли и, подойдя к какой-то двери, стали ждать. У Дона было такое ощущение, будто на них кто-то смотрит. Вскоре дверь открылась, и они вошли.

Это место было пропитано духом бюрократии. Они двинулись по длинному коридору мимо бесконечных рядов кабинетов, которые заполняли канцелярские столы, клерки, автосекретари, регистрационные машины и механические картотеки. Лифт поднял их на другой уровень, они миновали еще несколько коридоров и остановились у двери какого-то кабинета.

— Заходи, — сказал один из охранников.

Дон вошел. Дверь плавно за ним закрылась. Охранники остались снаружи.

— Садись, Дон.

Это был начальник той самой четверки. Теперь он был в мундире офицера службы безопасности и восседал за письменным столом подковообразной формы.

Дон спросил:

— Где доктор Джефферсон? Что вы с ним сделали?

— Сядь, тебе говорят.

Дон не шевельнулся, и лейтенант продолжал:

— Зачем усложнять себе жизнь? Ты знаешь, где находишься, знаешь, что способов тебя обломать у меня сколько угодно, а некоторые из них весьма неприятны. Может, сядешь и избавишь нас обоих от лишних хлопот?

Дон сел и сразу же заявил:

— Я требую адвоката.

Лейтенант медленно покачал головой, будто усталый и добрый школьный учитель:

— Молодой человек, да ты, видно, романов начитался. Если б ты вместо этого изучал движущие силы истории, то понял бы, что логика закона чередуется с логикой силы в последовательности, определяемой особенностями культуры. Всякая культура вырабатывает свою основополагающую логику. Ты следишь за моей мыслью?

Дон замялся. Лейтенант продолжал:

— Ну, да это неважно. Дело в том, что требовать адвоката имело смысл лет двести назад, но не теперь. Словесные формы отстают от жизненных фактов. Тем не менее ты получишь адвоката или леденец на палочке — это уж что ты предпочитаешь. Но только после того, как я тебя допрошу. На твоем месте я выбрал бы леденец. Леденец

питательнее.

— Без адвоката я разговаривать не буду, — твердо ответил Дон.

— Не будешь? Жаль. Дон, планируя беседу с тобой, я отвел на всякую ерунду ровно одиннадцать минут. Из них ты уже потратил четыре… нет, пять. Когда пройдет одиннадцать минут и ты начнешь выплевывать зубы, не забудь, что я не желал тебе зла. Теперь по поводу того, будешь ты говорить или нет. Есть несколько способов развязать человеку язык, и каждый из них имеет своих поклонников, которые предпочитают именно его. Наркотики, например веселящий газ, скополамин, пентотал натрия, не говоря уж о некоторых новых, более изысканных и относительно нетоксичных препаратах. Опытный оперативник может использовать даже обычный алкоголь, и при этом весьма успешно. У меня к наркотикам душа не лежит: они плохо действуют на интеллект и захламляют показания бесполезной информацией. Ты бы удивился, узнав, сколько мусора может накопиться у человека в мозгу. Слышал бы ты все, что довелось выслушать мне. Есть еще гипноз и его многочисленные вариации. Есть искусственная стимуляция неодолимых потребностей, подобных привыканию

к морфию. Наконец, есть старомодное средство — боль. Кстати, я знаю одного мастера своего дела — полагаю, он сейчас находится здесь, — который успешно допрашивает самых несговорчивых, тратя минимум времени и действуя только голыми руками. Разумеется, к той же категории относится старый как мир способ, когда насилие или болевое воздействие применяется не к допрашиваемому, а к человеку, страдания которого для него невыносимы. Например, жене, сыну или дочери. Ну, к тебе этот способ применить трудно: все твои близкие родственники находятся на другой планете. — Офицер взглянул на часы и добавил: — На ерунду осталось всего тридцать секунд, Дон. Может, начнем?

— Что? Минутку! Вы сами потратили это время, я почти ни слова не сказал.

— У меня нет времени на справедливость. Извини. Однако, — продолжал он, — в твоем случае аргументы против последнего варианта можно не принимать во внимание. За то короткое время, что ты проспал в квартире доктора Джефферсона, мы сумели установить, что на самом деле в пределах досягаемости у нас есть персона, которая подходит для наших целей. И ты расскажешь нам все, чтобы этой персоне не делали больно.

— Ну и…

— Это пони по кличке Лодырь.

Дон был застигнут врасплох и ошеломлен.

Офицер продолжал:

— Если ты настаиваешь, мы отложим разговор часа на три, и я распоряжусь доставить сюда твою лошадку. Это может оказаться любопытным, — по-моему, подобная методика к лошадям раньше не применялась. Насколько я понимаю, у них очень чувствительные уши. Кроме того, я чувствую, что обязан предупредить: если мы возьмем на себя труд доставить Лодыря сюда, назад мы его не повезем, а просто отправим на скотобойню мясникам. Ведь лошади в Нью-Чикаго — это какой-то анахронизм, тебе не кажется?

У Дона слишком кружилась голова, чтобы он мог дать хоть какой-то связный ответ или даже осознать все эти ужасные намеки. Наконец он выпалил:

— Вы не посмеете! Вы этого не сделаете!

— Время вышло, Дон.

Дон был сломлен. Он глубоко вздохнул и тупо пробормотал:

— Валяйте, спрашивайте.

Лейтенант взял со стола катушку с пленкой и вставил ее в проектор, экран которого был обра-

щен к нему.

— Назови свое имя, пожалуйста.

— Дональд Джеймс Харви.

— Твое венерианское имя?

Дон просвистел:

— Туман-над-Водами.

— Где ты родился?

— Корабль «Внешняя граница», на трассе между Луной и Ганимедом.

Вопросы продолжались и продолжались. Похоже, все ответы уже были заранее перед глазами следователя на экране; раз или два он просил Дона кое-что дополнить или уточнить какую-нибудь деталь. Пройдясь по всей прошлой жизни Дона, офицер потребовал во всех подробностях рассказать о событиях, происшедших с момента получения радиограммы от родителей, в которой ему было сказано взять билет на «Валькирию» и лететь на Марс.

Единственное, о чем умолчал Дон, — это слова доктора Джефферсона о посылке. Он с тревогой ждал, что его вот-вот спросят об этом, но даже если офицер и знал о посылке, виду он не подал.

— Кажется, доктор Джефферсон полагал, что этот так называемый агент службы безопасности следил за тобой? Или, может, за ним самим?

— Понятия не имею. Не думаю, чтобы он знал об этом.

— «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним»[33], — изрек лейтенант. — Расскажи-ка мне, что именно вы делали, покинув «Заднюю комнату»?

— А что, этот человек и правда за мной следил? — спросил Дон. — Нет, вы не думайте, я этого дракона никогда раньше не видел; скучно было в очереди стоять, вот я и решил чуток с ним полюбезничать.

— Я уверен, что так и было. Но вопросы задаю я. Продолжай.

— Ну, мы раза два или три меняли такси. Я не знаю точно, куда мы ехали. Город мне незнаком, и я почти сразу запутался. В конце концов мы вернулись в квартиру доктора.

Он не упомянул о звонке в «Караван-сарай». И вновь следователь, даже если заметил пробел в показаниях, не обратил на него внимания. Лейтенант сказал:

— Ну что ж, похоже, все соответствует.

Он выключил проектор, сел и несколько минут смотрел в никуда.

---

[33] Примечания: 33

«Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним, а праведник смел, как лев» (Пр. 28).

— Сынок, я ни капли не сомневаюсь в том, что ты потенциально нелоялен.

— Почему вы так говорите?

— Это я так, не обращай внимания. Тебе просто не с чего быть нам преданным: не то воспитание. Но тут нет причин для беспокойства — человек в моем положении мыслит практично. Ты собирался завтра утром лететь на Марс?

— Разумеется!

— Хорошо. Не думаю, что в твоем возрасте, да еще сидя на отшибе на ранчо, ты наделал бы много дел. Но ты связался с дурной компанией. Не опоздай на этот корабль. Если завтра ты еще будешь здесь, мне, возможно, придется пересмотреть свое мнение.

Лейтенант встал. Дон тоже.

— Я обязательно попаду на корабль! — согласился Дон и осекся: — Разве только…

— Разве только — что? — резко спросил лейтенант.

— Они не отдадут мой билет, пока в нем не будет визы службы безопасности, — выпалил Дон.

— Вот как? Это в порядке вещей. Я обо всем позабочусь. А сейчас можешь идти. Чистого неба!

Дон не ответил, и лейтенант добавил:

— Не сердись. Мне было проще сначала отде-

лать тебя как следует, а потом допрашивать. Но я этого не сделал. У меня самого сын примерно твоего возраста. И лошадку твою я тоже не хотел обижать; так уж получилось, что я люблю лошадей. Я и сам был деревенским парнем. Ну как, не держишь на меня зла?

— Э… нет, наверное.

Лейтенант протянул руку, и Дон внезапно обнаружил, что пожимает ее. Он даже почувствовал симпатию к этому офицеру. И решился задать еще один вопрос:

— Могу я проститься с доктором Джефферсоном?

Выражение лица мужчины изменилось.

— Боюсь, что нет.

— Почему? Вы же будете следить. Разве нет?

Офицер помялся.

— Не вижу причин скрывать от тебя: у доктора Джефферсона были сильные нелады со здоровьем. Сегодня вечером он перенервничал, у него случился приступ, и он умер от сердечной недостаточности.

Дон вытаращил глаза.

— Возьми себя в руки! — отрывисто сказал следователь. — Все там будем.

Он нажал кнопку на столе и приказал вошед-

шему охраннику проводить Дона. Обратно его выводили другим путем, но он был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить это. Доктор Джефферсон мертв — это казалось невероятным. Такой энергичный, такой жизнерадостный человек… Дон все еще раздумывал об этом, когда его втолкнули в главный пешеходный туннель. Внезапно ему припомнились слова, сказанные в классе учителем биологии: «В конце концов, все виды смерти можно классифицировать как сердечную недостаточность». Дон поднял правую руку и пристально посмотрел на нее. Ему захотелось вымыть ее как можно скорее.

4. «Дорога славы»

У Дона еще были дела, и он не мог торчать тут всю ночь. Во-первых, он решил вернуться на вокзал и забрать свои вещи. Дон покопался в своей сумочке-визитке, отыскивая багажную квитанцию и с тревогой думая о том, как будет добираться до космопорта. У него по-прежнему не было мелочи, чтобы расплатиться за роботакси.

Багажную квитанцию Дон не нашел, хотя и вытряхнул из бумажника все, что там лежало. Остальное было на месте: аккредитив, удостоверение личности, телеграммы от родителей,

двумерная фотография Лодыря, свидетельство о рождении, всякая всячина. Не было только квитанции. А ведь он помнил, что положил ее именно туда.

Дон подумал о том, чтобы снова вернуться в «муравейник» Межпланетного бюро расследований. Теперь он был точно уверен, что квитанцию вытащили, и, скорей всего, вытащили, когда он спал. Проклятие, нашел тоже время спать! Может, легавые накачали его лекарствами? Дон решил не возвращаться. Не только потому, что не знал, как найти того офицера, что его допрашивал (он даже и фамилии-то его не знал), но — и это было куда важнее — потому, что не хотел вновь там оказаться, даже если бы ему посулили весь багаж, хранящийся на станции «Гэри». Ладно, черт с ними, с сумками. До отлета он успеет обзавестись новыми шортами и носками.

Вместо этого он решил, что лучше отправиться в «Караван-сарай». Но первым делом нужно было выяснить, где он находится. Дон медленно двинулся вперед, высматривая какого-нибудь прохожего, не слишком спешащего и не слишком важного, к которому можно было бы обратиться с вопросом. Подходящий человек попался на следующем перекрестке, он торговал лотерейными

билетами.

Продавец оглядел Дона:

— Зачем тебе тащиться туда, дорогуша? — Он подмигнул. — Я сам могу подыскать тебе что-нибудь хорошенькое.

— Я лучше знаю, чего мне надо, — упрямо ответил Дон.

Мужчина пожал плечами:

— Как хочешь, дурик. В общем, так — топай прямо, пока не дойдешь до площади с электрическим фонтаном, там вставай на тротуар, что ползет к югу. Спросишь кого-нибудь, где тебе сойти. В каком месяце ты родился?

— В июле.

— В июле? Малыш, тебе повезло! У меня как раз остался билет с гороскопом на твой месяц. Гляди.

У Дона не было никакого желания покупать билет, и он уже хотел заявить продавцу-прохиндею, что гороскоп — такая же глупость, как седло на корове, но неожиданно для себя выложил последнюю мелочь, купил билет и сунул бумажку в карман, чувствуя себя полным идиотом. Продавец сказал:

— Примерно полмили по движущейся дорожке. Только вычеши солому из волос, прежде чем заходить внутрь.

Дон без труда отыскал дорожку, оказавшуюся экспрессом с оплатой заранее. Но лотерейные билеты кассовый аппарат не интересовали. Тогда Дон отправился к гостинице пешком по узкому карнизу, тянувшемуся вдоль тротуара, и скоро отыскал то, что надо.

Залитый светом парадный подъезд занимал ярдов сто туннеля.

Когда Дон вошел, никто не бросился, расшаркиваясь, ему навстречу. Он подошел к стойке и попросил комнату. Клерк подозрительно оглядел его с головы до ног:

— Кто-нибудь уже позаботился о вашем багаже, сэр?

Дон объяснил, что багажа у него нет.

— Хорошо. С вас двадцать два пятьдесят, оплата вперед. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Дон расписался и поставил отпечаток большого пальца, потом вытащил отцовский аккредитив:

— Я могу получить наличные?

— А сколько там? — Служащий взял карточку. — Конечно, сэр. Ваше удостоверение личности, пожалуйста.

Дон вручил ему документ. Портье засунул его вместе со свежим отпечатком пальца в контрольный аппарат. Раздался подтверждающий сигнал,

и клерк вернул удостоверение.

— Ну что ж, вы — это вы. — Он отсчитал деньги, вычтя из них плату за номер. — Ваш багаж прибудет отдельно, сэр? — Судя по перемене в его поведении, социальный статус Дона заметно поднялся.

— А? Нет, но здесь для меня может оказаться кое-какая почта.

Дон объяснил, что утром намерен отправиться на «Дороге славы».

— Я спрошу в нашем почтовом отделении.

Почты не оказалось, и Дон заметно расстроился. Портье сказал:

— Я распоряжусь, чтобы ваше имя отметили на почте. Если до отлета корабля что-нибудь поступит, вы наверняка это получите, даже если придется отправить посыльного на космодром.

— Большое спасибо.

— Ну что вы! Коридорный!

Дон позволил проводить себя, и тут же почувствовал, что нетвердо держится на ногах. По большим часам, висевшим в фойе, он определил, что новый день уже настал и до взлета осталось всего несколько часов. Получалось, что за постель он заплатил по семь с полтиной в час, но при таком самочувствии Дон был готов выложить

куда больше только ради того, чтобы забиться в какую-нибудь нору.

Лег он не сразу. «Караван-сарай» был роскошным отелем. Даже в его «дешевых» номерах удобств было хоть отбавляй. Дон настроил ванну так, чтобы в ней циркулировала горячая вода и можно было сидеть, скинул одежду и погрузился в приятно успокаивающую пену. Чуть погодя он изменил настройку и завис в неподвижной теплой воде.

Потом он вздрогнул и выбрался из ванны. Спустя десять минут, сухой, припудренный и взбодренный массажем, Дон снова вошел в спальню, чувствуя себя почти отдохнувшим. В школе на ранчо намеренно поддерживался по-монастырски суровый быт: простые душевые и старые, слишком жесткие кровати. А здешняя ванна одна стоила того, во что ему обошелся номер.

Вспыхнул зеленоватый огонек приемника пневмопочты. Дон открыл его и обнаружил там три посылки. Во-первых, весьма объемистый запечатанный пластиковый мешок с меткой «Караван-сарай. Бесплатный набор». В нем оказались расческа, зубная щетка, пилюля снотворного, порошок от мигрени, кассета короткометражек для прикроватного проектора, направленного на

потолок, номер местного издания «Ньюс» и меню завтрака. Во-вторых, открытка от школьного соседа по комнате и, наконец, маленький сверток в обыкновенном почтовом цилиндрике. В открытке говорилось: «Дорогой Дон, с дневной почтой пришел для тебя пакет. Директор разрешил закинуть его в Альбукерке. Скинти берет Лодыря на свое попечение. Закругляюсь — еще надо посадить эту развалюху. Всего наилучшего. Джек».

— Добрый старина Джек, — пробормотал Дон и взял почтовую капсулу.

Он взглянул на обратный адрес и испытал нечто сродни потрясению, когда понял, что это, должно быть, и есть тот самый пакет, о котором так беспокоился доктор Джефферсон и, по-видимому, из-за которого он и расстался с жизнью. Дон уставился на посылку, спрашивая себя, неужели гражданина и впрямь могут выволочь из собственного дома, а потом так с ним обращаться, что он не выдержит и умрет?

А действительно ли он умер — тот человек, с которым Дон ужинал всего несколько часов назад? Или агент службы безопасности соврал ему из каких-то своих соображений?

Доля правды, конечно, в его ответе была. Дон своими глазами видел, как они поджидали док-

тора, чтобы его схватить. В конце концов, Дона самого задержали, запугивали, допрашивали, а багаж просто-напросто стащили. А ведь он ничего такого не совершил! Ровным счетом ничего, черт возьми, просто занимался своими, вполне законными делами.

Внезапно его затрясло от злости. Он позволил сделать из себя пешку! И Дон торжественно поклялся себе, что больше с ним такого не будет. Теперь-то он видит, что по меньшей мере раз шесть мог и должен был проявить упорство. Ему бы сразу начать борьбу, тогда доктор Джефферсон, возможно, сейчас был бы жив. «Если, конечно, он умер», — добавил про себя Дон.

Но он позволил им себя запугать и поддался. Дон пообещал себе впредь думать только о том, что поставлено на карту, а не на то, на чьей стороне перевес в силе.

Он подавил дрожь и вскрыл посылку. Мгновение спустя лицо его вытянулось. В патрончике не было ничего, кроме мужского перстня — дешевой пластиковой безделушки, какие валяются на любом сувенирном лотке. На нем была выдавлена заглавная буква «Х» в староанглийском написании и обведена кружком; в бороздках виднелась белая эмаль. Перстень был броский, но очень

простенький и если и представлял для кого-то ценность, то только для человека с неразвитым и вульгарным вкусом.

Дон повертел его так и сяк, потом отложил в сторону и развернул упаковку. Больше ничего не было, даже записки — перстень был завернут в чистую белую бумагу. Дон задумался. Уж наверняка не из-за перстня разгорелся весь этот сыр-бор. Он решил, что существуют лишь две возможности: либо полиция безопасности подменила посылку, и тогда он, вероятно, уже бессилен что-либо сделать, либо пакет был действительно тот, что надо, и кольцо только для отвода глаз. А раз так, то, стало быть, важно лишь остальное содержимое посылки, даже если на вид это просто чистая бумага.

Дон разволновался при мысли о том, что, возможно, повезет сообщение, написанное невидимыми чернилами, и принялся размышлять, каким способом проявить текст. Нагреванием? Химическими реактивами? Облучением? И тут он понял, что читать текст, если текст здесь вообще имеется, — не его дело. Понял, и ему стало обидно. Ведь Дону надо было всего лишь передать послание отцу.

Дон решил, что пакет, скорее всего, пустышка

или фальшивка, подосланная полицией. Он не мог знать, какие сведения они выжали из доктора Джефферсона. И тут вспомнил, что есть еще один способ проверить это, хотя способ, возможно, заведомо неудачный. Дон подошел к видеофону и попросил соединить его с квартирой доктора. Правда, тот не велел ему звонить, но ведь обстоятельства изменились.

Дону пришлось немножко подождать, потом экран засветился, и он оказался лицом к лицу с тем самым лейтенантом службы безопасности, который его допрашивал. Офицер полиции уставился на Дона.

— О господи, — устало сказал он. — Так ты мне не поверил? Ложись-ка спать; тебе вставать через час или около того.

Ни слова не говоря, Дон дал отбой.

Итак, доктор Джефферсон либо мертв, либо все еще в руках полиции. Что ж, примем как данность то, что пакет — от доктора; теперь он передаст эту бумагу по назначению, сколько бы елейно-вежливых штурмовиков ни выставил против него Нью-Чикаго! Уловка, которую доктор, по-видимому, использовал, чтобы никто не понял истинного назначения бумаги, заставила Дона задуматься, каким образом скрыть ее важ-

ность. Наконец он достал авторучку, разгладил бумагу и начал писать записку. Бумага была похожа на обычную почтовую, и письмо, набросанное на ней, никого бы не удивило. Впрочем, эта бумага и впрямь могла оказаться писчей.

«Дорогие мама и папа, — начал Дон. — Утром я получил вашу радиограмму и очень обрадовался…»

Он писал размашистым почерком, заполняя бумагу пустыми фразами, а когда места на листе не осталось, черкнул внизу, что допишет послание и отправит все разом, как только корабль войдет в зону радиосвязи с Марсом. Потом сложил письмо, сунул его в бумажник и спрятал в сумочку, которую обычно носил на запястье. После этого посмотрел на часы.

Господи! Через час вставать. Так какой смысл ложиться вообще?

Но глаза закрывались сами собой. Он увидел, что шкала встроенного в кровать будильника имела деления от «вежливого напоминания» до «землетрясения», установил переключатель в крайнее положение и забрался в кровать.

Его мотало туда-сюда, слепящий свет бил в глаза, а сирена завывала то тише, то громче. Дон мало-помалу пришел в себя и сполз с кровати. Та

сжалилась и бушевать перестала.

Боясь, что снова уснет, завтракать в номере он не стал, а натянул одежду и пошел искать гостиничное кафе. Дон выпил четыре чашки кофе, плотно позавтракал, затем освободил номер и, запасшись мелочью, чтобы расплатиться за такси, отправился на станцию «Гэри». В бюро бронирования «Межпланетных линий» он потребовал билет. Незнакомый клерк посмотрел там-здесь, потом ответил:

— Что-то не видать. И в визированных службой безопасности его тоже нет.

Это была последняя капля.

— Поглядите получше, он должен быть здесь! — воскликнул Дон.

— Но… Минуточку. — Служащий взял со стола листок бумаги. — Дональд Джеймс Харви? Получите ваш билет в комнате 4012 на втором этаже.

— А в чем дело?

— Понятия не имею. Я всего лишь кассир. Тут так написано.

Озадаченный и раздосадованный, Дон разыскал нужную комнату. На двери не было никаких надписей, кроме одной: «Входите». Он вошел и… снова оказался лицом к лицу с лейтенантом службы безопасности, которого видел ночью.

Офицер поднял глаза:

— Спрячь эту кислую рожу, Дон, — сказал он сердито. — Я сегодня спал не больше твоего.

— Чего вы от меня хотите?

— Раздевайся.

— Зачем?

— Зачем-зачем… Обыскивать мы тебя будем, вот зачем. Ты что, думаешь, мы дадим тебе улететь без досмотра?

— Хватит мною командовать, сыт по горло, — медленно проговорил Дон. — Вам надо — вы и раздевайте.

Офицер нахмурился.

— У меня бы, конечно, нашлась для тебя пара убедительных ответов, но я и сам уже сыт по горло. Келли! Артим! Разденьте его.

Спустя три минуты один глаз Дона начал заплывать, а здоровой рукой он бережно поддерживал покалеченную. «Во всяком случае, перелома нет», — решил он. Лейтенант и его подручные удалились в заднюю комнату, забрав сумочку и одежду Дона. Ему пришло в голову, что дверь за спиной не заперта, но Дон сразу же отказался от этой затеи. Вряд ли имело смысл бежать через всю станцию в чем мать родила.

Несмотря на явное поражение, Дон впервые за

много часов испытал душевный подъем.

Наконец лейтенант вернулся и сунул ему одежду:

— Держи. А вот твой билет. Если хочешь переодеться в чистое, твои сумки вон там, за столом.

Дон молча забрал багаж, но переодеваться не стал, время было дороже. Когда он одевался, лейтенант вдруг спросил:

— Когда ты успел нацепить этот перстень?

— Его переслали из школы.

— Дай-ка взглянуть.

Дон стянул кольцо с пальца и швырнул лейтенанту.

— Можешь оставить его себе, ворюга!

Лейтенант поймал кольцо и мягко сказал:

— Ну-ну, Дон, тут нет ничего личного.

Он внимательно осмотрел кольцо и бросил его обратно:

— Лови!

Дон поймал кольцо и снова надел, после подхватил свои сумки и направился к выходу.

— Чистого неба, — сказал лейтенант.

Дон проигнорировал его напутствие.

— Я сказал: чистого неба!

Дон обернулся, посмотрел ему в глаза и ответил:

— Надеюсь, мы когда-нибудь еще встретимся… во внеслужебной обстановке.

И вышел. Все же они обнаружили письмо. Дон заметил, что его нет, когда забирал сумочку и одежду.

На этот раз Дон решил подстраховаться и перед взлетом сделал укол от тошноты. Отстояв очередь на инъекцию, он едва успел взвеситься до предупредительного сигнала. Уже на входе в лифт Дон увидел, как ему показалось, знакомую личность, неуклюже взбиравшуюся на площадку грузового лифта чуть в стороне. Сэр Исаак Ньютон. Во всяком случае, выглядел он точно так же, как и его вчерашний случайный знакомый, хотя Дон и понимал, что человеку отличить одного дракона от другого почти невозможно.

Дон не стал высвистывать приветствие: события нескольких последних часов убавили в нем простодушия, зато сильно прибавили осторожности. Пока лифт полз вдоль борта вверх, Дон размышлял о случившемся. Невероятно, но с тех пор, как он получил радиограмму, прошло всего двадцать четыре часа, даже меньше. А казалось, прошел целый месяц, да и сам он чувствовал себя повзрослевшим лет на десять.

Он с досадой подумал, что они его все же пе-

рехитрили. Какое бы сообщение ни скрывалось на оберточной бумаге, теперь оно благополучно сгинуло. Или все-таки — неблагополучно?

Койка под номером 64 на «Дороге славы» находилась на третьей палубе. Кроме нее тут было еще пять таких же. Каюта была наполовину пустой, и на палубе виднелись дырки от свинченных коек. Дон отыскал свое место и пристегнул сумки ремнями к багажной сетке в ногах. Затягивая ремни, он услышал у себя за спиной знакомый говорок лондонских окраин, обернулся и просвистел приветствие.

Сэра Исаака Ньютона осторожно поднимали в каюту из грузового трюма человек шесть из наземной обслуги. Он учтиво свистнул в ответ, продолжая через водер руководить творцами этого инженерного подвига:

— Полегче, друзья, полегче, и все будет в порядке! Так, если двое из вас будут так любезны поставить на трап мою левую среднюю ногу, не забывая при этом, что я не могу ее видеть… Ой, берегите пальцы! Ну вот, теперь я, наверное, и сам справлюсь. А я не задену хвостом что-нибудь хрупкое?

Бригадир грузчиков ответил:

— Шеф, путь свободен. Опля!

— Если вы имеете в виду именно то, что я думаю, — ответил венерианин, — тогда: «На старт! Внимание! Марш!»

Заскрежетала сталь, зазвенело бьющееся стекло, и огромный ящер неуклюже выполз из люка. Потом он осторожно развернулся и устроился на специально освобожденном для него месте. Люди из обслуги вошли следом и накрепко принайтовили его к палубе стальными лентами. Дракон покосился на бригадира:

— Вы, как я понимаю, главарь этой банды?

— Я тут за старшего.

Щупальца венерианина оторвались от клавиш водера, отыскали висевший рядом с прибором бумажник и извлекли пачку денег. Дракон положил их на палубу и опять занялся клавишами.

— Тогда, сэр, не будете ли вы так любезны принять сие свидетельство моей признательности за хорошо выполненную трудную работу и распределить это между вашими помощниками по справедливости и в соответствии с вашими обычаями, каковы бы они ни были?

Грузчик сгреб деньги и запихнул их в карман:

— Ясное дело, шеф. Спасибо.

— Почту за честь.

Рабочие ушли, и дракон переключился на Дона,

но не успели они перекинуться парой слов, как с верхней палубы спустились последние пассажиры. Целое семейство под предводительством строгого вида дамочки. Она заглянула в каюту и пронзительно вскрикнула.

Женщина ринулась по трапу вверх, преградив путь своему супругу и отпрыскам. Дракон скосил на нее пару глаз, остальными продолжая смотреть на Дона.

— Боже мой! — набрал он на клавиатуре. — Как, по-вашему, будет какой-нибудь толк, если я уверю эту даму в том, что не склонен к антропофагии?[34]

Дон сильно смутился, жалея, что не может откреститься от этой женщины. Как-никак они с ней одной крови, одного племени.

— Она просто дура безмозглая, — ответил он. — Пожалуйста, не обращайте на нее внимания.

— Боюсь, что одним негативным отношением не обойдется.

Дон издал непереводимый свист, выражающий на языке драконов презрение, и добавил:

— Пусть жизнь ее будет долгой и скучной.

— Ну-ну, — отстучал дракон. — Страдания по

---

[34] Примечания: 34
К людоедству.

недоразумению не менее реальны, чем обоснованные. «Понять — значит простить», как сказал один из ваших философов.

Дон не узнал цитату и подумал, что это чересчур категоричное мнение, — во всяком случае, ему так казалось. Он был уверен, что существуют вещи, которых он никогда не сможет простить, даже прекрасно их понимая. Взять хотя бы недавние события. Он уже хотел заявить об этом дракону, но тут их внимание привлекли звуки, доносившиеся из открытого люка. Два (а то и больше) мужских голоса спорили с одним пронзительным женским, который звучал громче всех и время от времени заглушал остальные. Вскоре выяснилось следующее: во-первых, дамочка желает поговорить с капитаном; во-вторых, ее хорошо воспитали и она не собирается мириться с подобными вещами; в-третьих, этим мерзким чудовищам нельзя разрешать прилетать на Землю, и вообще их надо всех истребить; в-четвертых, будь Адольф хотя бы наполовину мужчиной, он бы не стоял тут истуканом и не потерпел бы такого отношения к своей жене; в-пятых, она намерена писать в компанию: если на то пошло, семья ее тоже имеет кое-какое влияние; и, в-шестых, она требует немедленной

встречи с капитаном.

Дон хотел вклиниться в разговор, чтобы как-то замять скандал, но сам был заворожен происходящим. Вскоре голоса отдалились и затихли. Корабельный офицер спустился в люк и огляделся по сторонам.

— Вам удобно? — спросил он Сэра Исаака.

— Вполне, благодарю вас.

Офицер повернулся к Дону:

— Возьмите свои сумки, молодой человек, и следуйте за мной. Капитан решил предоставить в распоряжение его милости всю каюту.

— Это почему? — спросил Дон. — У меня билет на шестьдесят четвертое место, и мне здесь нравится.

Офицер поскреб подбородок, взглянул на Дона, потом обратился к венерианину:

— Вас это устраивает?

— Безусловно. Почту за честь общество юного джентльмена.

Офицер опять посмотрел на Дона:

— Э… Ну ладно. Все равно не знаю, куда вас перевести, разве что подвесить на крюк.

Он взглянул на часы и чертыхнулся.

— Ладно, я должен спешить, иначе просрочим старт и придется ждать еще сутки.

С этими словами офицер поднялся по трапу и вышел.

Система оповещения дала последний предупредительный сигнал, потом раздался трескучий голос:

— Все по местам! Пристегнуть ремни! Стартовая готовность!

Вслед за приказом включилась запись: духовой оркестр выводил «Поднять корабль!» Леконта. Пульс Дона сделался частым, волнение нарастало. Он чувствовал себя несказанно счастливым, ему страстно хотелось снова очутиться в космосе, ведь там была его родина. Вчерашние беды и страхи забылись напрочь, потускнели даже воспоминания о ранчо и Лодыре.

Музыку включили с таким расчетом, что заключительные аккорды, в которых слышался рев ракеты, слились с голосом корабельных дюз. «Дорога славы» дрогнула, чуть приподнялась… и ринулась в открытое небо.

5. «Околоземная»

Перегрузки были не больше, чем накануне на «Санта-Фе трэйл», но ускорение длилось пять с лишним минут, которые, казалось, растянулись на долгий час. Когда корабль преодолел звуко-

вой барьер, в каюте стало относительно тихо. Дон сделал невероятное усилие и сумел немного повернуть голову. Громадную тушу Сэра Исаака распластало по палубе, и Дон с содроганием представил себе раздавленную на асфальте ящерицу. Глаза-стебельки дракона поникли, будто пожухлая спаржа. Он как будто умер.

Дон с трудом набрал в грудь воздуха и окликнул его:

— У вас все в порядке?

Венерианин не шелохнулся. Панель управления водера скрылась под обвисшими складками шеи. Вряд ли щупальца могли сейчас аккуратно нажимать на клавиши, окажись даже водер на свободе. Дракон не отозвался и на своем родном свистящем наречии.

Дон хотел подойти к нему, но из-за перегрузки имел не больше шансов пошевелиться, чем регбист, оказавшийся нижним в свалке игроков. Он с усилием вернул голову в первоначальное положение, чтобы хоть дышать было не больно, и принялся ждать.

Когда выключили двигатели, желудок Дона разок негодующе дернулся, но потом успокоился: то ли подействовала инъекция, то ли Дон вновь обрел иммунитет к космической болезни, а может

быть, дело было и в том и в другом. Не дожидаясь разрешающего сигнала из центра управления, Дон быстро расстегнул ремни и поспешил к венерианину. Он завис в воздухе, схватившись рукой за стальные ленты, опоясывавшие его спутника.

Теперь дракон уже не был придавлен к палубному настилу, и лишь стальные обручи не давали ему летать по отсеку. Его гигантский хвост метался из стороны в сторону, скребя по палубе и сдирая с нее чешуйки краски.

Глаза-стебельки по-прежнему безвольно свисали и все еще были замутнены. Дракон совершал какие-то бессознательные телодвижения, будто нитка, извивающаяся в потоке воды, и не подавал признаков жизни. Дон сжал кулак и постучал по плоскому черепу существа:

— Вы меня слышите? С вами все хорошо?

Единственное, чего он добился таким способом, — это боль в ушибленной руке. Сэр Исаак не отзывался. С минуту Дон раздумывал, как ему быть. Соседу явно было худо, но Дона не обучали приемам оказания первой помощи венерианским псевдоящерам. Он перебрал в уме детские воспоминания, пытаясь придумать хоть что-нибудь.

Офицер, занимавшийся устройством пассажи-

ров, вплыл в отсек головой «вниз» из носового, или «верхнего», люка.

— На этой палубе порядок? — небрежно осведомился он и развернулся, собираясь удалиться.

— Нет! — закричал Дон. — Перегрузочный шок!

— Что? — Офицер вплыл в каюту и посмотрел на попутчика Дона. Офицер выругался крайне неизобретательным образом и, казалось, не на шутку встревожился.

— Я тут не помощник. Никогда прежде не возил драконов. Как, черт возьми, сделать искусственное дыхание такой громадине?

— Никак, — ответил Дон. — Его легкие полностью защищены панцирной коробкой.

— Похоже, помер. Наверное, у него остановилось дыхание.

Какое-то воспоминание шевельнулось в голове Дона. Он тотчас же за него ухватился:

— У вас есть сигарета?

— А? Не приставай! И вообще, на табло горит: «Не курить».

— Вы не так поняли, — настаивал Дон. — Если у вас есть сигарета, прикурите ее, выдуйте дым в его ноздревую пластину и посмотрите, дышит он или нет.

— А… ну что ж, может, это и неплохая мысль.

Космонавт достал сигарету и зажег ее.

— Только осторожнее, — продолжал Дон. — Они не переносят никотин. Выпустите одну большую струю дыма и сразу гасите сигарету.

— А может, это и не такая хорошая мысль… — засомневался офицер. — Слушай, а ты говоришь совсем как колонист с Венеры.

Дон поколебался, потом ответил:

— Я гражданин Федерации.

Вряд ли сейчас было подходящее время для политических споров.

Дон переместился поближе к подбородку дракона, уперся ногами в палубу и потянул за нижнюю челюсть, открывая ноздревую пластину венерианина, расположенную под головой существа в складках шеи.

Не будь невесомости, Дону не удалось бы этого сделать.

Офицер выдул струю дыма в открывшееся отверстие. Часть ее засосало в ноздрю: дракон был еще жив. Даже слишком жив. Все глазные стебельки настороженно встали торчком, дракон вздернул подбородок, поднимая заодно и Дона, а потом чихнул. Струя воздуха угодила в висящего в воздухе Дона, и он закувыркался. Несколько

секунд его мотало туда-сюда, пока он наконец не ухватился за перила трапа, ведущего к люку.

Офицер потирал запястье.

— Эта зараза меня ударила, — пожаловался он. — Не скоро я еще решусь на такое. Ладно, теперь, надо полагать, все будет в порядке.

Сэр Исаак горестно свистнул. Дон ответил. Космонавт взглянул на него:

— Ты понимаешь эту галиматью?

— Немного.

— Хорошо, попроси его включить эту трещотку, а то я ничего не понимаю.

Дон сказал:

— Сэр Исаак, включите ваш водер.

Венерианин попытался исполнить просьбу. Его щупальца нашарили коробку искусственного голоса и коснулись ее клавиш. Ни звука. Дракон скосил глаз на Дона и просвистел несколько фраз подряд.

— Он с огорчением сообщает, что прибор испустил дух, — перевел Дон.

Офицер вздохнул:

— И зачем я бросил торговать в бакалейной лавке? Ладно, если нам удастся отстегнуть эту штуковину от его телес, я спрошу радиста, может, он ее как-нибудь починит.

— Давайте я, — предложил Дон и втиснулся в щель между палубным настилом и головой дракона.

Он обнаружил, что коробка водера крепится на четырех кольцах, приклепанных к чешуе венерианина. Дон не сумел разобраться в креплении. Извивающиеся щупальца дракона легли на его руки и мягко убрали их прочь, потом отстегнули коробку и вручили Дону. Тот выбрался из-под дракона и передал офицеру прибор:

— Выглядит так, будто он на ней спал.

— Куча хлама, — согласился офицер. — Ладно, скажи ему, что я попрошу наладить эту штуку, если получится. А еще я рад, что с ним все в порядке.

— Сами скажите. Он понимает по-английски.

— Да? Ну конечно. — Офицер повернулся к венерианину, который сразу же издал пронзительный свист.

— Что он говорит?

Дон прислушался:

— Говорит, что ценит ваши благие пожелания и просит прощения за несогласие с вами. Он совсем не здоров. И ему срочно нужен… — Дон растерянно умолк, а потом просвистел по-венериански: — Повторите, пожалуйста.

Сэр Исаак ответил, и Дон продолжал:

— Он говорит, что ему необходимо немного сахарного сиропа.

— Вот как?

— Так он сказал.

— Я… А сколько?

Последовал еще один обмен свистами, и Дон ответил:

— Э… Он говорит, что ему нужно по крайней мере четверть… не найду слова… В общем, по-нашему это приблизительно полбарреля.

— Ты хочешь сказать, он требует полбарреля патоки?

— Нет, нет. Четверть этого. Восьмую часть барреля. Сколько это будет в галлонах?

— Без логарифмической линейки трудно сказать. Что-то я растерялся. Даже не знаю, есть ли у нас на борту сироп.

Сэр Исаак издал еще более истошный свист.

— Но если нет, я попрошу кока, он сделает. Скажи ему, пусть успокоится и потерпит.

С этими словами он хмуро взглянул на дракона и был таков.

Дон вцепился в одну из стальных лент и спросил:

— А теперь как вы себя чувствуете?

Дракон извиняющимся голосом ответил нечто вроде того, что сейчас ему бы лучше ненадолго вернуться в яйцо. Дон замолчал и стал ждать.

Навестить больного пассажира явился сам капитан. Корабль шел к орбитальной станции по инерции, с выключенными двигателями, и капитан мог свободно бродить по отсекам, не показываясь в центре управления до полудня по времени Нью-Чикаго. Он пришел вместе с корабельным врачом, а за ними следовал человек с металлическим баком.

Они посовещались, как быть с драконом, поначалу игнорируя присутствие Дона. Но ни один из них не знал языка свиста, на котором общались драконы, и поневоле им пришлось обратиться к Дону. Через него Сэр Исаак снова взялся твердить, что без сиропа ему никак, сироп для него лучшее тонизирующее средство. Капитан встревожился:

— Я где-то читал, что сахар действует на них так же, как на нас алкоголь.

Дон снова перевел сказанное венерианином: тот просил всего лишь лечебную дозу.

Капитан повернулся к судовому врачу:

— А что нам скажет по этому поводу эскулап?

Доктор уткнулся глазами в переборку:

— Капитан, это так же далеко от моих обязан-

ностей, как танцы с чечеткой.

— Черт бы тебя побрал, мне нужно твое официальное заключение!

Врач повернулся к капитану:

— Очень хорошо, сэр. Я бы сказал так: если этот пассажир умрет потому, что вы отказали ему в просьбе, это будет выглядеть весьма и весьма скверно.

Капитан закусил губу:

— Как скажете, сэр. Но черти б меня драли, если мне хочется, чтобы по моему кораблю шлялись несколько тонн пьяной драконьей туши. Выдайте ему дозу.

— Я, сэр?

— Вы, сэр.

Пока корабль в свободном полете, налить сиропу и дать его вылакать дракону невозможно. А пить через соску, как делают в невесомости люди, он не мог чисто физически. Но все было предусмотрено: сироп налили в бак, в каких на камбузе хранят в условиях невесомости суп или кофе. Бак был снабжен ручным насосом и шлангом.

С согласия Сэра Исаака было решено ввести конец шланга поглубже в его глотку. Но никто, похоже, не горел желанием взяться за это дело.

Draco Veneris Wilsonii[35], конечно же, раса цивилизованная, но попытка засунуть голову в зубастую пасть выглядела явным приглашением к разрыву дипломатических отношений.

Дон вызвался добровольцем, но, когда остальные тут же с радостью согласились, понял, что поступил опрометчиво. Он полагался на Сэра Исаака, но ведь и Лодырь, помнится, сколько раз нечаянно наступал ему на ногу. Дон надеялся, что дракон в состоянии справиться с непроизвольными рефлексами, ведь от извинений покойнику мало проку.

Крепко удерживая конец шланга в нужном положении, он затаил дыхание: вот когда Дон порадовался, что сделал укол против тошноты. У Сэра Исаака, по драконьим понятиям, из пасти вроде как не воняло. Но у драконов на этот счет мерки другие, и Дон был рад, когда, сделав дело, выбрался из пасти наружу.

Сэр Исаак с помощью Дона поблагодарил всех и заверил, что теперь быстро поправится. И похоже, так и уснул, не успев досвистеть свое заверение до конца. Корабельный врач приподнял веко одного из глаз-стебельков и посветил в него

---

[35] Примечания: 35
Дракон венерианский Уилсона *(лат.)*.

карманным фонариком.

— Вроде подействовало. Пусть теперь отлежится. Дадим ему отлежаться и будем надеяться на лучшее.

Все ушли. Дон оглядел своего приятеля и, решив, что сидеть с ним нет смысла, двинулся следом за остальными. В каюте не было иллюминатора, а Дону хотелось хоть разок посмотреть на Землю, пока она еще рядом. Нужный иллюминатор оказался тремя палубами выше.

Они удалились от Земли всего на пятнадцать тысяч миль. Дону пришлось вплотную прильнуть к стеклу, чтобы увидеть всю Землю разом. От планеты было ну просто не оторвать глаз — такая она была красивая, и Дон чувствовал легкую грусть оттого, что ее покидает. Она висела на фоне бархатистого мрака, в котором сияли точечки звезд, и была залита солнечным светом, таким ярким, что слепило глаза. От этого зрелища просто дух захватывало.

Линия терминатора отодвинулась далеко в Тихий океан, взгляду открывались Гавайи и вся Северная Америка. Северо-западную часть побережья окутывали грозовые тучи, но на Среднем Западе было довольно ясно, а Юго-Запад вырисовывался совершенно отчетливо. Дон легко

нашел Нью-Чикаго, увидел Большой каньон и, сориентировавшись по нему, приблизительно определил местонахождение ранчо. Он был уверен, что при помощи небольшого телескопа мог бы разглядеть саму школу.

Наконец он оторвался от иллюминатора и погрузился в легкую и приятную ностальгическую хандру. Но скоро замечания других пассажиров начали его раздражать — не обычное веселое зубоскальство туристов, а глубокомысленные реплики «бывалых» путешественников, покидавших Землю во второй раз. Он отправился обратно в свою каюту.

Дон вздрогнул, когда кто-то его окликнул по имени, и обернулся. К нему подплыл знакомый офицер с водером Сэра Исаака в руках.

— Кажется, вы дружите с тем ученым крокодилом, который летит в вашей каюте. Не отнесете ли ему эту штуку?

— Разумеется.

— Радист говорит, что ей требуется капитальный ремонт, но, во всяком случае, теперь она снова действует.

Дон взял водер и направился к корме. Дракон, казалось, спал. Потом один его глаз повернулся к Дону, и Сэр Исаак просвистел приветствие.

— Вот ваша коробка, — сообщил Дон. — Вам ее пристегнуть?

Сэр Исаак вежливо отказался. Дон вложил прибор в суетливые щупальца, и дракон пристроил его как надо. Затем он пробежался по клавишам, проверяя прибор, и тот закрякал, как стая испуганных уток. Дракон остался доволен и заговорил по-английски:

— Мои долги перед вами приумножились.

— Ну что вы, — ответил Дон. — Просто двумя палубами выше я встретил помощника капитана, и он попросил меня заодно занести ваш прибор.

— Я имею в виду не этот искусственный голос, а вашу своевременную помощь, когда я почувствовал сильное недомогание и пребывал в опасности. Без вашей сообразительности, без вашей готовности разделить ил с незнакомым чужеземцем и, между прочим, без вашего знания «истинной речи» я мог бы лишиться шанса дожить до счастливой смерти.

— Да чешуя все это! — ответил Дон, чувствуя себя немного польщенным. — Мне ж это ничего не стоило.

Он заметил, что речь дракона была замедленной и слегка невнятной, как будто его щупальца утратили свою обычную ловкость. Кроме того,

речь Сэра Исаака была построена донельзя правильно и еще больше расцвечена кокни. Водер как попало смешивал придыхательные согласные, превращая «т» в «ф».

Дон был уверен, что землянин, учивший Сэра Исаака говорить, — истинный лондонец-кокни, с рождения слышавший колокола Сент-Мари-ле-Боу[36].

Еще Дон заметил, что его приятель никак не может решить, каким из глаз на него смотреть. Сэр Исаак обращал их к Дону один за другим, словно пытаясь отыскать тот, который видит наиболее ясно. Возможно, подумал Дон, Сэр Исаак неверно рассчитал лечебную дозу.

— Позвольте мне, — продолжал венерианин все с тем же тяжеловесным достоинством, — самому судить о важности оказанной вами услуги.

Он сменил тему разговора:

— Это слово «чешуя»... Не могу понять, в каком смысле вы его употребляете. Вы имеете в виду твердые покровные пластинки некоторых животных?

Дон попробовал объяснить, как мало и как

---

[36] Примечания: 36

То есть истинный кокни, родившийся на свет в пределах слышимости колоколов лондонской церкви Сент-Мари-ле-Боу на Боу-стрит в Ист-Энде.

много может означать слово «чешуя». Дракон поразмыслил и отстучал на клавиатуре ответ:

— Полагаю, я уловил толику смысла. Семантическое наполнение этого слова скорее эмоциональное и непостоянное, нежели упорядоченное и дескриптивное[37]. Его референтом является состояние духа человека, правильно?

— Вот именно, — радостно ответил Дон. — Это слово может означать все, что угодно. Все зависит от того, как вы его произносите.

— Чешуя, — попробовал выговорить дракон. — Чешуя. Кажется, я начинаю чувствовать его вкус. Восхитительное слово. Чешуя. Тонкие нюансы языка нужно постигать при помощи живых носителей оного, — продолжал он. — Быть может, я сумею отплатить вам за услугу, ознакомив вас с маленькими премудростями наречия моего народа, которым вы уже владеете с великим искусством? Чешуя.

Это укрепило Дона в подозрении, что его собственный свист стал настолько омерзительным, что годится только для покупки попкорна, а не для настоящего общения.

— Я, конечно, был бы рад освежить свое знание

---

[37] Примечания: 37

То есть это слово описывает не предметы и явления, а чувства говорящего, и значение его сильно зависит от обстановки.

языка, — ответил он. — Мне уже много лет не доводилось говорить на «истинной речи», не то что в детстве. Меня учил историк, работавший вместе с моим отцом в развалинах… — Дон просвистел название. — Быть может, вы с ним знакомы? Его зовут Профессор Чарльз Дарвин. — И он просвистел подлинное имя венерианского ученого вдобавок к земному.

— Он мой брат. Его десятиюродная бабушка и моя восьмиюродная бабушка были одним яйцом. Чешуя! — И дракон добавил: — Он хоть и молод, но весьма образован.

Услышав, как Профессора Чарльза Дарвина называют юнцом, Дон был слегка ошеломлен. В детстве он считал Профессора чуть ли не ровесником тех самых руин. Ему пришлось напомнить себе, что Сэр Исаак, возможно, смотрит на вещи по-другому.

— Вот здорово! — сказал Дон. — А может, вы знали тогда и моих родителей? Доктора Джонаса Харви и доктора Синтию Харви?

Дракон уставился на него во все глаза:

— Так вы — их яйцо? Я не имел чести встречаться с ними лично, но все цивилизованные особи знают о них и об их работе. Более я не удивляюсь вашей собственной незаурядности. Чешуя!

Дон был и смущен, и доволен. Не зная, что сказать, он предложил Сэру Исааку немного поднатаскать его в «истинной речи», и дракон с охотой взялся за дело. Этим они и занимались, когда раздался предупредительный сигнал и голос из рубки управления пропел:

— Ускорение! Пристегнуть ремни! Приготовиться к коррекции курса.

Дон оттолкнулся от бронированных боков своего друга и вернулся к себе в койку. Устроившись, спросил:

— С вами все будет в порядке?

Дракон издал звук, который показался Дону икотой, и набрал на клавиатуре:

— Я в этом уверен. На сей раз я укреплен.

— Надеюсь. Вот что, может, я позабочусь о вашем водере? Не хотите же вы его опять раздавить.

— Если вам угодно, пожалуйста.

Дон снова вернулся к дракону, взял водер и прикрепил его к своим сумкам. Он едва успел пристегнуть ремни, когда навалилась первая волна перегрузок. На этот раз все прошло легче, чем при взлете с Земли: и гравитация была не такая сильная, и ускорение длилось не так уж долго, ведь корабль не преодолевал гигантского

притяжения планеты, а только корректировал траекторию, выравнивая свою эллиптическую орбиту, чтобы согласовать ее конечный участок с круговой орбитой «Околоземной», узловой космической станции, к которой они направлялись.

Капитан дал двигателями один долгий и мощный толчок, потом выждал и повторил ускорение — два раза, но понемножку. Дон заметил, что обратного импульса не понадобилось, и одобрительно кивнул: пилотаж что надо! Капитан знал свое дело. Из динамика донеслось певучее:

— Есть стыковка! Можно расстегнуть ремни. Приготовиться к высадке.

Дон вернул Сэру Исааку водер, а потом потерял венерианина из виду, потому что дракона снова должны были оттащить на корму и извлечь через грузовой люк. Дон попрощался с ним свистом и двинулся к носу корабля, таща за собой сумки. Он должен был сойти с корабля по пассажирскому трапу.

Станция «Околоземная» висела в небе беспорядочной грудой. В течение долгих лет ее строили, перестраивали, достраивали и обустраивали для выполнения десятка разных задач. Это была метеостанция, астрономическая обсерватория, станция наблюдения за метеорными потоками,

телевизионный ретранслятор, станция наведения управляемых ракет, глубоковакуумная физическая лаборатория, стерильная бактериологическая станция для проведения экспериментов в условиях невесомости и еще невесть что.

Но в первую голову это был грузопассажирский перевалочный космический узел, место встречи земных крылатых ракет малой дальности с космическими межпланетными лайнерами. Поэтому на станции имелись заправочные цистерны, механические мастерские, ремонтные ангары, способные принять и самые крупные суда, и самые маленькие ракеты. К услугам пассажиров и персонала «Околоземной» имелся вращающийся барабан-отель «Годдард»[38] с искусственным тяготением и земной атмосферой.

Отель «Годдард» торчал из «Околоземной», словно колесо из кучи хлама. Ось, вокруг которой он обращался, проходила сквозь его центр и выдавалась в космос. С этой трубой соединялся пассажирский рукав корабля, через который проходила посадка и высадка пассажиров. После

---

[38] Примечания: 38

Отель назван по имени Роберта Хатчингса Годдарда (1882–1945) — американского ученого, одного из пионеров космонавтики, положившего начало созданию жидкостных ракетных двигателей: 16 марта 1926 года он впервые в мире осуществил запуск такой ракеты, взлетевшей на 12,5 м в высоту и пролетевшей 56 м от точки старта.

этого корабль подтягивали к грузовому шлюзу в неподвижном борту основного тела станции. В момент стыковки «Дороги славы» с «Околоземной» здесь было еще три корабля: «Валькирия», которая летела на Марс, — на ней-то и было забронировано место для Дона; «Наутилус», только что прибывший с Венеры и на котором Сэр Исаак рассчитывал вернуться домой, а также «Прилив» — челнок «Земля — Луна», курсирующий на встречных маршрутах со своей родной сестрой, ракетой «Отлив».

Два лайнера и «Прилив» уже были пришвартованы у основного корпуса станции. «Дорога славы» состыковалась со шлюзовой камерой отеля, и команда сразу же начала выпускать пассажиров. Дон дождался своей очереди, потом двинулся вперед, цепляясь за перила, подтягивая следом свои сумки, и вскоре оказался в отеле, правда, в цилиндрической оси «Годдарда» он по-прежнему ничего не весил.

Какой-то человек в комбинезоне направил Дона и еще десяток пассажиров в середину шлюзовой камеры, где располагался большой лифт. Движущаяся по кругу дверь была открыта и очень медленно поворачивалась — с той же скоростью, с какой вращался и весь отель.

— Давайте внутрь, — скомандовал мужчина, — и смотрите, чтобы ноги были направлены к полу.

Дон вплыл вместе с остальными и увидел, что изнутри кабина представляет собой куб. На одной стороне большими буквами было написано: «ПОЛ». Дон нащупал поручень и устроился с таким расчетом, чтобы его ноги оказались на полу, когда появится притяжение. Мужчина в комбинезоне также вошел в лифт и направил кабину к внешнему краю отеля.

Поначалу гравитация не ощущалась. Во всяком случае, к полу пассажиров не тянуло. У Дона закружилась голова, когда в результате все убыстрявшегося вращения пришла в движение жидкость в его среднем ухе. Он вспомнил, что уже бывал в таком лифте. Тогда ему было одиннадцать лет и он летел на Землю поступать в школу. Но неприятные ощущения, которые Дон испытал в тот раз, он уже успел подзабыть.

Вскоре лифт остановился. «Пол» и впрямь сделался полом, хотя сила тяжести была значительно меньше одного *g*, голова перестала кружиться. Лифтер открыл двери и гаркнул:

— Все на выход!

Дон подхватил сумки и вышел в просторное

помещение. Тут уже толпилось больше половины пассажиров корабля. Дон огляделся в надежде отыскать своего знакомого дракона, потом вспомнил, что прежде корабль должны подтянуть к грузовому шлюзу и лишь потом венерианин сможет его покинуть. Он поставил свои сумки на пол и уселся на них.

Похоже, люди в толпе волновались, но почему — непонятно. Дон услышал, как одна женщина сказала:

— Это ни в какие ворота не лезет! Мы здесь уже полчаса, а никто, похоже, даже не знает, что мы прибыли.

— Потерпи, Марта, — ответил ей стоявший рядом мужчина.

— «Потерпи»! Ничего себе, потерпи! Отсюда только один выход, да и тот на замке. А если пожар?

— Ну и куда ты тогда побежишь, дорогая? Снаружи-то все равно один вакуум.

— Надо было ехать на Бермуды, как я предлагала! — не унималась женщина.

— Как *ты* предлагала?

— Ой, не будь мелочным!

Пришел и разгрузился второй лифт, потом еще один. На борту корабля никого не осталось. Шли

минуты, пассажиры ворчали, и даже Дон начал недоумевать по поводу скверного обслуживания. Но вот открылась единственная дверь — не та, что вела в лифт, — и в отсек вместо служащего гостиницы вошли трое в военной форме. Двое крайних держали на изготовку полицейские ружья, какими обычно стреляют по демонстрантам, а человек, шествовавший посередине, был вооружен пистолетом, сейчас убранным в кобуру.

Он выступил вперед, расставил ноги и уперся сжатыми кулаками в бедра:

— Прошу внимания! Всем замолчать!

Требование было немедленно выполнено. В голосе человека слышались звенящие командные нотки — такого послушаешься не раздумывая.

— Я сержант Макмастерс из Космической гвардии Республики Венера. Мой командир прислал меня, чтобы ознакомить вас с возникшей ситуацией.

После еще одной короткой немой сцены поднялся ропот, в котором слышались возмущение, тревога, неверие и негодование одновременно.

— Тихо! — прикрикнул сержант. — Успокойтесь. С вами не сделают ничего плохого, если сами не будете нарываться. Наша Республика, — продолжал он, — взяла станцию в свои руки, и

сейчас всех вывозят отсюда вон. И вас, кротов, отправят откуда приехали. Те, кто летит домой, на Венеру, полетят туда, если, конечно, пройдут проверку на благонадежность. А теперь давайте разбираться, кто из вас кто.

Вперед протиснулся какой-то нервный толстяк:

— Вы хоть понимаете, что говорите, сэр? «Республика Венера»! Ну и ну! Да это просто пиратство!

— Ты, толстый, а ну вернись в строй.

— Вы не смеете! Я желаю говорить с вашим командиром.

— Слушай, толстячок, — медленно проговорил сержант, — осади-ка назад, пока не схлопотал сапогом в брюхо.

Мужчина растерялся, потом испуганно попятился назад и смешался с толпой.

Сержант продолжал:

— Те из вас, кто летит на Венеру, постройтесь вот тут, у двери. Приготовьте удостоверения личности и свидетельства о рождении.

Если до сих пор пассажиры были одной дружной компанией попутчиков, то теперь они разделились на два враждующих лагеря. Кто-то крикнул: «Да здравствует Республика!», а потом

послышался громкий шлепок, с каким кулак врезается в тело. Один из гвардейцев стремительно бросился в толпу и сразу же пресек беспорядки. Сержант вытащил из кобуры пистолет и устало сказал:

— Пожалуйста, без политики. Давайте делом займемся.

Кое-как удалось выстроить очередь. Вторым в ней стоял человек, который приветствовал рождение нового государства. Глаза его сияли, а из носа капала кровь. Протягивая сержанту свои бумаги, он заявил:

— Сегодня великий день! Я его ждал всю жизнь.

— Кто ж не ждал? — ответил сержант. — Ладно, идите на оформление. Эта дверь. Следующий!

Дон попробовал успокоиться и унять смятение в мыслях. Теперь он был вынужден признать, что это произошло. Та самая война, в невозможности которой он все время себя убеждал. Города еще не бомбили, но был уже форт Самтер новой войны[39], и у Дона хватило ума это сообразить. Он и без пинка в брюхо прекрасно понимал оче-

[39] Примечания: 39

Форт Самтер защищал вход в гавань города Чарлстона, штат Южная Каролина. Его обстрел мятежниками-конфедератами 12 апреля 1861 года послужил началом Гражданской войны.

видное. А когда до него дошло, что он едва успел унести ноги, — это его потрясло вконец. Вполне возможно, что после «Валькирии» к Марсу очень, очень долго не полетит ни один корабль. Может быть, несколько лет — ведь пересадочная станция-то теперь в руках мятежников.

Пока сержант ничего не сказал о пассажирах, направлявшихся на Марс. Дон решил, что первым делом сержант, естественно, постарается разобраться с гражданами двух воюющих сторон, а поэтому лучше всего держать рот на замке и ждать.

Очередь застопорилась, и Дон услышал голос сержанта:

— Вас не туда занесло, приятель. Вы возвращаетесь на Землю.

Мужчина, которому он это сказал, ответил:

— Ну, нет! Взгляните на мои документы. Я эмигрирую на Венеру.

— Вы малость опоздали с эмиграцией. Обстоятельства изменились.

— Ну и что? Я знаю, что изменились. И я поддерживаю Венеру.

Сержант почесал в затылке:

— Парня нет в списке. Аткинсон, пропусти этого человека, пусть лейтенант с ним разбирается.

Укомплектовав группу желающих лететь на Венеру, сержант подошел к висевшему на стене телефону:

— Джим? Это Мак из «детской». Дракона уже вытащили? Нет? Ладно, скажешь, когда «Дорога» опять будет у шлюза. Хочу ее загрузить.

Он опять взглянул на толпу:

— Вот что, кроты, тут задержка вышла, так что я собираюсь перевести вас в другое помещение до тех пор, пока мы не сможем отправить вас обратно на Землю.

— Минутку, сержант! — окликнул его какой-то пассажир.

— Ну, чего тебе?

— А кто летит на Луну, нам где ждать?

— Чего? Обслуживание прекращено. Вы возвращаетесь на Землю.

— Ну послушайте, сержант, давайте мыслить трезво. Меня лично совершенно не интересует политика. Мне все равно, кто заправляет этой станцией. Но у меня дела на Луне. Мне необходимо туда попасть. Задержка обернется потерями в миллионы.

Сержант уставился на него:

— Вот жалость-то. Знаешь, братец, я сроду не держал в руках разом более тысячи. Даже жуть

берет, это надо же — потерять миллионы. — Внезапно он резко переменился. — Слушай, придурок, а ну-ка подумай, что будет с крышей Тихо-Сити, если в нее угодит бомба? А теперь — в две шеренги! Стройся!

Дон с тревогой прислушивался к разговору, но про Марс сержант так ни слова и не сказал. Дон пристроился в самый конец очереди и остановился, когда хвост ее поравнялся с дверью.

— Проходи, малыш, — велел Дону сержант.

— Я не собираюсь возвращаться на Землю.

— Вот как?

— Я лечу на Марс на «Валькирии».

— Да уж, ясное дело. Ты хочешь сказать, что собирался лететь. Но теперь ты полетишь назад на Землю на «Дороге славы».

— Слушайте, мистер, — упрямо заявил Дон. — Я должен попасть на Марс. Там мои родители, они ждут меня.

Сержант покачал головой:

— Малыш, мне тебя жаль. Взаправду жаль. «Валькирия» не полетит на Марс.

— Что?

— Ее переоборудовали в крейсер Космической гвардии. Она полетит на Венеру. Так что тебе, по-моему, лучше вернуться на Землю. Жаль, что ты

не встретишься со своими стариками, но война есть война.

Дон медленно вдохнул и выдохнул и заставил себя сосчитать до десяти.

— Я не вернусь на Землю. Я останусь здесь до тех пор, пока на Марс не пойдет какой-нибудь корабль.

Сержант вздохнул:

— Коли так, жди лучше на какой-нибудь звезде.

— Что? Это еще почему?

— Потому, — медленно ответил сержант, — что, как только мы отсюда взлетим, поблизости не останется ничего, кроме этакого ма-а-ленького радиоактивного облачка. Так что, ежели хочешь, чтобы счетчик Гейгера весело трещал на твою пыль, то пожалуйста.

6. Небесное знамение

Дон не нашелся что ответить. Его древние предки, каждый миг подвергавшиеся опасности, может быть, и восприняли бы подобное известие спокойно, но жизнь в цивилизованном обществе не подготовила Дона к следующим один за другим ударам.

Сержант продолжал:

— Так вот, парень, я считаю, что тебе лучше улететь на «Дороге славы». Твои родители сказали бы тебе то же самое. Возвращайся и найди себе тепленькое местечко в деревне — в городах некоторое время будет небезопасно.

Но Дон ничего такого и слышать не хотел.

— Я не собираюсь возвращаться на Землю! Эта планета мне не родная.

— Да? Какое же у тебя гражданство? Впрочем, какая разница: все, у кого нет гражданства Венеры, будут отправлены на «Дороге славы».

— Я гражданин Федерации, — ответил Дон, — но могу претендовать и на гражданство Венеры.

— Состав Федерации в последнее время слегка подуменьшился, — сказал сержант. — А что ты там говорил насчет гражданства Венеры? Давайка не будем зря препираться и посмотрим твои документы.

Дон протянул сержанту свои бумаги. Сержант Макмастерс мельком глянул на свидетельство о рождении, а затем удивленно уставился на него:

— Родился в свободном полете! Чтоб меня на атомы разнесло, да ведь таких, как ты, не много наберется.

— Полагаю, вы правы.

— Ну и кто же ты тогда получаешься?

— Читайте дальше. Моя мать родилась на Венере. Через нее я — урожденный венерианин.

— Но твой отец родился на Земле.

— И там я тоже могу считаться гражданином Земли.

— Вот как? Но это же глупость.

— Все по закону.

— Похоже, у нас в скором времени появятся новые законы. Просто не знаю, куда тебя определить. Ну а сам-то ты куда хочешь? На Венеру или на Землю?

— Я лечу на Марс, — просто ответил Дон.

Сержант посмотрел на него и вернул документы:

— Сдаюсь. Из тебя слова толкового не вытянешь. Придется спрашивать у начальства. Пойдем-ка со мной.

Он провел Дона по коридору в маленькое помещение, превращенное во что-то наподобие караулки. Тут находилось еще два солдата; один печатал на машинке, второй просто сидел сложа руки. Сержант просунул в дверь голову и сказал прохлаждавшемуся солдату:

— Эй, Майк, последи-ка за этим персонажем. Смотри, чтобы он не украл станцию. — и опять повернулся к Дону: — Дай-ка мне еще раз твои

документы, малыш.

Он взял бумаги и вышел.

Солдат по имени Майк посмотрел на Дона и больше не обращал на него внимания. Дон придвинул свои сумки к стене и уселся на них.

Спустя несколько минут вернулся Макмастерс. На Дона он даже не посмотрел.

— У кого есть карты? — спросил он.

— У меня.

— Нет уж, свои крапленые оставь при себе, Майк. Приличные карты есть?

Третий солдат закрыл машинку чехлом, выдвинул ящик и вытащил оттуда колоду. Все трое сели к столу, и Макмастерс принялся тасовать. Повернувшись к Дону, он спросил:

— На интерес сгонять не желаешь, а, паренек?

— Нет, пожалуй, нет.

— Смотри, дешевле нигде не научишься.

Солдаты играли где-то около получаса, и все это время Дон молча обдумывал свое положение. Сержант, видимо, знал, что говорил: лететь на Марс на «Валькирии» не получится, «Валькирия» летит не туда. Ждать следующего корабля бесполезно — и от станции, и от комнаты, в которой сейчас он сидел, скоро ничего не останется.

Где же выход? Земля? Нет! Там у него нет ни

одного родственника, ни одного мало-мальски близкого человека. Теперь, когда доктор Джефферсон не то умер, не то исчез, у него там и из знакомых взрослых-то никого не осталось. Поджав хвост, вернуться на ранчо?..

Нет уж! Из коротких штанишек он уже вырос, и в школе ему делать нечего.

Была и более важная причина: нью-чикагская служба безопасности поставила его в положение чужака; теперь он не мог вернуться на Землю, отныне там для него не было места.

«Да-а, выбор совсем как у Хобсона[40], — подумал он. — Остается только Венера. Я могу отыскать там людей, которых когда-то знал, или знакомых папы и мамы. Разнюхаю, что к чему, и найду какую-нибудь возможность отправиться на Марс. Так будет лучше всего». Приведя мысли в порядок, он почти успокоился.

Зазвонил телефон.

— Макмастерса к аппарату!

Сержант отложил карты и взял трубку, опустив защитный экран. Вскоре он дал отбой и обернул-

---

[40] Примечания: 40

Хобсоновским выбором иносказательно именуется выбор безальтернативный. В Англии, в Кембридже, некий Томас Хобсон (1544–1631), сдавая напрокат лошадей, поставил дело таким образом, что клиенту всякий раз волей-неволей приходилось брать лошадь, стоявшую в ближайшем к дверям конюшни стойле.

ся к Дону:

— Ну что ж, парень, Старик определил твой статус. Теперь ты — «перемещенное лицо».

— Что это значит?

— Как только Республика Венера провозгласила свою независимость, со всеми этими играми кончено. У тебя нет гражданства. Старик велел отправить тебя туда, откуда ты прилетел. На Землю.

Дон вскочил и расправил плечи:

— Не полечу я на Землю.

— Вот как? — мягко произнес Макмастерс. — Ладно, тогда посиди немного. Когда будет надо, мы тебя сами оттащим. — Он продолжил сдавать карты.

Дон остался стоять.

— Слушайте, я передумал. Если нельзя на Марс, я лечу на Венеру.

Макмастерс оторвался от игры и посмотрел на него:

— Если коммодор Хиггинс что-то сказал, значит, все — точка. Майк, возьми эту примадонну и сунь ее к остальным кротам.

— Но…

Майк поднялся на ноги.

— Эй ты! Пошевеливайся!

Комната, куда впихнули Дона, была до краев наполнена оскорбленными чувствами. Землян никто не охранял, поэтому они открыто высказывались о последних событиях.

— …Возмутительно! Мы должны разбомбить все их поселения, сровнять их с землей!

— …Надо выбрать депутацию и послать к этому ихнему командиру, чтобы ему твердо заявили…

— …Говорил же я тебе: не нужно лететь!

— …Переговоры? Этим мы распишемся в собственной слабости!

— …Неужели вы не понимаете: война уже кончена! Господи, это же не просто пересадочная станция или придорожный склад! Это главный пункт управления ракетами! Отсюда они могут расстреливать любой город Земли, словно уток в пруду!

Прислушавшись к последнему замечанию, Дон принялся размышлять. До сих пор ему не доводилось сталкиваться с вопросами военной тактики, и до этого мгновения смысл захвата «Околоземной» был выше его понимания. Раньше Дон воспринимал его лишь в свете своих личных проблем.

Неужели мятежники готовы зайти так далеко — стереть с лица Земли города Федерации? Разу-

меется, причин для недовольства у колонистов хватает, и все-таки… Однажды, правда, такое уже случилось, но это было давно, теперь-то люди стали цивилизованнее, чем были! Разве нет?

— Харви! Дональд Харви!

Все, как один, обернулись на крик. В дверях стоял венерианский гвардеец и выкликал имя и фамилию Дона. Дон отозвался:

— Я здесь!

— Пойдем со мной.

Дон подхватил сумки и вышел в коридор. Подождав, пока солдат закроет дверь, он спросил:

— Куда вы меня ведете?

— С вами хочет поговорить коммодор. — Солдат посмотрел на багаж Дона. — Не нужно волочь с собой все это барахло.

— Нет уж, лучше я возьму сумки с собой.

— Как хочешь. Только не тащи их в кабинет коммодора.

Они спустились на две палубы ниже — сила тяжести здесь была намного сильнее — и остановились у двери, которую охранял часовой.

— Это Харви — парень, за которым посылал Старик.

— Входите.

Дон подчинился. Комната была просторная и

богато обставленная. Раньше здесь находился кабинет управляющего отелем. Сейчас за его столом сидел мужчина в военной форме, еще совсем молодой, но уже с сединой в волосах. Он поднял на Дона глаза, и тот подумал, что это очень умный и живой человек, хотя и страшно усталый.

— Дональд Харви?

— Да, сэр. — Дон протянул документы.

Коммодор отодвинул бумаги в сторону:

— Уже видел, не надо. Слушай, Харви, от тебя у меня сплошная головная боль. Я уже один раз вынес решение по твоему делу.

Дон молчал, и мужчина добавил:

— А вот теперь оказалось, что мне нужно его пересмотреть. Ты знаком с венерианином, которого зовут?.. — И он просвистел имя.

— Немного, — ответил Дон. — Мы летели на «Дороге славы» в одной каюте.

— Хмм… Интересно, это было запланировано заранее?

— Заранее? Но как я мог это сделать заранее?

— Все можно организовать… В истории бывали шпионы и помоложе.

Дон покраснел:

— Вы что, считаете — я шпион?

— Нет, это лишь одна из возможностей, которые

я обязан учитывать. Ни один военный не любит, когда на него оказывают политическое давление, но всем им приходится уступать. Я уступил. На Землю ты не вернешься, а полетишь на Венеру. — Коммодор встал. — Но предупреждаю: если ты стукач, которого мне подсадили, то даже все драконы Венеры не спасут твою шкуру! — Обернувшись к телефону, он набрал номер, какое-то время ждал ответа, затем сказал: — Скажите ему, что его дружок у меня и дело улажено. — И повернулся к Дону. — Возьми трубку.

Дон услышал радостный голос, густо приправленный кокни:

— Дон, мой мальчик, это ты?

— Да, Сэр Исаак.

В голосе дракона послышалось облегчение.

— Когда я справлялся о твоей судьбе, то обнаружил, что имеет место какое-то нелепое намерение отправить тебя обратно в это ужасное место, откуда мы только что улетели. Я заявил, что в данном случае произошла какая-то ошибка. Боюсь, в этом деле мне пришлось проявить некоторую твердость. Чешуя!

— Теперь все в порядке. Спасибо, Сэр Исаак.

— Не стоит. Я по-прежнему у тебя в долгу. При первой возможности приходи меня навестить.

Придешь?

— О, конечно!

— Благодарю тебя! Будь здоров! Чешуя!

Дон отошел от телефона и увидел, что командир мятежников с любопытством его разглядывает.

— Ты знаешь, кто он — этот твой друг?

— Кто он? — Дон просвистел венерианское имя и добавил: — Он называет себя Сэр Исаак Ньютон.

— И это все, что ты знаешь?

— Все вроде бы.

— Хмм… — Командир помолчал, потом сказал: — Думаю, будет нелишним сказать тебе, что именно вынудило меня к подобным действиям. Сэр Исаак, как ты его называешь, ведет свою родословную прямиком от Первого Яйца, которое попало в болота Венеры в День Творения. Поэтому и пришлось мне возиться с тобой. Часовой!

Дон без единого слова позволил себя увести. Мало кто из землян был допущен к тайнам господствующей на Венере религии; вполне возможно, что такой чести вообще не удостаивался никто. Это была одна из тех религий, которые не очень-то распространяют. Но никто не осмелился бы смеяться над этим верованием. Все принимали его всерьез. Житель Венеры — выходец с Земли

— мог и не верить в Священное Яйцо и во все, что было с ним связано; но он быстро убеждался в том, что о таких вещах лучше говорить с почтением. Так было и выгоднее, и гораздо безопаснее.

Так, значит, Сэр Исаак — Сын Яйца! Дон почувствовал благоговение, которое нисходит даже на самых ревностных демократов при встрече с коронованной особой. Неужели Дон запросто беседовал с ним, словно с обычным престарелым драконом, торгующим овощами на городском рынке?

Но скоро мысли Дона устремились в более практичное русло. Уж если кто-нибудь и мог помочь ему попасть на Марс, так это, пожалуй, Сэр Исаак. Дон снова и снова обдумывал такую возможность и решил, что он еще попадет домой!

Но Дону не удалось вот так сразу повидаться со своим венерианским знакомым. Вместе с гражданами Венеры и техниками «Околоземной», чьи симпатии склонялись на сторону Республики, его загнали на «Наутилус». Когда он обнаружил, что Сэр Исаак летит на «Валькирии», что-либо предпринимать было уже слишком поздно.

Командир десанта коммодор Космической гвардии Хиггинс перенес свой флаг с «Околоземной» обратно на «Наутилус» и, не откладывая, принял-

ся действовать дальше. Штурм «Околоземной» оказался почти бескровным: сыграли свою роль внезапность и удачный выбор момента для нападения. Нужно было закончить операцию прежде, чем на Земле заметили бы нарушение графика движения кораблей.

«Наутилус» и «Валькирия» были уже готовы для далекого путешествия. Команду «Прилива» перевели на «Дорогу славы», отправляющуюся на Землю, а экипаж лунника укомплектовали людьми из десанта. Сам корабль был заправлен и снаряжен для выхода в дальний космос. Хотя и предназначенный для коротких рейсов на Луну, корабль вполне годился для путешествия к Венере. Космический перелет — вопрос не расстояния, а разницы гравитационных потенциалов. Перелет с «Околоземной» на Венеру требует гораздо меньших затрат энергии, чем тяжелая борьба с притяжением Земли при путешествии от Нью-Чикаго до орбитальной станции.

«Прилив» стартовал по медленной экономичной параболе, и теперь всю дорогу к Венере он пролетит в свободном полете, по инерции. «Валькирия» рванула по быстрой гиперболе, приближающейся к прямой. Она должна была прибыть одновременно с «Наутилусом» или даже

раньше. Тот отправлялся в последнюю очередь, поскольку Хиггинс, прежде чем уничтожить станцию, собирался выступить по глобальной телевизионной сети.

Все передачи общемирового значения велись из телецентра «Околоземной» либо транслировались через его установки. С тех пор как «Наутилус», этот троянский конь космоса, пришвартовался к станции, регулярное телевещание не прерывалось. Офицер подразделения «Джи-6» (пропаганда и психологическая война) выбрал для выступления коммодора перед населением Земли время, первоначально предназначавшееся для передачи «Стиви Броди рассказывает» — программы новостей самого популярного в мире ведущего. Мистер Броди выступал сразу после очередной части телесериала «Семья Калликак», также собиравшего значительную аудиторию.

В конце концов «Дорогу славы» отпустили с пассажирами к Земле, но вся радиоаппаратура корабля была приведена в негодность. «Наутилус» дрейфовал в пространстве на стационарной орбите в нескольких сотнях миль от станции. Телецентр на обезлюдевшей «Околоземной» продолжал работать в автоматическом режиме. Речь коммодора была уже записана; ленту вставили

в магнитофон, который должен был автоматически запустить ее сразу по окончании очередной части сериала.

Дон смотрел передачу, сидя в салоне лайнера вместе с сотней других штатских. Глаза присутствующих не отрывались от большого телевизионного куба, установленного у дальней переборки. Был организован специальный канал, транслировавший программу со станции на «Наутилус», и сигнал подавался во все помещения корабля, чтобы передачу могли смотреть и слушать и пассажиры, и экипаж.

К концу очередной части сериала Селеста Калликак была арестована по подозрению в убийстве мужа, Бадди Калликак по-прежнему находился в больнице, и особых надежд на выздоровление не было. Папаша Калликак все еще где-то пропадал, а мамашу подозревали в спекуляции продовольственными карточками, но сама Селеста смотрела на жизнь с оптимизмом, считая, что только хорошие люди умирают молодыми. После обычной коммерческой врезки («Единственное мыло, в состав которого с гарантией входят все витамины, необходимые организму!!!») появилась заставка Стива Броди — ракетный след, собирающийся в изображение ведущего, и на

этом фоне — голос, возвестивший: «Стив Броди сообщает завтрашние новости СЕГОДНЯ!»

Внезапно передача прервалась, экран померк. Из динамика раздалось:

— Мы прерываем передачу для экстренного выпуска новостей.

Экран опять засветился, но теперь на нем появился коммодор Хиггинс.

На его лице не было и следа той вымученной бодренькой улыбки, которую напяливает на себя всякий, кто выходит в эфир. Хиггинс выглядел угрюмо, и голос его был мрачен.

— Я — коммодор Хиггинс, командир штурмовой группы «Освобождение» Космической гвардии Республики Венера. Космическая гвардия заняла станцию «Околоземная». Теперь судьба земных городов полностью в наших руках.

Он сделал паузу, чтобы смысл его слов дошел до каждого слушателя. Дон обдумал ситуацию, и она ему совсем не понравилась. Все знали, что на «Околоземной» достаточно атомных боеголовок и ракет, чтобы разгромить любую страну или союз стран, выступивших против Федерации. Точное количество ракет с атомными зарядами было военной тайной, и, по различным оценкам, на станции их имелось от двух сотен до тысячи.

Среди пассажиров «Наутилуса» пополз слух, что Космическая гвардия обнаружила на станции семьсот тридцать две боеголовки, готовые к запуску, и множество других — в разобранном виде, а также дейтерий и тритий в количестве, которого бы хватило для снаряжения дюжины водородных сверхбомб.

Неважно, правда это была или нет. Ясно одно: на «Околоземной» достаточно бомб, чтобы превратить Земную Федерацию в радиоактивный ад. Несомненно, подземные убежища укроют немалую часть населения, но все равно жители покинут подвергшийся бомбардировке город, так что замысел своей цели достигнет в любом случае. Многие к тому же погибнут. Сколько их будет — сорок миллионов? Пятьдесят? Дон не знал.

Коммодор продолжал:

— По счастью, мы не собираемся действовать подобным образом. Города Земли не будут подвергнуты бомбардировке. Свободные граждане Республики Венера не желают гибели своим братьям на Земле. Единственная наша цель — установление независимости нашей планеты, возможность самим управлять нашими делами, мы хотим сбросить иго дистанционного владения и освободиться от разоряющих нас налогов.

Тем самым мы, свободный народ, призываем все угнетенные и обездоленные нации последовать нашему примеру и принять нашу помощь. Посмотрите вверх, в небо! Над вашими головами пролетает та самая станция, с которой сейчас я обращаюсь к вам. Ожиревшие и тупые правители Федерации превратили «Околоземную» в кнут надсмотрщика. Больше сотни лет эта небесная военная база защищала их империю от праведного гнева их жертв.

Сейчас мы уничтожим ее.

Через несколько минут это отвратительное пятно в чистом небе, этот пистолет, приставленный к виску каждого жителя вашей планеты, прекратит свое существование. Выйдите на улицу, взгляните на небо — вы увидите новое солнце, которое вспыхнет на короткий миг. Знайте: этот свет — свет Свободы, зовущий Землю к освобождению!

Угнетенные граждане Земли! Этим знаком мы, свободный народ Республики Венера, приветствуем вас!

Коммодор закончил свою речь, но продолжал сидеть перед камерой, глядя в глаза своей огромной аудитории, и вслед за его словами зазвучал вдохновенный гимн «Утренняя звезда надежды».

Дон не знал гимна новой нации, но и он почувствовал, как на него нахлынуло воодушевление.

Внезапно экран погас, и сразу же вспыхнул свет, такой яркий, что проник даже сквозь затемненные иллюминаторы и больно ударил по глазам. Дон все еще ошеломленно вертел головой, когда из громкоговорителей корабельной трансляции послышался голос:

— Можно снять защитные экраны с иллюминаторов.

Старшина, дежуривший возле большого иллюминатора салона, уже откручивал закрывавший его металлический щит. Дон подошел и выглянул наружу.

В космосе разгоралось новое — ослепительно-белое, раздувающееся на глазах — солнце. То, что на Земле приняло бы форму уродливого гриба — как это не раз и бывало, — здесь выглядело идеальной сферой, выросшей до невероятных размеров. Сфера все росла и росла; ярко-белая поначалу, теперь она отливала серебристо-фиолетовым, затем покрылась пурпурными, красными и оранжевыми пятнами. Огненный шар продолжал распухать, пока не закрыл собою всю Землю.

В момент взрыва «Околоземная», превратив-

шаяся в радиоактивное космическое облако, проходила над Северной Атлантикой. Гигантский раскаленный шар был виден с большей части населенных территорий Земли — огненный знак в небе.

7. В обход

Сразу после взрыва «Околоземной» на корабле завыли сирены и по громкой связи всему экипажу была передана команда: «К ускорению — по местам стоять!» «Наутилус» стартовал, выходя на орбиту для скучного перелета к Венере. После того как была набрана скорость и кораблю придали вращение, чтобы создать искусственную гравитацию, двигатели были отключены. Дон отстегнул ремни и поспешил в радиорубку. По пути его дважды останавливали часовые, и каждый раз ему приходилось с ними препираться.

Дверь оказалась открытой; люди, что сидели внутри, были, видимо, очень заняты и не обратили на Дона никакого внимания. Он помешкал в дверях, потом вошел. Его тотчас схватили за шиворот:

— Эй! Какого черта ты тут шляешься?

— Я только хотел отправить радиограмму, — смиренно отозвался Дон.

— Да ну? Что ты об этом думаешь, Чарли? — Схвативший Дона человек повернулся к солдату, склонившемуся над пультом.

Тот сдвинул наушник с одного уха:

— Типичный диверсант. У него наверняка в каждом кармане по атомной бомбе.

В дверях, ведущих во внутренний отсек, появился офицер.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Он проник сюда, сэр. Говорит, ему нужно отправить радиограмму.

Офицер оглядел Дона с ног до головы:

— Сожалею, но — нельзя. Радиомолчание. Никаких передач.

— Но мне очень нужно! — в отчаянии произнес Дон и коротко объяснил причину. — Я просто обязан сообщить родителям, где нахожусь.

Офицер покачал головой:

— Мы не смогли бы связаться с Марсом, даже будь это разрешено.

— Но, сэр, разве нельзя отправить сообщение на Луну, чтобы они его передали на Марс?

— Думаю, можно, но мы этого делать не станем. Видишь ли, паренек, я сочувствую тебе и понимаю твои трудности, но командир не позволит нарушить радиомолчание даже по более важной

причине, чем твоя. Так что и не надейся. Безопасность корабля — превыше всего.

Дон задумался.

— Боюсь, что вы правы, — уныло признал он.

— На твоем месте я не стал бы очень уж переживать. Твои родители сообразят, где ты находишься.

— Как? Не понял. Они же думают, что я лечу на Марс.

— Нет, они так не думают. Во всяком случае, скоро перестанут так думать. Теперь ни для кого не секрет, что произошло, — вся Система об этом знает. Твои родители уж как-нибудь выяснят, что ты добрался до «Околоземной» и что ты не вернулся на «Дороге славы». Методом исключения можно установить, что ты направляешься на Венеру. Возможно, они как раз посылают запрос о тебе в отделение «Межпланетных линий».

Офицер обернулся и приказал:

— Уилкинс, напишите объявление: «Радиомолчание. Никакие сообщения не отправляются». Не хватало еще, чтобы гражданские ломились сюда отправить поздравление тете Хетти.

Дона поместили в салоне третьего класса вместе с тремя дюжинами мужчин и несколькими мальчишками. Кое-кто из пассажиров, опла-

тивших перелет классом повыше, понятно, был недоволен. Дон и сам имел билет первого класса до Марса на «Валькирии» — и, глядя на то, как жалобщики, поджав хвост, возвращаются от командира, — порадовался, что ему хватило благоразумия не ерепениться. Каюты первого класса, расположенные в носовой части корабля, были заняты Космической гвардией.

Койка оказалась вполне удобной, а космический перелет, сам по себе довольно скучный, в шуме и сплетнях кормового кубрика проходил менее тоскливо, чем в тишине каюты первого класса. Уже в первую неделю путешествия главврач объявил, что все желающие могут погрузиться в анабиоз. Через день-другой кубрик наполовину опустел: людей собрали, заморозили и уложили в камеры, где им предстояло проспать несколько долгих недель.

Дон не захотел ложиться в анабиоз. Он слушал разговоры соседей по каюте, которые, зная об этом предмете лишь понаслышке, рассуждали о том, влияет ли анабиоз на продолжительность человеческой жизни.

— Давайте взглянем на вопрос с такой точки зрения, — изрек один из пассажиров. — Вам отпущено на жизнь столько-то лет. Это заложено в

генах. Если отбросить возможность несчастного случая, вы живете столько, сколько вам отпущено. Но если поместить ваше тело в морозильник, темп жизни замедляется. Если можно так выразиться, ваши жизненные часы останавливаются. И все это время уже не учитывается. И если вам было суждено прожить восемьдесят лет, то теперь к этому сроку прибавляются три месяца или что-то около. И лично я такой возможностью воспользуюсь.

— Большей ошибки даже представить себе нельзя, — отвечал ему другой. — Я хочу сказать, что вы совершенно неправы. В данном случае вы лишь укоротите свою жизнь на три месяца. Нет, это не для меня!

— Вы сумасшедший. Лично я намерен погрузиться в сон.

— Как хотите. И вот еще что… — Его оппонент наклонился и заговорил конфиденциальным тоном — но так, что его могли слышать все в кубрике: — Говорят, эти ребятишки с нашивками на рукавах допрашивают спящих. Знаете почему? Потому что коммодор считает, будто бы на «Околоземной» к нам проникли шпионы.

Дону было все равно, кто из них прав. Он слишком любил жизнь, чтобы временно «умереть»

только ради избавления от скуки долгого перелета. Но последнее замечание его встревожило. Шпионы? Неужели агенты МБР действуют прямо под носом высших чинов Космической гвардии? Впрочем, МБР, как говорят, способно проникать всюду. Дон оглядел своих соседей, гадая, кто из них мог путешествовать под чужим именем.

Вскоре он выкинул эту мысль из головы. Во всяком случае, им МБР больше не интересовалось.

Не знай Дон о том, что он находится на «Наутилусе», который летит на Венеру, он вполне мог бы вообразить, что летит на Марс на «Валькирии». Корабли были одного класса, а пустота космоса везде одинакова. Правда, теперь Солнце постепенно росло, вместо того чтобы уменьшаться, но кто станет смотреть прямо на Солнце, даже с Марса? Распорядок дня на корабле соблюдался исходя из гринвичского времени, точно так же, как и на любом другом космическом лайнере; завтрак начинался точно по звонку; координаты корабля передавались каждый «вечер», а «ночью» выключался свет.

Даже присутствие на борту военных не бросалось в глаза. Им были отведены каюты в носовой части, и гражданские допускались туда только по делу. Лишь на сорок второй день полета Дону

потребовалось сходить туда, чтобы забинтовать порезанный палец. Когда он возвращался назад на корму, ему на плечо легла чья-то рука и он обернулся.

Дон узнал сержанта Макмастерса. На кителе у него красовалась звезда — знак корабельного полицейского в звании главного старшины.

— А ты здесь откуда? — спросил он. — Чего шляешься?

Дон показал порезанный палец.

— Я не шляюсь, — ответил он. — Вот, на перевязку ходил.

Макмастерс посмотрел на палец:

— Порезался, говоришь? Так вот, ты попал не в тот коридор. Ты идешь прямиком в бомбовый отсек, а вовсе не к пассажирским каютам. Слушай-ка, а ведь мы уже встречались.

— Еще бы.

— Да-да, я помню. Ты — тот самый парень, который думал, что полетит на Марс.

— Я и лечу на Марс.

— Вот как? Видать, ты любишь ходить в обход: лишние сотни миллионов миль тебе нипочем. И если уж зашел разговор об окольных путях, то объясни, с какой стати ты оказался в коридоре, ведущем в арсенал?

Дон почувствовал, как его лицо заливает краска.

— Да не знаю я, где у вас тут бомбы хранятся. Если я не туда иду, взяли бы да показали.

— Иди за мной. — Сержант отвел Дона двумя палубами ниже — здесь благодаря вращению корабля сила тяжести была заметно больше — и впихнул его в кабинет. — Тут пока посидишь. Скоро придет дежурный офицер.

Дон остался стоять:

— Не нужен мне дежурный офицер. Я хочу к себе, в кубрик.

— Садись, тебе говорят. Я помню все твои выкрутасы. Может быть, ты и впрямь заблудился, а может, и цель какую имел.

Дон подавил гнев и сел.

— Не обижайся, — сказал Макмастерс. — По глотку кофе, а?

Он подошел к кофейнику и налил две чашки.

Дон помялся, но чашку взял. Кофе оказался венерианским: черным, горьким и очень крепким. Дон почувствовал, что Макмастерс начинает ему нравиться. Сержант отхлебнул кофе, поморщился и сказал:

— Ты, парень, родился в рубашке. Сейчас ты уже мог быть покойником.

— Почему это?

— Тебя собирались отправить на Землю на «Дороге славы».

— Ну и что?

— Неужели до кормы новости не доходят? «Слава» не долетела.

— А что случилось? Авария?

— Какое там! Эти кроты из Федерации психанули и расстреляли корабль на подлете. Думаю, они не сумели установить с ним связь и решили, что «Слава» набита взрывчаткой. Сбили они ее, короче.

— Ох!..

— Вот я и говорю: повезло тебе, ты ведь должен был вернуться на ней.

— Но меня там не было. Я лечу на Марс.

Макмастерс уставился на него и рассмеялся:

— Да у тебя, видать, в мозгах пластинку заело! Прямо как у толкуна.

— Может быть, но до Марса я все равно доберусь.

Сержант отставил чашку:

— Ты когда-нибудь головой думать будешь? Пойми, эта война будет длиться десять, а то и пятнадцать лет. Кто знает, может, за все это время на Марс не отправят ни одного корабля.

— Ну… доберусь как-нибудь. А с чего вы взяли, что война продлится так долго?

Макмастерс помолчал, закуривая.

— Ты когда-нибудь историю изучал?

— Немножко.

— Помнишь, как американские колонии отделились от Англии? Они копошились там восемь лет, а воевали только время от времени. А ведь Англия была достаточно сильной, чтобы подавить восстание за один уик-энд. Почему она этого не сделала?

Дон не знал.

— Так вот, — ответил ему сержант. — Ты, верно, не изучал историю, но коммодор Хиггинс знает ее отлично. Он-то и разработал этот план. Спроси его о любом восстании, и он с ходу тебе объяснит причины его провала или успеха. Англия не смогла справиться с колониями потому, что в те времена была по уши в других войнах. Им казалось, что американское восстание — чепуха и достаточно полицейской операции. И они не могли уделить ему должного внимания, а какое-то время спустя это стало слишком дорого обходиться и обернулось слишком большими проблемами. Так что Англия дала задний ход и признала независимость восставших.

— Хотите сказать, что и теперь будет что-то похожее?

— Конечно, ведь коммодор Хиггинс подтолкнул ситуацию куда надо. По всем выкладкам, Республика Венера не может победить Федерацию. Уверяю тебя, я патриот не хуже любого другого, но я смотрю фактам в глаза. Населения-то на Венере раз-два и обчелся, и в смысле материальных ресурсов Федерации — их здесь не более одного процента. Венера ни за что не сможет победить, если Федерация не будет слишком занята другими делами. А обстановка сейчас именно такова — или скоро станет такой.

Дон задумался:

— Наверное, я полный дурак.

— Неужели до тебя не дошло, для чего мы уничтожили «Околоземную»? Да одним ударом коммодор сделал Землю полностью беззащитной. Он мог бы взорвать некоторые — да хоть все — города Земли, но какой от этого толк? Бомбардировка только восстановила бы против нас все население шарика. А так нас поддерживают две трети. Не просто поддерживают, но сами душой горят, сами чувствуют, что пора, потому что над их головами не висит больше «Околоземная», неоткуда больше пускать ракеты, как только

запахнет жареным. И Федерации, чтобы вернуть прежний порядок, понадобятся годы, если она вообще когда-нибудь встанет на ноги. Наш коммодор — мужик умный! — Сержант поднял глаза. — Смирно! — заорал он и вскочил на ноги.

В дверях стоял лейтенант.

— Интересная лекция, профессор. Она прекрасно прозвучала бы в университетской аудитории.

— Никакой я не профессор, — серьезно ответил Макмастерс. — Я всего лишь сержант, с вашего позволения.

— Ладно, сержант, проехали. — Лейтенант обернулся к Дону. — Кто такой и что он здесь делает?

— Ждет вас, сэр. — Макмастерс объяснил, что случилось.

— Ясно, — ответил дежурный и спросил Дона: — Вы готовы отказаться от своего права не давать показания против самого себя?

Дон явно был озадачен.

— В общем, дело такое, — объяснил Макмастерс. — Нам надо решить, применить ли к тебе некое устройство или посадить тебя до конца полета в карцер.

— Устройство?

— Детектор лжи.

— Ах, это? Пожалуйста. Мне скрывать нечего.

— Хотел бы я сказать то же самое о себе. Садись сюда, — Макмастерс открыл шкафчик, присоединил к голове Дона электроды, а повыше локтя прикрепил датчик артериального давления. — А теперь, — сказал он, — говори правду: зачем ты болтался у арсенала?

Дон стал рассказывать. Макмастерс задал ему еще несколько вопросов, а лейтенант тем временем наблюдал за экраном, расположенным за спиной у Дона. Вскоре он сказал:

— Хватит, сержант. Гоните его туда, где ему положено быть.

— Слушаюсь, сэр. Пойдем. — И вдвоем они вышли из каюты. Когда они отошли настолько, что можно было говорить без помех, Макмастерс продолжил оборванный лейтенантом разговор: — Как я уже говорил, когда нас так грубо прервали, что по всем этим причинам война затянется надолго. Этот status останется quo[41], пока Федерация будет занята подавлением мятежей и массовых беспорядков у себя дома. Время от времени они будут посылать к нам какого-нибудь сопляка, чтобы он выполнил работу настоящего

[41] Примечания: 41

Status quo переводится с латыни как «положение, которое...» и, как правило, является составной частью более сложных оборотов. Также употребляется в смысле «существующее положение».

мужчины, а мы будем намыливать ему холку и отправлять обратно. Через несколько лет Федерация обнаружит, что мы обходимся ей дороже, чем того стоим, и признает нас независимым государством. И все это время кораблей на Марс не будет. Вот так-то!

— И все-таки я туда доберусь! — упрямо сказал Дон.

— Значит, тебе придется идти пешком.

Они дошли до палубы G.

Дон огляделся и заявил:

— Дальше я дорогу знаю. Тогда я, должно быть, спустился на одну палубу ниже.

— На две, — ответил Макмастерс. — Пойдем, я тебя провожу до кубрика. Знаешь, есть одна возможность добраться до Марса — возможно, единственный способ.

— Что? А как, расскажите?

— Пошевели мозгами. Пассажирских рейсов не будет — по крайней мере, пока война. Но мое тебе слово — и Федерация, и Республика в конце концов пошлют на Марс свои десантные силы; каждая из этих команд попытается захватить тамошние сооружения для своих. На твоем месте я поступил бы в Космическую гвардию. Не в Воздушные силы и не в Сухопутные войска, а

именно в Космическую гвардию.

Дон задумался:

— Но откуда я знаю, что меня пошлют именно туда? Шансов-то у меня не много.

— Ты в казарменной политике что-нибудь понимаешь? Устройся работать писарем. Сумеешь вовремя лизнуть кому надо задницу — тебя оставят на главной базе. Там ты будешь в курсе всех слухов и в конце концов узнаешь, когда они соберутся отправить корабль на Марс. Тогда опять лизнешь нужную задницу — и ты уже в списке команды! Точно тебе говорю, это единственный способ попасть на Марс. Вон твоя дверь. И больше не теряйся на носу корабля.

Несколько дней Дон обдумывал слова Макмастерса. До сих пор им владела навязчивая мысль, что, попав на Венеру, он найдет какой-то способ перебраться на Марс. Макмастерс заставил его взглянуть на дело с другой стороны. Конечно, можно рассуждать о том, что неплохо бы попасть на корабль, направляющийся на Марс, — законно там или незаконно, купив билет или в качестве члена экипажа, а может, и просто зайцем. Но допустим, что кораблей на Марс не будет вообще. Потерявшаяся собака найдет дорогу домой, но человек не собака — без корабля он не одолеет и

мили космической пустоты. Это исключено.

Но вступить в Космическую гвардию… Похоже, это крайнее средство, даже если оно и поможет. Дон знал об армейских порядках немного, но в его душу закралось мрачное подозрение: а вдруг сержант слишком упростил картину. Попытка использовать Космическую гвардию, чтобы попасть на Марс, могла привести к тому же исходу, что и попытка оседлать канзасский смерч[42].

С другой стороны, Дон находился в том возрасте, когда перспектива военной карьеры привлекательна сама по себе. Будь его чувства к Венере хоть немного сильнее, он без труда убедил бы себя, что его долг — стать на сторону колонистов и сражаться с ними в одних рядах. И неважно, попадет он на Марс или нет.

Военная служба привлекала Дона и по другой причине: она придала бы его жизни определенный смысл. Дон уже начинал понимать, в чем состоит главная трагедия перемещенного лица в военное время: он сразу теряет все свои корни. Человеку необходима свобода, но мало кто из людей достаточно крепок духом, чтобы стремиться к абсолютной свободе. Человек желает ощущать

[42] Примечания: 42

Отсылка к фольклорному персонажу Пекосу Биллу, ковбою, герою Дикого Запада, прокатившемуся верхом на смерче.

себя частью общества, имеющего установленные, всеми исполняемые правила отношений между его членами. Порой люди вступают в иностранные легионы в поисках приключений, но чаще подписывают контракт, чтобы обрести какие-то обязанности и обязательства, обычаи и табу, чтобы разграничить время для труда и для отдыха, завести друзей, чтобы с ними спорить, и сержанта, чтобы его ненавидеть, — короче, чтобы принадлежать чему-то.

Дон оказался перемещенным в полном смысле этого слова, как никто за всю историю Земли: у него даже планеты не было, которую он мог бы назвать своей. Сам он еще не понимал до конца духовной своей обделенности, но, проходя мимо солдат Космической гвардии, поглядывал на них и уже прикидывал, как он сам будет выглядеть в этом мундире.

«Наутилус» не стал опускаться на поверхность планеты, не стал он и пристыковываться к космической станции. Корабль лишь замедлил ход и вышел на двухчасовую орбиту ожидания, проходившую над полюсами планеты, в нескольких сотнях миль над серебристым покрывалом облаков. Колонии Венеры были слишком молоды и бедны, чтобы позволить себе роскошь приобре-

сти большую орбитальную станцию. Прибывший корабль выходил на быструю парковочную полярную орбиту, двигаясь вокруг вращающейся планеты и как бы разрезая ее на дольки — словно наматывая нитку на клубок.

С любой точки Венеры можно было запустить челнок, который пристыковывался к находящемуся на орбите кораблю, а затем возвращался в свой порт или любую другую точку, затратив минимум топлива. Как только «Наутилус» оказался на парковочной орбите, к нему сразу же направились такие челноки. Они были похожи скорее на самолет, чем на ракету: хотя герметичные корпуса и запасы воздуха позволяли им летать в космосе до стыковки с кораблем на орбите, но у них были также и крылья, а помимо ракетных имелись обычные прямоточные реактивные двигатели, предназначенные для полетов в атмосфере. Эти корабли, как лягушки, были приспособлены к жизни в двух разных средах.

Челнок запускался с планеты при помощи катапульты, затем включалась реактивная тяга — и корабль поднимался на своих крыльях, пока в холодной выси разреженной стратосферы не достигал скорости в три тысячи миль в час. Здесь реактивные двигатели, захлебывающиеся

от недостатка кислорода, уступали место ракетным, разгонявшим челнок до орбитальных скоростей порядка двенадцати тысяч миль в час — скоростей, с которыми он мог сблизиться с космическим кораблем.

Точный маневр! Для него требовался точный математический расчет, учитывающий параметры орбит, скорости, состояние верхних слоев атмосферы, расход топлива и еще виртуозное пилотирование, превосходящее все возможности математического расчета, но при всем этом достигалась экономия средств. После того как челнок был загружен, ему для схода с орбиты требовался лишь короткий импульс ракетными двигателями — и он переходил на более низкую орбиту, пересекающую в конце концов атмосферу, что позволяло пилоту вести корабль словно планер, гася огромную скорость во все уплотняющихся по мере спуска воздушных слоях. Теперь от пилота вновь требовалось мастерство, поскольку он должен был не просто снизить скорость, но и сохранить ее для полета к месту посадки. Челнок, застрявший где-нибудь в диком месте, в тысяче миль от порта, мог никогда уже больше не подняться, даже если пилот и пассажиры уцелеют после такой посадки.

Дон отправился вниз на «Сайрусе Бьюкенене», небольшом суденышке с размахом крыльев едва ли в три сотни футов. Наблюдая в иллюминатор за тем, как челнок подводят к шлюзовой камере, Дон заметил, что нарисованный на носу корабля знак «Межпланетных линий» — три шара — неаккуратно, видимо, в спешке закрашен, а поверх нанесено через трафарет: «Воздушные силы Республики Венера». Закрашенная эмблема, зримое свидетельство мятежа, подействовала на Дона сильнее, чем даже гибель «Околоземной». «Межпланетные» были могущественны, пожалуй, не меньше правительства и влияние имели тоже не меньшее. Кое-кто даже считал, что эта компания и есть настоящее правительство. А теперь повстанцы осмелились захватить корабли величайшего транспортного концерна и закрасить его гордые тройные глобусы.

Дон ощутил на лице ледяное дыхание самой Истории. Макмастерс оказался прав: теперь Дон поверил, что ни один корабль отсюда на Марс не отправится.

Когда пришла его очередь, Дон протиснулся сквозь шлюз в салон челнока. Стюард «Бьюкенена» все еще щеголял в форме «Межпланетных», но эмблемы компании были спороты, а на ру-

кавах кителя красовались нашитые шевроны. Изменилось также и отношение к пассажирам: стюард обращался с ними деловито и распорядительно, но без прежней лакейской угодливости.

Перелет был долгим и утомительным. В салоне стояла жара, как это всегда бывает при торможении об атмосферу. Лишь через час корабль «встал на крыло», и вскоре Дон и остальные пассажиры почувствовали, как сила тяжести вжимает их в кресла. Потом пилот, решив, что корпус слишком нагрелся, поднял челнок повыше и перевел его в режим свободного падения. Такая процедура повторялась снова и снова: корабль скакал, словно пущенный по воде плоский камушек, и это катание на «космических горках» вызывало у пассажиров ощущение неудобства и тошноту.

Дона все это мало волновало. Он снова чувствовал себя космонавтом, и его желудок больше не реагировал на ускорение и даже на невесомость. Сначала ему было интересно вновь оказаться в облаках Венеры, но потом стало скучно. Прошло немало времени, и Дон, очнувшись от дремоты, почувствовал, что движение корабля изменилось: челнок со свистом снижался, выходя на завершающий участок полета, и пилот выводил корабль на посадку по радару. «Сайрус Бьюкенен»

коснулся поверхности планеты, подпрыгнул и, сотрясаясь, помчался по воде, все замедляя движение, пока наконец не остановился. После долгой заминки корабль подтянули на буксире к причалу, стюард поднялся на ноги и объявил:

— Нью-Лондон! Республика Венера! Приготовьте документы.

8. «Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда»[43]

Первым делом Дон собирался отыскать отделение МТТ и отправить оттуда радиограмму родителям. Но сразу покинуть корабль не удалось. Сначала у пассажиров проверили документы, а затем каждого подвергли личному досмотру и допросу. Прошло несколько часов, а Дон все еще сидел у дверей кабинета службы безопасности, ожидая допроса. Его непонятный статус отодвинул Дона в самый конец очереди.

Он был голоден, устал и томился от скуки; зудели руки, исколотые от кистей до плеч: так проверялся иммунитет к всевозможным инфекциям

[43] Примечания: 43

В Евангелии от Матфея сказано: «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову».

и грибковым заболеваниям, распространенным на Второй планете. Поскольку Дон жил здесь раньше, иммунитет к местным болезням у него сохранился, и это было большой удачей — в противном случае пришлось бы провести не одну неделю в карантине и сделать еще кучу прививок. Дон почесывал руки и раздумывал, не пора ли поднимать шум, как вдруг дверь открылась и его вызвали.

Дон вошел в кабинет. Офицер воздушных сил, сидевший за столом, просмотрел его документы:

— Дональд Харви?

— Да, сэр.

— Честно говоря, даже не знаю, что с тобой делать. Личность мы твою установили, тут особых проблем не было — просто сравнили отпечатки пальцев с теми, что были взяты у тебя, когда ты еще жил здесь. Но ты не гражданин Венеры.

— Как это — не гражданин? Здесь родилась моя мать.

— Мм… — Офицер побарабанил пальцами по крышке стола. — Не знаю, я не юрист. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но ведь, когда твоя мать родилась, Республики Венера еще не существовало. Сдается мне, случай твой спорный, и прецедент по нему еще предстоит создать.

— И что мне теперь делать? — медленно спросил Дон.

— Не знаю. Я не уверен, что у тебя вообще есть законное право оставаться здесь.

— А я и не собираюсь. Я тут проездом.

— Что?

— Я здесь проездом, потому что лечу на Марс.

— Вот оно как! Я ознакомился с твоими документами и могу тебе лишь посочувствовать. Давай-ка поговорим серьезно.

— Я лечу на Марс, — упрямо повторил Дон.

— Да, да, конечно! А я после смерти полечу в рай. Ну а до тех пор ты — житель Венеры, хотим мы этого или нет. Несомненно, суд со временем установит, есть ли у тебя местное гражданство. Так вот, мистер Харви, я решил вас не задерживать.

— Как? — испуганно переспросил Дон; ему и в голову не приходило, что его свобода находится под вопросом.

— Да. На мой взгляд, ты не представляешь угрозы для безопасности Венеры, и мне не хочется отправлять тебя в карантин на неопределенный срок. Веди себя прилично и сообщи свой адрес, когда найдешь место, где остановиться. Вот твои документы.

Дон поблагодарил офицера и, подняв с пола сумки, быстро вышел. В коридоре он остановился, чтобы хорошенько почесать зудящие руки.

В доке напротив здания была пришвартована амфибия, ее водитель скучал, сидя за рулем. Дон сказал:

— Простите, пожалуйста, я хотел бы отправить радиограмму. Вы не подскажете, где это можно сделать?

— Ради бога. Отыщи здание МТТ — оно на улице Бьюкенена, это на Большом острове. Ты что, на «Наутилусе» прилетел?

— Верно. А как туда добраться?

— Садись. Минут через пять я отправлюсь. Там есть еще пассажиры?

— Вроде нет.

— По разговору ты что-то не сильно похож на туманоеда. — Водитель посмотрел на Дона.

— Я его наглотался, еще когда был маленьким, — сказал Дон. — Просто я уезжал на несколько лет, в школе учился.

— Успел, значит, в последнюю секунду вернуться?

— Да, пожалуй.

— Повезло тебе. В гостях хорошо, а дома лучше. — Водитель с любовью оглядел сумрачное

небо и темную воду.

Вскоре он завел двигатель и отдал швартовы. Маленькое суденышко двинулось в путь по узким каналам, огибая острова и видневшиеся под водой песчаные отмели. Через несколько минут Дон высадился в начале улицы Бьюкенена, самой крупной магистрали Нью-Лондона, столицы планеты.

У причала слонялось несколько человек, которые тут же стали к нему приглядываться. Двое из них оказались агентами по сдаче квартир; отделавшись от них, Дон двинулся по улице. Здесь толклось немало народу, но сама улица была узкой, кривой и грязной. Сквозь густой туман светили огни рекламы, установленной по обе стороны улицы. Одна из них призывала:

ЗАПИШИСЬ В АРМИЮ СЕГОДНЯ ЖЕ!!!
ТЫ НУЖЕН РОДИНЕ!

Буквы на второй вывеске были гораздо больше:

ПЕЙТЕ КОКА-КОЛУ
НЬЮ-ЛОНДОНСКАЯ РАЗЛИВОЧНАЯ ФАБРИКА

Пройдя по улице несколько сотен ярдов и добравшись почти до другого конца Большого

острова, Дон наконец отыскал то, что нужно. Это было нетрудно, поскольку компания занимала самое большое здание острова. Дон перешагнул через комингс, который ограждал вход, и вошел в местное отделение «Межпланетной телефонной и телевидеокорпорации». За конторкой сидела молодая девушка.

— Я хотел бы отправить радиограмму, — сказал ей Дон.

— Именно этим мы и занимаемся. — Она протянула ему бланк и ручку.

— Спасибо. — Наморщив лоб, Дон принялся составлять текст.

Ему нужно было успокоить родителей, передав им максимум информации, потратив при этом минимум слов. Вскоре он протянул бланк в окошко.

Увидев адрес, девушка вскинула брови, но ничего не сказала. Сосчитав слова и заглянув в справочник, она сказала:

— Сто восемьдесят семь пятьдесят.

Дон отсчитал деньги, при этом с беспокойством подумав, что в бюджете его теперь сильная брешь.

Девушка взглянула на купюры и вернула их Дону обратно:

— Вы что, смеетесь?

— А что такое?

— Да это же деньги Федерации. Хотите, чтобы у меня были неприятности?

— Ох! — Дон вновь почувствовал холодок в животе, ощущение, ставшее для него привычным. — Слушайте, но я ведь только что с «Наутилуса». У меня не было времени обменять деньги. А нельзя послать сообщение наложенным платежом?

— На Марс?

— Что же мне тогда делать?

— Дальше по улице будет банк. На вашем месте я бы сходила туда.

— Да-да, спасибо. — Он протянул руку за своим бланком.

Девушка его остановила:

— Вот еще что: если хотите, можете отправить свою радиограмму. У вас есть две недели, чтобы расплатиться.

— Да? Что ж, спасибо!

— Не стоит. Все равно сообщение отошлют не раньше чем через две недели, и до тех пор вы платить не обязаны.

— Как две недели? Это почему?

— Потому что Марс сейчас находится по ту сторону Солнца. Луч не пройдет. Придется по-

дождать.

— А почему бы не отправить через релейную станцию?

— Идет война — вы что, не заметили?

— Ага. — Дон почувствовал себя дураком.

— Мы по-прежнему принимаем частные сообщения, предназначенные для пересылки по каналу «Земля — Венера» в оба конца — при условии цензуры и возможного изменения текста. Но гарантировать, что ваше сообщение будет передано с Терры на Марс, мы не можем. Если бы у вас был на Земле человек, который мог бы оплатить вторую пересылку…

— Боюсь, это невозможно.

— Впрочем, это может и не иметь значения. Вряд ли Земля стала бы передавать вашу радиограмму, даже согласись кто-нибудь оплатить счет. Цензор Федерации может наложить запрет. Так что давайте мне текст, и я его зарегистрирую. Оплатите потом. — Девушка прочитала сообщение. — Да, пожалуй, вы влипли. Сколько вам лет… — она еще раз посмотрела на бланк, — Дон Харви?

Дон ответил.

— Хмм… А выглядите вы старше. Я старше вас;

похоже, мне придется стать для вас бабушкой. Если потребуется совет, заходите к нам и спросите бабушку Изабел — Изабел Костелло.

— Спасибо вам, Изабел.

— Ну что вы. Это обычная услуга, предоставляемая МТТ. — Девушка улыбнулась.

Дон почувствовал легкое смущение.

Банк располагался почти в самом центре острова — Дон запомнил, когда проходил мимо. На стекле была вывеска: «БАНК АМЕРИКИ И ГОНКОНГА». Надпись была заклеена пластиковой лентой, а внизу написано от руки белой краской: «НЬЮ-ЛОНДОНСКАЯ ТРАСТОВАЯ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОМПАНИЯ». Дон вошел внутрь, встал в самую короткую очередь и уже через несколько минут выкладывал свою просьбу. Кассир указал большим пальцем на стол, который стоял за барьером:

— Туда.

За столом сидел пожилой китаец в длинном черном халате. Дон подошел поближе, китаец поднялся на ноги, поклонился и спросил:

— Чем могу быть полезен, сэр?

Дон объяснил, чего хочет, и положил на стол банкира пачку купюр. Китаец, не прикасаясь к деньгам, осмотрел их и ответил:

— Мне очень жаль, но…

— Что такое?

— Вы пропустили срок законного обмена денег Федерации на валюту Республики.

— Но я не мог раньше! Я только что прилетел!

— Очень жаль. Но правила составляю не я.

— И что же мне делать?

Банкир на мгновение смежил веки:

— В этом несовершенном мире всем нужны деньги. Вы можете что-нибудь оставить в залог?

— Нет. Кажется, нет. У меня только одежда да вот еще эти сумки.

— Какие-нибудь драгоценности?

— У меня есть кольцо, но, наверно, оно недорого стоит.

— Дайте посмотреть.

Дон снял кольцо, присланное ему доктором Джефферсоном, и протянул старику. Китаец вставил в глаз часовую лупу и осмотрел кольцо.

— Боюсь, вы правы. Это даже не янтарь — простой пластик. И все же пусть оно будет символом залога — обязательство честного человека надежнее всяких цепей. Я дам под это кольцо пятьдесят кредитов.

Дон взял у него кольцо обратно и на мгновение заколебался.

Должно быть, оно не стоило и десятой части того, что давал старик… Да еще желудок настойчиво давал о себе знать. И все же мать потратила по меньшей мере вдвое больше, чтобы быть уверенной, что кольцо (или бумага, в которую оно было завернуто, поправил себя Дон) дойдет до него, да и гибель доктора Джефферсона как-то связана с этой безделкой.

Он надел кольцо на палец:

— Это было бы нечестно. Уж лучше я поищу работу.

— У вас есть гордость. В любом молодом и растущем городе всегда можно найти занятие; желаю вам удачи. Найдете работу — приходите, и мы откроем кредит под ваши будущие заработки. — Банкир покопался в складках своего халата и извлек оттуда бумажку в один кредит. — Но сначала поешьте, решения лучше принимать на сытый желудок. Окажите мне честь принять эти деньги как подарок человеку, впервые переступившему порог нашего банка.

Гордость его ответила «нет», но желудок кричал «да!». Дон взял кредит и сказал:

— Спасибо! Это так любезно с вашей стороны! Я отдам его при первой возможности.

— Лучше передайте его тому ближнему, кото-

рый больше всего будет нуждаться.

Банкир нажал на столе кнопку и поднялся на ноги.

Дон еще раз поблагодарил его и ушел.

У дверей банка болтался какой-то человек. Пропустив Дона немного вперед, он пошел следом. Занятый своими мыслями, Дон не обратил на него внимания. Постепенно в Дона начинало закрадываться подозрение, что почва уходит у него из-под ног, прежний его мир рухнул и возврата назад нет. Всю жизнь он прожил в безопасности. Он никогда не испытывал на своей шкуре, не переживал эмоционально ту простую основополагающую истину, что весь род человеческий живет в непрерывной борьбе за существование, иногда побеждая, но гораздо чаще проигрывая — и погибая. Но никогда не прекращая борьбы. Пройдя по грязной улице сотню ярдов, Дон слегка воспрянул духом и попытался оценить положение. Он был в ста миллионах миль от того места, куда направлялся. И у него не было ни малейшей возможности сообщить о себе родителям, и дело тут даже не в двух неделях ожидания — просто он оказался на мели и не может заплатить по высшему тарифу.

Без денег, голодный, без крыши над головой…

ни друзей, ни даже знакомых… если не считать Сэра Исаака, но его приятель-дракон мог оказаться где угодно, хоть на другой стороне планеты. Уж во всяком случае, не так близко, чтобы с его помощью решить вопрос с яичницей с ветчиной!

Дон решил снять на время эту проблему при помощи купюры, полученной от банкира. Он вспомнил о ресторанчике, который заметил в двух шагах позади, и резко остановился. Сзади на него налетел человек.

— Извините, — сказал Дон прохожему, заметив, что тот был тоже китаец. Он не удивился — едва ли не половина рабочих, завербованных в первые годы существования колонии на Венере, были выходцами с Востока. Дону показалось, что лицо человека ему знакомо, — может быть, это один из пассажиров, летевших вместе с ним на «Наутилусе»? Но потом он вспомнил, что видел этого человека на причале в начале улицы.

— Это я виноват, — сказал тот. — Нужно было смотреть под ноги. Простите, что я вас ушиб.

Незнакомец улыбнулся еще более обаятельно.

— Ничего страшного, — отозвался Дон. — А виноват я. Просто решил вернуться назад, ну и…

— В банк?

— Куда?

— Это не мое дело, но я видел, как вы выходили из банка.

— Вообще-то, — ответил Дон, — я не собирался обратно в банк. Я искал какой-нибудь ресторан и вспомнил, что видел поблизости что-то похожее.

Мужчина посмотрел на его сумки:

— Только что прибыли?

— Да, на «Наутилусе».

— Не советую идти в тот ресторан — разве что у вас есть лишние деньги, которые не жаль выкинуть на ветер. Это заведение — обыкновенная ловушка для туристов.

Дон вспомнил про свою единственную бумажку в один кредит и забеспокоился:

— А можно где-нибудь перекусить подешевле? Приличное дешевое кафе?

Человек подхватил его под руку:

— Я вас провожу. Тут есть одно заведение на берегу. Хозяин — мой двоюродный брат.

— Я не хотел бы вас беспокоить…

— Ерунда. Я и сам как раз собирался подкрепить своего внутреннего человека. Кстати, меня зовут Джонни Линг.

— Рад познакомиться, мистер Линг. Я — Дон Харви.

Ресторанчик располагался в тупичке в самом

начале улицы Бьюкенена. На вывеске было написано:

ОБЕДЕННЫЙ ПАВИЛЬОН ДВУХ МИРОВ
Отдельные столики для дам
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ,
КОСМИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ!

Трое толкунов стояли у входа, принюхиваясь к запахам и прижимаясь судорожно подергивающимися носами к стеклянной двери. Джонни Линг отпихнул их в сторону и открыл перед Доном дверь.

За стойкой стоял толстый кантонец, управлявшийся с кассовым аппаратом, а заодно с плитой.

— Привет, Чарли! — закричал Джонни.

— Здорово, Джонни, — отозвался толстяк и быстро затараторил, сыпля проклятиями и свободно мешая кантонский диалект китайского, английский, португальский и приправляя все это языком свиста. Одному толкуну удалось проскользнуть, когда дверь была открыта, и он устремился к стойке с пирожками, топоча копытцами по полу. Чарли с удивительным для его габаритов проворством рванулся вперед, ухватил грегариана за ухо и вытолкал воришку наружу. Потом, продолжая ругаться, подошел к стойке,

взял кусок черствого пирога и вернулся к двери. Он бросил его маленьким фавнам, и те, блея и хныча, устроили из-за пирога свалку.

— Если бы ты их не прикармливал, Чарли, — сказал Джонни, — они бы к тебе не лезли.

— Не твоего ума дело!

Несколько клиентов работали челюстями у стойки, на случившееся они и внимания не обратили. Линг придвинулся к толстяку поближе и спросил:

— Задняя комната свободна?

Чарли кивнул и повернулся к нему спиной. Линг провел Дона в маленький кабинет, расположенный в глубине ресторанчика. Усевшись, Дон взял меню и принялся его изучать, прикидывая, что он может заказать на один кредит. Линг забрал у него карточку:

— Давай-ка я сам закажу. Чарли и вправду отличный повар.

— Но…

— Вы мой гость. Нет, не спорьте, я настаиваю.

В этот миг появился Чарли, неслышно вынырнув из-за прикрывающей вход портьеры. Они с Лингом быстро обменялись несколькими фразами по-китайски, и Чарли вышел, но вскоре вернулся с горячими хрустящими блинчиками с

мясом. Почуяв восхитительный запах, желудок Дона положил конец всяким протестам.

Вслед за блинчиками последовало основное блюдо. Такого Дон еще никогда не пробовал. Это была китайская кухня, но, уж во всяком случае, не дежурное кушанье из какой-нибудь забегаловки. Дону почудилось, что он уловил привкус венерианских овощей, какие пробовал еще в детстве, но полной уверенности не было. Что бы там ни было, оно было именно тем, что нужно: Дон почувствовал согревающее ощущение сытости и выбросил из головы тревожные мысли.

За едой он, сам того не заметив, принялся рассказывать Лингу о своей жизни, в особенности о том, что так неожиданно привело его на Венеру. С этим человеком было легко разговаривать, к тому же Дону казалось невежливым просто сидеть и молча уплетать угощение.

Вскоре Линг откинулся в кресле и вытер рот.

— Тебе пришлось немало пережить, Дон. Это уж точно. Что ты собираешься теперь делать?

Дон нахмурился:

— Если б я знал! Мне нужно найти работу — все равно какую — и место для сна. Нужно наскрести, заработать, занять — словом, где-нибудь найти денег, чтобы дать знать своим старикам. А то они

будут беспокоиться.

— Но у тебя ведь были какие-то деньги?

— Да, только деньги Федерации. Здесь они ничего не стоят.

— А Дядюшка Том не захотел их обменять. У старика каменное сердце, при всех его улыбочках. В глубине души он так и остался ростовщиком.

— Дядюшка Том? Так этот банкир — ваш дядя?

— Нет, конечно, это просто так говорится. Он еще в давние времена основал здесь что-то вроде ломбарда, в котором первопроходцы закладывали свои счетчики Гейгера. Постепенно он прибирал к рукам все их имущество. Вскоре он завладел едва ли не половиной всех здешних рудников и заделался банкиром. Но мы по-прежнему зовем его «Дядюшка Том».

Дон подумал, а не слишком ли настойчиво Джонни упирает на то, что к банкиру он никакого отношения не имеет, но задерживаться на этой мысли не стал — ему-то, собственно, какое до этого дело. Линг продолжал:

— Знаешь, Дон, а ведь на банке свет клином не сошелся. Деньги Федерации можно обменять и не только там.

— О чем это вы?

Линг обмакнул палец в лужицу и начертил на

столешнице знак универсального кредита.

— Разумеется, банк — единственное место, где можно обменять деньги законно. Но тебя это разве беспокоит?

— Ну…

— Только не думай, что обмен денег — это что-то дурное. Принимая соответствующий закон, власти не спрашивали твоего мнения. А ведь деньги-то твои.

— Думаю, вы правы.

— Деньги твои, и ты можешь поступать с ними, как тебе хочется. Надеюсь, ты понимаешь, что все это — строго между нами?

— Понимаю.

Дон молчал, и Линг заговорил снова:

— А теперь поговорим чисто гипотетически: сколько у тебя с собой денег Федерации?

— Около пяти сотен кредитов.

— Покажи-ка.

Дон помедлил. Линг нетерпеливо сказал:

— Ну, в чем дело? Неужели ты мне не доверяешь? В конце концов, это всего лишь пустые бумажки.

Дон вытащил деньги. Глянув на них, Линг вынул бумажник и принялся отсчитывать купюры.

— Банкноты у тебя слишком крупные, трудно

будет избавиться, — заявил он. — Как насчет пятнадцати процентов?

Деньги, которые он выложил на стол, выглядели точь-в точь как те, что были у Дона, за одним-единственным исключением — на них была надпечатка: «Республика Венера».

Дон быстро прикинул в уме. Пятнадцать процентов — это семьдесят пять кредитов, то есть меньше половины той суммы, которую он должен был заплатить за радиограмму на Марс. Он собрал свои деньги и принялся запихивать их в бумажник.

— В чем дело?

— Мне это не подходит. Я сказал вам, что для отправки радиограммы нужно сто восемьдесят семь с половиной.

— Ладно: двадцать процентов. Я делаю тебе скидку только потому, что ты молод и попал в беду.

Двадцать процентов — это всего лишь сотня.

— Нет.

— Да ты сам-то подумай! Я смогу их толкнуть на десять, ну от силы на двадцать процентов дороже, а могу оказаться в прогаре. Сейчас рост, деньги в обороте приносят восемь процентов. А эти придется пока припрятать, значит я буду

ежегодно терять на них восемь процентов. Если война затянется, это будет чистый убыток. Ты что, думал, тебе предложат больше?

Теория финансового обращения была выше понимания Дона; он знал лишь, что его не интересует сумма, меньшая той, которая необходима для отправки радиограммы на Марс. Он покачал головой.

Линг пожал плечами и собрал свои деньги:

— Дело твое. Кстати, у тебя очень красивое кольцо.

— Спасибо.

— Сколько, ты сказал, тебе нужно?

Дон повторил.

— Понимаете, мне просто нужно послать сообщение семье, а больше мне деньги ни на что не нужны, я могу работать.

— Я взгляну на кольцо, не возражаешь?

Дону не очень-то хотелось выпускать кольцо из своих рук, но отказ прозвучал бы слишком грубо. Джонни нацепил кольцо себе на костлявый палец, на котором оно болталось почти свободно.

— О, точь-в-точь мой размер. И буковка как раз для меня.

— Как это?

— Мое второе имя ведь — Хэл. Короче говоря,

Дон, я серьезно хочу тебе помочь. Давай сойдемся на двадцати процентах, и я плачу тебе за кольцо остаток суммы, чтобы тебе хватило оплатить сообщение. Идет?

Дон и сам не мог объяснить, чем ему это предложение не по душе. Линг почему-то перестал ему нравиться, и Дон уже начал жалеть о том, что вообще пошел с ним обедать. И тут ему пришла в голову мысль.

— Это фамильная реликвия, — сказал он. — Кольцо не продается.

— Вот как? По-моему, в твоем положении не до сантиментов. Здесь кольцо стоит дороже, чем на Земле, а я даю тебе даже больше, чем оно стоит. Не будь дураком!

— Я знаю, что вы предлагаете больше, хотя с чего это вдруг — непонятно, — ответил Дон. — Как бы то ни было, кольцо не продается. Верните его.

— А если я не верну?

Дон глубоко вздохнул.

— Тогда, — медленно сказал он, — видимо, мне придется с вами драться.

Линг помедлил, глядя ему в глаза, затем снял кольцо и уронил его на стол. Потом, не сказав ни слова, вышел из кабинета.

Дон смотрел ему вслед, стараясь понять, что

же все-таки происходит. Он так и сидел, задумавшись, когда портьера откинулась, вошел хозяин ресторана и бросил на стол счет.

— Один кредит шесть центов, — бесстрастно объявил Чарли.

— Разве мистер Линг не заплатил? Он же пригласил меня с ним пообедать.

— Один кредит шесть центов, — повторил Чарли. — Вы ели, вы и платите.

Дон поднялся на ноги:

— Где тут у вас моют посуду? Я могу приступить прямо сейчас.

9. «Гробовые деньги»

Еще не настала ночь, а работа мойщика посуды, которую выполнял Дон, чтобы заплатить за обед, похоже, сделалась для него постоянной. Дон подсчитал, что при такой оплате ему потребуется как минимум вечность, чтобы наскрести достаточно денег и отправить радиограмму родителям, но кормили зато трижды в день, а еда у Чарли была выше всяких похвал. Несмотря на внешнюю грубость, сам Чарли оказался, в общем-то, неплохим человеком. О Джонни Линге он высказался витиевато и весьма пренебрежительно, исполь-

зуя тот же едкий lingua franca[44], на котором общался с толкунами. Он также отрицал всякие родственные отношения с Лингом, вместо этого приписывая Лингу отношения того сорта, что кажутся для людей маловероятными.

Когда последний посетитель ушел, а последняя тарелка была вымыта и вытерта, Чарли постелил Дону на полу в той самой задней комнате, где тот обедал. Раздевшись и улегшись в постель, Дон вспомнил, что надо бы позвонить в отдел безопасности порта и сообщить свой адрес.

«Успеется, позвоню завтра», — подумал он, засыпая; к тому же в ресторане не было телефона.

Дон проснулся от ощущения тяжести. В комнате было темно. На какой-то жуткий миг ему показалось, что кто-то навалился на него сверху и хочет ограбить. Окончательно проснувшись, Дон вспомнил, где он, и понял, что было причиной испуга. Толкуны. Два зверька забрались к

---

[44] Примечания: 44

Франкский язык *(ит.)*. Ранее обозначал смешанный язык, сложившийся в Средние века в районе Средиземноморья (Левант) на основе французской, прованской, итальянской лексики и служивший средством общения — главным образом торгового — арабских и турецких купцов с европейскими, которых в Леванте всех подряд именовали франками (откуда и пошло название). В современном понимании означает функциональный тип языка, который используется в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов.

нему в постель: один приткнулся Дону к спине и обхватил за плечи; второй калачиком свернулся в ногах. Оба тихонько посапывали. Видно, кто-то зазевался, и они проскользнули в открытую дверь.

Дону стало смешно: нашел кого испугаться. Да на этих ласковых тварей и рассердиться-то было всерьез нельзя. Он почесал между рожек того из них, что был ближе:

— А ну-ка, детки, это моя постель! Убирайтесь отсюда, пока я не разозлился.

Незваные гости что-то проблеяли и лишь теснее прижались к Дону. Тот поднялся и, взяв их за уши, вытолкал за портьеру.

— И не вздумайте возвращаться!

Они оба очутились в постели раньше, чем Дон.

Дон подумал и решил их оставить. Все равно в комнате не было двери, чтобы закрыться. Конечно, можно вывести их на улицу, но в доме было темно, Дон плохо знал обстановку и понятия не имел, где здесь включается свет. Будить Чарли тоже не хотелось. К тому же вреда от них в постели не было никакого: толкун — зверек маленький, чистый, — во всяком случае, ничем не хуже собаки, свернувшейся в ногах у хозяина. Даже лучше, ведь на собаках бывают блохи.

— Ну-ка подвиньтесь, — велел он. — А мне спать где прикажете?

Уснуть удалось не сразу; Дона все еще тревожил прошлый кошмар.

Он сел, всматриваясь в темноту, и нащупал деньги, которые убрал под матрац. Затем он вспомнил о кольце и, чувствуя себя полным идиотом, натянул носок и как можно глубже засунул туда свою драгоценность.

Скоро все они уже дружно спали.

Дона разбудило испуганное блеяние над ухом. В следующее мгновение все смешалось. Он уселся, пробормотав: «Да заткнитесь, вы!» — и хотел шлепнуть соседа, но тут же почувствовал, как его запястье сжимает чья-то рука — не крохотная четырехпалая лапка толкуна, а рука человека.

Дон пнул ногой, угодив при этом во что-то мягкое. Кто-то крякнул, рядом снова заблеяли, на этот раз испуганнее, чем раньше, и по полу зацокали копытца. Дон ударил еще, едва не сломав большой палец на ноге; рука, что его держала, разжалась. Послышались возня и громкое блеяние толкунов. Вскочив на ноги, Дон отпрянул назад. Шум утих, но он продолжал всматриваться в темноту, пытаясь понять, что же случилось. В этот миг вспыхнул ослепительный свет, и он уви-

дел в дверях Чарли: в халате, в руках — огромный блестящий топор.

— Что с тобой? — сердито спросил Чарли.

Дон постарался как можно доходчивее рассказать хозяину обо всем — о толкунах, о ночных кошмарах, о хватающей в темноте руке.

— Есть надо перед сном меньше, — ответил на это Чарли, но на всякий случай обыскал помещение.

Дон следовал за ним по пятам.

Увидев на окне сломанный шпингалет, Чарли ничего не сказал и тут же пошел проверять кассу и сейф. Похоже, там ничего не тронули. Чарли прибил сломанный шпингалет, выставил толкунов на улицу и сказал Дону:

— Иди спать, — и отправился к себе в комнату.

Дон попытался заснуть, но прошло немало времени, прежде чем он сумел успокоиться. Деньги и кольцо были на месте. Кольцо он надел на палец и уснул, сжав руку в кулак.

Наутро у Дона было достаточно времени на размышления, пока он разбирался с нескончаемым потоком грязной посуды. Мысль о кольце не выходила из его головы. С пальца Дон его снял — не только потому, что не хотел держать в горячей воде, но и потому, что опасался выставлять

его напоказ.

Неужели вору нужно было кольцо, а не деньги? Это ни в какие ворота не лезло — охотиться за безделушкой ценой в полкредита! Ну, может быть, в пять кредитов, поправился он, ведь здесь, на Венере, все стоит дороже. Но уж во всяком случае, больше чем на десятку оно не тянуло явно.

Дон начал думать, что все это неспроста: уж слишком много людей интересовались колечком. Дон вспомнил, как развивались события. Доктор Джефферсон рискнул жизнью — и погиб — ради того, чтобы кольцо попало на Марс. Это казалось нелепым, вот почему Дон, логически поразмыслив, решил, что он должен был доставить родителям бумагу, в которую было завернуто кольцо. К тому же этот вывод подтвердили действия сотрудников службы безопасности, отобравших при обыске упаковочную бумагу.

Предположим, что, как бы дико это ни выглядело, дело именно в нем — в кольце. Но даже если и так, то с какой стати кольцо могло кому-то понадобиться на Венере? Мало того что он сам только что прибыл — он даже не предполагал, что попадет в эти края.

Дон без труда придумал бы сотню способов, как сведения о его прибытии могли просочиться

сюда, но подобные мысли просто не пришли ему в голову. Более того, он даже представить себе не мог, что кто-то станет интересоваться его особой.

Но чего ему явно было не занимать, так это упрямства. И, обращаясь к мойке, он дал страшную клятву, что, несмотря ни на что, попадет на Марс и, как его просил Джефферсон, передаст это кольцо отцу.

К середине дня поток клиентов наконец схлынул, и Дон расправился с последней тарелкой. Вытерев руки, он заявил Чарли:

— Мне нужно сбегать в город на какое-то время.

— Что такое? Уже отлыниваешь?

— Мы сегодня вечером работаем?

— Еще бы. У меня здесь не чайный домик.

— Так вот: я работаю утром и вечером, и в середине дня мне нужен небольшой перерыв. Тех тарелок, что я намыл, вам на несколько часов хватит.

Чарли пожал плечами и отвернулся. Дон вышел.

По грязным, запруженным людьми улицам он пробрался к зданию МТТ. Клиентов в зале было немного — в основном они разговаривали по телефону или дожидались своей очереди у кабин.

Изабел Костелло сидела у себя за конторкой и, похоже, была не особенно занята работой, хотя у окошка и торчал какой-то солдат. Дон отошел к дальнему концу стойки и стал ждать, когда она освободится.

Вскоре Изабел отделалась от солдата и подошла к Дону:

— Да не мой ли это трудный ребеночек? Как дела, малыш? Поменял свои деньги?

— Нет, в банке их не приняли. Придется забрать у вас мою радиограмму.

— Не спеши: с Марсом все равно пока связи нет. Может, еще разбогатеешь.

Дон невесело рассмеялся:

— Вряд ли! — и рассказал девушке, где и кем он работает.

Изабел кивнула:

— Могло быть хуже. Старина Чарли — неплохой человек, но в той части города небезопасно. Будь осторожен, Дон, особенно по ночам.

— Постараюсь. Изабел, ты не поможешь мне в одном деле?

— Если ты не попросишь чего-нибудь невозможного, незаконного или скандального — что ж, пожалуйста.

Дон выудил из кармана кольцо:

— Ты не могла бы подержать у себя вот это? Спрятать куда-нибудь, пока я за ним не приду?

Она взяла кольцо, подняла к глазам и стала его рассматривать.

— Осторожно! — предупредил Дон. — Его нельзя никому показывать.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что оно у тебя. Спрячь.

— Ну ладно.

Девушка вышла. Вернулась она уже без кольца.

— К чему такая таинственность, Дон?

— Я бы и сам хотел это знать.

— Вот как?

— Ни о чем больше меня не спрашивай. Я только хочу, чтобы ты его сохранила. Кто-то пытается его у меня отнять.

— Но… слушай-ка, это на самом деле твое кольцо?

— Да. Это все, что я могу сказать.

Изабел всмотрелась в его лицо:

— Ладно, Дон. Я о нем позабочусь.

— Спасибо.

— Надеюсь, все будет хорошо. Кстати: загляни как-нибудь еще раз. Я хочу познакомить тебя с

управляющим.

— Хорошо.

Изабел отошла и занялась клиентом. Дон подождал, пока освободится кабинка, позвонил в отдел безопасности космопорта и сообщил адрес. Покончив с делами, он вернулся к своим тарелкам.

Была почти полночь, и через руки Дона прошла уже не одна сотня тарелок, когда Чарли выпроводил последнего посетителя и запер двери. Они вместе уселись за поздний ужин. Один ел палочками, второй — вилкой. Дон так устал, что еда застревала в горле.

— Чарли, — спросил он, — как ты управлялся здесь в одиночку?

— Было двое работников, но оба завербовались. Мальчики теперь не хотят работать, у них одно на уме — поиграть в солдатики.

— Выходит, я работаю за двоих? Слушай, а не нанять ли тебе еще одного помощника, а то, глядишь, и я захочу в армию.

— Работать лучше.

— Может, и лучше. Это ты по себе судишь: я еще ни разу не встречал человека, который бы так много работал.

Чарли откинулся на стуле и скрутил сигарету

из местной «балдежной травы».

— Я работаю и думаю о том дне, когда вернусь обратно домой. У меня будет маленький садик, ограда. Маленькая птичка, которая будет для меня петь. — Он разогнал рукой клубы дыма и показал на обшарпанные стены. — Когда я готовлю, я всего этого не вижу. Я вижу свой маленький садик.

— А…

— Я коплю деньги, чтобы вернуться домой. — Он глубоко затянулся. — Я вернусь домой — живой или в гробу.

Дон понял, о чем идет речь; еще в детстве он слышал о «гробовых деньгах». Все иммигранты-китайцы надеялись вернуться домой, но чаще всего туда отправляли контейнер с гробом. Молодые китайцы, родившиеся на Венере, смеялись над этим обычаем: их домом была Венера, а Китай они воспринимали как набившую оскомину сказку.

Он решил рассказать Чарли о своих злоключениях и сделал это, тщательно избегая упоминаний о кольце и всем, что было с ним связано.

— Как видишь, я так же сильно хочу на Марс, как ты — в Китай.

— До Марса далеко.

— Далеко. И все равно я должен туда добраться.

Чарли докурил сигарету и встал:

— Держись Чарли. Трудись как трудишься, и я возьму тебя в долю. Когда-нибудь вся эта чушь с войной кончится, и мы оба отправимся куда хотим. — Он повернулся и собрался уходить. — Доброй ночи.

— Доброй ночи.

На этот раз Дон лично проверил, не забрались ли к ним опять толкуны, и только потом отправился к себе спать. Уснул он быстро. Всю ночь он карабкался по горам, которые были сложены из тарелок, и не было им ни конца ни края. А где-то далеко-далеко светил Марс.

Дону еще повезло, что в ресторанчике нашелся закуток, в котором он мог ночевать: город трещал по швам от наплыва людей. Даже до политического кризиса, превратившего Нью-Лондон в столицу нового государства, город был весьма оживленным местом — торговым центром для раскиданных на миллионы квадратных миль селений и главным космопортом планеты. С началом войны было de facto введено эмбарго на межпланетную торговлю, что со временем могло заставить город затянуть пояс потуже, но недав-

ние события коснулись пока только застрявших в городе космонавтов, которые слонялись по улицам в поисках развлечений.

Но космонавты были почти незаметны, куда более многочисленны были политики. На Губернаторском острове, отделенном лиманом от Большого, проходила сессия Генеральных штатов новой Республики. Рядом, в бывшей губернаторской резиденции, расположились глава государства, глава правительства и его министры.

Последние немедленно устроили шумную склоку из-за помещений и секретарей. Волна бюрократии хлынула оттуда и на Большой и Южный острова, Восточную косу и остров Могильного камня. Началась грызня за дома и участки, и цены на землю подскочили до головокружительной высоты. Вслед за государственными мужами и чиновниками, занявшими выборные посты, ринулась куда более многочисленная мелюзга и всевозможные прихлебатели — клерки, которые что-то делали, и специальные помощники, которые не делали ничего, разнообразные спасители мира, люди, несущие в мир *послания*, лоббисты «за» и лоббисты «против», люди, заявлявшие, что представляют интересы местных драконов, но не

удосужившиеся выучить язык свиста, и драконы, которые вполне могли представлять свои интересы сами, что они и делали.

Как ни странно, Губернаторский остров не утонул под такой тяжестью.

К северу от столицы, на острове Бьюкенена, вырастал новый город — учебные лагеря Воздушных сил и Сухопутных войск Республики. Генеральные штаты выражали озабоченность этим фактом: мол, устройство военной базы под самым боком столицы есть не что иное, как приглашение к национальному самоубийству, поскольку одна водородная бомба может стереть в пыль и правительство, и большую часть Вооруженных сил Венеры — и тем не менее все оставалось по-прежнему. Военные выдвигали тот довод, что личному составу необходимо обеспечить досуг, а если построить лагеря на безлюдье, солдаты дезертируют и разбегутся по своим фермам и шахтам.

Многие и вправду подались в дезертиры. А тем временем Нью-Лондон прямо-таки кишел солдатами. В «Обеденном павильоне Двух миров» было не протолкнуться с утра до ночи. Старина Чарли метался от плиты к кассе, а руки Дона не просыхали от горячей воды и моющих средств.

Как только освобождалась минутка, он бежал в пристройку набить топку котла маслянистыми поленьями дерева чика, которые приносил дракон по имени Маргаритка (несмотря на имя, дракон был самец). Греть воду электричеством вышло бы, конечно, дешевле: электроэнергия была побочным продуктом атомного реактора, расположенного от города к западу, и доставалась практически задарма. Но электрооборудование стоило бешеных денег, да и достать его было практически невозможно.

Такие обычные для фронтира контрасты встречались в Нью-Лондоне на каждом шагу. Грязные неасфальтированные городские улицы освещались электроэнергией от атомных станций. Челноки на воздушно-реактивной тяге связывали город с другими поселениями, но в городской черте жители большей частью передвигались на своих двоих, а транспорт — такси и метро — заменяли гондолы. Некоторые из них были механизированы, но в основном приводились в движение с помощью человеческих мускулов.

Нью-Лондон был уродливым, неудобным, недостроенным городом, но жизнь в нем бурлила. Шумный, буйный стиль этого места нравился Дону гораздо больше, чем оранжерейная роскошь

Нью-Чикаго. Он был столь же оживленным, как корзина, полная щенков, и столь же энергичным, как удар в челюсть. В самом воздухе витали новые веяния, новые надежды и новые проблемы…

Проработав в ресторане неделю, Дон ощущал себя так, будто работает здесь всю жизнь. Несчастным он себя не чувствовал, нет. Конечно, работа была нелегкой, и он по-прежнему был настроен добраться до Марса — не сейчас, но со временем, — а пока он хорошо спал, хорошо ел, не болтался без дела… К тому же вокруг было полно собеседников, с кем можно было поговорить, поспорить, — космонавты, гвардейцы, политики, те, что помельче, — словом, самый обычный люд, которому были не по карману заведения другого ранга. Заведение Чарли вскорости превратилось в клуб, где кипели политические дебаты, оно стало агентством городских новостей, фабрикой слухов. Сплетня, родившаяся за тарелкой приготовленного Чарли кушанья, частенько уже назавтра появлялась на первых полосах нью-лондонской «Таймс».

Дон пользовался вытребованным у Чарли правом на послеобеденный отдых, даже если у него не намечалось никаких особенных дел. Когда Изабел была не слишком занята, он водил ее в

кафе напротив выпить по стаканчику кока-колы; девушка до сих пор оставалась его единственным другом вне ресторанных стен. Как-то раз Изабел сказала:

— Давай-ка зайдем ко мне. Я хочу познакомить тебя с управляющим.

— Зачем?

— Это насчет твоей радиограммы.

— Да, конечно, я и сам собирался, но сейчас это не имеет смысла. Денег у меня все равно нет. Придется недельку подождать, а там я, может быть, попрошу в долг у Старины Чарли. Думаю, Чарли даст, чтобы я не бросил работу, — другого-то на мое место он еще набегается искать.

— Ничего у тебя не получится — лучше найди другую работу. Пойдем.

Девушка пропустила Дона за стойку, провела в заднюю комнату и представила пожилому человеку с озабоченным лицом.

— Это Дон Харви, тот самый молодой человек, о котором я говорила.

Мужчина протянул руку:

— Да-да, что-то насчет радиограммы на Марс. Кажется, дочь мне об этом говорила.

Дон обернулся к Изабел:

— Дочь? Ты мне не сказала, что управляющий

— твой отец.

— Ты меня не спрашивал.

— Но… впрочем, неважно. Рад с вами познакомиться, сэр.

— Взаимно. Так вот насчет этой радиограммы…

— Я и сам не понимаю, зачем Изабел привела меня сюда. Я не могу заплатить. У меня только деньги Федерации.

Мистер Костелло озабоченно рассматривал свои ногти.

— Мистер Харви, в соответствии с правилами мы осуществляем межпланетную связь только за наличный расчет. Я был бы не прочь взять купюры Федерации, но не имею права: это нарушение закона. — Он уставился в потолок. — Разумеется, на черном рынке деньги Федерации имеют хождение…

Дон печально усмехнулся:

— Знаю. Но пятнадцать — двадцать процентов — слишком низкий для меня курс. Мне не хватит, чтобы расплатиться за радиограмму.

— Двадцать процентов? Текущий курс — шестьдесят!

— Правда? Должно быть, меня посчитали круглым дураком.

— Это неважно. Я вовсе не собирался советовать вам отправиться на черный рынок, мистер Харви. Во-первых, потому, что сам нахожусь в непростом положении, представляя компанию, принадлежащую Федерации и до сих пор не экспроприированную. И вместе с тем я вполне лояльный гражданин Республики. Если вы сейчас уйдете и вернетесь с деньгами Республики, я должен буду сообщить в полицию.

— Папа! Ты не сделаешь этого!

— Помолчи, Изабел. Во-вторых, молодому человеку негоже впутываться в такие дела. — Он помолчал. — Но мы, возможно, найдем способ выйти из создавшегося положения. Ведь ваш отец не отказался бы оплатить такую радиограмму?

— Еще бы!

— Но я не могу отправить ее наложенным платежом. Что ж, пишите переводной вексель на имя вашего отца, и я приму его в качестве оплаты.

Дон ответил не сразу, а сначала обдумал предложение. Казалось, это то же самое, что отправить сообщение наложенным платежом, — против этого он ничего не имел, — но делать долги от имени отца без его согласия Дону не хотелось.

— Послушайте, мистер Костелло, ведь вы еще очень долго не сможете предъявить вексель к

оплате — так почему бы мне не оставить долговую расписку, по которой я расплачусь как можно быстрее? Может быть, так будет лучше?

— И да и нет. Принять вашу расписку попросту означает отправить ваше межпланетное сообщение в кредит, а это запрещено правилами. С другой стороны, переводной вексель на имя вашего отца представляет собой финансовый документ, который равноценен наличной сумме, даже если я не могу получить деньги немедленно. Согласен, все это тонкости космического права, но ими и определяется разница между тем, что я могу и что не могу сделать, следуя правилам корпорации.

— Спасибо, — медленно произнес Дон, — но, думаю, я подожду, пока смогу занять деньги в другом месте.

Мистер Костелло перевел взгляд с Дона на Изабел и беспомощно пожал плечами.

— Ладно, пишите расписку, — отрывисто сказал он. — Пишите на мое имя, а не на компанию. Запла́тите, как только сможете. — Он еще раз глянул на дочь, которая в ответ одобрительно улыбнулась.

Дон составил расписку. Как только они с Изабел отошли достаточно далеко, чтобы отец девушки

их не услышал, Дон сказал:

— Это очень щедро с его стороны.

— Подумаешь! — ответила девушка. — Это всего лишь показывает, как далеко может зайти заботливый папочка, чтобы его дочка не упустила своего шанса.

— Что? Что ты хочешь сказать?

Изабел улыбнулась:

— Ничего. Бабушка Изабел просто тебя разыгрывает. Не бери в голову.

Он улыбнулся:

— Куда же мне тебя повести? Пойдем к «Голландцу», выпьем по кока-коле?

— Уговорил.

Когда Дон вернулся в ресторан, он обнаружил груду немытых тарелок и вдобавок жаркую дискуссию по поводу обсуждаемого Штатами законопроекта о воинской повинности. Дон навострил уши: если будет всеобщая мобилизация, его загребут точно, и надо бы их опередить, записавшись в Космическую гвардию добровольцем. Совет Макмастерса относительно «единственного способа попасть на Марс» крепко засел у него в голове.

Большинство спорщиков одобряли проект, и Дон тоже не возражал; проект казался ему дель-

ным, несмотря на то что он сам подпадал под его действие. Один спокойный невысокий человек, до сих пор молча слушавший окружающих, откашлялся и сказал:

— Повинности не будет.

Последний оратор, второй пилот, до сих пор носивший на воротничке три глобуса, удивился:

— С чего бы это? Откуда тебе-то знать, коротышка?

— Я побольше вашего знаю. Позвольте представиться: сенатор Оллендорф от провинции Куи-Куи. Во-первых, воинская повинность нам не нужна; сам характер нашего конфликта с Федерацией не требует большой армии. Во-вторых, у нашего народа не тот темперамент, чтобы мириться с повинностью. В ходе процесса выборочной иммиграции здесь у нас, на Венере, сложилась нация упрямых индивидуалистов, почти анархистов. Они не примут принудительного призыва. В-третьих, налогоплательщики не одобрят большую армию; у нас и так больше добровольцев, чем мы можем содержать. И наконец, я и мои коллеги собираемся похоронить проект соотношением голосов три к одному.

— Послушайте, любезный, — словно жалуясь, спросил пилот, — зачем было называть три пер-

вые причины?

— Я просто репетировал свою завтрашнюю речь, — ответил сенатор. — Кстати, сэр, если вы так уж болеете за призыв, то отчего вы не вступили в Космическую гвардию? У вас, очевидно, вполне подходящая квалификация.

— Что ж, я отвечу, так же как ответили вы. Первое, или во-первых, я — не местный, так что война эта не моя. Во-вторых, сейчас у меня первый отпуск с тех пор, как прекратили полеты кораблей класса «Комета». А в-третьих, я завербовался вчера и теперь пропиваю свой аванс. С вас довольно?

— Разумеется, сэр! Позвольте вас угостить.

— Вам следовало бы знать, что Старина Чарли подает только кофе. Так что возьмите чашку и расскажите, что творится на Губернаторском острове. Нам хотелось бы получить сведения из первых рук.

Ушки Дон держал на макушке, а рот обычно (не всегда) на замке. Помимо прочего ему удалось узнать, почему в этой «войне» не велось никаких военных действий, кроме уничтожения «Околоземной». Дело было не только в том, что расстояния от тридцати до ста пятидесяти миллионов миль были, мягко говоря, неудобны

для военных коммуникаций. Главной причиной был страх перед ответным ударом, и, вероятно, именно из-за этого и создалось нынешнее патовое положение.

Техник-сержант воздушных сил принялся разъяснять это всем, кто пожелал его слушать:

— А теперь они хотят, чтобы все полночи стояли по тревоге на случай атаки из космоса. Они пудрят нам мозги! Терра напасть не осмелится, и заправилы Федерации прекрасно об этом знают. Войне конец.

— С чего вы взяли, будто они не нападут? — спросил Дон. — По-моему, в нас попасть так же просто, как в сидящую на воде утку.

— Это верно. Одна бомба — и наш городишко целиком сдует в болото. И Бьюкенена это тоже касается. И Куи-Куи-тауна. Но что это им даст?

— Не знаю, но под атомную бомбу мне попасть не хочется.

— Не бойся, не попадешь. Пошевели мозгами. Допустим, они уничтожат кучку торгашей и толпу политиков — но остальная-то территория не пострадает. Республика Венера сохраняет свою мощь, потому что во всем этом болотном мире есть лишь три цели, которые имеет смысл подвергнуть ядерной бомбардировке, — три цели,

которые я уже назвал. Что же из этого следует?

— Говорите, я слушаю.

— Они получат ответный удар — теми бомбами, которые коммодор Хиггинс позаимствовал на «Околоземной». Мы захватили несколько самых быстроходных кораблей, и перед нами — самые крупные цели, какие только знала история. Все пространство от Детройта до Боливара: металлургические заводы, электростанции, фабрики. Они не решатся щелкнуть нас по носу, зная, что мы готовы им врезать под дых. Надо мыслить логично!

Сержант поставил свою чашку и торжествующе огляделся.

Мужчина, спокойно сидевший у дальнего конца стойки, выслушал сержанта и тихо спросил:

— Да, но почему вы думаете, что руководство Федерации будет мыслить логично?

Сержант удивился:

— Что? Да ну вас! Говорю: война кончена! Нам пора по домам. Лично у меня сорок акров лучших рисовых полей на Венере; урожай-то, спрашивается, кто собирать будет? А я вместо этого сижу здесь и дурака валяю. Пора бы уже и правительству почесаться.

10. «В мыслях моих возгорелся огонь…»[45]

Правительство не сидело сложа руки; уже на следующий день законопроект был принят. Дон узнал об этом в середине дня. Как только улеглась послеобеденная суматоха, он вытер руки и отправился в город на вербовочный пункт. У дверей уже выстроилась очередь. Он встал в хвост и принялся ждать.

Через час Дон очутился перед столом. Вконец измотанный офицер протянул Дону бланк:

— Напиши свое имя. Поставь внизу подпись и отпечаток большого пальца. Потом подними правую руку.

— Минуточку, — сказал Дон. — Я хочу служить в Космической гвардии. А тут написано: «Сухопутные войска».

Офицер мягко выругался.

— И этот туда же. Сынок, все вакансии в Космической гвардии были заполнены уже к девяти утра — теперь я даже в очередь тебя не поставлю.

— Но я не хочу в пехоту. Я… я — космонавт!

Офицер ругнулся опять, уже не так мягко.

---

[45] Примечания: 45
Пс. 38: 4.

— Что-то не похоже. Слушай, меня уже тошнит от вас всех, вспомнивших в последнюю секунду о патриотизме. Вам бы лишь в грязи не барахтаться, вот в космос и проситесь. Вали-ка ты, парень, домой! Когда понадобишься, мы тебя вызовем, но на Космическую гвардию не рассчитывай! Готовься к тому, что пойдешь в пехоту. Тебе понравится.

— Но…

— Убирайся, я сказал!

Дон вышел. Когда он вернулся в ресторан, Чарли взглянул на часы и спросил:

— Ну что, сынок, ты уже солдат?

— Не нужен я им.

— Вот и хорошо. Подай-ка мне несколько чашек.

Времени было хоть отбавляй, и, склонившись над грязной пеной, Дон размышлял над создавшимся положением. Хотя к неудачам он относился спокойно, теперь он понимал, что совет Макмастерса был очень своевременным. И теперь он упустил этот шанс — пусть не очень надежный, но кто знает, может, это был его единственный шанс добраться до Марса. Теперь единственное, что ему светило, — это протрубить всю войну — месяцы? годы? — в сухопутных

войсках, так и не приблизившись ни на шаг к своей цели. Шестьдесят — семьдесят миллионов миль: с такого расстояния вряд ли до кого-нибудь докричишься.

Он обдумал возможность потребовать освобождения от службы, упирая на земное гражданство, но тут же отказался от подобной затеи. Один раз он уже на этом сыграл — сказал, что он гражданин Венеры, и добился права лететь сюда. Да и не в его было натуре сейчас говорить одно, а через минуту совсем другое. К тому же сердцем он был за Республику, как бы там ни решили в конце концов юристы вопрос о его подданстве.

Но даже если у него хватило бы наглости на подобное заявление, он не мог представить себя за колючей проволокой лагеря для интернированных. Насколько он знал, такой лагерь уже был построен где-то на Восточной косе. Просидеть там всю войну, чтобы Изабел таскала ему по воскресеньям передачи?

Не надо себя обманывать, Дон, мой мальчик: Изабел — патриотка, каких поискать, она сбросит тебя, как донную вошь.

«Что нельзя излечить, то нужно терпеть», — говорил Конфуций, а может, кто-то еще. Дон попал на Венеру и не очень-то по этому поводу горевал.

В любом случае у Федерации не было никаких прав распоряжаться на этой планете. Чья она, в конце-то концов?

Больше всего ему хотелось связаться с родителями, сообщить им, что кольцо доктора Джефферсона находится у него, даже если его нельзя доставить немедленно. Кстати, нужно сходить в МТТ, узнать, не приходила ли на его имя почта. Жалко, что у Чарли нет телефона!

Дон вспомнил еще об одной возможности, которой он так и не воспользовался, — Сэр Исаак. Дон искренне хотел встретиться со своим другом-драконом сразу после посадки, но это оказалось не так-то просто. В Нью-Лондоне Сэр Исаак не высадился, и куда он отбыл, Дону узнать в местном офисе так и не удалось. Может быть, в Куи-Куи-таун или в Бьюкенен; как-никак дракон был ОВП — очень важной персоной — и мог потребовать от воздушных сил посадку там, где пожелает. Он может находиться где угодно на планете, площадь суши у которой много больше, чем у Земли.

Конечно, такую важную персону разыскать можно, но для этого первым делом потребовалось бы навести справки в Управлении по делам аборигенов, расположенном на Губернаторском

острове. А это означает двухчасовую поездку, учитывая путь на гондоле туда-обратно плюс бюрократические проволочки, без которых уж точно не обойдется. Дон решил, что у него на это нет времени.

Но теперь это время найти придется. Уж Сэр Исаак сумеет ему помочь устроиться в Гвардию сверх всяких квот. Правительство всячески ублажало драконов, чтобы те относились к новому режиму лояльно. Люди жили на Венере постольку, поскольку их терпели аборигены, и правительство это прекрасно понимало.

Дона немного смущала идея использовать политические рычаги давления, но в данном случае ничего другого не оставалось.

— Чарли!

— Что?

— Не разбрасывайся чистыми ложками. Мне нужно еще раз сгонять в город.

Чарли недовольно хмыкнул. Дон снял фартук и ушел.

В офисе МТТ Изабел за стойкой не оказалось; Дон назвал свое имя дежурному клерку и прошел в приемную ее отца. Мистер Костелло посмотрел на него и сказал:

— Очень рад, что вы пришли, Дональд. Я хотел

с вами встретиться.

— Дошла моя радиограмма?

— Нет, я хотел вернуть вашу расписку.

— А что случилось?

— Я не смог отправить ваше сообщение и не знаю, когда у меня это получится. Если такая возможность будет, я опять возьму вашу расписку — или наличные, если они у вас заведутся.

У Дона появилось неприятное ощущение, что его вежливо выпроваживают.

— Секундочку, сэр. Мне казалось, что сегодня — первый день, когда можно посылать сообщения. Может быть, завтра или даже послезавтра это будет сделать проще?

— Теоретически — да. Но и сегодня условия вполне подходящие. Только с Марсом нет связи.

— А завтра?

— Я, наверное, неясно выразился. Мы попытались послать к Марсу сигнал; ответа не последовало. Тогда мы проверили прохождение радаром. Отраженный импульс пришел точно в срок — через две тысячи двести тридцать восемь секунд, так что ложные отражения исключаются. Итак, канал связи работает удовлетворительно и сигнал наш дошел нормально. Но станция «Скиа-

парелли»[46] не отвечает — связи нет.

— Может быть, у них что-то неисправно?

— Сомневаюсь. Все их системы продублированы. Видите ли, станция имеет очень важное значение для астронавигации. Нет, я боюсь, ответ очевиден.

— Какой же?

— Силы Федерации захватили станцию для своих целей. Мы не сможем связаться с Марсом до тех пор, пока они нам этого не позволят.

Покидая кабинет управляющего, Дон был мрачнее тучи. Когда он вышел из здания, то лицом к лицу встретился с Изабел.

— Дон!

— А, Бабуля, привет.

Девушка была слишком возбуждена, чтобы заметить, как он расстроен.

— Дон, я только что была на Губернаторском острове! И знаешь что? Они хотят сформировать женский корпус!

— Серьезно?

— Законопроект уже в комиссии. Я просто сгораю от нетерпения. Я вступлю туда обязательно! Я уже записалась.

---

[46] Примечания: 46

По имени Джованни Вирджинио Скиапарелли (1835–1910), итальянского астронома, открывшего в 1877 году «каналы» на Марсе.

— Правда? Что ж, этого можно было ожидать. — Он задумался и добавил: — Я тоже был на призывном пункте.

Изабел обвила его шею руками, что весьма заинтересовало публику, которая была в зале.

— Дон! — Она его отпустила, и красный от смущения Дон при этом облегченно вздохнул, а затем добавила: — Никто от тебя этого не просил, Дон. В конце концов, это ведь не твоя война; твой дом на Марсе.

— Ну, не знаю. Если на то пошло, Марс тоже мне не родная планета. Но меня не взяли: сказали, пришлют повестку.

— Все равно я тобой горжусь.

Всю дорогу до ресторана на душе у Дона кошки скребли: так он и не набрался мужества и не заставил себя ей признаться, почему он пошел добровольцем и почему ему показали на дверь. Подходя к ресторану, он уже почти созрел для того, чтобы еще раз сходить на призывной пункт и завербоваться в пехоту. Он говорил себе, что раз Марс молчит, значит оборвалась та последняя ниточка, которая связывала его с прошлым, и надо начинать жизнь по новой. Уж лучше пойти добровольцем, чем по повинности.

Потом он все же решил сначала съездить на

Губернаторский остров и послать хоть какую-то весточку Сэру Исааку. Нет смысла служить в пехоте, когда у тебя есть друг, который в силах помочь с переводом в Космическую гвардию. Теперь-то как пить дать Гвардия не оставит Марс в покое, и он запросто может попасть в состав экспедиции. Он еще там побывает!

И наконец, ему пришла в голову мысль подождать день-другой ответа от Сэра Исаака: ясное дело, сразу поступить в Гвардию будет проще, чем переводиться потом из других родов войск.

Да, так будет разумнее всего. Но почему-то эта мысль не сильно его утешила.

А ночью Федерация атаковала.

Разумеется, нападение было чистейшей глупостью; сержант, владелец рисовой фермы, был прав: Федерация не могла рисковать своими городами ради того, чтобы покарать венерианские поселки. Да, сержант был прав, но только со своей точки зрения.

Он рассуждал логично для фермера, но у сильных мира сего своя, совершенно иная логика. Их жизнь построена из тонких материй, хрупких, как репутация. Они не могли себе позволить проигнорировать вызов, брошенный их власти. Федерация не могла себе позволить не проучить

наглых колонистов. «Валькирия», обращавшаяся по орбите вокруг Венеры, была без предупреждения превращена в радиоактивное облако. «Адонис», двигавшийся по той же орбите, но в тысячах миль позади, заметил вспышку и успел послать сообщение в Главный штаб, который был расположен в Нью-Лондоне, но потом и сам превратился в огненный шар.

Дон, крепко спавший после тяжелого трудового дня, проснулся от воя сирен. Он уселся в темноте на постели и потряс головой, прогоняя остатки сна. С внезапным волнением Дон понял, что это были за звуки и что они означают. Потом он приказал себе не глупить, в последнее время шли разговоры о ночных учениях — вот что это было: учения.

Все-таки он поднялся на ноги и, потянувшись к выключателю, обнаружил, что электричество вырубили. Дон ощупью разыскал одежду и, угодив не в ту штанину ногой, чуть не упал. Он уже почти оделся, когда к нему приблизился маленький мерцающий огонек. Это был Чарли; в одной руке он держал свечу, в другой — свой любимый топор, которым пользовался не только в работе, но и в «общественной жизни».

Сирены не умолкали.

— Что там, Чарли? — спросил Дон. — Думаешь, на нас в самом деле напали?

— Уж скорее какой-нибудь тупица сел на кнопку.

— А что — может быть. Слушай, я сейчас сбегаю в город и узнаю.

— Лучше сиди дома.

— Я быстро.

На выходе из дверей Дону пришлось протискиваться сквозь толпу толкунов, которые блеяли от ужаса и пытались всем гуртом пролезть в ресторан, под крылышко своего друга Чарли. Дон растолкал их и двинулся вдоль по улице. Два зверька увязались за ним, похоже, они были не прочь спрятаться у него в карманах.

По сравнению с ночами Венеры самая темная ночь на Земле — что-то вроде сумерек. Энергия, похоже, была отключена по всему городу; пока он не добрался до улицы Бьюкенена, Дон даже пальцы на руке мог пересчитать только на ощупь. На Бьюкенена тут и там вспыхивали случайные огоньки да тускло светилось несколько окон. Где-то далеко впереди метался светлячок ручного фонарика. Дон пошел на его свет.

На улицах было полно народу. Дон то и дело напарывался на людей, прислушиваясь к обрывкам

разговоров. «…Полностью разрушен». «Обычная учебная тревога. Я работаю космическим инспектором и точно знаю…» «К чему было выключать свет? Все равно они нащупают реактор детекторами…» «Эй! Сойди с моей ноги!» Примерно на полпути толкуны наконец отстали от Дона: видать, грегарианы наткнулись на кого-нибудь, кто поласковей, и прицепились к нему.

Дон остановился там, где толпа была самой плотной: у здания нью-лондонской «Таймс». Внутри включили аварийное освещение, и можно было прочитать бюллетени, которые развесили в окнах.

Вот что в них было:

«ЭКСТРЕННАЯ
ИНФОРМАЦИЯ
(НЕОФИЦИАЛЬНО): ПО СООБЩЕНИЮ КРЕЙСЕРА „АДОНИС“, КРЕЙСЕР „ВАЛЬКИРИЯ“ ВЗОРВАЛСЯ В 00:30 НОЧИ. ПРИЧИНЫ НЕ СООБЩАЮТСЯ. МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ ОТВЕРГАЮТ ВОЗМОЖНОСТЬ НАПАДЕНИЯ, СЧИТАЯ БОЛЕЕ ВЕРОЯТНОЙ ДИВЕРСИЮ.
ОЖИДАЕМ ПОСЛЕДУЮЩИХ СООБЩЕНИЙ ОТ ДЕЖУРНОГО ОФИЦЕРА „АДОНИСА“».

«БЕРМУДЫ (ПЕРЕХВАТ): БЕСПОРЯДКИ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ КАК

„НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ИНЦИДЕНТ“, УСТРОЕНЫ РЕЛИГИОЗНЫМИ
ПРОПОВЕДНИКАМИ. УТВЕРЖДАЕТСЯ, ЧТО МЕСТНАЯ ПОЛИЦИЯ ДЕРЖИТ СИТУАЦИЮ ПОД КОНТРОЛЕМ ПРИ ПОМОЩИ ПАТРУЛЯ ФЕДЕРАЦИИ».

«БЕРМУДЫ
(ПЕРЕХВАТ): ИСТОЧНИК, БЛИЗКИЙ К МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ, ПРЕДСКАЗЫВАЕТ СКОРОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ
КОНФЛИКТА НА ВЕНЕРЕ. СООБЩАЕТСЯ, ЧТО ПРЕДСТАВИТЕЛИ МЯТЕЖНЫХ КОЛОНИЙ ВЕДУТ ПЕРЕГОВОРЫ С ПОСЛАМИ ФЕДЕРАЦИИ НА ЛУНЕ В АТМОСФЕРЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ (ПРИМЕЧАНИЕ: ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ НЕОФИЦИАЛЬНО ОПРОВЕРГАЕТСЯ ГУБЕРНАТОРСКИМ ОСТРОВОМ)».

«НЬЮ-ЛОНДОН (ГЛАВНЫЙ ШТАБ ПЛАНЕТЫ, ОФИЦИАЛЬНОЕ
СООБЩЕНИЕ): ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО „ВАЛЬКИРИЯ“ ИМЕЕТ ПОВРЕЖДЕНИЯ, НО ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО МАСШТАБ УЩЕРБА ЗНАЧИТЕЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕН. СПИСОК ЖЕРТВ БУДЕТ ОБНАРОДОВАН ПОСЛЕ ИЗВЕЩЕНИЯ РОДСТВЕННИКОВ. В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ОЖИДАЕТСЯ РАЗВЕРНУТЫЙ ОТЧЕТ КОМАНДИРА

„АДОНИСА“».

«ЭКСТРЕННАЯ
ИНФОРМАЦИЯ
(НЕОФИЦИАЛЬНО):
В КУИ-КУИ РАДАРАМИ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ НЕОПОЗНАННЫЕ КОРАБЛИ, СОВЕРШАЮЩИЕ ПОСАДКУ К СЕВЕРУ И СЕВЕРО-ЗАПАДУ ОТ ПОСЕЛЕНИЯ. МЕСТНЫЙ ГАРНИЗОН ПОДНЯТ ПО ТРЕВОГЕ. ГЛАВНЫЙ ШТАБ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ КОММЕНТАРИЕВ. СООБЩАЮТ, ЧТО КОРАБЛЕЙ ОКОЛО ТРИДЦАТИ И ЧТО ОНИ ПРОДОЛЖАЮТ ПРИБЫВАТЬ».

Дон протиснулся сквозь толпу, прочел бюллетени и прислушался к разговорам. Чей-то безликий голос заявил:

— Они не станут высаживать десант, это устарело, как штыковая атака. Если им и вправду удалось спалить наши корабли — в чем лично я сомневаюсь, — то они просто-напросто встанут на орбиту и передадут ультиматум по радио.

— Ну а если все-таки десант? — возразил кто-то.

— Ерунда. Это сообщение — попытка посеять панику. Среди нас предатели.

— Это все знают.

Человек, неясной тенью мелькнувший в окне,

прикрепил новый листок. Помогая себе локтями, Дон протолкался поближе.

«ЭКСТРЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ (ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ): ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ ГЛАВНОГО
ШТАБА ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НА НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАШИХ СУДОВ БЫЛО СОВЕРШЕНО НАПАДЕНИЕ СО СТОРОНЫ НЕОПОЗНАННЫХ КОРАБЛЕЙ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, ИЗ СОСТАВА СИЛ ФЕДЕРАЦИИ. ОБСТАНОВКА НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ, НО НЕ КРИТИЧЕСКАЯ. ПРИЗЫВАЕМ ГРАЖДАН ОСТАВАТЬСЯ В ДОМАХ, НЕ ПРЕДАВАТЬСЯ ПАНИКЕ, ИЗБЕГАТЬ ЛИШНИХ РАЗГОВОРОВ И ОКАЗЫВАТЬ ВСЕМЕРНУЮ ПОДДЕРЖКУ МЕСТНЫМ ВЛАСТЯМ. В ТЕЧЕНИЕ СУТОК ОЖИДАЮТСЯ ДАЛЬНЕЙШИЕ СООБЩЕНИЯ. ПОВТОРЯЕМ: ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА И ОКАЗЫВАЙТЕ ПОДДЕРЖКУ ВЛАСТЯМ».

Какой-то доброволец громко прочел бюллетень вслух. Толпа молчаливо слушала. Пока он читал, умолкли сирены и загорелось уличное освещение. Тот же человек, который до сих пор жаловался на кромешную темноту, закричал:

— На кой черт включили иллюминацию? Да это же прямая наводка для бомбежки!

Больше бюллетеней не было; Дон выбрался из толпы и пошел к зданию МТТ. Не то чтобы

он ожидал встретить там в этот час Изабел; он надеялся узнать еще какие-нибудь новости. Не успев добраться до МТТ, Дон напоролся на отряд военной полиции, разгонявший уличную толпу. Военная полиция заставила его повернуть назад и рассеяла скопление людей у здания газеты. Когда Дон уходил, единственным существом, которое там оставалось, был дракон, глаза которого смотрели в разные стороны; казалось, он читает все бюллетени сразу. Дон хотел задержаться, чтобы спросить дракона, не знаком ли он с Сэром Исааком, и если да, то где его можно отыскать. Но патрульные оттеснили Дона. Дракона они даже не пытались оторвать от его занятия, и скоро вся улица осталась в полном распоряжении псевдоящера.

Старина Чарли так спать и не ложился. Он сидел в кресле и курил, держа под рукой топор. Дон рассказал ему все, что удалось узнать.

— Как по-твоему, Чарли, они высадятся на планету?

Чарли встал, подошел к столу, вытащил из ящика точильный камень и принялся легкими касаниями править лезвие топора.

— Все может быть.

— А нам что делать, ты как думаешь?

— Ложиться спать.

— Я не смогу заснуть. Для чего ты затачиваешь эту штуку?

— Это мой ресторан. — Старик взял топор и взвесил его в руке. — И это моя страна.

Он метнул оружие. Топор два раза перевернулся в воздухе и вонзился в деревянный столб в противоположном конце зала.

— Осторожнее! Ты можешь кого-нибудь поранить.

— Иди спать.

— Но…

— Тебе нужно хотя бы немного выспаться. Иначе завтра будешь жалеть.

Он повернулся к Дону спиной, и тот не смог из него больше вытянуть ни слова. Махнув на Чарли рукой, Дон вернулся в свою каморку; спать он решил не ложиться, а хорошенечко все обдумать. До него еще долго доносился скрежет точила по стали.

Дона снова разбудили сирены: уже почти рассвело. Он вышел в кухню. Чарли все еще торчал у плиты.

— Что происходит?

— Завтрак.

Одной рукой Чарли снял со сковороды под-

жаренное яйцо и положил его на ломоть хлеба, другой — разбил еще одно и вылил его в кипящий жир. Накрыв яичницу сверху вторым куском хлеба, он протянул сэндвич Дону.

Дон взял бутерброд и, проглотив большой кусок, сказал:

— Спасибо. Но какого черта включили сирены?

— Идет бой. Послушай.

Откуда-то издалека послышался приглушенный взрыв; не успел он затихнуть, как совсем неподалеку раздалось сухое шипение лучемета. В туманном воздухе отчетливо пахло горелым деревом.

— Вот это да! — громко воскликнул Дон. Голос его звенел. — Они и вправду высадились!

Его челюсти по инерции пережевывали бутерброд.

Чарли хмыкнул. Дон продолжал:

— Пора сматываться отсюда.

— Куда?

У Дона не было на это ответа. Он прикончил сэндвич и выглянул в окно. Запах гари усилился. В конце улицы появился военный отряд. Солдаты бежали рысцой.

— Смотри-ка! Форма не наша!

— Конечно нет.

Отряд остановился в начале улицы. От него отделились трое солдат и двинулись по переулку, останавливаясь у всех дверей и колотя в них прикладами.

— Выходите! Просыпайтесь! Все на улицу!

Двое подошли к «Обеденному павильону Двух миров», один из них всадил ногой в дверь. Створки распахнулись.

— Выходите на улицу! Мы сейчас подожжем здание!

Тот, что кричал, был одет в зеленую маскировочную форму с двумя шевронами; он держал в руках «рейнольдс», а на спине у него был пристроен блок питания к излучателю. Он осмотрелся.

— Вот это — то, что нам надо! — Он обернулся к товарищу: — Джо, поищи лейтенанта! — И сказал Чарли: — А ты, приятель, зажарь-ка нам десяток яиц. И побыстрее — сейчас будем поджигать.

Дон замер на месте, не зная, что делать и что отвечать. С «рейнольдсом» шутки плохи. Было похоже, что Чарли думает то же самое, — он безропотно подошел к плите.

И вдруг китаец повернулся лицом к солдату. Рука его сжимала топор. Дон так и не понял, что произошло дальше. Блеск полированной стали, глухой шлепок, словно по колоде мясника, и

топор почти по самую рукоятку вонзился солдату в грудь.

Он не кричал — просто удивленно посмотрел и медленно опустился на колени, не выпуская из рук оружия. Когда его колени коснулись пола, голова качнулась вперед и ружье выскользнуло из его рук.

Пока солдат падал, его напарник стоял неподвижно, держа оружие на изготовку. И лишь когда командир выпустил излучатель из рук, он поднял свой лучемет и выстрелил Старине Чарли прямо в лицо. Потом он повернулся и прицелился в Дона. Дон замер, глядя в черный зрачок излучателя.

11. «Ты мог бы вернуться на Землю»

В течение трех ударов сердца они стояли неподвижно… потом солдат опустил дуло примерно на дюйм и крикнул:

— Выходи! Быстро!

Дон не сводил глаз с лучемета. Солдат дернул стволом, и Дон вышел на улицу. Внутри его бушевал гнев: сейчас ему больше всего хотелось прикончить солдата, убившего Старину Чарли. И плевать ему было, что босс убит в строгом соответствиями с обычаями военного времени.

Дон был не в том настроении, чтобы разбираться с какими-то обычаями. Но что он мог сделать с пустыми руками против оружия? Ничего. И он подчинился. Дон еще не успел выйти из ресторана, когда солдат принялся поливать из «рейнольдса»; Дон услышал шипение, с которым луч ударил в сухое дерево.

Солдат яростно хлестал по стенам огнем; казалось, еще секунда — и здание взлетит на воздух. Когда Дон выскочил из ресторана на улицу, тот пылал не меньше чем в десяти местах. Солдат выпрыгнул вслед за Доном и ткнул его в спину горячим стволом:

— Пошевеливайся! Марш по улице!

Дон побежал по направлению к улице Бьюкенена.

Улица была забита людьми, солдаты в зеленом гнали толпу к городской окраине. По обе стороны мостовой пылали дома: солдаты сжигали город, но жителям давали возможность спастись. Дона вместе с толпой затолкали в какой-то переулок, до которого еще не добралось пламя. Вскоре горожан вывели за городскую черту, и они двинулись по дороге. Дон ни разу здесь не бывал, но из разговоров понял: их ведут на Восточную косу.

В тот самый лагерь, где новое правительство

собиралось держать интернированных. Большая часть людей была слишком потрясена, чтобы воспринимать происходящее. Где-то рядом с Доном кричала женщина; ее голос то поднимался, то падал, словно звук сирены.

Народу пригнали в десять раз больше, чем вмещал лагерь. Бараки были забиты до предела, и даже на улице люди стояли вплотную. Охрана лишь заталкивала колонистов внутрь и сразу же о них забывала. Люди сгрудились на маленьком пятачке, а с обложенного тучами неба им на головы опускался пепел их сожженных домов.

Дон сумел взять себя в руки еще по дороге в лагерь. Оказавшись внутри, первым делом он попытался разыскать Изабел. Дон протискивался сквозь толпу, искал, расспрашивал, заглядывал в лица. Несколько раз ему показалось, что он ее наконец нашел, но каждый раз это была не она. Отца ее он тоже нигде не встретил. Несколько раз ему попадались люди, которые вроде бы видели девушку, но след всегда обрывался. В его голове витали кошмарные видения, в которых его импульсивная подруга убита, сгорела заживо или лежит в переулке с простреленной головой.

Его поиски оборвал металлический голос. Громкоговорители ожили, и по всем концам лагеря

разнеслось:

— Внимание! Спокойствие! Слушайте приказ. Говорит полковник Ванистарт, миротворческие силы Федерации. Я говорю от имени военного коменданта Венеры. Всем колонистам объявлена амнистия — за исключением членов мятежного правительства и офицеров армии мятежников. Вас отпустят сразу после установления личности. Восстанавливается свод законов, действовавших до мятежа, с учетом новых законов, которые вводятся по усмотрению военного коменданта. Слушайте закон чрезвычайного положения номер один! Города Нью-Лондон, Бьюкенен, Куи-Куи-таун будут ликвидированы. В дальнейшем запрещается организация поселений численностью более тысячи человек. Собрания более десяти человек без разрешения местного отделения военной полиции запрещены. Запрещено формирование военизированных организаций. Колонистам под страхом смерти запрещено иметь энергетическое оружие.

Голос умолк. Дон услышал, как за его спиной кто-то сказал:

— И что же нам теперь делать? Нам некуда идти и негде жить…

На этот риторический вопрос тут же последо-

вал ответ. Динамик загрохотал:

— Федерация не будет оказывать помощь разгромленным мятежникам. Помощь беженцам обязаны предоставить колонисты, которые не лишились жилья. После освобождения вам рекомендуется разойтись по окрестностям. Ищите себе временное пристанище у фермеров и в небольших деревнях.

— Вот тебе и ответ, Клара, — сказал кто-то убитым голосом. — Им наплевать, выживем мы или сдохнем.

— Но как же мы уйдем? — ответила женщина. — У нас нет гондолы.

— Вплавь… или пешком по воде.

На территорию лагеря вступили солдаты и принялись выводить к воротам группы по пятьдесят человек. С толпой они обращались, как гуртовщики — со скотом. Дон рванулся к выходу, надеясь увидеть Изабел, и, сам того не желая попал во вторую группу. Дон предъявил свое удостоверение, и сразу же возникла заминка: его имени в списках жителей не оказалось. Он объяснил, что прибыл сюда последним рейсом на «Наутилусе».

— Так какого черта ты молчал? — хмуро спросил солдат, производивший проверку. Он повернулся и достал другой список: — «Ханне-

ган… Хардекер…» Ага! «Харви. Дональд Джей…» Черт! Погоди-ка, тут стоит галочка. Сержант, у этой птички против фамилии пометка — «политический».

— Давай его в караулку, — устало сказал сержант.

Дона вместе с дюжиной встревоженных обывателей загнали в домик у ворот лагеря. Почти тут же его провели в небольшой закуток позади караульного помещения. Человек, который вполне мог сойти за высокого, не будь он такой толщины, поднялся с места и спросил:

— Дональд Джеймс Харви?

— Да, я.

Человек подошел поближе, осмотрел Дона со всех сторон, и лицо его расплылось в счастливой улыбке:

— Ну добро пожаловать, сынок, добро пожаловать! Как я рад тебя видеть!

Дон не понял, лицо его вытянулось. Мужчина между тем продолжал:

— Полагаю, мне нужно представиться. Стэнли Бэнкфилд, к твоим услугам. Офицер первого класса, политическая полиция, Международное бюро расследований. В данный момент — специальный советник его превосходительства

губернатора.

При упоминании МБР Дон весь напрягся. Толстяк это заметил — его маленькие глазки, спрятанные за складками жира, замечали все. Он сказал:

— Не волнуйся, сынок. Я не хочу тебе ничего плохого; я просто рад тебя видеть. Должен признаться, мне пришлось за тобой побегать по всей системе. Был момент, я даже решил, что ты погиб на «Дороге славы» — мир праху ее, — и горькими слезами оплакал твою кончину. Да-да, сэр, настоящими горькими слезами. Но теперь все позади, и все хорошо, что хорошо кончается. Так что давай его.

— Что давать?

— Ну-ну, я же все о тебе знаю — чуть не каждое слово, которое ты говорил начиная с детских пеленок. Я даже кормил сахаром Лодыря, твоего пони. Ну, давай его сюда.

— Что давать-то?

— Кольцо, кольцо! — Бэнкфилд протянул к Дону свою мясистую ладонь.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Бэнкфилд энергично повел плечами:

— Я говорю о кольце из пластика, с буквой «эйч», которое тебе передал покойный доктор

Джефферсон. Видишь, я прекрасно знаю, о чем говорю. Я знаю, что оно у тебя, и намерен его забрать. Офицер нашей службы оказался настолько глуп, что отпустил тебя вместе с кольцом, и он за это наказан. Я уверен, ты не хочешь, чтобы это же случилось со мной. Так что давай его сюда.

— Теперь я знаю, о чем вы говорите, — сказал Дон, — но у меня его нет.

— Как? Что ты несешь? Тогда где оно?

Мозг Дона лихорадочно работал. Если он им скажет про Изабел, МБР сразу же бросится по ее следу. Нет, он этого не допустит, даже если ему придется откусить собственный язык.

— Думаю, что оно сгорело, — сказал он.

Бэнкфилд склонил голову набок:

— Дональд, мальчик мой! Похоже, ты меня хочешь обмануть — ведь хочешь, я в этом уверен! Прежде чем ответить, ты колебался — я же заметил. Такие занудные стариканы вроде меня все замечают.

— Но это правда, — уверял Дон. — Во всяком случае, мне так кажется. Одна из ваших горилл сожгла дом, как только я из него вышел. Думаю, вместе с домом сгорело и кольцо. А может, и не сгорело.

На лице Бэнкфилда появилось сомнение.

— Что за дом?

— «Обеденный павильон Двух миров». Райский переулок, в начале улицы Бьюкенена.

Бэнкфилд быстро шагнул к двери и отдал приказ.

— Возьмите столько людей, сколько потребуется, — добавил он, — и просейте пепел до последней пылинки. Выполняйте!

Он вернулся обратно и вздохнул.

— Нельзя пренебрегать никакими возможностями, — сказал он. — Ну а теперь вернемся к изучению вероятности, что ты солгал. Скажи, зачем ты снимал кольцо в ресторане?

— Я мыл тарелки.

— Как это?

— Я там работал за еду и жилье. Мне не хотелось портить кольцо горячей водой, поэтому я хранил его в комнате.

Бэнкфилд поджал губы:

— Ты меня почти убедил. Звучит правдоподобно. И все же давай помолимся за то, что ты сейчас не пытаешься меня обмануть. Если бы ты смог привести меня к кольцу, я был бы очень тебе благодарен. Ты мог бы вернуться на Землю, причем со всеми удобствами, и я могу даже обещать скромную ежегодную выплату — у нас для этого

есть специальные фонды.

— Похоже, не видать мне награды, разве что ваши люди найдут кольцо.

— Господи упаси! Боюсь, в этом случае ни ты, ни я не вернемся на Землю. Нет, сэр! В таком случае мне придется остаться здесь и посвятить остаток жизни тому, чтобы сделать твое существование как можно более неприятным. — Он усмехнулся. — Я шучу. Уверен, что с твоей помощью мы его найдем. А теперь, Дон, расскажи мне, что ты с ним сделал. — Бэнкфилд по-отечески положил руку на плечо Дону.

Дон попытался сбросить его ладонь и обнаружил, что не может этого сделать. Бэнкфилд продолжал:

— Будь у меня кой-какое оборудование, мы могли бы решить этот вопрос быстро. Впрочем, можно сделать и так... — Рука, обнимавшая плечо Дона, внезапно метнулась вниз; Бэнкфилд схватил левый мизинец Дона и вывернул. Дон вскрикнул от боли.

— Извини, мне самому не нравятся такие методы. Исполнитель в избытке рвения иногда наносит клиенту такие повреждения, что после из него не вытянуть никакой правды. Уж лучше мы подождем пару минут, пока я свяжусь с ме-

диками, — полагаю, в нашем случае пентотал натрия будет в самый раз. Это средство сделает тебя более сговорчивым. — Бэнкфилд снова подошел к двери. — Дежурный! Отведите мальчишку в карцер и давайте сюда Мэтьюсона!

Дона вывели из караулки и впихнули в загон, огороженный колючей проволокой. Площадка имела в длину футов сто и в ширину — тридцать; одной стороной — большей — «карцер» граничил с забором, который опоясывал лагерь, другая — отделяла его от внешнего мира. Войти сюда можно было только через караульное помещение.

Сейчас тут сидело несколько десятков человек, большинство из них — мужчины в гражданском. Но было здесь и несколько женщин, а также офицеров воздушных сил и сухопутных войск — все еще одетых по форме, но без оружия.

Дон сразу же стал приглядываться к женщинам, но Изабел среди них не было. Он и не ожидал ее здесь увидеть и все-таки был очень этим разочарован. Времени почти не оставалось: Дон со страхом понял, что его вот-вот схватят, введут ему в вену препарат и он превратится в лепечущего ребенка, не способного сопротивляться допросу. Его ни разу не допрашивали при помощи «сыво-

ротки правды», но он прекрасно знал о том, как действует пентотал. Даже глубокий гипноз не поможет человеку, попавшему в руки опытного специалиста.

А он был уверен, что Бэнкфилду опыта не занимать.

Дон отошел в дальнюю часть загона — инстинктивно, без цели, так перепуганное животное забивается в угол клетки — и стоял там, приглядываясь к верху забора в нескольких футах над головой. Плотная, прочная ограда могла противостоять кому угодно, за исключением дракона, но за сетку вполне можно было уцепиться и взобраться наверх. Взобраться-то было можно, только там, наверху, тянулись еще три ряда проволоки; на нижнем примерно через каждые десять футов висели маленькие красные таблички: череп со скрещенными костями и надпись — «ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ».

Дон оглянулся. Туман сделался гуще из-за поднимающегося над горящим городом дыма, он совсем скрыл из виду караульное помещение. Ветер поменял направление, и дыма еще прибавилось. Дон понял, что, кроме пленников, его никто не увидит.

Он попробовал взобраться, но обнаружил, что

ему мешают ботинки. Сбросив их, он вновь полез на забор.

— Не стоит, — раздался позади баритон.

Дон оглянулся. За его спиной стоял майор сухопутных войск: без головного убора, рукав разорван и вымазан кровью.

— Забудь об этом, — сказал майор. — Мгновенная смерть. Я знаю, сам строил.

Дон спустился на землю:

— А можно его как-нибудь отключить?

— Конечно — только снаружи. — Офицер грустно хмыкнул. — Я и об этом позаботился. Один выключатель находится под замком в караулке, второй — на главном распределительном щите в городе. Больше рубильников нет. — Майор кашлянул. — Прошу прощения: дым.

Дон посмотрел в сторону горящего города.

— Распределительный щит на электростанции, — сказал он негромко. — Интересно…

— Да? — Майор проследил за его взглядом. — Не знаю… Не могу сказать. Электростанция защищена от пожара.

Голос в тумане за их спинами прокричал:

— Харви! Дональд Джей Харви! Выходи вперед и на середину!

Дон полез на ограду.

Прежде чем коснуться нижнего ряда проволоки, он помедлил секунду, затем дотронулся до нее тыльной частью ладони. Ничего страшного не случилось, и тогда он добрался до верха и перевалился на противоположную сторону. Упал он неудачно, ударившись о землю запястьем, но тут же вскочил на ноги и побежал.

За спиной послышались крики; Дон, не останавливаясь, посмотрел назад. Через забор лез кто-то еще. Обернувшись, Дон услышал, как шипит луч. Фигура на заборе дернулась и скорчилась, как муха, охваченная пламенем.

Потом человек поднял голову, и Дон услышал победный баритон майора:

— Венера и свобода!

И майор свалился обратно в загон.

12. Мокрая пустыня

Дон мчался, не разбирая дороги и не соображая, куда его несет. Вновь услышав злобное шипение луча, он метнулся влево и побежал быстрее, а затем, когда его скрыли заросли ведьминой метлы, повернул направо. Он мчался во все лопатки, легкие работали, как кузнечные мехи. Внезапно Дон остановился. Впереди была вода.

На мгновение он замер, осматриваясь и при-

слушиваясь. В туманном сумраке ничего нельзя было разобрать, в ушах звучала лишь бешеная колотушка сердца. Но нет, вдалеке кричали, потом послышалось, как сквозь кусты кто-то тяжело ломится. Дону показалось, что звук раздается справа; он повернул налево и побежал вдоль берега, выискивая глазами гондолу, лодку или хоть что-нибудь плавающее.

Берег загибался влево. Дон бежал вдоль, но потом остановился, сообразив, что этот путь выведет его к узкому перешейку, соединявшему Большой остров с Восточной косой. Он решил, что там наверняка стоят часовые. Во всяком случае, они там были — он помнил, — когда его вместе с толпой гнали к лагерю.

Дон прислушался — да, за ним все еще гнались, постепенно окружая со всех сторон. Впереди виднелся лишь изогнутый берег, ведущий обратно в плен.

Лицо Дона на мгновение исказило отчаяние, но тут же он его подавил и, решительно шагнув в воду, двинулся прочь от берега.

В отличие от большинства колонистов, Дон умел плавать. Жители Венеры не плавали: для купания местная вода не годилась. Своей луны у Венеры нет, поэтому нет и приливов. Солнце

притягивает воды планеты, но гораздо слабее. Моря не замерзают, и температура воды никогда не приближается к критическому значению 4 °C, при которых вода земных рек, озер и прудов перемешивается и очищается. На Венере не бывает ни ураганов, ни бурь, и воды ее спокойно лежат на поверхности планеты, год за годом, поколение за поколением, миллиарды лет накапливая на дне всякую дрянь.

Дон продвигался вперед, стараясь не думать о черной сернистой грязи, по которой ступал. Здесь было мелко; берег смутно проступал в пятидесяти ярдах позади, но он погрузился едва по колено. Оглянувшись, Дон решил идти дальше: если он видел берег, то и преследователи так же легко могли его разглядеть на воде. Дон напомнил себе, что двигаться нужно очень внимательно, чтобы не пойти ненароком по кругу.

Внезапно дно провалилось на фут или где-то около; он оступился и, потеряв равновесие, стал судорожно бултыхаться в воде. Но вот он собрался с силами и с трудом выполз обратно, поздравляя себя с тем, что не окунул лицо и глаза в грязь.

Послышался крик и одновременно с криком шипение, будто на раскаленную плиту плеснули водой, но только намного громче. В десяти футах

от Дона над поверхностью воды поднялось облако пара и лениво исчезло в тумане. Он пригнулся и приготовился бежать, но бежать было некуда. Вновь раздался крик, отчетливо разнесшийся над водой. Туман приглушал звуки, но слова было разобрать нетрудно:

— Сюда! Сюда! Он в воде!

Откуда-то издалека в ответ донеслось:

— Идем!

Дон двинулся вперед, с опаской переступая по дну. Нащупав край обрыва, он потрогал его ногой и убедился в том, что и там, погрузившись по плечи, можно стоять и даже идти. Он медленно продвигался вперед, стараясь не создавать шума и с трудом сохраняя равновесие, когда за его спиной раздалось шипение луча.

У стоявшего на берегу солдата хватило ума сообразить, что палить наугад в колышущийся туман бесполезно. Теперь он посылал луч веером над самой поверхностью воды, стараясь держать ствол горизонтально, и поливал им как из брандспойта. Дон присел, оставив над водой только лицо.

Луч прошел в нескольких дюймах над его головой; он отчетливо слышал шипение и чувствовал запах озона.

Внезапно шипение стихло, его сменила однообразная, старая как мир казарменная брань.

— Но, сержант… — отвечал голос.

— Я тебе дам «сержант»! Взять живым, тебе ясно? Приказ слышал? Если ты его убил, я тебя разделаю ржавым ножом. Хотя нет: я лучше отдам тебя мистеру Бэнкфилду. Ты безнадежный болван!

— Но, сержант… он же уходил по воде! Я должен был его остановить!

— Заладил одно: «сержант, сержант»! Найди лодку! Найди тепловизор! Включи портативный радар! Вызови базу — пусть пришлют вертолет!

— Лодку? Да где ж я ее возьму?

— Достань! Он не мог далеко уйти. Мы его найдем — живого или мертвого. И если мертвого, то лучше тогда тебе самому глотку свою перерезать!

Дон послушал еще, затем тихо двинулся вперед — во всяком случае, в сторону, противоположную той, из которой доносились голоса. Уже невозможно было разобрать, куда именно он идет: его окружали только черная гладь воды и туман. Какое-то время дно шло ровно, но затем начало круто понижаться. Идти дальше было нельзя, и Дон был вынужден остановиться.

Он обдумал свое положение, стараясь не удариться в панику. Большой остров еще поблизости, и лишь туман укрывает его от тех, кто на берегу. Совершенно ясно, что при помощи какого-нибудь поискового устройства — скажем, тепловизора или иного потомка радара — они наколют его, словно жука на булавку. Вопрос лишь в том, как скоро здесь будет аппаратура. Может, стоит сдаться и выбраться из этой ядовитой жижи? Сдаться, вернуться и рассказать Бэнкфилду, что если ему нужно кольцо, то он должен найти Изабел Костелло? Дон наклонился вперед, с силой оттолкнулся ногами и поплыл брассом, стараясь держать лицо над водой.

Брассом Дон плавал не очень хорошо, к тому же приходилось все время держать лицо над водой, и плыть так было вдвое труднее. Начала болеть шея, а затем боль перекинулась на мышцы плеч и спины. Прошло еще какое-то время, позади остались бесчисленные метры водной поверхности — и болело уже все тело, даже глаза; и все равно Дону казалось, что он замер на одном месте, словно и не плывет, а бултыхается в большой ванной с серыми стенами из тумана. Просто невероятно! Так долго плыть посреди архипелага, составлявшего провинцию Бьюкенен, и не наткнуться хоть

на что-нибудь… хотя бы песчаную отмель или глинистую косу.

Дон перестал грести, лишь отталкивался ноющими ногами и шевелил кистями рук. Ему почудился шум лодочного мотора, но так это или нет, точно было сказать нельзя. Впрочем, Дону было уже на все наплевать: пусть плен, лишь бы кончились поскорей эти мучения. Но звук или призрак звука исчез где-то вдали, и он снова был один на один с этой серой безликой пустыней.

Дон выгнул спину, собираясь плыть дальше, и тут его нога задела за дно. Он осторожно потрогал — да, это было дно… и можно было держать подбородок над водой. Он замер на пару секунд, отдыхая, потом потрогал вокруг себя дно. С одной стороны оно опускалось, с другой шло ровно или даже с легким подъемом.

Вскоре плечи его вылезли из воды, но ноги еще увязали в иле. Он двигался на ощупь, будто слепой, глаза тут были бесполезны, разве что помогали удерживать равновесие. Ногами он проверял перед собой дно, выбирая места, где оно поднималось, и отступал назад, если оно уходило вниз.

Вода доходила ему уже лишь до пояса, когда глаза заметили впереди в тумане какую-то тем-

ную полосу, проступающую сквозь туман. Дон рванулся вперед и тут же вновь провалился по шею. Затем дно быстро пошло на подъем, и через несколько секунд Дон выполз на сушу.

После этого его решимости хватило только на то, чтобы укрыться за деревцами чика, росшими в нескольких футах от воды. Теперь его нельзя было обнаружить со стороны водоема. Дон осмотрел себя. К ногам присосалось около дюжины донных вшей, каждая размером с ладонь ребенка. Морщась от отвращения, он отодрал их, затем снял шорты, рубашку и, отделавшись еще от нескольких паразитов, порадовался, что ему не встретился кто похуже: в ходе эволюции у драконов появилось немало двоюродных братьев, которые были так же близки к аборигенам, как к человеку горилла. Многие из них были амфибиями — еще причина, по которой колонисты Венеры не умеют плавать.

Скрепя сердце Дон вновь натянул на себя мокрую грязную одежду и уселся, опершись спиной о ствол дерева. Он все еще отдыхал, когда от воды донесся голос мотора; теперь ошибки быть не могло. Дон замер, надеясь, что деревья укроют его от чужих глаз и что лодка пройдет мимо.

Лодка подошла к берегу и поплыла вдоль него,

удаляясь вправо. Дон уже было почувствовал облегчение, когда двигатель вдруг умолк. В тишине раздались голоса:

— Придется осмотреть эту кучу грязи. Керли, пойдешь ты и Джо.

— Капрал, а как он хоть выглядит, этот парень?

— Да как тебе сказать… Капитан ничего толком не объяснил. Короче, этот парень примерно твоего возраста. Просто хватай все, что движется. Он не вооружен.

— Вернуться бы сейчас в Бирмингем.

— Давай, пошел!

Дон тоже пошел — правда, в другую сторону, двигаясь как можно быстрее и стараясь при этом не шуметь. Остров был покрыт густой шапкой растительности; Дон надеялся, что он достаточно большой: единственное, что ему сейчас оставалось, — это опасная игра в прятки. Он отшагал уже около сотни ярдов, когда его напугало какое-то движение впереди: в отчаянии у него мелькнула мысль, что с лодки вполне могли высадить два патруля.

Но паника тут же утихла: он увидел, что впереди не люди, а грегарианы. Они тоже заметили Дона и столпились вокруг него.

— Тихо! — настойчиво прошептал Дон. — Меня же из-за вас поймают!

Толкуны на его слова не обратили никакого внимания: им хотелось одного — поиграть. Дон решил их игнорировать и двинулся вперед, но вся стайка (их было около пяти) последовала за ним. Он с досадой подумал, что их любовь будет стоить ему жизни или как минимум свободы, но тут они вышли на поляну.

Здесь расположилось остальное стадо — примерно две сотни голов — от малышей, которые тут же облепили его колени, до седобородого патриарха, пузатого, ростом Дону по плечо. Они радостно приветствовали человека, приглашая его остаться.

Вопрос, который не давал ему покоя, наконец-то разрешился — он не сделал дугу и не приплыл обратно к Большому острову: там обитали наполовину одомашненные зверьки-попрошайки, вроде тех, что кормились при ресторане; и в стада те не собирались.

Внезапно Дону в голову пришла мысль, что он может обратить навязчивое дружелюбие грегарианов себе на пользу. Ясно было, что в покое они его не оставят. Если он покинет стадо, хотя бы несколько зверьков увяжутся следом, блея,

пыхтя и привлекая тем самым внимание солдат. С другой стороны…

Дон двинулся к середине поляны, распихивая на ходу своих новых приятелей. Протиснувшись в самый центр стада, он уселся на землю.

Трое малышей проворно вскарабкались ему на колени. Дон их не стал прогонять. Тут же его с радостным визгом облепили взрослые и подростки и, сопя, принялись обнюхивать его и тыкаться носами в макушку — он не возражал. Теперь Дон был окружен их живой стеной. Время от времени кого-нибудь из зверьков выталкивали наружу, и он отправлялся пощипать травку, но все равно Дон был надежно скрыт от постороннего взгляда. Он ждал.

Прошло довольно много времени, и он услышал возбужденное блеяние на краю стада. Несколько секунд Дону казалось, что его личная охрана разбежится, привлеченная новой забавой, но стоявшие во внутреннем круге грегарианы предпочли остаться, по-прежнему окружая Дона живой стеной. Послышались голоса:

— Бог ты мой, сколько их здесь, этих козлят!

И сразу же:

— Эй! Отвали! Кончай меня облизывать!

Послышался голос Керли:

— Джо, да никак он в тебя влюбился? Кстати, Соупи велел хватать все, что движется. Может, привести к нему этого?

— А ну! — Раздался шлепок, и послышался тонкий визг толкуна — удивленный и обиженный.

— Давай-ка поджарим одного и возьмем с собой, — продолжал Керли. — Говорят, они вкусные — пальчики оближешь!

— Ты что, на охоту сюда приехал? Смотри, как бы Соупи не отправил тебя к Старику. Идем, пора делом заняться.

Дон следил, как солдаты пробираются в обход стада. По доносящимся звукам он мог даже сказать, когда солдаты начинали отгонять от себя самых прилипчивых из этих созданий. Они ушли, а Дон еще долго сидел, почесывая подбородок уснувшего на его руках малыша. Потом он и сам задремал.

Вскоре стало смеркаться. Стадо принялось устраиваться на ночлег. Когда наступила полная темнота, все уже улеглись, кроме часовых на краю поляны. Дон смертельно устал, у него не было никакого плана действий, поэтому он тоже улегся спать. Его голова покоилась на чьей-то мягкой спине, а на нем самом, как на кровати, устроились двое малюток.

Какое-то время он раздумывал о том, в какую попал передрягу, но потом мысли оставили его.

Его разбудило просыпающееся стадо. Вокруг раздавались фырканье, топот, жалобное повизгивание продирающих глаза малышей. Дон окончательно проснулся и вскочил на ноги; он примерно знал, чего ожидать: стадо собиралось мигрировать. Грегарианы редко остаются на одном острове два дня подряд. Первую половину ночи они спят, а затем, пока еще не настал рассвет и их естественные враги наименее активны, зверьки идут дальше. Они переходят с острова на остров по бродам, которые известны вожаку стада — возможно, благодаря врожденным способностям. Вообще-то, грегарианы умеют плавать, но делают это очень редко.

Дон подумал, что скоро от них избавится. Приятные ребята, но все хорошо в меру. Потом он передумал. Если грегарианы собираются перейти на другой остров, то уж, конечно, не на Большой, а значит, этот другой будет от него еще дальше. Так чего ж он теряет? Хуже не будет.

Голова немного кружилась, но мысль показалась ему разумной. Стадо снялось с места, и Дон пошел вместе с ним, стараясь держаться в первых рядах. Вожак вывел стадо на берег примерно в

четверти мили от стоянки и ступил в воду. Стояла почти кромешная тьма, и Дон почувствовал воду, лишь только когда вошел. Вода доходила ему до щиколоток, и глубже не становилось. Он передвигался рысцой, стараясь оставаться в толпе, чтобы не сбиться с дороги и не угодить в яму. Он надеялся, что этот их переход не будет связан с заплывами.

Начало светать, и грегарианы прибавили ходу; Дон с трудом поспевал за ними. Вдруг старик, шедший во главе стада, замер, фыркнул и сделал крутой поворот. Дон не мог понять почему: в воздухе висел густой утренний туман, а один участок водной поверхности ничем не отличался от другого. Тем не менее выбранный вожаком путь оказался совсем мелким. Стадо прошло еще около километра, время от времени поворачивая, и наконец старик выбрался на берег. Дон шел следом за ним.

Обессиленный, он рухнул на землю. Старый вожак, явно озадаченный, остановился, все остальные тем временем вышли на сушу и столпились вокруг него. Старик недовольно фыркнул, затем отвернулся и занялся своим делом — повел стадо к пастбищу. Дон собрался с силами и двинулся следом.

Они как раз выходили из береговых зарослей, когда Дон увидел справа забор. Он почувствовал прилив сил.

— Пока, народ! — воскликнул он. — Я тут схожу.

Он повернул к забору, а большая часть зверьков отправилась за своим вожатым. Подходя к ограде, Дону пришлось задержаться, чтобы отогнать увязавшихся за ним толкунов. Потом он пошел вдоль проволоки.

«Рано или поздно, — сказал он себе, — я найду ворота, которые ведут к людям. Неважно, кто это будет. Меня там накормят, дадут отдохнуть и помогут укрыться от захватчиков».

Туман был очень густым, и Дон порадовался, что тут есть забор, которого можно держаться. Чувствуя себя слегка не в себе, он шагал вдоль ограды; настроение было бодрое.

— Стой!

Дон замер на месте и помотал головой, пытаясь припомнить, где он теперь находится.

— Ты под прицелом, — сказал голос. — Так что давай помедленнее и подними руки.

Дон напряг зрение, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в тумане и прикидывая, не стоит ли дать деру. Но тут же был вынужден признать

свое полное и окончательное поражение: он бежал столько, сколько было в его силах, и дальше бежать он не в состоянии.

13. Туманоеды

— Пошевеливайся, — сказал солдат, — не то буду стрелять!

— Ладно, ладно, — устало ответил Дон и пошел вперед, подняв руки над головой.

Пройдя несколько шагов, он увидел человеческую фигуру. Еще пара метров, и он рассмотрел солдата, направившего на него оружие. Глаза солдата были прикрыты выпуклыми очками тепловизора, в которых он походил на какого-то пучеглазого чудика с другой планеты.

Когда Дон приблизился на расстояние нескольких шагов, солдат снова остановил его и велел медленно повернуться спиной. Получив разрешение повернуться обратно, Дон увидел, что тот сдвинул очки на лоб, открыв дружелюбные голубые глаза. Оружие солдат опустил.

— Да, видочек же у тебя, — заметил он. — Яйца ради, чем это ты занимался?

Только теперь наконец до Дона дошло, что на солдате не пятнисто-зеленые цвета Федерации, а хаки сухопутных войск Республики Венера.

На кухне фермерского домика, что стоял за оградой, его командир, лейтенант Басби, пробовал задавать Дону вопросы, но быстро понял, что от задержанного в таком состоянии ничего не добьешься. Тогда он отправил Дона к жене фермера, чтобы она его накормила, приготовила горячую ванну и оказала медицинскую помощь. День близился к концу, когда Дон, посвежевший, покрытый пластырями на месте укусов донных вшей, наконец доложил о своих злоключениях.

Басби выслушал его и кивнул.

— Я верю тебе на слово, — сказал он. — Трудно представить шпиона Федерации здесь, да еще в такой одежде и в таком состоянии.

И он принялся подробно расспрашивать Дона, что тот видел в Нью-Лондоне, сколько там, по его мнению, солдат, как они вооружены и так далее. К сожалению, Дон мог рассказать ему очень мало. Он пересказал лейтенанту Закон о чрезвычайном положении номер один — все, что осталось у него в памяти.

Басби опять кивнул:

— Мы слышали его по приемнику мистера Вонга. — Он ткнул большим пальцем в угол комнаты и на мгновение задумался. — Чисто они все это обстряпали. Ну просто один к одному повторили

операцию коммодора Хигинса: города бомбить не стали — уничтожили только корабли, а потом сели и спокойненько выкурили нас из городов.

— А хоть какие-нибудь корабли у нас остались? — спросил Дон.

— Не знаю. Сомневаюсь. Впрочем, это не имеет никакого значения.

— Почему?

— Потому что они сами себя перехитрили. Что они теперь могут нам сделать? Да ничего. Воевать с туманом — единственное, что им осталось. А мы, туманоеды, знаем планету лучше, чем они.

Остаток дня и всю ночь Дону позволили отдыхать. Прислушиваясь к разговорам солдат, он пришел к выводу, что Басби — не просто благодушный оптимист и что положение вовсе не такое уж безнадежное. На первый взгляд все выглядело хуже некуда — насколько было известно, силы Федерации уничтожили все корабли Космической гвардии. Судя по радиопередачам, «Валькирия», «Наутилус» и «Адонис» погибли, а вместе с ними — коммодор Хигинс и большая часть его людей. О судьбе «Прилива» никто не знал, но это ничего не значило. Те крохи информации, которыми располагали на Венере, складывались наполовину из слухов, наполови-

ну — из официальной пропаганды Федерации.

Возможно, у воздушных сил еще сохранились боевые машины, спрятанные где-нибудь в буше, но польза от них была только гипотетическая: все это были стратосферные челноки, которым для запуска требовались стационарные катапульты. Что касается сухопутных войск, то добрая половина их личного состава погибла или попала в плен на базе на острове Бьюкенена и в других гарнизонах помельче. Оставшихся в живых солдат отпустили, но из офицеров на свободе остались только те, которые, подобно Басби, к моменту нападения были откомандированы из своих частей. Расчет Басби тогда занимался обслуживанием радарной установки за чертой Нью-Лондона; лейтенант спас свое подразделение, оставив бесполезную теперь станцию.

Разумеется, гражданское правительство молодой Республики было низложено, и почти все его члены — схвачены. Старшие военные чины, арестованные во время первого штурма, тоже выбыли из игры. Дон удивился, что при таких обстоятельствах Басби продолжает действовать так, будто во главе армии по-прежнему еще стоят генералы, а он сам командует подразделением регулярной армии, которому поставлена четкая

боевая задача. Его подчиненные не утратили esprit de corps[47]. Похоже было, что они готовы месяцами и даже годами вести партизанскую войну, преследуя и изматывая силы Федерации, и в окончательной победе нисколько не сомневались.

Один солдат объяснил Дону:

— Им нас не поймать. Мы знаем эти болота, а они — нет. Они не смогут уйти дальше чем на десять миль от города, даже если оборудуют свои катера радарами и всякими навигационными приборами. А мы будем пробираться к ним по ночам, резать их глотки и к завтраку возвращаться домой. Мы не дадим им вывезти с планеты ни тонны радиоактивной руды, ни унции лекарств. Мы сделаем так, что Венера им будет стоить кучу денег и человеческих жизней, так что им надоест и они уберутся домой.

Дон кивнул:

— Как говорил лейтенант Басби, им до смерти надоест воевать с туманом.

— Басби?

— Ну да, лейтенант, ваш командир.

— Вот как его зовут… А я что-то не уловил.

---

[47] Примечания: 47
Сословный дух, корпоративный дух, дух чести *(фр.)*.

На лице Дона появилось удивленное выражение.

— Видишь ли, я тут только с нынешнего утра, — объяснил солдат. — Меня с остальными сокамерниками выпустили с базы, и я намылился домой, а настроение у меня было хуже некуда. Я зашел сюда, к Вонгу, перехватить чего-нибудь пожевать и наткнулся тут на лейтенанта… как его? Басби и его действующую армию. Ну вот, он опять призвал меня на службу. И, надо сказать, это снова вселило в меня надежду. Огонька не найдется?

Укладываясь спать в сарае мистера Вонга вместе с парой десятков солдат, Дон узнал, что большинство людей не принадлежит к первоначальному составу подразделения Басби, в котором насчитывалось всего пять человек — все они были техниками-электронщиками. Прочие члены партизанского отряда оказались отбившимися от своих частей солдатами. Оружие сохранили немногие, но это с лихвой восполнялось вновь обретенным боевым духом.

Прежде чем заснуть, Дон принял решение. Поначалу он хотел, не откладывая дела в долгий ящик, переговорить с Басби, но потом подумал, что не стоит беспокоить офицера посреди ночи. Наутро, проснувшись, Дон обнаружил, что солда-

ты ушли. Он выскочил во двор, где миссис Вонг кормила цыплят, и по ее подсказке отправился к берегу. Лейтенант готовил своих людей к маршу. Дон торопливо подошел к нему:

— Лейтенант! Можно с вами поговорить?

Басби нетерпеливо отмахнулся:

— Я занят.

— Всего минуту. Пожалуйста!

— Хорошо, говори.

— Только один вопрос: где у вас записываются добровольцы?

Басби нахмурился. Дон стал настаивать, объясняя, что он уже собрался было записаться в армию, когда произошло нападение.

— Если ты хотел вступить в армию, то мог бы сделать это уже давно. Но все равно, ты сам говорил, что большую часть жизни провел на Земле. Так что извини — ты не наш.

— Но я же один из вас.

— А мне сдается, что ты — юнец, голова которого забита романтическими бреднями. Ты не дорос даже до права голоса.

— Я достаточно взрослый, чтобы воевать.

— А что ты умеешь?

— Ну, я неплохо стреляю. Во всяком случае, из ручного оружия.

— Что еще?

Дон лихорадочно соображал; только теперь ему пришло в голову, что от солдата требуется не только желание сражаться. Он умел ездить верхом. Но здесь это ничего не значило.

— Да, вот еще: я довольно прилично знаю «истинную речь».

— Это уже что-то. Нам нужны люди, способные общаться с аборигенами. Что-нибудь еще?

Дон хотел напомнить, что он сумел выжить, пробираясь по бушу, но лейтенант об этом и сам знал. Это всего лишь доказывало, что Дон — настоящий «туманоед», несмотря на свою сложную биографию. А о предметах, которые он изучал в школе на ранчо, Басби и вовсе будет неинтересно слушать, подумал Дон.

— Ну, я умею мыть посуду.

На лице Басби появилось что-то вроде улыбки.

— Вот это — ценное качество для солдата. И все же, Харви, я сомневаюсь, что ты нам подойдешь. То, что нам предстоит, — это не маршировать на военном параде. Нам придется скитаться по безлюдным местам, и, скорее всего, мы так и не получим жалованья, которое нам полагается. Это означает голодную жизнь, грязь, непрерывное передвижение. Ты не только рискуешь погибнуть

в бою; если тебя поймают — сожгут за измену.

— Да, сэр. Все это я обдумал еще ночью.

— И хочешь после этого воевать?

— Да, сэр.

— Подними правую руку.

Дон поднял руку. Басби продолжал:

— Даешь ли ты торжественную клятву хранить и защищать Конституцию Республики Венера от всякого врага, внутреннего и внешнего, и добросовестно служить в вооруженных силах Республики в период военного положения, пока оно не будет отменено компетентным органом, а также подчиняться законным приказам вышестоящих офицеров?

Дон глубоко вздохнул:

— Клянусь.

— Очень хорошо, солдат. Теперь — марш в лодку.

— Есть, сэр!

Впоследствии у Дона было много — да еще как много! — случаев пожалеть о своем решении. Впрочем, как и у каждого, кто добровольно поступил на военную службу. В основном-то он был доволен, но вслух об этом не признался бы никому: он быстро приобрел чисто солдатскую привычку постоянно жаловаться на войну, по-

году, кормежку, туманы и глупость верховного командования. Бывалый солдат умеет заменять развлечения, отдых и даже еду этим древним общепринятым и вполне безобидным литературным жанром.

Дон обучился приемам ведения партизанской войны: бесшумно подкрадываться, беззвучно наносить удар и исчезать в темноте и тумане, прежде чем противник успеет поднять тревогу. Те, кто этому научился, выжили, те, кто этого не сумел, погибли. Дон выжил. Он научился и массе других вещей: засыпать на десять минут, когда есть возможность, просыпаться при первом же шорохе, бодрствовать ночь напролет, а то и две-три кряду. У него появились глубокие складки вокруг рта, морщины не по возрасту и бледный сморщенный шрам на левом предплечье.

У Басби он задержался недолго: его перевели в подразделение гондольерной пехоты, действующей между Нью-Лондоном и Куи-Куи. Отряд гордо именовал себя «рейдерами Марстена»; Дон был назначен к ним в качестве переводчика с «истинного языка». Произнести пару фраз на языке свиста или, что чаще встречалось, понять

стандартные формы пиджина[48], употребляемые при купле-продаже, могли многие колонисты, но лишь единицы умели свободно общаться с аборигенами. Во время долгого пребывания на Земле Дон был лишен разговорной практики, но он учился языку в детстве, и его хорошо обучал дракон, который относился к нему по-отечески. Родители Дона владели речью аборигенов так же свободно, как и говорили на бейсик инглиш[49], так что мальчик постоянно практиковался в языке вплоть до одиннадцатилетнего возраста.

Драконы здорово помогали бойцам Сопротивления; они хотя и не были по своей природе воинственны, но симпатизировали поселенцам, точнее, они презирали солдат Федерации. Колонистам удалось найти свой новый дом на Венере только потому, что они смогли ужиться с драконами, следуя политике «просвещенного

---

[48] Примечания: 48

Пиджинами (от искаженного английского business — «дело») называют структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника. Используются они как средство межэтнического общения в среде смешанного населения. На Земле зарегистрировано около полусотни пиджинов и пиджинизированных языков — в основном в Юго-Восточной Азии, Океании и Африке.

[49] Примечания: 49

Бейсик инглиш — упрощенная форма английского со словарем из 850 слов и ограниченными правилами; создана лингвистом Ч. Огденом для международного делового общения.

эгоизма», введенной некогда самим Сайрусом Бьюкененом. Человеку, родившемуся на Венере, и в голову бы не пришло сомневаться, что существовавшая здесь издревле раса — раса драконов — разумна, жизнеспособна и цивилизованна ничуть не меньше, чем их собственная. Но для большинства солдат Федерации, впервые оказавшихся на этой планете, драконы были просто уродливыми, неуклюжими животными, которые не умели говорить, но вели себя вызывающе, требуя к себе такого отношения, на какое ни одно животное претендовать не вправе.

Такое отношение к драконам лежало глубоко в подсознании, и никакие приказы, отданные войскам Федерации, никакие дисциплинарные взыскания не могли исправить подобное положение. Это чувство оказалось сильнее и еще меньше зависело от логики, чем любое аналогичное противостояние на Земле: белые против черных, неевреи против евреев, римляне против варваров — и так далее, и тому подобное. Сам офицер, отдававший соответствующий приказ, не был способен правильно воспринимать ситуацию, ведь он родился не на Венере. Даже первый политический советник губернатора, умный и проницательный Стэнли Бэнкфилд, не

мог до конца понять, что невозможно добиться нормальных отношений с драконами, если (образно выражаясь) похлопывать их по головке и разговаривать с ними свысока.

Эта ситуация сложилась из-за двух серьезных инцидентов, случившихся в самый первый день войны. В Нью-Лондоне один дракон — тот самый, которого Дон застал за чтением бюллетеней «Таймс», — серьезно пострадал от огня лучемета, хотя и не был убит. Он был совладельцем местного банка, и ему принадлежало множество ториевых рудников. Более печальное происшествие случилось в Куи-Куи: там ракетой убило дракона. Она попала в открытый в этот момент, на его беду, рот. И этот дракон оказался родственником аборигенов, происходящих по прямой линии от Великого Яйца.

Впрочем, все эти случаи не вызвали прямой враждебности со стороны таких высокоразвитых существ, как драконы, каждое из которых было не слабее, скажем, трех носорогов или среднего танка. Псевдоящеры не были воинственны, и человеческие обычаи ведения войны никогда не были частью их культуры: они достигали своих целей иными способами.

Всякий раз, когда по своим обязанностям Дону

доводилось вести беседу с аборигенами, он спрашивал их, не знакомы ли они с его другом Сэром Исааком, называя, разумеется, настоящее имя дракона. Дон обнаружил, что даже те, кто не знал Сэра Исаака лично, хотя бы слыхали о нем. Еще он заметил, что знакомство с почтенным драконом поднимает его собственный престиж. Тем не менее Дон даже не пытался передать Сэру Исааку весточку: какой смысл просить его о переводе в Космическую гвардию, если самой Гвардии больше не существовало.

Дон несколько раз пробовал разузнать, что сталось с Изабел Костелло. Он расспрашивал беженцев, драконов, бойцов Сопротивления, которых становилось все больше и которые свободно проникали в тылы противника. Но девушку найти так и не удалось. Как-то раз Дону сказали, что она находится в лагере на Восточной косе; по другим сведениям, ее вместе с отцом депортировали на Землю, но ни один из этих слухов не подтвердился. В сердце к нему закралось неприятное подозрение, что девушка погибла во время первого нападения.

О кольце Дон не думал — он печалился о самой Изабел. Хотя и терялся в догадках, что же это такое за кольцо, если из-за него за ним гонялись

от планеты к планете. И, не найдя ответа, решил, что Бэнкфилд, несмотря на свой опыт и высокое положение, просто ошибся и что самой ценной вещью была обертка, а сотрудникам МБР не хватило мозгов разобраться во всем этом деле. Вскоре Дон совсем выкинул это из головы. Кольцо исчезло, и на этом все кончилось.

А его родители на Марсе? Что ж, всему свое время. Когда-нибудь война кончится, космические перелеты возобновятся, а пока нет смысла расстраиваться.

Его рота в этот момент была рассредоточена на четырех островках к юго-юго-западу от Нью-Лондона; они стояли там лагерем уже третий день. Пожалуй, еще ни разу отряд не задерживался на одном месте так долго. Дон, прикомандированный к штабу, находился на том же острове, что и капитан Марстен. Сейчас он дремал в гамаке, натянутом между двумя деревьями в зарослях ведьминой метлы.

Штабной вестовой разбудил Дона, встав на безопасном расстоянии и резко дернув гамак за веревку. Дон мгновенно проснулся и схватился за нож.

— Спокойно! — велел ему посыльный. — Старик хочет тебя видеть.

Дон в ответ высказал предложение о том, как капитану следует поступить со своим приказом, и бесшумно соскользнул на землю. Затем сложил гамак и сунул его в карман. Сетка хотя и весила каких-то четыре унции, но недешево обошлась Федерации. Дон обращался с гамаком бережно: прежний владелец оказался малость неосторожен, и сетка ему уже была не нужна. Свое оружие Дон захватил с собой тоже.

Командир роты сидел у складного столика под навесом из веток.

Дон подошел поближе и стал ждать. Марстен поднял на него глаза и сказал:

— Тебе, Харви, поручается особое задание. Отправляешься немедленно.

— Поменялись планы?

— Нет, ночью мы пойдем в рейд, но без тебя. Одна важная драконья шишка захотела потрепаться. Вот к ней ты и отправишься. Прямо сейчас.

Дон помешкал:

— Черт побери, командир! Я уж совсем было настроился поучаствовать в заварушке. Давайте я поеду завтра. Драконы — народ неторопливый, время для них ничего не значит.

— Отставить, солдат. Будешь считаться отбыва-

ющим отпуск: в распоряжении Главного штаба указано, что ты можешь пробыть там довольно долго.

Дон прищурился:

— Если мне приказано куда-то ехать, это не значит, что я в отпуске. Это просто командировка.

— А ты, Харви, оказывается, настоящий зануда.

— Так точно, сэр.

— Сдай оружие и сними знаки различия. Первую часть пути проделаешь под видом эдакого славного паренька-фермера. Для пущей убедительности подыщи в амбаре какой-нибудь реквизит. Ларсен отвезет тебя на лодке. Все, свободен.

— Есть, сэр! — Уходя, Дон бросил через плечо: — Удачной охоты, капитан.

Марстен впервые за все это время улыбнулся:

— Спасибо, Дон.

Сначала они плыли каналами, такими извилистыми и узкими, что от электроники было не больше толку, чем от невооруженного глаза. Большую часть времени Дон проспал, положив голову на мешок с зерном. Предстоящее задание мало его беспокоило: он был уверен, что тот, кому потребовался переводчик, — кем бы он там ни оказался — явится на рандеву и все ему

объяснит.

На другой день они добрались до берега Большого Южного моря, и Дон пересел на борт сумасшедшей посудины, причем это определение в равной степени относилось как к самой посудине, так и к ее экипажу. Плоским блюдцем на реактивной тяге футов пятнадцати в поперечнике управляли два юных экстраверта, не боявшиеся ни людей, ни болот. Надводная часть глиссера была накрыта приземистым отполированным конусом из листового металла, который отражал направленные горизонтально лучи радара вверх или в сторону. Этот колпак не защищал от радарного поиска с воздуха — импульсы, расходясь по конусу, после отражения от колпака возвращались бы обратно прямо туда, откуда они пришли. Но главным преимуществом глиссера была скорость.

Дон лежал пластом на дне лодки, вцепившись в поручни и размышляя о преимуществах ракетного транспорта, а сумасшедшая штуковина тем временем неслась, подскакивая, по водной глади. Он старался не думать о том, что произойдет, столкнись глиссер с топляком или с каким-нибудь крупным морским обитателем. Менее чем за два часа суденышко прошло около трехсот ки-

лометров, потом замедлило ход и остановилось.

— Конечная остановка! — сказал розовощекий мореход. — Пассажирам приготовить багажные квитанции! Женщины и дети выходят по центральному эскалатору.

Антирадарный колпак приподнялся. Дон встал, разминая затекшие ноги:

— Где мы?

— Станция Драконвилль-на-Болоте. А вот и делегация встречающих. Осторожнее на ступеньках.

Дон напряженно всматривался в туман. Похоже, на берегу собралась целая толпа аборигенов. Он шагнул за борт, и его ботинки тут же утонули в грязи. Он поспешно выбрался на твердую почву. За его спиной хлопнул антирадарный колпак, и сумасшедшая посудина тут же рванула прочь, в считаные секунды набрав скорость и сразу исчезнув в тумане.

— Могли бы хоть помахать на прощание, — пробормотал Дон и обернулся к драконам. И замер в растерянности: людей не было видно, а указаний на этот счет ему никаких не дали. Может быть, офицера, которого надеялся встретить Дон (уж теперь-то ему самое время было здесь появиться!), по дороге где-нибудь ранили?

Драконов было семь, и все они молча приближались к нему. Дон окинул их взглядом и просвистел вежливое приветствие, отметив про себя, что аборигены похожи друг на друга как две капли воды. И тут дракон, выступавший в центре семерки, воскликнул с акцентом, от которого на память сразу же приходила рыба и жареная картошка:

— Дональд, мой мальчик! Как я рад тебя видеть! Чешуя!

14. «Тогда давай его сюда»

Дон проглотил застрявший в горле комок и, позабыв о всяких приличиях, воскликнул:

— Сэр Исаак! Сэр Исаак!

И, спотыкаясь, бросился навстречу.

Вряд ли это удобно — пожимать дракону руку, целовать его или обнимать. Дон ограничился тем, что кулаками лупил Сэра Исаака по бронированной туше, одновременно стараясь прийти в себя. От чувств он не мог выговорить ни слова, а все вокруг подернулось влажной дымкой. Сэр Исаак терпеливо ждал, потом заявил:

— А теперь, Дональд, я хотел бы познакомить тебя с моей семьей…

Дон взял себя в руки, откашлялся и облизнул

губы, готовясь к беседе на языке свиста. Водер был только у Сэра Исаака; вполне возможно, остальные драконы не понимали даже на бейсик инглиш.

— Пусть их смерть будет прекрасной!

— Мы благодарим тебя.

Дочь, сын, внучка, внук, правнучка, правнук — целых четыре поколения драконов, если считать и Сэра Исаака, пришли встретить Дона. В соответствии с обычаями драконов присутствие представителей еще одного поколения означало наивысшую степень уважения, какая только возможна, и Дон был просто ошеломлен. Он знал, что Сэр Исаак относится к нему как к другу, но все равно отнес такой знак уважения на счет своих родителей.

— Мои мать и отец благодарят вас за доброту, которую вы проявили к их яйцу.

— Каково первое яйцо, таково и последнее. Мы рады видеть тебя, Дональд.

Дракон, нанесший визит и удостоенный такого эскорта, неторопливо двигался бы к семейному гнезду в окружении членов встречающей семьи. Но даже неторопливая поступь дракона вдвое быстрее торопливой ходьбы у людей. Сэр Исаак опустился на грунт и предложил:

— Воспользуйся моими ногами, мой дорогой мальчик; идти нам предстоит далеко.

— Нет, я пойду сам.

— Пожалуйста — я настаиваю.

— Ну что ж…

— Оп-ля! Надеюсь, я правильно помню ваше выражение.

Дон вскарабкался на спину дракону и устроился у задней пары глаз. Глаза повернулись к нему и внимательно присмотрелись. Дон заметил, что Сэр Исаак предусмотрительно вставил в шейные роговые пластины пару колец, чтобы ему было удобно держаться.

— Ну как?

— Все в порядке. Я готов.

Дракон встал на ноги, и процессия отправилась в путь. Дон чувствовал себя сейчас Маленьким Тумаи[50].

Дорога, по которой они шли, была такой древней, что невозможно было понять, была ли она достижением инженерной мысли или естественным образованием. С милю она тянулась вдоль берега; то и дело по пути им попадались другие драконы: одни двигались по дороге, другие ра-

---

[50] Примечания: 50

Сказка Р. Киплинга «Маленький Тумаи» о юном Тумаи, которого сбежавший слон отвез на себе в джунгли показать танец слонов.

ботали на своих заболоченных полях, а потом дорога свернула вглубь материка. Вскоре, выбравшись на сухую возвышенность, они сошли с оживленной дороги и углубились в туннель. Туннель был искусственного происхождения — тут уж сомневаться не приходилось: дорожное полотно двигалось, набирая скорость, в ту сторону, куда направлялся идущий (если этот идущий — дракон или такого же, как дракон, веса); их и без того резвая рысь таким образом ускорялась во много раз. Дон затруднился бы определить, с какой скоростью они двигались и какое расстояние преодолели.

Наконец они оказались в огромном зале — огромном даже по драконьим меркам. Движущееся полотно дороги как бы влилось в пол зала и остановилось. Тут собралось все остальное племя, которое символизировали семеро встречавших. Ему не пришлось напрягать мозги, отыскивая приличествующие случаю выражения: в соответствии с этикетом гостя тут же препроводили в отведенные для него покои, чтобы он мог отдохнуть и восстановить силы.

По венерианским стандартам помещение было довольно скромных размеров, но Дону оно показалось громадным. В главной комнате точно по

центру находился бассейн глубиной около шести футов, и он был достаточно длинным: чтобы переплыть его, нужно было сделать несколько гребков. Именно этим Дон с превеликой радостью и занялся. Вода в бассейне была настолько же чистой, насколько грязной она была в том море, которое Дон только что пересек, и, насколько он мог судить, температура ее составляла 36,6 °С, как у человеческого тела.

Дон лег на спину и поплыл, вглядываясь в искусственный туман, скрывавший высокий потолок. «Вот это жизнь!» — думал он. Это была лучшая ванна, какая у него была с той поры, как он побывал в нью-чикагском «Караван-сарае». Как давно это было! Дон подумал, что его одноклассники уже давно окончили школу, и ощутил внезапный укол ностальгии.

Но даже самая что ни на есть роскошь когда-нибудь надоедает. Дон выбрался из бассейна, взял свою одежду и, как сумел, смыл с нее застарелую грязь. Сюда бы, подумал он, стирального порошка или, на худой конец, серого мыла, того, что варили фермеры. Он босиком обошел помещение, подыскивая, куда бы повесить сушиться одежду. В «маленькой» комнате-спальне он внезапно остановился.

Там его уже ждал ужин. Кто-то загодя накрыл стол, даже не позабыли расстелить белоснежную скатерть — стол был карточный, его форма и каждая линия прямо в глаза кричали: «Гранд-Рапидс». На придвинутых к нему стульях, снизу, и вправду обнаружилось фабричное клеймо «Гранд-Рапидс»[51] — Дон специально перевернул один из них и проверил.

Стол был сервирован в соответствии с человеческими обычаями. Правда, суп был налит в кофейную чашку, а кофе — в тарелку, но все это были мелочи, к которым и придираться не стоит. В конце концов, главное — и суп, и кофе были горячими. Еще подали тосты из кислого хлеба[52] и яичницу, приготовленную, насколько мог судить Дон, из натуральных яиц.

Он положил свою мокрую одежду на теплые плитки пола, хорошенько ее разгладил и, пододвинув к столу стул, взялся за дело.

— Как говорил наш капитан, никогда нам не было так хорошо, — пробормотал он с набитым

---

[51] Примечания: 51

В городке под таким названием на юго-западе штата Мичиган находится крупнейшее мебельное производство, и потому название «Гранд-Рапидс» стало нарицательным для мебельного ширпотреба вообще, независимо от места его реального производства.

[52] Примечания: 52

Кислый хлеб — хлеб, выпеченный на закваске.

ртом.

В углу напротив лежал мягкий матрац, набитый пенистой массой. Дону хватило одного взгляда, чтобы сообразить, что это — армейский (офицерский) матрас «зеленых». Койка и одеяла отсутствовали, да в них и не было особой нужды. Пообедав, Дон раскинулся на постели; он знал, что его не вызовут и не потревожат до тех пор, пока он сам этого не захочет. Только сейчас Дон понял, как он устал, и еще — что ему много над чем надо теперь подумать.

Сэр Исаак… Одно воспоминание рождало другое. Дон вновь подумал о своей школе. Сосед по комнате — что с ним теперь? Он теперь на другой стороне? Дон надеялся — нет… хотя душой понимал, что Джек наверняка пошел добровольцем. Каждый делает то, что должен, и обо всем судит по-своему. Джек не враг ему — какие они враги?! Старина Джек! Дон надеялся, что невероятные повороты войны никогда не сведут их лицом к лицу.

А Лодырь? — подумал он: помнит он еще своего хозяина или забыл?

Потом в памяти всплыло лицо Старины Чарли — как оно вдруг обуглилось, потеряло человеческие черты… Сердце у Дона сжалось от

проснувшейся боли. Что ж, он отомстил за Старину Чарли, сполна отомстил. Но снова пришла печаль, когда он вспомнил про Изабел.

Уже почти засыпая, он принялся размышлять, зачем командованию потребовалось посылать его к Сэру Исааку. Правда ли ему предстояло работать здесь на войну, или дракон просто узнал, где он находится, и попросил прислать его сюда погостить? Последнее казалось более вероятным: в военных операциях драконам отводилась настолько важная роль, что штаб воспринял бы просьбу принца Яйца как приказ.

Дон почесал шрам на левой руке и заснул.

Завтрак был нисколько не хуже ужина. Правда, на этот раз в его появлении не было ничего загадочного. Столик на колесиках прикатила молодая дракониха — Дон догадался о ее возрасте по тому, что ее задние глазные стебельки еще не развились. Должно быть, драконихе не исполнилось и сотни венерианских лет. Дон просвистел ей «спасибо», она вежливо свистнула в ответ и удалилась.

Дон подумал, что Сэр Исаак, должно быть, нанял слуг из людей: иначе было трудно объяснить, почему кушанья подавали приготовленными, ведь драконы и понятия не имеют о кухне. Они

предпочитают свежую пищу с остатками на ней донного ила — для придания аромата. Разумеется, дракон мог бы вскипятить воду и варить в ней яйцо сколько нужно, но было совершенно невозможно представить, как бы он справился с более сложной кухней. Приготовление пищи — искусство эзотерическое и ведомое одним лишь людям.

Впрочем, все эти мысли не убавили ему аппетита.

После еды, дополнительно подкрепив силу духа чистой и относительно аккуратной одеждой, он приготовился к тяжкому испытанию — знакомству с многочисленными членами семьи Сэра Исаака. При всем опыте переводчика с «истинной речи», перспектива столь высокой церемонии, в которой он должен сыграть главную и живую роль, заставляла его нервничать. Но все же он надеялся справиться, не запятнав честь своих родителей и не унизив гостеприимства хозяина.

Дон наскоро побрился без зеркала и только собрался выйти, как услышал, что кто-то произнес его имя. Это его удивило, он знал, что здесь его не должны тревожить — как вновь прибывшего гостя, — даже если бы он безвылазно сидел в своей комнате неделю, месяц — или остался в

ней навсегда.

В дверях показался Сэр Исаак:

— Дон, мой дорогой мальчик, простишь ли ты мне, старику, что я столь поспешно и бесцеремонно врываюсь к тебе в нарушение всех обычаев, словно в комнату одного из своих детей?

— Ну конечно, Сэр Исаак.

Дон был озадачен. Если Сэр Исаак спешил, то это был первый случай спешки в истории драконов.

— Если ты уже поел, то, пожалуйста, пойдем со мной.

Дон подчинился, а про себя подумал, что за ним, должно быть, следили: очень уж вовремя пришел к нему Сэр Исаак.

Старик-дракон вывел Дона из его покоев, затем они спустились по коридору в комнату, которую по драконьим стандартам можно было бы вполне посчитать уютной: она была не меньше ста футов в поперечнике.

Дон решил, что здесь, должно быть, у Сэра Исаака кабинет: стены были увешаны полками, на которых один на другом покоились свитки книг, а на полу возвышался обычный вращающийся стол, установленный на уровне щупальцев дракона. На одной из стен над стеллажами кра-

совалось нечто, что Дон посчитал настенной росписью. Для него она была бессмысленным набором мазков — те три цвета инфракрасного диапазона, которые видят драконы, для людского зрения просто-напросто недоступны. Но потом Дон решил, что роспись и вправду может не иметь никакого смысла, как не имеет смысла значительная часть земной живописи.

Но самая важная деталь, которая бросилась ему в глаза и заставила задуматься, заключалась в том, что в комнате было не одно, а два кресла, предназначенных для людей.

Сэр Исаак предложил ему сесть. Опустившись в кресло, Дон взял себе на заметку, что оно — из самой современной автоматической мебели: кресло само принимало удобную для человека форму. Тут же выяснилось, для кого предназначалось второе: в кабинете появился мужчина — стройный, подтянутый, лет пятидесяти на вид. Лысину его обрамляли седые жесткие волосы. Манеры вошедшего прямо говорили о том, что он привык отдавать распоряжения, которым беспрекословно подчиняются.

— Доброе утро, джентльмены! — Мужчина обернулся к Дону. — Итак, вы — Дональд Харви. Меня зовут Фиппс, Монтгомери Фиппс. — Он го-

ворил так, будто его слова все объясняли. — А ты подрос. В последний раз, когда я тебя видел, мне пришлось отлупить тебя по заднице за то, что ты укусил меня за большой палец.

В присутствии этого человека, да еще с такими начальственными замашками, Дон чувствовал себя не очень уверенно. Он подумал, что это один из знакомых его родителей, с которым он встречался в далеком детстве, но вспомнить его не мог.

— Я вас укусил? А у меня была причина вас укусить? — спросил он.

— А? — Мужчина внезапно отрывисто захохотал. — Думаю, все зависит от того, с какой точки зрения взглянуть на данный вопрос. Полагаю, мы остались квиты: отшлепал я тебя прилично. — Он повернулся к Сэру Исааку. — Мэлат придет?

— Он обещал, что постарается. Скоро будет.

Фиппс уселся во второе кресло и забарабанил пальцами по подлокотнику.

— Что ж, придется подождать, хотя я не вижу в его присутствии особого смысла. Мы и так уже слишком задержались: надо было встретиться еще вечером.

Сэр Исаак сумел заставить водер заговорить возмущенным тоном:

— Вечером? Когда гость только что прибыл?

Фиппс пожал плечами:

— Ладно, не будем об этом. — Он обратился к Дону: — Как тебе понравился обед, сынок?

— Все было очень здорово.

— Это моя жена приготовила. Сейчас она занята в лаборатории, но потом я тебя с ней познакомлю. Она химик, настоящая волшебница — и в лаборатории, и на кухне.

— Я хотел бы ее поблагодарить, — любезно ответил Дон. — Кстати, вы сказали «лаборатория»?

— Да, и еще какая. Сам потом увидишь. Там работают многие талантливые ученые Венеры. Все, что потеряла Федерация, досталось нам.

У Дона на языке вертелась сотня вопросов, но все они застряли у него в горле: в комнату кто-то входил, точнее, что-то въезжало. Глаза Дона сделались круглые, когда он увидел марсианскую «коляску» — герметичный самодвижущийся экипаж, в котором поддерживаются марсианские атмосферные условия и без которого ни один марсианин не может жить ни на Земле, ни на Венере. Маленький экипаж въехал в комнату и подкатил к собравшимся; существо внутри коляски приподнялось и, усевшись при помощи механического экзоскелета, попыталось распра-

вить свои псевдокрылья. Потом тонким усталым голосом, усиленным через динамик, сказало:

— Мэлат-да-Тон приветствует вас, друзья мои.

Фиппс поднялся на ноги:

— Мэлат, старина, тебе надо бы вернуться в свою цистерну. Ты убьешь себя таким образом.

— Я буду жить столько, сколько понадобится.

— А вот малыш Харви. Очень похож на своего папашу, верно?

Сэр Исаак, потрясенный такой фамильярностью, вмешался в разговор и представил гостей друг другу. Дон лихорадочно пытался припомнить что-нибудь из марсианского высокого стиля, но, так и не вспомнив, ограничился простыми словами:

— Рад познакомиться с вами, сэр.

— Ну что вы, это честь для меня, — отозвался слабый голосок. — Высокий отец отбрасывает длинную тень.

Размышляя над тем, как бы ответить, Дон решил, что недостаток хороших манер, как, к примеру, у толкунов, имеет свои преимущества. В разговор вмешался Фиппс:

— Давайте-ка лучше начнем, пока Мэлат совсем не скис. Что скажете, сэр Исаак?

— Отлично. Дональд, я полагаю, ты знаешь, что

я всегда рад видеть тебя в своем доме.

— Э-э… Да, спасибо, Сэр Исаак.

— Ты помнишь, что я приглашал тебя еще тогда, когда не знал про тебя ничего, кроме происхождения и благородства твоего духа?

— Да, сэр, вы приглашали меня заглянуть. Я хотел, я правда хотел вас видеть, только не знал, где вы высадились на планету. Я даже пробовал вас искать, но тут на Венере появились эти «зеленые». Простите меня. — Дону было неловко, сам-то он знал прекрасно, почему все время откладывал поиски Сэра Исаака: просто нужды не было заняться ими всерьез, пока жизнь не заставила.

— Я тоже пытался тебя отыскать, Дональд, но, к сожалению, мне тоже это не удалось. И только совсем недавно туман донес до меня слухи о том, где ты находишься и чем занимаешься. — Сэр Исаак замолчал. Казалось, ему трудно подобрать нужные слова. — Теперь ты знаешь, что этот дом — твой дом и что я всегда рад тебя видеть. Так сможешь ли ты простить меня, если узнаешь, что приглашен по делу?

Дон решил, что отвечать надо на «истинной речи».

— Разве могут глаза оскорбить хвост? Разве

может отец обидеть своего ребенка? Чем я могу помочь вам, Сэр Исаак? Я и сам уже понял: что-то такое происходит.

— Даже не знаю, с чего лучше начать… Рассказать ли о Сайрусе Бьюкенене, который умер вдали от своего народа, но умер счастливым, сделав нас своим народом? Или о странных и запутанных обычаях людей, которые — во всяком случае, нам иногда так кажется — способны откусить даже собственную ногу? Или перейти сразу к недавним событиям, происшедшим с тех пор, как в небе мы с тобой разделили ил?

Фиппс нетерпеливо пошевелился:

— Давайте лучше я, Сэр Исаак. Не забывайте, мы с этим юношей — одной расы. И нам не надо будет ходить кругами. Я могу объяснить ему ситуацию в двух словах. Ничего трудного в этом нет, поверьте.

Сэр Исаак опустил свою массивную голову:

— Как хотите, друг мой.

Фиппс обратился к Дону:

— Молодой человек, вы, верно, и не догадывались о том, что, когда ваши родители вызывали вас на Марс, они собирались использовать вас как курьера, который должен был передать некое послание.

Дон внимательно посмотрел на собеседника:

— Да нет, я об этом знал.

В его голове шевельнулись воспоминания, которые он попытался связать с теперешней ситуацией.

— Правда? Ну, это же отлично! Тогда давай его сюда.

— Что давать?

— Да кольцо, что же еще. Кольцо, разумеется, кольцо. Отдай его нам.

15. «Не судите по наружности…»[53]

— Минутку! — ответил Дон. — Вы все путаете. Я знаю, про какое кольцо вы говорите, но ведь дело не в нем, а в бумаге, в которую оно было завернуто. И ее забрали люди из МБР.

На лице Фиппса появилась озабоченность, затем он рассмеялся:

— Вот как? Говоришь, забрали? Они так же ничего не поняли, как и ты. Ведь главное-то как раз — кольцо. Давай его сюда.

— Нет, все-таки это вы ошибаетесь, — медленно произнес Дон. — Или мы говорим про разные кольца? — Он задумался. — А может, его подме-

---

[53] Примечания: 53
Ин. 7: 24.

нили в бюро еще до того, как посылка попала ко мне? Я уверен, в моем кольце никакого письма не было. Кольцо из прозрачного пластика, по-моему полистирола, в нем не то что письма, в нем комара не спрячешь. Просто негде там прятать.

Фиппс нетерпеливо пожал плечами:

— Не тебе со мной спорить, можно там спрятать что-нибудь или нельзя. Это было то самое кольцо, которое нам нужно, будь уверен. Мы знаем, что в бюро кольца не меняли.

— Откуда вы знаете?

— Черт побери, парень! От тебя требовалось одно: передать кольцо. А уж было в нем чего или не было — это наша забота.

Дон подумал, что, укусив по молодости палец Фиппса, он был не так уж не прав.

— Подождите-ка! Да, я должен был передать кольцо. Так сказал доктор Джефферсон — вы знаете, кто это такой?

— Я знаю, кем он был, но мы не встречались.

— Так вот, он хотел, чтобы я передал это кольцо. Джефферсон погиб, — по крайней мере, мне так сказали. В любом случае я теперь не могу с ним посоветоваться. Но сказал он мне совершенно определенно, кому я должен его передать: своему отцу. А не вам.

Фиппс раздраженно стукнул по подлокотнику:

— Знаю, знаю! Если бы все шло так, как надо, ты передал бы кольцо отцу и не было бы всех этих проблем! Эти горячие головы из Нью-Лондона должны были… впрочем, неважно. Из-за восстания ты попал не на Марс, а сюда. И теперь я пытаюсь все исправить. Да, ты не можешь передать послание отцу, но если ты отдашь кольцо мне, это будет то же самое. Я и твой отец работаем ради одного и того же дела.

Дон, поколебавшись, сказал:

— Мне не хочется быть грубым, но какие у вас есть доказательства?

Водер Сэра Исаака издал звук, похожий на человеческое покашливание:

— Кхм!

Фиппс и Дон повернулись к нему.

— Полагаю, — сказал дракон, — мне следует вмешаться в дискуссию. Мой дорогой Фиппс, я знаком с Дональдом несколько дольше вас — если это можно назвать знакомством.

— Прошу вас, продолжайте.

Сэр Исаак повернул к Дону большую часть своих глаз:

— Дорогой Дональд, ты мне доверяешь?

— Э-э… полагаю, да, Сэр Исаак. И все же, думаю,

я должен потребовать каких-то доказательств. Ведь это не мое кольцо.

— Что ж, это веская причина. Давай подумаем: что бы могло послужить таким доказательством? Если, скажем…

Дональд прервал его, почувствовав бессмысленность того, что здесь происходит:

— Простите меня, но я, кажется, превратил разговор в спор, хотя если честно, то и спорить-то, собственно говоря, не из-за чего.

— Почему?

— Ну, дело в том, что у меня больше нет кольца. Оно потеряно.

Несколько минут в комнате стояла мертвая тишина. Потом Фиппс сказал:

— Мне кажется, у Мэлата обморок.

Поднялась суматоха, тележку с марсианином увезли, и все принялись напряженно ждать. Напряжение спало только тогда, когда пришло сообщение, что Мэлат плавает в своей специальной кровати, отдыхает и чувствует себя хорошо. Совещание продолжили втроем. Фиппс сверлил Дона взглядом:

— Это все ты! Из-за тебя он чуть душу не отдал.

— При чем здесь я?

— Мэлат тоже был курьером, он оказался здесь

потому же, почему и ты. Он вез вторую половину послания — послания, которое ты потерял! И тем самым ты лишил его последней надежды вернуться домой раньше, чем его убьет гравитация! Он и так нездоров, а ты еще к этому добавил.

— Но…

В этот момент вмешался Сэр Исаак:

— Дональд не виноват. Молодежь следует наказывать, только если к тому имеется серьезный повод, причем после тщательных размышлений. Иначе семье придется об этом сожалеть.

Фиппс бросил взгляд на дракона и вновь обратился к Дону:

— Извините, я очень устал и плохо реагирую на такие вещи. Что сделано — то сделано. Самое главное: куда девалось кольцо? Найти его как-нибудь можно?

На Доне просто лица не было.

— Боюсь, что уже нельзя.

Он коротко рассказал о попытках отнять у него кольцо и как он не нашел подходящего места, чтобы его спрятать.

— Я не думал, что это такая важная штука, но, раз уж я обещал доктору Джефферсону, надо было свое обещание выполнять, — наверное, иногда я бываю слишком упрям. Короче говоря, я сделал

лучшее из того, что мне пришло тогда в голову: я передал кольцо другу и попросил его спрятать. Я подумал, что будет вернее всего отдать его на хранение человеку, про которого никто никогда не подумает, что кольцо у него.

— Звучит разумно, — признал Фиппс, — но кто этот человек?

— Одна девушка, — насупившись, сказал Дон. — Мне кажется, она погибла, когда напали «зеленые».

— Это точно?

— Я почти уверен. У меня была такая работа, что я мог расспрашивать многих людей, но со дня нападения эту девушку никто не видал. Я уверен, она погибла.

— Ты можешь и ошибаться. Как ее зовут?

— Изабел Костелло. Ее отец заведовал местным отделением МТТ.

Лицо Фиппса вытянулось дальше некуда, потом он откинулся в кресле и разразился хохотом. Затем, вытерев выступившие на глазах слезы, спросил:

— Вы слышали, Сэр Исаак? Нет, вы слышали? Мы толкуем о синей птице, а она — у вас на заднем дворе! Бабушка потеряла очки, а они у нее на лбу!

Ничего не понимая, Дон переводил взгляд с Фиппса на дракона.

— Что такое? — спросил он с обидой в голосе.

— Что такое? Сынок, Джим Костелло и его дочь сейчас здесь, они тут появились через пару дней после нападения. — Он вскочил на ноги. — Сиди здесь, никуда не уходи, я сейчас вернусь.

Фиппс и вправду вернулся очень быстро.

— Каждый раз путаюсь с этими вашими телефонами, Сэр Айк, — сказал он. — Но, как бы то ни было, они сейчас придут.

Он уселся и тяжело вздохнул:

— Когда-нибудь я сам себя сдам в психушку. Как полного идиота.

Фиппс замолчал, лишь изредка отпуская смешки. Сэр Исаак, казалось, созерцал свой пупок, которого у него отродясь не было. У Дона внутри бушевала буря, он почувствовал облегчение такое большое, что его нельзя было даже назвать приятным. Изабел жива!

В конце концов успокоившись, он спросил:

— Слушайте, может быть, кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

Сэр Исаак приподнял голову и притронулся щупальцем к клавишам:

— Прости меня, малыш. Я задумался о других

вещах. Очень, очень давно, когда моя раса была молода, а люди еще не…

В разговор вмешался Фиппс:

— Извини, старина, но думаю, у меня получится покороче. А подробности ты расскажешь потом. — и, не дожидаясь согласия, обратился к Дону: — Так вот, Харви. Существует одна организация — заговор, подполье, тайная ложа — называй, как хочешь. Для нас это — просто Организация. В нее входим мы с Сэром Исааком, Мэлат, а также твои родители. И доктор Джефферсон тоже в нее входил. Большинство членов Организации — это ученые, но не только. Единственное, что всех нас объединяет, — вера в достоинство и естественную ценность свободного разума. По-разному мы боролись — и без особого, надо сказать, успеха — против сложившейся в течение двух последних столетий политики ограничения личной свободы, той, которую проводили разные правительственные или близкие к правительственным организации, покрупнее и помогущественнее, чем наша.

На Земле наша группа имеет многих предшественников и корни у нее очень древние. Я говорю об объединениях ученых, которые боролись с секретностью и насилием над свободой

мысли; художников, боровшихся с цензурой; обществах юридической помощи гражданам и о многих других организациях, чаще всего — действовавших без какого-либо успеха, а иногда — так и просто по-идиотски. Около ста лет назад подобные группы были вынуждены уйти в подполье; слабые погибли, болтливые выдали себя сами, и их ликвидировали, а выжившие объединились.

Здесь, на Венере, начало нашей работе было положено после достижения взаимопонимания между Сайрусом Бьюкененом и местной доминирующей расой. На Марсе, кроме людей — о них я скажу позже, — в Организацию вступили те, кого мы называем жрецами. Впрочем, это плохой перевод: я думаю, точнее их было бы назвать судьями.

— «Старшие братья», — перебил его Сэр Исаак.

— Как? А что — пожалуй, это хорошее поэтическое определение. Впрочем, неважно. Главное в том, что организации на Марсе, Венере и Земле стремились…

— Подождите, — остановил его Дон. — Если вы ответите на один мой вопрос, то я, наверно, пойму все, что хочу понять. Я — солдат Республики Венера, и мы ведем войну. Скажите, эта

ваша организация — я имею в виду ее отделение на Венере, — поможет она нам вышвырнуть с планеты «зеленых»?

— Не совсем так. Видишь ли…

Дон так и не узнал, что он должен увидеть: речь Фиппса была прервана другим голосом:

— Дон! Дональд!

И он оказался в объятиях представительницы своей расы.

Казалось, Изабел вот-вот сломает ему шею. Дон был смущен, растроган и счастлив. Он осторожно разнял ее руки и, заметив, что отец девушки как-то странно на него смотрит, попробовал сделать вид, будто ничего не произошло.

— Э-э… здравствуйте, мистер Костелло.

Костелло подошел ближе и пожал ему руку:

— Здравствуйте, мистер Харви. Рад вас видеть.

— Я тоже рад. Я просто счастлив, что вы живы и здоровы. Я думал, что вы погибли.

— Мы были близки к этому.

Изабел сказала:

— Дон, ты так повзрослел! И такой худой!

Дон улыбнулся:

— А ты все такая же, Бабуля.

В разговор вмешался Фиппс:

— Мне неприятно прерывать ваш вечер встре-

чи, но время дорого. Мисс Костелло, нам нужно кольцо.

— Кольцо?

— Он говорит о том кольце, которое я у тебя оставил, — пояснил Дон.

— Кольцо? — спросил мистер Костелло. — Мистер Харви, вы подарили моей дочери кольцо?

— Ну, не совсем так. Дело в том, что…

Фиппс вновь встрял в разговор:

— Речь идет о том самом кольце, Джим, о кольце с посланием. Харви был вторым курьером, и, похоже, твоя дочка стала его заместителем.

— Вот как? Тогда я ничего не понимаю. — Он посмотрел на дочь.

— Кольцо у тебя? — спросил Дон. — Ты его не потеряла?

— Потерять твое кольцо? Нет конечно, Дон. Но я думала… впрочем, неважно. Можешь его забрать.

Изабел огляделась. Присутствующие в четырнадцать глаз, если учитывать все глаза Сэра Исаака, выжидающе уставились на нее. Отойдя на пару шагов, она на секундочку отвернулась, а когда повернулась обратно, в руке у нее было кольцо. Она протянула его Дону:

— Вот, держи.

Фиппс тут же потянулся к нему. Изабел отдернула руку и передала кольцо Дону. Фиппс открыл было рот, закрыл, потом снова открыл.

— Ну ладно. Теперь давай его сюда, Харви.

Дон опустил кольцо в карман:

— Вы так и не объяснили, с какой стати я должен вам его отдавать.

— Но… — Лицо Фиппса налилось кровью. — Это же просто нелепо! Если бы мы знали, что оно здесь, мы получили бы его без твоего разрешения.

— Ну уж нет!

Фиппс обернулся к Изабел:

— Что такое, юная леди? Почему нет?

— Потому что я не отдала бы его вам — ни за что. Дон сказал, что кто-то пытается его у него отнять. Я и не знала, что вы — один из них!

Фиппса, который и так был от злости пунцовый, чуть не хватил удар.

— Я не намерен терпеть, чтобы важные дела превращали здесь в какие-то детские игры! — В два широких шага он подошел к Дону и схватил его за руку. — Кончай эту ерунду и давай сюда послание!

Дон оттолкнул его и отступил на полшага — все одним плавным движением, и Фиппс, скосив гла-

за вниз, увидел у своего живота острие клинка. Дон держал нож свободно — большой палец поверх, два других снизу, как это делают знающие в таких вещах толк люди.

Казалось, Фиппс с трудом верит своим глазам. Дон тихо сказал:

— Отойдите от меня.

Фиппс попятился:

— Сэр Исаак!

— Да-да, Сэр Исаак, — подхватил Дон, — неужели я должен мириться с подобным в вашем доме?

Щупальца дракона впились в клавиши, но водер издал лишь какой-то неясный звук. Дракон сделал еще одну попытку и медленно произнес:

— Дональд, этот дом — твой дом. Тебе здесь ничто не угрожает. Прошу тебя — ради той услуги, что ты мне оказал, — убери оружие.

Дон мельком глянул на Фиппса, выпрямился, и нож куда-то исчез. Фиппс облегченно вздохнул и повернулся к дракону:

— Ну, Сэр Исаак, что вы думаете делать дальше?

На сей раз Сэр Исаак не стал включать водер.

— Удалитесь, — просвистел он.

— Что-что?

— Вы принесли в этот дом раздор. Разве вы оба не принадлежите к моей семье и разве вы оба не находитесь в моем доме? И все же вы угрожали ему. Прошу вас, уйдите, пока не успели причинить еще большей печали.

Фиппс открыл было рот, но передумал и молча вышел. Дон сказал:

— Сэр Исаак, мне так жаль. Я…

— Пусть воды сомкнутся над этим. Пусть ил погребет все это. Дональд, дорогой мой, ну как мне тебя убедить, что твои почтенные родители, если бы они могли дать тебе совет, одобрили бы все, о чем мы просим?

Дон задумался.

— Мне кажется, Сэр Исаак, что все дело в этом самом «дорогом мальчике». Я вам не «дорогой мальчик». И никому другому. Моих родителей здесь нет, и я не уверен, что, будь они тут, я спросил бы у них совета. Теперь я уже взрослый человек. Конечно, я не так стар, как вы, — для этого мне не хватает нескольких сотен лет. Даже по человеческим меркам я еще молод, и мистер Фиппс все еще видит во мне мальчишку. Вот в этом он ошибается. Я — не мальчик, и я хочу знать, что здесь происходит, и только потом принять собственное решение. Я уже вот как

наслушался всех этих громких фраз, которыми пытались мной помыкать. Хватит, больше так не пойдет, мне нужно знать факты.

Прежде чем Сэр Исаак смог ответить, в комнате раздался неожиданный звук — это Изабел громко захлопала в ладоши. Дон спросил ее:

— Изабел, ты об этом что-нибудь знаешь?

— Я? Ничего. Для меня все эти дела — сплошной мрак. Я просто аплодирую твоей речи.

— Моя дочь, — быстро заговорил Костелло, — ничего об этом не знает. А я знаю, и, думаю, вы тоже имеете право знать.

— Еще бы!

— Вы позволите, Сэр Исаак?

Дракон величественно наклонил голову, и Костелло продолжил:

— Давайте спрашивайте. Я постараюсь отвечать честно.

— Хорошо. Что это за послание в кольце?

— Видите ли, точно я сказать не могу — если бы мы это знали точно, кольцо нам вообще не понадобилось бы. Насколько я знаю, в послании содержится некая научная информация из области физики — о гравитации, инерции, спи́не и прочих такого рода вещах. Теория поля. Информация чрезвычайно сложная, и сообщение, конечно

же, очень длинное — и я, пожалуй, не сумел бы там ничего понять, даже если бы его прочитал. Я же не какое-нибудь там светило теоретической физики — я простой инженер-связист, да и то уже многое подзабыл.

Дон был сбит с толку.

— Не понимаю. Кто-то запихивает в кольцо учебник физики, а мы играем в сыщиков и воров, гоняем по всей Системе. По-моему, это глупо. Да и невозможно.

Он вынул кольцо и принялся его рассматривать. На свет пластик был совершенно прозрачным. Обычный дешевый сувенир. Ну разве можно упрятать в таком объемистый труд по физике?

Сэр Исаак сказал:

— Дональд, дорогой мой маль… Ох, прошу прощения… Чешуя! Ты думаешь, если что-то выглядит слишком просто, то это настоящая простота. Можешь не сомневаться: послание там, внутри. Теоретически возможно создать матрицу, каждая молекула которой что-либо означает. Именно так устроены мозговые клетки. Умей мы работать так тонко, можно было бы уместить всю Британскую энциклопедию в объеме булавочной головки. Именно булавочной головки! Но тут все гораздо проще.

Дон еще раз осмотрел кольцо и опустил его в карман.

— Ну ладно, раз вы так говорите. Но я так и не понял, к чему, собственно, из-за него столько шума.

Ответил ему мистер Костелло:

— Мы тоже не все понимаем. Послание должно было попасть на Марс. Там на месте специалисты готовы пустить его в дело. Лично я, пока не попал сюда, имел лишь самое общее представление о проекте. Основная идея состоит вот в чем: уравнения, содержащиеся в данной работе, поясняют, как устроено пространство и как с ним обращаться. Я не могу даже представить себе все возможные применения этого, но нам известны два возможных приложения. Во-первых, мы можем установить силовое поле, которое не пробьет даже водородная бомба. Во-вторых, мы можем создать корабль с такими двигателями, что ракета покажется по сравнению с ним пешеходом. Только не спрашивайте меня, как это сделать, — такие вещи вне моей компетенции. Спросите у Сэра Исаака.

— Спроси у меня после того, как я изучу послание, — сухо заметил дракон.

Дон ничего не ответил. Несколько секунд в

комнате царила тишина, которую нарушил Костелло:

— Ну что? Может быть, вы хотите спросить о чем-нибудь еще? Я не совсем понимаю, что вам известно, и поэтому не знаю, что вам рассказывать.

— Мистер Костелло, вы знали об этом послании, когда я разговаривал с вами в Нью-Лондоне?

Костелло покачал головой:

— Я знал лишь о тех надеждах, которые наша организация возлагала на проводимые на Земле исследования. Я знал, что они должны быть завершены на Марсе, — видите ли, я был связным, «почтовым ящиком», так сказать, и все сообщение с Венерой осуществлялось через меня, раз уж мой пост давал мне возможность поддерживать межпланетную связь. Я не знал о том, что курьер — вы, и тем более мне даже в голову прийти не могло, что вы доверили послание организации моей единственной дочери. — Он кисло улыбнулся. — Должен признаться, я даже не сообразил, что ваши мать и отец состоят в нашей Организации, иначе у нас не возникло бы никаких вопросов по поводу вашей телеграммы — могли вы заплатить или нет. Переписка Организации отмечается особыми знаками, которые мне из-

вестны. Их в вашей телеграмме не оказалось. Ну а Харви — довольно распространенная фамилия.

— А знаете, — задумчиво сказал Дон, — пожалуй, если бы доктор Джефферсон объяснил мне, что именно я везу, а вы больше бы доверяли Изабел и хотя бы намекнули ей о том, что здесь происходит, мы много бы чего избежали.

— Может быть. Но люди порой погибают из-за того, что знают слишком много. С другой стороны, нельзя выдать того, чего не знаешь.

— Вы правы. Но мне кажется, что должен быть какой-то способ устраивать дела так, чтобы людям не приходилось мотаться по планетам, набив карманы секретами и боясь проболтаться.

Дракон и человек согласно склонили головы. Мистер Костелло сказал:

— Это как раз то, чего мы хотим в конечном итоге. Именно такого мира.

Дон обратился к хозяину дома:

— Сэр Исаак, когда мы с вами встретились на «Дороге славы», вы знали о том, что доктор Джефферсон использует меня как посыльного?

— Нет, Дональд, хотя я должен был догадаться об этом, узнав, кто ты такой. — Дракон помолчал и добавил: — У тебя есть еще вопросы?

— Нет, я хотел бы просто немного подумать.

Слишком много событий за такое короткое время, слишком много новой информации. Взять хотя бы то, что говорил про кольцо мистер Костелло — о том, к чему все это могло привести, если, конечно, Костелло не ошибался. Космический двигатель, который сможет шутя обгонять корабли Федерации… способ защиты от атомных и даже термоядерных бомб… Располагай Республика такими возможностями, можно было бы запросто послать Федерацию куда подальше!

Но с другой стороны, этот тип, Фиппс, говорил, что вся эта возня затеяна вовсе не для того, чтобы разгромить «зеленых». Организация собирается передать кольцо — что бы в нем ни было — на Марс. Зачем? На Марсе даже нет постоянных поселений людей — только научные станции и экспедиции вроде той, в которой участвуют родители Дона. Марс вообще непригоден для человека — если на то пошло. Тогда почему Марс?

Кому он мог доверять? Изабел, конечно. Он доверился ей, и девушка не подвела. Ее отцу? Изабел и ее отец — разные люди, девушка даже понятия не имела, чем занимается мистер Костелло. Дон взглянул на Изабел; она смотрела на него большими серьезными глазами. Дон посмотрел на ее отца. Что делать? Как ему поступить?

Мэлат? Голос из бочки! Фиппс? Может быть, у него золотое сердце и он очень любит детей, но почему Дон ему должен верить? Да, все они действительно знали про доктора Джефферсона, знали о кольце, возможно, и про родителей его знали — но ведь Бэнкфилд тоже обо всем этом знал. Дону нужны доказательства, а не пустые слова. Теперь-то он уже знает достаточно и пережил тоже достаточно, чтобы понять, какую важную вещь он вез. Он не имеет права ошибиться.

Дон вдруг понял, что у него есть способ проверить все это. Фиппс говорил, будто бы Мэлат вез вторую половину послания, а первая содержалась в кольце. Если выяснится, что вторая половина подходит к той, что лежит у него в кармане, то это и будет лучшим доказательством того, что те, кто устроили эту встречу, имеют право получить послание.

Но черт побери! В таком случае ему придется разбить яйцо, чтобы узнать, свежее оно или стухло. Он должен получить доказательства до того, как отдаст кольцо. Дон уже сталкивался со способом передачи сообщений, состоящих из двух частей. Стандартный прием, к которому прибегали в армии. И прибегали к нему исключительно

в тех случаях, когда было жизненно важно не допустить перехвата сообщения, когда лучше потерять его, чем отдать в руки врага.

Он посмотрел на дракона:

— Сэр Исаак…

— Слушаю тебя, Дональд.

— Что будет, если я не отдам кольцо?

Сэр Исаак ответил не задумываясь, торжественно и очень серьезно:

— Что бы ни произошло, ты — мое яйцо. Это — твой дом, и ты можешь жить здесь или уйти отсюда, ничего не опасаясь. Ты совершенно свободен в своих поступках.

— Благодарю вас, Сэр Исаак, — просвистел Дон, называя дракона его настоящим именем.

— Мистер Харви… — По голосу Костелло чувствовалось: он хочет сказать что-то срочное и важное.

— Да?

— Вы знаете, почему речь драконов называют «истинной речью»?

— Э-э… вообще-то, нет.

— Потому, что это действительно речь истины. Видите ли, я изучал сравнительную семантику. В языке свиста нет даже понятия, обозначающего ложь. А если в языке нет соответствующего

символа, то говорящий даже не может подумать об этом! Спросите Сэра Исаака, мистер Харви! Спросите на его родном языке. Если он ответит, то лишь чистую правду.

Дональд посмотрел на старого дракона. У него мелькнула мысль о том, что Костелло прав — у драконов нет слова для обозначения понятия «ложь»: они либо не додумались до него, либо не имели нужды в неправде. Сможет ли Сэр Исаак солгать? Или он настолько сжился с людьми, что способен вести себя и мыслить как человек? Дон посмотрел на Сэра Исаака, встретив взгляд восьми пульсирующих драконьих глаз. Откуда знать человеку, о чем думает дракон?

— Спросите его! — настаивал Костелло.

Дон не верил Фиппсу. Никакая логика не могла его заставить поверить и Костелло — просто не было к тому причин. А Изабел тут ни при чем. Но кому-то ведь надо верить, в конце концов! Хотя бы иногда. Человеку нельзя в одиночку. Что ж, пусть это будет дракон, тот самый, с которым они вместе «делили ил».

— Не надо, — внезапно сказал Дон. — Вот.

Он полез в карман, достал оттуда кольцо и надел его на одно из драконьих щупалец.

Щупальце обволокло кольцо пульсирующей

плотью.

— Благодарю тебя, Туман-над-Водами.

16. Multum in parvo[54]

Дональд взглянул на Изабел и увидел, что она смотрит на него — серьезно, без улыбки, но, похоже, одобрительно. Ее отец тяжело опустился в соседнее кресло.

— Уф! — вздохнул он. — А вы крепкий орешек, мистер Харви. Заставили меня поволноваться.

— Извините. Я должен все обдумать.

— Теперь это уже не имеет значения. — Костелло обернулся к Сэру Исааку. — Может быть, поискать Фиппса? Как вы думаете?

— Не надо, — раздался от дверей голос. Все присутствующие обернулись — все, кроме Сэра Исаака, которому не было нужды поворачиваться. Фиппс вошел и остановился у порога. — Я пришел в тот момент, когда ты кончал говорить, Джим. Я вам нужен?

— Да, нужен.

— Тогда одну секунду. Я пришел совсем по другой причине. — Он повернулся к Дону. — Я должен извиниться перед вами, мистер Харви.

---

[54] Примечания: 54
Многое в малом *(лат.)*.

— Ну что вы, все в порядке.

— Нет уж, позвольте мне сказать. Я не имел никакого права принуждать вас к сотрудничеству. Поймите меня правильно: нам нужно это кольцо, и мы должны его получить. И я буду и дальше уговаривать вас, спорить с вами до тех пор, пока мы не получим кольцо. Я просто погорячился и начал не с того конца. Нервы на пределе — это все, что я могу сказать в свое оправдание.

— Ну, я тоже вел себя не ахти, — сказал Дон, — так что забудем об этом.

Он повернулся к дракону:

— Сэр Исаак, вы позволите?

Он протянул руку к щупальцу, и на его раскрытую ладонь упало кольцо. Дон подал его Фиппсу.

Несколько секунд Фиппс тупо глядел на кольцо. Потом поднял голову, и Дон с удивлением увидел в глазах у мужчины слезы.

— Я не стану благодарить вас, — сказал Фиппс. — Когда вы увидите, что из всего этого выйдет, это будет значить для вас гораздо больше, чем какая-то там благодарность. В этом кольце заключены жизнь и смерть многих, очень многих людей. Вы сами в этом убедитесь.

От чувства, с которым все это было сказано, Дону стало не по себе.

— Могу себе представить, — серьезно ответил он. — Мистер Костелло уже рассказывал мне про защиту от бомб и про более быстроходные корабли, и я так думаю — все мы в конечном итоге хотим одного. Надеюсь, что я не ошибаюсь.

— Ошибаетесь? Какое там ошибаетесь! И не «в конечном итоге», как вы выразились, а прямо сейчас! А теперь, когда у нас есть вот это, — он поднял руку, в которой было зажато кольцо, — у нас появился шанс спасти наших людей на Марсе!

— На Марсе? — переспросил Дон. — Э-э-э, погодите минутку, что такое с Марсом? Кого спасать? От чего?

Теперь пришел черед удивляться Фиппсу.

— Но разве не поэтому вы отдали кольцо?

— Что значит «поэтому»?

— Разве Джим… А я думал, что вы уже…

Раздался голос водера Сэра Исаака:

— Джентльмены, судя по всему, возникло предположение, что…

— Тихо! — воскликнул Дон. Фиппс открыл было рот, но Дон торопливо его перебил: — Я совсем уже ничего не понимаю. Может мне кто-нибудь объяснить, что происходит? Только кто-нибудь один, а не все сразу.

И Костелло принялся рассказывать.

В течение многих лет Организация потихоньку сооружала на Марсе исследовательский центр. Это было единственное место в Системе, где большинство людей составляли ученые. Федерация держала там лишь военный пост с небольшим гарнизоном. Марсу не придавалось никакого особенного значения: планета считалась местом, где безобидные волосатики-интеллектуалы могут копаться в развалинах и изучать обычаи древней угасающей расы.

Офицеры секретной службы из МБР почти не уделяли внимания Марсу, не видя в этом необходимости. Если туда порой и попадал кто-нибудь из агентов, ему показывали работы, которые военного значения не имели.

У группы, что обосновалась на Марсе, не в пример ученым Земли, не было современного оборудования — всех этих гигантских кибернетических машин, неограниченных источников атомной энергии, сверхмощных ускорителей частиц, огромных лабораторий. Но зато у них было другое — свобода. Теоретическая основа для новых достижений в физике была разработана на Марсе. Она базировалась на некоторых странных записях времен Первой империи — почти мифи-

ческой эпохи политического единства Солнечной системы. Дону было приятно услышать, что его родители тоже внесли немалый вклад в работу над этой проблемой. Было известно — во всяком случае, об этом свидетельствовали древние марсианские записи, — что корабли Первой империи совершали межпланетные перелеты, длившиеся не месяцы, не недели, а какие-то считаные дни.

Имелись пространные описания этих кораблей и их двигателей, но языковые барьеры, несходство основных понятий и различия технологий создавали препятствия, казавшиеся специалистам по сравнительной семантике непреодолимыми и которые едва не доводили их до нервных срывов, причем порой в буквальном смысле этого слова. Чтобы получить представление о возникавших при расшифровке трудностях, можно представить себе учебник по современной электронике, написанный на санскрите, да еще в стихах, где едва ли не половина основных понятий считается чем-то само собой разумеющимся.

Создать точный и вразумительный перевод древних рукописей оказалось невозможно. Чтобы восполнить недостающее, пришлось вложить в работу немало труда и таланта.

Когда теоретическая работа продвинулась на-

столько, насколько это было возможно, члены Организации доставили результаты на Землю для тайной экспериментальной проверки и для перевода теории на язык современных технологий. Поначалу между планетами шел непрерывный обмен информацией, но по мере того, как проблема приобретала все более секретный характер, члены Организации старались путешествовать все реже и реже из опасения выдать то, что они знают. К тому моменту, когда на Венере разразился кризис, уже несколько лет существовала практика отправки самых важных сведений с курьерами, которые ничего не знали и, следовательно, не могли проболтаться, такими как Дон, либо с инопланетными существами, которые были физически невосприимчивы к методам допроса служб безопасности. Например, применять к венерианскому дракону «третью степень»[55] не только непрактично, но даже просто смешно. По иным, но, впрочем, не менее очевидным причинам силовые методы полиции также оказывались бесполезны и по отношению к марсианам.

Дона выбрали в качестве курьера в самый

[55] Примечания: 55

Третья степень — по американской классификации, допрос с применением пыток.

последний момент, когда вариантов практически не осталось — кризис на Венере спутал все карты. Причем весь ужас положения стал ясен лишь после налета коммодора Хиггинса на «Околоземную». Конструкторские наработки — та половина, которую вез Дон, — вместо Марса попали на Венеру и затерялись там в дыму восстания и ответного удара «зеленых». Мятежные поселенцы, преследовавшие те же цели, что и Организация, сами того не ведая, лишили себя великолепного шанса свергнуть власть Федерации.

Сообщение между членами Организации, находившимися на Венере, Земле и Марсе, с грехом пополам было восстановлено, причем действовать приходилось под самым носом полиции Федерации. На всех трех планетах у Организации имелись свои люди в МТТ, такие как Костелло. Ему и его дочери помогли бежать потому, что он слишком много знал; ареста и допроса Костелло допустить было нельзя. Новый «почтовый ящик» был организован на Губернаторском острове при помощи агента, служившего в войсках связи Федерации техником-сержантом. Связь с сержантом поддерживалась через дракона, у которого был контракт на вывоз мусора с базы «зеленых».

У этого дракона не было водера, а сержант, в свою очередь, не знал языка свиста, но передать записку в человеческие руки может и щупальце.

Канал связи, несмотря на опасности и преграды, заработал; вот только теперь члены Организации не могли совершать межпланетные путешествия. Из всех пассажирских линий сохранился один маршрут: Земля — Луна. Венерианская группа предприняла отчаянную попытку завершить проект, предварительная подготовка которого осуществлялась на Марсе. Задача не была совершенно невыполнимой — если бы им удалось найти недостающую часть послания, они могли бы снарядить корабль, отправить его на Марс и там завершить работу.

Они надеялись... и надежда жила в них до самого последнего времени, когда стало известно о том, что в Организации на Земле случилось непоправимое — один из ее высокопоставленных членов, тот, кто слишком много знал, был арестован и не успел совершить самоубийство.

И Федерация уже выслала боевые корабли с десантом, который должен был расправиться с марсианским отделением Организации.

— Минутку! — воскликнул Дон. — Мистер Костелло, разве вы не говорили мне, когда мы

встречались в Нью-Лондоне, что Федерация уже высадила свои войска на Марсе?

— Не совсем верно. Я сказал, что Федерация, по-видимому, захватила станцию «Скиапарелли», на которой размещалось отделение МТТ. В некотором смысле так и произошло; во всяком случае, они ввели жесткую цензуру и прекратили всякое сообщение с Венерой. Для этого им хватило горстки солдат гарнизона, постоянно находившегося на Марсе. Но теперь в дело пущены регулярные части. Они-то и должны ликвидировать Организацию.

Ликвидировать Организацию… Дон перевел это зубодробительное выражение на нормальный язык: убить всех, кто против. Значит, и его родителей тоже…

Он потряс головой. Эта мысль как-то не укладывалась в сознании. Хотя он много лет не видел родителей, совсем не помнил их лица — все равно он не мог представить их мертвыми. Он подумал, а может, он сам умер, раз потерял способность переживать.

Впрочем, неважно. Нужно что-то предпринимать.

— Что нам делать? Как их остановить?

— Первым делом — перестанем терять вре-

мя! — ответил Фиппс. — Мы уже и так полдня потеряли. Сэр Исаак?

— Да, друг мой. Давайте поторапливаться.

Помещение представляло собой обычную лабораторную мастерскую, разве что, когда ее строили, учитывали габариты драконов. Иначе и быть не могло: здесь работали двенадцать драконов, человек пятьдесят мужчин и несколько женщин. Все, кто мог оторваться от работы, захотели присутствовать при вскрытии кольца. Пришел даже Мэлат-да-Тон. Он держался в своем контейнере при помощи механического корсета, и его хрупкое тело переливалось цветами, говорящими о сильном волнении.

Дон и Изабел взобрались на эстакаду у входа, откуда можно было все видеть, не мешая работе. Прямо напротив размещался большой стереопроектор. Он светился, но изображения на нем пока не было. Внизу стоял микроманипулятор, рассчитанный на дракона. Остальную площадь лаборатории занимали прочая аппаратура и инструменты. Дону они казались странными — не потому, что они были созданы драконами для драконов (многие из них были вполне человеческими), просто лабораторное оборудование всегда выглядит непривычно для непрофесси-

онала. Предметы, изготовленные аборигенами, были привычны Дону; две технологии — людей и драконов — настолько переплелись, что человеку, особенно живущему на Венере, не казались странными соединения, выполненные простой скруткой вместо сварки или болтов, он не находил необычными сцепленные друг с другом овоиды там, где человек использовал бы винты.

За микроманипулятором, положив щупальца на управление, сидел Сэр Исаак. Над его головой нависало устройство, снабженное восемью окулярами. Дракон тронул переключатель, проектор ожил, и в нем появилось цветное объемное изображение кольца. Увеличенное изображение имело в поперечнике около восьми футов. Верхушка кольца приблизилась, показалось вырезанное в нем и залитое эмалью углубление в форме заглавной «Х» в белом эмалевом кружке.

Изображение дрогнуло и изменилось. Теперь была видна лишь часть буквы, но зато настолько увеличенная, что эмаль, втертая в неглубокие канавки, стала похожей на обломки каменных плит. Затем появилась тень какого-то цилиндрического инструмента — в фокусе был только его заостренный конец, — из которого вдруг появилась огромная маслянистая капля и, отделившись

от «пера», растеклась по эмали. «Каменные обломки» начали рассыпаться на мелкие куски.

На эстакаду взобрался Монтгомери Фиппс. Увидев Дона и Изабел, он уселся рядом с ними на край платформы. Видимо, он хотел загладить свою недавнюю резкость.

— Вам будет о чем рассказать своим внукам, — сказал он. — Старина Сэр Айк за работой. Лучший микрооператор в Системе: может вытащить любую молекулу, посадить ее куда надо и заставить стоять на задних лапах.

— Фантастика какая-то, — кивнул Дон. — Я и не знал, что Сэр Исаак — лаборант.

— Более того, он талантливый физик. Неужели ты еще не понял, почему он себе выбрал такое имя?

Дон смутился. Он знал, что драконы берут себе человеческие имена, но воспринимал их как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь над их смыслом, так же как не задумываясь воспринимал свое венерианское имя.

— Почти весь его род — ученые, — продолжал Фиппс. — У Сэра Исаака есть внук, который взял себе имя Галилео Галилей, — ты с ним не знаком? Есть у них и Доктор Эйнштейн, и Мадам Кюри, есть специалистка по химическому синтезу,

назвавшая себя — одному Яйцу известно почему — Маленький Лютик[56]. Но Сэр Айк — величайшим ум из них всех. Он летал на Землю, чтобы помочь в разработке нашего проекта. Но ты ведь знал об этом? Да, знал?

Дон признался, что нет. Изабел спросила:

— Мистер Фиппс, вы говорите, что Сэр Исаак работал над проектом на Земле. Почему же тогда он не знал, какая в кольце информация?

— Что-то знал, чего-то не знал. Он работал в области теории. А из кольца (если только нас не постигнет жестокое разочарование) мы надеемся извлечь готовые инженерные разработки, подготовленные для человеческих инструментов и технологий. Это совершенно разные вещи.

Дон задумался. До сих пор «наука» и «техника» представлялись ему более или менее тесно связанными понятиями; Дону не хватало образования, чтобы осмыслить огромную разницу между ними. Он заговорил о другом:

— А вы сами работали в лаборатории, мистер Фиппс?

— Я? Великое небо, конечно нет! У меня ж ру-

---

[56] Примечания: 56

Маленький Лютик (Little Buttercup) — персонаж оперы Гильберта и Салливана «Корабль ее величества „Пинафор“, или Возлюбленная матроса».

ки-крюки! Я изучаю движущие силы истории. Когда-то эта наука была теоретической, теперь — прикладная. Что ж, в этом месте пусто.

Фиппс смотрел на кольцо. Растворитель, каждая капля которого выглядела размером с бочку, смыл эмаль на краю буквы «Х»; под слоем краски пластик оказался янтарного цвета и был совершенно прозрачен.

Фиппс вскочил на ноги:

— Не могу сидеть спокойно. Ужасно нервничаю. Пожалуйста, извините меня.

— Ну что вы, конечно.

На эстакаду взобрался дракон. Фиппс отошел в сторону, и дракон остановился с ним рядом.

— Привет, мистер Фиппс! Не возражаете, если я тут пристроюсь?

— Ради бога. Вы знакомы с ребятами?

— Да, я уже встречался с этой леди.

Дон представился, назвав оба своих имени, и дракон, в свою очередь, свои — Освежающий Дождь и Джозефус («Зовите меня просто Джо»). Для Дона Джо оказался вторым после Сэра Исаака драконом, который имел водер и умел им пользоваться. Дон с интересом посмотрел на дракона; было ясно, что Джо учился английскому не у того кокни, который преподавал язык Сэру Исааку…

«Наверняка у техасца», — решил Дон.

— Для меня большая честь находиться в вашем доме, — сказал Дон.

Дракон устроился поудобнее и опустил голову так, что его подбородок оказался на уровне человеческих плеч.

— Это не мой дом. Эти снобы пустили меня сюда лишь потому, что я умею делать некоторые вещи лучше других. Я здесь только работаю.

— Ну что вы… — Дон хотел было вступиться за Сэра Исаака, какой, мол, из него сноб, но, подумав, решил не встревать в драконьи дела и вновь повернулся к проектору. Следящая камера переместилась на эмалевое кольцо вокруг буквы «Х», и на экране была видна его дуга примерно в пятнадцать — двадцать градусов. Увеличение выросло настолько, что крохотный сектор расширился до огромных размеров. На эмаль вновь уронили каплю растворителя; жидкость разъела краску.

— Вот теперь, пожалуй, что-то получается, — сказал Джо.

Эмаль таяла, словно снег под весенним дождем. Но на этот раз вместо прозрачного пластика под ней открылось нечто вроде переплетения стальных труб, лежащих в неглубокой канаве.

Все это время стояла полная тишина — и вдруг кто-то радостно вскрикнул. Дон только теперь понял, что и сам он все это время сидел затаив дыхание.

— Что это? — спросил он у Джо.

— Проволока. А ты чего ждал?

Сэр Исаак прибавил увеличение и сдвинул рабочее поле на соседний сектор. Осторожно, словно мать, купающая своего первенца, он смывал слой эмали, покрывающий свернутую в кольцо проволочку. Затем появился микроскопический захват. Очень аккуратно покопавшись в бороздке, он извлек оттуда конец проволоки.

Джо встал на ноги и сказал:

— Пора за работу. Теперь моя очередь.

Дракон сошел с эстакады. Дон заметил, что у Джо еще не вполне отросла правая средняя лапа, отчего тот выглядел несколько перекошенно, словно автомобиль со спущенной шиной.

Проволочку медленно и осторожно очистили и выпрямили. С начала операции прошло больше часа — и вот уже микроманипулятор держит в своих «пальцах» добычу: четыре фута стальной проволоки, настолько тонкой, что различить ее невооруженным глазом, даже драконьим, было бы просто невозможно.

Сэр Исаак оторвался от окуляров.

— Проволока Мэлата готова? — спросил он.

— Все готово.

— Вот и прекрасно, друзья мои. Тогда начнем.

Обе проволочки вставили в обычные микропроволочные проигрыватели, включенные параллельно. У пульта, управлявшего синхронизацией сигналов, записанных на разные проволоки, сидел человек в наушниках с озабоченным лицом. Это был мистер Костелло. Стальные паутинки начали медленно раскручиваться, и из динамика раздалось писклявое бормотание, порой на мгновение прерывавшееся, — это было похоже на морзянку, передаваемую с очень высокой скоростью.

— Нет синхронности, — объявил Костелло. — Перемотай назад.

Сидевший напротив оператор сказал:

— Очень не хочется перематывать, Джим. Такое ощущение, что дунь на них — и они порвутся.

— Если проволока порвется, Сэр Исаак починит ее. Так что давай перематывай!

— Может быть, ты поставил какую-нибудь задом наперед?

— Заткнись и включай перемотку.

Через некоторое время бормотание возобнови-

лось. Для Дона это был все тот же бессмысленный писк, но мистер Костелло кивнул:

— То, что надо. Запись идет с самого начала?

Дон услышал техасский выговор Джо:

— Все тип-топ.

— Ладно, тогда пусть крутится, а вы начинайте воспроизводить запись. Постарайтесь замедлить скорость раз в двадцать.

Костелло щелкнул переключателем. Невнятный звук прекратился, но механизмы продолжали разматывать невидимые нити. Вскоре из репродуктора послышался человеческий голос; речь звучала басовито, с дрожью и неразборчиво. Джо остановил воспроизведение, подправил настройку и вновь запустил аппаратуру. Опять послышался голос, и на сей раз это было чистое, приятное и очень отчетливое контральто.

— Заголовок, — объявил голос. — «Записки о практическом применении уравнений Хорста — Милна». Содержание. Часть первая. О конструировании генераторов для реализации свободного от деформации прямолинейного движения. Часть вторая. Генерация пространственно-временных разрывов: закрытых, открытых, свернутых. Часть третья. О создании областей с временным псевдоускорением. Часть первая, глава первая. Основы

конструирования простейших генераторов и систем управления. Из уравнения семнадцать приложения А видно, что…

Голос продолжал говорить, не умолкая ни на секунду. Дон прислушивался, ему было страшно интересно, хотя он и не понимал ни слова. Он почувствовал, что засыпает, когда голос вдруг произнес:

— Иллюстрация! Иллюстрация! Иллюстрация!

Костелло, притронувшись к клавише, отключил звук и спросил:

— Камеры готовы?

— На полном ходу!

— Переключайте!

На экране стало постепенно появляться изображение. Дон решил, что это какая-то электронная схема, а может, спагетти в тарелке. Когда рисунок проявился полностью, вновь зазвучал голос.

Через два с лишним часа прослушивания, прерываемого лишь короткими репликами, Дон обернулся к Изабел:

— Все равно мне с этого никакого толку, ничего нового я здесь не узнаю. Может, пойдем отсюда?

— Давай.

Они спустились с эстакады в туннель, ведущий к жилым помещениям. По пути им встретился

Фиппс, лицо которого прямо-таки светилось от счастья. Дон кивнул ему и хотел было пройти мимо, но Фиппс его задержал:

— А я уж собрался тебя искать.

— Меня?

— Да. Я подумал, что ты, наверно, захочешь взять это — ну, как сувенир, что ли, — и протянул Дону кольцо.

Дон взял его и внимательно рассмотрел. На одной из палочек, которые составляли «Х», там, где была смыта эмаль, темнело едва заметное пятнышко. Окружающее букву кольцо было очищено от краски и имело узкую неглубокую прорезь, в которую Дон едва мог просунуть ноготь.

— Оно вам больше не нужно?

— Мы вытянули из него все, что могли. Пусть оно останется у тебя. Когда-нибудь любой музей отвалит за него хорошие деньги.

— Нет, — сказал Дон. — Уж лучше я его отвезу отцу. Когда все кончится.

17. Перевести часы

Дон переселился из огромных, под стать Гаргантюа, комнат, где его поселили вначале, туда, где жили все остальные люди. Разумеется, Сэр

Исаак разрешил бы ему остаться в гигантских залах, пока не остынет Солнце, но оставаться тут Дону казалось не только глупым — ведь эти комнаты строились в рост драконов, — но и просто-напросто неудобным. Человеку, привыкшему к партизанской войне, такое большое открытое пространство действовало на нервы.

Люди занимали одну из драконьих квартир, комнаты которой поделили для этой цели на небольшие клетушки. Драконье «корыто», которым люди пользовались вместо бассейна, и обеденный стол были для всех общими. Дон жил в одной комнате с доктором Роджером Конрадом, высоким лохматым молодым человеком, с лица которого не сходила улыбка. Узнав о том, что Конрад пользуется среди остальных ученых немалым авторитетом, Дон слегка удивился.

Он редко встречался с соседом, как, впрочем, и с остальными, даже Изабел была постоянно занята канцелярской работой. Группа трудилась день и ночь с лихорадочным напряжением. Да, кольцо было вскрыто, и теперь у них имелись все необходимые для работы данные, но военная эскадра была уже на пути к Марсу. Никто не знал, да и не мог знать, успеют ли ученые и инженеры закончить работу вовремя, чтобы спасти своих

коллег.

Однажды — была уже глубокая ночь, — перед тем как лечь спать, Конрад попытался кое-что разъяснить Дону:

— У нас нет подходящего оборудования, а инструкции рассчитаны на земную и марсианскую технику. Драконы все делают по-другому. У нас здесь мало людей, и очень трудно сляпать из хозяйства драконов то, что нам нужно. Сначала мы думали установить оборудование на этих маленьких суденышках, на которых летают вокруг Марса. Ты их видел?

— Только на фотографиях.

— Я тоже живьем ни разу. Как ракетные корабли они полная ерунда, но герметичны, и места внутри хватает. А теперь нам приходится подлаживать конструкцию к местным челнокам.

Надстратосферный челнок, которому «подстригли уши» — то есть убрали крылья, предназначенные для полета-планирования в атмосфере, — уже ждал своего часа в крытом ангаре неподалеку от дома Сэра Исаака. Он-то и должен был полететь на Марс — если удастся его к этому подготовить.

— Сплошная головная боль, — добавил Конрад.

— Но мы справимся?

— Мы обязаны справиться. Мы не можем провести заново все конструкторские расчеты — у нас нет для этого нужной техники, не говоря уже о том, что нет времени.

— Я про это и спрашиваю. Вовремя мы закончим?

Конрад вздохнул:

— Хотел бы я знать.

Все, кто трудился над проектом, почти физически ощущали давление времени. В столовой повесили карту, на которой отмечалось текущее положение Солнца, Венеры, Земли и Марса. Каждый день, во время обеда, точки, обозначающие планеты, передвигали вдоль линий орбит: Землю — на градус, Венеру — несколько больше, Марс — на полградуса с хвостиком.

Длинным пунктиром, начинавшимся на орбите Земли и оканчивавшимся в точке встречи с Марсом, изобразили траекторию, по которой, скорее всего, будет передвигаться эскадра Федерации. Единственное, что было известно наверняка, — дата вылета кораблей; их траектории и момент прибытия рассчитывались исходя из относительного расположения планет и максимальной скорости. При этом предполагалось, что их дозаправят на одной из околоземных парко-

вочных орбит.

Для ракетного корабля годится не всякая орбита. Разумеется, военный корабль, получивший неотложную боевую задачу, не полетит по экономичной эллиптической траектории — в таком случае путешествие к Марсу заняло бы 258 земных суток. Но даже если двигаться по гиперболе, не жалея топлива, на скорость корабля с обычным реактивным двигателем наложены серьезные ограничения.

Подле карты висели земной календарь и часы, показывавшие время по Гринвичу. Тут же вывешивался листок с цифрой, которую всякий раз уменьшали на единицу, когда часы завершали очередной суточный цикл. Эта цифра означала число дней до расчетного момента прибытия эскадры на Марс. По оценкам, таких дней оставалось всего тридцать девять.

Дон наслаждался жизнью, вот где был настоящий солдатский рай: ешь сколько влезет — горячо, вкусно и подают всегда вовремя, спи, пока не проснешься, чистая одежда, ванна, никаких тебе обязанностей и опасностей. Одно плохо — слишком скоро все это стало у него поперек горла.

Видя кипящую вокруг лихорадочную деятель-

ность, Дон прямо сгорал от стыда и всюду лез со своей помощью. Но скоро понял, что если ему что-то и поручают, то единственно, чтобы отвязаться. В сущности, ничего дельного ему предложить не могли; у специалистов, на пределе своих возможностей пытавшихся заставить работать невероятной сложности электронные схемы, попросту не было времени на неквалифицированного помощника. Дон сдался и к ним больше не приставал, он стал жить, как и жил, особенно ничего не делая, и скоро обнаружил в себе способность засыпать днем. Результатом такого открытия стала ночная бессонница.

Он спросил себя, почему не может просто наслаждаться таким приятным отдыхом. Причиной была тревога за родителей.

И еще какая! Пусть их образы потускнели в памяти, все равно Дона постоянно мучила совесть из-за того, что они там — в опасности, а он здесь — сидит сложа руки. Больше всего ему хотелось сейчас уехать отсюда, раз толку от него все равно никакого, вернуться к привычным занятиям — туда, где между боями ни о чем не болит голова, а уж когда ты в деле — тревоги хоть отбавляй. Медленно ползти под прикрытием ночи, вокруг ни звука, только слева и справа дышат твои то-

варищи, ползти и думать, какие еще ловушки на этот раз понаставили на пути «зеленые», чтобы охранять свой сон… затем быстрый удар — и со всех ног бегом к лодке, вслепую, ничего не видя, не слыша, только ощущая костями черепа трели ультразвукового свистка офицера…

Да, ему хотелось назад.

Дон отправился к Фиппсу, чтобы обсудить это дело, и нашел его в кабинете.

— А, это ты?! Закурим?

— Нет, спасибо.

— Настоящий табак, а не эта ваша «балдежная трава».

— Спасибо, я не курю.

— Честно говоря, ты не много теряешь. По утрам во рту сплошная помойка… — Фиппс закурил сигарету и откинулся в кресле.

— Слушайте, вы здесь главный… — начал Дон.

Фиппс выпустил дым и осторожно сказал:

— Ну, скажем так: я — координатор. Технической работой я даже не пытаюсь руководить.

Дон отмахнулся:

— В том деле, о котором я хочу поговорить, вы — главный. Послушайте, мистер Фиппс, я чувствую себя тут совершенно бесполезным. Не могли бы вы распорядиться и отправить меня

обратно в часть?

Фиппс выпустил аккуратное кольцо дыма.

— Очень жаль, что ты так себя чувствуешь. Хочешь работу? Моим помощником?

Дон покачал головой:

— Я уже устал от этих «собери палочки и разложи их в ряд». Мне нужно настоящее дело — мое дело. Я солдат, идет война, и мое место там. Когда мне могут дать транспорт?

— Никогда.

— Что?

— Мистер Харви, я не могу вас отпустить: вы слишком много знаете. Если бы вы отдали кольцо, не задавая лишних вопросов, вы могли бы вернуться в свое подразделение уже через час, но вам обязательно нужно было все знать. А теперь мы не можем зря рисковать — а вдруг вас заберут в плен? Вы же знаете, что «зеленые» допрашивают каждого пленного по полной программе. Нет, мы рисковать не можем — по крайней мере, сейчас.

— Но, черт побери, сэр! Меня не возьмут в плен! Я уже давно это решил.

Фиппс пожал плечами:

— Если вы успеете пустить себе пулю в лоб — тогда все в порядке. Но мы не можем быть в этом

уверены, несмотря на ваше решение. Рисковать нельзя: на карту поставлено слишком многое.

— Вы не можете держать меня здесь! Не имеете права!

— Не имею. Но отсюда вы все равно не уйдете.

Дон открыл рот, закрыл и вышел.

Наутро он проснулся с твердым намерением положить этой проблеме конец. Конрад уже встал и собрался уходить. Остановившись в дверях, он сказал:

— Дон…

— Чего тебе, Родж?

— Если у тебя хватит сил оторваться от подушки, приходи в энергетическую лабораторию. Там будет кое-что интересное. Мне кажется, это стоит посмотреть.

— Да? А в котором часу?

— Ну, скажем, часиков в девять утра.

Дон появился в лаборатории, где собралось, должно быть, все местное людское население и добрая половина многочисленного семейства Сэра Исаака. Парадом заправлял Роджер Конрад. Он колдовал у консоли управления, приборы на ней ни о чем не говорили непосвященному. Повозившись какое-то время с ручками настройки, Конрад поднял глаза и сказал:

— Ну, ребята, смотрите на птичку — там, над столом.

Он нажал кнопку.

Над лабораторным столом возник и завис в воздухе ничем не поддерживаемый серебристый шар диаметром примерно в два фута. Он был идеальной сферической формы и полностью отражал свет. Дон подумал, что больше всего он напоминает шар с рождественской елки. Конрад торжествующе улыбнулся:

— Отлично. Тони, ударь-ка его топором!

Тони Винсенте, самый сильный из лаборантов, поднял припасенный заранее большой топор:

— Как его раскроить — сверху или сбоку?

— Как хочешь.

Винсенте занес топор над головой и нанес мощный удар.

Топор отскочил.

Шарик даже не дрогнул, и на его зеркальной поверхности не осталось ни трещинки. Мальчишеская улыбка на лице Конрада сделалась еще шире.

— Конец первого акта, — объявил он и нажал другую кнопку. Шар бесследно исчез, словно испарился.

Конрад склонился над пультом.

— Акт второй! — объявил он. — Только что мы показали лишь половину наших возможностей. А теперь отойдите от стола. — И вскоре, подняв голову, скомандовал: — Внимание! Цельсь! Огонь!

На этот раз в воздухе повисла уже полусфера. Ее искривленная поверхность была обращена кверху.

— А теперь, Тони, засунь туда демонстрационный объект!

— Секундочку, сначала прикурю. — Винсенте зажег сигарету, глубоко затянулся и сунул сигарету вместе с пепельницей под полусферу. Конрад вновь поколдовал над пультом, и полусфера опустилась на стол, закрыв собой пепельницу.

— Может быть, кто-нибудь хочет пощупать ее топором? — спросил Конрад.

Желающих сразиться с непонятной штуковиной не нашлось. Конрад опять что-то сделал, и полусфера приподнялась. Сигарета как ни в чем не бывало продолжала дымить.

— Как вам понравится идея опустить такой колпак на столицу Федерации на Бермудах и подержать его там, пока мы с ними не договоримся? — спросил Конрад.

Естественно, эта идея встретила единодушное одобрение. Все — или почти все — присут-

ствующие здесь члены Организации имели венерианское гражданство и чувствовали себя повстанцами, независимо от того, чем конкретно они сейчас занимались. В гуле возбужденных голосов послышался вопрос Фиппса:

— Доктор Конрад, а что это, собственно, было? Не объясните попопулярней? Я имею в виду — как эта штука работает? О ее огромных возможностях мы догадываемся.

Лицо Конрада стало серьезным.

— Мм… Видите ли, шеф, проще всего, наверно, было бы сказать так: фазарта модулирует гарбаб в таком фазовом соотношении, что трималину приходится бэстать — или, говоря другими словами, кто-то запустил мышь в ванную. А если серьезно, популярного объяснения просто не существует. Если вы готовы провести вместе со мной лет пять за математикой, то я, пожалуй, смогу подтянуть вас к тому состоянию невежества и непонимания, в котором пребываю сам. Некоторые из тензорных уравнений, мягко говоря, необычны. Но инструкции были достаточно четкими, и мы сумели их выполнить.

Фиппс кивнул:

— Спасибо — именно эти слова я и хотел услышать. Придется порасспросить Сэра Исаака.

— Ради бога. Я и сам с удовольствием послушаю.

Несмотря на то, что коллективу лаборатории удалось смастерить часть оборудования, описанного в проволочном послании, беспокойство Дона не проходило. Ежедневно сменяющиеся цифры на стене столовой напоминали ему, что время уходит, а он по-прежнему не у дел. Дон уже не пытался выклянчить разрешение вернуться в зону боевых действий; он принялся строить планы, как выбраться туда самому.

Ему доводилось видеть карты Большого Южного моря, и он примерно представлял, где сейчас находится. К северу лежала необитаемая территория, на которой не жили даже драконы, зато их кровожадных сородичей там было хоть отбавляй. Эта местность считалась непроходимой. Южный путь по берегу моря был гораздо длиннее, но он пролегал по территориям драконов, а дальше начинались приграничные фермы людей. Располагая недельным запасом продуктов и зная язык свиста, можно было надеяться добраться до ближайшего поселения, а оттуда податься дальше. Что же касается прочего, то у него есть нож и смекалка, к тому же сейчас Дон был куда лучше подготовлен к жизни среди болот, чем в

то время, когда бежал от людей Бэнкфилда.

Он принялся тайком выносить еду из столовой и прятать ее у себя в комнате.

До предполагаемого побега оставались лишь день и ночь, когда Фиппс пригласил его в свой кабинет. Поначалу Дон идти не хотел, но потом решил, что это будет выглядеть подозрительно.

— Присядь-ка, — предложил Фиппс. — Сигарету? Ах, да, я забыл. Чем ты занимался в последнее время? Нашлась для тебя работа?

— Куда там!

— Прости. Слушай, Харви, ты, вообще-то, задумывался над тем, как будет выглядеть мир, когда все это закончится?

— В общем-то, нет… — Дон попробовал себе такое представить, но его мысли были слишком неопределенными, чтобы их высказать вслух. Что же касается его самого, что ж, когда-нибудь война кончится — он так думал, — и тогда он наконец-то разыщет своих родителей, ну а потом…

— Каким бы ты хотел видеть будущий мир?

— Не знаю, — ответил Дон. — Я не из этих — не из «политически мыслящих». Мне, в общем-то, все равно, как им будут управлять. Главное, должна быть свобода. По-моему, человек должен иметь возможность делать то, что он хочет и

может. Его нельзя принуждать.

Фиппс согласно кивнул:

— У нас с тобой гораздо больше общего, чем ты мог подумать. Сам я далек от пуризма в политике. Всякое правительство, которое становится слишком могущественным и преуспевающим, превращается в помеху. Именно это произошло с Федерацией — а ведь начинала она вполне прилично, — и теперь понадобилось малость укоротить ей руки. Чтобы граждане могли вкусить хоть чуточку этой самой свободы.

— Может быть, у драконов идея и правильная — никаких организаций крупнее, чем семья.

Фиппс покачал головой:

— То, что годится для драконов, не годится для нас. Кроме того, семья может подавлять индивидуальность не хуже любого правительства. Взгляни на здешнюю молодежь: им приходится ждать лет пятьсот, прежде чем они смогут хотя бы чихнуть без разрешения. Я спрашиваю твое мнение потому, что сам не знаю ответа, а ведь я занялся динамикой истории еще тогда, когда тебя и на свете не было. Я знаю лишь, что мы собираемся выпустить в мир такие силы, об истинном могуществе которых мы можем только догадываться.

Дон удивился:

— Мы и без этого умели летать в космос. Какая разница, просто теперь мы будем летать быстрее. Ну а все остальное — так, по-моему, это неплохая идея: накрыть города куполом, чтобы их нельзя было разрушить даже ядерной бомбой.

— Согласен. Но это пока начало. Я тут набросал список возможных последствий — это только то, что мне пришло в голову. Во-первых, ты недооцениваешь важности увеличения скорости перелетов. Что же касается прочего, то я и сам не очень-то все представляю. Годы, понимаешь, уже не те, с воображением туговато. Но как тебе нравится такая идея: теперь прямо отсюда мы можем перебрасывать воду на Марс, причем в огромных количествах. — Фиппс сморщил лоб. — Мало того, мы могли бы передвигать сами планеты.

Дон поднял глаза. Где-то он уже про такое слышал… Но где?

— Впрочем, неважно, — продолжал Фиппс. — Я лишь хотел узнать точку зрения молодого человека, имеющего более свежий взгляд на вещи. Ты можешь на досуге над этим поразмышлять. Эти парни из лабораторий думать не будут, это точно. Физики творят чудеса, но не ведают, какие чудеса могут получиться из этих чудес. — Он помолчал

и добавил: — Мы переводим часы, но не знаем, какое время они будут показывать.

Фиппс замолчал, и Дон с облегчением подумал, что разговор закончен. Он поднялся на ноги.

— Нет, нет, подожди, — остановил его Фиппс. — Я хотел сказать тебе кое-что еще. Ты собрался уходить, правильно?

Дон вздрогнул и застыл на месте:

— С чего вы взяли?

— Значит, правда. Одним прекрасным утром мы проснемся и увидим, что твоя кровать пуста. А потом будет много беспокойства, пока тебя не найдут и не притащат обратно.

Дон успокоился.

— Это Конрад вам настучал, — сказал он с горечью.

— Конрад? Нет. Сомневаюсь, что наш уважаемый доктор способен разглядеть что-нибудь большее, чем электрон. Нет, поверь мне, я сам не дурак. Я работаю с людьми — это моя профессия. Согласен, в первую нашу встречу я обошелся с тобой грубо, но ты вспомни, как я был страшно измотан. Усталость — это ведь легкая форма сумасшествия. Но дело вот в чем: ты собираешься сбежать, а я не могу тебя остановить. Я неплохо знаю драконов и уверен, что Сэр Исаак не позво-

лил бы мне помешать тебе, решись ты уйти. Ведь ты, черт тебя подери, его яйцо! Но я не имею права позволить тебе сбежать. Причины я тебе объяснял, и они остаются в силе. Поэтому я предпочел бы прикончить тебя, только бы ты не ушел.

Дон пригнулся, перенеся вес тела на одну ногу.

— Думаете, получится? — очень тихо спросил он.

Фиппс усмехнулся:

— Нет, не думаю. Именно поэтому я нашел другой выход. Ты знаешь, что мы подбираем команду для космического корабля. Не хочешь на нем полететь?

18. «Маленький Давид»

У Дона отвисла челюсть; он так и остался стоять с раскрытым ртом. К чести его, надо сказать, что хотя такая мысль и приходила ему в голову, серьезно он к ней не относился. Дон был не настолько тщеславен, чтобы рассчитывать, что ему разрешат лететь, чтобы удовлетворить его личные пожелания, — только не в этот раз.

— Честно говоря, — продолжал Фиппс, — я собираюсь это сделать единственно для того, чтобы избавиться от тебя и держать подальше от ищеек Федерации до тех пор, пока это не потеряет

значения. Но мне кажется, что я сумел бы найти и другое оправдание. Мы хотим подготовить к полету столько людей, сколько сможет поднять «Маленький Давид», чтобы потом комплектовать из них экипажи других кораблей. Но мой выбор ограничен. Большинство в нашей группе — люди немолодые либо хлипкие близорукие юные гении, годные только для лабораторий. А ты молодой, здоровый, у тебя быстрая реакция — уж я-то знаю! К тому же ты с пеленок привык к космосу. Правда, ты не обучен для работы на корабле, но это не так важно — на этих кораблях летать никто не учился. Итак, мистер Харви, вы хотели бы отправиться на Марс, с тем чтобы вернуться оттуда капитаном Харви, на борту своего собственного корабля, который сможет нанести удар по этим паразитам-федералам, снующим вокруг Венеры? Ну если не капитаном, то уж старшим помощником точно, — добавил Фиппс, подумав о том, что на двухместном корабле меньшего поста Дону просто никак не занять.

Хочет ли он? Не то слово! Дон уже собрался выпалить «да», но от неожиданности у него отнялся язык. И тут его пронзила ужасная мысль; от Фиппса не укрылось отразившееся на миг на лице Дона замешательство.

— Что случилось? — резко сказал он. — Испугался?

— Испугался? — с обидой переспросил Дон. — Конечно же испугался. Меня пугали столько раз, что я не боюсь испугаться еще один. Не в этом дело.

— Тогда в чем? Отвечай!

— Да в том, что сейчас я нахожусь на военной службе. И не могу отправиться на прогулку за миллионы миль. Это называется дезертирство. Меня после этого, чего доброго, сначала повесят, а уж потом станут задавать вопросы.

Фиппс облегченно вздохнул:

— Ясно. Думаю, это можно уладить. Позволь, я об этом позабочусь.

Так оно и вышло. Уже через три дня Дон получил новый приказ, на этот раз в письменном виде. Конверт был доставлен на остров таинственным способом, о котором Дон мог только гадать.

В приказе говорилось:

«Дональду Дж. Харви, сержанту-специалисту 1-го класса.

Передано по каналам связи.

1. Вы направляетесь для выполнения особого задания на неопределенный срок.

2. Вы будете перемещаться по мере необходи-

мости, связанной с выполнением этого задания.

3. Задание выполняется в интересах Республики. Когда Вы сочтете, что Ваши обязанности исчерпаны, Вам следует доложить об этом в ближайший компетентный орган и потребовать, чтобы Вас обеспечили транспортом для переезда к месту дислокации Генерального штаба, где Вы отчитаетесь начальнику штаба лично.

4. На время выполнения задания Вам присваивается временное звание младшего лейтенанта с сохранением прежнего денежного довольствия.

За командующего

Дж. С. Басби, подполковник (временное звание)

С приказом ознакомлен:

1. Приказ доставлен курьером.

Генри Марстен, капитан (временное звание),

командир 16-й гондольной тактической группы»

К бланку приказа скрепкой была пришпилена записка:

P. S. Дорогой «лейтенант»!

Это, вероятно, самый глупый из приказов, которые я в жизни визировал. Что за чертовщину ты там устроил? Женился на одной из драко-

них? Или застал важную шишку в неприличном виде? Во всяком случае, желаю тебе не скучать и — доброй охоты!

Марстен

Дон положил приказ и записку в карман. Время от времени он залезал туда, чтобы их потрогать.

Дни бежали один за другим, пунктирная линия все ближе подбиралась к Марсу, а команда все больше и больше нервничала. На стене столовой появилась еще одна цифра — дата, к которой нужно было подготовить «Маленького Давида», если они хотели поспеть вовремя.

В день, когда экипаж наконец-то поднялся на борт, календарь показывал именно эту дату. За двадцать минут до старта Дон все еще сидел у Сэра Исаака, а его багаж (если пожитки Дона можно назвать багажом) уже был погружен на борт. Прощаться с Сэром Исааком оказалось много тяжелее, чем мог ожидать Дон. Его голова не была заморочена чепухой насчет «проекции образа отца» или чем-нибудь в этом роде, он просто понимал, что дракон был для него единственным родным существом, куда роднее, чем двое людей на далекой планете, к которой он собрался лететь.

Взглянув на часы, Дон почти с облегчением

увидел, что уже опаздывает.

— Надо бежать, — сказал он. — До старта девятнадцать минут.

— Да, мой дорогой Дональд. Ваша жизнь так коротка, что вам приходится жить в безумной спешке.

— Что ж… Ну — пока.

— Доброго пути, Туман-над-Водами.

Выйдя из кабинета Сэра Исаака, Дон остановился, высморкался и привел себя в порядок. Из-за колонны вышла Изабел:

— Дон, я пришла попрощаться.

— Что? Ах да, конечно. Разве ты не пойдешь посмотреть, как стартует корабль?

— Нет.

— Что ж, как хочешь. Но мне нужно бежать, Бабуля.

— Я же говорила: хватит меня так называть!

— Сама же наврала про свой возраст. Теперь терпи это, Бабуля.

— Дон, ты упрямая скотина! Возвращайся. Ты меня понял?

— Ну конечно! Мы мигом вернемся.

— Будь осторожен. Ты такой глупый, не можешь сам о себе позаботиться. Ну ладно… Чистого неба!

Она схватила его за уши, быстро поцеловала и убежала.

Дон смотрел ей вслед, растерянно потирая губы. Да, думал он, девчонки такой непонятный народ, почище драконов. Возможно, они тоже совсем другая раса.

Он поспешил на стартовую площадку. Казалось, тут собрались чуть ли не все колонисты. Дон пришел последним из экипажа, за что был награжден мрачным взглядом капитана Родса, командира «Маленького Давида». До этого Родс работал на «Межпланетных линиях», затем служил в воздушных силах. В колонии он появился три дня назад. Скупой на язык, Родс почти все время проводил в обществе Конрада. Дон погладил карман и подумал о том, не получил ли и Родс такой же странный приказ.

«Маленького Давида» вытащили на берег и установили на направляющие. Ему не нужна была катапульта для взлета, да она и не была доступна. Все три стартовые катапульты челноков находились в руках сил Федерации. До старта корабль был замаскирован ветками; теперь их скинули, дорога в небо была открыта.

Дон посмотрел на «Маленького Давида» и подумал, что тот больше похож на огромную,

удивительно уродливую бетономешалку, чем на космический корабль. Из левого и правого бортов сиротливо торчали обрубки ампутированных крыльев. Остроконечный нос был срезан, а на его место водрузили бульбу радарной установки. На корпусе тут и там — везде, где требовалась переделка, — виднелись сварные швы: корабль переоборудовали в спешке, и людям было не до красоты.

Ракетные двигатели были сняты, а там, где раньше находился топливный бак, теперь разместилась ядерная энергетическая установка. Большая часть пассажирского салона была прикрыта массивным противорадиационным экраном, предназначенным для защиты экипажа от губительного излучения реактора. По всей поверхности фюзеляжа, искажая изящные обводы корпуса, торчали выпуклые диски — Конрад называл их «антеннами». «Антенны» должны были искривлять пространство. На антенны, по мнению Дона, эти штуки не очень-то походили.

Экипаж «Маленького Давида» состоял из девяти человек: Родса, Конрада, Дона и еще шестерых. Все они были молоды и зачислены в экипаж на правах стажеров, за исключением Роджера Конрада, которого величали «офицер по хрено-

винам»; это было неблагозвучно, но зато звучало короче, нежели «офицер по специальному оборудованию». На корабле находился лишь один пассажир — старина Мэлат. Он на глаза не показывался, Дон тоже не особо стремился его увидеть. Для него загерметизировали кормовую часть оставшегося жилого пространства, и воздух там поддерживался разреженным, сухим и холодным.

Команда была уже на борту, шлюз задраили, и Дон занял свое место. Несмотря на то что большая часть салона была заполнена новым оборудованием, в крохотном суденышке оставалось еще достаточно пассажирских кресел. Капитан Родс уселся в кресло за пультом управления и гаркнул:

— Пост ускорения! Пристегнуть ремни!

Дон щелкнул замками.

Родс обернулся к Конраду, который все еще был на ногах. Ученый небрежно заявил:

— Буквально две минуты, джентльмены. Поскольку у нас не было времени на испытания, это будет очень интересный эксперимент. Может случиться любая из трех вещей. — Он сделал паузу.

— Вот как? Выкладывайте! — отрывисто сказал

Родс.

— Первое. Возможно, вообще ничего не произойдет. Нас могут подвести мелкие просчеты в теории. Второе — система может сработать. А в-третьих, это все может взорваться. — Конрад ухмыльнулся. — Никто не желает сделать ставку?

Никто не ответил. Конрад опустил глаза и сказал:

— Ладно, капитан, жмите на педаль!

Дон подумал, что вдруг наступила ночь, а корабль ни с того ни с сего перешел в режим свободного падения. Желудок Дона, уже свыкшийся с высокой силой тяжести на Венере, сделал неприятный скачок и жалобно заскулил. Конрад, который так и не пристегнулся ремнями, плавал в воздухе, держась рукой за пульт управления.

— Простите, джентльмены! — сказал он. — Небольшая ошибочка. Давайте-ка, для удобства нашего пассажира, установим тут гравитацию, как на Марсе.

И положил пальцы на клавиатуру.

Дон внезапно почувствовал, как его тело вновь обрело вес, примерно на треть обычного, и желудок вернулся на место. Конрад сказал:

— Отлично, капитан, можете им разрешить отстегнуться.

Сзади кто-то спросил:

— Что случилось? Не сработало?

— Сработало лучше не бывает, — ответил Конрад. — На самом деле все это время мы идем с ускорением… — он помолчал, сверяясь с показаниями приборов, — в двадцать *g* — с тех пор, как мы покинули атмосферу.

Корабль мчался в темноте, отрезанный от прочей Вселенной тем, что ученые называли «разрывом непрерывности», хотя эти слова не совсем правильно отражают сущность явления. Лишь во время каждой второй вахты Конрад на несколько минут отключал поле, чтобы дать капитану Родсу возможность сориентироваться непосредственно по звездам. В эти минуты в корабле наступала невесомость и в иллюминаторах ярко светили звезды. Затем вновь опускалась темнота, и «Маленький Давид» возвращался в свой маленький замкнутый мир.

После каждой коррекции капитан тихо ругался и как минимум трижды перепроверял свои расчеты.

Между вахтами, когда не было других дел, Конрад вел занятия со стажерами ровно столько, на сколько ему хватало терпения. Для Дона большинство его лекций казалось такой же аб-

ракадаброй, как и памятная попытка ученого объяснить суть дела Фиппсу.

— Я ничего не понимаю, Родж, — признался он после того, как их инструктор в третий раз повторил сказанное.

Конрад пожал плечами и улыбнулся:

— Не принимай к сердцу. К тому времени когда ты поставишь оборудование на собственном корабле, ты будешь знать его, как нога свой родной башмак. А сейчас — давай-ка еще разок повторим.

Если не считать этих занятий с Конрадом, делать было совершенно нечего, а корабль был слишком тесен и мал. Почти беспрерывно шла игра в карты. У Дона с самого начала денег было не густо. Вскоре он и вовсе остался на мели, и с картами было покончено. Он только спал и думал.

Он решил, что Фиппс прав: такие скорости и правда изменят мир. Отныне люди будут совершать межпланетные путешествия так же просто, как сейчас на Земле перелетают с континента на континент. Это будет то же самое, что пересесть с парусника на трансокеанскую ракету, только изменение это произойдет мгновенно, а не растянется на три сотни лет.

Может быть, когда-нибудь он снова вернется на Землю — что ни говори, а у этой планеты тоже есть свои приятные стороны. Верховая езда, например. Интересно, помнит ли его Лодырь?

Дон мечтал научить Изабел ездить верхом. Хотел бы он посмотреть на ее лицо, когда она впервые увидит лошадь!

Но одно было Дону совершенно ясно: даже если удастся однажды вернуться, на Земле он не останется никогда. На Венере и Марсе ему тоже не хотелось задерживаться надолго. Теперь он знал, что его место — там, где он родился, в космосе. Любая планета была для него чем-то вроде гостиницы, и только в космосе — его родной дом.

Может быть, он отправится к звездам на «Первопроходце». Дон вдруг подумал о том, что если, дай бог, они выберутся из этой передряги живыми, то член экипажа «Маленького Давида» будет, пожалуй, иметь неплохие шансы на участие в Долгом полете. Конечно, на «Первопроходец» будут брать только супружеские пары, но это он препятствием не считал. Дон был уверен, что к нужному моменту он уже женится, хотя и не мог сказать, откуда у него такая уверенность. Ну а Изабел как раз из тех девушек, что пойдут за своим мужем хоть на край света, она не станет запирать

его дома. Но в любом случае «Первопроходец» отправится в путь нескоро, они задержатся, чтобы установить на нем привод Хорста — Милна — Конрада, как только о нем станет известно.

Как бы там ни было, Дон собирался после войны немного попутешествовать. Когда он вернется из этого полета, его должны будут перевести в Гвардию, а служба в Космической гвардии даст ему хорошее положение при увольнении в запас. Если на то пошло, уже сейчас, считай, он служит в Космической гвардии!

Макмастерс говорил правду: единственный способ попасть на Марс — это отправиться туда в составе военного подразделения.

Дон огляделся вокруг. Бесконечная игра в карты все продолжалась, а двое парней дулись в кости. В слабом поле искусственного тяготения кубики лениво кувыркались по палубе. Конрад откинул спинку своего кресла и спал, разинувши рот. Да уж, подумал Дон, кому бы сейчас показать такую картинку — ударная группа, собравшаяся спасать мир. Больше всего это место напоминало неубранную постель.

В обычное пространство они должны были выйти на одиннадцатый день, вблизи Марса, и, если расчеты правильны, где-то рядом должны

были оказаться корабли Федерации — они заканчивали гонку нос в нос с земной эскадрой. На смену занятиям по двигательным установкам пришли тренировки на боевых постах. Арта Френкеля Родс назначил вторым пилотом, у него был кое-какой опыт управления кораблем; Конраду помогал Франклин Чанг, тоже ученый-физик. Из четверых оставшихся двое обслуживали радиостанцию, двое — радар. Боевой пост Дона располагался на возвышении в центре корабля позади кресел пилотов — в его ведении был «пульт мертвеца». Он должен был удерживать подпертый пружиной рубильник, включающий уничтожение корабля. Устройство это известно уже не одно столетие и называется «рукоять мертвеца», потому что оно срабатывает, только если его оператор мертв.

На первом занятии Конрад проверил, как справляется на своих постах экипаж, а затем подошел к креслу Дона:

— Ты понял, что от тебя требуется, Дон?

— Конечно. Сначала я вот этим переключателем активирую бомбу, а потом хватаюсь за «рукоять мертвеца».

— Ничего подобного! Сначала ты берешься за рукоять, а потом взводишь переключатель!

— Ах да, конечно. Я просто сказал не в том порядке.

— Смотри не сделай это «не в том порядке»! Помни об этом, лейтенант: если ты его отпустишь, все полетит к чертовой матери.

— Хорошо, хорошо. Слушай, Родж, эта штука взрывает атомную бомбу, правильно?

— Нет. Для нас это слишком дорогое удовольствие. Но можешь не сомневаться: той взрывчатки, что мы имеем, нам за глаза хватит. Так что позаботься, чтобы взорвать корабль при угрозе захвата, но не отпускай ручку ни в каком другом случае. Если захочется почесаться — будь выше этого.

Подошел капитан Родс, кивком головы велел Конраду отойти в сторону и тихим голосом, чтобы не слышали остальные, спросил у Дона:

— Харви, вы довольны своим заданием? Против ничего не имеете?

— Да нет, ничего, — ответил Дон. — Я знаю, что у всех остальных лучше техническая подготовка. Так что мое место здесь.

— Я не это имел в виду, — поправил его капитан. — Вы могли бы заменить любого другого, кроме меня и Конрада. Но я хочу быть уверенным, что вы справитесь с этой работой.

— Почему нет? Взяться за одно, нажать на другое — и насмерть держаться за первое. Для этого высшая математика не требуется.

— И опять вы меня не поняли. Я вас не знаю, Харви. Мне известно, что у вас есть боевой опыт. А у остальных его нет, потому-то вам и доверили этот пост. Люди, которые вас знают, считают, что вы справитесь. Я не беспокоюсь о том, что вы позабудете держать эту ручку, но я хочу знать: когда понадобится отпустить ее, вы сможете это сделать?

Дон ответил почти мгновенно, но этого мгновения хватило, чтобы в памяти отозвалось многое: доктор Джефферсон, совершивший самоубийство — теперь он в этом больше не сомневался; Старина Чарли, губы которого дрожали, но рука оставалась твердой; и тот голос, что долетел до него сквозь туман: «Венера и свобода!»

— Думаю, смогу, если потребуется.

— Отлично. Про себя я бы так не сказал. А теперь я полагаюсь на вас, сэр. Если случится непоправимое, не допустите, чтобы мой корабль был захвачен.

И капитан вернулся к своему креслу.

Напряжение нарастало, и нервы у людей были закручены почти до предела. У них не было

полной уверенности, что они выйдут в пространство рядом с эскадрой Федерации. Она вполне могла выбрать иной маршрут, а не ту орбиту, которую они сочли оптимальной. Не было даже уверенности в том, что силы Федерации еще не высадились на Марс и не захватили там ключевые точки, из которых их трудно будет выбить. Чудесные приборы «Маленького Давида» были предназначены для сражений с кораблями в открытом космосе, а не для зачистки противника на поверхности планеты.

У Конрада была и другая причина для беспокойства, но ее он вслух не высказывал: вооружение корабля могло сработать не так, как планировалось. Уж кому-кому, а Роджеру было прекрасно известно, как ненадежна теория, когда дело доходит до практики. Он знал, как часто самые блестящие теории сводились на нет какими-нибудь естественными причинами, о которых ранее не подозревали. Практику не заменишь ничем, а это новое оружие до сих пор не было испытано. Привычная улыбка исчезла с его лица, и он вдобавок вдрызг разругался с Родсом по поводу расчетного времени «выхода».

В конце концов они утрясли свои разногласия; полчаса спустя Родс спокойно сказал:

— Пора, джентльмены. Занять боевые посты!

Он уселся в свое кресло, пристегнулся ремнями и отрывисто скомандовал:

— Доложить о готовности!

— Второй пилот готов!

— Радиостанция готова!

— Радар готов!

— Спецвооружение готово.

— «Мертвец» готов! — подвел Дон черту под перекличкой.

Потянулись долгие секунды ожидания. Родс тихо предупредил Малата по внутренней связи, чтобы он приготовился к невесомости, а затем скомандовал:

— Готовность номер один!

Дон покрепче сжал рукоятку самоподрыва.

Внезапно он ощутил невесомость; в переднем и боковых иллюминаторах вспыхнули звезды. Марс не был виден, и Дон решил, что он где-то «внизу», под кораблем. Солнце осталось за кормой и не светило в глаза. Обзор был превосходный: «Маленький Давид» начинал свою карьеру как крылатый челнок, и перед креслами пилота имелся блистер, какие обычно устанавливают в самолетах. Оттуда, где сидел Дон, все было видно не хуже, чем Роду и второму пилоту, и гораздо

лучше, чем всем остальным.

— Радар? — спросил Родс.

— Не спешите, капитан! Даже со скоростью света… Так-так! Сигнал!

— Удаление и координаты объекта!

— Тета триста пятьдесят семь запятая два; фи минус ноль запятая восемь; радиус удаления шесть восемь ноль…

— Данные вводятся автоматически, — резким голосом оборвал Конрад.

— Прицелами отслеживаете?

— Пока нет.

— В радиусе действия?

— Нет. По-моему, мы должны затаиться и подпустить их как можно ближе. Возможно, они нас не заметили.

Скорость корабля была уменьшена, чтобы облегчить маневрирование, но «Маленький Давид» все же сближался с источником отраженного сигнала не менее чем на девяносто миль за секунду. Дон напряг глаза, пытаясь разглядеть корабли, если это от них отражался радарный луч. Бесполезно — его биосканеры явно уступали электронным.

Нервы у всех были на пределе. Расстояние все уменьшалось, и наконец стало казаться, что ис-

точником сигнала служит не военная эскадра, а какой-нибудь шальной астероид. И в этот миг тишину разорвал писк радиопеленгатора, автоматически отслеживающего частоты связи.

— Засекай! — крикнул Родс.

— Сейчас, — раздалось в ответ, и после короткой паузы: — Они требуют, чтобы мы назвали себя. Все в порядке, это наши клиенты.

— Переключи на меня. — Родс обернулся к Конраду. — Ну, что у вас?

— Надо подойти ближе. Тяните время! — Лицо Конрада посерело и взмокло от пота.

Родс нажал кнопку и заговорил в микрофон:

— Что за корабль? Назовите себя.

Из громкоговорителя над капитанским креслом раздался усиленный аппаратурой голос:

— Назовите себя, или будете уничтожены!

Родс опять посмотрел на Конрада. Тот был слишком занят, чтобы оглядываться. Родс заговорил в микрофон:

— Эсминец «Маленький Давид», капер под флагом Республики Венера. Немедленно сдавайтесь.

Дон вновь напряг зрение. Теперь ему показалось, что прямо по курсу появились три новые звездочки.

Ответ задержался лишь на то время, которое

потребовалось радиолучам, чтобы достичь адресата.

— Флагман Федерации «Миротворец» — пиратскому судну «Маленький Давид». Сдавайтесь, или будете уничтожены.

На безмолвный вопрос Родса Конрад ответил, скривив неуверенное лицо:

— Они все еще довольно далеко. Трудно целиться. Боюсь промазать.

— Времени нет! Давай!

Теперь Дон уже достаточно четко различал корабли, невероятно выросшие в размерах. Затем внезапно один из них сделался серебристым шаром, а следом — второй и третий. На том месте, где секунду назад была эскадра мощных военных кораблей, теперь висела гроздь гигантских шаров, словно снятых с рождественской елки Гаргантюа. Шары продолжали увеличиваться, смещаясь влево, и вот они уже сверкают за кормой «Маленького Давида»… «Сражение» кончилось.

Конрад судорожно вздохнул:

— Вот и все, капитан. — Он обернулся и добавил: — Дон, нам всем будет как-то легче, если ты поставишь свой механизм на предохранитель. Он больше не понадобится.

Под ними проплывал Марс, коричневато-крас-

ный и удивительно красивый. На «Скиапарелли», межпланетной радиостанции МТТ, уже сидела огромная серебристая «шляпа», сохраняя в тайне их атаку. Капитан Родс связался с местной станцией связи и предупредил о своем прибытии. Менее чем через час корабль должен был опуститься в районе да-Тон. Мэлат сам выбрался из своего холодильника. От его болезного вида пропал и след — марсианин был свеж как огурчик и ради того, чтобы посмотреть на родные свои места, даже не побоялся выбраться в теплый, плотный и влажный воздух кабины.

Чтобы лучше все видеть, Дон вновь уселся в свое боевое кресло. Сказочные каналы уже можно было различить невооруженным глазом; они расчерчивали поверхность планеты, порой окрашенную в мягкие зеленые тона, но большей частью в оранжевый и кирпично-красный. На юге хозяйничала зима, и казалось, что на планету, как поварской колпак, нахлобучили белую шапку. Это напомнило ему о Старине Чарли; Дон подумал о нем с легкой грустью — легкой, потому что время брало свое: слишком много чего с той поры случилось.

Марс, наконец-то… уже сегодня он увидит родителей — и отдаст отцу кольцо. Конечно, все

получилось не совсем так, как они планировали.

Ничего, в следующий раз он постарается не избегать окольных путей.

Космическое семейство Стоун

Лаки, Доку и Барбаре

1. Те самые близнецы

Братья стояли и смотрели на старую развалину.

— Утиль, — решил Кастор.

— Нет, — возразил Поллукс. — Старье — возможно. Барахло — как ни посмотри. Рухлядь — допустим. Но не утиль.

— Ты оптимист, юноша.

Им обоим было по пятнадцать, но Кастор был на двадцать минут старше брата.

— Я всегда верю в лучшее, дедуля. Неплохо бы тебе последовать моему примеру. Позволь заметить, ни на что лучшее у нас все равно денег не хватит. Слабо на таком взлететь?

Кастор задрал голову:

— Почему слабо? Эта штука ни в жизнь не поднимется настолько высоко, чтобы рухнуть. Мы собрались на астероиды. А эта древняя таратайка и до Земли-то не долетит.

— Долетит, если я доведу ее до ума — с твоей

косорукой помощью. Давай посмотрим, чего там недостает.

Кастор взглянул на небо:

— Поздно уже.

Он смотрел не на Солнце, от которого на лунную равнину падали длинные тени, а на Землю: время он определял по линии заката, которая сейчас пересекала Тихий океан.

— Слушай, дедуля, мы корабль покупаем или пытаемся не опоздать к ужину?

— Как хочешь, юноша, — пожал плечами Кастор.

Он опустил свою антенну и начал карабкаться вверх по веревочной лестнице, оставленной для потенциальных покупателей. При подъеме он пользовался одними руками и двигался, несмотря на громоздкий скафандр, легко и изящно. Поллукс полез следом.

Добравшись до центра управления, Кастор немного приободрился — корабль был ободран не так основательно, как остальные на стоянке. Правда, баллистический компьютер отсутствовал, но все остальные навигационные приборы были на месте, а пульт машинного отделения как будто совсем не пострадал. Потрепанный космосом корабль не был развалиной — он просто

устарел. Беглый осмотр машинного отделения подтвердил это.

Через десять минут Кастор, все еще беспокоясь об ужине, погнал брата обратно к лестнице. Когда Кастор спустился вниз, Поллукс спросил:

— Ну как?

— Говорить буду я.

Контора стоянки помещалась в надувном доме, до которого нужно было идти около мили. Братья двинулись к нему легким, скорым шагом заправских лунных жителей. Над входом в контору висела громадная вывеска:

ТОРГОВЕЦ ДЭН
КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ
И СУДА ВСЕХ ТИПОВ ***
МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЛОМ *** ЗАПЧАСТИ ***
ЗАПРАВКА ГОРЮЧИМ И ОБСЛУЖИВАНИЕ
(Лицензия КАЭ № 739024)

Близнецы прошли через входной шлюз и сняли друг с друга шлемы. В приемной за перегородкой сидела девушка, полировала ногти и смотрела новости по телевизору. Не отрываясь от экрана, она сказала:

— Мы ничего не покупаем, мальчики, и никого не принимаем на работу.

— А корабли вы продаете? — спросил Кастор.

— Случается, но не часто, — взглянула на него девушка.

— Тогда скажите своему боссу, что мы хотим его видеть.

Она подняла брови:

— По-твоему, это смешно, сынок? Мистер Экизян — человек занятой.

— Пойдем к Венгру, Кас, — сказал Поллукс. — Здесь бизнесом и не пахнет.

— Пожалуй, ты прав.

Девушка посмотрела сначала на одного, потом на другого, пожала плечами и щелкнула переключателем:

— Мистер Экизян, тут пришли двое бойскаутов и говорят, что хотят купить корабль. Будете с ними возиться?

— Почему бы и нет? — ответил глубокий баритон. — У нас есть что предложить.

Вскоре к ним вышел лысый представительный мужчина с сигарой в зубах и в мятом костюме. Он положил руки на перегородку и пристально посмотрел на братьев. Голос, однако, был приветливый.

— Вы хотели меня видеть?

— Вы хозяин? — спросил Кастор.

— Дэн Экизян собственной персоной. Что вас интересует, мальчики? Время — деньги.

— Ваш секретарь уже сказала вам, — нелюбезно ответил Кастор. — Космические корабли.

Дэн вынул сигару изо рта и стал ее рассматривать.

— Правда? И зачем вам, ребята, космический корабль?

Поллукс буркнул что-то. Кастор сказал:

— Вы всегда ведете деловые переговоры здесь? — и посмотрел на девушку.

Экизян перехватил его взгляд:

— Виноват. Пройдите в кабинет. — Он открыл братьям дверку в перегородке, провел к себе, усадил и торжественно предложил сигары. Близнецы вежливо отказались. — Ну, говорите, ребята. Шутки в сторону.

— Космические корабли, — повторил Кастор.

Дэн поджал губы.

— Может быть, межпланетный лайнер? У меня в данный момент его нет, но всегда могу достать.

— Он над нами смеется, Кас. — Поллукс встал. — Пошли к Венгру.

— Минутку, Пол. Мистер Экизян, у вас там на южной стороне стоит развалюха седьмого класса — «детройтер» девяносто третьего года. Какая у

вас цена за металлолом и сколько в нем весу?

— Это славное суденышко? — удивился торговец. — Я его на лом не продаю. Да хоть бы и на лом, вам это дорого встанет. Если вам нужен металл, так у меня он есть — скажите только, сколько вам надо и какого сорта.

— Мы говорим о «детройтере».

— Мы с вами как будто раньше не встречались, мальчики?

— Извините, сэр. Я Кастор Стоун, а это мой брат Поллукс.

— Рад познакомиться, мистер Стоун. Стоун… Стоун? Имеете отношение к… А-а, «те самые близнецы», вот вы кто.

— Здесь полагается улыбнуться, — сказал Поллукс.

— Заткнись, Пол. Да, мы близнецы Стоун.

— Морозоустойчивый дыхательный клапан — ваше изобретение?

— Да.

— На моем скафандре такой стоит. Ничего штучка. Вы, ребята, настоящие механики. — Он еще раз оглядел их. — Вы это серьезно насчет корабля?

— Конечно серьезно.

— У меня есть как раз то, что вам нужно, «пры-

гун» «Дженерал моторс», почти новый. Его брали в счет будущей прибыли двое старателей, они искали торий, но неудачно. В трюме — никакой радиации.

— Не интересует.

— Да вы только посмотрите! Автоматическая посадка, три скачка — и вы огибаете экватор. Как раз для таких шустрых, активных ребят, как вы.

— Так что насчет «детройтера» — сколько хотите за лом?

— Он предназначен для полетов в глубоком космосе, сынок, — обиделся Экизян, — и вам ни к чему. И я не могу продать его на лом — он в полном порядке. Это была семейная яхта — ни разу не испытывала перегрузок более шести *g*, ни одной аварийной посадки. Сотни миллионов миль еще может налетать. Я бы не продал этот корабль на вес, даже если бы вы уплатили заводскую стоимость. Это был бы просто срам. Я люблю корабли. А взять этот «прыгун»…

— Вы же не сможете продать «детройтер» как-то иначе, только на лом, — ответил Кастор. — Насколько я знаю, он торчит здесь не меньше двух лет. Если бы вы рассчитывали продать его как корабль, вы бы не стали снимать компьютер. Корпус выщерблен, трубы не в порядке — ремонт

встанет дороже, чем все судно. Так почем он на вес?

Торговец Дэн раскачивался в своем кресле, и на лице его было написано страдание.

— Такой корабль — на лом? Заправить его топливом — и лети куда хочешь, хоть на Венеру, хоть на Марс, хоть на спутники Юпитера.

— Сколько возьмете наличными?

— Наличными?

— Наличными.

Экизян помялся и назвал цену. Кастор встал:

— Ты был прав, Поллукс. Пойдем к Венгру.

Теперь на лице торговца отразилась боль.

— Да захоти я взять его себе, и то не мог бы снизить цену — это было бы нечестно по отношению к моим компаньонам.

— Пошли, Пол.

— Слушайте, ребята, я не могу отпустить вас к Венгру. Он вас надует.

— Может, он хотя бы сделает это вежливо? — свирепо рявкнул Поллукс.

— Да заткнись ты, Пол! Извините, мистер Экизян, у брата, бывает, вырвется такое… Но мы с вами не договоримся. — Он поднялся с места.

— Минутку. Вы придумали хороший клапан, сам им пользуюсь и вроде как в долгу у вас. — И

Экизян назвал другую цифру, поменьше.

— Очень жаль, но нам это не по карману, — сказал Кастор и последовал за братом к выходу.

— Погодите! — Экизян назвал третью цифру. — Наличными, — добавил он.

— Разумеется. Налог с продажи вы оплатите?

— Ну… при оплате наличными — да.

— Хорошо.

— Садитесь, джентльмены. Сейчас позову мою девочку, и мы оформим бумаги.

— Спешить некуда, — ответил Кастор. — Нам надо еще посмотреть, что есть на складе у Венгра, и на государственном складе тоже много чего попадается.

— Как так? Эта цена действительна только при условии немедленного заключения сделки. Меня зовут Дэн-Торговец. У меня нет времени торговаться дважды.

— У нас тоже нет. Увидимся завтра. Если корабль не будет продан, сможем продолжить с того, на чем остановились.

— Если хотите, чтобы я держал эту цену, вам нужно уплатить мне опционную премию.

— Нет-нет, я совсем не хочу, чтобы вы из-за нас откладывали продажу. Если вам представится возможность продать корабль завтра, мы не

будем становиться вам поперек дороги. Пошли, Пол.

Экизян пожал плечами:

— Приятно было познакомиться, ребята.

— Спасибо, сэр.

В шлюзе, дожидаясь окончания цикла, Поллукс сказал:

— Надо было уплатить ему опцион.

Кастор смерил его взглядом:

— Ты туго соображаешь, юноша.

Выйдя из конторы Дэна-Торговца, братья направились в космопорт, чтобы оттуда уехать подземным поездом в город — пятьдесят миль к западу от порта. У них оставалось меньше тринадцати минут, чтобы поспеть домой к ужину. Само по себе опоздание было не так уж важно, но Кастор не хотел открывать семейную дискуссию оправданиями по поводу этой второстепенной провинности и поэтому все время подгонял Поллукса.

Их путь лежал по территории компании «Дженерал синтетикс». На целые мили кругом тянулись гигантские установки крекинга, гелиоэкраны, конденсаторы, фракционные колонны — все, что помогало использовать палящую жару, резкий холод и неисчерпаемый вакуум в про-

мышленных целях. Это были Дантовы джунгли ни на что не похожих строений, но братья не обращали внимания на окружающее — они к нему привыкли. Близнецы неслись по заводской дороге летящими прыжками, которые допускает слабое притяжение Луны, делая по двадцать миль в час. На полдороге к порту их нагнал заводской вездеход. Поллукс помахал ему.

Увидев его поднятую руку, водитель отозвался из кабины по радио:

— Вам чего?

— Вы не челнок с Земли едете встречать?

— По прихоти судьбы — да.

— Это Джефферсон, — сказал Поллукс. — Эй, Джефф — мы Кас и Пол. Подбросьте нас до станции подземки.

— Лезьте в кузов. «Осторожно, вулкан — восхождение только проверенной трассой». — Дождавшись, когда они заберутся, он спросил: — Вы, рыжие авантюристы, что привело вас на эти задворки цивилизации?

Кастор нерешительно посмотрел на Поллукса. Они уже довольно давно знали Джефферсона Джеймса — играли против него в шары на городском чемпионате. Он был давнишний, но не коренной лунный житель — прилетел на Луну

еще до их рождения собирать материал для романа. Роман так и остался недописанным.

Поллукс кивнул, и Кастор спросил:

— Джефф, вы умеете хранить тайну?

— Конечно — но позвольте заметить, что эти радиостанции вещают во все стороны. Посоветуйтесь со своим адвокатом, прежде чем сознаться в преступном деянии либо намерении.

Кастор посмотрел вокруг: никого в прямой видимости, кроме двух грузовых вездеходов вдалеке.

— Мы собираемся заняться бизнесом.

— А когда вы им не занимались?

— Это новое направление — межпланетная торговля. Хотим купить корабль и сами на нем летать.

Водитель присвистнул:

— Напомните, чтобы я продал свои акции «Экспорта Четырех Планет». И когда же состоится ваш блиц?

— Мы пока присматриваем корабль. У вас ничего нет на примете?

— Дам задание своим шпионам. — Джефф замолчал — вблизи космопорта движение стало более оживленным. Потом сказал: — Вам выходить. — Пока мальчики выбирались из кузова,

Джефф добавил: — Если будут нужны люди в экипаж, не забудьте про меня.

— Ладно, Джефф. Спасибо, что подвезли.

Несмотря на попутку, они опоздали. Взвод десантников из военной полиции, ехавший в город на дежурство, заполнил первый вагон подземки. Когда подали второй, прибыл корабль с Земли, и его пассажиры прошли вперед. Потом пошла смена с заводов синтеза. Время ужина давно миновало, когда братья добрались до своей квартиры в полумиле от окраины Луна-Сити.

— Ага, звездолетчики явились, — встретил их мистер Стоун. Он сидел с маленьким магнитофоном на коленях, к шее был прикреплен ларингофон.

— Па, это было неизбежно, — начал Кастор. — Мы…

— Это всегда неизбежно, — прервал его отец. — Детали значения не имеют. Ваш ужин в грелке. Я хотел отослать его обратно, но ваша мама сжалилась и не позволила.

Доктор Стоун отозвалась с другого конца гостиной, где работала над прической их старшей сестры Мид:

— Вношу поправку. Сжалился как раз отец, а я бы заставила вас поголодать. Мид, не верти

головой.

— Шах, — объявил их четырехлетний братик и встал с пола, где играл с бабушкой в шахматы. Он подбежал к близнецам. — Эй, Кас, Пол, вы где были? В порту? Почему меня не взяли? Вы мне что-нибудь принесли?

Кастор схватил его за ноги и перевернул вниз головой.

— Да. Нет. Возможно. С чего бы? Лови, Пол. — Он бросил ребенка Полу, тот поймал его за ноги.

— Это тебе шах, — заявила бабушка, — и мат в три хода. Не позволяй светским удовольствиям отрывать тебя от игры, Лоуэлл.

Продолжая висеть вниз головой, мальчик извернулся и посмотрел на доску:

— Неверно, Хейзел. Я тебе отдам свою королеву, а потом — *тадаааммм*!

Бабушка снова посмотрела на доску:

— Да ну? Погоди-ка — а если я не возьму твою королеву? Тогда… ах ты, маленький негодник! Снова он меня поймал.

— Ты бы не давала ему так часто выигрывать, Хейзел, — сказала Мид. — Ему это совсем не на пользу.

— Мид, в десятый раз говорю — не верти головой!

— Прости, мама. Давай передохнем.

— Ты что же думаешь, — фыркнула бабушка, — я ему нарочно поддаюсь? Играй с ним сама, я с этим кончаю раз и навсегда.

Мид взялась отвечать, одновременно начала говорить миссис Стоун, и в этот же момент Поллукс со словами «Держи его, я хочу есть» перебросил брата Кастору.

Младший завизжал.

— ТИХО! — заорал мистер Стоун. — Вот так, — удовлетворенно сказал он, снимая ларингофон. — Как можно зарабатывать на жизнь в таком бедламе? Мне надо закончить эту серию и завтра отправить в Нью-Йорк, где ее должны отснять, разложить по коробочкам, разослать и показать по всем каналам к концу недели. Нет никакой возможности…

— Тогда не делай этого, — безмятежно ответила доктор Стоун. — Или работай в своей комнате — там звукоизоляция.

Мистер Стоун повернулся к супруге:

— Дорогая, я тысячу раз объяснял, что не могу работать в одиночестве. Мне не хватает раздражителей, и я засыпаю.

— Как там у тебя, папа? — спросил Кастор. — Круто?

— Ну, если тебе интересно, то злодеи взяли верх, и я не вижу выхода для наших героев.

— Пока мы с Полом ходили, я кое-что придумал. Тому парнишке, которого ты ввел в сюжет, надо пробраться в рубку, пока все спят. Они этого от него не ожидают. Он слишком маленький, поэтому его не заковали. А в рубке он… — Кастор замолчал с обескураженным видом, — Нет, не пойдет: он слишком мал, чтобы управлять кораблем. Не сумеет.

— Ну почему же? — возразил отец. — Нужно только дать ему шанс, чтобы он… ну-ка… — Лицо его приняло отсутствующее выражение. — Нет, — заявил он наконец.

— Не годится?

— А? Банально, конечно, но, по-моему, можно использовать. Стивенсон применил нечто подобное в «Острове сокровищ», а до него, надо полагать, это сделал Гомер. Ну-ка, посмотрим — а если… — И он снова впал в транс.

Поллукс открыл тепловой шкаф. Кастор опустил младшего на пол, принял пакет с ужином из рук брата и открыл его.

— Опять мясной пирог, — недовольно протянул он, понюхав содержимое. — Да еще и синтетический.

— Повтори еще раз, да погромче, — поддержала его сестра. — Уж сколько времени уговариваю маму перейти на обслуживание в другой ресторан.

— Не разговаривай, Мид, — ответила доктор Стоун. — Я делаю тебе рот.

Бабушка Хейзел фыркнула:

— У вас, молодых, все слишком просто. Когда я прилетела на Луну, мы по три месяца жили на одних соевых бобах и растворимом кофе.

— Хейзел, — заметила Мид, — когда ты рассказывала об этом в прошлый раз, вы голодали два месяца, а вместо кофе был чай.

— Кто из нас лжет, молодая леди? Я или ты? — Хейзел встала и спросила близнецов: — Что это вы делали на складе Дэна Экизяна?

Братья переглянулись, Кастор осторожно спросил:

— А кто тебе сказал, что мы там были?

— Не пробуйте провести свою бабушку. Если бы вы прожили…

Все семейство подхватило хором:

— …на Луне столько, сколько я!

Хейзел опять фыркнула.

— Иногда диву даюсь: и зачем я выходила замуж, — заметила она.

— Не ищи ответа, — сказал ей сын и обратился

к близнецам: — Так что же вы там делали?

Кастор вопросительно взглянул на Поллукса и ответил:

— Видишь ли, папа, дело в том….

— Ваши лучшие всплески фантазии всегда так начинались, — кивнул отец. — Слушайте все внимательно.

— Насчет тех денег, которые ты для нас хранишь…

— И что же?

— Три процента — не так уж много.

Мистер Стоун энергично потряс головой:

— Я не собираюсь вкладывать ваши гонорары в какие-нибудь сомнительные акции. Может, я и не родился финансовым гением, но, когда я вручу вам эти деньги, они будут в целости.

— Вот видишь. Тебе от них одно беспокойство. Ты мог бы передать их нам прямо сейчас — и конец всем заботам.

— Нет. Вы еще слишком молоды.

— Мы не были «слишком молоды», чтобы заработать эти деньги.

— Готов, Роджер, — хмыкнула бабушка. — Поди сюда, я попробую остановить кровь.

— Не прерывай Роджера, когда он беседует с близнецами, мама, — миролюбиво сказала док-

тор Стоун. — Мид, повернись чуть-чуть влево.

— Тут ты попал в точку, Кас, — ответил мистер Стоун. — Но чтобы распоряжаться ими, вы все-таки еще слишком молоды. К чему ты, собственно, ведешь?

Кастор подал брату знак глазами, и Поллукс включился в беседу:

— Папа, у нас есть хороший шанс пустить эти деньги в дело. Никаких сомнительных акций, речь вообще не об акциях. Мы все до цента поместим туда, где деньги будут у нас на глазах, и в любое время дня сможем их вернуть. А заработать можно будет гораздо больше.

— Мм… это каким же образом?

— Мы купим корабль и заставим его работать.

Отец открыл рот. Кастор быстро вставил:

— Мы можем дешево купить «детройтер-семь» и сами его отремонтируем — на ремонт ни цента не потратим.

Слово тут же взял Поллукс:

— Ты же сам говорил, папа, что мы оба — прирожденные механики, что у нас руки правильно вставлены.

Кастор подхватил:

— Мы будем с ним нянчиться, как с ребенком, ведь он будет наш собственный.

Поллукс. У нас обоих есть свидетельства на управление кораблем и силовой установкой. Экипаж нам не понадобится.

Кастор. Никаких накладных расходов, вот в чем вся прелесть.

Поллукс. Мы полетим с товаром на астероиды, а вернемся с грузом руды. Прибыль гарантируется.

Кастор. Четыреста процентов, а то и пятьсот.

Поллукс. Шестьсот, скорее всего.

Кастор. А тебе никаких хлопот.

Поллукс. И мы перестанем сидеть на твоей шее.

Кастор. И опаздывать к обеду.

Поллукс открыл было рот, но отец снова заорал:

— ТИХО! Эдит, — обратился он к жене, — тащи бочку. Время пришло.

У мистера Стоуна была теория, о которой он периодически вспоминал, что близнецов следует держать в бочке и кормить через дырочку от затычки. Однако такой бочки в природе не существовало.

— Да, дорогой, — сказала доктор Стоун, продолжая заниматься макияжем Мид.

— Не тратьте деньги на «детройтер», — сказала бабушка Стоун. — Они неустойчивы — гироси-

стема плохая. Я бы его и даром не взяла. Берите лучше «дуглас».

— Хейзел, — повернулся к ней сын, — если ты намерена поощрять мальчишек в этой глупости…

— Вовсе нет! Вовсе нет! Чисто умозрительная дискуссия. Вот на «дугласе» они могли бы заработать. У «дугласа» очень удобный…

— Хейзел!

Бабушка умолкла, затем задумчиво проговорила:

— Я знаю, на Луне существует свобода слова, — сама писала в декларации.

— Знаете, мальчики, — снова обратился Роджер Стоун к сыновьям, — когда торговая палата решила включить в свою программу «Дорогу — молодым» курсы пилотов, я это приветствовал. И был за, когда они решили выдавать юношеские права тем, кто закончит курсы с отличием. Когда вы получили ваши корочки, я ужасно гордился. Это игра для молодых — коммерческим пилотам выдают права в восемнадцать лет, а…

— А на пенсию их отправляют в тридцать, — закончил Кастор. — У нас времени в обрез. Не успеешь оглянуться, как станешь слишком стар для этой игры.

— Замолчи. Сейчас я говорю. Если вы думаете, что я возьму деньги из банка и позволю двум юным питекантропам болтаться по Системе на развалюхе, которая того и гляди взорвется при первой же двукратной перегрузке, вы глубоко ошибаетесь. Кроме того, в будущем сентябре вы отправляетесь учиться на Землю.

— Мы уже были на Земле, — ответил Кастор.

— И нам там не понравилось, — добавил Поллукс.

— Слишком грязно.

— И слишком шумно тоже.

— И кругом одни кроты, — закончил Кастор.

— Вы там пробыли две недели, — отмахнулся мистер Стоун, — и не успели понять, что это за место. Вы полюбите Землю, когда привыкнете к ней. Научитесь ездить верхом, играть в бейсбол, увидите океан…

— Много грязной воды, — ответил Кастор.

— Лошади вечно что-то жрут.

— А уж бейсбол этот… — продолжал Кастор. — Бессмысленная игра. Как это можно вычислить траекторию при одном *g*, чтобы выйти на точку контакта с мячом в свободном полете? Мы не люди-арифмометры.

— Я же играл в него.

— Но ты вырос при одном *g* — у тебя искаженное представление о законах физики. И зачем нам, собственно, учиться играть в бейсбол? Мы же не сможем играть в него здесь, когда вернемся. Так и шлем можно разбить.

— Спорт — это не главное, — покачал головой мистер Стоун. — Играть в бейсбол или не играть — это ваше дело. Но вы должны получить образование.

— А чем плох техникум Луна-Сити? Чего он нам не дал? В конце концов, папа, ты же был в Комитете по образованию.

— Нет, я был мэром.

— Это делало тебя членом комитета ex officio[57] — Хейзел нам так сказала.

Мистер Стоун покосился на мать. Та смотрела в пространство.

— Наш техникум хорош в своем роде, — сказал он, — но мы не можем дать его ученикам полноценное образование. Все-таки пока еще Луна — окраина цивилизации, фронтир…

— Но ты же сказал в прощальной речи, — прервал его Поллукс, — что Луна-Сити — это будущие Афины и надежда новой эпохи.

---

[57] Примечания: 57
По должности *(лат.)*.

— Поэтическая вольность. Техникум — еще не Гарвард. Разве вы, ребята, не хотите увидеть великие произведения земного искусства? Разве не хотите познакомиться с великой литературой Земли?

— «Айвенго» мы читали, — сказал Кастор.

— А «Мельницу на Флоссе» читать не хотим, — добавил Поллукс.

— Мы предпочитаем твое творчество.

— Мое творчество? Это же не литература. Это скорее анимированный комикс.

— А нам нравится, — твердо сказал Кастор.

Отец глубоко вздохнул:

— Спасибо. Ты напомнил, что сегодня вечером мне еще предстоит пластаться над целым эпизодом, а посему я прекращаю дискуссию. Во-первых, вы не сможете взять деньги без отпечатка моего большого пальца, а я с этого дня буду носить перчатки. Во-вторых, вы еще слишком молоды, чтобы получить постоянные права.

— Ты можешь устроить нам временные права, действующие в Системе. Когда вернемся, мы, возможно, будем достаточно взрослыми для постоянных.

— Вы слишком молоды!

— Слушай, папа, — заметил Кастор, — только

полчаса назад ты одобрил мою идею, что одиннадцатилетний малец может управлять кораблем.

— Я прибавлю ему лет!

— Это испортит всю идею.

— Да провались она! Это всего лишь литература, к тому же низкопробная. Просто трюк, чтобы сбыть товар. — Стоун вдруг подозрительно посмотрел на сына. — Кастор, ты нарочно подсунул мне эту мысль? Чтобы было на что опереться при защите своей безумной затеи?

— Отец, как ты мог подумать такое? — Кастор был полон праведного возмущения.

— Я тебе дам «отец». Я пока еще могу отличить кукушку от ястреба.

— Кто ж не может? — вставила бабушка Хейзел. — Класс «ястреб» — чисто торговый тип, а «кукушка» — это небольшая спортивная машинка. Подумайте об этом мальчики, «кукушка» может оказаться даже лучше «дугласа». Мне нравится ее раздельное управление и…

— Хейзел! — рявкнул Роджер. — Перестань подыгрывать им. И хватит хвастаться — ты не единственный инженер в семье.

— Единственный хороший, — самодовольно ответила Хейзел.

— Да ну? На мою работу тоже никто не жало-

вался.

— Что ж ты тогда ее бросил?

— Сама знаешь. Месяцами возишься с головоломными цифрами, а что в итоге? Ремонтный док или дробилка для лома. И кому это нужно?

— Значит, ты не инженер, а просто человек, который разбирается в технике.

— А сама? Ты тоже не работала по специальности.

— Да, — созналась Хейзел, — но у меня были другие причины. Я видела, как трое здоровенных волосатых мужиков получили повышение в обход меня, и ни один из них не умел интегрировать по частям без помощи карандаша. Вскоре я поняла, что в Комитете по атомной энергии существует предубеждение против женщин, что бы там ни говорилось в гражданском кодексе. Поэтому я и пошла работать в казино. В Луна-Сити тогда особенно не из чего было выбирать, да и ты был у меня на руках.

Спор как будто угасал, и Кастор решил, что самое время его оживить.

— Хейзел, ты правда думаешь, что нам лучше взять «кукушку»? Я не уверен, хватит ли у нас денег.

— Ну, на самом деле тогда вам нужен будет

третий в экипаже, чтобы…

— Хочешь войти в долю?

— Хейзел, — вмешался мистер Стоун, — я не намерен больше терпеть твое потворство. Я решительно против…

— Хватит меня воспитывать, Роджер. В девяносто пять мои наклонности уже определились.

— Как же, в девяносто пять! На прошлой неделе тебе было восемьдесят пять.

— Неделя выдалась тяжелая. Вернемся к нашим баранам. Почему бы тебе не отправиться с ними? Ты бы присмотрел за ними, берег их от неприятностей…

— Кто? Я? — Мистер Стоун перевел дух. — А: даже десантник не смог бы уберечь этих недозрелых наполеонов от неприятностей. Я знаю, я пробовал. Б: мне не нравится «кукушка», она жрет слишком много топлива. В: мне каждую неделю нужно делать по три серии «Бичей космоса», включая и ту, которую я должен записать сегодня вечером, если эта семейка когда-нибудь угомонится!

— Роджер, — ответила ему мать, — эта семья живет среди проблем, как рыба в воде. И никто не просит тебя покупать «кукушку». Что касается «В», то дай мне чистую катушку — и я надиктую

тебе твои три серии, пока буду причесываться на ночь. — Волосы у Хейзел были еще густые и совершенно рыжие, И пока еще никто не поймал ее на том, что она их красит. — Все равно тебе пора разорвать этот контракт. Ты выиграл пари.

Роджер поморщился. Два года назад он позволил втянуть себя в пари, что сможет писать продукцию лучшего качества, чем та, что продается с Земли, — и с тех пор увяз в трясине щедрых гонораров и премий.

— Я не могу себе этого позволить, — слабо сказал он.

— Что проку в деньгах, если тебе некогда их тратить? Давай пленку и вертушку.

— Ты не сумеешь.

— Хочешь пари?

Роджер отступил — никто никогда еще не выигрывал пари у Хейзел.

— Это не меняет дела. Я человек семейный — мне надо еще подумать об Эдит, Мид и Вундере.

Мид повернула к нему голову:

— Если речь обо мне, папочка, то мне *хотелось бы* полететь. Я же нигде никогда не была — только один раз на Венере и два раза в Нью-Йорке.

— Сиди тихо, Мид, — спокойно сказала доктор Стоун и повернулась к мужу. — Знаешь, Роджер,

я как раз думала, какая тесная у нас квартира. И мы нигде не были, как сказала Мид, с тех пор как вернулись с Венеры.

— И ты тоже? — уставился на нее мистер Стоун. — Эдит, эта квартира все же просторнее, чем любой корабельный отсек, сама знаешь.

— Да, но корабль кажется больше. А при невесомости места гораздо больше, чем в нашей квартире.

— Дорогая, если я правильно понял, ты поддерживаешь проект этого пикника?

— Совсем нет! Я говорю в общем и целом. Но ты на корабле спишь лучше. Ты никогда не храпишь в невесомости.

— Я вообще не храплю!

Доктор Стоун не ответила. Хейзел хмыкнула. Поллукс перехватил взгляд Кастора, тот кивнул, и близнецы тихо удалились в свою комнату. Им стоило немалого труда втянуть мать в семейные дебаты, но они потрудились не зря: без нее ни одно важное решение не могло быть принято.

Вскоре к братьям постучалась Мид; Кастор впустил ее. Она была одета точь-в-точь по моде американского Старого Запада.

— Опять на танцы?

— Сегодня вечером отборочные. Слушай, Кас,

даже если папа согласится расстаться с деньгами, вам ведь не дадут постоянные права, вы же несовершеннолетние.

— Мы рассчитываем на временные.

Они обсуждали также возможность полета без всяких прав, но пока об этом было рано рассказывать.

— Их вам тоже могут не дать. Но не забудьте — мне на будущей неделе восемнадцать. Пока!

— Спокойной ночи.

Когда она ушла, Поллукс сказал:

— Глупости. У нее ведь даже временных прав нет.

— Ну и что же? Она проходила астронавигацию в школе, и мы можем ее натаскать.

— Кас, ты с ума сошел. Мы не можем возить ее по всей Системе. Девчонки — такая обуза.

— Вот тут ты ошибаешься, юноша. Сестры — да, а девчонки как раз ничего.

— Ты прав, пожалуй, — рассудил Поллукс.

— Я всегда прав.

— Да ну? А как ты хотел сделать из жидкого воздуха…

— Не будем мелочиться.

Следующей к ним заглянула бабушка Хейзел:

— Краткие фронтовые сводки, мальчики. Ваш

отец ранен, но держится стойко.

— Он даст нам деньги?

— Пока не собирается. Скажите, а сколько Экизян запросил с вас за «детройтер»?

Кастор назвал сумму, и Хейзел присвистнула.

— Вот мерзавец, — ласково сказала она. — Ох, отберу я у этого крота его лицензию.

— Да мы и не собираемся столько платить.

— Никаких сделок с ним без меня не заключайте. Я-то знаю, где собака зарыта.

— Ладно. Хейзел, ты правда считаешь, что «детройтер-семь» ненадежен?

Она наморщила лоб:

— Гиростабилизаторы слишком легкие для его момента инерции. Не выношу, когда корабль рыскает. Вот если бы купить у военных по дешевке двойную или тройную гиросистему, тогда другое дело. Я поспрашиваю.

Много позднее зашел мистер Стоун:

— Не спите еще, ребята?

— Нет, входи, пожалуйста.

— По поводу того, что мы обсуждали вечером…

— Ты дашь нам денег? — спросил Поллукс.

Кастор толкнул его локтем под ребро, но было поздно. Отец сказал:

— Я уже говорил — это исключено. Я вот что

хотел узнать: когда вы смотрели корабли, вы, случайно, не спрашивали… э-э… сколько стоит модель побольше?

— Нет, сэр, — опешил Кастор, — на большой корабль у нас не хватит — да, Пол?

— Где там! А почему ты спрашиваешь, папа?

— Да просто так, просто так! Спокойной ночи.

И он ушел. Близнецы повернулись друг к другу и торжественно обменялись рукопожатием.

2. Аргумент за драматическую вольность

На следующее утро за завтраком — утро, конечно, по Гринвичу, ибо по местному солнечному времени стояла вторая половина дня, которая будет продолжаться еще двое суток, — семья Стоун разыграла очередную серию приключенческого сериала, которую Хейзел надиктовала ночью. Утром бабушка заложила пленку в автоматическую пишущую машинку, и каждый получил свой экземпляр. Даже Вундеру досталась маленькая роль, а Хейзел играла несколько ролей, прыгая по комнате и меняя голос от хриплого баса до сопрано.

Участвовали все, кроме мистера Стоуна — тот сидел с суровым лицом, на котором было написано: «Попробуйте насмешите».

В финальном аккорде своей драматической открытой концовки Хейзел смахнула со стола кофе. Она поймала чашку в воздухе и подставила салфетку под коричневую струйку, не дав ей достичь пола. Слабое притяжение Луны допускало и такое.

— Ну? — спросила она сына, еще не отдышавшись после отчаянных попыток Властелина Галактики избежать справедливого возмездия. — Как? Конфетка? Напугаем мы их до смерти или нет?

Роджер Стоун хранил гордое молчание. Хейзел изумилась:

— Как, тебе не нравится? Роджер, я начинаю думать, что ты попросту завидуешь. Неужто взращенный мною сын столь низок, что завидует собственной матери?

— А мне понравилось, — заявил Вундер. — Давайте еще поиграем, как я стреляю в космического пирата. — Он выставил палец. — Бжж! Вся переборка в крови!

— Вот тебе и ответ, Роджер. Это твоя публика. Раз Вундеру нравится, значит все.

— По-моему, очень захватывает, — вставила Мид. — А что там не так, папочка?

— Да! — воинственно сказала Хейзел. — Давай,

скажи нам!

— Хорошо. Во-первых, космический корабль не разворачивается на сто восемьдесят градусов.

— А этот разворачивается!

— Во-вторых, что это еще за Властелин Галактики? Он-то откуда взялся?

— А-а… Сынок, твое шоу умирало на корню, и я влила в него свежую кровь.

— Ну уж эти Властелины Галактики, скажу я тебе. Мало того что это нелепость, но такое уже было сотни и сотни раз.

— Ну и что такого? На следующей неделе я приделаю к «Гамлету» атомный двигатель и запущу его заодно с «Комедией ошибок». Думаешь, Шекспир подаст на меня за это в суд?

— Как только перестанет вертеться в гробу. Ладно, — Роджер Стоун пожал плечами, — отошлю. Другую писать некогда, а в контракте не указано, что сценарий должен быть хорошим, — там просто сказано, что я должен его представить. Все равно в Нью-Йорке перепишут.

— Бьюсь об заклад — твоя зрительская почта после этой серии увеличится на двадцать пять процентов, — не сдавалась Хейзел.

— Нет, спасибо. Я не могу допустить, чтобы ты в твоем возрасте изнуряла себя, сочиняя письма

от зрителей.

— А что не так с моим возрастом? Раньше я задавала тебе трепку два раза в неделю — и сейчас могу. А ну, иди сюда!

— Не сразу же после завтрака.

— Слабак! Как предпочитаешь умереть — как маркиз Куинсберри, на больничной койке, или быстро?

— Пришли своих секундантов — надо все делать по правилам. А пока… — Роджер обратился к сыновьям: — Мальчики, какие у вас планы на сегодня?

Кастор взглянул на брата и осторожно сказал:

— Да мы собирались опять смотреть корабли.

— Я иду с вами.

— Ты дашь нам деньги? — встрепенулся Поллукс. Брат сверкнул на него глазами.

— Нет, — ответил отец, — ваши деньги останутся в банке, где им и место.

— Тогда зачем смотреть? — Тут Поллукс получил тычок под ребро.

— Хочу ознакомиться с положением дел на рынке, — ответил мистер Стоун. — Ты идешь, Эдит?

— Нет, дорогой, я полагаюсь на тебя.

Хейзел торопливо допила кофе и вскочила:

— Я пойду.

— И я! — соскочил со стула Вундер.

— Нет, милый, — остановила его доктор Стоун. — Доешь свою овсянку.

— Нет, я пойду! Можно, бабушка Хейзел?

Хейзел замялась. Присмотр за ребенком вне города с искусственной атмосферой требовал предельного внимания — Вундер был еще слишком мал, чтобы самостоятельно справляться со скафандром. Хейзел же нужна была свобода, чтобы сосредоточить свое внимание на других вопросах.

— Боюсь, что нет, Лоуэлл. Но знаешь что, золотко? Мы можем сыграть с тобой в шахматы по радио.

Вундер надулся:

— Какая мне радость играть по радио? Я так не буду знать, о чем ты думаешь.

Хейзел вскинула на него глаза:

— Ах вот оно что! Я давно подозревала. Может, мне и удастся разок выиграть. Нет, только без нытья — или я отберу у тебя логарифмическую линейку на целую неделю.

Ребенок подумал, пожал плечами и мигом успокоился.

— Как ты думаешь, — спросила Хейзел сына, —

он в самом деле умеет читать мысли?

Отец посмотрел на своего младшего:

— Боюсь об этом и думать. — Он вздохнул. — И почему я не родился в нормальной, хорошей, тупой семье? Это ты виновата, Хейзел.

— Ничего, Роджер. — Мать потрепала сына по руке. — С тобой мы как раз выходим на средние показатели.

— Ухх! Дай-ка мне пленку. Лучше отправлю ее сейчас, а то потом духу не хватит.

Хейзел принесла катушку, и мистер Стоун набрал по телефону код Нью-Йорка и комбинацию скоростной передачи. Вставляя катушку в гнездо, он сказал:

— Зря я это делаю. Мало тебе было Властелина Галактики, Хейзел, так ты еще нарушила весь сюжет — поубивала четверых центральных персонажей.

Хейзел следила за катушкой, которая начала разматываться.

— Ты не волнуйся, у меня все продумано. Вот увидишь.

— Э-э-э… что ты хочешь этим сказать? Ты что, собираешься сочинять и другие серии? Очень хочется поймать тебя на слове и заставить расхлебывать свою же кашу — я ею сыт по горло, а

тебе так и надо. Властелин Галактики, надо же!

Хейзел продолжала следить за пленкой. В режиме скоростной передачи тридцатиминутная катушка перемоталась за тридцать секунд и со щелчком выскочила из гнезда. Хейзел вздохнула с облегчением. Теперь серия или в Нью-Йорке, или ждет на автоматической телефонной станции Луна-Сити, когда освободится линия Луна — Земля. В любом случае ее уже не вернешь, как сказанное слово.

— Само собой, я напишу еще несколько серий, — сказала она сыну. — А точнее, семь.

— Почему семь?

— А ты не догадался, зачем я их убиваю? Семь серий до конца квартала и новый срок для представления сценария. Только на этот раз они твой сценарий не возьмут, поскольку никого из героев не останется в живых и вся история на этом кончится. Я снимаю тебя с крючка, сынок.

– *Что?* Хейзел, ты не сделаешь этого. Приключенческие сериалы никогда не кончаются.

— В твоем контракте это указано?

— Нет, но…

— Ты все время ноешь, что жаждешь зарезать эту курицу, несущую золотые яйца. У тебя самого никогда не хватило бы мужества это сделать, и

твоя любящая мать пришла тебе на помощь. Ты снова свободен, Роджер.

— Но… — Лицо Роджера прояснилось. — Наверно, ты права. Хотя я предпочел бы совершить самоубийство, даже литературное, по-своему и в нужное мне время. Мм… слушай, Хейзел, а когда ты планируешь убить Джона Стерлинга?

— Его-то? О, наш герой, естественно, продержится до последней серии. Он и Властелин Галактики прикончат друг друга в самом конце. Медленная музыка.

— Да. Да, конечно… Так и надо. Но не делай этого.

— Почему?

— Потому что я сам желаю написать эту сцену. Я возненавидел этого сладкоречивого Галахада с тех самых пор, как придумал его. Я никому не уступлю удовольствия убить его — он мой!

— Извольте, сэр, — поклонилась Хейзел.

Мистер Стоун просиял, он потянулся за сумкой и перебросил ее через плечо:

— А теперь пошли смотреть корабли!

— Джеронимо!

Все четверо вышли из дому и ступили на бегущую дорожку, ведущую к лифту-шлюзу для подъема на поверхность. Поллукс спросил:

— Хейзел, что значит «джеронимо»?

— На языке древних друидов это значит «пора выметаться, да поживее». Так что шевелите ногами.

3. Рынок подержанных кораблей

В гардеробной у восточного шлюза все надели скафандры. Хейзел, как обычно, сняла с пояса пистолет и повесила на пояс скафандра. Больше ни у кого оружия не было — теперь в Луна-Сити никто не носил оружия, кроме гражданской гвардии, военной полиции да нескольких старожилов вроде Хейзел. Кастор сказал:

— Хейзел, ну зачем он тебе?

— Защищать свои права. Кроме того, может встретиться гремучая змея.

— Гремучая змея? На Луне? Ну, Хейзел!

— Вот тебе и «Хейзел». Змеи, бывает, ходят на задних лапах, а не только пресмыкаются во прахе. Помнишь, как Белый Рыцарь объяснял Алисе, зачем он держит на коне мышеловку?

— Неточно.

— Перечитай, когда вернемся, темнота. Помоги-ка мне со шлемом.

Разговор прервался, поскольку на связь вышел Вундер и настоятельно предложил начать игру.

Кастор видел, как Хейзел шевелит губами за стеклом, а надев свой шлем, услышал по радио, как они спорят, кто в последний раз играл белыми. Хейзел пришлось сосредоточиться — Вундер, сидя у доски, торопил ее с ходами, а ей нужно было все время представлять себе доску.

У шлюза им пришлось пропустить группу туристов, только что прибывших с Земли утренним челноком. Одна женщина уставилась на них и сказала своей спутнице:

— Тельма, смотри — у того маленького *пистолет*.

— Тише, — одернула ее другая, — это невежливо. Интересно, где здесь сувениры? Надо купить черепашку, я обещала Герберту.

Хейзел устремила на них свирепый взгляд, но мистер Стоун взял ее за руку и втянул в опустевший шлюз. Пока дверь закрывалась, Хейзел продолжала кипеть:

— Кроты! Сувениры им! Черепашку!

— Вспомни о своем давлении, — посоветовал сын.

— У тебя бы не повысилось. — Она посмотрела на него и внезапно усмехнулась. — Надо было ее попугать, вот так. — Хейзел молниеносным движением выхватила пистолет, открыла его

магазин, вынула оттуда конфетку от кашля и сунула в клапан своего шлема, подхватив изнутри языком. Посасывая ее, Хейзел продолжала: — Так или иначе, сынок, а это решает дело. Ты, может, еще не определился, а я — да. Луна скоро станет такой же, как все прочие муравейники. Я хочу найти себе жизненное пространство где-нибудь за четверть биллиона миль отсюда.

— А как же твоя пенсия?

— Да провались она. Я и без нее неплохо жила. — Хейзел, как и все оставшиеся в живых отцы-основатели (и матери) лунной колонии, получала пожизненную пенсию от благодарного города. Она могла получать ее еще долгие годы, несмотря на возраст, — средняя продолжительность жизни на Луне, в биологически благоприятных условиях низкого тяготения, еще не была установлена. Гериатрическая клиника Луна-Сити регулярно пересматривала ее оценку в большую сторону.

— Ну а ты? — продолжала Хейзел. — Хочешь остаться тут и торчать, как сардина в банке? Не упусти свой шанс, сынок, пока опять не загнали в контору. Ферзь е-пять, Лоуэлл.

— Посмотрим. Давление понижается, надо выходить.

Кастор и Поллукс мудро воздержались от участия в дискуссии — обстановка понемногу прояснялась.

Государственный склад утиля и склад Венгра-Банкрота, как и заведение Дэна-Торговца, находились, естественно, вблизи космопорта. У стоянки Венгра висела старая выцветшая вывеска: «ПОКУПАЙТЕ! ПОКУПАЙТЕ!! ПОКУПАЙТЕ!!! ПРЕДПРИЯТИЕ ЛИКВИДИРУЕТСЯ!» Но покупать там было нечего — мистер Стоун понял это через десять минут, а Хейзел через пять. На государственном складе стояли в основном роботизированные грузовые суда без жилых помещений — одноразовые корабли, нечто вроде межпланетной тары. Были там еще устаревшие военные суда, непригодные по большей части для гражданского применения. В конце концов Стоуны вновь пришли к Экизяну.

Поллукс сразу направился к тому кораблю, который они с братом присмотрели. Отец немедленно позвал его обратно:

— Пол, ты куда это заторопился?

— А разве ты не хочешь посмотреть наш корабль?

— Ваш корабль? Ты все еще носишься с мыслью, что я вам, кандидаты в исправительную

колонию, позволю купить этот «детройтер»?

— Тогда зачем мы сюда пришли?

— Смотреть корабли. Но «детройтер-семь» меня не интересует.

— Послушай, папа, — сказал Поллукс, — нам ведь не нужен ракетоплан. Нам нужен… — Тут Кастор выключил микрофон на скафандре у Поллукса и продолжал сам:

— А что тебя интересует, папа? Мы с Полом тут почти всю рухлядь пересмотрели.

— Ничего особенного. Солидное семейное судно. Пошли посмотрим вон ту «кукушку».

— Ты, кажется, говорил, что «кукушки» жрут много топлива, Роджер? — спросила Хейзел.

— Верно, зато они комфортабельнее. Нельзя же получить сразу все.

— Почему же?

Поллукс снова включил свое радио:

— Папа, нам не нужен спортивный корабль. Там нет грузового отсека.

Кастор снова нажал выключатель у брата на поясе, и тот умолк.

— О грузе забудь, — ответил мистер Стоун. — С вас бы сняли последнюю рубашку, если бы вы вздумали тягаться с зубастыми торговцами, что орудуют в Системе. Я ищу корабль, на котором

можно путешествовать всей семьей, а не грузовое судно.

Поллукс замолчал, и все направились к «кукушке». Мистер Стоун махнул всем рукой и полез вверх по лестнице. Хейзел при подъеме помогала себе и руками, и ногами и ненамного отстала от своих потомков. На корабле она сразу прошла в люк машинного отделения, остальные отправились осматривать центр управления и жилое помещение, объединенные в одном отсеке. В верхнем, носовом, конце находился пульт управления с лежаками для пилота и второго пилота. В нижнем, кормовом, стояли два противоперегрузочных лежака для пассажиров. Положение лежаков можно было менять — корабль в полете мог переворачиваться и вращаться, создавая искусственную тяжесть по принципу центрифуги. В этом случае передняя часть, которая при полете на двигателе была верхом, становилась низом.

Поллукс смотрел на все это устройство неодобрительно: идея загромождать корабль ненужными устройствами, чтобы ублажать деликатные желудки кротов, вызывала у него отвращение. Неудивительно, что «кукушки» жрут столько горючего!

Но его отец был другого мнения. Он блаженно

раскинулся в пилотском кресле, положив руки на пульт.

— Эта крошка нам бы подошла, — сказал он, — лишь бы цена была сходная.

— Я думал, ты для всей семьи подбираешь корабль, папа, — сказал Кастор.

— Ну да.

— Тесновато здесь будет, если поставить еще лежаки. Эдит не понравится.

— Позволь уж мне самому позаботиться о маме. А лежаков здесь достаточно.

— Как, их же только четыре? А нас сколько?

— Мы с мамой, бабушка и Вундер. Если Мид захочет лететь, для нее что-нибудь приспособим. Из чего вы можете заключить, что вас, малолетние правонарушители, я серьезно намерен отправить заканчивать образование. Ну, не кипятитесь — вы сможете тоже летать на этом корыте, но после окончания школы. Или на каникулах, когда получите постоянные права. Это ведь справедливо?

Близнецы ответили ему тем, на что труднее всего возразить, то есть молчанием. Выражение их лиц было достаточно красноречиво. Отец продолжал:

— Видите ли, я стараюсь быть честным и великодушным. Много вы знаете мальчишек вашего

возраста, у которых был бы собственный корабль? Хотя бы слышали о чем-нибудь подобном? Такого не бывает. Усвойте наконец, что вы не супермены.

— Откуда ты знаешь, что мы не супермены? — тут же уцепился за слово Кастор.

— Безосновательное утверждение, голая гипотеза, — поддержал Поллукс.

Не успел мистер Стоун придумать достойный ответ, как из люка показалась голова его матери. Гримаса на ее лице заставляла предположить, что ей пришлось понюхать нечто очень скверное.

— В чем там дело, Хейзел? — спросил мистер Стоун. — Двигатель неисправен?

— Неисправен? Мягко говоря. Я эту рухлядь и при двукратном ускорении не рискнула бы поднять.

— Что с ним?

— Никогда не видела более отвратительного… нет, уж лучше сам посмотри. Ты не доверяешь моим инженерным познаниям.

— Что ты, Хейзел, я никогда не говорил, что не доверяю тебе.

— Но это так. Ты мне зубы не заговаривай — я *знаю*. Иди проверь сам. Сделаем вид, что я там не была.

Мистер Стоун встал н направился к выходу, раздраженно бормоча:

— Никогда я не говорил, что ты не разбираешься в реакторах. Если ты про тот проект «Гантри», так это было десять лет назад. Пора уж простить меня за то, что я тогда оказался прав.

К удивлению близнецов, Хейзел не стала продолжать спор, а спокойно последовала за сыном в шлюз. Мистер Стоун стал спускаться по веревочной лестнице. Кастор отвел бабушку в сторону, выключил ее и свое радио и прижал свой шлем к ее шлему, чтобы поговорить наедине.

— Хейзел, что там с двигателем? Мы с Полом смотрели этот корабль на той неделе, и ничего особенно скверного я не заметил.

Хейзел посмотрела на внука с глубокой жалостью:

— Ты что, совсем того? Там же только четыре места.

— А-а. — Кастор включил радио и молча последовал вниз за отцом и братом.

На корме следующего корабля, к которому они подошли, значилось:

«Херувим»

Рим, Терра

Он принадлежал к серии «ангел» «Карлотти мо-

торс», хотя мало походил на могучего архангела. Корабль оказался небольшим — всего сто пятьдесят футов высотой, — но ладным, и ему было не менее двадцати лет. Мистер Стоун сначала не хотел его осматривать.

— Слишком велик для нас, — заметил он. — Мне грузовой корабль не нужен.

— Велик? — переспросила Хейзел. — Это как посмотреть. Разве что в финансовом отношении, но не по размеру. Подумай, что это будет за прелесть при пустом трюме. Я люблю, когда корабль скачет, если я кручу ему хвост, да и ты тоже любишь.

— М-да, — сознался мистер Стоун. — Ну, за погляд денег не берут.

— Ты с каждым днем рассуждаешь все более по-мужски, сынок. — И Хейзел полезла вверх по лестнице.

Корабль был заслуженный, он покрыл миллионы миль космоса, но в безвоздушном пространстве Луны сохранился хорошо и совсем не постарел со времени последнего запуска двигателя. Он просто дремал, ожидая срока, когда кто-нибудь придет и разбудит его, как Спящую красавицу. Из него выкачали воздух, и в отсеках не было пыли. Почти все вспомогательное

оборудование давно сняли и распродали, но сам корабль был чистенький и блестящий — хоть сейчас в космос.

Хейзел подметила в глазах сына пламя любви с первого взгляда. Обернувшись назад, она дала близнецам знак молчать. Из открытого шлюза они прошли в жилое помещение: там были камбуз-столовая, две каютки и кубрик. Центр управления размещался отдельно, над ними, и был совмещен с радиорубкой. Роджер Стоун сразу же полез туда.

Под жилым отсеком был трюм, а еще ниже — машинное отделение. Корабль был грузовым судном, приспособленным для перевозки пассажиров. Можно также было назвать его пассажирским кораблем с грузовым трюмом. Из-за своей двойственной природы он и очутился, как горькая сирота, на стоянке подержанных кораблей Дэна. С грузом он двигался слишком медленно, чтобы выдержать состязание с быстроходными лайнерами, и слишком мало мог принять пассажиров, чтобы можно было заработать на их перевозке без груза. Несмотря на добротность постройки, корабль не выдержал бешеной конкурентной гонки делового мира.

Близнецы решили обследовать машинное

отделение. Хейзел обошла жилой отсек, одобрительно покивала головой в камбузе и наконец поднялась наверх. Там, в пилотском кресле, она увидела сына, руки его лежали на пульте. Хейзел быстро опустилась на голый каркас соседнего кресла (пневматические подушки отсутствовали) и, повернув голову к Роджеру, крикнула:

— Готовность на всех постах, капитан!

Роджер посмотрел на нее и усмехнулся:

— Приготовиться к старту!

— Зеленый свет! — ответила она. — Вышка дала добро. Готовы к отсчету.

— Минус тридцать! Двадцать девять… двадцать восемь… — Он замолчал и смущенно добавил: — А здорово все-таки!

— Чертовски здорово. Давай же побалуем себя, пока еще не совсем состарились. От этой городской жизни мы уже мохом поросли.

Роджер Стоун спустил длинные ноги с кресла:

— Да, надо бы. Точно надо.

Хейзел ударила подошвами ботинок о настил палубы:

— Узнаю своего мальчика! Я еще сделаю из тебя мужчину. Пошли посмотрим, что поделывают близнецы.

Близнецы еще не вышли из машинного отде-

ления. Роджер спустился туда первым и спросил Кастора:

— Ну, как оно, сын? Поднимется настолько, чтобы упасть?

Кастор наморщил лоб:

— Никаких неисправностей мы не нашли, но все стартовое оборудование отсутствует. От реактора осталась одна оболочка.

— А ты как думал? — спросила Хейзел. — Не могли же они оставить «горячие» детали на списанном корабле. Вся корма уже пропиталась бы радиацией, даже если бы топливо не украли.

— Хватит важничать, Хейзел, — сказал ей сын. — Кастор это знает. Проверим дату в бортжурнале и проведем металлургический анализ попозже — если дойдет до дела.

— Конь бэ-четыре, — ответила Хейзел. — Что, Роджер? Поджилки затряслись?

— Нет, мне нравится этот корабль… но не знаю, в состоянии ли я заплатить за него. Даже если б его отдали даром, все равно ремонт и подготовка к старту будут стоить целое состояние.

— Тьфу! Я сама займусь ремонтом, а Кас и Пол будут у меня на черных работах. Ты заплатишь только за док. А что насчет цены, будем решать проблемы по мере их поступления.

— Я сам прослежу за ремонтом.

— Значит, будем драться? Пошли узнаем, какую цену заломит Дэн Экизян на этот раз. И помни — говорить буду я.

— Минутку — я еще не сказал, что покупаю это корыто.

— Кто ж говорит, что покупаешь? Но прицениться не помешает. Я смогу уломать Дэна.

Дэн Экизян обрадовался им — вдвойне, когда узнал, что они интересуются не «детройтером-VII», а кораблем побольше и подороже. По настоянию Хейзел она прошла с Экизяном в его кабинет, чтобы поговорить о цене. Мистер Стоун отпустил ее, зная, как беспощадно торгуется его мать, а сам с близнецами стал ждать в приемной. Спустя некоторое время мистер Экизян вызвал секретаршу.

Через несколько минут она вышла, а вскоре за ней — Экизян с Хейзел.

— Дело сделано, — важно заявила она.

Агент кисло улыбнулся, не выпуская изо рта сигары:

— Ваша мать — умнейшая женщина, господин мэр.

— Полегче! — сказал Роджер. — Вы оба что-то путаете. Я уже, слава богу, не мэр — и никакое

дело еще не сделано. Ваши условия?

Экизян взглянул на Хейзел. Та поджала губы.

— Значит, так, сынок, — медленно сказала она. — Я слишком стара, чтобы ходить вокруг да около. Я могу умереть в своей постели, не дождавшись, пока ты рассмотришь вопрос со всех сторон. Поэтому я купила корабль.

– Ты?!

— Практически. У нас синдикат. Дэн дает корабль, я добываю груз — и мы с мальчиками летим на астероиды извлекать прибыль. Я всегда хотела побыть шкипером.

Кастор и Поллукс держались позади, слушая и наблюдая. После слов Хейзел Поллукс хотел было заговорить, но Кастор, перехватив его взгляд, покачал головой. Мистер Стоун взорвался:

— Это просто нелепо! Я тебе не разрешаю.

— Я совершеннолетняя, сынок.

— Мистер Экизян, вы, должно быть, с ума сошли.

Агент вынул изо рта сигару и посмотрел на ее кончик:

— Бизнес есть бизнес.

— Но уж моих сыновей вы не получите. Исключено!

— Мм… — сказала Хейзел. — Может, так, а мо-

жет, нет. Давай спросим у них.

— Они, между прочим, несовершеннолетние.

— Да… но не совсем. Что, если они обратятся в суд и попросят назначить меня их опекуншей?

Мистер Стоун спокойно выслушал это и обратился к сыновьям:

— Кас, Пол, вы уже провернули это с вашей бабушкой?

— Нет, сэр, — ответил Поллукс.

— А вы могли бы сделать то, о чем она говорит?

— Ты же знаешь, папа, — ответил Кастор, — нам бы очень не хотелось этого делать.

— Но вы могли бы?

— Я этого не сказал, сэр.

— Так… — Мистер Стоун повернулся к Хейзел. — Это откровенный шантаж, и я этого не потерплю. Мистер Экизян, вы знали, что я пришел сюда, чтобы участвовать в торгах по поводу этого корабля. Вы знали, что моя мать должна вести переговоры как *мой агент*. Вы оба это знали — и заключили сделку за моей спиной. Или вы отмените эту так называемую сделку и мы начнем все сызнова, или я подам на вас жалобу в бюро деловых конфликтов.

Лицо Хейзел оставалось бесстрастным. Мистер

Экизян сосредоточенно пускал кольца дыма.

— Вы рассуждаете резонно, мистер Стоун, — сказал он. — Может быть, пройдем ко мне и поговорим?

— Думаю, так будет лучше.

Хейзел последовала за ними, и не успел мистер Стоун открыть рот, как она дернула сына за рукав и спросила:

— Роджер, ты действительно хочешь купить этот корабль?

— Да, хочу.

— Тогда подпиши вот здесь и поставь отпечаток большого пальца. — И она указала на бумаги, лежавшие на столе у Экизяна.

Мистер Стоун взял документы и стал читать. В них не упоминалось о сделке, о которой говорила Хейзел, — все бумаги были оформлены на него как на покупателя корабля, который он только что осматривал, а проставленная цена была гораздо ниже той, что он собирался уплатить. Он быстро прикинул в уме и заключил, что Хейзел не только купила корабль по цене металлолома, но еще и так нажала на Экизяна, что тот вычел из общей суммы предполагаемую стоимость резки корабля на куски.

В мертвой тишине Роджер взял авторучку ми-

стера Экизяна и поставил свою подпись, а затем аккуратно приложил большой палец. И посмотрел в глаза матери:

— Хейзел, в тебе нет ни капли честности, и ты плохо кончишь.

— Я же говорил, мистер Стоун, ваша мать — умнейшая женщина, — вздохнул мистер Экизян. — Я предложил ей партнерство.

— Значит, вы все-таки *заключили* сделку?

— О, нет-нет, не *эту* сделку — я предложил ей стать моим компаньоном по продаже.

— Но я не согласилась, — сказала Хейзел. — Мне нужно жизненное пространство.

Роджер усмехнулся и встал, пожав плечами:

— Ну, так кто у нас шкипер?

— Вы, капитан.

Когда они вышли, близнецы спросили:

— Папа, ты купил его?

— Не называйте его «папой», — ответила Хейзел, — ему больше нравится «капитан».

— О-о!

— Скажу и я «о-о», — откликнулся Поллукс.

Доктор Стоун сказала только:

— Да, дорогой, я уже предупредила, что мы освобождаем квартиру.

Мид была на грани помешательства, Лоуэлл

совсем спятил. После обеда Хейзел с близнецами повели Мид и младшего смотреть корабль. Доктор Стоун, которую в свое время не смог взволновать даже Великий метеорный дождь, осталась дома с мужем. Мистер Стоун принялся составлять списки того, что следовало сделать в городе и на корабле. Под конец он составил следующий список.

Я — шкипер;

Кастор — ст. помощник и пилот;

Мид — второй помощник и подручный кока;

Хейзел — ст. механик;

Поллукс — пом. ст. механика и сменный пилот;

Эдит — корабельный врач и кок;

Вундер — «суперкарго».

Мистер Стоун перечитал список и пробурчал под нос:

— Чувствую я — ничего из этого не выйдет.

4. Некоторые аспекты семейного машиностроения

Мистер Стоун никому не показывал список экипажа. Он знал, что близнецы полетят вместе со всеми, но воздерживался от того, чтобы объявить это публично. Тема оставалась закрытой,

пока корабль ремонтировали и готовили к путешествию.

Почти всю работу делали близнецы под руководством Хейзел, а отец время от времени вмешивался и оспаривал ее решения. В таких случаях близнецы обычно молча делали то, что сами считали нужным. Они не очень-то полагались на опыт и знания взрослых. Огромный природный талант к механике и общая одаренность породили в них заносчивость и петушиное самомнение — им казалось, что они знают гораздо больше, чем знали на самом деле.

Анархия и самоуправство проявились во всей красе, когда дело дошло до ремонта регулятора расхода топлива. Мистер Стоун постановил — и Хейзел с ним согласилась, — что все устройство следует разобрать, осмотреть внутренние поверхности, проверить все допуски, а прокладки заменить. Регулятор работал при сравнительно низком давлении, и прокладки были не металлические, а силиконовые.

В Луна-Сити таких прокладок не было, пришлось их заказывать на Земле, что и сделал мистер Стоун. Однако старые прокладки тоже как будто были в превосходном состоянии, и Поллукс сразу обратил на это внимание, когда разобрал

регулятор.

— Хейзел, почему бы не оставить эти? Смотри, они как новенькие.

Бабушка взяла прокладку, осмотрела ее, согнула и вернула внуку.

— Да, они еще вполне годные — оставьте про запас.

— Пол не о том говорит, — сказал Кастор. — Новые прокладки нужно отправлять из Рима на Пайкс-Пик, а потом сюда. Три дня пройдет, а то и неделя. А мы ничем другим не можем заняться, пока не разгребем эту грязь.

— Можно пока работать в рубке. Ваш отец хочет заменить все изношенные детали.

— Вот тягомотина! Папа слишком часто смотрит в инструкции, ты сама так говоришь.

Хейзел смерила взглядом неуклюжего в скафандре внука:

— Слушай, недомерок, твой отец — инженер первой категории. У меня есть право критиковать его, а у тебя нет.

— Хейзел, давай не будем переходить на личности, — торопливо вмешался Поллукс. — Скажи нам свое беспристрастное мнение как профессионал: можно оставить эти прокладки или нет? Перекрестись и отвечай как на духу.

— Ну… по-моему, они годятся. Можете передать отцу, что я так сказала. Он должен заглянуть сюда с минуты на минуту — думаю, он согласится. — Она выпрямилась. — А мне надо идти.

Но мистер Стоун так и не показался. Близнецы долго ждали, занимаясь тем временем подготовительными работами на подогревателе. Наконец Поллукс спросил:

— Который час?

— Пятый.

— Папа сегодня уже не придет. Слушай, ведь прокладки в полном порядке, и два против пяти, что он и не заметит разницы.

— Он бы разрешил, если бы видел их.

— Дай-ка мне вон тот ключ.

Вместо отца опять пришла Хейзел, но к тому времени близнецы уже собрали регулятор и разобрали подогреватель. Хейзел ничего не спросила про регулятор, а поползла на животе с фонариком и зеркальцем осматривать подогреватель изнутри. Хрупкая Хейзел, хоть и оставалась проворной, как белка, в легком поле притяжения Луны, не могла выполнять тяжелую работу и орудовать гаечным ключом, зато глаз у нее был острее, чем у близнецов, и гораздо более наметанный. Вскоре она вылезла обратно.

— Выглядит хорошо, — объявила она. — Завтра можно собирать. Пошли поглядим, что там кок наготовил.

Хейзел помогла близнецам отсоединить кислородные шланги от корабельного резервуара и снова прикрепить их к ранцам скафандров. Все трое спустились вниз и вернулись в Луна-Сити.

Ужин прошел в горячих спорах по поводу следующей серии «Бичей космоса». Хейзел продолжала сочинять сценарий, но все семейство, за исключением доктора Стоун, настаивало на собственных вариантах насилия и членовредительства, которые должны претерпеть герои. Только закурив первую послеобеденную трубку, мистер Стоун осведомился о результатах рабочего дня.

Кастор сказал, что они завтра соберут подогреватель. Мистер Стоун кивнул:

— Хороший темп взяли, молодцы! Погодите-ка — вам ведь все равно придется его снимать, чтобы поставить… или прокладки уже прислали? А я думал, их еще нет.

— Какие прокладки? — невинно спросил Поллукс.

Хейзел быстро взглянула на него, но промолчала.

— Прокладки регулятора расхода, само собой.

— Ах *эти*! — пожал плечами Поллукс. — Они были в порядке, абсолютно идеальны — до девяти десятичных знаков, и мы их поставили обратно.

— Ах вот как? Интересно. Завтра можете их вынуть снова — и я буду стоять рядом, когда будете ставить новые.

— Но, папа, Хейзел сказала, что они годятся! — взвился Кастор.

— Это так, Хейзел? — посмотрел на мать мистер Стоун.

Хейзел замялась, сознавая, что недостаточно твердо внушила близнецам мысль о том, что распоряжения отца должны исполняться буквально. А с другой стороны, она ведь велела им посоветоваться с отцом. Или нет?

— Прокладки были в норме, Роджер. Ничего страшного.

Он задумчиво посмотрел на нее:

— Значит, сочла нужным изменить мои указания? Хейзел, ты напрашиваешься на то, чтобы тебя оставили?

Хейзел подметила в его голосе зловещую мягкость и, прикусив язык, ответила просто:

— Нет.

— Что «нет»?

— Нет, капитан.

— Может, еще и не капитан, но такова установка. Ну, а вы, юные йеху, — обратился он к близнецам, — правильно понимаете эту ситуацию?

Кастор закусил губу. Поллукс перевел взгляд с брата на отца:

— Это *ты*, папа, неправильно понимаешь ситуацию. Ты поднимаешь шум по пустякам. Если тебе это доставит удовольствие, мы снова разберем регулятор — и ты сам убедишься, что мы были правы. Если б ты видел эти прокладки, ты бы разрешил.

— Возможно. Почти наверняка. Но указания шкипера относительно подготовки его корабля для полета в космос — это не предмет для обсуждения механиков ремонтного дока, кем вы в данный момент и являетесь. Это понятно?

— Ладно, мы просто тебя не дождались. Завтра мы разберем регулятор, ты увидишь, что мы были правы, и мы его снова соберем.

— Ошибаешься. Завтра вы пойдете, разберете регулятор и принесете мне сюда старые прокладки. А потом будете сидеть дома, пока не пришлют новые. Можете провести это время в размышлениях о том, что приказы надо выполнять.

Но Кастор не сдавался:

— Подожди, папа! Ты нас так задержишь на несколько дней.

А Поллукс добавил:

— Не говоря уже о нескольких часах бессмысленной работы.

Кастор. Нельзя же ожидать, что корабль будет готов, если все время толкать нас под руку!

Поллукс. И не забывай, что мы экономим твои деньги.

Кастор. Верно! Ремонт тебе ни гроша не стоит!

Поллукс. А ты еще играешь в корабельную дисциплину.

Кастор. Просто руки опускаются, и все!

– *Молчать!*

Отец встал и схватил обоих сыновей за шиворот. Лунное притяжение, одна шестая земного, позволило ему оторвать их от пола и держать так на вытянутых руках подальше друг от друга. Близнецы беспомощно дергались, но не могли ни за что ухватиться.

— А ну, слушайте меня, — приказал отец. — До этого момента я все не мог решить окончательно — брать вас, дикарей, с собой или нет, но теперь решение созрело.

Близнецы помолчали, и Поллукс скорбно спросил:

— Значит, мы не полетим?

— Нет, вы полетите. Вы гораздо больше нуждаетесь в строгой корабельной дисциплине, чем в обучении наукам. Современные школы недостаточно суровы для таких, как вы. У меня на корабле должен быть порядок — повиноваться быстро, весело, одна нога здесь, другая там! В противном случае последует строгое взыскание. Поняли? Кастор?

— Да, сэр.

— Поллукс?

— Так точно, сэр.

— Посмотрим, как вы это усвоили. Если вы в космосе начнете тявкать на меня так, как сейчас, я запихну вас друг другу в глотку. — Отец ловко стукнул близнецов головами и отпустил.

На другой день, возвращаясь домой со старыми прокладками, близнецы зашли в городскую библиотеку. Четыре дня простоя они провели, штудируя космическое право. Это оказалось весьма отрезвляющим чтением, особенно закон о правах командира корабля в космосе. Закон гласил, что командир — лицо независимое и может и должен отстаивать свою власть, если кто-либо вознамерится узурпировать или оспаривать ее. Некоторые примеры вселяли в них трепет. Так,

они прочли о капитане торгового судна, который в качестве верховного судьи вынес приговор — выбросить мятежника в шлюз, в космическом вакууме у того лопнули легкие, и он захлебнулся собственной кровью.

Поллукс скорчил гримасу.

— Дедуля, — спросил он, — как бы тебе понравилось, если б тебя выкинули в космос?

— Там маловато перспектив. Вакуум — малопитательная штука. Низкое содержание витаминов.

— Надо бы нам остерегаться и не раздражать отца. Ему капитанство в голову ударило.

— Ударило или нет, а после старта капитанство станет таким же законным, как церковь в воскресенье. Но отец ведь не выбросит нас в космос, что бы мы ни сделали.

— Ты на это не рассчитывай. Папаша становится очень крутым мужиком, когда забывает, что он — любящий отец.

— Не переживай так сильно, юноша.

— Да? Когда почувствуешь, как падает давление, вспомни мои слова.

Еще раньше было решено, что корабль не останется «Херувимом». Однако в отношении нового названия такого единодушия не наблюдалось.

После нескольких шумных споров доктор Стоун, у которой собственных идей не было, предложила поставить на обеденном столе коробку и опускать в нее свои предложения без лишних прений. Бумажки копились неделю, потом коробку открыли.

Доктор Стоун выписала все варианты.

«Неустрашимый»

«Икар»

«Бармаглот»

«Сьюзен Б. Энтони»

«Корабль его величества „Пинафор“»[58]

«Железный герцог»

«Драндулет»

«Утренняя звезда»

«Звездный фургон»

«Странник»

«Ко всем чертям»

«Дядюшка Пауль»[59]

«Вперед»

---

[58] Примечания: 58

Название корабля из оперы Гильберта и Салливана «Корабль ее величества „Пинафор“, или Возлюбленная матроса».

[59] Примечания: 59

Пауль Крюгер, президент Южноафриканской республики в 1883–1900 гг. Один из вождей Англо-бурской войны и впоследствии национальный герой ЮАР, в честь которого, в частности, золотые монеты были названы крюгерендами.

«Викинг»

— Можно было надеяться, — проворчал Роджер, — что поскольку вокруг этого стола собралось столько хваленых умников, то хоть один проявит что-то похожее на оригинальность. Почти все названия из этого списка можно найти в Большом регистре, причем половина кораблей еще на ходу. Предлагаю выкинуть все избитые, затертые, бывшие в употреблении имена и рассматривать только оригинальные.

Хейзел подозрительно посмотрела на него:

— Что же тогда останется?

— Ну…

— Ты и раньше подглядывал? По-моему, я видела, как ты читал бумажки еще до завтрака.

— Мать, твое обвинение несущественно, неуместно и недостойно тебя.

— Зато справедливо. Ладно, давайте голосовать. Или кто-нибудь хочет произнести предвыборную речь?

Доктор Стоун постучала по столу наперстком:

— Будем голосовать. У меня сегодня вечером еще собрание медицинской ассоциации.

В качестве председателя она постановила, что название, получившее в первом туре менее двух голосов, исключается. Голосование было тайным.

Когда Мид подвела итоги, оказалось, что семь названий получили по одному голосу, а два голоса не получило ни одно.

Роджер Стоун встал и отодвинул стул:

— Вряд ли следовало ожидать согласия в этой семье. Я иду спать. А утром зарегистрирую корабль под названием «Тупик».

— Ну что ты, папа! — ужаснулась Мид.

— Вот увидишь. А еще лучше «Власяница». Или «Дурдом».

— Неплохо, — согласилась Хейзел. — Похоже на нас. С нами не соскучишься.

— Ну, что касается меня, — возразил Роджер, — я был бы не против некоторой доли пристойного однообразия.

— Чепуха! Наша стихия — перемены. Ты хочешь покрыться мхом?

— Что такое «мох», бабушка Хейзел? — спросил Лоуэлл.

— Это… ну, то, что не растет на перекати-поле.

Роджер щелкнул пальцами:

— Хейзел, ты только что дала имя кораблю.

— Какое? Скажи еще раз.

— «Перекати-поле». «Роллинг Стоун».

— Мне нравится, Роджер, — сказала доктор Стоун.

— Мид?

— Хорошо звучит, папочка.

— Хейзел?

— У тебя сегодня день озарений, сынок.

— Если убрать завуалированное оскорбление, то это, полагаю, означает «да».

— А мне не нравится, — заметил Поллукс. — «Перекати-поле», «голь перекатная». Мы-то с Касом собрались разбогатеть.

— Четверо против троих, даже если вы переманите Вундера на свою сторону. Большинство. Теперь это «Роллинг Стоун».

Несмотря на огромные размеры и потрясающую мощность, космические корабли устроены, в сущности, очень просто. Любая техника проходит три стадии развития. Первая — это простой, грубый и неэффективный механизм. Вторая — чрезвычайно сложная конструкция из механизмов, предназначенных исправить недостатки оригинала, и достигающая удовлетворительной производительности за счет чрезвычайно сложных компромиссов. Третья, заключительная, — это изящная простота и высокая производительность, основанная на правильном понимании законов природы и, соответственно, на правильном конструировании.

В области транспорта первую стадию представляет повозка, запряженная волами, и весельная лодка.

Вторую стадию с успехом может представлять автомобиль середины XX века незадолго до начала межпланетных полетов. Эти ошеломляющие музейные экспонаты были для своего времени быстрыми, красивыми и мощными машинами, но внутри у них находилась целая коллекция механических нелепостей. Первичный двигатель сей колесницы человек мог бы свободно держать у себя на коленях. В остальном этот безумный механизм состоял из скопища задних мыслей, призванных исправить неисправимое, то есть фундаментальную ошибку конструирования: автомобилям и даже первым самолетам источником энергии (если его можно так назвать) служил поршневой двигатель.

В поршневом двигателе было несколько миниатюрных тепловых двигателей, использующих — в изначально неэффективном цикле — небольшой процент тепла экзотермической химической реакции, которая прерывалась и вновь возобновлялась каждую долю секунды. Большая часть этого тепла преднамеренно сбрасывалась в «водяную рубашку», или «систему охлаждения», а

потом через теплообменное устройство уходила в атмосферу.

Под действием того немногого, что оставалось, металлические болванки сновали взад-вперед как ненормальные (отсюда и название «поршневой») и через передаточный механизм заставляли вращаться вал и маховик. Маховик (хотите — верьте, хотите — нет) служил вовсе не для создания гироскопического эффекта. Его задачей было копить кинетическую энергию в тщетной попытке покрыть грехи поршневого механизма. И наконец, вал заставлял вращаться колеса, и таким образом эта куча железа ехала по дороге.

Первичный двигатель использовался только для ускорения и преодоления «трения» — это понятие тогда широко применялось в технике. При торможении, остановке и повороте герой-водитель использовал *силу собственных мускулов*, с грехом пополам увеличенную путем системы рычагов.

Несмотря на название «автомобиль», в этих машинах не было автоматического управления. Управлял ими, как умел, человек, который час за часом всматривался в дорогу через маленькое оконце из мутного кварцевого стекла. Он без всякой помощи извне (и порой с катастрофическими

последствиями) оценивал собственное движение и движение других машин. В большинстве случаев водитель понятия не имел о количестве кинетической энергии, накопившейся в машине, и не смог бы составить простейшего уравнения. Ньютоновы законы движения были для него столь же глубокой тайной, что и смысл существования Вселенной.

Тем не менее на Земле кишели миллионы этих механических недоразумений, чудом не сталкиваясь — или сталкиваясь — друг с другом. Ни один автомобиль не работал как полагается. Они по природе своей не могли работать как полагается. И они постоянно выходили из строя. Их водители были чрезвычайно довольны, если они вообще работали. А когда они переставали работать, что случалось через каждые несколько сотен миль (*сотен*, а не сотен тысяч), тогда нанимался человек из касты посвященных, который проделывал недолговечный и всегда дорогостоящий ремонт.

Несмотря на безумное несовершенство, эти «автомобили» служили мерилом достатка хозяев и были самой большой ценностью своего времени. Целых три поколения людей были их рабами.

«Роллинг Стоун» представлял третью стадию развития техники. КПД его двигателя равнялся

почти ста процентам, и на корабле почти не было движущихся частей, кроме гироскопов, а в двигателе их не было вовсе. Ракетный двигатель — самый простой из всех тепловых двигателей. Может, Кастора с Поллуксом и поставил бы в тупик легендарный автомобиль «форд-Т», но «Роллинг Стоун» был далеко не таким сложным — он просто был гораздо больше. Многие детали, с которыми близнецам приходилось иметь дело, были очень тяжелыми, но одна шестая земного притяжения очень облегчала дело, и братья только изредка прибегали к подъемным механизмам.

Скафандры были помехой во время ремонта, но близнецы этого не замечали. Они надевали скафандры, выходя из искусственной атмосферы подземного города, с тех пор как себя помнили. Они носили скафандры и работали в них, не думая об этом, так же как когда-то их дед в комбинезоне. Поэтому воздух на корабле во время ремонта нагнетать не стали — неохота было то и дело пользоваться шлюзом, одеваться и раздеваться при каждом выходе за чем-нибудь снаружи корабля.

Городской представитель компании «Ай-би-эм» поставил им новый баллистический компьютер

и включил его, но после ухода техника близнецы разобрали компьютер и тщательно проверили его сами, питая глубокое недоверие к проверке, производимой поставщиком. Баллистический компьютер корабля должен работать без сбоев — иначе корабль превращается в обезумевшего робота, который непременно разобьется и погубит своих пассажиров. Новый компьютер принадлежал к виду «третий раз повторяю». Это был тройной мозг, каждая треть которого могла самостоятельно решить определенную задачу. Если одна треть давала сбой, две другие, объединившись, отсекали ее, обеспечивая как минимум одну точную посадку и возможность исправить ошибку.

Близнецы лично убедились, что все три доли электронного мозга находятся в здравом уме, но отец и бабушка, к их неудовольствию, проверили все еще раз после них.

Просветили рентгеном последнюю отливку, получили последний металлургический анализ из лаборатории космопорта, последний отрезок трубопровода поставили на место и проверили герметичность. Настала пора перевозить «Роллинг Стоун» со стоянки Дэна Экизяна в порт, где представитель Комитета атомной энергии — за-

саленная обезьянка с докторской степенью по физике — вложит в «котел» корабля радиоактивные кирпичики и опечатает его. Там же корабль возьмет запасы и реактивную массу — стабилизированный моноатомный водород. «Роллинг Стоун» мог при необходимости работать на чем угодно, но лучше всего он работал на «аш-моно», на водороде.

Накануне перевозки корабля в порт близнецы подступили к отцу с разговором на дорогую их сердцу тему — о деньгах. Кастор начал издалека:

— Папа, мы хотим серьезно поговорить с тобой.

— Да? Погодите, я позвоню своему адвокату.

— Ну, папа! Мы просто хотели узнать — ты уже решил, куда мы отправимся?

— А вам-то что за дело? Я же вам обещал, что это будет новое для вас место. Ни на Землю, ни на Венеру мы на этот раз не полетим.

— Да, но *куда*?

— Я могу просто закрыть глаза и ткнуть пальцем в компьютер. Если он покажет какой-нибудь камушек побольше «Стоуна», туда мы и двинем. Только так и получаешь удовольствие от путешествия.

— Но, папа, — сказал Поллукс, — как же грузить

корабль, если не знаешь, куда направляешься?

Кастор сверкнул на него глазами, а отец пристально посмотрел.

— О-о-о! — протянул он. — Начинаю понимать. Но вы не беспокойтесь — я, как шкипер, отвечаю за то, чтобы у нас на борту перед стартом было все необходимое.

— Не дразни их, Роджер, — тихо сказала доктор Стоун.

— А я не дразню.

— Нет, дразнишь — и меня тоже, — неожиданно отозвалась Мид. — Давайте решим этот вопрос. Я — за Марс.

— Ясное дело, за что ж еще, — сказала Хейзел.

— Мама, помолчи. Было время, когда все делали то, что скажет старший мужчина в семье…

— Роджер, если ты думаешь, что я сейчас лягу и притворюсь мертвой…

— Я сказал, помолчи. Но в этой семейке все только и думают, как бы обойти папашу. Мид подлизывается. Близнецы наседают на меня. Вундер вопит, пока не получит то, чего хочет. Хейзел задирает меня и претендует на старшинство. — Он выразительно посмотрел на жену. — И ты тоже, Эдит. Ты со всем соглашаешься, но в результате все получается по-твоему.

— Да, дорогой.

— Поняли, к чему я веду? Вы все думаете, что папа — лопух, но это не так. Пусть у меня слабая голова, покладистый характер и, возможно, самый низкий ай-кью в семье, но эта наша поездка за город пройдет так, как хочу я.

— Что такое поездка за город? — заинтересовался Лоуэлл.

— Эдит, уйми своего ребенка.

— Да, дорогой.

— Я собрался в развлекательный тур по дальним краям. Кто хочет со мной — милости прошу. Но я ни на миллион миль не отклонюсь от траектории, которая меня устроит. Я купил этот корабль на деньги, заработанные вопреки противодействию всей семьи. Не тронул ни цента из денег наших юных баронов-разбойников и не намерен позволять им командовать здесь.

— Они просто спросили, куда мы летим, — мирно сказала доктор Стоун. — Мне бы тоже хотелось это знать.

— Да, спросили. Но зачем? Кастор, ты хочешь это знать, чтобы придумать, какой брать груз, так или нет?

— Ну… да. А что тут такого? Если мы не будем знать, на какой рынок направляемся, то куда же

вкладывать капитал?

— Это верно. Но я не припомню, чтобы давал разрешение на подобные коммерческие авантюры. «Роллинг Стоун» — семейная яхта.

— Бога ради, папа! — вмешался Поллукс. — Ведь все грузовое помещение будет пустовать. Это расточительно! Ты бы лучше подумал о том, что…

— Пустой трюм увеличивает возможность маневра.

— Но ведь…

— Спокойно. Тема временно закрывается. А вот как вы двое предполагаете продолжать свое образование?

— Я думал, это решено, — сказал Кастор. — Ты сказал, что мы летим.

— Частично решено. Но мы ведь вернемся через пару лет. Намерены вы тогда отправиться на Землю и оставаться на ней, пока не получите свои дипломы?

Близнецы молча переглянулись. Вмешалась Хейзел:

— Ну зачем быть таким ортодоксом, Роджер? Я возьму на себя заботу об их образовании. Дам им все, что нужно. Меня школьная наука чуть не загубила вконец, пока я не поумнела и не взялась сама себя обучать.

Роджер Стоун подарил матери мрачный взгляд:

— Значит, ты берешься их обучать. Нет, спасибо. Предпочитаю более нормальный подход.

— «Нормальный»! Роджер, это слово ничего не значит.

— Может, здесь и не значит. Но я хочу, чтобы близнецы выросли настолько нормальными, насколько это возможно.

— Роджер, а ты встречал когда-нибудь нормальных людей? Я — никогда. Так называемый «нормальный человек» — это воображаемый образ. Любой представитель рода человеческого, начиная с пещерного человека Йо-Йо и кончая высшим продуктом цивилизации, то есть мной, так же эксцентричен, как ручной енот, стоит только застать его без маски.

— Что касается тебя — тут спору нет.

— Это справедливо для любого. Ты пытаешься сделать близнецов «нормальными», а сам только задерживаешь их рост.

— Ну довольно! — Роджер Стоун встал. — Кастор, Поллукс — пойдемте со мной. Просим нас извинить.

— Да, дорогой.

— Слабак, — сказала Хейзел. — Я только начала

разогреваться для обличительной речи.

Отец увел близнецов к себе в кабинет и закрыл дверь.

— Садитесь. — Близнецы сели. — Теперь можно поговорить спокойно. Ребята, я серьезно беспокоюсь о вашем образовании. Можете жить, как хотите, — стать пиратами или добиться избрания в Большой совет, но вырасти неучами я вам не дам.

— Конечно, папа, — ответил Кастор, — но мы же учимся. Мы все время учимся. Ты сам говорил, что из нас инженеры получше, чем из половины тех сопляков, что прилетают с Земли.

— Допустим. Но этого недостаточно. Нет, я не спорю — большинство предметов вы можете изучить самостоятельно, но я хочу заложить в вас правильную, систематическую, незыблемую основу математических знаний.

— Да мы на дифференциальных уравнениях собаку съели!

— Мы учебник Хадсона наизусть знаем, — добавил Поллукс. — Мы считаем тройной интеграл в уме быстрее, чем Хейзел. Если уж мы и *знаем* что-нибудь, так это математику.

Роджер Стоун грустно покачал головой:

— Вы можете считать на пальцах, но рас-

суждать не умеете. Вы, наверно, думаете, что интервал между нулем и единицей равен интервалу между девяносто девятью и ста?

— А разве нет?

— А разве да? Если так — можете вы это доказать? — Роджер снял с полки кассету с пленкой и вставил ее в свой учебный проектор. Перемотав пленку, он спроецировал нужную страницу на стенной экран. Это была таблица разделов математики, которые успел к тому времени изобрести человеческий разум. — Посмотрите, где вы находитесь на этой странице.

Близнецы заморгали. В левом верхнем углу были названия дисциплин, которые они изучили, — дальше простиралась неизвестная территория. Даже большинство названий было им незнакомо. Близнецы действительно разбирались в различных технических вычислениях — тут они не хвастали. Они достаточно освоили векторный анализ, чтобы самостоятельно разбираться в электротехнике и электронике; достаточно хорошо знали классическую геометрию и тригонометрию, чтобы владеть астронавигацией, и были достаточно подкованы в неэвклидовой геометрии, тензорном исчислении, статистической механике и квантовой теории, чтобы

управлять атомным реактором.

Но им никогда не приходило в голову, что они всего лишь топчутся на окраине огромной и удивительной области математики.

— Папа, — тихонько спросил Поллукс, — что такое гиперидеал?[60]

— Самое время, чтобы ты это узнал.

Кастор подозрительно посмотрел на отца:

— А *ты* сам-то учил все это, папа?

— Не все. Не совсем все. Но мои сыновья должны знать больше, чем я.

Они договорились, что во время полета близнецы будут усиленно заниматься математикой, и не только под поверхностным руководством отца и бабушки — занятия будут вестись систематически, по заданиям заочных курсов, получаемых с Земли. Они возьмут с собой столько пленок, чтобы хватило на год, а выполненные задания будут отсылать из каждого порта, куда будут заходить. Мистер Стоун удовлетворился этим — в глубине души он считал, что человек, овладевший математическим инструментарием, может одолеть любую науку — с наставником или без него.

---

[60] Примечания: 60

Идеал — базовое понятие из общей алгебры, представляющее собой обобщение понятия чисел применительно к алгебраическим структурам.

— Теперь, ребята, насчет вашего груза. — Близнецы навострили уши. — Так и быть, я его приму на борт…

— Ух ты, как здорово, па!

— …по себестоимости. Вы представите мне расчеты, и я их проверю. Не пытайтесь надуть меня, не то наложу штраф. Хотите стать бизнесменами, так не путайте свою профессию с надувательством.

— Есть, сэр. Только… мы не можем определиться, пока не узнаем, куда летим.

— Это верно. Ну что ж — подойдет вам Марс в качестве первой остановки?

— Марс? — Близнецы устремили взор в пространство и беззвучно зашевелили губами.

— Ну, хватит подсчитывать прибыль — вы пока не на Марсе.

— Марс? Марс — это просто отлично, папа!

— Очень хорошо. Еще одно: отстанете в занятиях — и я вам медного свистка не дам продать.

— Мы будем заниматься, папа!

И близнецы поскорей удалились. Роджер Стоун посмотрел на закрытую дверь с нежной улыбкой, которую редко позволял видеть близнецам. Хорошие парни! Какое счастье, что небо не наградило его парочкой послушных, воспитанных

пай-мальчиков!

Добравшись до своей комнаты, Кастор схватился за сводный каталог компании «Экспорт Четырех Планет».

— Кас… — начал Поллукс.

— Не приставай.

— Ты замечал, что папу все время надо подталкивать, чтобы он принял свое решение?

— Конечно. Подай-ка мне логарифмическую линейку.

5. Велосипеды и вылет

«Роллинг Стоуна» перевозила в космопорт бригада портовых рабочих, несмотря на протесты близнецов, которые хотели взять напрокат вездеход и платформу и проделать это самостоятельно. Они хотели выполнить эту работу за половинную стоимость, а оставшейся половиной оплатить фрахт своих товаров до Марса.

— Застрахуете? — поинтересовался отец.

— Ну, не совсем, — ответил Поллукс.

— Мы берем риск на себя, — добавил Кастор. — У нас ведь есть актив, чтобы его покрыть.

Но Роджер Стоун не дал себя уговорить — он предпочел, и не без основания, чтобы эту тонкую работу проделали настоящие профессионалы.

Космический корабль на поверхности почти так же беспомощен и неуклюж, как выброшенный на берег кит. Пока корабль стоит на хвостовых плавниках носом в небо, с остановленными гироскопами, его кое-как поддерживают в равновесии три боковые опоры, выставленные в трех направлениях. Чтобы перевезти корабль на новое место, нужно оторвать эти опоры от грунта — и тогда он может перевернуться от малейшего сотрясения. «Роллинг Стоун» надо было перевезти через горное ущелье в порт, который находился в десяти милях от стоянки. Сначала корабль подняли домкратом так, чтобы хвост оказался в двух футах над грунтом, потом подвели под него широкую платформу и закрепили корабль на ней. Один рабочий управлял вездеходом, другой сидел в центре управления корабля. Не сводя глаз с пузырька в нивелире, связанный телефоном со своим напарником, он держался за рукоятку, управляющую равновесием корабля. Под каждым хвостовым стабилизатором находился гидравлический ртутный цилиндр, и рабочий с помощью рукоятки мог подать давление в любой из трех цилиндров, чтобы выровнять возможное отклонение в пути. Близнецы сопровождали его наверх.

— С виду это легко, — заметил Поллукс, когда рабочий проверил ручку при опущенных опорах.

— Легко, — согласился рабочий, — если сможешь угадать, что хочет выкинуть этот старый хрыч, и сделаешь как раз наоборот — причем раньше его. А теперь катитесь — сейчас отправляемся.

— Послушайте, мистер, — сказал Кастор, — мы тоже хотим поучиться. Мы будем тихо сидеть.

— Даже с пристегнутыми ремнями вы мне ни к чему: дернете бровью — и качнете меня на полградуса.

— Да какого черта! — возмутился Поллукс. — Чей это корабль, по-вашему?

— Пока мой, — беззлобно ответил рабочий. — Сами слезете или скинуть вас с лестницы?

Близнецы слезли сами — неохотно, но быстро. «Роллинг Стоун», который мог двигаться в космосе со скоростью метеора, отправился в космопорт со скоростью от силы две мили в час. На перевозку ушел почти весь гринвичский день. Был один критический момент в ущелье, когда корабль закачался от легкого подлунного толчка, но верхний рабочий опустил опоры, насколько позволяла почва. Корабль подскочил на второй

опоре, рабочий выровнял его, и «Роллинг Стоун» продолжил свое величественное шествие.

Увидев это, Поллукс признался Кастору: он рад, что их не взяли на эту работу. Он начинал понимать, что это — особое искусство, вроде выдувания стекла или вытесывания кремневых наконечников для стрел. Вспоминались рассказы о лунотрясении тридцать первого года, когда перевернулось девять кораблей.

Больше сотрясений не наблюдалось, кроме едва ощутимой постоянной дрожи. Луна постоянно испытывает напряжение под приливным воздействием своего соседа, масса которого в восемьдесят раз больше. Наконец «Роллинг Стоун» добрался до стартовой площадки на восточной стороне Лейпорта и уперся двигателем в отражательный щит. Ядерное топливо, вода, продовольствие — и он будет готов отправиться куда угодно.

Мифический средний человек нуждается ежедневно в трех с половиной фунтах продовольствия, четырех фунтах воды (для питья, а не для умывания) и в тридцати четырех фунтах воздуха. Перелет на Марс от системы Земля — Луна по наиболее экономичной орбите занимает тридцать семь недель. Получается, что на семерых

перекати-Стоунов в один рейс требуется взять семьдесят пять тысяч фунтов продовольствия, воды и воздуха — или около тонны на неделю.

К счастью, истина не столь мрачна, не то им никогда не удалось бы взлететь. Воздух и воду на космическом корабле можно использовать вновь и вновь после соответствующей регенерации, так же как это происходит на планете. Неисчислимые триллионы живых существ бесчисленные миллионы лет дышали воздухом Земли и пили из ее источников, однако воздух на Земле по-прежнему свеж, а реки полны воды. Солнце высасывает из соленых вод океана облака, из которых проливается благодатный дождь; растения, которыми изобилуют прохладные зеленые холмы и прекрасные долины Земли, усваивают из воздуха углекислый газ, выдыхаемый животными, и превращают его в углеводы, заменяя его свежим кислородом.

Оснащенный надлежащим образом космический корабль может существовать точно так же.

Вода дистиллируется. При бесконечном вакууме вокруг корабля низкотемпературная дистилляция воды при низком давлении становится дешевым и легким делом. Вода на корабле — не проблема, или, скорее, нет проблемы с недостат-

ком воды. Вопрос в том, куда девать ее избыток, ведь в процессе обмена веществ человеческий организм тоже выделяет воду, сжигая водород, получаемый с питанием. Углекислый газ можно заменять кислородом с помощью «земледелия без земли» — гидропоники. Корабли, совершающие короткие рейсы, например челноки Земля — Луна, всем этим не оборудованы, как велосипед не оборудован каютами или камбузом, но «Роллинг Стоун», предназначенный для глубокого космоса, был оснащен соответственно.

Вместо сорока одного с половиной фунта довольствия на человека в день «Стоун» мог обойтись двумя. Ради комфорта и дополнительной страховки требовалось три фунта, или всего восемь тонн, включая личный багаж. Свои овощи они вырастят в пути, а большинство продуктов поступало на борт в сушеном виде. Мид хотела взять свежие яйца, но законы физики и мать ей не позволили — яичный порошок намного легче.

Багаж включал в себя бессистемный набор бумажных книг и сотни более привычных катушек. Вся семья, за исключением близнецов, питала старомодное пристрастие к книгам — они любили настоящие книги в обложках, тома, которые можно держать на коленях. Катушки — это все-

таки не совсем то.

Роджер Стоун потребовал, чтобы сыновья представили ему список грузов, которые они хотели взять на Марс. Получив упомянутый список, он созвал близнецов на совещание.

— Кастор, ты не можешь разъяснить мне эту вашу декларацию?

— А что тут разъяснять-то? Пол, по-моему, тут все ясно написал.

— Боюсь, даже чересчур ясно. Зачем столько медных труб?

— Мы их покупаем на вес. Медь на Марсе всегда пользуется спросом.

— Ты хочешь сказать, что вы их уже купили?

— Да нет. Только дали небольшой задаток, чтобы их придержали для нас.

— То же, полагаю, относится к клапанам и фитингам[61].

— Да, сэр.

— Хорошо. Переходим к другим видам груза — тростниковый сахар, зерно, сушеный картофель, шлифованный рис. Это что такое?

— Кас предложил взять металл, а я — продукты, — ответил Поллукс, — и мы пошли на

---

[61] Примечания: 61

Фитинг — соединительный элемент для трубок.

компромисс.

— А почему именно эти продукты?

— Это все выращивается в городском гидропонном питомнике, поэтому стоит дешево. Ты же видишь — ничего, что импортируется с Земли, тут нет.

— Вижу.

— Но почти во всем, что у нас выращивается, слишком высокий процент воды. Ты же не собираешься везти на Марс огурцы?

— Я вообще ничего не собираюсь везти на Марс — я просто путешествую. — Мистер Стоун отложил перечень грузов и взял другой листок. — Взгляните-ка сюда.

Поллукс с опаской взял листок:

— А что это?

— Я в свое время тоже был неплохим механиком. Меня заинтересовало, что же можно сделать из того «металла», который вы желаете погрузить. И у меня получился перегонный аппарат приличного размера. А из ваших «продуктов» на нем можно гнать что угодно — от водки до винного спирта. Но вы в невинности своей, конечно же, понятия об этом не имеете.

Кастор изучил чертеж.

— Неужели правда? — спросил он.

— М-да… Вы мне вот что скажите; вы намеревались сдать все это в государственное агентство по импорту или выбросить на рынок?

— Ну ты же знаешь, папа, что настоящую прибыль можно получить только на свободном рынке.

— Я так и думал. Вы полагали, что я не пойму, для чего нужен ваш товар, и полагали, что таможенники на Марсе этого тоже не поймут. — Он посмотрел им в глаза. — Мальчики, я намерен беречь вас от тюрьмы, пока вы не достигнете совершеннолетия. А потом постараюсь навещать вас в каждый дозволенный день. — Роджер швырнул им «декларацию». — Даю вам вторую попытку. И зарубите на носу, что мы стартуем в четверг — и мне все равно, возьмем мы груз или нет.

— Ой, папа, ну ради бога! — сказал Поллукс. — Авраам Линкольн продавал виски. Мы это проходили по истории. А Уинстон Черчилль его пил.

— А Джордж Вашингтон держал рабов, — добавил отец. — Ни то, ни другое, ни третье к вам отношения не имеет. Поэтому проваливайте.

Близнецы вышли из кабинета в гостиную, где сидела Хейзел. Она подмигнула им:

— Ну что, не прошел номер?

— Нет.

Хейзел протянула руку ладонью вверх:

— Платите. И в следующий раз не спорьте, что можете перехитрить своего папашу. Он все-таки мой сын.

После этого Кас и Пол основной статьей своего экспорта выбрали велосипеды. И на Марсе, и на Луне производить горные изыскания на велосипеде гораздо проще, чем пешком. На Луне старомодный старатель, который обследует район, где посадил свой ракетоплан, только на лыжах да на своих двоих, почти ушел в прошлое — велосипед старателю стал так же необходим, как веревка для лазания по скалам и запас кислорода. На Луне, где все в шесть раз легче, чем на Земле, велосипед можно было запросто нести на спине, если на пути встретятся препятствия.

Притяжение Марса — вдвое больше лунного, но все-таки составляет только треть земного, к тому же Марс — планета плоских равнин и пологих склонов. Велосипедист там может развить скорость от пятнадцати до двадцати миль в час. Старатель-одиночка, лишившись своего традиционного ослика, обнаружил, что велосипед не менее доступен и не менее надежен — ну разве что не так близок по духу. Старательский велоси-

пед на улицах Стокгольма выглядел бы странно. Слишком большие колеса, толстые, как пончики, песчаные шины, буксировочные хомуты и трейлер позади, устройство для непрерывного заряда батарей, рация, седельные сумки и держатель для счетчика Гейгера — все это делало машину малопригодной для прогулки по парку, но на Марсе или на Луне такой велосипед соответствовал своим задачам, как какое-нибудь каноэ — быстрой канадской речке.

Обе планеты импортировали велосипеды с Земли — до недавнего времени. Потом компания «Лунар стил продактс» начала изготовлять стальные трубы, проволоку и штампованные детали из местной руды, а «Сирс энд Монтгомери» построили на Луне завод по сборке старательских велосипедов под маркой «Лунопед». «Лунатики», в которых было не более двадцати процентов привозных деталей, расходились по ценам вполовину ниже импортных.

Кастор и Поллукс решили скупить подержанные велосипеды, которые постепенно наводнили рынок, и доставить их на Марс. В межпланетной торговле стоимость товара задает его положение в гравитационном поле, а не расстояние, на которое приходится его везти. Земля — чудес-

ная планета, но вся ее продукция лежит на дне слишком глубокого «гравитационного колодца» — глубже, чем на Венере, и неизмеримо глубже, чем на Луне. Хотя и Луна, и Земля находятся примерно на одинаковом расстоянии от Марса в милях, Луна ближе к Марсу на пять миль в секунду, если считать расход топлива и стоимость перевозки.

Роджер Стоун выделил денег ровно столько, чтобы оплатить покупку. Близнецы грузили подержанные велосипеды до самого вечера среды. Кастор их взвешивал, Мид вела запись, а Пол грузил. Все остальное уже подняли на борт. Контрольное взвешивание с экипажем на борту произведет дежурный по порту, когда груз будет в трюме. Размещением груза руководил Роджер Стоун — он нес личную ответственность за баланс корабля во время старта.

Он и Кастор помогли Поллуксу разгрузить последний поддон.

— Некоторые и везти-то не стоит, — заметил отец.

— По-моему, это просто утиль, — добавила Мид.

— Тебя никто не спрашивает, — отрезал Пол.

— Повежливей, — ласково ответила Мид, —

или поищи себе другого секретаря.

— Давай грузи, юноша, — распорядился Кастор. — Не забывай, что она работает бесплатно. Папа, я согласен, что тут особенно не на что смотреть, но ты подожди. В космосе мы с Полом починим их и покрасим. Времени у нас полно — как новенькие будут.

— Смотрите только не пытайтесь выдать их за новые. Но, по-моему, вы перестарались. Когда мы все это разместим и закрепим, в трюме кошке повернуться будет негде[62], не говоря уж о ремонтных работах. Если рассчитываете захватить жилое помещение, то это решительно запрещается.

— Зачем в трюме кошка? — спросила Мид. — Ей бы там не понравилось. Кстати, почему бы нам не взять кошку?

— Никаких кошек, — отрезал отец. — Я раз путешествовал с кошкой и персонально отвечал за ее ящик с песком. Никаких кошек.

— Пожалуйста, папочка-капитан! Я вчера видела у Хейли такого чудного котеночка…

— Никаких кошек. И не называй меня «папоч-

---

[62] Примечания: 62

В оригинальном тексте идиома «to swing a cat» («по негде»); речь идет о выражении «размахнуться „кошкой“» («кошкой» на морском жаргоне называли плеть).

ка-капитан». Или одно, или другое, вместе это звучит глупо.

— Да, папочка-капитан.

— Мы и не собираемся работать в жилом помещении, — сказал Кастор. — Как только выйдем на орбиту, вывесим их наружу, а в трюме устроим мастерскую. Там полно места.

Немалая часть населения Луна-Сити пришла проводить Стоунов. Нынешний мэр, достопочтенный Томас Бизли, пришел попрощаться с Роджером Стоуном. Несколько выживших отцов-основателей явились выразить почтение Хейзел. Делегация Молодежной лиги и, по-видимому, добрая половина мальчиков из старшего класса техникума оплакивала отлет Мид. Мид рыдала и обнимала всех, но никого не целовала; поцелуй в скафандре — бессмысленное и безвкусное занятие.

Близнецов провожал только торговый агент, который требовал платы — прямо здесь, сейчас и в полном объеме.

Над ними висела половинка Земли, и длинные тени гор Обелиска тянулись почти через все поле. Основание «Роллинг Стоуна» было освещено прожектором, его стройный силуэт поднимался за пределы круга света. Чуть выше его, на даль-

ней стороне поля, вершины хребта Роджера Янга все еще сияли отраженным светом заходящего солнца. Рядом с Землей блистал великолепный Орион. К северо-востоку от него знакомый ковш Большой Медведицы касался рукояткой горизонта. Под сводом глубоких небес, на фоне могучих природных монументов Луны человеческие фигурки в шлемах у подножия корабля казались совсем крохотными.

Прожектор с далекой контрольной вышки нашел их и три раза мигнул красным. Хейзел обернулась к сыну:

— Тридцать минут, капитан.

— Знаю. — Роджер свистнул в микрофон. — Прошу тишины! Просьба всем соблюдать тишину, пока не спуститесь под землю. Спасибо всем, что пришли. До свидания!

— Пока, Роджер!

— Счастливого пути, ребята!

— Алоха![63]

— Возвращайтесь поскорей!

Провожающие начали понемногу спускаться в подземный туннель. Мистер Стоун повернулся к своей семье:

---

[63] Примечания: 63

Алоха! (гавайск.) — пока!

— Тридцать минут. Все на корабль!

— Есть, сэр.

Хейзел стала подниматься по лестнице, за ней двинулся Поллукс. Вдруг она остановилась, подалась назад и наступила внуку на пальцы.

— С дороги, юнец! — Хейзел спрыгнула с лестницы и побежала за группой провожающих, спускающихся по пандусу. — Эй, Том! Бизли! Погоди! Минутку…

Мэр остановился и оглянулся. Хейзел сунула ему в руку пакет:

— Отправишь на Землю?

— Конечно, Хейзел.

— Вот и молодец. Пока!

Хейзел вернулась на корабль, и сын спросил ее:

— Что это тебе приспичило, Хейзел?

— Шесть серий. Всю ночь над ними работала — и совсем забыла, что они все еще у меня. Только когда стала подниматься, спохватилась, что держусь только одной рукой.

— А голову не забыла, нет?

— Не хами, мальчик.

— Поднимайся на борт.

— Есть, сэр.

Когда все поднялись, портовой весовщик снял

окончательные показания со шкал под каждым из стабилизаторов и подвел итог:

— На два и семь десятых фунта ниже нормы, капитан. Точно уложились. — И он прикрепил к лестнице бирку с указанием веса. — Забирайте.

— Спасибо, сэр.

Роджер втянул лестницу, забрал бирку и закрыл дверь шлюза. Прошел на корабль, закрыл и запер за собой внутреннюю дверь, заглянул в центр управления. Кастор уже лежал в кресле второго пилота.

— Время?

— Семнадцать минут до старта, капитан.

— Курс загружается? — Роджер протянул руку и прикрепил бирку к стойке в центре отсека.

— Лучше не бывает.

Главную задачу решили еще три недели назад, определив время отправления с точностью до секунды. Только в течение короткого периода каждые двадцать шесть месяцев корабль может стартовать от системы Луна — Земля на Марс по наиболее экономичной орбите. После пробного взвешивания накануне старта капитан решил вторую задачу: определил силу тяги и длительность импульса, необходимые, чтобы вывести данный корабль на данную орбиту. От-

вет, который у него получился, Кастор сейчас и закладывал в автопилот.

Первый отрезок траектории был направлен не к Марсу, а к Земле. Когда они обогнут Землю, наступит второй критический момент, не менее ответственный, чем старт. При этой мысли капитан Стоун нахмурился, потом пожал плечами: об этом он будет беспокоиться после.

— Продолжай, я спущусь вниз.

Он направился в машинное отделение, поглядывая по сторонам. Даже бывалый торговый шкипер волнуется в последние минуты перед стартом. Старт корабля — все равно что прыжок с парашютом: если прыгнул, то ошибки уже поздно исправлять. Космических шкиперов вечно мучают кошмары о неверно поставленных запятых.

Хейзел и Поллукс заняли лежаки старшего механика и его помощника. Роджер сунул голову в люк, не спускаясь к ним:

— Машинное?

— Все в порядке. Прогреваю потихоньку.

Доктор Стоун, Мид и Вундер приготовились к старту в кубрике, за компанию. Капитан заглянул к ним:

— У вас все в порядке?

— Конечно, дорогой, — ответила со своего крес-

ла жена. — Я сделала Лоуэллу укол.

Вундер лежал на спине, пристегнутый ремнями, и спал. Он был единственный в семье, кто еще не испытывал перегрузку и невесомость. Мать решила ввести ему снотворное, чтобы он не испугался.

— Завидую ему, — сказал Роджер, глядя на младшего сына.

— Голова болит, папочка? — приподнявшись, спросила Мид.

— Переживу. На этих прощальных вечеринках всегда получается перебор, особенно у того, с кем прощаются.

Из репродуктора послышался голос Кастора:

— А хочешь, я подниму корабль, папа? Я себя прекрасно чувствую.

— Занимайтесь своим делом, второй пилот. Прокладка курса продолжается?

— Да, сэр. Одиннадцать минут.

— «За грех расплата — смерть», — послышался голос Хейзел.

— Кто бы говорил! Прекратить посторонние разговоры по внутренней связи! Это приказ.

— Есть, капитан.

Роджер хотел уйти, но жена остановила его:

— Прими-ка это, дорогой, — и протянула ему

таблетку.

— Не надо.

— Прими.

— Ладно, милый доктор. — Он проглотил таблетку, сморщился и поднялся в центр управления. Улегшись в свое кресло, он сказал: — Запроси вышку.

— Есть, сэр. «Роллинг Стоун», порт Луна-Сити, вызывает вышку — запрашиваем разрешение на старт по согласованному плану.

— Говорит вышка. «Роллинг Стоун», старт разрешаем.

— Вас понял, вышка! — ответил Кастор.

Капитан Стоун посмотрел на пульт. Все индикаторы светились зеленым, кроме одного огонька — машинного отделения. Его сменит зеленый, только когда он прикажет Хейзел разблокировать кадмиевые пластины замедлителя. Роджер поправил микроверньер индикатора курса — автопилот работал верно, как уже доложил Кастор.

— Всем постам доложиться по очереди. Машинное отделение!

— Шипит, Роджер! — ответила Хейзел.

— Пассажиры!

— Мы готовы, Роджер.

— Второй пилот!

— Добро на старт, зеленый свет, сэр! Проверка закончена. Пять минут до старта.

— Пристегнуть ремни и доложить!

— Машинное пристегнулось.

— Мы пристегнулись, дорогой.

— Все посты пристегнулись, сэр.

— Машинное отделение — разблокировать реактор к старту.

Последний красный огонек на пульте сменился зеленым, и Хейзел доложила:

— Силовая разблокирована, шкипер. К старту готовы.

В репродукторе послышался другой голос, потише:

— А я уже засыпаю…

— Тихо, Мид! — рявкнул Роджер Стоун. — Второй пилот, начинайте отсчет!

Кастор начал нараспев:

— Две минуты десять… Две минуты… Минута пятьдесят… Минута сорок…

У Роджера давило в висках, и он от души жалел, что вчера не сообразил вернуться домой пораньше, хоть бы и с вечера в свою честь.

— Минута!.. Пятьдесят пять… Пятьдесят…

Роджер положил палец на ручной пусковой ключ, на случай если автопилот подведет, но

быстро убрал руку. Это же не военный корабль! Если автоматический пуск не сработает, нужно отменить старт, а не рисковать женой и детьми из-за ненадежной техники. В конце концов, у него только любительские права.

— Тридцать пять… Полминуты!

Голова разболелась еще пуще. Зачем было оставлять уютную квартиру? Чтобы болтаться в этой жестянке?

— Двадцать восемь, двадцать семь, двадцать шесть…

Ну, если что-то пойдет не так, по крайней мере сирот не останется. Все семейство Стоун тут, корень, ствол и ветви. Перекати-Стоуны…

— Девятнадцать… Восемнадцать… Семнадцать…

Но нельзя же вернуться и сказать всем людям, которые их только что проводили: «Знаете, мы попробовали, но что-то передумали…»

— Двенадцать! Одиннадцать! Десять! Девять!

Роджер снова положил палец на ручной пуск.

— Пять!

— Четыре!

— Три!

— Два!

— О…

Голос Кастора утонул в грохоте реактивной струи, и «Роллинг Стоун» устремился в космос.

6. Вундер и баллистика

При взлете с Луны ощущения не такие жуткие и невыносимые, как при подъеме с Земли. У Луны такое слабое поле и такая низкая гравитация, что достаточно ускорения в одно *g*, то есть нормального земного веса.

Капитан Стоун решил стартовать при двукратной перегрузке, чтобы сэкономить время и горючее, побыстрей оторвавшись от Луны, — побыстрей, потому что на преодоление кораблем притяжения планеты расходуется добавочное количество топлива сверх того, что нужно для вывода корабля на орбиту. Кроме того, если бы «Роллинг Стоун» работал на малой тяге, он бы совершенно нерационально расходовал реактивную массу, не позволяя атомному реактору достаточно разогреть жидкий водород, чтобы развить настоящую скорость истечения струи. Поэтому «Стоун» около двух минут должен был работать при двукратной перегрузке. Ну что такое двукратная перегрузка? Ее испытывает борец, прижатый к мату противником. Ее испытывает ребенок на школьных качелях и почти каждый

человек, когда резко поднимается с места.

Но Стоуны долго жили на Луне, и все дети родились там, и двукратная перегрузка в двенадцать раз превышала вес, к которому они привыкли.

Головная боль Роджера, утихшая было от обезболивающего, которое дала ему жена, вернулась с новой силой. Грудная клетка вдавливалась внутрь, он задыхался и все время проверял показания акселерометра, чтобы убедиться, что корабль не понесся вскачь.

Удостоверившись по приборам, что все идет как надо, несмотря на отвратительное самочувствие, Роджер с трудом повернул голову к сыну:

— Кас, ты как?

— Отлично, шкипер, — просипел Кастор, — следуем согласно плану полета, сэр.

— Очень хорошо, сэр. — И Роджер сказал в микрофон: — Эдит…

Ответа не было.

— Эдит!

— Да, дорогой, — ответил ему напряженный голос.

— Как вы там?!

— Хорошо, дорогой. Мы с Мид — хорошо. Малышу плохо.

Роджер собрался вызвать машинное отделение,

но Кастор напомнил ему о времени:

— Двадцать секунд! Девятнадцать! Восемнадцать!..

Капитан перевел глаза на секундомер и положил руку на рычаг, чтобы нажать, если автопилот не сработает. Кастор, держа руку на своем рычаге, страховал отца, а внизу в машинном отделении Хейзел тоже тянулась дрожащей рукой к рычагу, отключающему тягу.

Секундомер отсчитал последние полсекунды, Кастор крикнул: *«Отсечка!»* — и три руки нажали на три рычага, но автопилот их опередил. Двигатель захлебнулся, лишившись топлива, пластины замедлителя перехватили свободные нейтроны в атомном реакторе, и «Стоун» перешел на баллистическую траекторию к Земле. Внезапно наступила глухая тишина, прерываемая только шорохом кондиционера.

Роджер проглотил свой желудок.

— Машинное, доложите! — прохрипел он.

Он слышал, как Хейзел тяжело перевела дух.

— Порядок, сын, — слабо ответила она, — но не забудь про последний этап — в нем весь фокус.

— Кас, запроси проверку по доплеру из порта.

— Есть, сэр. — Кастор вызвал радарную и доплеровскую станцию Лейпорта. Хотя на «Стоуне»

были радар и все необходимые приборы, корабль не смог бы поднять оборудование таких размеров и такой точности, которое установлено во всех портах и на всех спутниках. — «Роллинг Стоун» вызывает Луну-Контрольную. Как слышите?

И он включил корабельный радар и доплеровский локатор, приготовившись проверить их показания по тем, что поступят с Луны. Кастор делал это, не дожидаясь указаний, — это входило в обязанности второго пилота.

— Луна-Контрольная. Слышу вас, «Роллинг Стоун».

— «Роллинг Стоун» запрашивает Луну-Контрольную удаление, азимут и склонение, а также отклонения от плана полета. Рейс номер четырнадцать по расписанию поля, без изменений.

— Вас понял. Приготовьтесь к записи.

— Готов, — ответил Кастор, включая магнитофон.

Они были еще настолько близко к Луне, что запаздывание передачи, идущей со скоростью света, было незаметным.

Скучающий голос назвал время справки с точностью до половины секунды и прочел координаты их пеленга в единицах Системы с поправкой на положение Луны в момент старта.

Затем назвал их скорость и относительное удаление от Луны, также с поправкой на положение планеты. Поправка была сравнительно небольшой, так как Луна вращается со скоростью менее двух третей мили в секунду, но тем не менее была необходима. Пилот, пренебрегший такой поправкой, мог оказаться за тысячи и даже миллионы миль от своей цели.

— Отклонения от плана полета незначительны, — добавил оператор. — Очень удачный старт, «Роллинг Стоун».

Кастор поблагодарил и отключился.

— В русле, папа.

— Хорошо. С наших приборов снял показания?

— Да, сэр. На семь секунд позже Луны.

— Ладно. Наведи их опять на линию полета и введи вектор — надо проверить. — Он внимательно посмотрел на сына — Кастор слегка посинел. — Ты что, не принимал таблетки?

— Принимал, сэр. На меня всегда поначалу так действует. Скоро пройдет.

— Выглядишь, как труп недельной давности.

— Да и ты не свежее, папа.

— Это точно, не свежее — но строго между нами. Можешь последить за экранами или хочешь соснуть?

— Конечно могу!

— Ну ладно… внимательней с десятичными знаками.

— Есть, капитан.

— Я пошел на корму. — И Роджер стал отстегивать ремни, говоря в микрофон: — Всем постам отстегнуться. Машинное отделение, блокировать реактор и отключить пульт.

— Я слышала сводку, капитан, — ответила Хейзел. — Машинное отделение заблокировано.

— Не забегай вперед, Хейзел, если не хочешь отправиться назад.

— Я не так выразилась, капитан. Я хотела сказать — мы как раз блокируем машинное отделение по вашему приказу, сэр. Теперь — готово. Машинное отделение заблокировано!

— Очень хорошо, старший механик.

Он мрачно усмехнулся: его пульт показывал, что первый рапорт был правильным — Хейзел заглушила реактор, как только узнала, что они идут верным курсом. Этого он и боялся: изображать шкипера в экипаже, состоящем из заядлых индивидуалистов, — удовольствие среднее. Роджер ухватился за центральную стойку, повернулся лицом к корме и поплыл через люк в жилой отсек.

Оказавшись в кубрике, он повис, держась за поручень. Там все уже отстегнулись. Доктор Стоун хлопотала над ребенком. Роджер не видел, что именно она делает, но было ясно, что Лоуэлла сильно стошнило, — Мид, сама с остекленевшими глазами, держась одной рукой, пыталась другой убрать следы рвоты. Мальчик еще не приходил в сознание. При виде этого Роджеру тоже стало нехорошо.

— Ничего себе!

Жена оглянулась на него через плечо.

— Дай мне коробочку для инъекций, — велела она. — В шкафчике позади тебя. Хочу его разбудить. Он все время пытается проглотить свой язык.

— Да, дорогая, — промямлил Роджер. — Что будешь колоть?

— Неокофеин, один кубик. *Поживей!*

Он нашел коробку, наполнил шприц и подал доктору Стоун. Она сделала укол мальчику в бок.

— Что мне еще делать? — спросил он.

— Ничего.

— Опасности нет?

— Нет, пока он у меня перед глазами. Иди-ка попроси Хейзел прийти сюда.

— Да, дорогая. Иду. — Он поплыл на корму, где

его мать парила в воздухе с довольным видом. Поллукс еще не вылезал из кресла. — Как вы тут, ничего? — спросил он.

— Конечно. Почему бы нет? Вот только мой помощник, по-моему, хочет выйти на следующей остановке.

— У меня все нормально, — пробурчал Поллукс. — Хватит цепляться.

— Надо бы помочь Эдит, мать, — сказал Роджер. — Вундер испачкал весь кубрик.

— Вот чертенок! Он же ничего сегодня не ел, я с него глаз не спускала.

— Видно, ты потеряла бдительность на пару минут — улики налицо. Иди-ка помоги Эдит.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин.

Она оттолкнулась ногой от перегородки и юркнула в люк. Роджер спросил у сына:

— Ну как?

— Через пару часов буду в норме. Тут уж ничего не поделаешь, придется потерпеть. Все равно что зубы чистить.

— Это факт. Я и сам не прочь сейчас взять напрокат небольшую планетку. Сделал запись в журнал механика?

— Нет еще.

— Так сделай. Это отвлекает внимание от же-

лудка.

Роджер снова направился в кубрик. Лоуэлл уже проснулся и плакал. Эдит уложила его на койку и прибинтовала к ней простыней, чтобы создать видимость устойчивости.

— Мама! — хныкал ребенок. — Сделай, чтобы все стояло на месте!

— Тихо, милый. Все хорошо. Мама с тобой.

— Я хочу домой!

Мать, не отвечая, гладила его по голове. Роджер поскорее удалился в носовой отсек.

К ужину весь экипаж, кроме Лоуэлла, уже приспособился к невесомости, преодолев ощущение, словно в темноте шагнул в открытую шахту лифта. Однако особенного аппетита ни у кого не было. Доктор Стоун ограничила меню бульоном с крекерами и компотом из сушеных абрикосов. Было и мороженое, но охотников на него не нашлось.

Никто, кроме малыша, и не ожидал, что недомогание, вызванное переходом от притяжения планеты к невесомости космоса, будет слишком сильным или долго продлится. Их желудки и барабанные перепонки уже проходили через такое испытание раньше, у них был опыт и закалка.

Но Лоуэлл был новичком, и весь его организм восставал против непривычных условий, а он

был недостаточно взрослым, чтобы встретить это спокойно и без страха. Он плакал, давился, икал, и ему становилось еще хуже. Хейзел и Мид по очереди пытались его успокоить. Мид, покончив с легким ужином, сменила бабушку. Когда та пришла в центр управления, где они ели, Роджер Стоун спросил:

— Как он там?

Хейзел пожала плечами:

— Уговаривала его сыграть со мной в шахматы, а он плюнул мне в лицо.

— Похоже, ему лучше.

— Незаметно что-то.

— Мам, — сказал Кастор, — а ты не можешь накачать его лекарствами, пока он не очухается?

— Нет, — ответила доктор Стоун, — я уже и так дала ему самую большую дозу, какую допускает его вес.

— Сколько, по-твоему, ему понадобится времени, чтобы оправиться? — спросил ее муж.

— Не могу сказать заранее. Обычно дети привыкают быстрее взрослых, ты сам знаешь, дорогой, но известно также, что некоторые люди вообще не могут приспособиться. Они просто физически неспособны летать в космос.

У Поллукса отвисла челюсть.

— Ты что же, хочешь сказать, что Вундер — прирожденный крот?

Он произнес это так, будто речь шла об уродстве или о чем-то позорном.

— А ну заткнись, — резко сказал отец.

— Ничего такого я сказать не хотела, — решительно ответила мать. — Лоуэллу сейчас плохо, но он очень скоро может оправиться.

На несколько минут повисло угрюмое молчание. Поллукс снова наполнил свой пакет бульоном, взял горсть крекеров и устроился на своем насесте, зацепившись ногой за стойку. Он поймал взгляд Кастора, и близнецы стали беседовать с помощью гримас и пожиманий плечами. Отец отвел глаза — близнецы частенько разговаривали между собой таким образом, и этот код — если это был код — посторонним был непонятен.

— Эдит, — спросил он жену, — ты правда думаешь, что Лоуэлл может не приспособиться?

— Такая возможность, безусловно, есть.

Она не стала развивать свою мысль — в этом не было нужды. Космическая болезнь, как и морская, сама по себе не убивает, зато это делают голодание и истощение организма.

— Ничего себе, вовремя спохватились, — при-

свистнул Кастор. — Мы уже вышли на марсианскую орбиту.

— Ты знаешь, что это не так. Кастор, — резко сказала Хейзел.

— Чего?

— Ничего, тупица, — вмешался брат. — Придется поворачивать оглобли.

— А-а. — Кастор нахмурился. — Я и забыл, что это двойной прыжок. — Он вздохнул. — Ну что ж. Обратно так обратно.

Существовала только одна точка, из которой они могли повернуть обратно на Луну. Сейчас они летели к Земле по обычной S-траектории, то есть почти по прямой. Они пройдут очень близко к Земле по гиперболической орбите со скоростью более пяти миль в секунду. Чтобы продолжить полет на Марс, Стоуны планировали увеличить скорость, запустив двигатель в точке наибольшего сближения, — так они вышли бы на эллиптическую орбиту относительно Солнца, обеспечивающую сближение с Марсом.

А можно было проделать обратный маневр — остановить полет, отработав двигателем против движения корабля, и таким образом вывести «Стоун» на эллиптическую орбиту относительно Земли. Эта траектория, если рассчитать ее

правильно, приведет их обратно на Луну, домой, прежде чем их малыш умрет от голода или обессилеет от рвоты.

— Да, ничего не поделаешь, — согласился Поллукс и вдруг ухмыльнулся. — Никто не хочет купить партию велосипедов? Дешево?

— Не спеши ликвидировать фонды, — сказал отец. — Но мы ценим твое отношение. Что скажешь, Эдит?

— По-моему, тут нельзя рисковать, — заявила Хейзел. — Малышу худо.

Доктор Стоун колебалась.

— Роджер, сколько еще до перигея?

Тот посмотрел на пульт управления:

— Около тридцати пяти часов.

— Может, стоит подготовить оба маневра? Тогда мы сможем принять решение, когда придет время разворачивать корабль.

— Это имеет смысл. Хейзел, вы с Кастором разработайте программу возвращения, а мы с Поллуксом займемся отработкой направления на Марс. Пока приблизительно — когда подойдем поближе, успеем поправиться. Все работают независимо, потом меняемся и проверяем. Следите за запятыми!

— За своими следи, — ответила Хейзел.

— Себе взял что полегче, а, пап? — с хитрой улыбочкой спросил Кастор.

— Что, не справишься? — спросил в свою очередь отец. — Хочешь поменяться?

— Нет, сэр! Справлюсь.

— Вот и давай — и не забудь, что ты член экипажа в полете.

— Есть, сэр.

Роджер и в самом деле «взял что полегче» — основную траекторию полета на Марс мимо Земли вычислили на больших компьютерах станции Луна-Контрольная еще до старта. Правда, расчеты станции надо было перепроверить с учетом неизбежных ошибок или отклонений от плана полета, которые проявятся, когда «Стоун» достигнет перигея. Вдруг они летят слишком высоко, слишком низко, слишком быстро, слишком медленно или вообще уклонились от расчетной траектории. Они вполне могли ошибиться во всем сразу — самая ничтожная ошибка на старте за четверть миллиона миль могла возрасти во много раз.

Приступать к исправлению ошибок можно будет только через пятнадцать — двадцать часов — надо позволить отклонениям накопиться, чтобы их можно было измерить.

Выход же на обратную эллиптическую орбиту к Луне был совсем новой, непредвиденной задачей. Капитан Стоун не взялся за нее не потому, что ленился, — он все равно собирался решать обе задачи, но ничего никому не сказал. Сейчас его беспокоило другое: за ним шло несколько других кораблей, и все на Марс. В последующие несколько дней с Луны постоянно будут вылетать корабли — все воспользуются благоприятным периодом, который бывает раз в двадцать шесть месяцев и во время которого перелет на Марс обходится относительно «дешево». Когда эллиптическая траектория с минимальным расходом топлива проходит по касательной к орбитам обеих планет и действительно выводит к Марсу, а не на какой-нибудь пустой отрезок его орбиты. Все корабли, за исключением военных судов и безумно дорогих пассажирских лайнеров, стараются стартовать на Марс именно в это время.

Идеальное время для старта — всего четыре дня, когда корабли, поднимающиеся из Лейпорта, платят за эту привилегию приличную надбавку сверх обычной платы за обслуживание. Только большой корабль может себе позволить столько выложить — стоимость сэкономленного атомарного водорода для него перекрывает сумму,

уплаченную за старт. «Роллинг Стоун» стартовал как раз перед началом этого периода, а значит, за ним тянется, как бусы на ниточке, добрая дюжина кораблей, и все они следуют к Земле, а от нее — на Марс.

Если «Роллинг Стоун» повернет обратно и отправится вместо Марса на Луну, он может создать проблему другим кораблям.

Столкновения космических кораблей — дело почти неслыханное. Космос очень велик, а корабли очень маленькие. Но все возможно, особенно когда много кораблей идут одним курсом в одно время в одном секторе пространства. Космонавты никогда не забудут случая с «Восходящей звездой» и патрульным кораблем «Трюгве Ли»[64] — четыреста семь погибших, ни одного выжившего.

Корабли будут стартовать на Марс и в следующие три дня, и потом. «Роллинг Стоун», сделав оборот вокруг Земли и повернув к Луне (в то место, где в это время будет Луна), пойдет по диагонали через их трассы. А вдобавок к этим опасностям вокруг Земли вращаются три радиотрансляционных спутника и космическая станция. План

[64] Примечания: 64

Трюгве Ли (1896–1968) — норвежский политик, в 1946–1952 годах стал первым Генеральным секретарем ООН.

полета каждого корабля, утвержденный штурманской станцией Луна-Контрольная, принимал в расчет эти четыре орбиты, но предполагаемый экстренный маневр «Роллинг Стоун» будет вынужден проделать без проверки на безопасность. Роджер Стоун мысленно грыз себе ногти, понимая, что служба движения может и не разрешить ему сменить утвержденный план полета, а так она и поступит при малейшей вероятности столкновения, болен у Стоунов ребенок или не болен.

А он, капитан Стоун, разумеется, проигнорирует их запрет, пойдет на риск столкновения и доставит сына на Луну — где, конечно же, лишится пилотских прав и где, возможно, Адмиралтейский суд вынесет ему суровый приговор.

Кроме космической станции и радиоспутников вокруг Земли от полюса до полюса циркулировали еще и автоматические атомные ракеты патруля, но было маловероятно, что траектория «Роллинг Стоуна» пересечется с орбитой одной из них, — они двигались по низким орбитам сразу за пределами атмосферы, а космическим кораблям разрешается опускаться так низко только при посадке. Зато при повороте домой «Роллинг Стоун» непременно войдет на орбиты спутников и космической станции… Минутку!

Роджер Стоун обдумал свою внезапную идею. Возможно ли выйти на стыковку со станцией вместо возвращения на Луну?

Если возможно, он смог бы вернуть Лоуэлла к нормальному весу на пару дней раньше — на станции есть помещения с искусственной тяжестью!

Баллистический компьютер был свободен — Кастор и Хейзел все еще занимались нудной процедурой постановки задачи. Капитан Стоун сел у компьютера и стал составлять приблизительный запрос — сейчас он не обращал внимания на тонкости баллистики, а просто спрашивал машину: можно это сделать или нет?

Полчаса спустя он сдался, плечи у него опустились. Да, он мог выйти на орбиту станции — но почти в сотне градусов от нее. Самый щедрый расход топлива не поможет ему добраться до станции.

Роджер со злостью выключил компьютер. Хейзел оглянулась:

— Что с тобой, сынок?

— Думал, мы сможем причалить к станции. Оказывается, нет.

— Я могла это тебе сразу сказать.

Роджер, не ответив, пошел на корму. Лоуэллу,

как выяснилось, лучше не стало.

Иллюминаторы правого борта заполнила Земля — огромная, круглая, прекрасная. «Стоун» быстро приближался к ней, и оставалось меньше десяти часов до критического момента, когда придется выбрать тот или иной маневр. Аварийный план полета, составленный Хейзел, проверенный-перепроверенный капитаном, передали по радио в службу движения. Все были настроены на возвращение, но все-таки Поллукс с помощью штурманской станции Кито-Контрольная, что в Эквадоре, вычислял отклонения от основного плана полета и разрабатывал вариант для поворота на Марс.

Доктор Стоун появилась в центре управления и остановилась возле люка. Она поймала взгляд мужа и сделала ему знак выйти. Он поплыл за ней в каюту.

— Что? — спросил он. — Лоуэллу хуже?

— Нет, лучше.

— Да ну?

— Дорогой, по-моему, у него и не было никакой космической болезни.

— А что же это было?

— Ну разве что самую малость. Но, по-моему, все симптомы указывают на аллергию — у него

повышена чувствительность к седативным средствам.

— В первый раз слышу о такой форме аллергии.

— Я тоже, но все когда-то случается в первый раз. Я перестала давать ему лекарство несколько часов назад, видя, что оно не помогает. Ему сразу стало легче, и пульс улучшился.

— Значит, все в порядке? И он может лететь на Марс?

— Слишком рано об этом говорить. Мне бы понаблюдать за ним еще пару дней.

— Эдит, ты же знаешь, что это невозможно. Мне надо производить маневр.

Роджер уже дошел до точки от нервного напряжения и недосыпа — в последний раз он спал за сутки до старта.

— Да, знаю. Предупреди меня за тридцать минут до этого момента, и я отвечу тебе окончательно.

— Ладно. Ты извини, что я так рычу.

— Роджер, дорогой!

Когда подошло время «повернуть за угол», огибая Землю, мальчику стало намного лучше. Мать несколько часов продержала его под легким снотворным. Проснувшись, он потребовал есть. Эдит попробовала дать ему несколько ложек

заварного крема. Первой ложкой он подавился, но только потому, что не привык глотать в невесомости. Вторую ложку он проглотил и удержал съеденное.

Лоуэлл уверял, что еще голоден, но мать больше есть не позволила. Тогда он потребовал, чтобы его отвязали от койки. Эдит согласилась, но велела Мид сидеть с ним и не выпускать его из кубрика. Сама же отправилась поговорить с мужем. Хейзел и Кастор сидели у компьютера — Кастор диктовал программу, а Хейзел нажимала клавиши. Поллукс принимал с Земли доплеровские данные. Эдит отплыла с мужем в сторону и шепнула:

— Дорогой, кажется, можно вздохнуть спокойно. Он поел, и его не стошнило.

— Ты уверена? Я не хочу рисковать даже в малейшей степени.

— Как я могу быть уверена? — пожала плечами Эдит. — Я врач, а не гадалка.

— Что ты решила?

— Пожалуй, полетим на Марс, — нахмурилась Эдит.

— А куда деваться, — вздохнул Роджер. — Служба движения отклонила мое изменение плана полета. Я как раз собирался тебе сказать.

— Значит, у нас и выбора нет.

— Ты знаешь, что это не так. Уж лучше давать показания в суде, чем читать похоронную службу. Но у меня есть еще одна карта в рукаве.

Она удивленно на него посмотрела.

— «Бог войны» меньше чем в десяти тысячах миль за нами. Если понадобится, то я на резервном топливе подойду к нему за неполную неделю и ты с ребенком сможешь перебраться туда. Его недавно переделали в «вертушку», и можно пользоваться любым весом — от лунного до земного.

— Мне это не приходило в голову. Что ж, не думаю, что это понадобится, но все-таки спокойнее, когда знаешь, что помощь близко. — Эдит снова нахмурилась. — Не хотелось бы бросать вас одних, да и резервный запас опасно расходовать: он может понадобиться, когда подойдем к Марсу.

— Нет, если правильно управлять кораблем. Ты не беспокойся — мы с Хейзел приведем его куда надо, даже если придется вылезать и толкать его сзади.

Поллукс прервал свое занятие и навострил уши, пытаясь услышать, о чем речь. Попытка была безуспешной: у его родителей была многолетняя практика ведения разговоров, чтобы дети не слышали. Но Поллукс, видя их взволнованные лица и хмурый вид, подал знак брату.

— Постой-ка, Хейзел, — сказал Кастор. — Почесаться надо. Чего там, Пол?

— «Настало время всем людям доброй воли послужить своей стране»[65]. — Пол кивнул в сторону родителей.

— Ага. Говорить буду я.

Оба устремились на корму. Роджер Стоун, увидев их, нахмурился:

— В чем дело, ребята? Мы заняты.

— Да, сэр. Но нам кажется, сейчас самое время сделать заявление.

— Да?

— Мы с Полом за то, чтобы вернуться домой.

— Вот как?

— Мы все рассчитали — с Вундером у нас нет шансов долететь благополучно.

— Он, конечно, та еще заноза в заднице, — добавил Пол, — но вы уж больно много в него вложили.

— Если он умрет из-за нас, — продолжал Кастор, — это испортит все удовольствие.

— А хоть и не умрет, кому охота убирать за ним без конца?

---

[65] Примечания: 65

Учебная фраза, которая использовалась для тренировки работы с клавиатурой пишущей машинки, авторство иногда ошибочно приписывается Патрику Генри.

— Да уж, — поддержал Пол, — кому понравится быть прислугой при больном кроте?

— А если все-таки *умрет*, вы этого нам по гроб жизни не простите.

— И даже после будете попрекать, — добавил Пол.

— Ты не беспокойся из-за того, что служба не дает добро. Мы с Хейзел разрабатываем дорогу наискосок — должны разойтись с «Королевой Марией» на несколько минут, ну пусть секунд. Они, конечно, малость напугаются, но ничего.

— Тихо! — сказал капитан Стоун. — По одному. Кастор, давай разберемся: если я правильно понял, вы с Полом так озабочены состоянием младшего брата, что в любом случае хотите вернуться на Луну?

— Да, сэр.

— Даже если мама сочтет, что он может продолжать полет?

— Да, сэр. Мы это обсуждали. Даже если ему сейчас вроде получше, все равно — раз его так травило, он может не дотянуть до Марса. Перелет-то долгий. Мы не хотим рисковать.

Хейзел, которая незаметно присоединилась к ним, сказала:

— Благородство тебе не к лицу, Кас. Ты убеди-

тельнее выглядишь в другом качестве.

— Мать, не встревай. Пол?

— Кас уже все сказал. Ерунда, полетим в другой раз.

— Должен сказать, — медленно начал Роджер Стоун, глядя на сыновей, — что я приятно удивлен, наблюдая такую семейную солидарность в этом скопище индивидуалистов. Мы с мамой будем вспоминать об этом с гордостью. Но рад сообщить вам, что ваша жертва не понадобится. Мы летим на Марс.

— Роджер, — нахмурилась Хейзел, — ты что, при старте головой ударился? Сейчас не время рисковать, мы возвращаемся с ребенком на Луну. Я говорила с ребятами — они решили твердо. Я тоже.

— Папа, если ты опасаешься идти наискосок, — сказал Кастор, — давай я поведу. Я знаю…

— Молчать! — И Роджер продолжал, как бы говоря сам с собой: — Закон гласит, что я должен отдавать приказы, а не объяснения, никому не позволяя их оспаривать. И — да поможет мне небо! — я намерен поддерживать на корабле порядок, даже если придется заковать родную мать в кандалы. — Он повысил голос: — По местам для маневра стоять! Старт на Марс, операция «Коло-

дец гравитации».

Эдит Стоун тихо сказала Хейзел:

— Мальчик хорошо себя чувствует, мама. Я за него отвечаю.

Она повернулась к сыновьям:

— Кастор, Поллукс, — подите сюда, милые.

— Но папа сказал…

— Я знаю. На минуточку. — И она поцеловала близнецов. — А теперь — по местам.

Из люка появилась Мид, таща за собой Лоуэлла, как воздушный шарик. У него был веселый вид, а мордочка вымазана шоколадом.

— Что тут за шум? — спросила она. — Вы, наверно, разбудили не только нас, но и весь народ на трех ближайших кораблях.

7. В колодце гравитации

Маневр в колодце гравитации на первый взгляд противоречит закону сохранения энергии. Корабль, отправляющийся с Луны или космической станции на отдаленную планету, доберется туда быстрее и затратит меньше топлива, если сначала устремится к Земле, а потом разовьет ускорение, находясь как можно ближе к ней. Разумеется, корабль, двигаясь к Земле, приобретает кинетическую энергию, но, казалось бы, должен

затратить точно такое же количество энергии на отрыв от Земли.

Весь фокус в том, что реактивная масса, или топливо, — это действительно *масса* и в качестве таковой обладает потенциальной энергией, когда корабль стартует с Луны. Реактивная масса, используемая для ускорения вблизи Земли, то есть на дне колодца гравитации, уже потеряла свою потенциальную энергию, пока падала в этот колодец. Эта энергия должна была куда-то деться, вот она и перешла в кинетическую энергию корабля. И в итоге корабль летит быстрее при той же силе и продолжительности тяги, чем летел бы, отправившись прямо с Луны или космической станции. Это рассуждение способно поставить в тупик, но оно верно.

На время маневра капитан Стоун отправил близнецов в машинное отделение, а Хейзел взял вторым пилотом. Кастор, оскорбленный в лучших чувствах, не стал спорить — последнее внушение относительно корабельной дисциплины еще звучало в ушах. Во время маневра у пилотов полно работы — второй в это время должен следить за автопилотом, быть наготове перейти на ручное управление, если понадобится, и следить за *отсечкой*. Первый же управляет

ориентацией корабля с помощью гироскопов и маховика, не отводя при этом глаз от измерительного телескопа — целостата[66], чтобы убедиться, что корабль движется точно в направлении, обратном струе двигателя, настолько точно, насколько позволяет точность его приборов.

При перелете от Земли к Марсу ошибка в одну угловую минуту дуги, или в одну шестидесятую градуса, приведет в конце пути к отклонению в пятнадцать тысяч миль. За подобные ошибки расплачиваются либо дополнительным расходом горючего, которое требуется для корректирующего маневра, либо, если ошибка слишком велика, за нее расплачиваются трагически и неотвратимо жизнями капитана и экипажа, а корабль обречен вечно падать в пустынные глубины космоса.

Хоть Роджер Стоун был высокого мнения о способностях своих близнецов, в этот щекотливый момент он предпочел, чтобы рядом был второй пилот, умудренный возрастом и опытом. Пока в соседнем кресле сидела Хейзел, он мог спокойно посвятить все внимание собственной сложной задаче.

Для ориентации корабля в пространстве он

---

[66] Примечания: 66

Целостат — устройство, компенсирующее смещение наблюдаемого объекта.

использовал три звезды: Спику, Денеб и Фомальгаут, сведенные в телескоп при помощи призм. Марс пока скрывала из виду мощная грудь Земли, да и бесполезно было бы наводить корабль на Марс — путь к нему проходит по длинной кривой линии, а не по прямой. Изображение одной из звезд начало потихоньку отходить от других. Обливаясь потом, Роджер отключил гироскопы и поправил корабль маховиком. Блуждающая звезда поползла на место.

— Доплер? — спросил он у Хейзел.

— В русле.

— Время?

— Около минуты. Сынок, ты знай стреляй своих уток и не дергайся.

Роджер молча вытер руки о рубашку. Через несколько секунд Хейзел спокойно сказала:

— На экране радара неопознанный объект, сэр. Управляется роботом, дальше цепочка цифр.

— Насколько это нас касается?

— Приближается с севера по правому борту. Возможно столкновение.

Роджер с трудом удержался, чтобы не взглянуть на свой экран — он не сказал бы ему ничего сверх того, что уже сообщила Хейзел, — и продолжал смотреть в окуляр целостата.

— Можешь прикинуть маневр уклонения?

— Сынок, мы либо врежемся в него, либо нет. Слишком поздно рассчитывать баллистику.

Роджер заставил себя сосредоточиться на звездах. Хейзел права, управлять космическим кораблем — не баранку крутить. При высоких скоростях и тугих витках на дне колодца гравитации непросчитанный маневр мог привести к столкновению. Или забросить их на неизвестную орбиту, по которой они никогда не доберутся до Марса.

Но что это за объект? Не космический корабль — он управляется не человеком, а роботом. Не метеор — на нем есть радар. Не боевая ракета — слишком высокая орбита. Роджер убедился, что изображения звезд на месте, и взглянул сначала на экран радара, который ничего ему не сказал, а потом в иллюминатор правого борта.

Праведное небо! Он *увидел* его!

В черноте космоса пылала большая яркая звезда… и она росла… росла!

— Не забывай про свой телескоп, сын, — сказала Хейзел. — Девятнадцать секунд.

Роджер вернулся к телескопу — изображения были все там же.

— Кажется, пройдет мимо, — сказала Хейзел.

Он должен был это видеть. В этот самый миг, когда он поднял глаза, что-то промелькнуло мимо одного иллюминатора и тут же показалось в другом — видимое, но быстро удаляющееся. Стоуну показалось, что объект был крылатый, вроде торпеды.

— Фуххх! — выдохнула Хейзел. — Едва разминулись, зараза! — И сказала в микрофон: — Экипажу приготовиться к ускорению — готовность пять секунд!

Роджер не сводил глаз со своих звезд, которые стабильно и идеально точно держались в кадре, и в этот момент импульс двигателя вдавил его в кресло. Перегрузка была четырехкратной, много больше, чем при старте с Луны, но и продолжалась чуть больше минуты. Капитан Стоун продолжал наблюдать за звездами, готовый поправить курс, если корабль начнет рыскать, но тщательность, с которой он разместил груз перед отправлением, была вознаграждена — корабль держался на курсе.

— Отсечка! — крикнула Хейзел.

Шум и давление тотчас исчезли. Капитан перевел дух и сказал в микрофон:

— У вас все нормально, Эдит?

— Да, дорогой, — слабо ответила она. — Все

хорошо.

— Машинное отделение?

— В норме! — ответил Поллукс.

— Заглушить и заблокировать.

Машинное отделение теперь долго не понадобится — все поправки по курсу и скорости на этом отрезке будут производиться спустя дни или недели, после тщательных вычислений.

— Есть, сэр. Па, а что там было на радаре?

— Заткнитесь, — перебила Хейзел, — нас вызывают по радио. «Роллинг Стоун», Луна — слышу вас, служба движения.

Послышались шум, щелчок, и женский голос произнес:

— Служба движения вызывает «Роллинг Стоун», Луна — предупреждение: согласно вашему плану полета вы приблизитесь на допустимую дистанцию к экспериментальному ракетному спутнику Гарвардской радиационной лаборатории. Придерживайтесь плана полета — вы избегнете контакта на безопасном удалении. Конец сообщения. Повторяю… — Сообщение прозвучало еще раз, и связь прекратилась.

— И они сообщают об этом *сейчас*! — взорвалась Хейзел. — Ах эти конторские крысы! Бюрократы! Держу пари, это сообщение промариновали

добрый час, пока какой-нибудь идиот ругался с прачечной о пропавшем белье. «На допустимую дистанцию»! — не унималась она. — «На безопасном удалении»! Да эта хреновина чуть мне брови не опалила!

— Чуть не считается. Промазали на добрую милю.

— Мили недостаточно, и ты хорошо это знаешь. У меня это отняло десять лет жизни, а в моем возрасте я не могу себе такого позволить.

Роджер Стоун пожал плечами. После всех волнений и передряг он чувствовал себя опустошенным и ужасно уставшим — с самого старта он жил на стимуляторах и совсем не спал.

— Пойду-ка я завалюсь часиков на двенадцать. Сделай предварительную проверку нашего вектора — если ничего серьезного не обнаружится, ты меня не буди. Посмотрю, когда встану.

— Есть, капитан Блай[67].

Первая проверка не выявила никаких неточностей орбиты, и Хейзел тоже отправилась в постель — в переносном смысле. В невесомости она никогда не пристегивалась к койке, пред-

---

[67] Примечания: 67

Капитан Блай — Уильям Блай (1754–1817), вице-адмирал Королевского флота и губернатор Нового Южного Уэльса в Австралии, больше известен как капитан судна «Баунти», низложенный мятежной командой.

почитая плыть туда, куда несли ее воздушные потоки. Она делила каюту с Мид, а всех мальчишек поселили в кубрике. Близнецы попытались уснуть, но Лоуэлл спать не хотел. Он чувствовал себя прекрасно и открывал все новые чудеса невесомости. Он хотел играть в пятнашки. Близнецы не хотели играть в пятнашки, но Лоуэлл все равно играл.

Поллукс ухватил его за щиколотку:

— Слушай, ты! Тебя мало тошнило?

— Меня не тошнило!

— Да? А за кем нам пришлось убирать, за Санта-Клаусом?

— Нету никакого Санта-Клауса. И меня не тошнило. Врешь, врешь, врешь!

— Не спорь с ним, — посоветовал Кастор. — Просто придуши и выкинь через шлюз. Изменение фактора массы сможем объяснить и исправить завтра.

— Не тошнило меня!

— Мид все время дрыхла на прошлом отрезке, — сказал Поллукс. — Может, уговоришь ее заняться им?

— Попробую.

Мид не спала и отнеслась к предложению с интересом:

— Сколько?

— Ну брось, сестренка!

— Скажем, вы моете посуду три дня?

— Вымогательница! По рукам. Иди прими объект.

Мид пришлось превратить кубрик в детскую. Близнецы пошли спать в центр управления, где пристегнулись к пилотским креслам, не затягивая ремней, — этого требовали корабельные правила, иначе можно повредить приборы во время сна.

8. Большой переполох

Капитан Стоун бросил весь экипаж, за исключением доктора Стоун и Лоуэлла, на вычисление их новой орбиты. Все работали на основе одинаковых исходных данных, полученных из службы движения и проверенных по собственным приборам. Роджер Стоун подождал, пока все закончат, и только тогда сравнил результаты.

— Что у тебя, Хейзел?

— У меня получилось, капитан, что ты разминешься с Марсом не больше чем на миллиончик миль или около того.

— А у меня получилось, что я выйду прямо на него.

— Ладно, так и быть, у меня тоже.

— Кас? Пол? Мид?

Результаты близнецов сошлись до шести десятичных знаков, до пяти — с цифрами отца и бабушки, но ответ, который получился у Мид, был не похож ни на один из прочих. Отец с любопытством просмотрел ее расчеты.

— Девочка моя, я никак не могу понять, как ты сумела получить такое из компьютера. Насколько я понимаю, ты послала нас на Проксиму Центавра.

— Правда? — заинтересовалась Мид. — Знаешь что, давай попробуем мою орбиту и посмотрим, что получится. Будет интересно.

— Но непрактично. Ты заставила нас лететь быстрее скорости света.

— Да, я думала, что цифры немного великоваты получились.

Хейзел ткнула костлявым пальцем в расчет:

— Вот тут должен быть минус, солнышко.

— Это еще не все, — заметил Поллукс. — Погляди-ка. — И он протянул листок с программой Мид.

— Хватит, Пол, — прервал его отец. — Тебя никто не просил критиковать расчеты Мид.

— Но…

— Оставь это при себе.

— Я не против, папочка, — сказала Мид. — Я же знаю, что все сделала неправильно. — Она пожала плечами. — В первый раз это делаю, если не считать школу. Почему-то все по-другому, когда по-настоящему.

— Верно, все астронавигаторы это знают. Ну ничего. У Хейзел средние цифры, ее результат мы и запишем в журнал.

Хейзел подняла руки над головой и потрясла ими:

— Победила, я снова чемпион!

— Это все, папа? — спросил Кастор. — Больше не будет маневров, пока не начнешь рассчитывать подход к Марсу?

— Конечно нет. Никаких перемен по крайней мере шесть месяцев. А что?

— Тогда мы с Полом почтительно испрашиваем разрешения капитана разгерметизировать трюм и выйти наружу. Хотим поработать с велосипедами.

— Военную фразеологию можете опустить. У меня тут для вас есть новости. — Роджер достал из поясной сумки листок бумаги. — Минутку, внесу кое-какие изменения.

Он что-то написал на нем и прикрепил листок

к доске объявлений. На нем было написано:

РАСПОРЯДОК ДНЯ

7:00. Подъем (послабление Эдит, Хейзел и Вундеру).

7:45. Завтрак (Мид готовит, близнецы моют посуду).

9:00. Учебные занятия: Кастор и Поллукс — математика; Мид — астронавигация под руководством Хейзел; Лоуэлл — крутится, вертится и балуется до потери сознания либо занимается тем, что сочтет нужным его мать.

12:00. Конец утренних занятий.

12:15. Обед.

13:00. Кастор и Поллукс — математика; Мид — работы по гидропонике.

16:00. Конец дневных занятий.

18:00. Ужин. Весь экипаж обслуживает судно согласно текущему графику.

СУББОТА. После завтрака уборка корабля, ответственная — Хейзел. Капитанская проверка в 11:00. Стирка личных вещей после обеда.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. Медитация, занятия, развлечения. Штопка и починка после обеда.

Хейзел ознакомилась с написанным:

— Куда мы, собственно, направляемся, Роджер?

В Ботани-Бей? Ты забыл указать время порки крестьян.

— Это хорошая мысль.

— Возможно. Шесть против десяти, что твой распорядок и недели не продержится.

— Принимается. Покажите ваши деньги.

Близнецы с тревогой прочитали объявление.

— Но, папа, — выпалил Поллукс, — ты совсем не оставил нам времени на ремонт велосипедов — ты хочешь, чтобы наши инвестиции пропали?

— Я отвел тридцать часов в неделю для занятий. Вам остается сто тридцать восемь часов. Как вы их используете — ваше дело, если, как договорились, не будете отставать в учебе.

— А если мы начнем заниматься в восемь тридцать, — спросил Кастор, — и потом сразу после обеда? Можно нам будет пораньше закончить уроки?

— Не вижу препятствий.

— А если мы иногда будем заниматься по вечерам? Можно будет поработать?

— Тридцать часов в неделю, — пожал плечами отец, — и любые разумные поправки к расписанию допускаются, только записывайте в журнал точное время занятий.

— Теперь, когда вы утрясли этот вопрос, — ска-

зала Хейзел, — должна с сожалением сообщить вам, капитан, что другой пункт сей прокрустовой программы невыполним — по крайней мере, в ближайшее время. Я бы рада посвятить наш цветочек в тайны астронавигации, но сейчас мне некогда. Учи ее сам.

— Почему?

— Почему? Он еще спрашивает! Кому и знать, как не тебе? «Бичи космоса», вот почему. Мне придется пахать как сумасшедшей недели три-четыре — надо наработать серии на несколько месяцев, пока мы не вышли из зоны радиосвязи.

Роджер с грустью посмотрел на мать:

— Я знал, что это случится, Хейзел, но не думал, что у тебя это начнется так рано. Умственная деятельность замирает, разум меркнет…

— Чей разум меркнет? Ты, молодой…

— Спокойно. Если оглянешься через левое плечо, посмотришь в иллюминатор правого борта и приглядишься как следует, то можешь вообразить, будто видишь «Бога войны». Он от нас не дальше десяти тысяч миль.

— А мне-то что? — подозрительно спросила Хейзел.

— Бедная Хейзел! Мы будем заботиться о тебе. Мать, по нашей орбите идут несколько больших

торговых кораблей, и у каждого достаточно мощный передатчик, чтобы пробиться к Земле. Мы никогда не выйдем из зоны радиосвязи.

Хейзел уставилась в иллюминатор, будто там и вправду можно было увидеть «Бога войны».

— А чтоб я пропала, — выдохнула она. — Роджер, отведи меня в мою комнату — вот, молодец. Совершенно верно, это старческий маразм. Берика обратно свой сериал — сомневаюсь, что смогу сочинять дальше.

— Ага! Ты позволила им продлить контракт, так что *придется* сочинять. А насчет этих самых «бичей» я все хотел задать тебе пару вопросов, и вот сейчас у нас впервые выдалась свободная минута. Во-первых, почему ты опять позволила втянуть нас в это дело?

— Потому что они потрясли у меня перед носом слишком большой пачкой денег — перед этим ароматом никто из Стоунов сроду не мог устоять.

— Я просто хотел, чтобы ты сама в этом созналась. Ты хотела снять меня с крючка, помнишь? А теперь сама его проглотила.

— Слишком жирная была наживка.

— Это факт. А теперь вот что: не знаю, как ты осмелилась взяться за продолжение, сколько бы тебе там ни предложили. В последней серии, что

ты мне показывала, ты не только прикончила Властелина Галактики, но еще и оставила нашего героя в безвыходном положении. Насколько я помню, он сидит в радиоактивной батисфере на дне аммиачного океана на Юпитере. Океан кишит чудовищами, которые дышат метаном и все до одного по гипнотическому наущению Властелина Галактики так и рвутся съесть Джона Стерлинга, — а у него только перочинный ножик. Как ты его оттуда вытащила?

— Мы придумали, — сказал Пол. — Если допустить…

— Тише, дитя. Ничего сложного, Роджер. Сверхчеловеческим усилием наш герой вырвался из роковой ловушки и…

— Это не ответ.

— Ты ничего не понимаешь. Я открываю следующую серию эпизодом на Ганимеде. Джон Стерлинг рассказывает секретному агенту Долорес О'Шенахан о своих приключениях. Он описывает этот случай как какой-то пустяк, понимаешь? Благородство не позволяет ему хвастаться перед девушкой. Пока он с юмором излагает историю своего героического освобождения, действие начнет развиваться дальше, да так быстро, жестко и так кроваво, что наша невидимая аудитория не

опомнится до самой рекламной паузы, а там уж им найдется, о чем еще подумать.

— Это литературное мошенничество, — покачал головой Роджер.

— А кто сказал, что это литература? Это просто способ помочь корпорациям снизить налоги. У меня три новых спонсора.

— Хейзел, а где сейчас наши? — спросил Поллукс. — Что там с ними?

Хейзел посмотрела на хронометр:

— Роджер, твое расписание уже вступило в силу? Или можно начать завтра утречком?

— Давайте завтра, — слабо улыбнулся Роджер.

— Раз уж мы открыли литературную конференцию, позову-ка я Лоуэлла. От него я получаю лучшие идеи: его уровень развития как раз соответствует среднему уровню нашей аудитории.

— На месте Вундера я бы обиделся.

— Тихо! — Хейзел взмыла к люку и позвала: — Эдит! Я могу одолжить твоего дикого зверька?

— Он у меня, бабушка, — ответила Мид. — Подождите, я тоже иду. — И тут же явилась вместе с Лоуэллом.

Лоуэлл спросил:

— Что, бабушка Хейзел? Будем играть в пятнашки?

— Нет, сынок, — она подгребла его к себе, — мы будем кровь проливать. Реки крови. Надо убить парочку злодеев.

— Круто!

— Насколько я помню — имейте в виду, я была там только один раз, — я их оставила в Черной туманности. Продовольствие кончилось, квантовое топливо тоже. Они заключили временное перемирие со своими пленниками-арктурианами и освободили их, потому что те — кремниевые существа и людей не едят. Но самим героям как раз приспело время этим заняться, вот только вопрос — кого зажарить на вертеле? А помощь арктурианам им нужна потому, что Космический Зверь, которого они захватили в прошлой серии и посадили в пустой бак от горючего, уже проел все, кроме последней переборки, и у него-то нет никаких дурацких предрассудков по поводу биохимии. Углерод там или кремний — ему все едино.

— Это как-то нелогично, — заметил Роджер. — Если его организм основан…

— Замечание не по существу, — отмела его реплику Хейзел. — Прошу вносить только конструктивные предложения. Пол, у тебя, кажется, что-то блеснуло во взгляде?

— А эта штука, Космический Зверь, радарное излучение выдержит?

— Это уже кое-что. Но надо немножко усложнить. Мид?

Близнецы начали выгружать велосипеды наружу на следующий день. На них были те же скафандры, которые они носили на Луне, добавились только магнитные ботинки и маленькие ракетные двигатели. Последние пристегивались за спиной, а сопла торчали на поясе. На спине висел еще и запасной баллон высокого давления для подпитки двигателя, но в невесомости лишняя масса не была помехой.

— И помните, — предупредил их отец, — что ракеты включаются только в самом крайнем случае. Пользуйтесь тросами. И не полагайтесь на ботинки, когда травите трос — держитесь за второй, пока отпускаете первый.

— Да ладно, папа, мы будем осторожны.

— Разумеется. Только предупреждаю, я могу неожиданно прийти с проверкой. В любой момент. И при малейшем нарушении техники безопасности — дыба и тиски для пальцев плюс пятьдесят палок.

— А кипящее масло?

— Оно мне не по средствам. Думаете, я шутки

шучу? Если кто-нибудь из вас сорвется и его отнесет от корабля, не ждите, что я буду его разыскивать. Один из вас все равно — запаска.

— А кто? — спросил Поллукс. — Может, Кас?

— Иногда мне кажется, что один, а иногда — что другой. При строгом соблюдении корабельных правил я временно воздержусь от решения.

В трюме не было шлюзового отсека — близнецы разгерметизировали его полностью и открыли люк, едва не забыв пристегнуть тросы. Выглянув наружу, они заколебались. Хоть они всю свою жизнь носили скафандры — в открытый космос они выходили впервые.

Из люка на них смотрела бесконечная космическая ночь — тьма казалась еще более густой и холодной от немигающих звезд, до которых были сотни световых лет. Они стояли на ночной стороне «Стоуна», вокруг не было ничего, кроме звезд и жадно раскрытой бездны. Одно дело — смотреть на них с безопасной поверхности Луны или через толстое кварцевое стекло иллюминатора, и совсем другое — когда нет никакой преграды между твоим хрупким телом и головокружительной холодной глубиной бесконечности.

— Кас, — сказал Поллукс, — мне это не нравится.

— Да тут нечего бояться.

— Чего ж у меня тогда зубы стучат?

— Выходи, я подержу твой трос.

— Ты слишком добр ко мне, дорогой брат, — просто черт знает как добр! Выходи-ка ты, а я подержу *твой* трос.

— Не дури, выходи давай.

— После тебя, дедуля.

— Ну ладно!

Кастор схватился за края люка и вылез наружу. Он попытался прижать подошвы ботинок к корпусу корабля, но у него никак не получалось — мешал скафандр и не было силы тяжести, чтобы помочь ему. В результате он только перекувырнулся и сила инерции оторвала его пальцы от гладких краев люка. Барахтаясь в пустоте, он задел борт корабля и медленно поплыл прочь. Он плыл, продолжая барахтаться, пока натянувшийся трос не остановил его в трех-четырех футах от корабля.

— Тащи меня обратно!

— Да опусти ноги, балда!

— Тащи меня обратно, рыжий придурок!

— Не называй меня рыжим. — Поллукс вытравил трос еще на пару футов.

— Пол, брось дурить. Мне это не нравится.

— Я думал, ты у нас храбрец, дедуля!

Кастор ответил неразборчиво. Поллукс решил, что с него довольно, подтянул брата к борту и, крепко держась за задрайку люка, схватил Кастора за башмак и прижал его подошву к корпусу. Башмак со щелчком прилип к стали.

— Пристегивай второй трос, — распорядился Поллукс.

Кастор, все еще тяжело дыша, нашел глазами ближайшую скобу на корпусе и пошел к ней, поднимая ноги так, будто шел по липкой грязи. Он зацепил за скобу второй трос и выпрямился.

— Лови, — крикнул Поллукс и бросил ему свой трос.

Кастор поймал его и закрепил рядом со своим.

— Готово? — спросил Поллукс. — Тогда я здесь отстегиваю.

— Держат. — Кастор подошел ближе к люку.

— Я пошел.

— Давай. — И Кастор потянул за трос Поллукса.

Тот выплыл из люка, и брат не позволил ему встать, а стал потихоньку травить трос, пропуская его между пальцами, чтобы погасить начальный импульс. В результате трос плавно, без рывка размотался до пятидесятифутовой длины, и Поллукс повис на его конце.

При этом он активно барахтался, но без толку — загребать вакуум бесполезно. Почувствовав, что движение прекратилось, Поллукс перестал барахтаться:

— Подтяни меня!

— Скажи «дяденька, пожалуйста».

Поллукс сказал кое-какие другие слова, почерпнутые в лунных доках, и украсил их цветистыми выражениями, позаимствованными у бабушки.

— Тебе лучше свалить с корабля, — заключил он, — потому что сейчас я спущусь по тросу и сорву с тебя шлем. — Он попытался ухватить одной рукой трос, но Кастор отдернул его:

— Тогда скажи, что мы квиты.

Поллукс сообразил, что легче захватить трос на поясе, где он был пристегнут, чем ловить его в пустоте, и усмехнулся:

— Ладно, мы квиты.

— То-то. Держись, тащу. — Кастор потихоньку подтянул брата, схватил его за ноги, когда он приблизился, и поставил на корпус. — Ох и дурацкий вид у тебя был, — заметил он, когда Поллукс утвердился на борту корабля.

— Мы квиты! — повторил Поллукс их магическое слово.

— Ладно, прости меня, юноша. За работу.

Скобы были расположены по всему корпусу на расстоянии двадцати футов друг от друга. За них закрепляли такелаж во время ремонта, они же облегчали наружный осмотр корпуса в пути. Теперь близнецы использовали их для размещения велосипедов. Они извлекали велосипеды из трюма по полудюжине зараз и нанизывали их на трос, словно выловленную рыбу на кукан. Каждую такую связку прицепляли к одной скобе. Машины плавали за бортом, как шлюпки возле океанского корабля.

Привязывая велосипеды, близнецы вскоре оказались за «горизонтом» на светлой стороне корабля. Поллукс шел впереди, неся в левой руке шесть велосипедов, и вдруг остановился:

— Эй, дедуля, вид-то какой!

— Не смотри на Солнце, — резко сказал Кастор.

— Не будь дураком. Иди сюда и посмотри на это.

Перед ними висели два тонких полумесяца — Земля и Луна. «Стоун» медленно удалялся от Земли по ее орбите и еще медленнее — от Солнца. Еще много недель они будут видеть Землю как шар, как диск, прежде чем расстояние превратит ее в яркую звезду. Сейчас она казалась почти такой же большой, как с Луны, только теперь Луна

сопровождала ее. Дневная сторона Земли была зеленовато-бурой, густо покрытой ватой облаков. Ночная светилась бриллиантами городов.

Но братья не обращали внимания на Землю — они смотрели на Луну. Поллукс вздохнул:

— Красивая, правда?

— Что, юноша? Тоскуем по родине?

— Нет. Но она все равно красивая. Слушай, Кас, давай, сколько бы кораблей у нас ни было, всегда будем регистрировать их в Луна-Сити. Это будет наш порт.

— Годится. А городишко наш видишь?

— Кажется, да.

— Может, у тебя просто пятнышко на шлеме. Я не вижу. Давай работать.

Они увешали велосипедами все ближние к люку скобы и двинулись на корму, но Поллукс сказал:

— Эй, стой-ка! Отец не велел заходить за шестьдесят пятый шпангоут.

— Фигня, за девяностым и то чисто. Двигатель у нас работал меньше пяти минут.

— Зря ты так уверен. Нейтроны — шустрые ребята. И ты же знаешь, какой отец педант.

— Это точно, — сказал вдруг третий голос. Близнецы не выпрыгнули из своих башмаков только

потому, что те были застегнуты на молнию. Они обернулись и увидели отца, который стоял, подбоченившись, возле пассажирского шлюза.

— Привет, папа, — поперхнувшись, сказал Поллукс.

— Ну и напугал ты нас, — пробормотал Кастор.

— Прошу прощения. Да вы не отвлекайтесь — я просто вышел полюбоваться видом. — Он посмотрел на их работу. — Превратили мой корабль в свалку металлолома.

— Надо же нам где-то работать. Да и кто нас видит?

— Здесь вам в затылок смотрит Всевышний. Но не думаю, что Он будет против.

— Слушай, папа, ты вроде говорил, что не разрешаешь нам заниматься сваркой в трюме?

— Да, я это вроде говорил — не разрешаю. Вспомните, что случилось на «Конге Кристиане»[68].

— Поэтому мы решили установить стенд для сварки здесь. Ты не против?

— Не против. Но день слишком хорош, чтобы говорить о делах. — Роджер протянул руки к

---

[68] Примечания: 68

«Конг Кристиан» — национальный гимн Дании. Назван в честь короля Кристиана VII. Но возможно, корабль назван в честь короля Кристиана X, ставшего символом морального сопротивления немецкой оккупации.

звездам и посмотрел вокруг. — Славное местечко. Полно жизненного пространства. Прекрасный пейзаж.

— Это точно, но, если хочешь на что-нибудь посмотреть, перейди на солнечную сторону.

— И правда. Помогите мне с тросами. — Все трое обогнули корпус и вышли на солнечный свет. Капитан Стоун, уроженец Земли, посмотрел сначала на родную планету:

— Похоже, большой шторм на Филиппинах.

Близнецы не ответили. Погода была для них явлением таинственным, и они относились к ней неодобрительно. Через некоторое время отец повернулся к ним и тихо сказал:

— Я рад, что мы отправились путешествовать, ребята. А вы?

— Еще бы!

— А как же!

Они уже позабыли, какой холодной и неприветливой казалась им еще недавно окружавшая их черная бездна. Теперь это был громадный дом, великолепно обставленный, ну разве что не совсем обжитой. Их дом, в котором можно жить и делать все, что хочешь.

Они долго еще стояли и наслаждались. Наконец капитан Стоун сказал:

— Ну, я уже достаточно нагрелся. Пошли в тень. — Он потряс головой, чтобы стряхнуть каплю пота с кончика носа.

— А нам пора вернуться к работе.

— Я вам помогу — так дело пойдет быстрее.

«Роллинг Стоун» двигался к Марсу, а его экипаж вошел в ежедневный ритм. Доктор Стоун ловко управлялась с готовкой в невесомости — она здорово поднаторела в этом за год интернатуры в клинике нулевой гравитации на околоземной космической станции. Мид было до нее далеко, но надо уж очень постараться, чтобы испортить завтрак. Отец наблюдал за ее гидропонными работами, помогая углубить знания, которые она получила в лунной школе. Доктор Стоун делила с бабушкой заботу о младшеньком, а на досуге потихоньку разбирала свои многолетние записи к труду «О кумулятивных эффектах незначительной гипоксии».

Близнецы обнаружили, что математика может быть еще интереснее, чем они думали, и гораздо сложнее — она требовала от них куда больше «сообразительности», чем близнецы, по их собственному мнению, могли предложить (что было весьма щедрой оценкой), и потому они вынуждены были поднапрячь мозги. Отец взялся

за старые номера «Мира ходовых реакторов» и штудировал справочник по управлению кораблем, но всегда находил время, чтобы учить и натаскивать близнецов. Оказалось, что Поллукс не способен представить себе график функции по ее уравнению.

— Не понимаю, — сказал отец. — У тебя же были хорошие отметки по аналитической геометрии.

Поллукс покраснел.

— В чем дело? — спросил отец.

— Дело, папа, в том…

— Ну-ну.

— Ну, на самом деле я *не* получал хороших отметок за аналитику.

— То есть как? У вас обоих был высший балл — я прекрасно помню.

— Ну, видишь ли… Мы в том семестре были очень заняты, и нам показалось, что будет логично… — Тут его голос окончательно затих.

— Давай-давай выкладывай!

— Кастор сдавал за двоих геометрию, — сознался Поллукс, — а я сдавал за двоих историю. Но учебник я прочел.

— Надо же! — вздохнул Роджер Стоун. — Ну, сейчас срок давности, пожалуй, уже прошел. Теперь ты на себе ощущаешь, что подобные

преступления сами в себе несут наказание. Вот понадобилось, а ты ни бум-бум.

— Да, сэр.

— Придется накинуть тебе еще час в день — пока не сможешь четко представить по уравнению четырехмерную гиперповерхность в неэвклидовом континууме, даже стоя на голове под холодным душем.

— Да, сэр.

— Кастор, а ты какой предмет замотал? Тоже учебник прочел?

— Да, сэр. Историю средневековой Европы, сэр.

— Хмм… Виноваты вы оба одинаково, но меня не слишком волнует предмет, который не требует логарифмической линейки и таблиц. Будешь помогать брату.

— Есть, сэр.

— Если время будет поджимать, я помогу вам с вашими поломанными велосипедами, хотя и не следовало бы.

Близнецы рьяно взялись за дело. К концу второй недели Роджер Стоун объявил, что доволен познаниями Поллукса в аналитической геометрии. Братья начали штурмовать новые, более утонченные высоты: комплексная логика матричной алгебры, блистающая ледяными

массивами… тензорное исчисление, отпирающее врата атому… дикие и чудесные уравнения поля, сделавшие человека царем Вселенной… сокрушительная, уму непостижимая интуиция решения Форсайта, которое открыло двадцать первый век и позволило человечеству сделать еще один великий шаг к звездам. К тому времени, когда Марс стал светиться в небе ярче, чем Земля, они поднялись выше той отметки, до которой отец знал дорогу, и дальше двигались как равные партнеры.

Обычно они учились по одной книге, плавая голова к голове по кубрику, и одна пара ног указывала на небесный север, другая — на юг. Близнецы рано приобрели привычку читать одну книгу одновременно, и в результате оба читали текст вверх ногами так же легко, как и в нормальном положении. Однажды читавший именно так Поллукс сказал брату:

— Знаешь, дедуля, вот я читаю все эти вещи и начинаю думать — не пойти ли нам в науку вместо бизнеса. В конце концов, деньги — это еще не все.

— Да, — согласился Кастор, — есть еще акции, облигации, патентные права, не говоря уж о движимом и недвижимом имуществе.

— Я серьезно.

— Мы будем заниматься и тем и другим. Я дочитал страницу — щелкни выключателем, когда и ты дочитаешь.

«Бог войны», орбита которого немного отличалась от стоуновской, постепенно нагонял их и уже был виден невооруженным глазом как звезда — переменчивая звезда. Она мигала и вспыхивала каждые шестнадцать секунд. В целостат «Стоуна» легко можно было увидеть, почему это происходит: «Бог войны» все время кувыркался, производя полный оборот за тридцать две секунды. Так он создавал, по принципу центрифуги, искусственную тяжесть, оберегая нежные желудки своих пассажиров-кротов. Через каждые пол-оборота солнечные лучи отражались от его блестящего корпуса как раз под таким углом, чтобы послать ослепительную вспышку в сторону «Стоуна». При взгляде в телескоп блеск просто резал глаза.

Наблюдение, как выяснилось, было обоюдным. Стоуны получили радиограмму. Хейзел отпечатала ее и с непроницаемым лицом вручила сыну.

«„БОГ ВОЙНЫ“ — „РОЛЛИНГ СТОУН“, ЛИЧНО. РОДЖ, СТАРИНА, ГЛЯЖУ НА ТЕБЯ В ТЕЛЕСКОП. ЧТО ЭТО НА ТЕБЕ ТАКОЕ? ГРИБОК? ИЛИ ВОДОРОСЛИ?

ТЫ ПОХОЖ НА РОЖДЕСТВЕНСКУЮ ЕЛКУ. П. ВАНДЕНБЕРГ, КАПИТАН».

Капитан Стоун сверкнул глазами:

— Ах ты, жирный голландец! Я тебе покажу «грибок». Вот, мама, отправьте ему: «Капитан капитану — личная радиограмма. Как это ты ухитряешься углядеть что-либо в телескоп на своей пьяной карусели? И как тебе нравится быть нянькой при куче кротов? Вдовушки, конечно, дерутся за право сидеть за капитанским столом. Весело, держу пари. *Р. Стоун,* капитан».

Вскоре пришел ответ: «РОДЖЕР-ДОДЖЕР, СТАРЫЙ КОДЖЕР, Я ДОПУСКАЮ ЗА СВОЙ СТОЛ ПАССАЖИРОК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДО ДВАДЦАТИ ЛЕТ, ЧТОБЫ ПРИСМАТРИВАТЬ ЗА НИМИ. ПРЕДПОЧТЕНИЕ ОТДАЕТСЯ БЛОНДИНКАМ МАССОЙ ПЯТЬДЕСЯТ КИЛО. ПРИХОДИ К ОБЕДУ. ВАН».

Поллукс посмотрел в иллюминатор, где как раз сверкнул «Бог войны».

— А почему бы и нет, папа? Спорим, я могу туда долететь на своем двигателе с одним запасным кислородным баллоном.

— Не дури. У нас не хватит троса даже при самом тесном сближении. Хейзел, передай: «Миллион благодарностей, но мне готовит лучшая девочка

во всей Системе, и делает это прямо сейчас».

— Это я, папочка? — спросила Мид. — А я думала, тебе не нравится, как я готовлю.

— Можешь не задирать нос, кнопка. Я говорю о твоей маме, разумеется.

— Но я ведь похожа на нее, да?

— Немножко. Передавай, Хейзел.

«ТЫ ПРАВ. МОЕ ПОЧТЕНИЕ ЭДИТ. СЕРЬЕЗНО, ЧТО ЭТО ТАКОЕ? ПРИСЛАТЬ ТЕБЕ ПЕСТИЦИДЫ ИЛИ КЛОПОМОР? ИЛИ ЭТО ПРОСТО МОЖНО СБИТЬ ПАЛКОЙ?»

— Почему ты ему не скажешь, папа? — спросил Кастор.

— Ладно, скажу. Передавай: «Велосипеды. Хотите прикупить?»

К общему удивлению, капитан Ванденберг ответил:

«ВОЗМОЖНО. ЕСТЬ У ВАС „СЭНДМЕН РЕЙЛИ“?»

— Скажи, есть!

А Поллукс добавил:

— В отличном состоянии и с новенькими шинами. Выгодное приобретение.

— Полегче, — перебил отец. — Я ваш груз видел. Если там и есть велосипед в отличном состоянии, «рейли» или какой другой, вы хорошо его спрятали.

— Ко времени доставки будет в лучшем виде, папа.

— Как ты думаешь, зачем ему велосипед, дорогой? — спросила доктор Стоун. — Не руду же разведывать?

— Может, осматривать достопримечательности. Ладно, Хейзел, можешь передать, но я, ребята, сам посмотрю этот велосипед. Ван мне доверяет.

Хейзел встала:

— Пусть мальчишки сами передают свое вранье. Надоела мне эта болтовня.

Кастор сел за ключ и начал торговаться. Оказалось, что шкипер лайнера действительно хочет купить велосипед. После долгих переговоров сошлись на цене гораздо ниже той, которую сначала запросил Кастор, и ниже средних марсианских цен, но значительно выше той, что близнецы заплатили на Луне. Покупку требовалось доставить франко-бортом на Фобос, орбита Марса.

Еще несколько дней Роджер Стоун продолжал время от времени обмениваться со своим приятелем дружескими ругательствами и сплетнями. На следующей неделе «Бог войны» вошел в зону телефонной связи, но разговоры стали реже и потом совсем прекратились — они исчерпали

темы разговоров. «Бог войны» подошел на самое близкое расстояние и начал снова удаляться. Стоуны не слышали его больше трех недель.

Потом Мид приняла вызов и поспешила на корму, где отец помогал близнецам наносить эмаль на отремонтированные велосипеды.

— Папа, тебя просят к телефону. Вызывает капитан «Бога войны», официально.

— Иду. — Роджер поспешил к рации. — «Роллинг Стоун», говорит капитан Стоун.

— Говорит командир «Бога войны». Капитан, не могли бы вы…

— Минутку. Это ведь не капитан Ванденберг?

— Нет, это Роули, второй помощник. Я…

— Я понял, что меня официально вызывает капитан вашего корабля. Разрешите мне поговорить с ним.

— Я пытаюсь объяснить, капитан. — Голос офицера звучал нервно и раздраженно. — Кораблем командую *я*. Капитан Ванденберг и мистер О'Флинн находятся в лазарете.

— Вот как? Извините. Надеюсь, ничего серьезного?

— Боюсь, что нет, сэр. У нас тридцать семь больных на сегодняшнее утро и четыре смертельных случая.

— Боже праведный! Что с вами такое?

— Не знаю, сэр.

— Но что говорит ваш врач?

— В том-то и дело, сэр. Врач умер во время дневной вахты.

— Ох…

— Капитан, вы не смогли бы подойти к нам? У вас есть резерв для маневра?

— Это еще зачем?

— У вас на борту есть врач.

— Но это моя жена!

— Она ведь врач?

Роджер Стоун долго молчал. Потом сказал:

— Я скоро перезвоню вам, сэр.

Состоялось совещание на высшем уровне с участием капитана Стоуна, доктора Стоун и Хейзел. Сначала доктор Стоун настояла на том, чтобы вызвали «Бога войны», и выслушала полный отчет о симптомах и распространении болезни.

— Ну что, Эдит? — спросил ее муж, когда сеанс связи кончился.

— Не знаю. Надо посмотреть.

— Послушай, я не позволю тебе рисковать.

— Я врач, Роджер.

— Ты сейчас не практикуешь. К тому же ты мать семейства. Это совершенно исключает…

— Я врач, Роджер.

Он тяжело вздохнул:

— Да, дорогая.

— Весь вопрос в том, сможешь ли ты сойтись с «Богом войны» или нет. Вы с Хейзел уже выяснили?

— Сейчас начнем вычислять.

— Пойду, проверю свои запасы, — нахмурилась Эдит. — Я не предполагала, что придется бороться с эпидемией.

Когда она ушла, терзаемый сомнениями Роджер спросил Хейзел:

— Что скажешь, мать?

— Сынок, у тебя нет шансов. Она принимает свою клятву всерьез, ты давно это знаешь.

— Но я-то не давал клятву Гиппократа! Если я не приведу корабль куда надо, что она сможет сделать?

— Ты не доктор, это верно. Но ты капитан космического рейса. Похоже, тут действует правило «помощь и спасение».

— К черту правила! Речь идет об *Эдит.*

— Лично мне, — медленно сказала Хейзел, — семья Стоун дороже благополучия всего человечества, вместе взятого. Но решать за тебя я не могу.

— Я ее не пущу! Не во мне дело. С нами Вундер

— он совсем еще маленький. Ему нужна мать.

— Нужна.

— Это решает вопрос. Пойду поговорю с ней.

— Минутку! Если ты так решил, капитан, то позволь сказать — ты не так берешься за дело.

— Почему?

— Единственный способ удержать твою жену — это получить на компьютере нужный тебе ответ: что сблизиться с «Богом войны», а потом попасть на Марс физически невозможно.

— Да. Ты права. Поможешь мне смошенничать?

— Куда ж я денусь?

— Тогда за дело.

— Как скажете, сэр. А знаешь, Роджер, если «Бог войны» прибудет на Марс в разгар неопознанной эпидемии на борту, ему ни за что не дадут сесть в порту на Марсе. Его отведут на парковочную орбиту, снова заправят горючим и отошлют обратно в следующий благоприятный срок.

— Ну и что? Мне-то какая забота, что богатенькие туристы и куча эмигрантов будут разочарованы?

— Пусть так. Но это еще не все. Ван и первый помощник больны, а если свалится еще и второй, то «Бог войны» может не добраться и до парко-

вочной орбиты.

Роджеру не нужно было долго объяснять — при подходе к планете без управления умелого пилота корабль ждет одно из двух: или он разобьется, или уйдет в пространство и будет блуждать там, подобно комете, которая никогда не достигнет пристанища. Роджер закрыл лицо руками:

— Что мне делать, мама?

— Капитан ты, сынок.

— Я ведь сразу все это понял, — вздохнул Роджер.

— Да, но ты должен был побороть сомнения. — Хейзел поцеловала его. — Какие будут указания, сын?

— Попробуем подойти к нему. Хорошо, что мы не тронули резерв при старте.

— Вот-вот.

Когда Хейзел поделилась новостью с другими, Кастор спросил:

— Папа велел нам тоже рассчитать траекторию?

— Нет.

— Хорошо, а то нам надо побыстрей загрузить обратно велосипеды. Пошли, Пол. Мид, может, ты наденешь скафандр и поможешь нам? Если ты не нужна маме?

— Нужна, — ответила Хейзел, — чтобы присматривать за Лоуэллом и не давать ему путаться у всех под ногами. А велосипеды обратно грузить ни к чему.

— Что? Как же можно уравновесить корабль для маневра, пока они там? И потом, при запуске двигателя тросы могут оборваться и изменится наш фактор массы.

— Кас, где твои мозги? Ты что, не понимаешь ситуации? Мы избавляемся от балласта.

— Как? Выбросить наши *велики*? Когда мы их дотащили почти до самого Марса?

— И велики, и все наши книги, и все прочее, без чего можно обойтись. После грубой прикидки на компьютере это ясно как божий день: только так мы можем проделать маневр и притом сохранить нужный запас топлива для посадки. Ваш отец сейчас рассчитывает допустимый вес.

— Но как же… — Кастор замолчал, согнав с лица всякое выражение. — Так точно, мэм.

Близнецы уже надевали скафандры, но еще не вышли наружу, и тут Пола осенило:

— Кас, вот мы отвяжем велики, а что дальше?

— Спишем в убыток и попытаемся получить возмещение в «Экспорте Четырех Планет». И они нам, ясное дело, не заплатят.

— Шевели мозгами. Где окажутся велики в конечном счете?

— Где? Да на Марсе же!

— Точно. Или поблизости. Следуя по нашей теперешней орбите, они подойдут к нему очень близко, а потом опять направятся к Солнцу. Допустим, когда они приблизятся, мы будем стоять там и попытаемся перехватить.

— Не выйдет. Нам понадобится столько же времени, чтобы добраться до Марса, да еще по другой орбите — орбите «Бога войны».

— Да, но давай предположим. Вот был бы у нас запасной радарный маяк, я бы на них его навесил. Тогда, если мы попытаемся с ними сблизиться, мы будем знать, где они.

— Но у нас его нет. Слушай! А куда ты дел отражательную фольгу?

— Чего? А-а, понял. Дедуля, иногда твой маразм отступает.

Когда «Стоун» стартовал, он был покрыт со стороны жилого отсека алюминиевой фольгой, блестящей, как зеркало. По мере того как они удалялись от Солнца, необходимость в отражении тепла исчезла, — наоборот, стало желательно поглощение. Чтобы понизить нагрузку на систему терморегулирования корабля, фольгу сняли и

сложили на хранение до поры до времени.

— Давай спросим у отца.

Хейзел задержала их у люка:

— Он занят у компьютера. В чем проблема?

— Хейзел, отражающая фольга, которую мы сняли, тоже в списке балласта?

— Конечно. Возьмем другую на Марсе, когда соберемся назад. А зачем она вам?

— Для радарного отражателя, вот зачем. — И близнецы поделились своими планами.

— Вероятность мала, но смысл есть, — кивнула Хейзел. — Давайте-ка привяжите весь балласт к велосипедам. Может, нам удастся все вернуть.

— Само собой!

И близнецы взялись за дело. Пока Поллукс собирал связки велосипедов, почти все отремонтированные и сверкающие свежей краской, Кастор сконструировал любопытную геометрическую игрушку с помощью проволоки восьмого калибра[69], алюминиевой фольги и липкой ленты. Гигантский квадрат фольги он натянул на проволочный каркас. В середине квадрата и под прямым углом к нему Кастор прикрепил второй. Эти два квадрата Кастор рассек пополам третьим

---

[69] Примечания: 69
Диаметр 3 мм.

квадратом под прямым углом. Получилось восемь сверкающих прямоугольных трехгранных уголков, обращенных во всех возможных направлениях, — радарный отражатель. Каждый уголок будет отсылать радарные волны обратно к источнику — этот принцип может наглядно продемонстрировать в комнате или большой коробке резиновый мячик. В результате эффективность радара возрастает во много раз, по крайней мере теоретически, — закон обратной четвертой степени сменяется законом обратных квадратов. На практике эффект не столь велик, но радарный отклик объекта сильно увеличивается. Объект с такой этикеткой будет заметен на экране радара, как свеча в пещере.

Своего гигантского, но хлипкого змея Кастор привязал к куче велосипедов и прочего балласта обычной бечевкой. Привязывать крепче не было нужды — залетный ветерок не сдует его, никто не перережет бечевку.

— Пол, — сказал Кастор, — иди постучи в окошко и скажи — мы готовы.

Пол послушался и забарабанил в иллюминатор, чтобы привлечь внимание бабушки, а потом простучал свое сообщение. Тем временем Кастор прикрепил к грузу такое объявление:

ЭТО НЕ БЕСХОЗНЫЙ ГРУЗ!

Этот груз намеренно оставлен владельцем в свободном полете. Нижеподписавшийся владелец намерен вернуть его и предупреждает всех заинтересованных лиц о недопустимости присвоения данного груза в качестве бесхозного. Согл. постан. № 193401.

Роджер Стоун, капитан,
частная яхта «Роллинг Стоун», Луна

— Хейзел дает добро, но говорит, чтобы осторожно, — сказал Поллукс, вернувшись.

— Само собой.

Кастор развязал единственный трос, крепивший громоздкую конструкцию к кораблю, отошел и стал наблюдать. Груз не двигался с места. Тогда Кастор чуть-чуть подтолкнул его одним пальцем, и груз медленно-медленно начал отделяться от корабля. Кастор не хотел нарушать орбиту балласта, чтобы потом его легче было найти. Маленькая скорость, которую он придал ему, — дюйм в минуту на глаз — будет держаться до самого Марса. Кастор хотел, чтобы векторная сумма осталась малой.

Поллукс оглянулся на сверкнувшего «Бога войны».

— А когда мы запустим двигатель, груз не попа-

дет под струю? — спросил он с тревогой.

— Будь спокоен. Я это уже проверил.

Маневр, который им предстояло выполнить, был одним из простейших — сближение в области пространства, свободной от гравитационных возмущений, поскольку оба корабля находились практически на одном расстоянии от Солнца, а Марс был еще слишком далеко, чтобы брать его в расчет. Маневр состоял из четырех простых стадий: устранение небольшой векторной разницы между кораблями (или относительной скорости, с которой двигался «Бог войны»); ускорение в направлении «Бога войны»; пересечение пространства между кораблями; торможение с целью совмещения орбит и совместный дрейф в пространстве после сближения.

Первая и вторая стадии требуют увеличения скорости, на третьей надо просто выжидать. Вся операция требовала двух маневров, двух запусков двигателя.

Но на третьей стадии время, необходимое для того, чтобы догнать «Бога войны», можно было значительно сократить, щедро расходуя реактивную массу. Если бы им не было так дорого время, можно было бы спокойно ждать, «бросая камушки с кормы», как сказала Хейзел. Здесь

существовало бессчетное число вариантов с разным расходом топлива. В одном из вариантов можно было сохранить велосипеды и личные вещи, зато время перехода растянулось бы на две недели.

Доктор требовался срочно, и Роджер Стоун решил сбросить балласт.

Но близнецам он этого не сказал и не приказал им вычислять траекторию. Он не желал, чтобы они знали о существовании выбора: сохранить их капитал либо оказать незнакомым людям медицинскую помощь. Отец счел, что близнецы еще слишком молоды.

Через одиннадцать часов после запуска двигателя «Стоун» повис в пространстве недалеко от «Бога войны». Корабли продолжали путь к Марсу, делая приблизительно шестнадцать миль в секунду. Относительно друг друга они были неподвижны, только лайнер продолжал плавное вращение. Навьюченная доктор Стоун — на ней был не только скафандр, баллоны, рация, ракетный двигатель и тросы, но еще и санта-клаусовский мешок с медицинским оборудованием — стояла рядом с мужем на борту «Стоуна», обращенном к лайнеру. Не зная точно, что ей может понадобиться, она забрала все, без чего могла

обойтись ее семья, — лекарства, антибиотики, инструменты, расходный материал.

С остальными Эдит расцеловалась на корабле и велела им там и оставаться. Лоуэлл плакал и не пускал мать в шлюз. Ему не сказали, в чем дело, но настроение всех остальных действовало заразительно.

— Значит, так, — озабоченно говорил Роджер, — в ту же минуту, как поймешь, в чем там дело, и назначишь лечение, сразу домой, слышишь?

— Увидимся на Марсе, дорогой мой, — покачала головой Эдит.

— Ну уж нет! Ты…

— Да, Роджер. Я могу стать переносчиком инфекции. Мы не можем рисковать.

— Но ты можешь точно так же быть переносчиком, когда вернешься к нам на Марс. Ты что, вообще не собираешься возвращаться?

Риторический вопрос Эдит оставила без внимания:

— На Марсе есть больницы. А семейную эпидемию в космосе я допустить не могу.

— Эдит! Я серьезно подумываю отказаться…

— Меня уже ждут, дорогой. Видишь?

У них над головой, на расстоянии двадцати

ярдов, открылся пассажирский люк на оси вращения огромного корабля. Оттуда вышли две фигурки, осторожно прижали ботинки к борту и встали на корпусе, головами вниз к Стоунам. Роджер сказал в микрофон:

— Эй, на «Боге войны»!

— Есть на «Боге войны».

— Готовы?

— Ждем вас.

— Приготовиться к переходу.

Исполняющий обязанности капитана Роули предложил прислать человека, чтобы доставить доктора Стоун с корабля на корабль, но она отказалась, не желая, чтобы кто-либо с зараженного корабля контактировал с «Роллинг Стоун».

— Тросы свободны, Роджер?

— Да, дорогая. — Роджер связал вместе несколько тросов, прикрепив один конец к ее поясу, другой — к скобе.

— Поможешь мне с ботинками, дорогой?

Роджер опустился на колени и молча расстегнул молнии на ее магнитных ботинках — у него внезапно пропал голос. Потом он выпрямился, и Эдит обхватила его руками. Они неловко обнялись — им мешали скафандры и ее заплечный мешок.

— Адьос, милый, — нежно сказала она. — Береги детей.

— Эдит! Это ты береги себя!

— Да, дорогой. Подержи меня.

Роджер приподнял ее, она вынула ноги из ботинок — теперь ее удерживали только его руки.

— Готовься! Раз! Два! — Оба согнулись пополам. — Три! — Эдит отскочила от корабля, волоча за собой трос.

Долгие-долгие секунды уплывала она вверх, через пропасть между «Стоуном» и лайнером. Потом стало ясно, что прыжок получился не совсем прямой, и Роджер приготовился тянуть жену обратно.

Но комитет по встрече приготовился к неожиданностям. Один из двоих стал раскручивать над головой тросик с грузом, описывая все более широкие круги. Когда Эдит стало проносить мимо борта «Бога войны», он метнул свое лассо и зацепил грузилом за страховочный трос Эдит. На «Роллинг Стоун» Роджер застопорил канат и остановил ее, а человек на лайнере осторожно подтянул к себе.

Второй перехватил Эдит и пристегнул крюк ей к поясу, потом отвязал длинный трос «Стоуна». Прежде чем войти внутрь, Эдит помахала рукой,

и люк закрылся.

Роджер какой-то миг смотрел на закрывшийся люк, потом смотал трос. Его взгляд упал на пару маленьких ботинок рядом. Он оторвал их от обшивки, прижал к себе и побрел к своему шлюзу.

9. Возврат имущества

В последующие дни близнецы старались не попадаться отцу на глаза. Он обращался со всеми непривычно мягко и нежно, но никогда не улыбался и мог совершенно неожиданно сорваться и впасть в гнев. Братья сидели в кубрике и делали вид, что занимаются, — они и вправду занимались какую-то часть времени. Мид и Хейзел делили заботу о Лоуэлле. Ощущение безопасности у малыша с уходом матери пропало. Он выражал это бурными капризами и требовал к себе внимания.

Хейзел взялась готовить обед и ужин. У нее это получалось не лучше, чем у Мид. Дважды в день всем было слышно, как она то и дело обжигается, сыплет проклятиями и жалуется, что она не домохозяйка и никогда не имела подобных амбиций. Никогда!

Доктор Стоун связывалась с кораблем ежедневно и, быстро переговорив с мужем, умоляла

больше никого не звать — она слишком занята. Роджер взрывался обычно как раз после таких разговоров.

Только у Хейзел хватало смелости расспрашивать его по поводу их бесед. На шестой день за обедом она спросила:

— Ну что, Роджер? Какие новости? Поделись с нами.

— Ничего особенного. Хейзел, эти отбивные ужасны.

— А должны быть хороши — я их приправила собственной кровью. — Она показала перевязанный палец. — Попробовал бы сам стряпать. Но ты мне не ответил — не увиливай, парень.

— Она, кажется, что-то обнаружила. Насколько видно по их записям, пока не заболел ни один человек, переболевший раньше корью.

— Корью? — удивилась Мид. — Но ведь от нее не умирают!

— В общем, нет, — согласилась бабушка. — Хотя для взрослых она может быть опасна.

— Я не говорил, что это корь, — раздраженно ответил Роджер, — и мама тоже не говорила. По ее мнению, болезнь родственна кори, мутировавший штамм может стать более опасным.

— Назовем ее «неокорь», — предложила Хей-

зел. — Хорошее название — сразу возникает масса вопросов и звучит по-научному. Были еще смертельные случаи, Роджер?

— Да, были.

— Сколько?

— Она не говорит. Хотя Ван еще жив, и Эдит сказала, что он поправляется. Она сказала, — добавил он, будто стараясь убедить самого себя, — что, кажется, поняла, как это лечить.

— Корь, — задумчиво сказала Хейзел. — Ты не болел ею, Роджер.

— Нет.

— И никто из детей.

— Еще чего, — сказал Поллукс.

Луна-Сити, несомненно, был самым здоровым местом в известной человеку Вселенной. Детским болезням, обычным на Земле, не дали там прижиться.

— Какой у нее голос, сын?

— Смертельно усталый, — хмуро сказал Роджер. — Даже накричала на меня.

— Только не мама!

— Тише, Мид. У меня была корь лет семьдесят — восемьдесят назад, — вспомнила Хейзел. — Роджер, я пойду помогу ей.

— Она это предвидела, — невесело улыбнулся

Роджер. — И просила передать тебе спасибо, но неквалифицированной помощи у нее более чем достаточно.

— Неквалифицированной! Мне это нравится! Да во время эпидемии девяносто третьего года я была единственной женщиной в колонии, способной перестелить постель. Уф!

На следующий день Хейзел заняла пост у рации, чтобы самой перемолвиться словом с невесткой. Звонок раздался в обычное время, и Роджер принял его. Но это была не Эдит.

— Капитан Стоун? Тернер, сэр, Чарли Тернер. Я — третий инженер. Ваша жена просила позвонить вам.

— В чем дело? Она занята?

— Очень занята.

— Попросите ее позвонить мне, как только освободится. Я буду ждать у аппарата.

— Боюсь, это бесполезно, сэр. Она определенно сказала, что не будет звонить вам сегодня. У нее нет времени.

— Чепуха! Это займет всего тридцать секунд. На таком большом корабле, как ваш, она может связаться со мной из любого места.

— Извините, сэр, — растерялся его собеседник. — Доктор Стоун строго наказала не беспо-

коить ее.

— Да пропади все пропадом, я…

— Прошу извинить меня, сэр. До свидания. — И Тернер оставил Роджера ругаться в пустоту.

Роджер Стоун несколько мгновений сидел неподвижно, затем повернулся к матери:

— Она подцепила эту хворь.

— Не спеши с выводами, сынок, — спокойно ответила Хейзел.

Но в глубине души и она пришла к такому же выводу. Эдит Стоун заразилась болезнью, которую отправилась лечить.

Той же нехитрой байкой угостили Роджера и на другой день, но на третий перестали обманывать. Доктор Стоун больна, но ее мужу не следует волноваться. Перед тем как заболеть, она успела разработать метод лечения, и все вновь заболевшие, включая ее, поправляются. Так ему сказали.

Нет, она не станет разговаривать с ним с больничной койки. Нет, с капитаном Ванденбергом поговорить нельзя — он еще слишком болен.

— Я иду к вам! — крикнул Роджер.

— Это ваше дело, капитан, — замялся Тернер. — Но если вы так поступите, нам придется задержать вас тут на карантине. Письменный приказ доктора Стоун.

Роджер прервал связь. Он знал, что это решает дело: во всем, что касается медицины, Эдит была верховным судьей, а он не мог покинуть свой корабль и свою семью, предоставив им самим добираться до Марса. Хрупкая престарелая женщина и двое самоуверенных пилотов-недоучек — нет, он должен сам привести корабль к месту назначения.

Семья переживала трудное время. Стряпня становилась все хуже, если вообще кому-нибудь приходила охота стряпать. Прошло семь бесконечных земных дней, и наконец на ежедневный вызов ответили:

— Роджер — здравствуй, дорогой!

— Эдит! Как ты, ничего?

— Поправляюсь.

— Какая у тебя температура?

— Не собираешься ли ты лечить меня, дорогой? Температура удовлетворительная, как и общее самочувствие. Немного похудела, но мне это не повредит, тебе не кажется?

— Нет, не кажется. Слушай — иди домой! Слышишь?

— Роджер, милый! Не могу, это дело решенное. Весь корабль на карантине. Как там мое остальное семейство?

— Да хорошо, хорошо, что им сделается! Мы все благоденствуем.

— Так и продолжайте. Позвоню завтра. Пока, дорогой.

Ужин в тот день был праздничный. Хейзел опять порезала палец, но не обратила на это никакого внимания. Ежедневные сеансы связи уже не заставляли тревожно вздрагивать, а радовали. Через неделю доктор Стоун сказала:

— Оставайся на связи, Роджер. С тобой хочет поговорить один друг.

— Хорошо, дорогая. Целую тебя, до свидания.

— Роджер-доджер! — сказал знакомый бас.

— Ван! Ах ты, толстое пузо! Я так и знал — такие негодяи не умирают.

— Жив-здоров благодаря твоей замечательной жене. Но уже без пуза — не было времени его восстановить.

— Ничего, отрастишь новое.

— Не сомневаюсь. Вот что: я спрашивал нашего доктора кое о чем, но она не совсем в курсе — это по твоей части. Роджер, сколько водорода у тебя осталось после этого пробега? Добавить тебе горючего?

— А у тебя есть лишнее, капитан?

— Есть немного. Для моего вагона немного, а

для твоей тележки как раз хватит.

— Нам пришлось сбросить балласт, знаешь?

— Знаю, и мне очень жаль. Я прослежу, чтобы ваше заявление попало куда надо. Я бы и сам возместил, капитан, да после уплаты алиментов на трех планетах у меня мало что остается.

— Возможно, это не понадобится. — И Роджер рассказал о радарном отражателе. — Если мы вернемся на старую колею, то сможем собрать свои пожитки.

— Хотел бы я снова повидать твоих парней, — усмехнулся Ванденберг. — Похоже, они подросли за эти семь лет.

— Не советую. Они утащат протез у тебя изо рта. Так как насчет водорода? Сколько ты можешь выделить?

— Тебе хватит, я уверен. Хочется проделать этот трюк даже из спортивного интереса. Уверен, такого никто раньше не делал. Никогда.

Два корабля шли вровень на глаз и почти вровень по приборам, но корабли разнесло на пару миль друг от друга, пока на лайнере боролись с эпидемией. Их взаимное притяжение было практически неощутимо, поэтому крошечной остаточной скорости кораблей друг относительно друга было достаточно для его преодоления.

Этот дрейф никому не мешал, пока корабли оставались в пределах телефонной связи. Но теперь возникла необходимость перекачать топливо с одного корабля на другой.

Роджер привязал груз к концу легкого троса и метнул его как можно дальше и как можно точнее. Когда движение груза замедлилось благодаря натяжению троса, с «Бога войны» вылетел человек на реактивном ранце и поймал его. К легкому тросу привязали трос покрепче, который был прикреплен к «Роллинг Стоуну». За этот тросик вытянули прочный канат, который был закреплен на «Стоуне». Натягивать канат пришлось вручную, с помощью простой физической силы. Конечно, масса «Стоуна» была огромна для мускульных усилий человека, но необходимый импульс был слишком мал для запуска двигателя, а трение в космосе нулевое. Это отсутствие естественного торможения является существенным фактором при сближении кораблей, о чем свидетельствуют многочисленные вмятины на боках кораблей и космических станций.

В результате такого постепенного подтягивания через два с половиной дня корабли подошли друг к другу достаточно близко, чтобы между ними можно было протянуть топливный шланг.

Роджер и Хейзел прикасались к шлангу только перчатками и гаечным ключом, чтобы не нарушать карантина. Это было вполне безопасно, даже по меркам доктора Стоун. Через двадцать минут и эта связь оборвалась — запас горючего на «Стоуне» был восполнен.

И вовремя. Марс в виде красной, почти полной луны рос в небе. Пора было готовиться к маневру.

— Вот они! — Поллукс нес вахту у экрана радара; на его крик приплыла бабушка.

— А может, это стадо гусей, — заметила она. — Где?

— Да вот. Ты что, не видишь?

Хейзел неохотно согласилась, что метка, пожалуй, действительно есть. В следующие несколько часов замерили расстояние, пеленг и относительную скорость по радару и доплеру и рассчитали самый экономичный маневр, чтобы подойти и забрать странствующие велосипеды, книги и прочий груз. Роджер постарался сманеврировать как можно мягче, подгоняемый приближением Марса. Наконец они зависли в пространстве почти неподвижно рядом с кучей своего добра. Оставался небольшой дрейф, который, как подсчитал Роджер, через несколько часов уменьшит

дистанцию до трехсот ярдов.

Это время они провели, рассчитывая маневр сближения с Марсом. «Роллинг Стоун» должен был сесть, конечно, не на самом Марсе, а в порту на Фобосе. Сначала им нужно выйти на почти круговую орбиту вокруг Марса, соответствующую орбите Фобоса, а затем, финальным маневром, посадить корабль на крохотный спутник. Это были простые маневры, и осложняло их только одно обстоятельство: период обращения Фобоса — всего около десяти часов. «Стоуну» нужно было выйти не только в нужное место, с нужной скоростью и в нужном направлении, но и в нужное время. Приняв на борт велосипеды и прочий груз, кораблю придется идти за Фобосом, не приближаясь к нему, чтобы точно выйти на точку рандеву.

Расчетами занимались все, кроме Вундера. Мид работала под руководством Хейзел. Поллукс продолжал следить по радару за приближением груза. Роджер прикинул и отбросил два черновых варианта решения и взялся за третий, который вроде бы имел какой-то смысл. Тут Поллукс объявил, что, согласно последним показаниям радара, они подошли к грузу на самое близкое расстояние.

Отец отстегнулся и подплыл к иллюминатору.

— Где? Боже праведный, да мы прямо сидим на них. Пошли, ребята.

— Я тоже пойду, — заявила Хейзел.

— И я! — откликался Лоуэлл.

— Это тебе так кажется. — Мид подхватила его на руки. — Мы с тобой пойдем играть в замечательную игру «Что у нас на ужин?». Желаю приятно провести время. — И она полетела на корму, таща за собой упиравшегося брата.

Они вышли наружу. Отсюда велосипеды казались гораздо дальше, чем в иллюминаторе.

— Пап, может, мне слетать туда на своем ранце? — предложил Кастор, разглядывая груз. — Сэкономим время.

— Сомневаюсь. Бросай груз, Пол.

Поллукс закрепил легкий трос за скобу. На другом конце вместе с грузом было приделано с полдюжины крючков из проволоки шестого калибра[70]. Первый бросок был как будто достаточно сильным, но не попал в цель.

— Дай-ка мне, Пол, — потребовал Кастор.

— Пусть он сам, — возразил отец. — Бог свидетель, последний раз выхожу в космос без гарпунного ружья. Запиши это, Кас. Занеси в

---

[70] Примечания: 70
Диаметр 4 мм.

список покупок, когда вернемся на корабль.

— Есть, сэр.

Со второго раза Поллукс попал, но трос соскользнул, когда Пол потянул его, — крючки не зацепились. Он попробовал еще раз, и на этот раз трос натянулся.

— Теперь тихонько! — предостерег отец. — А то вся эта куча свалится нам на голову. Сейчас… Кончай тянуть, уже пошло.

Они стали ждать.

Кастор в нетерпении предложил потянуть за трос еще. Отец покачал головой. Хейзел добавила:

— Я видела, как новичок на космической станции вот так же хотел побыстрее подтянуть груз. Это была стальная плита.

— Ну и что?

— Сначала он дернул как следует и думал, что потом сможет ее отпихнуть. Ему пришлось ампутировать обе ноги — жизнь, правда, спасли.

Кастор успокоился.

Через несколько минут бесформенная масса причалила к кораблю. При этом у одного велосипеда погнулся руль, но других повреждений не оказалось. Близнецы с Хейзел стали разбирать груду, плавая на страховочных тросах. Они

вставали на магнитные ботинки только для того, чтобы отправить велосипеды в трюм, где Роджер укладывал их согласно точной схеме распределения массы.

Вскоре Поллуксу попалось на глаза объявление Кастора о неприкосновенности груза.

— Эй, Кас! Вот твое объявление.

— Оно больше не нужно.

Тем не менее он взял объявление и взглянул на него. Затем его глаза расширились от удивления.

Внизу было приписано:

«Как бы не так!
Властелин
Галактики».

Капитан Стоун вышел посмотреть, отчего заминка, взял из рук сына объявление и тоже прочел. Потом внимательно посмотрел на свою мать:

— Хейзел!

— Я? Да я все время была здесь на виду. Как я могла это сделать?

Роджер смял бумажку.

— Я не верю в призраков, неполный «стрит» и во Властелина Галактики.

Если Хейзел и сделала это, то никто не видел, а

она так и не созналась. Она настаивала на своей версии, — значит, Властелин Галактики все-таки не умер. И в доказательство она оживила его в следующей серии.

10. Порт Фобос

У Марса есть две готовые космические станции — крохотные, находящиеся близко к нему луны — Фобос и Деймос, псы бога войны — Страх и Ужас. Деймос — это выщербленная, изрытая скала, шкиперу трудно было бы найти здесь место для посадки, а Фобос имеет почти правильную сферическую форму и был уже довольно ровным, когда его открыли. С помощью атомного маникюра у экватора создали большое взлетно-посадочное поле. Может, с этим и не стоило торопиться: по одной весьма правдоподобной теории, древние марсиане тоже использовали Фобос как космическую станцию. Доказательство тому (если оно существует) погребено теперь под шлаком фобосского космодрома.

«Роллинг Стоун» вышел на орбиту Деймоса, затем, приблизившись к орбите Фобоса, включил двигатель и пристроился к нему, кружа по почти идентичной орбите вокруг Марса всего в пяти милях от этого спутника. Теперь корабль вращался

вокруг Марса, но падал *на* Фобос и не пытался этого предотвратить. Падение нельзя было назвать стремительным: на расстоянии, равном радиусу Фобоса, спутник притягивал крохотную массу корабля с силой менее трех десятитысячных земного притяжения. У капитана Стоуна было достаточно времени, чтобы вычислить импульс, который позволит совершить мягкую посадку, — пройдет добрый час, прежде чем «Стоун» упадет на поверхность планеты.

Однако он решил пойти по легкому пути и запросил помощи извне. Двигатель «Стоуна», способный развить ускорение до шести *g*, был слишком мощным для слабенького притяжения десятимильной скалы — все равно что прихлопнуть муху механическим копром. Через несколько минут после остановки двигателя с Фобоса подошел небольшой скутер и пришвартовался к шлюзовому отсеку.

На корабль вплыла фигура в скафандре. Пришелец снял шлем и сказал:

— Разрешите подняться на борт, сэр? Джейсон Томас, лоцман, — вы ведь запрашивали лоцмана и буксир, сэр?

— Да, капитан Томас.

— Зовите меня просто Джей. Схема распределе-

ния массы готова?

Роджер подал ему схему, и лоцман стал ее изучать, а Стоуны тем временем изучали его. Мид решила про себя, что он больше похож на бухгалтера, чем на лихого космонавта, — ничего общего с героями сериала Хейзел. Лоуэлл воззрился на него и серьезно спросил:

— Вы марсианин, мистер?

— Вроде того, сынок, — не менее серьезно ответил лоцман.

— А тогда где у вас еще одна нога?

Томас опешил, но быстро нашелся:

— Ну, видишь ли, я немного некондиционный марсианин.

Лоуэлл, похоже, ему не поверил, но вопросов задавать больше не стал. Лоцман вернул Роджеру схему:

— Ладно, капитан. Где у вас наружные разъемы системы управления?

— Рядом с люком. Внешний терминал подключается здесь, на пульте.

— Я на пару минут.

Лоцман снова вышел наружу, двигаясь очень быстро, и вернулся минут через десять.

— Это вы так быстро подключили вспомогательные ракеты? — недоверчиво спросил Роджер

Стоун.

— Я уже много раз это делал. Привычка. И потом, со мной толковые ребята работают. — Он подключил к гнездам на пульте маленькую панель управления и проверил ее. — Все в порядке. — Он посмотрел на экран радара. — Теперь можно немного побездельничать. Вы иммигранты?

— Да нет, просто путешествуем ради удовольствия.

— Это здорово! Вот только, хоть убей, не пойму, какие удовольствия вы рассчитываете найти на Марсе.

Он посмотрел в иллюминатор, где на черном фоне рисовался красный полукруг Марса.

— Посмотрим достопримечательности.

— В штате Вермонт больше можно увидеть, чем на всей этой планете. Я точно знаю. — Он огляделся. — Это вся ваша семья?

— Все, кроме жены. — И Роджер Стоун объяснил ситуацию.

— А, да! Я читал об этом в «Боевом кличе». Только там переврали название вашего корабля.

— Газетчики! — презрительно фыркнула Хейзел.

— Да, мэм. «Бога войны» я посадил четыре часа

назад. Стоянка тридцать два — тридцать три. Только он на карантине. — Лоцман вытащил трубку. — У вас тут есть электростатическое осаждение?

— Есть, — сказала Хейзел. — Курите, курите, молодой человек.

— Спасибо.

Чтобы разжечь трубку, потребовалась уйма времени. Поллукс начал волноваться — когда же капитан думает вычислять траекторию.

Но Джейсон Томас не удосужился даже посмотреть на экран радара. Вместо этого он начал рассказывать длинную и запутанную историю про своего шурина, который живет на Земле. Этот его родственник пытался выучить попугая работать в качестве будильника.

Близнецы ничего не знали о попугаях, да и знать не хотели. Кастор начал беспокоиться. Уж не хочет ли этот болван разбить «Стоун»? Он начал сомневаться, лоцман ли Томас вообще. История тянулась и тянулась. Внезапно Томас прервал рассказ и сказал:

— Ухватитесь все за что-нибудь. И подержите кто-нибудь малыша.

— Я не малыш, — запротестовал Лоуэлл.

— А вот я хотел бы стать маленьким, знаешь? —

Лоцман протянул руку к своей панели, а Хейзел взяла Лоуэлла. — Но вся суть в том... — Корабль потряс оглушающий грохот — громче, чем шум стоуновского двигателя. И сразу стало тихо. — Вся суть в том, — торжествующе закончил Томас, — что птичка так и не научилась говорить время. Спасибо, ребята. Счет получите в конторе. — Он встал на ноги и гибким кошачьим движением скользнул к выходу, не отрывая ног от пола. — Рад был познакомиться. До свидания.

Они сели на Фобосе.

Поллукс поднялся с места, куда улегся перед маневром, и ударился головой о переборку. Потом он попробовал пройтись, как Джейсон Томас. У него снова был вес, настоящий вес — впервые после Луны. Правда, он составлял всего две унции вместе с одеждой.

— Интересно, на какую высоту тут можно прыгнуть? — спросил он.

— Лучше не пробуй, — ответила Хейзел. — Помни, что скорость убегания[71] на этом шарике всего шестьдесят шесть футов в секунду.

— Но человек ведь не может так быстро дви-

[71] Примечания: 71

Скорость убегания, или вторая космическая скорость, — наименьшая скорость, которую надо придать телу, чтобы оно преодолело силу притяжения какого-либо объекта.

гаться…

— Был такой Оле Гундерсон. Он прыгнул и обогнул Фобос по свободной орбите длиной тридцать пять миль. Это заняло у него восемьдесят пять минут. Он бы и доселе там летал, если бы его не перехватили на втором витке.

— Да, но он ведь был олимпийским чемпионом по прыжкам. И у него, кажется, был специальный трамплин или типа того, от которого он отталкивался?

— Прыгать не обязательно, — сказал Кастор. — Шестьдесят шесть футов в секунду — это сорок пять миль в час, значит круговая скорость где-то миль тридцать в час. У нас дома человек может свободно пробежать двадцать в час, а здесь запросто развить сорок пять.

— Но трения-то нет, — не соглашался Поллукс.

— Специальные шиповки и, может быть, пусковой пандус на последней сотне ярдов, и — фьюю! — полетел.

— Ладно, дедуля, вот ты и попробуешь. А я тебе помашу на прощание.

— Прошу тишины! — Роджер Стоун громко свистнул. — Если наши доморощенные атлеты закончили, то у меня есть сообщение.

— Спустимся на поверхность, папа?

— Нет, если будешь меня перебивать. Я пойду на «Бога войны». Кто хочет пойти со мной и просто погулять — пожалуйста, только договоритесь, кто приглядит за Вундером. Надевайте ботинки, — кажется, тут есть стальные дорожки для удобства путешественников.

Поллукс первым надел скафандр и вышел в шлюз, где с удивлением обнаружил, что веревочная лестница так и не опущена. «Как же спустился Джейсон Томас? — подумал Пол. — Спрыгнул, наверное?» Прыжок вниз с высоты ста с лишним футов здесь не причинит вреда ногам. Но, открыв наружную дверь, Пол выяснил, что можно просто идти по корпусу корабля, как муха по стене. Он слышал об этом и раньше, но не очень-то верил — разве такое возможно на *планете*… ну хорошо — на спутнике?

Другие последовали за ним. Хейзел несла Лоуэлла. Внизу Роджер Стоун остановился и посмотрел вокруг.

— Могу поклясться, — недоуменно сказал он, — что перед посадкой видел «Бога войны» чуть восточнее от нас.

— Вон там что-то торчит, — сказал Кастор, указывая на север.

Там над необычайно близким горизонтом вы-

сился какой-то круглый купол — горизонт был всего в двухстах ярдах, как это представлялось Кастору. Купол казался огромным, но по мере их приближения он быстро уменьшался. Наконец он полностью показался над горизонтом. Сильная кривизна поверхности маленького шарика сыграла с ними шутку. Планета была так мала, что было видно, как она закругляется, но сказывалась привычка считать, будто то, что на горизонте, — это далеко.

По дороге к куполу Стоуны встретили на одной из стальных дорожек, пересекавших им путь, человека. Он был в скафандре, как и они, и с легкостью нес бухту стального троса, ручную лебедку и сухопутный якорь с большими лапами. Роджер остановил его:

— Извините, не скажете, как найти «Бога войны»? По-моему, стоянка тридцать два — тридцать три, если не ошибаюсь.

— Вон там, к востоку. Идите по этой дорожке миль пять, и увидите. Вы не с «Роллинг Стоуна»?

— Да. Я владелец, тоже Стоун.

— Очень приятно, капитан. Я как раз собираюсь перевезти ваш корабль на другое место. Найдете его на стоянке номер тринадцать, к западу отсюда.

Близнецы с любопытством осматривали его снаряжение.

— Вам этого хватит? — спросил Кастор, вспомнив сложную процедуру перевозки «Стоуна» на Луне.

— А вы гироскопы оставили вертеться? — спросил докер.

— Да, — ответил капитан Стоун.

— Тогда никаких сложностей не будет. До скорого.

И он пошел к кораблю, а Стоуны — по дорожке на восток. Благодаря трению магнитных ботинок о сталь идти было легче. Хейзел отпустила Лоуэлла побегать.

Они шли прямо к Марсу, огромный полукруг которого заполнял большую часть восточного горизонта. По мере их приближения планета будто поднималась над горизонтом. Марс на Фобосе, подобно Земле на лунном небе, никогда не восходит и не заходит — «восходить» его заставляло быстрое продвижение Стоунов по маленькому Фобосу. Пройдя около мили, Мид заметила на красно-оранжевом фоне Марса силуэт «Бога войны». Стоуны прибавили шагу, но корабль предстал перед ними целиком, от носа до кормы, только через три мили.

Наконец они дошли и увидели вокруг корабля временное ограждение из троса, натянутого между стойками, а на нем — большую табличку:

ОСТОРОЖНО!
КАРАНТИН
Вход воспрещен по распоряжению
администрации порта Фобос

— А я читать не умею, — сказала Хейзел.

— Вы оставайтесь здесь или идите гулять — как хотите, — рассудил Роджер. — А я пойду туда. Смотрите держитесь подальше от поля.

— Да ладно, — сказала Хейзел, — тут вполне можно успеть заметить, как садится корабль, и убежать. Все местные так и делают. А ты не хочешь, чтобы я пошла с тобой, сын?

— Нет. Это только мое дело.

Роджер оставил их у ограждения и пошел к лайнеру. Пока они ждали, Хейзел достала из пистолета драже, сунула себе в ротовой клапан и угостила Лоуэлла. Вскоре они увидели, что Роджер идет по корпусу корабля к иллюминатору. Он простоял там довольно долго и снова спустился вниз.

Вернулся он к ним мрачнее тучи.

— Не прошел номер? — спросила Хейзел.

— Видел Вана — он наговорил мне каких-то неуместных оскорблений. Правда, дал повидаться с Эдит — через иллюминатор.

— Ну, как она выглядит?

— Прекрасно, просто прекрасно! Может, немножко похудела, но не сильно. Она вас всех целует. — Роджер хмуро замолчал. — Но я не могу к ней войти, а она не может ко мне выйти.

— Вана нельзя винить, — заметила Хейзел. — Ему это стоило бы капитанских прав.

— Никого я не виню! Просто я с ума схожу, вот и все.

— И что же дальше?

Роджер подумал.

— Ближайший час можете делать что хотите. Я пойду в управление порта вон в тот купол. Встречаемся на корабле — тринадцатая стоянка.

Близнецы решили прогуляться дальше на восток, а Мид с Хейзел сразу повернули на корабль — Вундер начал капризничать. Братья хотели как следует посмотреть на Марс. Конечно, они видели его и на подходе, в иллюминаторы «Стоуна», но это было не совсем то — здесь он был как-то реальнее, не ограниченный рамкой, как телекадр. Еще три мили — и Марс предстал перед ними полностью, точнее, предстала освещенная

его часть, потому что сейчас, когда Солнце стояло почти над головой, планета была в половинной фазе.

Близнецы смотрели на оранжево-красные пустыни, на оливково-зеленые плодородные зоны, на каналы, пересекавшие плоский ландшафт ровно, как стрелы. К ним была обращена южная полярная шапка, которая почти совсем растаяла, а прямо напротив торчал, как наконечник копья, Большой Сырт.

Братья согласились, что Марс красив — почти так же, как Луна, и, пожалуй, красивее Земли, несмотря на зрелищную эффектность земных облаков. Но вскоре им надоело смотреть, и они вернулись на корабль.

Стоянку № 13 они нашли без труда и поднялись на борт. У Мид был готов обед, Хейзел играла с Вундером. Отец пришел, когда они как раз собирались сесть за стол.

— У тебя такой вид, будто ты подкупил чиновника, — заметила Хейзел.

— Не совсем. — Он помолчал и сказал: — Я иду к Эдит в карантин. Выйдем вместе.

— Но, папа!.. — запротестовала Мид.

— Я не договорил. Пока меня нет, командовать будет Хейзел. Она же глава семейства.

— Я всегда была ею, — надменно сказала Хейзел.

— Пожалуйста, мама. Мальчики, если она сочтет необходимым переломать вам руки и ноги, имейте в виду — это одобрено заранее. Вы меня поняли?

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Ладно. Сейчас соберу вещи и пойду.

— Но, папа! — чуть ли не со слезами воскликнула Мид. — Неужели ты даже не пообедаешь с нами?

Роджер остановился и улыбнулся:

— Пообедаю, лапочка. А из тебя получится хорошая повариха, знаешь?

Кастор, переглянувшись с Поллуксом, сказал:

— Папа, давай выясним одну вещь. Мы должны ждать тут на корабле — на этом шарике размером с пилюлю, — пока вы с мамой не выйдете из заключения?

— Мм… да нет, не обязательно. Я просто об этом не подумал. Если Хейзел не против, можете закрыть корабль и лететь на Марс. Скажете по телефону свой адрес, и мы вас найдем. Да, так, пожалуй, будет лучше.

Близнецы с облегчением вздохнули.

11. «Добро пожаловать на Марс!»

Роджер мигом подхватил инфекцию, его пришлось лечить, карантин из-за этого затянулся. Так что у близнецов оказалось достаточно времени, чтобы проявить свой талант попадать в неприятности. Временно осиротевшее семейство отправилось с Фобоса в Марсопорт челноком. Он был не похож на те, что ходят между Пайкс-Пик и земной орбитальной станцией, — это был маленький ракетоплан чуть мощнее древних немецких боевых ракет. Ведь первая космическая скорость[72] для Марса чуть больше двух миль в секунду.

Однако билеты стоили дорого, а перевозка груза еще дороже. Близнецы выгрузили свой товар, доставили его на товарный двор между таможней и зданием управления и договорились о его отправке, прежде чем сесть в челнок. Они пришли в ужас, когда им вручили счет, который следовало оплатить предварительно. Получилось больше, чем они заплатили отцу за доставку

---

[72] Примечания: 72

Первая космическая скорость — наименьшая скорость, которую надо придать телу, чтобы оно вышло на круговую орбиту вокруг какого-либо объекта.

велосипедов с Луны на Марс.

Кастор все продолжал подсчитывать расходы и возможную прибыль, пока пятеро Стоунов пристегивали ремни перед взлетом.

— Пол, — обеспокоенно сказал он, — надо назначить хорошую цену за эти велосипеды.

— Назначим, дедуля, назначим. Велики хорошие.

Челнок приводнился на Большом канале, его подтянули на буксире к причалу, при этом он слегка покачивался. Близнецы были рады выбраться наружу — они еще не имели дела с гидропланами, и такой способ передвижения показался им ненадежным, если не сказать — опасным. Дверь с мягким шипением открылась, и они вдохнули воздух Марса. Он был разреженный, но давление не очень отличалось от того, что они поддерживали на «Стоуне». Поколение, осуществившее атмосферный проект, сделало ненужными скафандры и респираторы. Холода не ощущалось — солнце стояло как раз в зените.

Спускаясь на причал, Мид потянула носом:

— Чем это пахнет, Хейзел?

— Свежим воздухом. Странно, да? Пошли, Лоуэлл. — Они прошли в зал прибытия — это был единственный выход с причала. Хейзел по-

смотрела по сторонам и направилась к стойке с надписью «Визы». — Пошли, дети. Держитесь все вместе.

Клерк, оторвавшись от своих бумаг, посмотрел на них так, точно ничего подобного раньше не видел и видеть не желает.

— Вы прошли медосмотр в порту Фобос? — недоверчиво спросил он.

— Вот, смотрите — все оформлено.

— Но вы не заполнили декларацию об имуществе для эмигрантов.

— Мы не эмигранты, мы путешественники.

— Что же вы сразу не сказали? Вам надо уплатить пошлину — все граждане Земли платят пошлину.

Поллукс, переглянувшись с Кастором, мотнул головой. Хейзел сосчитала в уме до десяти и ответила:

— Мы не граждане Земли, мы граждане свободного государства Луна, и на нас распространяется закон о взаимном обмене по договору седьмого года. Можете справиться.

— Вот как, — опешил клерк. Он подписал им бумаги, поставил печати, сунул документы в статистический компьютер и отдал обратно. — С вас пять фунтов.

— Пять фунтов?!!

— Марсианских, разумеется. Если будете оформлять гражданство, вам их вернут.

Хейзел достала деньги. Поллукс перевел сумму в кредитки Системы и выругался про себя: он начинал думать, что на Марсе придется платить за каждый вздох. Клерк пересчитал и протянул каждому по буклету из стопки рядом с собой.

— Добро пожаловать на Марс, — сказал он с дежурной улыбкой. — Я знаю, вам здесь понравится.

— Начинаю сомневаться, — ответила Хейзел, беря проспект.

— Простите?

— Ничего. Спасибо.

Стоуны пошли дальше. Кастор глянул на свой проспект. Он был озаглавлен:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС!
Вас приветствуют
Торговая палата Марсопорта
и
Клуб ракетчиков!

Кастор пробежал глазами оглавление: что посмотреть… где поесть… и поспать… «Когда ты в

Риме…»[73] Древние времена… Сувениры? Разумеется! Деловые возможности… Факты и цифры о Марспорте, самом быстрорастущем городе в Системе.

Внутри оказалось больше рекламы, чем текста. Картинки были не стереоскопические. Ладно, зато бесплатно. Кастор засунул проспект в сумку на поясе.

Не прошли они и десяти шагов, как клерк окликнул:

— Эй, мадам! Постойте — вернитесь, пожалуйста!

Хейзел пошла назад, стиснув зубы:

— Что еще, дружок?

Клерк показал на ее кобуру:

— Пистолет в пределах города носить нельзя.

— Нельзя, значит? — Хейзел достала оружие, открыла магазин и с ухмылкой предложила клерку: — Хочешь конфетку от кашля?

Очень симпатичная леди за стойкой бюро путешествий, убедившись в том, что Стоуны решительно отказываются снять древнюю марсианскую башню возрастом в миллион лет, но

[73] Примечания: 73

Подразумевается пословица «Когда ты в Риме, делай как римляне», смысл которой эквивалентен русским пословицам «с волками жить — по-волчьи выть» и «в чужой монастырь со своим уставом не ходят».

герметизированную и с кондиционером, выдала им список домов и квартир, сдающихся в аренду. Хейзел заявила, что в туристический отель они не пойдут даже на одну ночь, после того как обзвонила три из них и справилась о ценах. В поисках жилья Стоуны исходили половину города. Общественного транспорта не было — некоторые жители пользовались моторизованными роликами, а большинство ходило пешком. План города представлял собой продолговатую шахматную доску, где главные улицы шли параллельно каналу. За исключением нескольких герметизированных зданий в старом городе, все дома были сборными одноэтажными коробками без карнизов и без окон, удручающими своим однообразием.

Первая квартира оказалась двумя клетушками на задах частного дома, удобства общие с хозяевами. Вторая была достаточно большой, но находилась в зоне выбросов большого завода пластмасс. Попахивало, похоже, бутилмеркаптаном, хотя Хейзел сказала, что ей это больше напоминает запах дохлого козла. Третья тоже не отвечала тем требованиям комфорта, которыми Стоуны пользовались на Луне и даже на «Роллинг Стоуне».

Хейзел вышла из последнего осмотренного помещения, отскочила, чтобы не попасть под тележку, которую толкал мальчик-рассыльный, перевела дух и сказала:

— Ну что, дети? Палатку разобьем или вернемся на «Стоун»?

— Как же так? — запротестовал Поллукс. — Нам ведь надо продать велосипеды!

— Заткнись, юноша, — сказал ему брат. — Хейзел, был вроде еще один адрес? «Каса» какая-то?

— Апартаменты «Каса маньяна», на юг вдоль канала, только это, наверное, не лучше других. Ладно, пехота, вперед!

Городская застройка поредела, и они увидели гелиотропическую растительность Марса, жадно тянущуюся к солнцу. Лоуэлл захныкал:

— Хочу на ручки, бабушка Хейзел!

— Не выйдет, золотко, — решительно сказала бабушка, — у тебя ноги помоложе моих.

— У меня тоже ноги болят, — остановилась Мид.

— Чепуха! Тут чуть больше одной трети земного притяжения.

— Может, и так, но это вдвое больше, чем дома, к тому же мы больше полугода находились в невесомости. Далеко еще?

— Слабаки!

Близнецы тоже притомились, но не желали в этом сознаваться. Они договорились оставшуюся часть пути нести Вундера на закорках по очереди. «Каса маньяна» оказалась совсем новенькой, и Стоуны, чьи запросы внезапно снизились, сочли ее подходящей. Стены были из прессованного песка, двойные — для защиты от ночного холода, крыша представляла собой сэндвич из металлических листов, проложенных стекловатой для теплоизоляции. Здание было длинное, низкое и напоминало Хейзел курятник, но она оставила это сравнение при себе. Окон не было, но были в достаточном количестве лампы дневного света и нормальная вентиляция.

Квартира, которую показал им хозяин (он же управляющий), состояла из двух клетушек-спаленок, освежителя и общей комнаты.

Хейзел все осмотрела:

— Мсье д'Авриль, а побольше у вас ничего нет?

— Есть, мадам, есть, но я очень не люблю сдавать большие квартиры такой маленькой семье, когда туристский сезон только начинается. Я принесу вам кроватку для малыша.

Хейзел объяснила, что они ожидают еще двоих взрослых. Хозяин подумал и спросил:

— Не знаете, сколько продлится карантин на «Боге войны»?

— Не имею представления.

— Тогда, может быть, решим этот вопрос, когда дойдет до дела? Я как-нибудь вас устрою, обещаю.

Хейзел решила покончить с этим делом — у нее подкашивались ноги.

— Сколько?

— Четыреста пятьдесят в месяц — четыреста двадцать пять, если возьмете на весь сезон.

Сначала Хейзел слишком удивилась, чтобы протестовать. Цену других квартир она не спрашивала, потому что не собиралась снимать их.

— В кредитках или фунтах? — еле слышно спросила она.

— В фунтах, разумеется.

— Вы понимаете, я не собираюсь покупать этот кур… эту квартиру. Я просто хочу ее снять.

Мсье д'Авриль обиделся:

— Можете не делать ни того ни другого, мадам. Корабли прибывают каждый день, и у меня скоро все будет занято. Мои цены считаются очень умеренными. Ассоциация домовладельцев пыталась заставить меня повысить их, и это факт.

Хейзел порылась в памяти и припомнила, как

нужно сравнивать стоимость гостиницы с месячной арендой квартиры: к суточной цене за квартиру следует дописать ноль. Что ж, может, он и правду говорит — если равняться на гостиничные цены… Она покачала головой:

— Я девушка простая, деревенская, мсье д'Авриль. Во сколько вам обошлось строительство?

Хозяин опять обиделся:

— Вы неправильно смотрите на вещи, мадам. На нас периодически сваливается толпа туристов. Они поживут, потом разлетятся, и мы не получаем вообще никакой платы. И вы не представляете, как изнашивается дом от здешних холодных ночей. Мы не умеем строить, как марсиане.

Хейзел сдалась:

— Скидка, о которой вы упоминали, действует до отлета на Венеру?

— Извините, мадам, — только на весь сезон.

Следующий благоприятный период для отлета на Венеру должен был наступить через девяносто шесть земных дней, или девяносто четыре марсианских, тогда как «весь сезон» продолжался пятнадцать месяцев, больше половины марсианского года. Только тогда Земля и Марс примут положение, при котором возможна орбита с ми-

нимальным расходом топлива.

— Мы берем квартиру на месяц. Можно попросить вашу авторучку? У меня нет при себе столько наличными.

После обеда Хейзел почувствовала себя лучше. Солнце садилось — скоро ночь станет слишком холодной для человека без обогревательного скафандра, а в «Каса маньяна» было уютно, хоть и тесно. Мсье д'Авриль за добавочную, умеренно грабительскую, плату включил им телевизор, и Хейзел впервые за много месяцев насладилась своим сериалом. Она отметила, что в Нью-Йорке сценарий, как всегда, переделали — и, как всегда, не к лучшему. Но некоторые диалоги и основная фабула были узнаваемы.

Этот Властелин Галактики — какой же он все-таки гад! Может, опять его убить?

Завтра можно будет поискать что-нибудь подешевле. Правда, пока сериал держит свою аудиторию, семья голодать не будет, но Хейзел не хотелось представлять себе лицо Роджера, когда он узнает, сколько пришлось заплатить за квартиру. Марс! Посетить его можно, но жить здесь — нет уж. Она нахмурилась.

Близнецы в своей спаленке шептались о каких-то финансовых делах. Мид спокойно вязала,

поглядывая на экран. Увидев лицо Хейзел, она спросила:

— О чем ты думаешь, бабушка?

— А я знаю, о чем она думает! — объявил Лоуэлл.

— Если знаешь, то держи при себе. Да так, Мид, все вспоминаю это ничтожество на таможне. Надо же, нахал какой — сказать, что я не имею права носить оружие!

12. Свободное предпринимательство

На следующее утро, когда после завтрака близнецы отправились захватывать местный рынок, Хейзел предупредила:

— Не опаздывайте к обеду. И постарайтесь не совершать тяжких преступлений.

— Это каких же?

— Сейчас, дай подумаю. Отказ в убежище… загрязнение водных источников… нарушение договора с туземцами… вот как будто и все.

— А убийство?

— Убийство тут в основном рассматривается как гражданское дело — преступника просто обязывают выплачивать заработок жертвы в течение предполагаемого времени жизни последнего. Это дорого. Очень дорого, если судить

по здешним ценам. Можно на всю жизнь в кабалу попасть.

— Хмм… ладно, будем осторожны. Смотри, Пол, не убивай никого.

— Сам смотри, это у тебя дурной характер.

— Чтобы в шесть были тут, мальчики. Часы переставили?

— Пол переставил, а я оставил гринвичское время.

— Разумно.

— Пол! — вмешался Лоуэлл. — Кас! Возьмите меня с собой.

— Нельзя, чадо. Бизнес.

— Возьмите! Я хочу увидеть марсианина. Бабушка Хейзел, когда мы пойдем смотреть марсиан?

Хейзел не знала, что и сказать. Со времени печального, но поучительного инцидента, произошедшего сорок лет назад, основной задачей властей планеты стало удержать людей, особенно туристов, как можно дальше от коренных марсиан. У Лоуэлла было меньше шансов увидеть марсианина, чем у маленького европейца, посетившего Манхэттен, повстречать американского индейца.

— Видишь ли, Лоуэлл…

Близнецы поскорее ушли, не желая быть втянутыми в намечающийся бесплодный спор.

Вскоре они нашли улицу, где размещались магазины для старателей, и выбрали небольшую лавку под вывеской «Анджело и сыновья лимитед. Универсальные поставщики». Вывеска обещала: «Спальные мешки, счетчики Гейгера, велосипеды для пустыни, аналитическое оборудование, шахтерские лампы, огнестрельное оружие, оснастка и скобяные изделия — спрашивайте! У нас это есть или будет».

Внутри они застали одинокого продавца, который, облокотившись на прилавок, ковырял в зубах и играл с чем-то, что бегало по прилавку. Поллукс с любопытством посмотрел на животное: он ничего не мог о нем сказать, кроме того, что оно покрыто мехом и почти круглое. Должно быть, какая-то марсианская хрень. Это можно и потом выяснить — сначала бизнес.

Продавец выпрямился и сказал с профессиональной приветливостью:

— Доброе утро, джентльмены. Добро пожаловать на Марс.

— Откуда вы знаете? — спросил Кастор.

— Что знаю?

— Что мы недавно на Марсе.

— Да трудно сказать. У вас в походке еще сохранилась привычка к невесомости, а вообще — не знаю. Мелочи разные, откладываются автоматически — дело привычки.

Поллукс предостерегающе посмотрел на Кастора, кивнул. Предки этого человека, почувствовал он подсознательно, бороздили воды Средиземного моря, оценивая покупателей на глаз, покупая дешево и продавая дорого.

— Вы мистер Анджело?

— Я Тони Анджело. А вам который нужен?

— Да нет, нам все равно, мистер Анджело. Мы хотели просто посмотреть.

— Милости прошу. Ищете сувениры?

— Все может быть.

— Как вам это? — Мистер Анджело достал из коробки у себя за спиной выщербленную защитную маску. — Эта маска пережила песчаную бурю, ее линзы изъедены марсианскими песками. Можете повесить ее в гостиной и рассказывать жуткие истории о том, как это случилось и как вы чудом остались живы. На вес дозволенного багажа почти не влияет, а я вам дешево уступлю — чтобы продать подороже, мне придется менять линзы.

Поллукс расхаживал по магазину, подбираясь к велосипедам. Кастор решил занять мистера

Анджело разговором, пока брат собирал фактический материал.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Мне бы не хотелось врать.

— Это не вранье, а устное творчество. Такое вполне могло случиться — случилось же с тем парнем, который ее носил. Я его знаю. Ну как хотите. — Анджело спрятал маску обратно. — У меня есть самые что ни на есть настоящие марсианские драгоценности, один К'Раат знает, какие они старые, но они очень дорогие. А есть и другие, которые от настоящих можно отличить разве что в лаборатории в поляризованном освещении. Эти родом из Нью-Джерси и стоят совсем недорого. Какие предпочитаете?

— Прямо не знаю, — продолжал мяться Кастор. — Скажите, мистер Анджело, а что это такое? Сначала я подумал, что это меховая шапка, а теперь смотрю — живое. — Кастор показал на кусочек меха, который медленно скользил по краю прилавка. Анджело подхватил его и вернул на середину:

— Это? Плоский кот.

— Плоский кот?

— У него есть и латинское название, только я никогда не старался его запомнить. — Анджело

пощекотал животное пальцем, и оно замурлыкало, как сигнальный зуммер, но в более высокой тональности. Отличительных черт у него не было — этакий пирожок из гладкого рыжего меха, чуть темнее волос Кастора. — Это привязчивые зверюшки, их многие «песчаные крысы» держат дома — старателю ведь надо с кем-нибудь поговорить, а плоский кот лучше жены, потому что ответить не может. Просто мурлычет да жмется к тебе. Вот возьмите его.

Кастор взял, стараясь не показать, что делает это с опаской. Плоский кот чуть изменил свою форму, чтобы устроиться в изгибе его руки, и перешел на низкие тона, которые отдавались у Кастора в груди. Три глаза-бусинки доверчиво посмотрели на Кастора, потом закрылись и совсем пропали. Зверек вздохнул и прижался покрепче.

— А правда похож на кота, — усмехнулся Кастор.

— Только что не царапается. Хотите купить?

Кастор заколебался. Он вспомнил, что Лоуэлл рвется увидеть «настоящего марсианина». Это ведь тоже марсианин в своем роде? Он живет на Марсе.

— Я не умею с ним обращаться.

— Ничего сложного. Во-первых, они большие

чистюли — с этой стороны никаких хлопот. Едят все, что угодно, а отбросы прямо обожают. Кормите его раз в неделю и давайте воды сколько влезет раз в месяц или в шесть недель — а если не дадите вовремя, тоже ничего. Когда его не кормят и не поят, у него просто замедляются жизненные процессы до следующей кормежки. Вреда ему от этого никакого. В тепле его держать тоже не обязательно. Дайте я вам покажу. — Анджело взял у Кастора кота и подбросил его на ладони. Тот мигом свернулся в шар. — Видите? Как и все живое на Марсе, при плохой погоде он сворачивается. Выживает в любых условиях.

Анджело хотел было рассказать еще об одной особенности рассчитанного на выживание зверька, но решил, что момент неподходящий.

— Ну как? Берите, уступлю недорого.

Кастор решил, что Лоуэллу плоский кот понравится, и потом, этот расход вполне оправдан в целях завоевания расположения партнера.

— Сколько?

Анджело помедлил, прикидывая, как бы не прогадать, — плоский кот на Марсе стоил примерно столько же сколько обычный котенок на миссурийской ферме. С другой стороны, мальчишки, должно быть, богатые — иначе бы тут не

оказались. Видно, деньги им жгут карман. А дела с некоторых пор идут скверно.

— Полтора фунта, — твердо сказал он.

Кастор был удивлен такой низкой ценой.

— Многовато что-то, — автоматически сказал он.

— Он вас полюбил, — пожал плечами Анджело. — Ну, скажем, фунт?

Кастор снова удивился быстроте и размеру скидки.

— Не знаю, право, — промямлил он.

— Ну — минус десять процентов при расчете наличными.

Краем глаза Кастор видел, что Поллукс закончил осмотр загородки с велосипедами и идет обратно, поэтому решил расчистить территорию и завоевать это самое расположение, прежде чем Поллукс перейдет к делу.

— По рукам. — Он выудил фунтовую бумажку, получил сдачу и взял плоского кота на руки. — Иди к папе, Пушистик.

Пушистик прижался к «папе» и замурлыкал.

— Это еще что? — уставился на марсианского зверя Поллукс.

— Знакомься с новым членом семьи. Мы только что купили плоского кота.

— Мы? — Поллукс хотел было заявить, что он к этой глупости отношения не имеет, но вовремя перехватил взгляд Кастора. — Что-то я нигде ценников не вижу, мистер Анджело?

— Верно, — кивнул продавец, — «песчаные крысы» любят поторговаться, и мы идем им навстречу. В итоге мы все равно приходим к той цене, которая стоит в накладной. Они это знают, и мы это знаем, но торг — часть светской жизни старателя, а у него ее и так немного.

— Вон тот, «рейли», спецмодель, сколько стоит?

Поллукс выбрал «рейли», потому что почти такой же велосипед отец забрал для капитана Ванденберга, уходя на карантин.

— Хотите купить этот велосипед?

Кастор качнул головой на одну шестнадцатую дюйма. Поллукс ответил:

— Да нет, просто прицениваюсь. Мне он ни к чему, мы скоро улетаем в сторону Солнца.

— Ну, поскольку постоянных покупателей не видно, я вам скажу. Он стоит триста семьдесят пять фунтов — и это твердая цена!

— Ого! Дороговато.

— Дешевле не найдете. Смотрите, какой красавец. Попробуйте поищите в других магазинах.

— Мистер Анджело, — осторожно сказал Кастор, — а если я вам предложу такой же, подержанный, но отремонтированный и с виду как новый, за половину этой цены?

— Я скажу, что вы не в своем уме.

— Я серьезно. У меня есть товар, и я хочу его продать. Я могу сделать скидку — вам или одному из ваших конкурентов. Я не собираюсь заниматься розничной торговлей, это предложение для дилеров.

— Мм… значит, вы не за сувенирами пришли?

— Нет, сэр.

— Если б вы пришли ко мне с этим месяца четыре назад и дело бы оказалось стоящим, я бы за него ухватился. А теперь… увы — нет.

— Почему? Я предлагаю вам хороший велосипед. Это выгодная сделка.

— С этим не поспоришь. — Анджело погладил плоского кота на руках у Кастора. — А впрочем, черт с ним — почему бы и не сказать? Пошли.

Он повел близнецов через дверь за прилавком, мимо полок, забитых товарами, на задний двор. И махнул рукой в сторону стеллажей с товаром, знакомым братьям до боли.

— Видите? Подержанные велосипеды. Тот сарай, что позади, ими битком набит, поэтому эти

приходится держать во дворе.

Кастор постарался скрыть удивление и разочарование.

— Ваши велосипеды, — сказал он, — все изношены и исцарапаны. А у меня они как новые и работать будут как новые, и я могу их продать дешевле вашего, намного дешевле. Вы точно не хотите хотя бы приценицься?

Анджело покачал головой:

— Признаться, братец, я не распознал в тебе оптовика. Однако у меня для тебя плохие новости. Ты не сможешь их продать ни мне, ни моим конкурентам, ты не сможешь их продать никому.

— Почему?

– Потому что тут нет на них покупателей.

— Как?

— Вы не слыхали об Аллилуйском узле? Не видите разве, что в магазине нет ни одного покупателя? Три четверти марсианских «песчаных крыс» заявились в город, но не за покупками — о велосипедах и говорить нечего. Все повалили на астероиды — нанимают корабли и летят. Вот откуда у меня подержанные велики — пришлось взять их в заклад, и вот почему вам не удастся продать свои. Очень жаль — я бы с вами с удовольствием сговорился.

Близнецы слышали об астероидах — новость об открытии на узле Аллилуйя одновременно урана и металлов планетного ядра они узнали еще в космосе. Но это вызвало у них только отвлеченный интерес — ведь астероиды больше не входили в их планы.

— Двое моих братьев уже отправились туда, — продолжал Анджело, — я бы и сам не прочь туда рвануть, да вот магазин на мне. Мне бы закрыться и переделать его в лавку для туристов, да надо избавиться от нынешнего товара. Вот такие дела.

Близнецы удалились из магазина, как только позволило приличие.

— Велосипед не хочешь купить, лопух? — спросил Поллукс.

— Спасибо, у меня уже есть. Плоского кота не хочешь купить?

— Не очень. Слушай, пошли в порт. Если будет туристский рейс, может, удастся всучить его другому лопуху. Может, сможем даже заработать на плоских котах.

— Нет. Пушистик для Вундера, это решено. Но все равно пошли: может, наши велики уже прибыли.

— Да кому они нужны?

— Мне. Даже если их нельзя продать, можно

хотя бы взять парочку и ездить на них. У меня уже ноги гудят.

Их багаж еще не прибыл с Фобоса, но ожидался примерно через час. Близнецы зашли в «Обеды старого Юга и прохладительные напитки» напротив зала прибытия. Они попивали содовую, гладили Пушистика и размышляли над своей неудачей.

— Меня не столько деньги волнуют… — начал Кастор.

— А меня как раз они.

— Ну, меня тоже, но главное — как посмеется отец, когда узнает. И что он скажет.

— Не говоря уж о Хейзел.

— Да, Хейзел. Юноша, нам обязательно надо на чем-нибудь заработать до того, как мы им скажем.

— На чем? Наши вложения накрылись. И отец не дал бы нам больше ни гроша из наших денег, будь он даже тут, но его тут нет.

— Значит, надо заработать без капитала.

— Так много не заработаешь. Настоящих денег, я имею в виду.

— Хейзел загребает кредитки без всякого капитала.

— Ты предлагаешь написать телевизионный

сериал? — ужаснулся Поллукс.

— Нет, конечно. У нас его никто и не возьмет. Но способ должен быть. Думай.

После мрачной паузы Поллукс сказал:

— Дедуля, ты не обратил внимания — в приемном зале висело объявление: в следующем месяце будет чемпионат Марса по шахматам?

— Нет. А что?

— Тут на шахматистов делают ставки, как на скаковых лошадей на Земле.

— Не люблю ставить. Проиграть можно.

— Иногда можно проиграть. Но что, если мы заявим Вундера?

— С ума сошел? Вундер — против лучших мастеров Марса?

— А что? Хейзел была чемпионкой Луны, а Вундер все время ее обыгрывает.

— Ты же знаешь почему. Он читает ее мысли.

— О чем я и говорю.

— Это нечестно, юноша, — покачал головой Кастор.

— Что-то я не помню, чтобы принимали закон против телепатии.

— Все равно — мы не знаем точно, читает он ее мысли или нет. И сможет ли читать мысли посторонних людей. А на хорошую ставку у нас

нет денег. Да еще и проиграем. Нет.

— Ладно, это была просто версия. Послушаем твою.

Кастор нахмурился:

— Ничего не лезет в голову. Пойдем посмотрим, может, наши велики пришли. Тогда устроим себе отдых и поедем смотреть город. За те деньги, что мы в них вложили, можем и покататься. — Кастор встал.

Поллукс остался сидеть, уставившись в свой стакан.

— Пошли, — поторопил его Кастор.

— Сядь, дедуля, — сказал Поллукс. — У меня, кажется, идея.

— Не спугни.

— Тихо!

Немного погодя Поллукс сказал:

— Вот мы с тобой, дедуля, только что прибыли сюда, собрались на экскурсию — и сразу вспомнили о наших велосипедах. А почему бы не предложить их туристам — не бесплатно, конечно?

— Да? — Кастор обдумал идею. — Тут, наверно, есть какая-то загвоздка, не то этим кто-нибудь занялся бы задолго до нас.

— Не обязательно. Туристическую визу на Марс

стали выдавать только несколько лет назад — или ты колонист, или тебя вообще не пускали. По-моему, никому еще не приходило в голову ввозить на Марс велосипеды для туристов. Велосипеды стоят дорого, и их поставляли только для старателей — для дела, потому что «песчаная крыса» на велосипеде может покрыть расстояние в четыре-пять раз больше, чем пешком. Спорю, никто еще не додумался поставлять сюда велосипеды для отдыха.

— Ну и как ты это себе представляешь? Нарисуем вывеску, станем под ней и будем кричать: «Велосипеды! Возьмите велосипед! Туристу на Марсе без велосипеда не обойтись!»?

Поллукс обдумал это.

— Не самый худший вариант, — сказал он. — Но лучше попробовать продать их тому, кто способен организовать это дело. Мы ведь даже место для своей базы проката снять не сможем.

— В этой идее есть одно слабое место. Мы обращаемся к такому человеку, а он? Он не берет наши велосипеды, а идет к Тони Анджело, договаривается с ним и берет в аренду велосипеды Анджело по более низкой цене.

— Ты думай головой, дедуля. Анджело и другие торговцы не станут сдавать свои велосипеды

напрокат — они им слишком дорого стоили. А туристы не станут брать тот хлам, что лежит у Анджело на складе. У них отпускное настроение — им хочется чего-нибудь новенького, веселенького и блестящего. Имей в виду — для проката наши велики не просто «как новые», а по-настоящему новые. Всякий, кто берет вещь напрокат, знает, что ею уже пользовались, и доволен, если она выглядит новой.

— Ладно, убедил. — Кастор снова встал. — Теперь посмотрим, удастся ли уговорить кого-нибудь. Выбирай жертву.

— Садись, куда спешить? Может, наш благодетель здесь, под одной с нами крышей.

— Чего?

— Что первым делом видит турист, выходя из здания порта? «Обеды старого Юга». А пункт проката надо устроить как раз перед рестораном.

— Давай поищем хозяина.

…Джо Паппалопулис был на кухне и вышел к ним, вытирая руки о передник:

— В чем дело, ребята? Сода не понравилась?

— Нет, сода отличная! Послушайте, мистер Паппалопулис, вы не можете уделить нам несколько минут?

— Зовите меня Поппа, не то надорветесь. Ко-

нечно могу.

— Спасибо. Я Кас Стоун, а это мой брат Пол. Мы живем на Луне, а сюда прибыли с грузом, который может представлять для вас интерес.

— Импортные продукты? Я ими мало пользуюсь — только кофе да специями.

— Нет-нет, не продукты. Не хотели бы вы добавить к своему ресторанному бизнесу еще одно направление? Доход увеличится вдвое, а потратиться придется только раз.

Хозяин взял нож и стал чистить ногти.

— Говори, я слушаю.

Разговор продолжил Поллукс, изложив детали своего плана с заразительным энтузиазмом. Паппалопулис время от времени поднимал на него глаза, но ничего не отвечал. Когда Поллукс начал выдыхаться, подхватил Кастор:

— И не только сдавать машины на час, на день или на неделю — вы будете устраивать экскурсионные туры и брать за них дополнительную плату.

— Гидам вы жалованье платить не будете — это они будут вам платить за концессию, а вы им — процент от сбора за экскурсию.

— И они тоже будут брать у вас велосипеды напрокат.

— Никаких накладных расходов — у вас и так лучшее место во всем городе. Просто будете выходить каждый раз, когда приходит челнок, или платить кому-нибудь из гидов комиссионные, чтобы он последил за стоянкой в перерывах.

— А лучше всего — долгосрочный контракт. Турист хочет взять велосипед на день, а вы ему объясняете, насколько дешевле будет взять его на весь срок пребывания, — и велосипед у вас окупится за один сезон. Своих денег вы больше не будете тратить.

Ресторатор отложил нож и сказал:

— Тони Анджело — хороший бизнесмен. Почему бы мне не купить подержанные велосипеды у него да подешевле?

Кастор принял вызов.

— А вы посмотрите на его велосипеды. Они же все побитые, шины изношены. И мы готовы отпустить свой товар дешевле, чем он, притом что велосипеды у нас лучше.

— Какую цену он бы ни назвал?

— Реальную цену, не взятую с потолка. Если цена будет действительно низкой, мы сами купим его велосипеды. — Поллукс предостерегающе посмотрел на брата, но тот гнул свое: — Мы назначаем цену ниже любой разумной цены, которую

назначит он, — при лучшем качестве товара. Пойдемте посмотрим его велосипеды.

— Велосипеды, которые приходят из пустыни, я видел. — Паппалопулис встал. — Пойдем на ваши посмотрим.

— Может, они еще не пришли…

Но они пришли. Джо Поппа осмотрел велосипеды с непроницаемым лицом, но близнецы в душе порадовались, что не пожалели на них времени, — такие они были красивые, свежевыкрашенные, в нарядных полосках, сверкающие полировкой и переводными картинками.

Кастор выбрал три машины, которые, как он знал, были в отменном состоянии.

— Может, покатаемся? Мне тоже хочется совершить экскурсию — бесплатно.

— А что? — в первый раз улыбнулся Паппалопулис.

Они проехались вдоль канала на север до самой атомной станции, потом обогнули город и вернулись по бульвару Кларка к залу прибытия и «Обедам старого Юга». Когда они остановились и вернули велосипеды в общую груду, Кастор подал Поллуксу знак и настало выжидательное молчание.

Помолчав, хозяин ресторана сказал:

— Хорошо прокатились, ребята. Спасибо.

— Пожалуйста, не стоит.

Поппа посмотрел на велосипеды:

— Сколько за них?

Кастор назвал цену. Паппалопулис печально покачал головой:

— Это большие деньги.

Не успел Поллукс сбавить цену, Кастор сказал:

— Не спешите, обдумайте варианты. Мы могли бы тоже войти в дело, но подумали, что вы предпочитаете, чтобы велосипеды были ваши. Давайте станем компаньонами: вы организуете дело, а мы предоставляем велосипеды. Поделим поровну валовую прибыль, а накладные расходы — ваши. Это будет честно?

Паппалопулис погладил плоского кота.

— С компаньонами одни недоразумения, — сказал он задумчиво.

— Смотрите, как вам удобнее. Скидка пять процентов при расчете наличными.

Паппалопулис извлек пачку денег, которой могла бы подавиться венерианская песчаная свинья среднего размера:

— Я беру их.

Вторую половину дня близнецы гуляли по городу пешком и присматривали подарки для прочих

Стоунов. Возвращаясь домой, они снова прошли мимо порта и ресторана Поппы. На вывеске теперь значилось:

ОБЕДЫ СТАРОГО ЮГА
и
ТУРИСТИЧЕСКОЕ БЮРО
Содовая * Сувениры * Сладости
Экскурсионные туры
ПРОКАТ ВЕЛОСИПЕДОВ
К вашим услугам гиды
Посетите древние руины Марса!!!

— Быстро действует мужик, — заметил Поллукс. — Может, тебе все же стоило настоять на партнерстве.

— Не жадничай. Прибыль мы получили, так или нет?

— А что я говорил? Ну, пошли отнесем Пушистика Вундеру.

13. «Caveat vendor!»[74]

Мгновенного успеха Пушистик не удостоился.

— Где у него ноги? — мрачно спросил Лоуэлл. —

---

[74] Примечания: 74

«Берегись, торговец!» *(лат.)*; перефразированное обращение римского сената «Будьте бдительны, консулы».

Если он марсианин, у него должно быть три ноги.

— Ну, есть такие марсиане, у которых вообще нет ног, — сказал Кастор.

— Докажи!

— У него же нет ног — вот тебе и доказательство.

Мид взяла Пушистика на руки — он тут же завел свой мотор, и Лоуэлл потребовал его себе. Мид отдала и сказала:

— Не могу понять, почему у такого беззащитного существа такая яркая окраска.

— А ты подумай, кисонька, — ответила Хейзел. — Положи его на песок в пустыне, отойди на десять ярдов, и ты его не найдешь. Неплохая мысль, кстати.

— Нет! — сказал Лоуэлл.

— Что «нет», милый?

— Нельзя, чтобы Пушистик потерялся. Он мой.

Мальчик прижал плоского кота к себе и ушел, напевая ему колыбельную. Может, у Пушистика и не было ног, зато он умел приобретать друзей: тот, кто брал его на руки, ни за что не хотел отпускать. Уж очень приятно было гладить его по шерстке. Хейзел попыталась проанализировать это явление, но не смогла.

Никто не знал, когда отменят карантин на «Боге войны». Поэтому Мид очень удивилась, вернувшись как-то утром в «Каса маньяна» и застав в большой комнате отца.

— Папа! — завопила она, бросаясь к нему. — Ты когда прилетел?

— Только что.

— И мама с тобой?

— Да. Она в освежалке.

Лоуэлл стоял на пороге, бесстрастно наблюдая за ними. Роджер высвободился из объятий дочери и сказал:

— Доброе утро, Вундер.

— Доброе утро, папа. Это Пушистик. Он марсианин. А еще он плоский кот.

— Очень приятно, Пушистик. Плоский кот, говоришь?

— Да.

— Прекрасно, только он больше смахивает на парик.

Вышла доктор Стоун и подверглась столь же бурному приему со стороны Мид. Лоуэлл позволил ей себя поцеловать и сказал:

— Мама, это Пушистик. Поздоровайся с ним.

— Здравствуй, Пушистик. Мид, а где братья? И бабушка?

Мид тут же помрачнела.

— Я боялась, что ты об этом спросишь, — сказала она. — Близнецы опять в тюрьме.

— О нет, только не это! — простонал Роджер Стоун. — Эдит, надо было нам остаться на Фобосе.

— Да, дорогой.

— Что ж, давай посмотрим правде в глаза. В чем их обвиняют на этот раз, Мид?

— Мошенничество и сговор с целью уклонения от таможенных пошлин.

— Это уже лучше. В предпоследний раз, если помнишь, их обвиняли в экспериментах с атомной энергией в пределах города и без дозволения властей. Но почему они не вышли под залог? Или есть еще что-то похуже, просто ты не говоришь?

— Нет, просто суд арестовал их банковский счет, а Хейзел не захотела за них платить. Говорит, что им безопасней оставаться там, где они есть.

— Молодец Хейзел!

— Папа, если мы поторопимся, то успеем попасть на заседание суда. Я вам с мамой все расскажу по дороге.

Обвинение в мошенничестве исходило от мистера Паппалопулиса, а вторая часть обвинения — непосредственно от правительства планеты.

Марс совсем недавно провозгласил суверенитет, его экономика была на подъеме, но он был еще только на пути к независимости, поэтому в основе его политики лежал протекционизм. Большинство товаров Марс импортировал и мало что мог предложить на экспорт, что могло бы конкурировать с земными ценами. Поэтому все его экономические законы и правила были направлены на погашение хронического торгового дисбаланса. Изделия, не производимые на Марсе, но необходимые для его экономики, налогом не облагались; предметы роскоши облагались по очень высокой ставке; изделия, производимые на Марсе, с помощью эмбарго были полностью защищены от инопланетной конкуренции.

Велосипеды Комиссия по импорту классифицировала как изделия, свободные от налога, поскольку они были необходимы для изыскательских работ, но велосипеды, используемые для туризма, подпадали под категорию «предметы роскоши». Таможенные власти проследили за судьбой груза «Роллинг Стоуна».

— Их, конечно, кто-то навел, — продолжала Мид, — но мистер Анджело клянется, что не он, и я ему верю. Он славный.

— С этим все ясно. А как насчет мошенниче-

ства?

— А, это! Велосипеды сразу же конфисковали в счет неуплаты налогов и штрафа, после чего их новый владелец дал показания, обвинив близнецов в мошенничестве. Еще он предъявил им гражданский иск, но, кажется, Хейзел это уладила. Мистер Поппа говорит, что хочет только вернуть велосипеды — он теряет деньги, а против ребят он ничего не имеет.

— Я бы на его месте имел, — мрачно ответил Роджер, — я с этих мальчишек шкуру сдеру тупым ножом. А почему Хейзел думает, что сможет уладить дело с мистером Поппа — или как его там? Вот что я хотел бы знать.

— Она добилась, что суд постановил вернуть мистеру Поппа велосипеды на время слушания дела, а она обязалась внести залог. Поэтому мистер Поппа снял обвинение в мошенничестве, но не отказывается от гражданского иска о возмещении ущерба.

— Хмм… мой банковский счет чувствует себя немного лучше. Что ж, дорогая, придется пойти и заняться этим делом. Кажется, тут нет ничего такого, что не помогла бы уладить толстая чековая книжка.

— Да, дорогой.

— Напомни, чтобы я купил тут пару орегонских башмаков[75], когда соберемся домой. Мид, каков размер налога?

— Сорок процентов.

— Это еще ничего. Может, их прибыль его покроет.

— Но это еще не все, папа. Сорок процентов, да сорок процентов штрафа, да конфискация велосипедов…

— Да еще две недели у позорного столба, надеюсь?

— Папа, не делай ничего сгоряча. Их защиту ведет Хейзел.

— С каких это пор ей разрешено выступать в суде?

— Не знаю, но с этим, кажется, все в порядке. Она, например, добилась того постановления.

— Дорогой, — сказала доктор Стоун, — может быть, взять мальчикам настоящего адвоката? Твоя мать — замечательный человек, но она иногда бывает чуточку порывистой.

— Если ты хочешь сказать, что она ненормальная, как скошенная орбита, то я с тобой согласен. И тем не менее я ставлю на Хейзел. Пусть она ве-

---

[75] Примечания: 75

Орегонский башмак — альтернатива чугунного шара на ноге заключенного.

дет дело. Возможно, это обойдется мне дешевле.

— Как скажешь, дорогой.

Они пробрались на задние места в зале суда, который в остальные дни служил, похоже, церковью. Хейзел вела разговор с судьей. Она видела, как вошли все трое, но сделала вид, что не узнает их. Близнецы, очень, удрученные, сидели перед судейским столом. Они узнали родителей, но по примеру Хейзел не подали виду.

— С позволения суда, — говорила Хейзел, — я здесь иностранка. Я не искушена в ваших законах и не посвящена в ваши обычаи. Если я ошибусь, заранее прошу суд извинить меня и вернуть на правильный путь.

— Мы ведь уже обсуждали это утром, — откинувшись на спинку кресла, сказал судья.

— Разумеется, судья, но это хорошо звучит в записи.

— Хотите, чтобы я вернулся к этому?

— О нет! Мы решим дело прямо сейчас — так я чувствую.

— Я бы не стал полагаться на чувства. Я говорил вам утром, что проконсультирую вас относительно законов, если возникнет необходимость. Что касается судейских формальностей, то у нас здесь фронтир. Я еще помню времена, когда, если

кто-нибудь совершал проступок, вызвавший общее неодобрение, просто созывали городское собрание и подсчитывали поднятые руки, и уверен, правосудие срабатывало не хуже, чем при любом другом порядке. Времена переменились, но не думаю, чтобы наш суд слишком стеснял себя этикетом. Продолжайте.

— Благодарю вас, судья. Этот молодой человек, — она ткнула большим пальцем в сторону обвинителя, — хотел заставить суд поверить в то, что мои мальчики состряпали злодейский план с целью лишения граждан этой страны их законного дохода. Я это отрицаю. Затем он уверяет, что мальчики, составив этот Макиавеллиев заговор, привели его в исполнение и думали, что им все сошло с рук, однако их настигла неспешная, но неотвратимая рука правосудия. Это тоже сплошной вздор.

— Минутку. Кажется, утром вы признавали факты обвинения?

— Я признала, что мои мальчики не уплатили пошлину за велосипеды. Ничего другого я не признавала. А не уплатили пошлину они потому, что никто с них ее не требовал.

— Я понял вашу позицию. Вам придется обосновать ее и подтвердить позднее свидетельскими

показаниями. Как видно, наше дело затянется.

— Не обязательно, если мы все скажем правду, и только правду. — Хейзел помолчала. — Уорбертон… Уорбертон… ваша фамилия Уорбертон, судья? Родственников на Луне нет?

Судья расправил плечи.

— Я потомственный гражданин свободного государства, — гордо сказал он. — Оскар Уорбертон был моим дедом.

— Точно! — сказала Хейзел. — Меня это мучило все утро, но колесики никак не зацеплялись, пока я только что не увидела вас в профиль. Я хорошо знала вашего дедушку, я ведь тоже «отец-основатель».

— Как так? В списке не было никаких Стоунов.

— Хейзел Мид Стоун.

— Вы Хейзел Мид? Да не может быть — вы же умерли!

— Посмотрите хорошенько, судья. Я Хейзел Мид.

— К'Раат милосердный! Извините, мэм. Нам нужно будет встретиться и потолковать, когда все это кончится. — Судья выпрямился. — Я надеюсь, вы понимаете, что это никоим образом не повлияет на ход судебного процесса?

— Естественно! Но признаюсь, мне все-таки

стало легче, когда я узнала, кто ведет дело. Ваш дедушка был справедливый человек.

— Спасибо. Итак, мы продолжаем?

Молодой обвинитель встал:

— С позволения суда!..

— Чего «с позволения суда»?

— Мы считаем это совершенно недопустимым. Мы считаем, что в сложившихся обстоятельствах единственной надлежащей процедурой будет заявление суда о самоотводе. Мы считаем…

— Брось ты это «мы», Герберт. Ты не издатель и не августейшая особа. Возражение отклоняется. Ты не хуже меня знаешь, что судья Бонелли заболел. Я не собираюсь нарушать порядок сессии из-за какой-то ложной теории, по которой я не могу сосчитать, сколько будет дважды два. — Он посмотрел на часы. — Собственно говоря, если никто из вас не в состоянии представить новые факты — факты, а не теории, — я могу констатировать, что вы оба ссылаетесь на те же самые факты. Есть возражения?

— У меня нет, судья.

— Нет возражений, — устало сказал обвинитель.

— Можете продолжать, мэм. Думаю, мы сможем закруглиться минут через десять, если вы оба

будете придерживаться сути дела. Послушаем вашу версию.

— Да, ваша честь. Сначала я попрошу вас взглянуть на этих двух невинных юношей и самим убедиться, что они не могут быть преступниками.

Кастор и Поллукс сделали героическое усилие, чтобы соответствовать характеристике, но это им не очень-то удалось.

Судья Уорбертон посмотрел на них и поскреб подбородок.

— Это только утверждение, мэм. Я что-то не заметил у них крылышек.

— Тогда забудьте о нем. Это пара сорванцов, и для меня они — чистое наказание. Но на этот раз они не сделали ничего плохого и заслуживают благодарности от вашей Торговой палаты и от граждан Марсианской республики.

— Первая часть звучит правдоподобно. Вторая лежит за пределами юрисдикции данного суда.

— А вот увидим. Ключевой вопрос здесь — является ли велосипед орудием труда или предметом роскоши. Верно?

— Верно. Все дело в том, как был использован импортированный товар. Наша тарифная политика в этом отношении проявляет гибкость.

Желаете, чтобы я сослался на сходные прецеденты?

— О, не трудитесь!

Роджер посмотрел на мать.

— Хейзел, похоже, что товар был использован для туризма, что подсудимые знали об этом, что они даже сами предложили использовать товар таким образом и построили на этом свои торговые переговоры, не удосужившись уведомить покупателя о таможенном статусе упомянутого товара. Правильно?

— Все точно — до девятого знака за запятой, судья.

— Я что-то не улавливаю суть вашей версии. Возможно, вы не согласны с тем, что туризм — это роскошь?

— Роскошь и есть!

— Мадам, по-моему, вы действуете не на пользу своим внукам. Если вы возьмете самоотвод, я назначу им адвоката.

— А вы спросите у них, судья.

— Я так и намеревался поступить. — Он вопрошающе посмотрел на близнецов. — Вы довольны вашей защитой?

Кастор, переглянувшись с Поллуксом, быстро ответил:

— Мы так же недоумеваем, как и вы, сэр, но мы полагаемся на бабушку.

— Что ж, отдаю должное вашему мужеству. Продолжайте, мэм.

— Мы сошлись на том, что туризм — это роскошь. Но роскошь — понятие относительное. Роскошь для *кого*? Жареный молочный поросенок — это роскошь для нас с вами…

— Уж конечно. Ни разу не пробовал его на этой планете.

— …но безвременная смерть для поросенка. Могу ли я дать юридическую оценку отрасли, называемой «невидимым экспортом Марса»?

— Индустрии туризма? Разумеется, если это необходимо для вашей версии.

— Протестую!

— Попридержи свой протест, Герберт, возможно, она не сможет доказать наличие связи. Продолжайте.

— Выясним, кто же кушает этого поросенка. Ваши тарифные правила, как уже объяснялось, направлены на то, чтобы граждане республики не тратили ценную иностранную валюту на ненужные прихоти. У вас существует дисбаланс в торговле…

— К сожалению, это так. И мы не намерены его

увеличивать.

— Вот к этому я и веду. Кто платит по счету? *Вы* поедете осматривать достопримечательности? Или он? — Она указала на обвинителя. — Черта с два! Вы и так уже все видели. А вот *я* – нет. Я — турист. С неделю назад я взяла напрокат велосипед и тем самым помогла уменьшить ваш торговый дисбаланс. Ваша честь, мы утверждаем, что прокат велосипедов туристам, хотя он и является для последних роскошью, есть производственная статья экспорта к несомненному благу всех граждан республики. Следовательно, велосипеды являются орудиями производства в полном соответствии с вашими тарифами!

— У вас все?

Она кивнула.

— Герберт?

— Ваша честь, эти просто смешно! Обвинение четко сформулировало свою позицию, а защита даже не пыталась ее оспорить. Никогда не слышал более нелепой смеси заявлений и искажений фактов! Но я уверен, что суду факты ясны. Конечная цель использования — туризм, который даже защита признала роскошью. А роскошь есть роскошь…

— Не для поросенка, сынок.

— Для поросенка? Какого поросенка? Никаких поросят в этом деле нет. На Марсе вообще нет поросят. Если мы…

— Герберт! Ты можешь что-нибудь добавить?

— Я… Извини, папа, я увлекся, — смешался молодой человек. — Обвинение высказалось.

— Хороший парень, — сказал судья Хейзел, — только горячий, вроде ваших. Я еще сделаю из него юриста. — Он выпрямился. — Суд объявляет перерыв на десять минут, чтобы выкурить трубочку. Не расходитесь. — И судья выскользнул из зала.

Близнецы заерзали и зашептались. Хейзел, встретившись глазами с сыном и невесткой, важно подмигнула им. Судья Уорбертон вернулся меньше чем через десять минут, и пристав призвал к порядку. Судья устремил взгляд на подсудимых и торжественно сказал:

— Суд постановляет считать фигурирующие в деле велосипеды орудиями производства согласно тарифному своду. Подсудимые оправданы и освобождаются из-под стражи. Клерк вернет вам залог.

Раздались жидкие аплодисменты, зачинщицей которых была Хейзел.

— Прошу без демонстраций! — резко сказал

судья. — Вам очень повезло — понимаете вы это или нет? — обратился он к близнецам.

— Да, сэр!

— Тогда долой с глаз моих и постарайтесь впредь избегать неприятностей.

Воссоединение семьи ознаменовалось праздничным ужином, хотя над близнецами еще осталось висеть небольшое облачко. Обед был еще и вкусным, поскольку доктор Стоун вновь взяла приготовление пищи в свои руки. К ужину пришел капитан Ванденберг, прибывший на одном челноке со Стоунами.

Телевизор переставили на кровать Мид и открыли дверь в спальню близнецов, чтобы вдвинуть туда стул капитана, так что все уместились за столом. Пушистик сидел у Лоуэлла на коленях — до сих пор у плоского кота был свой стул.

Роджер Стоун попытался отодвинуться, чтобы уместить свои колени, и уперся в стену.

— Эдит, надо бы нам поискать помещение побольше.

— Да, дорогой. Мы с Хейзел уже говорили с хозяином.

— И что же он?

— Я этого поганца зарежу, — вмешалась Хейзел. — Я напомнила ему, что он обещал устроить

нас, когда приедут еще двое. А он смотрит невинными глазами и говорит — я же дал вам еще две детские кроватки. Лоуэлл, прекрати кормить эту швабру со своей ложки!

— Хорошо, бабушка Хейзел. Можно взять твою?

— Нет. Но все-таки он согласился отдать нам квартиру Буркхардтов, когда начнется отлет на Венеру. Там на одну спальню больше.

— Это лучше, — согласился Роджер Стоун, — но тоже не дворец, а отлет на Венеру начнется только через три недели. Эдит, надо было нам сохранить за собой свою каютку на «Боге войны». Как, Ван? Гостей принимаешь? До старта на Венеру?

— Конечно.

— Папочка! Неужели вы уйдете *опять*?

— Я шучу, кнопка.

— А я нет, — сказал капитан лайнера. — Хоть до старта на Венеру, хоть до Венеры и обратно на Луну — как хотите. Сегодня я получил официальное подтверждение, что мое предложение принято. Вы оба можете бесплатно летать на «Боге войны», пока смерть или акт о списании не разлучит нас. Ну как? Летим со мной на Венеру?

— Мы уже были на Венере, — заявила Мид. —

Унылое место.

— Полетите вы или нет, — заметила Хейзел, — не часто удается добиться такого от «Четырех планет». Обычно у этих мошенников и ведра вакуума не выпросишь.

— Они побоялись, что Адмиралтейский суд все равно присудит им это, — сухо сказал Ванденберг. — Кстати, о суде — я слышал, Хейзел, вы сегодня блестяще провели защиту. Так вы еще и юрист вдобавок ко всем прочим вашим талантам?

— Нет, — ответил за нее сын, — у нее просто язык хорошо подвешен.

— Так я, по-твоему, не юрист?

— Нет.

— Ошибаешься.

— Когда это ты успела? Уточни.

— Давным-давно, в Айдахо — тебя еще и на свете не было. Просто никогда не случалось об этом упоминать.

Ее сын скептически посмотрел на нее:

— Хейзел, как удачно, что архивы в Айдахо так далеко от нас!

— Не хами, мальчик. Впрочем, здание суда там все равно сгорело.

— Я так и думал.

— Во всяком случае, — примирительно сказал Ванденберг, — Хейзел вытащила мальчишек. Когда я об этом услышал, то подумал, что их хотя бы заставят уплатить пошлину. Вы, должно быть, очень неплохо заработали, ребятки.

— Да, ничего, — признался Кастор.

— Ничего особенного, — поправил брата Поллукс.

— А вы посчитайте, — весело сказала Хейзел, — потому что я потребую с вас гонорар размером ровно в две трети вашей чистой прибыли — за то, что спасла ваши шеи от петли.

Близнецы разом подняли на нее глаза.

— Хейзел, ты серьезно? — неуверенно спросил Кастор.

— Еще бы!

— Не дразни их, мама, — вступилась доктор Стоун.

— Я не дразню, а хочу, чтобы это послужило им уроком. Мальчики, тот, кто садится играть, не зная местных правил? Лопух. И пора вам это усвоить.

— Это не так уж важно теперь, когда правительство… — тактично начал Ванденберг и вдруг остановился. — Что это за…

— Что случилось, Ван? — спросил Роджер.

Лицо капитана прояснилось, и он усмехнулся:

— Да ничего. Это ваш плоский кот залез мне на ногу. А я было решил, что попал в твой телефильм.

— Не мой, а Хейзел. И у нее это был бы не плоский кот, а человеческая кровь.

Капитан взял Пушистика, погладил и вернул Лоуэллу.

— Он марсианин, — объявил Лоуэлл.

— Да ну?

— В этой ситуации есть нюансы, — быстро заговорила Хейзел, — которые трудно обнаружить без соответствующей оптики. Данная незрелая зигота перманентно стремится ознакомиться с доминирующим типом аборигена, а именно с триангулярным его подвидом. Но без некоторой доли благодетельной лжи экземпляр «А» выступает как суррогат — по духу, если не по букве. Дошло, сынок?

— Вроде бы, — моргнул Ванденберг. — Это как раз неплохая замена. Они и правда симпатичные зверюшки, только на свой корабль я бы такого не взял. Они…

— Она хотела сказать, — объяснил Лоуэлл, — что я хочу посмотреть марсианина с ногами. Я правда хочу. Вы знаете такого?

— Я старалась, котик, — сказала Хейзел, — но они для меня слишком большие.

— Он это серьезно? — Капитан внимательно посмотрел на Лоуэлла.

— Боюсь, что да.

— Мэм, — обратился капитан к доктору Стоун, — у меня тут есть кое-какие связи, и дело можно уладить, несмотря на договор. Есть, конечно, некоторый риск — небольшой, на мой взгляд.

— Капитан, — ответила доктор Стоун, — я никогда не считала риск определяющим фактором.

— Это я уже понял, мэм. Так я попытаюсь?

— Если вам не трудно.

— Это в счет моего долга. Я вам сообщу. — И капитан сменил тему, обратившись к близнецам: — Какой вам насчитали налог с прибыли?

— Налог с прибыли?

— Что, еще не подсчитывали?

— Мы и не знали, что существует такой.

— Вижу, вы еще не освоились с экспортом-импортом, во всяком случае на Марсе. Для граждан республики налог, разумеется, включается в подоходный, граждане других планет платят разовый налог с каждой сделки. Поищите-ка себе налогового консультанта — формула довольно сложная.

— Не будем мы его платить! — сказал Поллукс.

— Вы мало насиделись в тюрьме? — вкрадчиво спросил отец.

Поллукс умолк, и близнецы стали шептаться, обмениваясь выразительными взглядами и пожимая плечами. Потом Кастор встал:

— Папа, мама, можно нам выйти из-за стола?

— Конечно, если сможете вылезти.

— А десерт, мальчики?

— Спасибо, нам не хочется.

Близнецы отправились в город и вернулись через час — правда, без консультанта, но со справочником по налогам, который нашли в Торговой палате. Взрослые еще сидели в большой комнате за разговором, стол сложили и подняли к потолку. Близнецы протиснулись мимо их колен к себе в комнату и там шептались некоторое время.

Вскоре они вышли.

— Просим прощения, Хейзел!

— Что, Кас?

— Ты сказала, что твой гонорар равен двум третям нашей прибыли.

— А ты что, приятель, улизнуть собрался? Со мной это не…

— Да нет, мы заплатим. — И он отсчитал в руку Хейзел с полдюжины мелких монет. — Вот,

получи.

Она взглянула на монетки:

— Это что, *и есть* две трети вашей выручки?

— Конечно, мы не совсем в убытке, — сказал Поллукс. — Мы ведь пользовались велосипедами целых двести миллионов миль.

14. Котопрогрессия

Ванденберг сдержал слово. Они с Лоуэллом слетали на стратосферной ракете в открытый город Ричардсон и пробыли там три дня. Лоуэлл повидал марсианина и поговорил с ним. Но его предупредили, чтобы он об этом никому не рассказывал, и семья так и не смогла ничего из него выудить.

Но простой вопрос с жильем оказалось уладить куда труднее, чем неразрешимую на первый взгляд задачу встречи с марсианином. Роджеру Стоуну так и не удалось найти квартиру побольше и поудобнее даже за фантастическую плату. Город кишел туристами, и так будет до отлета на Венеру, когда большинство из них продолжат свой вояж по трем планетам. А пока они толпились в ресторанах, фотографировали все, включая друг друга, и наезжали велосипедами на ноги прохожим. Кроме того, в город, и так

переполненный, хлынули «песчаные крысы» из пустыни, стараясь правдами и неправдами попасть на узел Аллилуйя в астероидном поясе.

Однажды за обедом доктор Стоун сказала:

— Роджер, завтра день платы за квартиру. Мне платить за полный месяц? Мсье д'Авриль упоминал, что Буркхардты поговаривают о том, чтобы остаться.

— Заплати только за шесть дней, — посоветовала Хейзел. — После отлета на Венеру станет лучше — надеюсь.

Роджер Стоун поднял глаза и сердито нахмурился:

— Слушайте, зачем нам вообще платить эту аренду?

— Что ты говоришь, дорогой?

— Эдит, я все время об этом думаю. Прилетев сюда, мы планировали прожить здесь до следующего цикла. — Он говорил о пятнадцати месяцах до следующего благоприятного периода отлета на Землю, когда можно будет вычислить экономичную орбиту. — А потом собирались выйти на орбиту к дому. Все бы хорошо, будь в этой хваленой туристской обдираловке приличное жилье. Но я не могу начать свою книгу. Если мне на колени не лезет Вундер, так его животное гуляет

у меня по затылку.

— Что же ты предлагаешь, дорогой?

— Завтра летим на Фобос, готовим старину «Стоуна» к старту и двигаем на Венеру вместе со всеми остальными.

— Ура! Летим! — поддержала Мид.

— Тебе ведь, кажется, не понравилась Венера, Мид? — спросила Эдит.

— Нет. Но мне и здесь не нравится, и я все время устаю. Хочу обратно в невесомость.

— Ты не должна уставать. Надо бы мне тебя посмотреть.

— Ну, мама, я в полном порядке! Не хочу, чтобы меня выстукивали.

— А я знаю, почему она хочет на Венеру, — ухмыльнулся Лоуэлл. — Из-за мистера Мейджилла.

— Не ябедничай, ябеда! Если кому-то интересно, — со спокойным достоинством продолжала Мид, — второй помощник Мейджилл меня не волнует, к тому же я ведь полечу не на «Караване». И потом я узнала, что у него уже есть жена в Колорадо.

— Ничего, — сказала Хейзел. — За пределами Земли он считается вполне законным женихом.

— Может, и так, но меня это не устраивает.

— Меня тоже, — вставил Роджер. — Мид, ты

ведь не слишком увлеклась этим волком в овечьей шкуре?

— Конечно нет, папа! Но думаю, день, когда я выйду замуж, уже не за горами.

— Беда с этими девчонками, — заметил Кастор. — Растишь их, даешь образование, а они — бац! — и замуж. Все насмарку.

— Вот как? — подняла брови Хейзел. — И где бы вы были, если бы я не вышла замуж?

— Но ты вышла, — поспешил вмешаться Роджер Стоун, — так что не будем обсуждать другие вероятности. Может, их и вовсе не было бы, если вдуматься.

— Предопределение, — сказал Кастор.

— Сомнительная теория, — сказал Поллукс.

— Я не детерминист, — усмехнулся Роджер, — и вам не удастся меня подловить. Я верю в свободную волю.

— Еще одна сомнительная теория, — сказал Поллукс.

— Вы уж определитесь, — сказал отец. — Или одно, или другое.

— Почему нет? — возразила Хейзел. — Свободная воля — это золотая нить, бегущая сквозь застывшую матрицу предопределенных событий.

— Это не математика, — заметил Поллукс.

— Просто поэзия, — кивнул Кастор.

— И притом не лучшего сорта.

— Стоп! Замолчали! — приказал отец. — Парни, я четко вижу, что вы изо всех сил пытаетесь сменить тему. Почему?

Близнецы переглянулись, и слово взял Кастор:

— Знаешь, папа, нам кажется, что вариант с Венерой не совсем продуман.

— Продолжай. Я полагаю, у вас есть встречное предложение?

— В общем, есть. Но мы хотели выступить с ним, после того как пройдет время вылета на Венеру.

— Начинаю кое-что понимать. То есть вы хотели дождаться, когда расположение планет станет неблагоприятным — и будет слишком поздно прокладывать маршрут на Венеру.

— Ну, не было смысла усложнять решение вопроса всякими ненужными обстоятельствами.

— Какого вопроса? Выкладывай.

— Слушай, папа, мы ни в коем случае не настаиваем, — взволнованно продолжал Кастор. — Можем пойти на компромисс. Вот смотри: вы с мамой, Вундер и Мид летите на Венеру на «Боге войны». Капитан Ванденберг с радостью вас примет, ты сам знаешь. А…

— Стоп. А что будете делать вы? И Хейзел? Мать, ты в заговоре?

— Насколько я знаю, нет. Но уже интересно.

— Так что вы задумали, Кастор?

— Я скажу, если вы мне дадите сказать, сэр. Вы все можете с комфортом вернуться домой на роскошном лайнере. А мы с Полом и Хейзел… ну, ты ведь знаешь, что Марс выйдет на благоприятную позицию относительно узла Аллилуйя недель через шесть?

— Если проложить орбиту кометного типа, — добавил Поллукс.

— Значит, снова астероиды, — медленно сказал отец. — Мы ведь решили этот вопрос еще год назад.

— Но мы стали на год старше.

— И опытнее.

— И все же до постоянных прав не доросли. Вот для чего вам понадобилась Хейзел, я полагаю.

— Нет-нет! Хейзел — наш особо ценный резерв.

— Спасибо, мальчики.

— Хейзел, ты действительно не знала об этом новом безумном плане?

— Нет. Но не такой уж он и безумный. Я плотно поработала тут над своим сериалом — и я уже

устала от этого места. Я видела марсианские руины — они нуждаются в капитальном ремонте. Видела канал — в нем течет вода. Надо полагать, что вся остальная планета точно такая же, вплоть до восемьдесят восьмой главы. Венеру я тоже видела. А вот на астероидах никогда не бывала.

— Точно! — согласился Кастор. — Марс нам не нравится. Какая-то засада!

— Кругом одно жулье, — добавил Поллукс.

— Просто они хитрее тебя, ты это хотел сказать, — заметила Хейзел.

— Погоди, мать. Ребята, это исключено. Я привел свой корабль с Луны и намерен привести его обратно. — Он встал. — Можешь предупредить мсье д'Авриля, что мы съезжаем, дорогая.

— Папа!

— Что, Кастор?

— Это было чисто компромиссное предложение. На что мы действительно надеемся — и чего действительно *хотели бы*, — это чтобы мы все отправились на Аллилуйю.

— Что? Да ну, глупости. Я не космический старатель.

— Ты мог бы научиться. Или ты мог бы просто попутешествовать. И еще немного заработать на этом.

— Это как же?

Кастор облизнул губы.

— «Песчаные крысы» предлагают баснословные деньги за перевозку в анабиозе. Мы можем взять самое малое человек двадцать. И высадить их на Церере, чтобы они могли там приобрести снаряжение.

— Кас! Ты же знаешь, что только семь из десяти летящих в анабиозе добираются живыми до конца длинной орбиты?

— Ну и что, они это сами знают. И сами идут на риск.

Роджер Стоун покачал головой:

— Мы туда все равно не летим, так что мне не придется проверять, настолько ли ты хладнокровен, как говоришь. Ты видел когда-нибудь похороны в космосе?

— Нет, сэр.

— А я — да. И не будем больше говорить о пассажирах в анабиозе.

Кастор подал знак Поллуксу, и тот взял слово:

— Папа, если ты не хочешь, чтобы летели мы все, ты не будешь возражать, если полетим мы с Касом?

— Э-э-э… что ты имеешь в виду?

— Как все старатели. Мы не боимся анабиоза.

Если у нас не будет корабля, только так мы и сможем полететь.

— Браво! — сказала Хейзел. — Я с вами, мальчики.

— Прошу тебя, мать! — Он повернулся к супруге. — Эдит, я иногда сомневаюсь, тех ли близнецов мы забрали из родильного дома.

— Может, они и не твои, — сказала Хейзел, — но что они мои внуки, это точно. Аллилуйя, я иду к тебе! Кто со мной?

— Знаешь, дорогой, — спокойно сказала доктор Стоун, — мне тоже не очень-то хочется на Венеру. И у тебя *будет* наконец время, чтобы заняться твоей книгой.

Шесть недель спустя «Роллинг Стоун» стартовал с Фобоса и взял курс на астероиды. Старт был не таким легким, как с Луны на Марс. Выбирая короткую, или кометную орбиту к астероидам, Стоуны должны были при старте разогнаться до двенадцати с половиной миль в секунду. Короткая орбита отличается от экономичной тем, что проходит под углом к изначальной орбите, а не по касательной и потому очень дорого обходится в пересчете на горючее. В дальнем конце кометная орбита «Стоуна» шла уже по касательной к орбите Аллилуйи, и совмещение двух орбит

не представляло трудности. Основная нагрузка ложилась на двигатели при старте с Фобоса — и орбиты Марса.

Выбор кометной орбиты был не случаен. Во-первых, пришлось бы ждать целый земной год, пока Марс не выйдет на позицию для экономичной орбиты, во-вторых, время путешествия в последнем случае растягивалось вдвое — пятьсот восемьдесят дней по экономичной орбите вместо двухсот шестидесяти одного дня по короткой, всего на три дня дольше, чем от Луны до Марса.

Вокруг всего корпуса «Стоуна» наварили добавочные резервуары для атомарного водорода, отчего «Стоун» стал выглядеть толстым и неприбранным, зато теперь отношение масс стало более-менее соответствовать предстоящему испытанию. Работами руководил лоцман Джейсон Томас, а близнецы помогали. Кастор набрался смелости и спросил Томаса, как тот ухитрился посадить «Стоун» на Фобосе.

— Вы рассчитали траекторию до того, как подняться на борт, сэр?

Томас опустил сварочную горелку:

— Траекторию? Да нет, сынок, просто я так долго этим занимаюсь, что знаю весь космос вокруг как облупленный.

Больше Кастор ничего от него не добился. Близнецы обсудили это и решили, что искусство пилота заключается не только в знании математики.

Чтобы взять побольше топлива, были сделаны изменения и внутри корабля. Погода за орбитой Марса всегда «ясная, но холодная», и Стоунам больше не нужна была фольга, отражающая солнечные лучи. Вместо этого один бок корабля выкрасили черной краской, а мощность системы воздушного обогрева увеличили на две нагревательные спирали.

В центре управления поставили стереоскопический радар с переменной базой и регулировкой времени отклика — на нем Стоуны увидят истинную форму Аллилуйи, когда ее достигнут.

Все это требовало больших расходов, и Властелину Галактики приходилось работать сверхурочно, чтобы их покрыть. Хейзел не участвовала в переоснастке, а сидела у себя и рождала, с помощью Лоуэлла в качестве критика, очередные серии кровавой, но благородной истории капитана Джона Стерлинга. Свою деятельность она перемежала сочинением оскорбительных посланий своим продюсерам в Нью-Йорке, угрожая им забастовкой и требуя, чтобы ей выдали

несоразмерно большой аванс — и прямо сейчас. Аванс она получила, выслав достаточное количество серий, чтобы покрыть его. Сценарий все равно приходилось готовить впрок: на этот раз «Роллинг Стоун» будет один, никаких лайнеров поблизости. Выйдя из радиозоны Марса, он не сможет связаться с Землей, пока в пределах досягаемости его скромного передатчика не окажется Церера. На Цереру они не зайдут, но будут недалеко от нее: Аллилуйя находилась почти на одной орбите с этой крошечной планеткой, чуть опережая ее.

Выбор кометной орбиты очень ограничивал допустимое количество груза, но близнецы все-таки хотели его взять — категорический отказ отца от пассажиров в анабиозе подорвал их планы. Следующей их идеей стало взять полный набор космического старателя — ракетный скутер, особые скафандры, аварийную палатку, радиоактивные заявочные буйки, центрифугу для определения удельного веса, ультрафиолетовые лампы, счетчики Гейгера, зондирующий радар, переносной искровой спектрометр и все прочее, что требуется при этой тихой форме помешательства.

— За ваш счет? — только и спросил отец.

— Конечно. И за перевозку тоже заплатим.

— Давайте. Валяйте. И не надейтесь, что я стану вас отговаривать. Чем больше я вас буду убеждать, тем сильнее вы будете упираться.

Кастора озадачило отсутствие возражений.

— Что случилось, папа? Ты думаешь, это может быть опасно?

— Опасно? Боже сохрани! Это ваше право — погибнуть так, как вам нравится. И думаю, этого с вами не случится. Вы ребята молодые, смекалистые, хотя это не всегда заметно, в превосходной физической форме — я уверен, вы освоите свою технику.

— Тогда в чем же дело?

— Ни в чем. Лично я давно и твердо убедился в том, что человек работает продуктивнее и делает больше денег, сидя на стуле, а не занимаясь физическим трудом, если такова его цель. Вы, часом, не знаете, сколько в среднем зарабатывает в год космический старатель?

— Нет, но…

— Меньше шести сотен.

— Но ведь некоторые становятся богачами!

— Разумеется. А некоторые зарабатывают много меньше шестисот — цифра-то средняя, в нее входят и те, кто напал на жилу. Просто из

любопытства, учитывая то, что большинство старателей — люди опытные и способные, я хотел бы узнать, что вы двое можете сделать такого, чтобы превысить их среднегодовой уровень доходов? Говорите, не стесняйтесь.

— А ты-то сам какой груз взял бы?

— Я? Ничего. У меня нет коммерческой жилки. Я просто путешествую, чтобы взглянуть на кости Люцифера. Меня стала интересовать планетология. Можно написать об этом книгу…

— А что случилось с другой твоей книгой?

— Надеюсь, это не сарказм, Кастор? Я думаю закончить ее до нашего прибытия на астероиды. — И Роджер ушел, прервав тем самым дискуссию.

Близнецы повернулись и увидели ухмыляющуюся Хейзел.

— Над чем смеешься, Хейзел? — буркнул Кастор.

— Над вами.

— А что, нам нельзя стать старателями?

— Почему же нельзя? Валяйте — вы можете себе это позволить. Но лучше скажите мне вот что: вы действительно хотите знать, на каком грузе можно заработать немного денег?

— Конечно.

— Что я буду с этого иметь?

— Процент? Или фиксированную плату? Только мы не будем платить, если не воспользуемся советом.

— Черт с ним, я скажу это бесплатно. Если вы получите совет даром, вы его, конечно, не послушаетесь, а я смогу потом сказать: «Я же вам говорила!»

— Непременно скажешь.

— А как же. Нет большего удовольствия, чем сказать сопливому задаваке: «Говорила я тебе, а ты не слушал». Ну ладно: я задам вам вопрос, прямо как оракул, это и будет совет: кто разбогател во время всех старательских лихорадок, известных истории?

— Ну, те, кто напал на богатую жилу, наверно.

— Смешно. Старателей, которые сумели удержать то, что нашли, и умерли богачами, так мало, что они сияют, как сверхновые. Возьмем знаменитую калифорнийскую золотую лихорадку тысяча восемьсот шестьдесят первого года — нет, в тысяча восемьсот шестьдесят первом было что-то другое, забыла что. Калифорния была в тысяча восемьсот сорок девятом — «люди сорок девятого». Проходили по истории?

— Кое-что.

— Был такой Саттер, на его земле нашли золото. Ну и что же, разбогател он? Да он *разорился*! Но кто же тогда разбогател?

— Скажи нам это, Хейзел. Не утруждай себя драматизацией.

— Почему бы нет? Это можно даже в сценарий вставить — предварительно спилив серийные номера. Ладно, скажу, богатели те, у кого был товар, который покупали старатели. Бакалейщики в основном. Парни, вот кто разбогател! Продавцы лопат. Владельцы дробилок. Все, кроме бедных старателей. Даже прачечные в Гонолулу.

— Гонолулу? Но это же где-то в Тихом океане, около Китая.

— До сих пор было на Гавайях. Но грязное белье из Калифорнии отправляли стирать в Гонолулу — и туда, и обратно на паруснике. Все равно что отсылать ваши грязные рубашки из Марсопорта на Луну. Ребята, если хотите заработать, организуйте на Аллилуйе прачечную. Не обязательно прачечную — все равно что, лишь бы это было нужно старателю. Если бы ваш отец не был в душе пуританином, я бы открыла честный и благородный игорный зал. Это все равно что заиметь богатого дядюшку.

Близнецы учли бабушкин совет и вплотную

занялись бакалеей, не забывая заглядывать и в другие отделы универсальных магазинов. Брать решили только деликатесы — то, что вряд ли есть у старателей, и то, что сулило самые высокие цены за фунт веса. Закупили также антибиотики, медицинские препараты и витамины, взяли легкие проекторы для художественных лент и музыки и запас кассет к ним. Поллукс отыскал где-то марсианские календари с красивыми девушками, напечатанные в Японии на тонкой бумаге, и решил взять их тоже — они немного весят. Он заметил Кастору, что совсем уж в убытке они не останутся, потому что сами будут на них смотреть.

Доктор Стоун обнаружила календари, просмотрела их и от нескольких приказала избавиться. С собой они взяли только прошедшие цензуру.

Последний эпизод сериала отправился на Землю, последний сварной шов был проверен, последний килограмм припасов был поднят на борт корабля. «Стоун» легко взмыл с Фобоса и начал падать в сторону Марса. Совершив маневр в колодце гравитации при наивысшей температуре сгорания и убийственной пятикратной перегрузке, корабль вырвался в пустые глубины космоса, где блуждают только обломки Разру-

шенной планеты.

Все с радостью вернулись к привычному режиму невесомости. Близнецы еще на Марсе получили курс математики повышенного типа. Их не надо было принуждать учиться, самим было интересно, и велосипеды их теперь не отвлекали. Пушистик относился к невесомости так, будто родился в космосе. Если его никто не держал на руках и не гладил, что было его обычным состоянием, он ползал по стенам и переборкам или парил по отсеку, переливаясь блаженной рябью.

Кастор утверждал, что он умеет летать, а Поллукс спорил с ним, доказывая, что зверек просто движется вместе с потоками воздуха из системы вентиляции. Близнецы затратили много времени и усилий на эксперименты, но так ничего и не выяснили.

Плоского кота такие вопросы не волновали — ему было тепло, его хорошо кормили, у него было много друзей, всегда готовых удовлетворить его неисчерпаемую потребность в ласке. Лишь один инцидент омрачил его счастье.

Роджер Стоун сидел, пристегнувшись к пилотскому креслу, и обдумывал (как он утверждал) главу своей книги. Если так, то храп, вероятно,

помогал ему в этом. Пушистик плыл куда-то по своим делам, все три его глаза были открыты и лучились счастьем. Он увидел одного из своих друзей, ловко сманеврировал, а может, просто использовал случайно подвернувшийся воздушный поток и совершил точную посадку — прямо на нос капитану.

Роджер с воплем взвился из кресла, схватившись за лицо. Повис на ремне, сообразил, что к чему, и оторвал от себя плоского кота. Пушистик, обиженный, но не поврежденный, распластался в воздухе, нашел другой поток и приземлился на дальней стене.

Роджер произнес кое-какие слова и крикнул:

— Кто кинул на меня этот живой шиньон?

Но в отсеке больше никого не было. В люке появилась доктор Стоун и спросила:

— Что случилось, дорогой?

— Так, ничего особенного. Дорогая, не могла бы ты вернуть это хвостатое отродье вымирающей планеты Вундеру? Я пытаюсь сосредоточиться.

— Конечно, дорогой.

Эдит забрала кота, отнесла на корму и отдала Лоуэллу, который тут же о нем забыл, обдумывая сложный гамбит против Хейзел. Плоский кот не был злопамятен и не мог долго держать камень за

пазухой, которой у него не было. Единственным чувством, которому он отдавался без остатка, была любовь. И он вернулся к Роджеру — тот как раз уснул снова.

И снова улегся ему на лицо, счастливо мурлыча.

Капитан Стоун показал себя зрелым мужчиной. Зная на этот раз, с чем имеет дело, он бережно снял кота и сам вернул его Лоуэллу.

— Держи его при себе, — сказал он, — и не отпускай. — И тщательно закрыл за собой дверь.

Не менее тщательно Роджер закрыл на ночь дверь их супружеской каюты. На «Роллинг Стоуне» вентиляционные отверстия не были снабжены заслонками — на таком маленьком корабле они, конечно, все время стояли открытыми. Для плоского кота это была широкая прогулочная зона. Ночью Роджера Стоуна посетил кошмар, в котором он задыхался, пока жена не разбудила его и не сняла с его носа Пушистика. Роджер снова произнес кое-какие слова.

— Все хорошо, дорогой, — успокаивала его Эдит. — Спи. — Пушистика она взяла к себе, и кот утихомирился.

Назавтра корабельный распорядок был нарушен авралом — всех, способных держать в

руках гаечный ключ или аппарат для точечной сварки, бросили на установку вентиляционных решеток.

Тридцать семь дней спустя у Пушистика появилось восемь маленьких золотистых котят — в точности таких же, как он, но всего пару дюймов в диаметре. Когда они сворачивались, то были величиной с мраморный шарик. Все, включая капитана Стоуна, сочли, что они — прелесть, и без конца гладили их одним пальцем, слушая, как они тоненько мурлычут, — звук был настолько высоким, что находился почти за пределами человеческого слуха. Все с удовольствием их кормили, а котята никогда не отказывались от еды.

Через шестьдесят четыре дня у котят появились котята, по восемь штук у каждого. Шестьдесят четыре дня спустя, на сто сорок шестой день отлета с Фобоса, у котят котят появились котята; теперь их стало пятьсот тринадцать.

— Надо это как-то прекратить, — сказал капитан Стоун.

— Да, дорогой.

— Я серьезно. При таких темпах мы останемся без еды, не дотянув до цели, даже если залезем в товары близнецов. А кроме того, мы просто задохнемся под грудой мурлыкающих меховых

ковриков. Сколько будет пятьсот тринадцать на восемь? А если это еще умножить на восемь, сколько будет?

— Чересчур много, на мой взгляд.

— Дорогая, это самое мастерское преуменьшение со дня смерти Меркуцио[76]. И я не уверен, что все правильно посчитал, это экспоненциальная прогрессия, а не геометрическая… но все равно мы раньше умрем с голоду.

— Роджер!

— По-моему, надо… да, что?

— Кажется, есть простой выход. Все марсианские существа на холоде засыпают.

— Да?

— Поместим их в трюм — там, к счастью, есть место.

— Согласен со всем, кроме слов «к счастью».

— И будем держать их там на холоде.

— Не хотелось бы убивать малюток. Не могу их ненавидеть — до того хорошенькие, провались они совсем.

— Мы их будем держать при минус ста, как в обычную марсианскую зимнюю ночь. Или, может быть, чуть теплее.

---

[76] Примечания: 76

Очевидно, имеются в виду слова Меркуцио, что его смертельная рана — всего лишь царапина (*Шекспир У.* Ромео и Джульетта).

— Так и сделаем. Тащите лопаты, тащите сети, тащите тару.

Роджер начал вылавливать из воздуха плавающих плоских котов.

— Я не дам заморозить Пушистика! — На пороге каюты возник Лоуэлл, прижимавший к груди взрослого кота. Может, это был Пушистик, а может, и нет. Взрослых зверьков различить никто не мог, а затею с именами бросили после первого помета. Но Лоуэлл был абсолютно уверен в своей правоте, и его не заботило мнение окружающих. Близнецы сговаривались подсунуть ему другого, когда он уснет, но их услышали и запретили диверсию. Лоуэлл был доволен, и мать не желала, чтобы он поколебался в своей вере.

— Дорогой, мы ничего не сделаем твоему котику.

— Попробуйте только! Или я… я вас выброшу в космос!

— Ох, дорогой, это он помогал Хейзел работать над сценарием! — Доктор Стоун подплыла поближе к сыну. — Лоуэлл, мама ведь никогда тебя не обманывала?

— Вроде бы нет.

— Мы ничего не сделаем Мохнатым Штанам. И плоским котяткам тоже ничего не сделаем.

Просто у нас для них не хватает места. Ты можешь оставить Пушистика, но все остальные котята пойдут спать. С ними ничего не случится, я обещаю.

— Клянешься законом Галактики?

— Клянусь законом Галактики!

Лоуэлл ушел, продолжая прижимать к груди своего питомца.

— Эдит, — сказал Роджер, — надо положить конец их сотрудничеству.

— Не волнуйся, дорогой, ничего плохого с ним не случится. Но боюсь, придется разочаровать его в другом, — нахмурилась она.

— В чем это?

— Роджер, у меня не было времени изучить марсианскую фауну, и плоскими котами я тоже, конечно, не занималась — только убедилась в том, что они безобидны.

— Безобидны! — Роджер отмахнулся от пары летевших котят. — Женщина, я тону!

— Но марсианская фауна вся рассчитана на выживание, и у нее есть свои особенности. За исключением водоискалок, которые, возможно, не марсианского происхождения, животные ведут пассивный и возобновляющийся образ жизни. Возьми плоского кота…

— Сама возьми, — сказал Роджер, снимая очередного с груди.

— Это беззащитное существо даже не может как следует добывать себе еду. Думаю, в естественных условиях это безобидный паразит, который цепляется за более подвижное животное…

— Лишь бы за *меня* не цеплялись! А ты выглядишь так, словно в шубе. Давай загрузим их в морозильник!

— Терпение, дорогой. Возможно, носителю это так же приятно, как и нам, поэтому он терпит плоского кота и позволяет ему подбирать свои крохи. Но плоский кот разделяет общее свойство всего живого на Марсе. Он способен долгое время пребывать в спячке, а если в этом нет нужды, просто снижает свою жизненную активность — например, при недостатке пищи. Но когда еды становится больше, выключатель тут же щелкает и зверек размножается, насколько это позволяют запасы пищи.

— Уж это точно!

— Ограничить его снова в еде — и он спокойно будет ждать лучших времен. Это, конечно, чистая теория — я ведь рассуждаю по аналогии с другими формами жизни на Марсе, — но этим-то я и собираюсь огорчить Лоуэлла. Пушистику

придется перейти на очень скудный паек.

— Это будет непросто, — нахмурился Роджер, — Вундер его все время кормит. Придется за ним следить, не то не миновать нам новых ангелочков. Солнышко, давай-ка займемся ими прямо сейчас.

— Да, дорогой. Я просто хотела поделиться своими мыслями.

Всех кликнули наверх, и началась операция по отлову. Котов загоняли на корму и в трюм. Они разбегались, мурлыкали и искали общества. Поллукс сидел в трюме и пытался удержать их там, пока другие сгоняли их со всего корабля. Отец просунул голову в дверь, стараясь разглядеть сына в облаке плоских котов.

— Сколько их тут у тебя?

— Не могу сосчитать — они все время движутся. Закрой дверь!

— Как я могу загонять их сюда, если дверь закрыта?

— А как я могу их здесь удержать, если дверь открыта?

В конце концов все надели скафандры (Лоуэлл взял к себе в скафандр Пушистика, по-видимому не слишком полагаясь на закон Галактики), и капитан довел температуру на корабле до

ощутимых минус двадцати. Плоские коты, столкнувшись с неуютными скафандрами и будучи предоставлены сами себе, сдались и начали сворачиваться в шарики наподобие мохнатых грейпфрутов. Теперь их можно было легко собрать, сосчитать и поместить в трюм.

Однако Стоуны еще несколько дней продолжали ловить и сажать в заключение тех, кто ускользнул.

15. «Между Юпитером и Марсом я помещаю планету»

Так писал великий астроном Кеплер: «Inter Jovem et Martem planetam interposui». Его последователи вывели правило о расстояниях между планетами, известное как закон Боде. Согласно ему на расстоянии, равном двум и восьми десятым расстояния от Солнца до Земли — то есть в 2,8 астрономической единицы, — полагалось быть планете.

В первую ночь нового XIX века монах Джузеппе Пьяцци открыл новое небесное тело. Это был астероид Церера — как раз в том месте, где полагалось быть планете. Для астероида он был велик, и действительно, он больше всех астероидов — 485 миль в диаметре. В последующие два века

были открыты сотни и тысячи астероидов — размерами вплоть до совсем маленьких камушков. Название «астероиды» оказалось неудачным: это не звездочки и даже не планетоиды. С самого начала предполагалось, что это осколки крупной планеты, а к середине двадцатого века эту гипотезу как будто подтвердило математическое исследование их орбит.

Но лишь когда первые исследователи на заре космических полетов проникли в пустынную область между орбитами Марса и Юпитера и *посмотрели* на нее своими глазами, мы удостоверились, что астероиды в самом деле осколки большой планеты — разрушенного Люцифера, давно погибшего брата Земли.

Поднимаясь все выше и выше над Солнцем, «Роллинг Стоун» замедлял ход, описывал кривую и приближался к точке, откуда начнет снова падать к Солнцу. Сейчас он был на орбите Цереры, недалеко от этой дамы, на пятьдесят миллионов миль углубившись в пояс астероидов. Руины Люцифера широко разбросало по космосу. Узел Аллилуйя помещался ближе к центру пояса.

Неплотная группа камней, песка, хаотических молекул и планетоидов, известная как узел Аллилуйя, вращается вокруг Солнца со скоростью

11 миль в секунду. Скорость «Стоуна» составляла 8 миль в секунду, он двигался в том же направлении. За последние два дня, включая двигатель, капитан Стоун увеличил скорость корабля и, следуя за сигналами радарного маяка, проник в рой обломков, влившись в их поток с небольшой относительной скоростью. Последний маневр, остановивший «Стоуна» относительно камней, был всего лишь любовным шлепком: «Стоун» откашлялся и стал продолжать свой путь вместе с другими бродячими странниками космоса.

Капитан в последний раз посмотрел в окуляры стереорадара, поворачивая рычаг управления, пробежал лучом полный круг от носа до кормы. Громады Аллилуйи, неразличимые невооруженным глазом на фоне звезд, висели в увеличенной перспективе ложного космоса стереоприбора, где настоящих звезд вовсе не было видно. Ползучего следа, признака относительного движения, на экране не было.

На одном из летучих камней недалеко от корабля и на пару градусов вне орбиты светилась точка ярче других. Это был радарный маяк, на который и вышел капитан Стоун. Маяк тоже был неподвижен на стереоэкране, и капитан сказал Кастору:

— Запроси доплер из мэрии.

— Уже, капитан, — сказал Кастор и вскоре добавил: — Относительная около десяти миль в час — девять и семь и еще малость. Милях в семистах от нас.

— Вектор?

— Выходим почти на них. Пройдем в десяти — пятнадцати милях к югу, внутри орбиты.

Роджер Стоун расслабился и усмехнулся:

— Ну, как наводка? Твой старик еще не разучился считать?

— Нормально, папа, если учесть…

— Что учесть?

— Что ты использовал вычисления Пола.

— Когда я решу, кого из нас двоих ты оскорбил, я тебе отвечу. — Он сказал в микрофон: — Все посты свободны от маневра. Машинное, доложите о блокировке. Эдит, скоро будет ужин?

— Заблокировано, сынок, — доложила Хейзел.

— Через полчаса, дорогой, — ответила жена.

— Ничего себе! Человек потеет над горячим пультом, а после этого ему предлагают полчаса ждать до ужина. Что у вас за отель?

— Да, дорогой. Кстати, я опять сокращаю тебе калории.

— Бунт! Что бы сделал Джон Стерлинг на моем

месте?

— А папа толстеет! А папа толстеет! — пропел Лоуэлл.

— И придуши своего ребенка. Кто-нибудь хочет выйти со мной поставить добавочные двигатели?

— Я хочу, папочка!

— Мид, ты просто пытаешься смыться, чтобы не помогать на кухне.

— Я могу ее отпустить, дорогой.

— Пожалеешь ребенка — испортишь харчи. Бери сухим пайком, детка.

— Не очень смешно, папочка.

— А мне не за это деньги платят.

Капитан Стоун, насвистывая, отправился на корму. Близнецы и Мид вышли с ним. Они быстро поставили стартовые ракеты — молодежь закрепляла, а капитан лично проверял проводку. Ракеты разместили вокруг корпуса в центре корабля и по паре на носу и на корме. Подключенные к пилотскому радару, настроенному на минимальную дальность, они дадут кораблю резкий толчок в том маловероятном случае, когда какой-то объект выйдет на курс столкновения с достаточно высокой скоростью, чтобы это грозило опасностью.

Во время прохода вглубь пояса астероидов Стоуны шли просто на авось. Хотя принято считать, что пояс забит небесным мусором, статистика показывает, что там гораздо больше пустоты, чем камня, и опасность столкновения очень незначительна. Внутри узла ситуация была несколько иной — там концентрация массы была в несколько сотен раз больше, чем в других районах пояса. Но большинство старателей даже и здесь не принимало мер предосторожности — проще было ставить на то, что они всегда будут выигрывать в эту русскую рулетку, чем тратить деньги и усилия на противометеоритную защиту. Некоторые поплатились за это, но это происходило крайне редко — аварии в узле Аллилуйя происходили не чаще, чем в Мехико.

Когда все вернулись на корабль, ужин был готов.

— Тебе звонили, капитан, — сообщила Хейзел.

— Уже?

— Из мэрии. Я сказала, что ты вышел, но перезвонишь им. Девять и шесть десятых сантиметра.

— Дорогой, обед остывает.

— Идите за стол, я быстро.

Он действительно вернулся быстро. Доктор

Стоун вопросительно посмотрела на него.

— Мэр, — объяснил Роджер. — Добро пожаловать в Рок-Сити и все такое. Сообщил мне, что городской комитет ограничил скорость космических кораблей до ста миль в час, а скутеров — до пятисот в пределах тысячи миль от мэрии.

— Надеюсь, ты сказал им, куда им надо пойти со своими ограничениями? — ощетинилась Хейзел.

— Нет, не сказал. Я вежливо извинился за то, что по незнанию нарушил правила, и обещал зайти засвидетельствовать свое почтение завтра или послезавтра.

— Я думала найти жизненное пространство на Марсе, — пробурчала Хейзел. — Оказалось, там одни слюнтяи, молокососы и сборщики налогов. И вот мы выходим на широкие просторы космоса и что же находим там? Дорожную полицию! А мой единственный сын не может им даже ответить как следует. Думаю, мне придется отправиться на Сатурн.

— Я слыхал, на базе Титана здорово холодно, — примирительно ответил Роджер. — Почему бы не на Юпитер? Пол, подай мне соль, пожалуйста.

— Юпитер? Позиция неблагоприятная. И потом, я слышала, что на Ганимеде больше правил, чем в школе для девочек.

— Мать, ты единственный известный мне трудный подросток, который по возрасту подходит для гериатрической клиники. Ты прекрасно знаешь, что человеческая колония в космосе не может жить без правил.

— Оправдание для Наполеонов местного масштаба! Вся Система залезла в корсет.

— Что такое корсет? — осведомился Лоуэлл.

— Э-э-э… Это своего рода такой предшественник скафандра.

Видя, что Лоуэлл неудовлетворен, Эдит сказала:

— Вот вернемся, милый, и мама покажет его тебе в музее.

Капитан предложил всем прилечь после обеда — они все не выспались, совершая маневр.

— У меня до сих пор в глазах рябит, — сказал он, потирая глаза, — так я таращился в стереорадар. Сосну часок-другой.

Хейзел хотела что-то сказать, но тут раздался сигнал тревоги, и сонливость Роджера немедленно сменилась активностью.

— Объект курсом на столкновение! Держитесь все за что-нибудь. — И сам уцепился за стойку, схватив другой рукой Лоуэлла.

Но аварийные стартовые двигатели не вклю-

чились.

— Зеленый, — спокойно объявила Хейзел. — Что бы это ни было, оно идет недостаточно быстро, чтобы причинить нам вред. И похоже, пройдет рядом.

Капитан Стоун перевел дыхание:

— Надеюсь, что ты права, но я слишком часто бывал в таких переделках, чтобы полагаться на статистику. С тех пор как мы вошли в пояс, все время нервничаю.

Мид понесла на корму грязную посуду и тут же вернулась с круглыми глазами:

— Папа, у двери кто-то есть.

— Что-о? Мид, тебе померещилось.

— Да нет же, я *слышала*. Послушай сам.

— Ну-ка тихо все.

В тишине они услышали мерное шипение нагнетателя воздуха — работал корабельный шлюз. Роджер Стоун метнулся к нему, но мать остановила его:

— Сын! Держись за мной.

— В чем дело?

— Отойди от двери. — И Хейзел достала пистолет.

— Да убери ты его: все равно не заряжен.

— Он-то об этом не знает, тот, кто в шлюзе.

— Мама Хейзел, почему ты так нервничаешь? — спокойно спросила Эдит.

— А ты не понимаешь? У нас на корабле еда. И кислород. И кое-какой запас водорода. Тут не Луна-Сити: кто-нибудь может и позариться.

Доктор Стоун посмотрела на мужа, и он, мгновение поколебавшись, решительно скомандовал:

— Иди на нос, дорогая. Возьми Лоуэлла. Мид, закрой за собой люк и сиди у рации. Оставь внутреннюю связь включенной. Если услышишь что-нибудь подозрительное, радируй в мэрию и скажи, что нас грабят. Давай! — Роджер нырнул в свою каюту и вернулся с собственным пистолетом.

Когда люк за Мид закрылся, шлюз как раз перестал работать. Четверо оставшихся ждали, окружив входную дверь.

— Нам прыгнуть на него, папа? — шепотом спросил Кастор.

— Нет. Просто не стойте на линии огня.

Дверь медленно отворилась. На пороге возникла фигура в скафандре, лицо под шлемом трудно было различить. Увидев направленные на него пистолеты, пришелец поднял руки.

— Вы чего? — глухо и обиженно спросил он. — Я ничего не сделал.

Капитан Стоун, видя, что у человека не только в руках, но и за поясом нет пистолета, опустил свой:

— Извините. Давайте помогу вам снять шлем.

Под шлемом обнаружился рыжеволосый мужчина средних лет с добрыми глазами.

— А в чем дело-то? — повторил он.

— Да так, ничего. Не знали, кто к нам пожаловал, и немного заволновались. Кстати, меня зовут Стоун, я владелец корабля.

— Рад познакомиться, капитан Стоун. Я Шорти Девайн.

— Рад познакомиться, мистер Девайн. Добро пожаловать на борт.

— Просто Шорти. — Он посмотрел вокруг. — Вы извините, что я так вломился и напугал вас, но я слышал, что у вас на борту доктор. Настоящий доктор, я имею в виду, а не один из этих, с ученой степенью.

— У нас есть доктор.

— Ух, ну и здорово! В городе нет настоящего доктора с тех пор, как старый док Шульц умер. А мне позарез нужен врач.

— Минутку. Пол, сходи за мамой.

— Я слышу, дорогой, — сказала Эдит из репродуктора. — Иду. — Люк открылся, и вошла доктор

Стоун. — Я доктор, мистер Девайн. Дорогой, я, пожалуй, воспользуюсь этой комнатой. Может быть, вы все прогуляетесь куда-нибудь?

— Да не надо, — торопливо сказал гость.

— Я предпочитаю осматривать пациента без свидетелей, — решительно сказала она.

— Я не успел объяснить, мэм доктор. Не я болен, а мой компаньон.

— Вот как?

— Он сломал ногу. Зазевался и защемил ее между двумя глыбами металла, она и сломалась. Я, наверное, не больно хорошо оказал ему помощь, потому что он очень плох. Вы не могли бы отправиться к нему прямо сейчас, доктор?

— Разумеется.

— Эдит!

— Кастор, принеси мой хирургический чемоданчик — черный. Ты поможешь мне надеть скафандр, дорогой?

— Но Эдит, ты…

— Ничего, капитан, — у меня тут снаружи скутер. Мы живем милях в восьмидесяти пяти — девяноста отсюда — долго не задержимся.

— Я с вами, — вздохнул капитан Стоун. — Ваш скутер подымет троих?

— Конечно-конечно! На нем седла Рейнольдса;

можно распределять баланс как угодно.

— Хейзел, ты принимаешь командование.

— Есть, сэр!

Вопреки обещанию Девайна, их не было всю ночь по корабельному времени. Хейзел сидела у пульта, следя за ними по радару, и осталась дежурить до тех пор, пока опять не засекла их на экране и не проследила их обратный путь. Девайн, обильно рассыпаясь в благодарностях, остался с ними завтракать. Когда завтрак подходил к концу, в столовой появился Лоуэлл с Пушистиком на руках. Девайн застыл, не донеся кусок до рта.

— Плоский кот! Или мне чудится?

— Конечно, это он. Его зовут Пушистик. Он марсианин.

— Само собой! Слушай, а можно мне его немножко погладить?

Лоуэлл, подозрительно посмотрев на него, разрешил. Старатель взял кота — видно было, что он привык обращаться с плоскими котами, — и стал гладить его, что-то бормоча при этом.

— Какая прелесть! Прямо жалеешь, что расстался с Марсом, хотя тут и лучше. — Он неохотно расстался со зверьком, еще раз всех поблагодарил и вышел.

Доктор Стоун размяла пальцы:

— В первый раз со старых клинических времен оперировала в невесомости. Надо освежить технику.

— Дорогая, ты была великолепна. А Джоку Донахью здорово повезло, что ты оказалась рядом.

— Он был очень плох, мама? — спросила Мид.

— Именно так, — ответил отец, — подробностей не ждите, но мама знала, что надо делать, и сделала это. А из меня получилась неплохая санитарка, хоть я и не должен об этом говорить.

— Да, — согласилась Хейзел, — ты не должен так говорить.

— Роджер, — спросила доктор Стоун, — штука, в которой они живут, — это что, корабль?

— Сомневаюсь — только не в том виде, в каком он у них сейчас. Я бы не назвал это кораблем. Скорее это плот.

— А если они захотят улететь отсюда?

— Может, они не хотят улетать. Может, они умрут, не покидая Рок-Сити, как чуть не случилось с Джоком. Руду они, наверно, возят скутером продавать на Цереру, то есть на ее орбиту. А может, и здесь продают.

— Но ведь город-то кочевой. Им приходится двигаться с места на место.

— Ну, пожалуй, это корыто можно сдвинуть с помощью пары стартовых ракет, если действовать осторожно и не спешить. Но я бы, наверное, разгерметизировал его, прежде чем приступать.

16. Рок-Сити

Пояс астероидов представляет собой сплющенный тор (или просто пончик), который охватывает 13 тысяч 500 тысяч миллионов триллионов кубических миль. Это по скромному подсчету, исключая заблудших овечек, которые уходят к самому Марсу и еще дальше — до самого Солнца. Не входят в расчет и те, что забрели слишком далеко и попали в рабство к могучему Юпитеру, например Троянцы, в почетном карауле следующие по орбите планеты, в шестидесяти градусах впереди и позади. Исключаются также те, что слишком отклонились к северу или югу. То есть те, чьи орбиты отклонились от плоскости эклиптики больше чем на шесть градусов.

13 500 000 000 000 000 000 000 000 кубических миль пространства.

А все человечество можно запихнуть в уголок одной кубической мили: средний объем человеческого тела равен двум кубическим футам.

Даже бесстрашному герою Хейзел, капитану Джону Стерлингу, тяжеловато пришлось бы патрулировать такой участок. По крайней мере, ему не помешали бы несколько братьев-близнецов.

Запишем эту цифру как 1,35 × 1025 кубических миль. Глазом, если не разумом, охватить ее станет легче. В то время, когда «Роллинг Стоун» затесался в бродячее братство Рок-Сити, плотность населения пояса составляла одну душу на два биллиона триллионов кубических миль — запишем это как 2 × 1021. Почти половина этих шести с лишним тысяч бродяг проживала на больших планетоидах — Церере, Палладе, Весте, Юноне. Одним из немногих приятных сюрпризов в исследовании Системы стало открытие того, что самые большие астероиды имеют невероятно высокую плотность и, следовательно, приличную силу тяжести на их поверхности. Средняя плотность Цереры, диаметр которой всего 485 миль, в пять раз выше плотности Земли, а притяжение там почти такое же, как на Марсе. Эти планетоиды считаются остатками ядра погибшего Люцифера, покрытыми несколькими милями более легкой наносной породы.

Остальные три тысячи составляет странствующее население пояса в буквальном смысле

слова. Они живут и работают в невесомости и почти все входят в одну из полудюжины общин, разрабатывающих узлы или кластеры пояса. Узлы в несколько сот раз плотнее остального пространства пояса, если тут можно сказать «плотнее»: корабль, идущий рейсом на Ганимед, мог бы пройти сквозь узел Аллилуйя и Рок-Сити, заметив их разве что на экране радара. Вероятность того, что этот лайнер на что-то налетит, чрезвычайно мала.

В узлах старатели добывали уран, трансурановые элементы и металлы планетного ядра, продавая руду и минералы на ближайшем крупном астероиде и время от времени переходя на другой узел. Перед находкой на Аллилуйе община, называющая себя «Рок-Сити», работала на узле Кайзер Вильгельм за Цererой на ее орбите. Услышав весть о находке, община тронулась в путь. Развив небольшое ускорение, артель прошла внутрь орбиты Цереры на скутерах, химических двигателях, стартовых ракетах и честном слове. Она была единственной, которая имела возможность передвинуться. «Парни Грогана» находились на той же орбите, но работали на узле Горькое Горе по ту сторону Солнца, в полбиллионе миль от Рок-Сити. Недалеко был и

Нью-Йобург, но те работали на узле под названием Рейнолдс № 2, который вращался по неудобно расположенной орбите Фемиды.

Ни один из этих городов в небе не способен был сам себя обеспечить, да и вряд ли такое было возможно. Но невероятный аппетит Земли на энергетическое сырье и еще более ценные материалы планетного ядра, из которых делали сопла ракетных двигателей и противорадиационные щиты, — этот постоянный спрос, который могли удовлетворить астероиды, обеспечивал старателям обмен того, что у них есть, на то, что им нужно. Но во многом они все же ни от кого не зависели: уран, обогащенный не дальше Цереры, давал им свет, тепло и энергию. Все овощи и большинство белковых продуктов они выращивали сами на гидропонных огородах и в дрожжевых резервуарах. Водородное топливо и кислород получали с Цереры или Паллады.

Там, где есть энергия и масса, которой можно манипулировать, человек не пропадет.

Почти три дня «Роллинг Стоун» медленно следовал через Рок-Сити. Для невооруженного глаза, если смотреть в иллюминатор, или для наблюдателя, вышедшего наружу и стоящего на корпусе корабля, Рок-Сити ничем не отличался от любого

участка пространства — та же пустота на фоне звезд. Человек с острым глазом, хорошо знающий созвездия, заметил бы, что их классические очертания искажает слишком много каких-то планет, которые в своих блужданиях не ограничиваются зодиакальным кругом. Еще более пристальное наблюдение обнаружило бы разрозненное движение некоторых «планет», которые уходили за корму «Стоуна» при его движении вперед.

На третий день перед обедом капитан Стоун притормозил свой корабль и скорректировал его скорость, запустив один из наружных двигателей; впереди виднелась мэрия и еще несколько объектов. Позже он запустил еще один двигатель и затормозил «Роллинг Стоун», оставив его висеть неподвижно в пространстве на расстоянии в одну восьмую мили от мэрии. Он повернулся к микрофону и вызвал мэра.

— Говорит «Роллинг Стоун», Луна, капитан Стоун.

— Мы следили за вашим подходом, капитан, — ответил мэр.

— Хорошо. Мистер Фрайз, я собираюсь протянуть к вам трос. Если повезет, через полчасика буду у вас.

— Будете стрелять из гарпунного ружья? Я вы-

шлю кого-нибудь принять.

— Увы, не повезло, у меня нет ружья. Я все собираюсь, но забываю им обзавестись.

— А скажите, пожалуйста, капитан, — замялся Фрайз, — вы хорошо владеете техникой перемещения в скафандре?

— Если честно, то нет.

— Тогда позвольте, я пошлю вам парня с тросом. Нет-нет, не возражайте.

Хейзел, капитан и близнецы вышли в скафандрах наружу и стали ждать. На корабле, что напротив них, виднелась маленькая фигурка. Сам корабль теперь казался большим, больше «Стоуна». Мэрия помещалась в старомодном судне типа «космос — космос» — оно было круглым, примерно тридцатилетней давности. Роджер Стоун предположил, что после списания оно совершило единственный грузовой рейс в один конец.

Рядом с мэрией висел короткий цилиндр — то ли он был меньше ее, то ли находился дальше. Возле него виднелась еще какая-то масса неправильной формы — Солнце ярко освещало ее, но многочисленные черные тени мешали рассмотреть, что это такое. Вокруг было много других кораблей и каких-то конструкций, достаточно

близких, чтобы отличить их от звезд. Поллукс насчитал их с две дюжины на пространстве в столько же миль. От одного из них в миле от Стоунов отчалил скутер и направился к мэрии.

Фигурка, которую они только что видели, уже летела к ним через пространство. Она росла на глазах, и через полминуты посланный приблизился к ним, разматывая за собой трос. Он легко опустился ближе к носу «Стоуна», и все четверо пошли его встречать.

— Здравствуйте, капитан. Я Дон Уитситт, бухгалтер мистера Фрайза.

— Здравствуйте, Дон.

Роджер познакомил его с остальными. Близнецы помогли выбрать и свернуть легкий трос. За ним тянулся стальной канат, который Дон Уитситт закрепил на корпусе.

— Ждем вас в магазине, — сказал он. — Пока. — И опять прыгнул в пропасть с бухтой бечевки под мышкой, не игнорируя протянутый им трос.

Поллукс наблюдал, как он удаляется.

— Думаю, я тоже так могу, — сказал он.

— Оставайся при этом мнении, — сказал отец, — и пристегивайся к тросу.

Одного толчка было достаточно, чтобы пересечь бездну, если только чья-нибудь петля не

обматывалась вокруг троса. С петлей Кастора как раз это и случилось, и он остановился. Пришлось распутывать петлю и снова набирать инерцию, перебирая руками по тросу.

Уитситт уже вошел внутрь, но для гостей откачал шлюз и оставил его открытым. Стоуны прошли на корабль, где их встретил достопочтенный Джонатан Фрайз, мэр Рок-Сити. Это был маленький лысый человек с небольшим брюшком, острыми веселыми глазами и авторучкой за ухом. Он энергично потряс руку Роджеру Стоуну.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Большая честь принимать вас у себя, господин мэр. Надо бы поднести вам ключ от города и тому подобное и чтобы играл духовой оркестр, а девочки танцевали.

— Я бывший мэр и здесь в качестве частного лица, — покачал головой Роджер. — Поэтому оркестров не надо.

— А девочки?

— Я семейный человек. Но все равно спасибо.

— Были бы здесь танцующие девочки, я бы их придержал для себя. Хотя я тоже женат.

— Вот это верно! — В воздухе появилась полненькая, некрасивая, но очень живая женщина.

— Да, Марта.

Все перезнакомились, и миссис Фрайз увела с собой Хейзел, а близнецы последовали за мужчинами в переднюю часть шара, где помещались склад и магазин. На опорах и растяжках были установлены стеллажи, на которых лежали, привязанные или упакованные в сетки, всевозможные товары и продукты. Дон Уитситт сидел в центре комнаты, обхватив коленями стул и разложив перед собой столешницу. Рядом с ним висели на раздвижных штативах гроссбухи, а на полке стояли, закрепленные зажимами, несколько сотен маленьких бухгалтерских книг. Перед ним парил в воздухе старатель. Несколько других рыскали среди полок с товарами.

Видя, что тут есть все, что только может понадобиться горняку, Поллукс порадовался, что они сделали ставку на деликатесы, а потом с сожалением вспомнил, что не так много осталось для продажи. Плоские коты, пока их не заморозили, съели столько, что семье пришлось взяться за изысканные продукты близнецов, начиная с икры и кончая сосисками из Чикаго. Поллукс шепнул Кастору:

— Не думал, что конкуренция окажется такой мощной.

— Я тоже.

К мистеру Фрайзу подплыл старатель:

— Ван-Прайс[77], насчет той центрифуги…

— Потом, Сэнди. Я занят.

— Пожалуйста, не отвлекайтесь ради меня, — попросил Роджер.

— Сэнди все равно делать нечего, может и подождать — правда, Сэнди? Пожми руку капитану Стоуну — это его жена починила старого Джока.

— Да ну? Я горжусь, что познакомился с вами! Ваше прибытие — самая лучшая новость для нас за последнее время. Ты его сразу прими в комитет, — сказал Сэнди Фрайзу.

— Приму. Нынче же вечером проведу совещание по селектору.

— Минутку! — вмешался Роджер. — Я здесь только гость и не имею отношения к вашему городскому комитету.

Мистер Фрайз покачал головой:

— Вы не понимаете, что значит для нас снова получить возможность обратиться к доктору! А в комитете ничего такого делать не надо — это просто так, чтобы показать, как мы вам рады. И миссис Стоун, то есть доктора Стоун, мы тоже примем, если она захочет. Только ей будет некогда.

---

[77] Примечания: 77

Прозвище происходит от *англ.* «ван-прайс» (One-Price) — системы продаж, по которой все товары в магазине продаются по одной цене.

Капитан Стоун начал чувствовать себя неуютно.

— Полегче! Мы рассчитываем улететь отсюда при следующем сближении с Землей — а моя жена сейчас не практикует. Мы путешествуем для развлечения.

— Вы хотите сказать, что она не будет посещать больных? — забеспокоился Фрайз. — Она же оперировала Джока Донахью.

Стоун собирался сказать, что о регулярной практике не может быть и речи, но почувствовал, что его голос здесь решающим не является.

— Она будет принимать больных. Она врач.

— Вот и хорошо!

— Но черт бы меня побрал! Мы не для того сюда летели. Она в отпуске.

— Мы постараемся облегчить ей труд, — кивнул Фрайз. — Не можем же мы ожидать, что леди будет скакать по скалам, как, бывало, док Шульц. Слыхал, Сэнди? Нечего каждой старательской крысе звать к себе доктора, как только у него заболит пальчик! Надо всех оповестить, что, если кто заболел или поранился, его дело добраться до мэрии, или пусть соседи его доставят, если на него только можно надеть скафандр. Скажи Дону, чтобы набросал мне воззвание.

— Правильно, Ван-Прайс, — торжественно кивнул старатель и уплыл.

— Вернемся в ресторан, — предложил Фрайз, — посмотрим, заварила ли Марта свежего кофе. Я бы хотел узнать ваше мнение по некоторым нашим вопросам.

— Честное слово, я не советчик в ваших общественных делах. У вас все по-другому.

— По правде сказать, я просто хочу посплетничать о политике с профи — ведь не каждый день его встретишь. Кстати, пока не ушли — вам ничего не надо купить? Прямо сейчас? Инструмент, кислород, катализаторы? Хотите заняться старательским делом? А если да, то есть ли у вас снаряжение?

— Пока нам ничего не надо, кроме одного: хотелось бы купить, а еще лучше — взять напрокат скутер. Посмотреть окрестности.

— Друг мой, — покачал головой Фрайз, — мне жаль, что вы попросили именно то, чего у меня нет. Сюда хлынули «песчаные крысы» с Марса, а то и с Луны. И у половины нет снаряжения. Они берут напрокат скутеры и патентованные иглу — и тут же убегают, горя желанием разбогатеть. Но знаете что — месяца через два я жду с Цереры партию ракетных двигателей и баков. Мы с

Доном можем тем временем сварить вам каркас, а когда придет «Светлячок», присобачим к нему мотор, вот и все.

Роджер Стоун нахмурился:

— Учитывая, что следующий отлет на Землю наступит всего через пять месяцев, это слишком долго.

— Тогда придется придумать что-нибудь еще. Конечно, новый доктор заслуживает всего самого лучшего, и докторская семья тоже. А если…

Какой-то старатель хлопнул Фрайза по плечу:

— Эй, лавочник!

Лицо Фрайза потемнело.

— Ко мне следует обращаться «господин мэр»!

— Чего?

— Свали отсюда! Не видишь, я занят! — Покупатель попятился, а Фрайз продолжал кипеть: — Мои друзья и враги — все знают меня как Ван-Прайса отсюда и до Троянцев. А если он этого не знает, пусть обращается ко мне по должности — или идет покупать в другом месте. О чем бишь я? А, да! Можно толкнуться к старому Чарли.

— Где это?

— Видели цистерну около мэрии? Это нора Чарли. Он — сумасшедший старик, который рад посетителям, и отшельник по убеждениям.

Раньше он держался особняком и ни во что не вмешивался, но, когда начался бум и появилось по десять чужих на одно знакомое лицо, Чарли струхнул и попросился причалить к административному центру. Наверно, испугался, что его кто-нибудь пристрелит и уведет его воронье гнездо. Кое-кто из новоприбывших и на такое способен.

— Похож на прежних лунни. А зачем к нему обращаться?

— Ох, совсем я стал плох — уж очень голова забита всяким. У Чарли там что-то вроде лавки старьевщика, — подчеркиваю, я бы его хлам и даром не взял. Каждый раз, когда кто-то из старателей умирает или возвращается в сторону Солнца, его барахло оседает у Чарли в норе. Не скажу, чтобы у него был скутер, — разве что взять его собственный, все равно стоит на приколе. Но у него могут быть запчасти, из которых можно что-нибудь сварганить. Вы как, умеете работать инструментами?

— Я не очень — но у меня для таких дел есть бригада. — Он поискал глазами близнецов и нашел их среди полок с товарами. — Кас! Пол! Подите сюда.

Фрайз объяснил свою мысль, и Кастор кивнул:

— Если это когда-нибудь работало, мы сумеем наладить.

— Вот это молодцы. Ну, пошли пить кофе.

— Папа, — сказал Кастор, — а можно, мы с Полом прямо сейчас сгоняем туда и посмотрим, что у него есть? Чего тебе время терять?

— Ну-у…

— Тут рукой подать, — сказал Фрайз.

— Ладно, только не прыгайте. Пристегнитесь и держитесь за швартовочный трос.

Близнецы вышли. В шлюзе Пол стал кипятиться, но Кас сказал:

— Остынь. Отец просто хочет, чтобы мы были осторожны.

— Да, но зачем при всех-то говорить?

Берлога Чарли, как определили близнецы, раньше была прицепной цистерной для доставки кислорода в колонию. Они вошли в шлюз и пустили воздух, а когда давление поднялось, потрогали внутреннюю дверь. Она не поддавалась. Поллукс начал молотить в нее гаечным ключом, снятым с пояса, а Кастор — искать сигнальную кнопку или еще что-нибудь. Шлюз тускло освещала трехдюймовая люминесцентная трубка.

— Хватит ломиться, — сказал Кастор. — Если он жив, то тебя услышал.

Поллукс послушался и опять подергал дверь, но она оставалась запертой. Изнутри послышался приглушенный голос:

— Кто там?

Кастор поискал, откуда идет голос, но не нашел.

— Кастор и Поллукс Стоуны, — ответил он, — с корабля «Роллинг Стоун», Луна.

— Не проведете, — хмыкнул хозяин, — и без ордера арестовать не имеете права. Да я вас и не впущу.

Кастор начал было закипать, но Поллукс похлопал его по руке:

— Мы не полицейские. Что за чушь?

— А ну, снимите шлемы.

— Не надо, — сказал Кастор. — Он может сбросить давление, пока мы разгерметизированы.

Но Поллукс сделал шаг вперед и снял шлем. Кастор, помявшись, последовал его примеру.

— Впустите нас, — мягко попросил Пол.

— Зачем мне это?

— Мы к вам по делу. Хотим купить у вас кое-что.

— А что у вас есть?

— Мы заплатим наличными.

— Наличные! — сказал голос. — Банки! Пра-

вительство! *На обмен* у вас что-нибудь есть? Шоколад есть?

— Кас, — шепнул Поллукс, — у нас шоколад остался?

— Фунтов шесть-семь, не больше.

— Да, у нас есть шоколад.

— Покажите.

— Что за чушь? — вмешался Кастор. — Пол, пошли опять к мистеру Фрайзу. Вот кто настоящий бизнесмен.

— О, не надо! — простонал голос. — Он вас надует.

— Тогда откройте.

Голос, помолчав, сказал вкрадчиво:

— Похоже, вы хорошие мальчики. Вы не обидите Чарли? Старого Чарли?

— Конечно нет. Мы ведь хотим с вами договориться.

Дверь наконец открылась, и из мрака выглянуло лицо, изрытое годами и темное при свете солнца.

— Заходите, да смотрите без фокусов — знаю я вас.

Сомневаясь в том, разумно ли они поступают, близнецы пролезли внутрь. Когда их глаза привыкли к слабому дневному свету трубки в се-

редине помещения, ребята стали осматриваться, а хозяин рассматривал их. Цистерна, снаружи большая, изнутри казалась куда меньше, до того она была захламлена. Как и в магазине Фрайза, каждый дюйм, каждый угол, каждая ниша были заняты, но если в мэрии царил порядок, то здесь — полный хаос, и если у Фрайза в магазине был виден рациональный подход, то здесь все было перепутано, как в кошмаре. Воздух был достаточно свежий, но насыщенный застарелыми загадочными запахами.

Здешний хозяин походил на тощую обезьянку и был одет в какое-то сплошное темное одеяние, оставляющее открытыми только голову, руки и босые ноги. Поллукс решил, что некогда эти тряпки были комплектом термобелья, которое надевают под скафандр астронавты в дальних полетах или спелеологи, спускаясь в пещеры.

Разглядев гостей, старый Чарли усмехнулся и почесал шею большим пальцем ноги.

— Хорошие мальчики, — сказал он. — Я знал, что вы не тронете Чарли. Просто шутил.

— Мы никого не трогаем, мы просто хотели познакомиться и провернуть небольшое дельце.

— Нам нужен… — начал Поллукс, но локоть Кастора помешал ему продолжить.

Кастор сказал:

— Хорошо у вас тут.

— Удобно. Практично. Как раз для человека, который не любит суеты. Для человека, который любит подумать в тишине. Или почитать. Вы любите читать, ребята?

— Конечно. Очень.

— Хотите посмотреть мои книги? — Не дожидаясь ответа, Чарли нырнул во тьму, как летучая мышь, и тут же вернулся, неся книги в двух руках и зажав с полдюжины ногами. Притормозив локтями, он остановился и предложил книги гостям.

Книги были старинные, в переплетах — в основном справочники по управлению кораблями, которых давно не было на свете. Кастор широко раскрыл глаза, посмотрев на даты издания, и прикинул, сколько бы дал за эти книги Институт астронавигации. Среди книг была потрепанная «Жизнь на Миссисипи» Марка Твена.

— Вот, мальчики, смотрите. Располагайтесь поудобнее, Не ожидали встретить начитанного человека посреди этих олухов. Вы ведь умеете читать?

— Конечно.

— Кто вас знает? В наши дни так странно учат.

Прочтешь человеку латинское изречение, а он глядит, будто у тебя не все дома. Вы, мальчики, не голодные? Есть не хотите? — забеспокоился Чарли.

Близнецы заверили его, что недавно хорошо поели. Чарли просветлел.

— Старый Чарли не из тех, что отпустит человека голодным, даже если самому не хватает. — Кастору бросилась в глаза сетка, набитая нераспечатанными упаковками пайков — на первый взгляд их там было с тысячу штук. Старик продолжал: — Было время на этом узле — нет, это было на Эмме Лу, — когда человек не садился завтракать, не заперев шлюз и не выключив маяк. Как раз тогда Лафе Дюмон съел Хендерсона-Первый-Сорт. К тому моменту он уже умер, естественно, но все равно это вылилось в изрядный кризис в нашем сообществе. Они сформировали тогда совет бдительных, который в наши дни называют комитетом.

— А зачем он его съел?

— Я же говорю — Хендерсон умер. Но все равно компаньона есть как-то нехорошо.

Близнецы согласились, что это, безусловно, нарушение правил приличия.

— Если бы он хотя бы приходился Лафу род-

ственником — или надо было им составить такой контракт с подписями и печатью. Вы привидений еще не видели?

От такой внезапной перемены темы разговора близнецы опешили.

— Привидений?

— Увидите еще. Я много раз говорил с Хендерсоном-Первый-Сорт. Говорит, он на Лафа совсем не в обиде и на его месте сделал бы то же самое. Тут полно привидений. Все старатели, которые умерли здесь, не могут вернуться на Землю. Они тут на стационарной орбите, правильно? И ясно же, что нельзя придать ускорение тому, у кого нет массы. — Чарли доверительно наклонился к братьям. — Иногда их видишь, но чаще всего они шепчут тебе в наушники, и когда они шепчут — *слушайте*. Это единственный способ найти большую залежь, которую нашли, а потом опять потеряли. Я вам это говорю, потому что вы мне нравитесь, понятно? Слушайте их. А если плохо слышно, вы просто закройте клапаны на подбородке и задержите дыхание. Тогда яснее будет.

Близнецы поблагодарили за совет.

— А теперь расскажите о себе, ребята.

К удивлению близнецов, Чарли было действительно интересно, он расспрашивал их о

подробностях и только изредка вставлял ни к селу ни к городу свои сумбурные байки. Наконец Кастор рассказал о происшествии с плоскими котами.

— Поэтому у нас мало осталось продуктов на продажу. Но шоколад все-таки остался, и другие вещи тоже.

— Плоские коты? — сказал Чарли, покачиваясь взад-вперед на своем насесте. — Сто лет не держал в руках плоского кота. Приятно его подержать, приятно, когда такой зверь в доме. Они философы, если кто правильно понимает. — Внезапно он вперил взгляд в Кастора. — А что вы будете делать со своими плоскими котами?

— Да ничего, наверное.

— Я так и думал. Вы ведь дадите плоского котика бедному старику, у которого нет ни жены, ни детей, ни одной живой души? Старику, который всегда даст вам поесть и зарядит ваш баллон?

Кастор переглянулся с Поллуксом и осторожно подтвердил, что в придачу к сделке, которую они заключат, Чарли обязательно получит плоского кота.

— А что вам нужно-то? Вы говорили про скутер. Сами знаете, у старого Чарли нет скутера, кроме того, который мне нужен, чтобы выжить.

Кастор поднял вопрос о запасных частях, из которых можно построить скутер. Чарли поскреб свою дюймовую щетину:

— Ракетный двигатель у меня вроде был — ничего, если в нем не хватает клапана… или парочки клапанов? Или я его продал Шведу Гонсалесу? Нет, это был другой. Погодите секундочку — я поищу.

Чарли рылся в своих сокровищах секунд шестьсот и наконец извлек из недр какой-то кусок мусора.

— Вот ты где! Почти новый. Если что не так, такие смекалистые ребята запросто все наладят.

— Сколько он, по-твоему, стоит? — спросил Поллукс Кастора.

Кастор пошевелил губами:

— Он нам еще приплатить должен.

На торг ушло еще двадцать минут, но они столковались на трех фунтах шоколада и одном плоском коте.

17. Кототорговля

Добрых две недели ушло на то, чтобы починить старый кислородно-спиртовой двигатель, и еще неделя, чтобы собрать корпус скутера, в который данный двигатель следовало вставить. Для кор-

пуса взяли трубы со склада вторсырья мистера Фрайза. Красотой машина не отличалась, но, когда ее оборудовали стереорадаром со «Стоуна», на ней стало вполне возможно передвигаться по узлу. Капитан Стоун при виде скутера покачал головой и подверг его бесчисленным испытаниям, по окончании которых признал, что он безопасен, несмотря на уродство.

Тем временем комитет организовал для доктора службу такси. Каждый старатель, работавший в пределах пятидесяти миль от мэрии, обязан был отдежурить по очереди на своем скутере. За каждый рейс водителю платили твердую таксу рудой. Стоуны редко видели Эдит, — похоже, все граждане Рок-Сити поднакопили болезней впрок.

Но им не пришлось снова страдать от равнодушной стряпни Хейзел. Фрайзы пристыковали «Стоуна» к неиспользуемому люку мэрии пассажирским рукавом. Когда доктора Стоун не было, семья питалась в ресторане. Миссис Фрайз была отличной поварихой, и в ее гидропонном огороде чего только не росло.

При постройке скутера у близнецов было время поразмыслить о плоских котах. Их озарила мысль, что здесь, в Рок-Сити, существует потен-

циальный ненасыщенный рынок сбыта плоских котов. Весь вопрос был в том, как сбыть котов с наибольшей выгодой.

Поллукс предложил торговать вразнос со скутера: он доказывал, что человек, который уже взял плоского кота в руки, не в состоянии противиться покупке и непременно его купит. Кастор не соглашался:

— Не пойдет, юноша.

— Почему?

— Во-первых, капитан не даст нам узурпировать скутер: сам знаешь, он считает его корабельным имуществом, созданным экипажем, то есть нами. Во-вторых, мы будем сжигать свою прибыль в виде горючего. В-третьих, слишком медленно: не успеем мы охватить и трети покупателей, как какой-нибудь идиот начнет кормить своего кота как на убой, появятся котята — и на тебе: рынок будет переполнен плоскими котами. Задача в том, чтобы распродать всех примерно в одно время.

— Можно повесить объявление в магазине, Ван-Прайс нам разрешит, а продавать будем прямо со «Стоуна».

— Уже лучше, но недостаточно хорошо. Большинство этих «крыс» бывают в магазине не чаще

чем раз в три-четыре месяца. Нет, сэр, надо придумать мышеловку похитрее, чтобы покупатель сам проложил тропу к нашей двери.

— Никогда не мог понять, зачем нужны мышеловки. Разгерметизируй отсек, и все мыши в нем подохнут.

— Просто такой оборот речи. Юноша, как оповестить Рок-Сити о плоских котах?

И они нашли способ. Пояс, несмотря на свою необъятность — или благодаря ей, — жил так же тесно, как любая деревня. Они обменивались сплетнями по рациям своих скафандров. Живя в усеянной звездами тьме, приятно сознавать, что если что-то пошло не так, то милях в пятистах есть человек, который слетает и посмотрит, в чем дело, если ты надолго замолчал и не отвечаешь на вызовы.

С узла на узел сплетни передавали более мощными рациями. Известия о смерти, о большой находке или несчастном случае облетали весь пояс, от одного скалогрыза до другого, буквально со скоростью света. Узел Горькое Горе находится в шестидесяти шести световых минутах по орбите от Аллилуйи, но все свежие новости доходили туда часа за два, и это несмотря на многочисленные передаточные звенья.

В Рок-Сити была даже своя радиостанция. Ван-Прайс дважды в день принимал новости с Земли, а потом передавал их в эфир с собственными солеными комментариями. Близнецы решили вслед за ним выпускать свою радиопередачу на той же длине волны — шоу с музыкой, болтовней и рекламными вставками. О, да! Непременно с рекламными вставками. У них было полно записей, которые можно было крутить по радио, а потом продавать вместе с портативными проекторами, которыми они запаслись на Марсе.

Так они и сделали. Программа оказалась не блеск, но, в конце концов, конкурентов у них не было, а задаром почему не послушать. Сразу после заключительной фразы мэра Кастор говорил:

— Не расходитесь, соседи! Вас снова ожидают два часа музыки и смеха — а также информация о том, где что можно выгодно купить. Но сначала — тема нашей передачи: теплое и дружеское мурлыканье марсианского плоского кота. — Поллукс подносил Пушистика к микрофону и гладил его. Добродушный зверек всегда громко мурлыкал в ответ. — Неплохо возвращаться домой, когда там тебя ждет такое? А теперь немного музыки. «Солнечная шестерка» Гарри Вайнштейна с хитом «Высокое притяжение». Позвольте напомнить

вам, что эту запись, как и все, что звучит в нашей программе, можно исключительно дешево купить в переулке Плоского Кота рядом с мэрией — как и трехпрограммные проекторы «Аякс» производства «Джайант Джуниор» — звук, видео, стерео. «Солнечная шестерка» — давай, Гарри!

Иногда они устраивали интервью — Кастор задавал вопросы, а Поллукс отвечал.

Кастор. У нас в студии один из знаменитых жителей нашего города Рудольф Каменная Голова. Мистер Рудольф, весь Рок-Сити хочет послушать вас. Скажите, вам здесь нравится?

Поллукс. Не-а.

Кастор. Но вы, наверно, зарабатываете большие деньги, мистер Рудольф?

Поллукс. Не-а.

Кастор. Но вы добываете достаточно, чтобы хватало на жизнь?

Поллукс. Не-а!

Кастор. Нет? Тогда что же привело вас сюда?

Поллукс. Кореш, а ты когда-нибудь был женат?

(Звук глухого удара, стон и знакомое всем шипение шлюза.)

Кастор. Извините, друзья. Мой ассистент только что отправил мистера Рудольфа подышать вакуумом. Тому, кто купит плоского кота, которо-

го мы берегли для мистера Рудольфа, мы подарим красивый плакат, напечатанный в чудесных живых красках на огнестойкой бумаге. Не хочу вам даже говорить, сколько стоит такой плакат на Церере, — мне больно думать, по какой низкой цене продаем их мы. Но наш запас ограничен. Первому человеку, который войдет в эту дверь, чтобы купить плоского кота… Закройте дверь! Закройте дверь! Хорошо, хорошо — вы получите плакаты все трое, нам тут драки не нужны, только придется подождать до конца передачи. Извините, соседи, — небольшая неувязка, но мы уладили ее без кровопролития. Правда, я оказался перед дилеммой. Я дал вам обещание и не знал, что за этим последует. Слишком много покупателей уже стучится в дверь переулка Плоского Кота. И чтобы не нарушать свое обещание, я продлеваю его действие — не первый, не второй и не третий, а следующие *двадцать* покупателей совершенно бесплатно получат одну из этих потрясающих картинок. Не нужно денег — мы принимаем руду и вещество ядра по стандартным расценкам.

Иногда, для разнообразия, близнецы просили спеть Мид. Она не тянула на настоящую певицу, но у нее было теплое, проникновенное контральто. Послушав ее, человек, у которого не было даже

плоского кота, чувствовал себя очень одиноким. Мид привлекала покупателей даже лучше, чем гладкие профессиональные записи, и братья решили выделить ей заслуженный процент.

Но главное заключалось в самих плоских котах. Пришельцы с Марса, чуть ли не все до единого, накупили их себе, как только узнали, что они продаются, и каждый владелец плоского кота сделался бесплатным коммивояжером фирмы. Старатели с Луны, а то и с Земли, которые плоских котов прежде в глаза не видели, получили возможность познакомиться с ними, погладить, послушать гипнотическое мурлыканье — и попадали на крючок. Маленькие зверьки с новой силой пробуждали подавленное чувство одиночества, а потом, простимулировав, изгоняли его. Кастор держал мохнатого Пушистика у микрофона и ворковал:

— А вот и наша милочка Молли Малоун. Спой для ребят, солнышко. — И гладил Пушистика, а Поллукс прибавлял громкость. — Нет, Молли мы отдать не можем — она член семьи. Но у нас есть Ясноглазка. Нам бы и с ней не хотелось расставаться, но нельзя же быть эгоистами. Поздоровайся с друзьями, Ясноглазка. — И гладил Пушистика. — Мистер П., а теперь дайте

Бархотку.

Запас плоских котов в морозильнике постепенно таял, запас руды возрастал.

Роджер Стоун встретил предложение оставить парочку на развод решительным отказом. Одного кошачьего нашествия достаточно, заявил он. Пушистик может остаться — на урезанном пайке, но только он один.

Близнецы выискивали последних в углах трюма и подумывали о ликвидации предприятия, когда после одной из передач к ним пришел усталый седой мужчина. Он держался за спинами других покупателей, пока близнецы продавали котов. С ним была девочка чуть постарше Лоуэлла. Кастор раньше его не видел, но догадался, что это, наверное, мистер Эрска. Холостяков на узле было гораздо больше, чем женатых, а семьи с детьми были большой редкостью. Семья Эрска жила, кое-как перебиваясь, дальше по орбите и севернее, они редко появлялись в мэрии. Мистер Эрска с трудом объяснялся на бейсике, миссис Эрска на нем вообще не говорила. Они принадлежали к какому-то маленькому народу — кажется, были исландцами.

Когда другие покупатели разошлись, Кастор надел свою профессиональную улыбку и предста-

вился гостю. Да, это был мистер Эрска.

— Чем могу служить, сэр? Вам плоского кота?

— Боюсь, что нет.

— Как насчет проектора? С дюжиной лент к нему? Как раз для семейного вечера.

Мистер Эрска занервничал.

— Да, это хорошо, конечно. Нет. — Он потянул девочку за руку. — Пойдем, детка.

— Не спешите. Мой маленький брат где-то здесь — только что был. Он будет рад познакомиться с вашей девчушкой. Может, он на склад пошел — сейчас посмотрю.

— Мы лучше пойдем.

— Куда спешить? Он где-то недалеко.

— Моя дочка, — смущенно сказал мистер Эрска, — слышала вашу передачу и хотела посмотреть плоского кота. Теперь она видела, и мы пойдем.

— А-а. — Кастор подплыл к девочке. — А хочешь подержать его, малышка? — Она не ответила, но торжественно кивнула. — Мистер П., принесите Герцогиню.

— Сейчас, мистер К.

Поллукс отправился на корму и принес Герцогиню — первого кота, который попался ему под руку, разумеется. Идя обратно, Поллукс согревал

его на животе, чтобы тот скорей отошел. Кастор взял у него кота и стал массировать, пока тот не распластался и не открыл глаза.

— Вот, золотко. Держи, не бойся.

Девочка молча взяла зверька на руки и прижала к себе. Кусочек меха вздохнул и замурлыкал. Кастор спросил ее отца:

— Не хотите взять дочке котика?

Мужчина покраснел.

— Нет-нет! — сказал он.

— Почему? Ведь с ними никаких хлопот. Она его полюбит, и вы тоже.

— Нет!

Отец попытался забрать кота у дочери, говоря ей что-то на незнакомом языке. Девочка не отпускала животное и ответила отцу, как всем стало ясно, отказом. Кастор задумался:

— Вы хотели бы купить ей кота?

— Я не могу его купить, — ответил отец, глядя в сторону.

— Но хотите. — Кастор посмотрел на Поллукса. — А знаете, мистер Эрска, вы — пятисотый покупатель переулка Плоского Кота!

— Что?

— Разве вы не слышали наше грандиозное предложение? Наверно, пропустили передачу.

Пятисотый плоский кот вручается *совершенно бесплатно*.

Девочка, наверно, не совсем поняла, в чем дело, но еще крепче прижала к себе Герцогиню. Ее отец замялся:

— Вы шутите?

— Спросите мистера П., — засмеялся Кастор.

— Чистая правда, мистер Эрска, — солидно кивнул Поллукс. — Так мы отмечаем удачный сезон. Один плоский кот бесплатно и с наилучшими пожеланиями администрации. И в придачу один плакат или два леденца — что предпочитаете.

Мистер Эрска, кажется, не совсем поверил, но ушли они с Герцогиней и леденцами — все это девочка крепко прижимала к себе. Когда за ними закрылась дверь, Кастор недовольно сказал:

— Нечего было отдавать еще и леденцы. Это последние, я их не хотел продавать.

— А мы их и не продали, а подарили.

Кастор усмехнулся и пожал плечами:

— Ладно, надеюсь, у нее от них живот не заболит. Как ее зовут-то?

— Не слышал.

— Ничего, наша миссис Фрайз должна знать. — Кастор обернулся и увидел в люке Хейзел. — А ты-то чего ухмыляешься?

— Да так, ничего. С удовольствием наблюдаю за работой двух прожженных бизнесменов.

— Деньги — это еще не все!

— Кроме того, — добавил Поллукс, — это хорошая реклама.

— Реклама? Когда вы распродали почти весь товар? — Хейзел усмехнулась. — Не было никакого объявления, и ставлю шесть против одного — никакой он не пятисотый.

Кастор смутился:

— Ну и что же, если девчушке так хотелось! Что бы ты сделала на нашем месте?

Хейзел подплыла к ним и обняла обоих за шеи:

— Мальчики! Я начинаю думать, что вы еще сможете подрасти и лет через тридцать — сорок — пятьдесят будете способны примкнуть к человечеству.

— Ой, Хейзел, перестань!

18. Червяк, который вылез из грязи

Расчеты после операции с котами оказалось произвести непросто. Все коты являлись потомками Пушистика, который был движимым имуществом Лоуэлла. Но рост их поголовья находился в прямой зависимости от еды, которой их кормили все, что, в свою очередь, вынудило

семью взяться за продовольственные товары близнецов, и убытки обернулись прибылью лишь благодаря творческой инициативе последних. С другой стороны, близнецы свободно пользовались основными фондами (кораблем и электроникой), принадлежащими всей семье. Но как вычислить предполагаемую стоимость съеденных деликатесов? Как минимум она была выше, чем закупочная цена плюс стоимость топлива.

Роджер вынес соломоново решение. Из валовой прибыли следует выделить долю Мид за пение, близнецам возместят стоимость товаров, которые были съедены, а остаток делится на три части между близнецами и Лоуэллом. Расчет должен состояться после того, как из руды на Церере извлекут металл, а металл продадут на Луне.

Пока что Роджер дал согласие выдать близнецам из их денег аванс для дальнейших операций, Фрайз обещал оплатить его чек, выписанный на банк «Луна-Сити нейшнл».

Но на этот раз близнецы никак не могли придумать, куда бы им вложить деньги. Сначала они решили заняться в свободное время старательством, но несколько рейсов на скутере убедили их в том, что это дело для профессионалов, да и

те обычно едва перебиваются. Только укоренившаяся иллюзия, что следующий камень окажется «тем самым» и возместит годы тяжкого труда, поддерживала старых горняков. А близнецы теперь слишком хорошо изучили статистику и привыкли верить скорее в свои способности, чем в удачу. Находка же рудоносного астероида была чистейшей игрой случая.

Однажды братья совершили длинный рейс в самую толщу узла — полторы тысячи миль туда и обратно. Это заняло у них целые сутки. Они поставили скутер на небольшую скорость — 150 миль в час — и пустили его плыть, рассчитывая остановиться, если попадется подходящий камень. У Фрайза они одолжили заявочный маяк, пообещав заплатить, если заберут его себе.

Но платить не пришлось. Время от времени они замечали в стереорадаре крупный объект, но, подойдя к нему миль на тридцать, слышали сигналы чужого маяка. Наконец в дальнем конце они нашли-таки солидную группу камней, поравнялись с ней, пристегнули самые длинные тросы (отец категорически запретил им прыгать) и занялись исследованием. Не имея ни опыта, ни центрифуги, удельный вес они определяли, энергично прижимая камень к себе, — по степе-

ни сопротивления приблизительно вычислялась инерция. Взятый взаймы счетчик Гейгера радиоактивности не показывал, и близнецы искали более ценные материалы планетного ядра.

За два часа такой деятельности они здорово устали, но не сделались богаче.

— Дедуля, — заявил Поллукс, — тут сплошная отработанная порода.

— Если бы! Тут вообще одна пемза. Поехали домой?

— Ага.

Они развернули скутер с помощью маховика и навели его на маяк мэрии, разогнав до 400 миль в час, — это было все, что они могли выжать на оставшемся топливе, иначе пошли бы и на превышение скорости. Их беспокоила мысль, что они задержались, и хотелось поскорей добраться домой: даже в самом лучшем скафандре трудно выдержать долго. Правда, они знали, что родители особо волноваться не будут: близнецы еще не могли связаться с ними по своим рациям, но пустили по узлу слух о своем возвращении.

Отец действительно не волновался, но следующую неделю близнецы провели в заточении на корабле за то, что не вернулись вовремя.

Потом долго не случалось никаких происше-

ствий, не считая того, что Роджер Стоун потерял дыхательную маску, принимая душ, и чуть не захлебнулся, по его утверждению, пока не нашел кран и не перекрыл воду. Лишь немногими вещами проще заниматься в условиях гравитации, чем в невесомости, и купание — одно из таких занятий.

Доктор Стоун продолжала свою практику, которая теперь несколько сократилась. Иногда ее возил дежурный старатель, иногда близнецы. Однажды утром в свои приемные часы она пришла из мэрии на «Стоун» в поисках сыновей:

— Где мальчишки?

— Я их не видела с самого завтрака, — ответила Хейзел. — А что?

— Да так, — чуть нахмурилась доктор Стоун. — Попрошу мистера Фрайза вызвать мне скутер.

— Ты на вызов? Я тебя отвезу, если только эти обормоты не взяли наш скутер.

— Не надо, мама Хейзел.

— Мне это в радость. И я давно обещала покатать Лоуэлла. Или это надолго?

— Вряд ли. Это всего в восьмистах милях от нас. — Доктора не касались местные ограничения скорости. — Доберемся за два часа, чтобы сэкономить горючее.

И они отправились, прихватив радостного Вундера. Четверть горючего Хейзел оставила про запас и рассчитала максимальное ускорение для оставшегося количества, прикинув в уме отношение масс. Даже и без докторской привилегии в том секторе можно было без опаски превысить скорость — они находились в «разреженной» части узла.

Целью их путешествия была старинная крылатая ракета — крылья отрезали и сварили из них надстройку вроде палатки, чтобы увеличить размер жилья. Хейзел это напоминало лачугу в районе трущоб, но так выглядели многие корабли в Рок-Сити. Приятно было войти, выпить чаю и хоть ненадолго снять с Лоуэлла скафандр. Пациент, мистер Икерс, лежал в лубке, а его жена не умела водить скутер — поэтому доктор Стоун и согласилась на визит на дом.

Пока они были там, доктора Стоун вызвали по радио, и она с озабоченным видом вышла в общую комнату.

— Что там? — спросила Хейзел.

— Миссис Силва. Неудивительно — это ее первый ребенок.

— Ты узнала координаты и позывные маяка? Я тебя доставлю туда…

— А Лоуэлл?

— А, да. Сорванец слишком долго пробыл в скафандре.

Миссис Икерс предложила оставить ребенка у нее. Не успел Лоуэлл надуться по этому поводу, как доктор Стоун сказала:

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Сюда направляется мистер Силва. Я как раз собиралась сказать, мама Хейзел, может, я лучше полечу с ним, а вы с Лоуэллом вернетесь домой одни? Ты не против?

— Конечно нет. Замолчи, Лоуэлл! Мы будем дома через три четверти часа, и я уложу его спать или отшлепаю, смотря по обстоятельствам.

Хейзел отдала доктору Стоун один из двух запасных баллонов с кислородом — взять оба Эдит отказалась. Хейзел рассчитала новое отношение масс: без Эдит, ее скафандра и запасного баллона у нее оставалось лишнее горючее. Лучше разогнаться как следует и попасть домой до того, как детеныш разнюнится.

Хейзел с помощью маховика нацелилась на мэрию, проверила курс по стереорадару, немного повернулась вокруг оси, чтобы солнце не светило в глаза, подключила гироскопы и запустила двигатель.

В следующий момент они закувыркались, как лайнер в невесомости. Хейзел в силу привычки сообразила, что надо убрать тягу, но потеряла уйму времени, потому что ее вдавило в сиденье, ей мешали ремни безопасности, и она не могла нащупать дроссель, и все это время скутер бессмысленно ускорялся.

Снова оказавшись в невесомости, она постаралась рассмеяться:

— Здорово прокатились, а, Лоуэлл?

— Давай еще раз, бабушка!

— Нет уж, хватит.

Хейзел быстро обдумала ситуацию. Что могло испортиться в этом суденышке, где всего-то и есть, что ракетный двигатель, открытый каркас с сиденьями и пристежными ремнями безопасности да минимум приборов и органов управления? Это, конечно же, гироскопы — двигатель сработал как часы. Хейзел заметила, что гироскопы рыскают — это было единственным свидетельством недавнего кувыркания. Она осторожно отрегулировала их вручную, приставив шлем к корпусу, чтобы проверить работу на слух.

И только потом попыталась определить, где они находятся и куда направляются. Так, Солнце там — а Бетельгейзе вон там, значит мэрия долж-

на быть в той стороне. Хейзел прижала шлем к полукруглому окошку стереорадара. Ага, точно!

Дом Икерсов был естественной ближней целью, от которой следовало вычислять вектор. Хейзел нашла их корабль и поразилась, увидев, как он далеко. Должно быть, их порядком отнесло, пока она возилась с гироскопами. Она прикинула скорость и направление — и присвистнула.

«Маловато магазинов по дороге, — подумала она, — и жилья тоже. Не повредит связаться с миссис Икерс — сказать ей о том, что случилось, и попросить ее сообщить в мэрию — так, на всякий случай».

Но миссис Икерс не отвечала.

«Вот лентяйка, — с горечью подумала Хейзел, — отключила, поди, рацию и спит себе. Неряха — сразу видно по тому, как выглядит ее дом и как в нем пахнет».

И все же Хейзел продолжала вызывать миссис Икерс или любого, кто мог оказаться в пределах передатчика в ее скафандре. А сама тем временем снова навела скутер на мэрию, со смещением, чтобы компенсировать боковую скорость. На этот раз она действовала осторожно и была начеку — поэтому потеряла всего несколько секунд, когда гироскопы снова выбило.

Хейзел отключила их и выбросила из головы, а потом тщательно обдумала ситуацию. Халупа Икерсов превратилось в светящуюся точку на небе, которая уменьшалась на глазах, но могла еще служить пунктом отсчета. Хейзел не нравился ее теперешний курс. Как всегда, казалось, что они неподвижно стоят в самом центре звездного шара, но приборы показывали, что они движутся в открытый космос, за пределы узла.

— Что случилось, бабушка Хейзел?

— Ничего, малыш, ничего. Бабушке надо остановиться и посмотреть на дорожные знаки, вот и все.

Хейзел подумала, что охотно отдала бы свой шанс на вечное блаженство за автоматический сигнал тревоги и радиомаяк. Она протянула руку к Лоуэллу, отключила его радио и несколько раз повторила призыв о помощи. Ответа не было. Хейзел снова включила Лоуэллу радио.

— Ты зачем это сделала, бабушка Хейзел?

— Просто проверяла.

— Обманываешь! Ты боишься! Почему?

— Нет, милый, не боюсь — ну разве что немножко волнуюсь. А теперь тихо, бабушке надо работать.

Хейзел осторожно выровняла скутер махо-

виком и осторожно поправила его, когда он попытался отклониться. Надо было сойти с этого гибельного курса и направить скутер на мэрию. Гироскопы Хейзел намеренно не включала. Она заново пристегнула Лоуэлла и проверила, как он сидит.

— Сиди смирно, — предупредила она. — Только пальчиком шевельни, и бабушка снимет с тебя скальп.

Так же тщательно Хейзел уселась сама, вычисляя в уме плечи рычага, массу и угловой момент. Придется уравновешивать скутер без гироскопов.

«А теперь, — сказала она себе, — посмотрим, Хейзел, кто ты: пилот или так себе любитель».

Придвинув шлем к радару, она навела сетку прицела на отдаленную метку мэрии и включила двигатель.

Метка заколебалась, и Хейзел попыталась восстановить равновесие, сдвинувшись на сиденье. Когда метка быстро поехала вбок, Хейзел тут же отключила тягу. И снова проверила курс. Их положение несколько улучшилось. Хейзел снова позвала на помощь, не потрудившись выключить радио Лоуэлла. Он ничего не сказал, и вид у него был сумрачный.

Хейзел повторила попытку, снова отключив двигатель, как только скутер начал «вилять хвостом». Проверила курс, позвала на помощь — и повторила все снова. Она проделала это еще десяток раз. На последней попытке двигатель заглох, хотя дроссель был открыт на полную. Раз топливо кончилось, можно было не суетиться. Хейзел старательно выверила курс по кораблю Икерсов, теперь совсем далекому, и сверила его с меткой мэрии на экране, не переставая звать на помощь. После этого она убедилась, что в каком-то смысле преуспела. Теперь они вне всякого сомнения направлялись к мэрии и не могли разойтись с ней больше чем на несколько миль, которые можно преодолеть и в скафандре. Но если курс был верен, то скорость оказалась до омерзения низкой. Расстояние 650 миль, а скорость — 40 миль в час. Шестнадцать часов ходу. Она подумала, пригодится ли Эдит второй запасной баллон кислорода. Датчик ее собственного показывал половину. Она еще раз позвала на помощь и еще раз решила в уме свою задачу — вдруг ошиблась в десятичных знаках? При повторной настройке радара на мэрию крошечный огонек на экране стал бледнеть и погас. Услышав, как выражается Хейзел, Лоуэлл спросил:

— А теперь что, бабушка?

— Ничего такого, чего бы не следовало ожидать. Есть такие дни, миленький, когда и вставать-то утром не стоит.

Причина, как вскоре выяснила Хейзел, была до того проста, что ничего нельзя было поделать. Стереорадар перестал работать, потому что разрядились все три картриджа в его блоке питания. Она была вынуждена признать, что пользовалась им долго и потратила много энергии.

— Бабушка Хейзел! Я хочу домой!

Хейзел отвлеклась от тревожных мыслей, чтобы ответить ребенку:

— Мы и летим домой, моя радость. Только это займет довольно много времени.

— А я *сейчас* хочу домой!

— Прости, но сейчас не получится.

— А я…

— Замолчи — а то, когда достану тебя из скорлупки, так задам, что долго будешь помнить. Увидишь. — И Хейзел снова позвала на помощь.

Лоуэлл, как это с ним бывало, мигом успокоился.

— Вот так-то лучше, — одобрила Хейзел. — Хочешь, сыграем в шахматы?

— Нет.

— Трусишка. Боишься, что я тебя побью. Спорим на три щелчка?

Лоуэлл подумал.

— А я буду белыми играть?

— Играй. Все равно побью.

К немалому удивлению Хейзел, так и вышло. Игра затянулась; Лоуэлл не привык еще так, как Хейзел, представлять себе шахматную доску, и приходилось несколько раз брать обратно ход, пока мальчик не запомнил расположение фигур. Через каждые два хода Хейзел звала на помощь. В середине игры ей пришлось отсоединить свой кислородный баллон и заменить его запасным. У нее и у мальчика кислорода было поровну, но маленький Лоуэлл расходовал его гораздо медленнее.

— Ну что, еще разок? Хочешь реванш?

– *Нет!* Я хочу *домой*.

— Мы летим домой, дорогой.

— А долго еще?

— Ну… еще не очень скоро. Я расскажу тебе сказку.

— Какую?

— Про червяка, который вылез из грязи.

— У-у, я эту знаю! Она мне надоела.

— Я тебе еще не всю рассказала. И она никак

не может надоесть, потому что у нее нет конца — всегда что-нибудь новенькое.

И Хейзел в который раз стала рассказывать, как червяк выполз из ила — не потому, что ему не хватало еды, не потому, что там, под водой, было плохо, холодно или неуютно, — как раз наоборот. Просто этот червяк был беспокойный. И как он вылез на сушу и отрастил ножки. Как потом некоторые червяки стали слонятами, а некоторые — обезьянками, и они отрастили руки и начали делать разные вещи. Как потом, все еще не находя себе покоя, они отрастили крылья и устремились к звездам. Долго, долго рассказывала Хейзел, прерываясь только для того, чтобы позвать на помощь.

Ребенок то ли заскучал, то ли пропускал ее рассказ мимо ушей, то ли слушал с удовольствием, а потому сидел тихо. Когда Хейзел замолчала, он сказал:

— Расскажи другую сказку.

— Не сейчас, дорогой.

Датчик на баллоне Лоуэлла показывал ноль.

— Ну давай! Расскажи новую, получше.

— Не сейчас, дорогой. Эта история — самая лучшая история, которую знает Хейзел. Самая лучшая. Я рассказала тебе ее снова, потому что

хочу, чтобы ты ее запомнил.

Хейзел увидела, как загорелся красным тревожным огоньком дыхательный индикатор мальчика, спокойно отсоединила свой ополовиненный баллон, закрыла бесполезные теперь клапаны и заменила опустевший баллон внука своим. Мгновение она раздумывала, не подключить ли баллон к обоим скафандрам, потом пожала плечами и отказалась от этой мысли.

— Лоуэлл…

— Что, бабушка?

— Послушай меня, дорогой. Ты слышал, как я звала на помощь. Теперь это придется делать тебе — через каждые несколько минут.

— Почему?

— Потому что Хейзел устала, дорогой. Хейзел нужно поспать. Обещай мне, что будешь это делать.

— Ну ладно.

Она пыталась сидеть совершенно неподвижно, чтобы потреблять как можно меньше воздуха, оставшегося в скафандре. Не так уж все было и плохо, думала она. Правда, она хотела увидеть Кольца, но все-таки и без них многое повидала.

У каждого, наверно, есть свой Каркасон[78] — ей не о чем жалеть.

— Бабушка! Бабушка Хейзел!

Она не ответила.

Лоуэлл подождал и начал плакать — горько и безнадежно.

Доктор Стоун, вернувшись на корабль, нашла там только мужа. Поздоровавшись с ним, она спросила:

— А где Хейзел, дорогой? И Лоуэлл?

— Разве вы не вместе вернулись? Я думал, они зашли в магазин.

— Не может быть.

— Что не может быть?

Эдит объяснила, в чем дело, и Роджера как громом поразило.

— Они улетели одновременно с тобой?

— Собирались. Хейзел сказала, что они будут дома через сорок пять минут.

— Значит, они остались у Икерсов — это ясно как день. Сейчас выясним. — И он бросился к

---

[78] Примечания: 78

Каркасон — город, который, согласно легенде, армия Карла Великого осаждала пять лет. Когда в нем кончились припасы, дама, возглавившая оборону, взяла последнюю свинью в городе и скормила ей последнюю горсть зерна — а затем сбросила со стены. Решив, что в городе полно продовольствия, раз уж жители кормят свиней зерном, Карл Великий снял осаду и отвел войско.

двери.

Близнецы, вернувшись, застали и дома, и в мэрии полный переполох. Они провели несколько интересных и поучительных часов у старого Чарли. Отец, оторвавшись от рации, спросил их:

— Вы где были?

— У Чарли в берлоге. А что случилось?

Роджер Стоун объяснил. Близнецы переглянулись.

— Папа, — тревожно сказал Кастор, — ты говоришь, что Хейзел возила маму на *нашем* скутере?

— Конечно.

Близнецы снова обменялись взглядами.

— А что с ним такое? Говорите.

— Да видишь ли… одним словом…

– *Говори!*

— Там один гироскоп разболтался — подшипник, что ли, — с несчастным видом сознался Поллукс. — Мы как раз собирались его чинить.

— Собирались? Сидя у Чарли?

— Ну, мы как раз и пошли к нему посмотреть, как у него насчет запасных частей, и… ну и вроде как засиделись.

Отец несколько секунд смотрел на них без всякого выражения на лице, потом сказал ровным

голосом:

— Вы оставили одну из систем корабля в неисправности. Не записали об этом в бортжурнал. Не доложили капитану. — Он помолчал. — Отправляйтесь в свою комнату.

— Но, папа, мы же хотим помочь!

— Оставайтесь у себя. Вы под арестом.

Близнецы сделали, как было приказано. Тем временем весь Рок-Сити поднялся на ноги. По радио передавали: пропали докторский сынишка и его бабушка. Заправляйте скутеры, будьте наготове. Оставайтесь на этой волне.

— Пол, да не дергайся ты!

Поллукс повернулся к брату:

— Как я могу не дергаться?

— Не пропадут они, не могут пропасть. Да их стереорадар будет гореть на всех экранах, как прожектор.

— Не знаю, — задумался Поллукс. — Помнишь, я говорил, что в батарее, кажется, высоковольтный пробой?

— Я думал, ты его наладил.

— Собирался — после того как починим гироскоп.

— Плохо, — вздохнул Кастор, обдумав это. — Вот это по-настоящему плохо. Но ты все равно не

дергайся, — внезапно добавил он. — Давай лучше думать. Что у них произошло? Надо восстановить картину.

— Что произошло? Ты смеешься? Эта зараза перевернулась, а там все возможно, раз управление вышло из строя.

— Думай головой, я сказал. Что будет делать Хейзел в этой ситуации?

Оба некоторое время молчали, потом Поллукс сказал:

— Кас, этот гад всегда кувыркается в левую сторону?

— И что нам это даст? Откуда мы знаем, где левая сторона?

— Нет! Ты спрашивал, что бы стала делать Хейзел. Она бы, конечно, взяла курс домой — а Хейзел всегда выходит на курс так, чтобы солнце светило ей в затылок, если только возможно. У нее не все ладно со зрением.

Кастор прищурился, пытаясь представить себе картину.

— Скажем, Икерсы здесь, а мэрия там; если солнце в этой стороне, то, если она перевернется, их отнесет сюда. — Он показал куда.

— Точно, точно! Если координаты были правильные, конечно. Но что бы она еще сделала?

Что бы сделал *ты*? Вернулся бы на прежний курс, то есть курс на мэрию.

— Как она могла бы это сделать? Без гироскопов?

— А ты подумай. Разве ты бы сдался? Хейзел у нас *пилот*, она полетит на этой штуке, как на помеле. Значит, она вернется — или попытается вернуться — в этом направлении, а все будут искать ее здесь, — опять показал Поллукс.

— Возможно, — нахмурился Кастор.

— Я тебе говорю. Ее будут искать в конусе вершиной к Икерсам, а надо в конусе вершиной *сюда*, и притом только по одной его стороне, вот отсюда…

— Пошли! — сказал Кастор.

— Папа сказал, что мы под арестом.

— Пошли, говорю!

Мэрия опустела, только миссис Фрайз с покрасневшими глазами дежурила у рации. Она покачала головой:

— Пока ничего.

— Где бы нам найти скутер?

— Не найдете. Все на поисках.

Кастор потянул Поллукса за рукав:

— Старый Чарли.

— Да? Скажите, миссис Фрайз, а Чарли тоже

отправился на поиски?

— Я сомневаюсь, что он вообще о них слышал.

Близнецы прыгнули в свои скафандры, для скорости выпустили весь воздух из шлюза и не стали пристегивать тросы. Старый Чарли впустил их:

— Что за суета, ребята?

Кастор объяснил. Чарли покачал головой:

— Плохо дело, да, очень плохо. Жалость-то какая.

— Чарли, нам нужен твой скутер.

— Прямо сейчас! — добавил Поллукс.

— Вы что, смеетесь? — изумился Чарли. — Я только один и могу с ним управляться.

— Чарли, тут дело серьезное! Он нам нужен, и все.

— Вы с ним не справитесь.

— Мы оба пилоты.

Чарли задумчиво зачесался, а Кастор размышлял, не стукнуть ли его и не забрать ли ключи, но ключей при нем могло и не быть, а как найдешь их в этой куче хлама? Наконец Чарли сказал:

— Ну, если уж надо, я лучше сам его поведу.

— Ладно, ладно! Скорей! Надевай скафандр!

— Не спешите так. Тише едешь — дальше будешь. — Чарли нырнул в свой кавардак и почти сразу же вынырнул со скафандром, который на

первый взгляд состоял из одних завулканизированных заплат. — А пес его возьми, — жаловался Чарли, пытаясь влезть в него, — сидела бы ваша мать дома да занималась бы своим делом, ничего бы и не случилось.

— Заткнись и поторапливайся!

— Я и так быстро. Она меня помыться заставила. Не нужны мне никакие доктора. Вся живность, которая меня кусает, тут же дохнет.

Когда Чарли выудил свой скутер из груды разбитой техники, пришвартованной к его дому, близнецы поняли, почему он отказался сдать им его напрокат. Охотно верилось, что никто, кроме Чарли, управлять им не сможет. Мало того что машина была древняя, латанная запчастями от других моделей, так еще и пульт управления был рассчитан на пилота с четырьмя руками. Чарли так долго жил в невесомости, что научился работать ногами не хуже чем руками, словно обезьяна. Даже скафандр у него был устроен так, что между большими пальцами ног и остальными был промежуток, как в японских носках.

— Держитесь. Куда летим?

— Знаешь, где живут Икерсы?

— Конечно. Сам жил в той стороне. Пустынные места. Вон там, — показал он, — на полградуса

вправо от той звездочки второй величины, миль восемьсот — восемьсот десять.

— Кастор, может, нам лучше проверить в мэрии сводки смещений?

— Я Рок-Сити знаю, — возмутился Чарли, — и я в курсе всех смещений. Приходится.

— Тогда вперед.

— К Икерсам?

— Нет-нет, подожди-ка… — Кастор вытянул шею, прикинул положение солнца, представил себя на месте Хейзел, отправляющейся домой. — Туда, что ли, как думаешь, Пол?

— Если правильно угадали, то да.

Чарли установил на своей старой посудине большие баки и мог долго поддерживать тягу и развивать большие скорости. Двигатель работал как часы, не хуже других, но радара на скутере не было.

— Чарли, как же ты узнаешь, где находишься?

— А вот. — И он предъявил старинную рамочную антенну радиокомпаса. Близнецы никогда такой не видывали, а принцип ее работы знали только из теории. Они учились летать по радару, а не гоняя верхом на скутере. Увидев выражение на их лицах, Чарли сказал: — Да, бросьте! Если человек умеет определить угол на глаз, на кой

ему вся эта механика. В двадцати милях от мэрии я даже двигатель на скафандре не включаю — прыгаю, и все.

Они стартовали в направлении, которое указали близнецы. Через некоторое время, выключив двигатель, Чарли показал им, как обращаться с радиокомпасом.

— Просто подключаете его к скафандру вместо обычного приемника. Если приняли сигнал, поворачивайте антенну, пока не добьетесь минимальной громкости. А направление сигнала укажет стрелка посередине антенны.

— Но в какую сторону? У стрелки-то две стороны.

— Надо знать. А если неправильно угадаешь, вернешься и попробуешь еще раз.

Первым нес вахту Кастор. Он принимал множество сигналов — весь узел гудел от разговоров, и все это были плохие новости. Кастор убедился, что рамка, хоть и не обладает избирательностью антенны-тарелки, все же принимает одновременно только один сигнал, и непрерывно вертел антенну, выслушивая каждый сигнал достаточно долго, чтобы определить, не Хейзел ли это.

Поллукс похлопал его по плечу и прикоснулся к нему шлемом:

— Есть что-нибудь?

— Одна болтовня.

— Продолжай принимать. Будем искать, пока не найдем. Хочешь, сменю?

— Нет. Если мы их не найдем, я вообще не вернусь.

— Брось свой дешевый героизм и слушай. Или давай мне антенну.

Мэрия исчезла за кормой, превратившись в точку в небе. Кастор наконец неохотно сдал вахту Поллуксу. Тот послушал минут десять и вдруг замахал руками, призывая остальных к тишине, хотя слышать их никак не мог. Кастор, придвинув к нему шлем, спросил:

— Что там?

— Вроде ребенок плачет. Может, это Вундер?

— Где?

— Потерял, когда сводил к минимуму. И не могу найти опять.

Чарли развернул скутер, как только закончил ускорение, предчувствуя, что это понадобится. Теперь он включил двигатель на величину прежнего ускорения, поставив скутер неподвижно относительно мэрии и узла. Добавочный легкий толчок направил их медленно назад по пройденному пути. Поллукс слушал, медленно вращая

антенну. Кастор напрягал глаза, пытаясь увидеть хоть что-нибудь, кроме холодных звезд.

— Поймал! — стукнул брата Поллукс.

Старый Чарли погасил относительное движение и стал ждать. Поллукс осторожно вышел на минимум, повернул антенну и проверил еще раз. Потом показал знаками два возможных направления сигнала, в ста восьмидесяти градусах друг от друга.

— Куда? — спросил Кастор у Чарли.

— Вон туда.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже, но я чувствую.

Кастор не спорил — оба направления были одинаково возможны. Чарли резко рванул в выбранную сторону, примерно ориентируясь на Вегу, потом быстро убрал тягу и пустил скутер по инерции. Поллукс энергично кивал. Прошло несколько минут, и он объявил, что сигнал стал сильнее, а минимум — громче. Но все еще ничего не было видно. Кастор тосковал по радару. Плач уже слышался в наушниках его собственного скафандра. Это мог быть Вундер — это *должен* был быть Вундер.

— Вот они!

Это крикнул Чарли. Кастор по-прежнему ниче-

го не видел, хотя Чарли ему и показывал. Наконец он уловил яркую точку, затерявшуюся среди звезд. Поллукс отключил радиокомпас — теперь было ясно, что эта масса не звезда и находилась она в правильном направлении. Старый Чарли вел свою машину так небрежно, будто катил на велосипеде. Он то включал, то гасил скорость, и наконец они застыли рядом со скутером Хейзел. Чарли настоял на том, что будет прыгать сам. Лоуэлл был в полной истерике, и от него нельзя было добиться толку. Видя, что он жив и невредим, спасатели бросились к Хейзел. Она так и сидела, пристегнутая к сиденью, с открытыми глазами и своей характерной полуулыбкой на лице, но она молчала и не отвечала им. Чарли посмотрел и покачал головой:

— Кончено, ребята. На ней даже баллона нет.

И все же они подключили баллон к ее скафандру — Кастор отдал свой, потому что никто не додумался захватить запасной. Братья вернулись на скутер Чарли на одном баллоне, превратившись на время в сиамских близнецов. Семейный скутер бросили на орбите — кто-нибудь другой подберет его и приведет на буксире. На обратном пути Чарли сжег почти все горючее — он несся на предельной скорости и последний запас истра-

тил на то, чтобы причалить к мэрии.

Всю дорогу они посылали в эфир весть о спасении. Кто-то принял их сообщение и передал другим.

Хейзел внесли в магазин Фрайза — там было больше места. Миссис Фрайз оттолкнула близнецов и стала делать ей искусственное дыхание. Через десять минут ее сменила подоспевшая доктор Стоун. Она использовала принятый в невесомости метод — не пристегиваясь, парила у Хейзел за спиной и ритмично сжимала ей ребра обеими руками.

Похоже было, что в магазин рвется весь Рок-Сити. Фрайз выгнал всех и в первый раз за всю историю запер дверь своего магазина. Через некоторое время доктора Стоун сменил ее муж — она передохнула пару минут и опять взялась за дело.

Мид тихо плакала. Старый Чарли ломал руки с несчастным и потерянным видом. Доктор Стоун работала, сосредоточенно нахмурив брови, на ее лице залегли мужские профессиональные складки. Лоуэлл, держась за руку Мид, не плакал, а только горестно смотрел, не понимая, в чем дело, — он еще не знал, что такое смерть. Кастор, кривя рот, плакал тяжело, по-мужски, заходясь в рыданиях. Поллукс молчал — он уже истощил

свои эмоции. Когда Эдит сменила его, к ним подошел Роджер Стоун — его лицо не выражало ни гнева, ни надежды.

— Папа, она… — прошептал Поллукс.

Роджер, будто только что заметив сыновей, обнял поникшие плечи Кастора.

— Не забывайте, мальчики, что она у нас совсем старая. Мало кто возвращается оттуда в ее возрасте.

Хейзел открыла глаза:

– *Кто* не возвращается, сынок?

19. Бесконечный путь

Хейзел воспользовалась методом древних факиров, который в свое время привез на Запад фокусник по имени Гудини. Дыша настолько поверхностно, насколько это было возможно, она быстро впала в коматозное состояние. Послушать ее, так никакой опасности вообще не было. Умереть? Какого черта, даже в гробу нельзя задохнуться за такое короткое время. Пришлось, конечно, положиться на Лоуэлла — что он будет все время звать на помощь, потому что он расходовал меньше кислорода. Но сознательно жертвовать жизнью, чтобы спасти мальчика? Смешно! В этом не было нужды.

Только на следующий день Роджер призвал к себе близнецов.

— Вы хорошо потрудились на спасательных работах, — сказал он. — Умолчим о том, что вы бежали из-под ареста.

— Это не наша заслуга, — ответил Кастор. — Хейзел все сделала сама. Я хочу сказать — мы взяли идею из ее сериала, из эпизода с искривленной орбитой.

— Я его, наверно, не читал.

— Там речь шла о том, как отличить один кусок космоса от другого, почти не имея данных, от которых можно оттолкнуться. Капитану Стерлингу пришлось…

— Неважно. Я не об этом хотел говорить. Повторяю, вы хорошо поработали, откуда бы ни почерпнули свою идею. Если бы поиск шел обычными методами, то бабушка, безусловно, погибла бы. Вы бываете очень умными, когда захотите. Почему-то раньше вы не захотели и бросили гироскопы неисправными.

— Да откуда мы знали, папа…

— Хватит. — Роджер взялся за пояс, и близнецы заметили на нем старинную деталь одежды — кожаный ремень. Роджер снял его. — Это принадлежало вашему прадеду, а он передал его

вашему деду, а он, в свою очередь, передал его мне. Не знаю, насколько глубока его история, но можно сказать, что на нем держится весь род Стоунов. — Роджер сложил ремень вдвое и хлопнул им по ладони. — Все мы, на протяжении многих поколений, сохранили о нем нежнейшие воспоминания. Нежнейшие. Все, кроме вас двоих. — Он снова хлестнул ремнем по ладони.

— Ты хочешь сказать, что собираешься побить нас этим? — спросил Кастор.

— Не вижу причин, которые помешали бы мне это сделать.

Кастор посмотрел на Поллукса, вздохнул и шагнул вперед:

— Я буду первым — я старше.

Роджер выдвинул ящик и спрятал ремень туда.

— Мне надо было им воспользоваться лет десять назад. — Он закрыл ящик. — Сейчас уже слишком поздно.

— Так ты не будешь этого делать?

— Я и не говорил, что буду. Нет.

Близнецы обменялись взглядами.

— Папа-капитан, — сказал Кастор. — Мы предпочли бы, чтобы ты это сделал.

— Это правда, — поддержал Поллукс.

— Знаю. Так бы вы отделались от того, что натворили. Но теперь вам придется с этим жить, как всем взрослым людям.

— Папа…

— Ступайте к себе, сэр.

Когда «Роллинг Стоуну» пришло время улетать на Цереру, большая часть городского населения столпилась в мэрии, чтобы проститься с доктором и ее семьей. Остальные прощались по радио — весь город. Мэр Фрайз сказал речь и вручил Стоунам свиток, который объявлял их всех почетными гражданами Рок-Сити отныне и навеки. Роджер Стоун попытался ответить, но у него перехватило горло. Старый Чарли, свежевымытый, плакал открыто. Мид еще раз спела перед микрофоном — на этот раз ее мягкое контральто не оскверняла никакая коммерция. Десять минут спустя «Стоун» сошел с орбиты и лег на обратный курс.

Как и на Марсе, Роджер оставил корабль на орбите вокруг Цереры, но не на станции или на спутнике — их там не было, — а сам по себе. Хейзел, капитан и Мид слетали на челноке в Церера-Сити: Мид — посмотреть город, Роджер — сдать руду и металл планетного ядра и взять груз выплавленного металла на Луну, Хейзел — поза-

ботиться о своих делах (или своих развлечениях). Доктор Стоун решила остаться — из-за Лоуэлла: челнок был не чем иным, как увеличенным скутером с посадочным амортизатором. Близнецы все еще находились под арестом, и их в город не пустили. Мид, вернувшись, заверила их, что они не много потеряли.

— Все равно что Луна-Сити, только маленький. Всюду толпы — и ничего интересного.

— Она правду говорит, ребята, — подтвердил отец, — так что не принимайте близко к сердцу. На следующей остановке увидите Луну.

— Мы и не переживаем! — чопорно заявил Кастор.

— Нисколько, — поддержал Поллукс. — Согласны подождать до Луны.

— Не проведете, — усмехнулся Роджер, — Однако через пару недель начнем прокладывать орбиту домой. Жалко вообще-то. Все-таки это были два хороших года.

— Ты говоришь, домой, папа? — вдруг сказала Мид. — Мне кажется, мы и так дома. Мы возвращаемся на Луну, но свой дом мы несем с собой.

— Да? Пожалуй, ты права. Старый добрый «Роллинг Стоун» — наш дом, если разобраться. Мы с ним немало пережили. — Он нежно похлопал по

переборке. — Верно, мать?

Непривычно молчаливая Хейзел встрепенулась:

— Да, да. Конечно.

— А ты что делала в городе, мама Хейзел? — спросила доктор Стоун.

— Я? Да так. Потрепалась со старожилами и отправила эти дурацкие серии. Кстати, Роджер, начинай-ка обдумывать сюжет.

— Мама, что случилось?

— Я с ними покончила. Возвращаю сценарий тебе.

— Ладно — только почему?

— Мне будет не совсем удобно им заниматься. — Казалось, она была смущена. — Слушайте: никто не будет сильно переживать, если я спишусь с корабля?

— О чем это ты?

— «Елена Троянская» уходит на Троянцы, а туда зайдет «Веллингтон», чтобы взять жидкий водород и пассажира — меня. Я лечу на Титан. — Прежде чем они смогли что-то возразить, она продолжила: — Да не смотрите вы на меня так. Я всегда хотела увидеть Кольца вблизи — настолько близко, чтобы руками пощупать. По-моему, это самое потрясное зрелище в Системе. Я всерьез

задумалась об этом, когда там — ну вы знаете где — стало малость душновато. Я сказала себе: «Хейзел, ты не становишься моложе. Хватайся за первый же шанс, который тебе подвернется». Один шанс я уже упустила, когда тебе, Роджер, было три года. Хороший был шанс, но они не брали ребенка — ну и вот. А теперь я лечу. — Хейзел помолчала и рявкнула: — Да что это вы точно на похоронах! Я вам больше не нужна. Я хочу сказать — Лоуэлл теперь подрос, и с ним уже не так трудно.

— Мне ты всегда будешь нужна, мама Хейзел, — спокойно сказала Эдит.

— Спасибо, но это неправда. Я научила Мид всему, что сама знаю по астронавигации. Она хоть завтра могла бы получить работу в «Четырех планетах», если б они не воротили нос от женщин-пилотов. Близнецы — ну, эти впитали всю подлость, которую я им могла передать, и выдержат в любой драке. А с тобой, сынок, я покончила, когда ты еще носил короткие штанишки, с тех пор ты сам меня воспитываешь.

— Мать!

— Что, сын?

— В чем истинная причина? Почему ты хочешь уйти от нас?

— Почему? А почему людей тянет куда-то? Зачем медведь идет вокруг горы? Да посмотреть, что там! Я никогда не видела Колец — вот тебе и причина. Весь человеческий род на этом стоит — скучные остаются дома, а умные шастают повсюду и ищут проблемы, в которые можно вляпаться. Это свойственно человеку. Не нужна для этого причина, как и плоскому коту не нужна причина, чтобы мурлыкать. Зачем вообще все?

— Когда ты вернешься?

— Может, и никогда. Мне *нравится* невесомость. Совсем не надо тратить сил. Вот посмотрите на старого Чарли. Знаете, сколько ему лет? Я навела справки — ему по меньшей мере сто шестьдесят. В моем возрасте это вдохновляет — чувствуешь себя девчонкой. Я еще успею кое-что повидать.

— Конечно, мама Хейзел, — сказала доктор Стоун.

Роджер поверился к жене:

— Эдит!

— Да, дорогой?

— Что скажешь?

— Ну… на самом деле нет никаких причин возвращаться на Луну. Во всяком случае, прямо сейчас.

— Я так и думал. А как же Мид?

— Я?

— Они полагают, что ты созрела для замужества, дорогая, — сухо вставила Хейзел.

Доктор Стоун посмотрела в глаза дочери и слегка кивнула. Мид удивилась и сказала:

— Ну-у! Мне не к спеху. И потом, на Титане есть база патруля. Там, наверно, полно молодых офицеров.

— Это *исследовательская* база патруля, солнышко, — ответила Хейзел, — и работают там ученые, посвятившие себя науке.

— Может быть, когда я ими займусь, они не будут целиком посвящать себя науке?

— Ребята? — обратился отец к близнецам.

— Мы что, получили право голоса? — ответил за двоих Кастор. — Конечно за!

Роджер ухватился за стойку и подтянулся:

— Решено. Хейзел, Мид, ребята, принимайтесь за расчет орбиты. А я начну вычислять отношение масс.

— Нет, сынок, меня уволь.

— Что так?

— Ты не смотрел, почем у них тут водород? Раз мы выходим на кометную орбиту к Сатурну вместо тангенциальной к Земле, пора мне назад

в соляные копи. Запрошу из Нью-Йорка аванс, а потом разбужу Лоуэлла — и начнем проливать кровь.

— Что ж, ладно. Остальные — следите за запятыми!

Все посты корабля были укомплектованы и приведены в готовность. Мид в кресле стажера, поставленном за креслами командира и второго пилота, уже начала отсчет. Роджер покосился на мать и шепнул:

— Ты чему улыбаешься?

— Пять! Четыре! — выпевала Мид.

— Так просто. Когда доберемся до Титана, надо будет…

Ее голос потонул в реве двигателя. «Стоун» задрожал и понесся вперед, к Сатурну. А за ним следовали сотни, тысячи, сотни тысяч неугомонных бродячих странников: на Сатурн… на Уран… на Плутон… и так они будут катиться до самых звезд, до края Вселенной.

О романах «Небесный фермер», «Среди планет» и «Космическое семейство Стоун»

Небесный фермер: под лунами Юпитера

1949 год прошел для молодой четы Хайнлайнов под знаком десятой музы — большую часть времени они прожили в Голливуде, где в муках и проклятиях рождался фильм «Destination Moon». В июле совершенно деморализованный Хайнлайн по настоянию Джинни взял короткий отпуск и отправился в Оджаи. Финансы писателя пели романсы, его фильм, его потенциальный шедевр, съедал все его время, и писателю нужно было становиться к станку. Продолжать сотрудничество со «Scribner's» ему совсем не хотелось — после скандала с «Красной планетой» у него на многое открылись глаза. Но Джинни его уговорила. Джинни была девушка практичная и понимала, что свернуть голову курице, несущей золотые яйца, никогда не поздно, а кушать нужно каждый день.

Кроме того, на горизонте писателя теперь ре-

гулярно маячил редактор журнала «Boys' Life» Ирвинг Крамп. Он уже получил рассказик «На Луне ничего не случается» и теперь хотел что-то большое, на несколько номеров длинные вещи, которые печатаются с продолжением, очень способствуют продлению подписки. У Хайнлайна имелись кое-какие идеи о мальчике-скауте на другой планете, но это были только наметки, общий контур не вырисовывался. Джинни предложила, коль скоро предыдущая книга была о Марсе, следующим шагом должен стать Юпитер и так далее, — слава богу, в Солнечной системе планет хватает. На Юпитер Хайнлайн с удовольствием отправил бы своих злейших врагов, сбрасывать детей на планету-гигант он не был готов. Зато в окрестностях старины Джупа вертелось множество маленьких планет-спутников, которые ждали маленьких героев.

Например, Ганимед — один из четырех крупнейших спутников Юпитера с заметной силой тяжести в треть земной. Ганимед в качестве колонии Земли уже «засветился» в романе «Космический стажер», это решало вопрос выбора. Никто в здравом уме не станет отправлять бойскаутов на совершенно неосвоенную планету. Кстати, зачем ее колонизировали?

Что делать людям на Ганимеде? Обоснование такого путешествия далось писателю с некоторым напряжением логики и здравого смысла. Собственно, он взял за основу отвергнутую ранее идею: роман о подводных фермерах канул в Лету, но мальтузианская тема не потеряла для Хайнлайна своей актуальности. Голод и войны, по его мнению, неизменно будут преследовать человечество в будущем, пока открытие синтетической пищи и космическая экспансия не положат этому конец. Ганимед должен был стать житницей перенаселенной, загрязненной и голодающей Земли.

Колонистов на Ганимеде ждали суровые испытания. Хайнлайн считал, что детям неинтересна карамельная жвачка — «им нужны жесткие книги». Он всерьез задумал убить парочку героев — и на этот раз не каких-то неприятных Поттлов, о которых никто не пожалел. Вирджиния дала на это добро. «В конце концов, смерть является частью жизни», — сказала она. Начиная с «Красной планеты» в приключенческую романтику все больше начал проникать реализм и трагедия. Если в марсианской революции драматические события происходят где-то за кулисами, то в «Фермере» смерти и катастрофы показаны нам

вживую. На Ганимеде действительно гибнут близкие люди, и драмы, происходящие в колонии землян, совершенно не театрального свойства.

К четвертому роману изменилась и концепция главного героя. Вместо обычного романтического персонажа, ключевой фигуры, круто меняющей ход сюжета своими поступками и решениями, ганимедский фермер всего лишь игрушка в руках судьбы. Все решения, которые он принимает, и поступки, которые он совершает, имеют значение только для него самого, для его персональной судьбы и никак не влияют на масштабные процессы. С этим Хайнлайн, конечно же, несколько перегнул палку. Юные читатели все-таки предпочитают, чтобы герой книги убил всамделишного огнедышащего дракона, а не просто справился с тем, что живет в его душе.

Хайнлайн по-прежнему оставался в рамках воспитательно-образовательной парадигмы. Поэтому он обложился справочниками и приготовил логарифмическую линейку. Они с Джинни снова чертили гомановские орбиты и рассчитывали траектории. Кроме того, Джинни взяла на себя агрономическую часть — она писала целые инструкции о том, как превратить голый камень в плодородную почву. Хайнлайн даже съездил

в Беркли — проконсультироваться с Робертом Корногом о некоторых аспектах освоения лун Юпитера. В результате роман оказался насыщен всевозможными научно-познавательными сведениями, а заодно и типовыми тропами научной фантастики тех лет. Клэрсон и Сандерс в книге «The Heritage of Heinlein» пишут, что это был своеобразный крючок для юных читателей и целью писателя было подсадить юное поколение на чтение научной фантастики. «Свидетельства многих людей, особенно молодых людей, которые читали эти произведения в момент их публикации, говорит о том, что это ему удалось превосходно».

Начав работу над романом, Хайнлайн решил испробовать новый фокус: он планировал написать повесть длиной 40 000 слов, которую затем урезáл наполовину для журнальной публикации, а потом увеличивал на те же 20 000 слов для превращения в книжную рукопись. Идея, на мой взгляд, совершенно фантастическая, если не сказать хуже, в плане производительности, но у писателя было время и желание экспериментировать. Его можно было понять: процесс сокращения текста до журнальных размеров был для него довольно мучителен, поэтому он хотел работать с изначально небольшим объемом. А

вот с *дописками* он до сей поры не сталкивался. Ему еще только предстояло намучиться с переделками «Детей Мафусаила», поэтому он не знал, насколько это будет трудоемко.

Весь август ушел на написание повести. 10 сентября 1949 года она была закончена. От изначальной революционной идеи пришлось отказаться — вместо повести в 40 000 слов он написал полноценный роман из 60 000 слов, и теперь его ждал мучительный процесс сокращения текста в три раза. Все усложнялось тем, что начались съемки. Часть их проходила ночью в пустыне, где было чертовски холодно. Разумеется, Хайнлайн тут же заболел гриппом, но не покидал съемочной площадки, отрабатывая свою зарплату технического консультанта-сценариста, а когда все отправлялись на перекур, хватал рукопись «Ганимеда» и стопку носовых платков и принимался яростно черкать карандашом.

20 ноября 1949 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

…Я работаю по пятнадцать часов в день над книжной версией «Небесного фермера» — теперь с машинисткой, журнальный вариант для «Boys' Life» продвигается медленно, потому что на него совсем нет времени. Я урезал его до 40 000,

но будет много утомительной работы, прежде чем смогу сократить до 20 000, и, вероятно, не смогу закончить его, пока не завершатся съемки фильма. Я работаю семь дней в неделю и сплю по шесть часов в день и больше уже никак не могу ускорить эту работу.

К Новому году обе рукописи были готовы — одна в триста с лишним страниц, другая — всего восемьдесят четыре. Обе отправились к литературному агенту Лертону Блассингейму в одном пакете и под новым названием. Один из альфа-ридеров Хайнлайна, Билл Корсон, заметил, что название «Ганимед» не слишком удачно и предложил «Небесную ферму». Роберт превратил «Ферму» в «Фермера», и это закрепилось в качестве официального названия.

Алиса Далглиш была в восторге от рукописи. 27 февраля 1950 года договор с издательством «Scribner's» был подписан. Редакция даже организовала рекламную программу для национального радио, приуроченную к Книжному карнавалу.

Редактору журнала «Boy's Life» Ирвингу Крампу рукопись тоже понравилась, но он с ходу попросил поменять название. После некоторых препирательств Боб предложил альтернативное: «Спутниковый скаут», которое устроило Крампа.

Хайнлайн терпеть не мог, когда книжное и журнальное издания идут под разными названиями. Он предполагал, что это вводит в заблуждение читателей. Потом Крамп внезапно захотел изменить текст. После долгих препирательств из рукописи выкинули всю «образовательную» часть и число эпизодов сократили до трех. Хайнлайн был близок к точке кипения.

21 апреля 1951 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

…трансформация «Небесного фермера» в «Спутникового бойскаута» [версия «Boys' Life»] вылилась в пять черновиков и отняла почти шесть недель… после чего меня оставили в подвешенном состоянии, в то время как [Крамп] решал, нравятся ли ему мои сокращения.

В результате сокращения числа эпизодов Хайнлайн получил от скаутов жалкие 750 долларов вместо 1000. К этому моменту писатель полностью погрузился в работы по строительству дома, которые постоянно требовали притока денег, и он был страшно недоволен подобным результатом. И когда Крамп начал оттягивать сроки публикации, которые изначально были привязаны к выходу книжного издания, Хайн-

лайн увидел в этом нарушение договоренности и повод вернуться к прежней сумме гонорара.

24 апреля 1950 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Я рад слышать, что Крамп берет сериал, так как я нуждаюсь в каждом центе, который могу наскрести для строительства. Тем не менее я отклонил бы его предложение в $750, если бы я мог себе это позволить. Мне пришло в голову, что если раньше он на меня давил, то теперь я буду на него давить…

И пожалуйста, не забудьте ему сказать, что я, конечно же, имею право решать, подходит ли мне его предложение, так же долго, как он решал, подходит ли ему история, которую он сам мне заказал. И еще скажите ему, что я горд, скуп, упрям и что Вы сильно сомневаетесь, что сможете заставить меня принять пониженный тариф за слово, поскольку я, как известно, в прошлом предпочитал отказываться от продаж, но не снижать расценок.

Ни в коем случае не позволяйте покупателю уйти от Вас — но если Вы сумеете поймать его на крючок и держать его там, мы сможем выжать из этого камня еще пару сотен долларов. Мне все равно, обозлится он или нет, это — моя лебеди-

ная песня с Крампом, продажи ему не окупают вложенных усилий и потраченных нервов.

Сами с ним не ссорьтесь, валите все на меня.

Даже если Вы уже обналичили чек, я надеюсь, Вы будете ему звонить и выкручивать ему руку еще немного…

Несмотря на явное охлаждение писателя, «Фермер» не стал «лебединой песней» Хайнлайна в «Boy's Life» — впереди были «Среди планет» и «Космическое семейство Стоун».

Среди планет: сага о кольце

Как известно, человек на 80 % состоит из воды, а книги, которые пишет человек, на 80 % процентов состоят из того, что он прочитал. Пятый роман «скрибнеровской» серии возник не на пустом месте — Роберт Хайнлайн теперь регулярно получал письма от читателей, выступал на презентациях и все глубже погружался в мир подростковой культуры, основой которой были комиксы и весьма посредственные фантастические телесериалы. Все это причудливым образом преломлялось его собственным подростковым опытом, в котором превалировали моря, шторма и капитаны. И когда в начале 1951 года Хайн-

лайн начал писать очередной детский роман для издательства «Scribner's», у него уже были наработанные идеи. Известно о них немногое: по свидетельству Билла Паттерсона, поначалу центральной фигурой романа был некий бравый космический капитан, который в заметках носил громкое имя Капитан Дианетика (почти Капитан Америка). Под стать имени главного героя, сюжет явно склонялся в сторону романтики на уровне комиксов с космическими пиратами, Повелителями Галактики и тому подобным. Как Капитан Дианетика расправлялся с пиратами посредством учения Рона Хаббарда, история умалчивает. Возможно, прослушав получасовую лекцию, они приходили в восторг, порывали с преступным прошлым и дружно отправлялись в ближайший сайентологический приход — посмотреть на живого Тома Круза… Или его тогда еще не было? Ладно, неважно. Потому что на каком-то этапе у Капитана появился постоянный спутник — юный космонавт-стажер, который постепенно вытеснил его из сюжета, и никаких следов Рона Хаббарда в романе больше не осталось. А потом пришлось распрощаться и с идеей космического стажера. Мальчик Дон Харви, впрочем, никуда не делся, вот только от него осталось одно имя

— лишившись звания капитана, звездолета и курса стажировки, он повис в полной пустоте.

И это было совершенно замечательно! Потому что вместо банального сюжета «мальчик хочет стать космонавтом» Хайнлайн внезапно резко изменил структуру истории. В первых двух романах его герои существовали в социуме и продвигались по социальной лестнице, потому что *хорошо учились* или потому что *совершали правильные поступки.* Над сюжетами дамокловым мечом висела какая-нибудь общественно-полезная мораль, и истории в какой-то степени укладывались в традиционную карамельную колею.

В новой книге Хайнлайн решил попробовать нечто новое, изначально негероического героя. Киберпанк появился много позже, поэтому откровенно асоциальный элемент на повестке дня не стоял, но и концепция персонажа, отнюдь не стремящегося учинять повсюду добро и прогибать под себя изменчивый мир, идея *слабого*, унесенного ветром героя никуда не делась. Поэтому ничего хорошего простого паренька из Нью-Мексико по ходу развития сюжета не ожидало. Новая концепция открыла перед писателем бесконечное многообразие вариантов решить основную проблему, над которой он уже давно

бился: как изолировать главного героя, чтобы обеспечить ему возможность самому принимать решения в тех ситуациях, когда в обычной жизни это делают за него семья и школа. В новом романе Хайнлайн легко вырвал бедолагу Дона из семьи и надежно изолировал от родственников или опекунов, предоставив ему возможность вляпаться в приключения по самые уши. А гарантировать эти приключения должна была не локальная заварушка, как в «Красной планете», а полноценная межпланетная война.

Не совсем грязная война

Война была отражением реальных событий в мире Хайнлайна: в конце июня 1950 года началась война в Корее. «Полицейская операция», как называли ее в те дни в американских газетах, «Грязная война», как ее стали называть годами позже (в отличие от «Позорной войны» во Вьетнаме). Война застигла писателя посреди строительства дома и ударила его по самому больному месту — по кошельку, взвинтив цены на стройматериалы и переманив разнорабочих легкими бюджетными деньгами. Хайнлайн был этим сильно недоволен. Еще больше раздражал тот факт, что его жена оставалась военнообязан-

ной и подлежала призыву, в то время как у самого писателя был пожизненный белый билет и ему в случае чего оставалось только следовать за ней на расстоянии. Но было бы ошибкой думать, что прообразом федеральных сил, оккупировавших восставшую Венеру, были американские войска. Хайнлайн был патриотом и антикоммунистом. Вместе с тем его симпатии были на стороне колонистов Венеры, восставших против колониального правительства. Так что реальным прототипом партизанской войны на Венере стала не война в Корее, а скорее война во Вьетнаме, причем не американский эпизод, а более ранний, французский — 1945–1946 гг. В то время Америка наблюдала за действиями восставших с некоторым сочувствием. И даже вмешательство коммунистического Китая, ставшего спонсором вьетнамской революции, никого не возмущало. Роман был написан в краткий промежуток времени, пока отстраненное сочувствие не сменилось конкретной экономической поддержкой Франции, а затем и прямым вмешательством.

Китайцы проникли в текст в виде драконов — древней цивилизации, благожелательно настроенной к восставшим. Ну и сам по себе дракон — универсальный символ Поднебесной, о чем

следует помнить, рассматривая символику романа.

Партизанская война в болотистых джунглях — совершенно новый тип военных действий, с которыми столкнулись европейцы в Индокитае. Хайнлайн понимал, что такая форма войны — это вызов всем прежним тактическим и стратегическим наработкам. Она требовала совершенно новых правил. И разумеется, он не мог не впечатлиться влажной экваториальной экзотикой новых театров военных действий — и вставил описание войны в роман, естественно залакировав и скрыв неприятные нюансы, щадя юную аудиторию.

Хайнлайн предполагал, что подобные локальные войны на юго-восточном театре военных действий будут со временем нарастать и в массе своей вполне способны подорвать могущество сверхдержавы. Разумеется, он опасался такого исхода для Соединенных Штатов. С другой стороны, он не чурался войн, как многие его коллеги по цеху. Война казалась ему неизбежным будущим, о котором стоит говорить открыто:

«Похоже, большинство писателей сегодня заболели страхом. Тотальные космические битвы, в которых вспыхивают лучи, а отдача разрушает

планеты, слишком пугают их, чтобы о них помыслить.

Многие из НФ-писателей, по-видимому, приобрели устойчивый нервный срыв в послевоенные годы. Некоторые вещи, которые научная фантастика давно предсказывала, сегодня сбылись — и теперь им до смерти страшно.

Я этого не понимаю.

Послушайте, друзья, единственный возможный способ наслаждаться жизнью — это не бояться смерти. Вкус к жизни требует готовности умереть; вы не можете иметь одно без другого. 60-е, 70-е, 80-е и 90-е могут быть наполнены интересом к жизни, высокими чувствами и дерзкими приключениями для любой подлинно человеческой натуры.

...я не вижу нашу страну в качестве наиболее вероятного победителя. Если мы проиграем войну или сдадимся без боя — здесь, в Америке, наступит долгое, долгое время подполья. Это будет как самая трагическая, так и самая гордая эра в нашей истории.

Жизнь подпольщиков будет весьма сложной, но не скучной. И это будет великий день для белобилетников, женщин и отставников. Никакой бюрократической болтовни о плоскостопии,

дистрофии, близорукости, малолетстве, предпенсионном возрасте или даже прогрессирующем раке — это будет игра без правил, в которую может играть любой…»

Итак, сложная, но не скучная жизнь главному герою была обеспечена. Посмотрим теперь, что это был за герой.

Негероический герой

Как уже говорилось выше, новый тип героя подразумевал новый тип вовлеченности в сюжет — вовлеченности против своей воли. Для того чтобы подчеркнуть эту его совершенно не героическую сторону натуры, паренек должен был предстать перед читателем довольно пассивным созданием, которое не жаждет приключений и не бросается им навстречу очертя голову.

«Как насчет истории про „Космического кадета“ наоборот? Парня, угодившего в разгар межпланетной войны? Дон чувствует себя потерянным и всеми оставленным. Все другие ребята готовятся к войне, он же пытается от нее убежать», — написал Хайнлайн в своих набросках к роману.

В отличие от политически ангажированных персонажей «Красной планеты», Дон Харви не рвется в бой, — напротив, он всеми силами бежит

от войны, но война догоняет его и поглощает. Хайнлайн подкрепил нейтралитет героя двойным гражданством — в его персональной системе ценностей гражданство было очень весомым фактором, определяющим поведение людей. Лишив Дона *естественного выбора патриота* (и избавив его от диссидентского предательства, замечу в скобках), Хайнлайн сделал выбор героя исключительно делом его совести — до сих пор такой выбор у героев следовал автоматически, исходя из их происхождения… Ну ладно, был один эпизод в «Космическом кадете», когда столкнулись лбом местный патриотизм и устав караульной службы, вопрос остался нерешенным. Перед Доном Харви выбор вообще не стоит — он объявляет себя *гражданином Системы* и пытается встать над конфликтом и по возможности как можно дальше от конфликта.

В дальнейшем отсутствие патриотизма у центральных персонажей детских романов Хайнлайна становится вполне обычным делом. А компенсировало этот вопиющий факт то обстоятельство, что персонажи новых книг Боба жили в *неправедном* обществе. Социальный фон романов от книги к книге становился все более дистопичным. Один из исследователей Хайн-

лайна даже заметил, что чем более негативен социально-политический фон, на котором проходит действие романа, тем более качественную вещь мы получаем. Я склонен с этим согласиться, хотя и с некоторыми оговорками. Так, например, депрессивный фон третьей части «Фарнхэма» нисколько не пошел на пользу роману. Нужно что-то еще. Важен сам герой, чьи черты рельефно проступают на фоне творящегося вокруг безобразия.

Аполитичный герой — по классификации Алекса Паншина — первая стадия человека в книгах Хайнлайна. (первая стадия — компетентный, но наивный юноша. Герой повести «Если это будет продолжаться...», например. Вторая стадия — компетентный мужчина во цвете лет, человек, который знает, как вещи работают. Таков герой «Кукловодов» Элихью. Последняя, третья стадия — умудренный жизнью старик, который не только знает, как вещи работают, но и почему они вообще работают. Джубал Хэршоу из «Чужака» или Баслим из «Гражданина Галактики».) Первая стадия — довольно частый герой детских романов Хайнлайна. Его вовлечение, встраивание в социум обычно служит поводом для мягко завуалированных упражнений Хайн-

лайна в назидании и поучениях. К сожалению, из своих персонажей Хайнлайн почти всегда выстраивает простейшую иерархическую структуру. В его сюжетах крайне редко встречаются манипуляторы, конформисты, равновеликие антагонисты, психодоминаторы, харизматики и тому подобные боковые элементы. У Боба все горошины неизменно высыпаются в пирамиду — согласно уровню компетенции или служебной иерархии. Главный антагонист — непременно человек менее компетентный. Противостоящий ему герой может совершать профессиональные ошибки (но никогда — этические, и вообще правда у Хайнлайна никогда не сталкивается с правдой, но это так, между прочим), но заметит их и исправит, и в этом ему часто помогает персонаж, находящийся на второй или третьей стадии человека по Хайнлайну.

Естественной добавкой к Дону Харви, его балансирами в иерархии компетенций, служит док Джефферсон, а потом Исаак Ньютон — «умник, без которого ни одна история Хайнлайна не является полной», как писал о подобных персонажах Деймон Найт.

Любовь и свобода

Роман отличает от его предшественников еще одно важное нововведение — романтическая линия. Она появилась в ювенильной серии внезапно (вспомните практически полное отсутствие женских персонажей в предыдущих вещах), но отнюдь не случайно.

К моменту написания романа Хайнлайн обнаружил, что получает от девочек куда больше писем, чем от мальчиков. Это была конкретная целевая аудитория, у которой были конкретные специфические запросы, игнорировать которые Хайнлайн не мог, хотя бы по чисто коммерческим соображениям. Этот аргумент, по-видимому, подействовал и на Алису Далглиш, которая изначально была категорически против появления в сюжете эпизодов «мальчик встречает девочку», но затем сама стала предлагать Хайнлайну «попробовать ввести в сюжет девочку». Результатом нововведений она осталась не слишком довольна и наверняка сама выслушала немало критики на редакционных собраниях, но уровень продаж в конечном итоге решил дело. Хайнлайн в результате прецедента застолбил за собой право на романтическую линию в своих романах для

подростков.

«Я начал использовать реалистические женские характеры после того, как обнаружил, что они конкретизируют сюжет, похоже, они его заметно улучшали», — вспоминал позднее Хайнлайн.

Лирика в романах Хайнлайна появилась не по мановению волшебной палочки. Предварительно он отточил свое перо на историях о Морин и Клифе (триптих «Мужчины невыносимы»).

Дела маркетинговые

Собственно написание текста отняло у писателя два месяца, это были жалкие часы, выкроенные между заботами о строительстве дома. Рабочее название «Rolling Stone» («Бродяга», «Перекати-поле» и т. п.), на мой взгляд чрезвычайно удачное, по требованию редакции заменили на несколько вялое «Среди планет». А затем началась продажа рукописи — и тут случилось нечто неожиданное.

По обычной схеме Хайнлайн продавал роман своему заказчику, издательству «Scribner's», и при этом выгадывал несколько месяцев до выхода книги из печати для журнальной публикации. Традиционно роман отправлялся в «Astounding»

Джону Кэмпбеллу (Джон, как правило, роман отвергал), а затем начинались переговоры с другими журналами. Для детских романов выбор был небольшим — фактически он ограничивался органом скаутского движения «Boys' Life» с их непомерными цензурными и техническими ограничениями и мизерными расценками.

Война и любовь — вот два компонента, которые обеспечили роману «смешанный» статус. С одной стороны, он проходил классификацию как подростковый, а с другой стороны, как «взрослый» роман. Это позволило Лертону Блассингейму закинуть рукопись в «Blue Book» — журнал бульварной беллетристики для взрослых. В нем печатались Уильям Хоуп Ходжесон, Эдгар Райс Берроуз, Агата Кристи и др. «Blue Book» в рейтинговом списке Хайнлайна (расценки + скорость поступления оплаты) находился чуть ниже «Astounding».

К 30-м годам прошлого века журнал заработал себе титул «Короля палп-фикшн» и котировался в первой тройке, наряду с «Argosy» и «Adventure». Фантастики там печаталось столько же, сколько в прочих неспециализированных журналах, то есть мизер. Но Дональд Кенникотт, главный его редактор, фантастику любил и читал. По мнению

Вирджинии Хайнлайн, он не знал о научной фантастике ничего, кроме имени Г. Дж. Уэллс, но в действительности все было не так — просто его интересы находились в основном в области исторических фантазий — Атлантида, тайны жрецов майя, алхимики и тому подобное.

31 мая 1951 года

Лертон Блассингейм — Роберту Э. Хайнлайну

Сообщение от «Blue Book», они берут «Среди планет», платят $1000.

«Scribner» издает около 1 ноября, позволяя «Blue Book» запланировать историю для сентябрьского или октябрьского номера.

Какой-то умник в редакции «Blue book» предложил для журнальной публикации название «Planets in combat» («Война между планетами», «Сражающиеся планеты» и т. п.). Для Кенникотта это прозвучало чрезвычайно близко к «Войне миров» Г. Дж. Уэллса, так что ему потребовались некоторые разъяснения, а у Хайнлайна появился повод пробрюзжать:

3 июня 1951 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Действительно хорошие новости о продаже «Среди планет» в «Blue Book». Пожалуйста, ска-

жите Кенникотту, что между «Войной миров» Уэллса и моей «Среди планет» нет абсолютно ничего общего, пусть прочитает книгу Уэллса, это глупость какая-то!

Видимо, разъяснения редактора убедили, и название осталось без изменений. Любопытно, что позднее роман вышел в Японии под названием ⊠⊠⊠ — «Учу сенсо», «Война миров». Дональд Кенникотт, редактор «Blue Book», все-таки оказался провидцем, и роман Хайнлайна действительно смешался с «Войной миров» Герберта Уэллса — в японских изданиях. Как, должно быть, ругал проклятых гайдзинов бедный японский школьник, купивший «Войну миров» Хайнлайна вместо «Войны миров» Уэллса и не обнаруживший в ней своих любимых гигантских шагающих роботов…

Но это случилось чуть позже, а пока «Среди планет» стал первым романом Хайнлайна, напечатанным как детский и взрослый роман одновременно.

Для полного медийного комплекта не хватало только экранизации. В начале 1952 года начались переговоры писателя с «Ely Landau, Inc.», речь шла об оригинальном сценарии, основанном на сюжете «Среди планет», в качестве пилота фантастического сериала. Но Ландау, по

всей видимости, посчитал Хайнлайна наивным простачком и предложил вместо адаптации написать оригинальную историю за те же деньги. В марте проект был свернут — как и десятки других подобных проектов, — и Хайнлайну оставалось только скрепя сердце подсчитывать убытки. В отличие от многих и многих писателей, кинематограф принес Хайнлайну только славу, но никак не деньги.

Космическое семейство Стоун: парочка балбесов и много-много котиков

Дабл трабл[79]

В 1950 году Мадди Уотерс записал песню «Rollin' Stone», в которой рассказал о том, что он хочет превратиться в рыбку-зубатку и уплыть в глубокое синее море и тогда симпатичные телочки все сбегутся его половить, эх, его половить, всей толпой — на него одного. Эта песня, по общему признанию, стала зерном, из коего произросла вся современная рок-музыка. За эти заслуги песня помещена в «Зал славы рок-н-ролла», где она и плавает, эх, плавает по сей день.

---

[79] Примечания: 79
Двойные неприятности *(англ.)*.

В 1962 году Брайан Джонс с Миком Джаггером переименовали свою команду «Blues Incorporated» в «Rolling Stones», отталкиваясь от названия песни Мадди Уотерса.

В 1967 году Янн Уэннер и Ральф Глисон создали музыкальный журнал, который назвали «Rolling Stone», отталкиваясь от названия песни Мадди Уотерса.

Не знаю, как Хайнлайн относился к Мадди Уотерсу (вообще-то, он предпочитал оперетты Гилберта и Салливана и всякую попсу вроде Саймона и Гарфанкела), но свой роман, завершенный в январе 1951 года, он назвал «Rolling Stone». В романе рассказывалось о скитаниях одного молодого человека по планетам Солнечной системы, так что название «Бродяга» или «Перекати поле» роману подходило как нельзя лучше. Издатели, однако, посчитали иначе, и в марте научно-фантастический роман «Rolling Stone» исчез с литературного горизонта, а вместо него появился «Between Planets» — «Среди планет». Хайнлайн прекрасно понимал, как позитивно влияет на продажи уже раскрученное название, поэтому по-простому использовал «Rolling Stone» для своей следующей книги. А чтобы издатели не зарубили его и на этот раз, он накрепко привязал

его к роману, дав главным героям фамилию Stone. Так что Мадди Уотерс, звучавший из каждого утюга, обеспечил роману бесплатную рекламу, эх, бесплатную рекламу, вот такие дела.

Сами Стоуны появились на свет совершенно случайно. Когда в ноябре 1951 года пришло время садиться за очередной мальчиковый роман для «Scribner's», у Хайнлайна не оказалось абсолютно никаких идей по поводу его содержания. Это было довольно неприятно — обычно к этому сроку у Боба уже была наготове записная книжка с наметками сюжетов, гаджетов или просто идей. Я уже не говорю о проработке материалов и погружении в предметную область, которая ранее отнимала у него месяц-другой перед написанием текста. Похоже, к шестому роману скрибнеровской серии писатель стал абсолютно уверен в своем профессионализме и в своей способности сотворить мир на кончике пера. Ну или на барабане каретки пишущей машинки.

И все же идей — не было.

«Я не знаю, о чем писать», — признался Хайнлайн своей жене, Джинни.

«Почему бы тебе не написать о паре озорных близнецов, вечно попадающих в беду?» — предложила она. Джинни обожала двойняшек. В идее

зеркального клонирования она не находила ничего зловещего.

Так было положено начало романа «The Rolling Stones» / «The Unheavenly Twins» — второй вариант названия можно перевести как «Совсем не восхитительные / Далеко не небесные близнецы». Или даже, попросту говоря, «Чертовы близнецы». Здесь «Twins» — это еще и название созвездия, так что игра слов, обычная для названий Хайнлайна, тут присутствует.

Так у писателя появились герои, осталось рассмотреть проблему возникновения неприятностей. Неприятности в хороших книгах происходят не сами по себе, а по разным причинам. Первую причину Хайнлайн придумал с ходу — близнецы должны отправиться путешествовать по Солнечной системе и, попадая в чуждую среду, автоматически притягивать к себе неприятности. А поскольку тема войн, революций и скитаний была отработана в предыдущем романе, близнецы должны были отправиться в благопристойный оплаченный круиз. То есть это должны были быть довольно *состоятельные* близнецы. Чего Хайнлайн, однако, терпеть не мог, так это всяких мажоров и нуворишей, поэтому он, как мог, смягчил и скомпенсировал финансовую

сторону поездки, разбавив буржуазную картину революционным прошлым в лице бабушки-анархистки, гимном самоотверженному труду в лице мамы-доктора и насмешкой над идеей легких денег в лице измученного шоу-бизнесом отца.

Вторая причина возникновения неприятностей была подсказана астрономом Робертом Ричардсоном, который консультировал съемки фильма «Пункт назначения — Луна» (а по совместительству был фантастом Филипом Латамом). Ричардсон поделился с Хайнлайном своими впечатлениями о «Красной планете» и заметил, что оборотистому пареньку Смитти (который в романе эффектно, но небескорыстно решал проблемы своих одноклассников) стоило бы уделить больше внимания.

«Отлично! — решил Хайнлайн. — пусть близнецы займутся бизнесом. Самый легкий способ влезть в неприятности — это заняться каким-нибудь бизнесом».

Хайнлайн знал об этом не понаслышке — он и сам одно время занимался бизнесом.

«Стоуны» должны были стать последовательностью более-менее завершенных забавных историй, каждая в новом антураже, каждая с новой проблемой — с прицелом на печать в

нескольких номерах как роман с продолжениями или как серия рассказов в каком-нибудь глянцевом журнале. Например, «Saturday Evening Post». Особенно в «Saturday Evening Post».

Несвятое семейство

В отличие от предыдущих произведений цикла, «Стоуны» должны были прививать юным читателям традиционные семейные ценности — разумеется, в той мере, в какой оные традиции были приемлемы для самого Хайнлайна. Семейка Стоунов из *идеальной американской семьи* под его рукой быстро превратилась в стаю ярых индивидуалистов под водительством обманчиво мягкого альфа-самца, который обнажает клыки только при крайней необходимости и строго отмеренными порциями. В этой идеальной ячейке общества все идеально, примерно как в утопиях античных философов, где все свободны и даже самый последний нищий владеет парочкой рабов. Хайнлайн чувствовал, что у него получается откровенно патриархальная конструкция, но до сих пор он умел рисовать только Женщин — Боевых-Подруг, а Жену-и-Мать с неизбежностью выводил в пассивной роли хранительницы очага, молчаливого (и безликого) фактора стабильности.

Чтобы уравновесить маскулинную доминанту, Хайнлайн ввел в семью тоталитарного лидера в отставке — бабушку Хейзел. В результате получилась очень шаткая, неравновесная конструкция, колебания которой помогли оживить и наполнить сюжет романа.

Творческое кредо Хайнлайна не препятствовало ему заимствовать характеры у окружающих его людей. Но, как правило, он составлял из них коктейли по своему вкусу.

8 января 1952 года

Роберт Хайнлайн — Алисе Далглиш

Джинни придумала рыжих близнецов, я предоставил остальных персонажей, и мы вместе сочинили эпизод. Мне не нужно было консультироваться у Гилбретов[80] *— у меня самого в семье было семеро детей. Доктор Стоун скомбинирована из моей матери и ее отца, доктора медицины. Что касается ребенка, который прекрасно играет в шахматы в четыре года, то это отчасти я сам — моим соперником в этом возрасте был мой дед, доктор Лайл. Тогда я играл в шахматы куда лучше, чем сейчас. Детский ум так же спосо-*

[80] Примечания: 80

Гилбреты — в семье основоположника науки об организации и управлении Фрэнка Банкера Гилбрета было 12 детей.

бен к абстрактному мышлению, как и взрослый, и он менее рассеянный — ему пока еще не на что особенно отвлекаться.

Хейзел — отчасти моя тетя Бам, старая чертовка, она прожила 99 лет и никогда не могла усидеть на одном месте, отчасти моя тетя Анна, профессор истории, которой стукнуло 78, и она все еще жива, вышла на пенсию в 76. Она упряма, она великолепна, у нее железная воля.

Следует добавить, что отец семейства Роджер Стоун практически неотличим от Папочки, выведенного в цикле девчачьих рассказов «Мужчины невыносимы», — мягкого, но справедливого вожака маленькой стаи, либерального интеллектуала с *принципами*, типичный стальной клинок в мягких ножнах. Образ слишком идеален, чтобы всерьез рассматривать варианты его прототипа. Нет, мы не будем рассматривать варианты.

Мурлыкающие кролики

По плану, роман о семейке Стоун должен был стать непрерывной чередой веселых приключений на планетах Солнечной системы. Казалось бы, чего проще? На практике же дело быстро начало тормозить.

1 декабря 1951 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Роман для мальчиков «The Rolling Stones» готов примерно на четверть, отличный черновик, но дальше сюжетная линия никуда не годится. Проблема в том, что на этот раз я пытаюсь сделать бытовую комедию, никаких революций и крови, — и я нахожу, что комедию писать труднее. О, я очень просто могу поддерживать диалог, состоящий из острот, но персонажи при этом должны что-то делать, что-то важное. Исключив из сюжета космические войны и интриги, я теперь вижу в этом проблему. История сосредоточена вокруг мальчиков-близнецов и их эксцентричной семьи. Семья отправляется на астероиды в семейном космическом корабле, попадает в различного рода неприятности и выпутывается из них.

Проблема была не только в необычной форме романа и отсутствии стержневой коллизии, но и в том, что после самогонных аппаратов и подержанных велосипедов оригинальные идеи у Боба закончились. Идею истории с плоскими кошками он, по мнению Вирджинии, почерпнул из рассказа Эллис Батлер Паркер (Ellis Butler Parker) «Свиньи есть свиньи» («Pigs Is Pigs»). На самом

деле история о том, как в доме у злосчастного железнодорожника бесконтрольно размножались морские свинки, была впервые напечатана в 1905 году и с тех пор превратилась в бродячий сюжет, который можно встретить в мультфильмах, рассказах Роберта Шекли, братьев Стругацких и в культовом сериале «Стар трек». С телесериалом, однако, вышло совсем неудобно: там эпизод «The Trouble With Tribbles» по какому-то удивительному стечению обстоятельств выглядел так, будто он стопроцентно потырен у Хайнлайна, вплоть до самых незначительных мелочей. Понятно, что Дэвид Геррольд, написавший сценарий этого эпизода, объяснял его происхождение «всем известной историей с ростом популяции кроликов в Австралии». Правда, кролики Геррольда мурлыкали… но это же были инопланетные кролики. А то, что они были круглыми и мохнатыми — так это чистое совпадение.

Своих оригинальных мурлыкающих кроликов Дэвид назвал не менее оригинально: «fuzzies». Но тут юротдел кинокомпании не на шутку встревожился: секретарь случайно увидел в магазине обложку «Little Fuzzies» («Маленького Пушистика») Бима Пайпера и потребовал заменить название «Пушистик» на что-нибудь менее

известное. Хорошо, что секретарь ограничился обложками, а внутрь книг не заглядывал. В те годы отношение к плагиату было весьма трепетным, и, будь продюсеры чуть пожестче, дело могло обернуться для сценариста совсем худо. Боюсь, что на этом карьера Дэвида Геррольда в Голливуде тут же и закончилась бы. Но ему повезло — информация достигла руководства в сильно смягченном виде.

Хайнлайн не стал подавать в суд на создателей культового сериала. Он ограничился тем, что прислал в студию письмо с просьбой выслать ему копию сценария эпизода № 44. Тем не менее письмо вызвало на Эн-би-си мгновенную панику. Юротдел, посовещавшись, решил, что компания должна срочно выкупить права на роман у Хайнлайна.

Но вернемся к моменту написания романа. Так или иначе, но идея модульного построения романа из независимых кирпичиков с треском провалилась. Слишком мало было этих самых кирпичиков, и роман вышел вполне традиционным — с непрерывно развивающимся сюжетом. А значит, его нельзя было напечатать кусочками в виде отдельных рассказов — и Хайнлайн выпал из формата, заданного глянцевыми

журналами типа «Post». Но что ни происходит — все к лучшему. Вскоре Вирджиния Хайнлайн, проанализировав трудозатраты и полученные гонорары, подвела Роберта к однозначному выводу: заниматься рассказами стало экономически невыгодно, и поэтому к концу 50-х Хайнлайн полностью прекратил работать в короткой форме.

Горячее одобрение и холодный прием

Хайнлайн закончил рукопись, озаглавленную «The Rolling Stones», за пару дней до Рождества. После вычитки перепечатал парочку страниц, превратив черновик в чистовик, и 31 декабря, в канун Нового, 1951 года, отправил по почте своему литературному агенту. Через пару дней Лертон переправил рукопись в «Scribner's», а еще через неделю поступил отклик редактора:

10 января 1952 года

Алиса Далглиш — Роберту Хайнлайну

Вы просто чудо! Все утро я, затаив дыхание, не могла оторваться от страниц «Rolling Stones», иногда, правда, громко смеялась. Когда дошла до сцены, где доктор Стоун перебирается с одного корабля на другой, у меня чуть сердце не разорвалось.

И еще плоские кошки! Как вы это делаете?

Куда прохладнее встретили роман в журнальных редакциях. «Blue Book» только-только завершил печать «Среди планет», «Saturday Evening Post» не рассматривал крупные вещи. Палп-журналы тоже отвергли рукопись. Гораций Голд из «Galaxy» вежливо отказался. (только что отгремевший скандал с «Кукловодами» тут совершенно ни при чем. Профессионалы бранятся — только тешатся. Просто Горацию не понравилась книга.) Джон Вуд Кэмпбелл-младший из «Astounding» отверг роман: он без обиняков заявил, что ожидал от Хайнлайна «более философски осмысленного материала». Поэтому в марте 1952 года Боб скрепя сердце согласился отдать роман в скаутский журнал «Boys' Life». Гонорары у «Мальчиков» были скудные, а дресс-код куда более жестким, чем у Алисы Далглиш. Поэтому попытка близнецов сделать бизнес на самогонных аппаратах немедленно отправилась в помойку. Оставшийся текст требовалось ужать примерно вдвое. На это ушло почти две недели довольно мучительной работы, от которой Боба постоянно отвлекали. Но об этом чуть позже. В апреле Крамп из «Boys' Life» принял рукопись в производство, традиционно поменяв название

на свое: «Tramp Space Ship».

«В последний раз, — твердо сказал себе Хайнлайн. — Это был мой последний бойскаут».

Но последний случился чуть позже — в 1958 году, он назывался «Новичок в космосе».

Сексуальные проблемы

Первый тревожный звоночек прозвучал в феврале 1952 года. Владелец издательства, Чарльз Скрибнер, умер от сердечного приступа. Его место занял Чарльз Скрибнер-младший, и некоторое время обстановка в компании была слегка нервозной — как обычно бывает при появлении новой метлы. Алиса Далглиш, съевшая зубы в подковерной борьбе, написала Роберту письмо, в котором попросила Хайнлайна заменить в романе прозвище Старины Чарли на что-нибудь менее созвучное имени покойного. Разумеется, Хайнлайн отказался. Последующее было очевидным и логичным продолжением скандала, вспыхнувшего три года назад вокруг «Красной планеты». Тогда Алису, да и всю редколлегию «Scribner's», шокировал эпизод, в котором юная амебоподобная марсианка, известная под именем Виллис, наутро после ночи, проведенной в гнезде с земным мальчуганом Джимом, снесла

горстку хорошеньких маленьких яичек. Мохнатые любвеобильные марсианские плоские кошки подействовали на тлеющие угли былой вражды как добрая порция керосина. И чучело Зигмунда Фрейда, которого Боб считал наглым шарлатаном, вновь было извлечено на свет.

8 марта 1952 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

*С сожалением сообщаю, что у меня снова «сексуальная» проблема с мисс Далглиш — она решила (со своих олимпийских высот фрейдиста-любителя), что «Семейство Стоун» содержит некоторые по-настоящему вредоносные коннотации. Ее письмо было довольно неприятным, и я был им весьма оскорблен. На сей раз я не призываю Вас на фронт сражаться за меня, я сам ей ответил. Так как все деловые вопросы закрыты, это сугубо вопрос между автором и редактором, а у Вас и так достаточно неприятностей, чтобы влезать в это. И вообще — хватит, я больше не намерен допускать подобных вещей. «Семейство Стоун» может стать последним подростковым романом, который я сделал, а если я все же сделаю еще один, то мы предложим его, к примеру, ***, а не мисс Далглиш.*

Я сознательно намеревался писать здоровые

истории для мальчиков и совершенно не предполагал включать в них разные неоднозначные вещи, которые появляются в моих книгах для взрослых. Кроме того, госпожа Хайнлайн пробежалась по этой книге самым тщательным образом, пытаясь найти в ней то, против чего мисс Далглиш могла бы возразить. Я отправил ее только после того, как мы оба убедились, что она столь же чиста, как жена Цезаря. Я уверен, что Вы вернули бы ее мне на доработку, если бы заметили в ней что-либо, что можно было бы истолковать грязным образом. И вот, книга ей понравилась, и она подписала на нее контракт — а теперь решила, что она непристойна! Анекдот о вермонтце, который держал корову в качестве домашнего животного, «так же, как Вы могли бы хорошую охотничью собаку», по словам мисс Далглиш, наводил на мысли об «определенных сексуальных аномалиях». Ладно, только меня-то это не наводило ни на какие мысли, за исключением того, что моя жена сделала домашнее животное из соседской лошади, откуда эта история и возникла, и я абсолютно убежден, что это не навело бы моих мальчиков и девочек ни на какие ужасные мысли. Но я согласился с этой правкой — потому что мы сошлись на том, что

анекдот не грязен, но скучен.

Ее следующее возражение звучало так: «Плоские коты кажутся мне немного чересчур фрейдистскими из-за своей привычки любовно пульсировать». Поскольку я преднамеренно полностью лишил их пола, вплоть до размножения партеногенезом, я нашел, что это немного чересчур. Я всегда называл плоского кота «оно», а не «он» или «она», а единственному из них, получившему имя, дал имя без сексуальной коннотации. Я сделал все эти вещи, потому что знал, что она помешана на этом вопросе, но все было бесполезно; она способна увидеть фаллическую символику даже в бобовом стебле Джека.

Еще одно возражение, которое она сделала, не имеет никакого отношения к сексу, но я считаю, оно хорошо иллюстрирует, как далеко от дома она способна забраться, чтобы найти проблемы: она возразила против имени старателя Старина Чарли, потому что имя м-ра Скрибнера — Чарльз! Сколько глупостей может влезть в одну голову?

Я не ожидаю, что Вы что-либо предпримете, но желал сообщить Вам, потому что до Вас могут долететь отзвуки этих бурь. Я сделал ей очень резкий выговор. Некоторые манеры поведения я не намерен спускать ни за какие деньги. Я ответил

ей ее же оружием (поэтому я не стал привлекать Вас к этому). Я взял одну из ее книг для девочек и разобрал ее точно так же, как она разбирала мои книги. Я столь же хорошо знаком с фрейдистской фальшивой «психологией», как и она. По тем критериям, которые она использует, ее книга была порочна как ад — и я показал ей это, цитируя ее пассажи. Если она будет коситься и кривиться на мои превосходные детские книжки, я могу сделать то же самое с ее историями для девочек. Меня тошнит от любителей психоанализа! Этот впечатляющий шарлатан, доктор Фрейд, причинил столько зла, сколько не смогла бы наделать королева Виктория.

7 марта 1952 года

Роберт Э. Хайнлайн — Алисе Далглиш

1. Если Вы собираетесь вносить изменения, я предпочитаю увидеть их до корректуры.

2. «Старина Чарли». Так уж вышло, что имя Чарли мне нравится больше, чем имя Дэнни, но поднятая проблема кажется мне просто глупой. Чарли — совершенно обычное имя; в половине издаваемых в настоящее время романов есть хотя бы один персонаж по имени Чарльз. Неужели мы запретим весьма распространенные Боб и Алиса, потому что по случайности я и Вы носим эти

имена? Как бы то ни было, девять из десяти моих читателей вообще не узнают имени издателя, дети очень редко обращают внимание на выходные данные книги. Столь же разумно было бы объявить табу на Гарри, Джорджа и на Джо из-за имен президента, покойного короля и русского диктатора.

3. Плоские коты и Фрейд — нет, я решительно не согласен ни на какие исправления любого вида ни в самих плоских котах, ни вокруг них. Меня сильно раздражает фраза «немного чересчур фрейдистскими из-за своей привычки любовно пульсировать». Что значит «любовно»? Я слишком хорошо помню Вашу рекомендацию по поводу Виллиса из «Красной планеты» и что я должен «проконсультироваться с хорошим фрейдистом» — и потому я самым тщательным образом лишил эти существа пола. Я везде использовал местоимение «оно» (если Вы найдете «его» или «ее», это моя ошибка вычитки корректуры), а из сюжета ясно, что первое животное и, как следствие, все остальные воспроизводятся партеногенезом. Вы возражаете против факта, что им нравится, когда их гладят? Боже правый! Но его же нельзя выкинуть, от него зависит вся последовательность событий, не трогайте

его. И потом, я же объяснил с помощью теории симбиоза, почему они такие ласковые домашние животные.

Если Вы решили классифицировать реакцию людей на плоских кошек (стремление со стороны людей, особенно одиноких людей, получить домашнее животное, которое можно погладить и которое отвечает привязанностью)... если Вы классифицируете эту тенденцию (на которой крутится сюжет) как форму сексуальной сублимации, то я не собираюсь вступать в дискуссию. По определению понятия «секс» и «либидо» могут распространяться на любое человеческое поведение — но я не соглашусь, что в таком вторичном (сексуальном?) поведении непременно присутствует что-то нездоровое или тошнотворно-символическое.

Если я последую вашим теориям, то должен буду отметить, что трактовка Расти в «Along Janet's Way»[81] *была бы весьма показательна (для хорошего фрейдиста) и очень символична как в плане вторичного сексуального поведения, так*

---

[81] Примечания: 81

«Along Janet's Way» — на самом деле книга называлась «Along Janet's Road» — полубиографическая повесть Алисы Далглиш об английской девочке, переехавшей жить в Америку. Опубликована в «Scribner's» в 1946 году.

и в проявлениях фактической сублимации и что это не та книга, которую можно было бы дать в руки маленькой девочке. Например, эта длинная ночная рубашка. С точки зрения хорошего фрейдиста, каждый автор (Вы и я в том числе) подсознательно использует символы, которые просто пропитались испарениями ядовитых сексуальных джунглей нашей молодости и наших прародителей. Что извлек бы новоиспеченный аналитик из сцены с девочкой, молодым человеком и псом — и длинной ночной рубашкой? А что насчет фаллической символики и фетишизма в диалоге, который сопровождал эту сцену? И все это в книге, предназначенной для маленьких девочек?

Если серьезно, Алиса Далглиш, я не думаю, что Вы пишете грязные книги. Но ведь и я их не пишу — зачем же убирать моих плоских кошек? Ваши книги и ваши персонажи столь же уязвимы, как и мои — для того сорта псевдонаучной критики, который Вы применили. Что ж, убирайте — и я вытащу этот аргумент.

О Фрейде. Послушайте, Фрейд не был ученым; он был всего лишь блестящим шарлатаном. Он не использовал научную методологию, и его теории в значительной степени необоснованны и в

нынешнем свете выглядят весьма сомнительно. С практической точки зрения все попытки «психоанализа» были особенно неудачны в лечении психических больных. Христианская наука делала то же самое, если не лучше, и столь же обоснованно в части научных доказательств. Я допускаю, что фрейдистская доктрина имела ауру научной респектабельности для прошлого поколения, но аура была присвоена незаслуженно, и все больше психиатров отворачивается от Фрейда. Я признаю, что, помимо прочего нанесенного ущерба, Фрейд и его захватывающие теории помогли сделать обывателей нашей трудновоспитуемой культуры чрезвычайно чувствительным к сексуальным символам, реальным или мнимым, и что такое положение вещей писатель должен принимать во внимание. Но мы вовсе не должны чем-то жертвовать, чтобы пойти на уступки этой искусственной ситуации, хотя бы потому, что невозможно написать историю таким способом, что она не вызовет кривую ухмылку на лице «хорошего фрейдиста».

(Давайте посмотрим на другой аспект проблемы: следует ожидать, я полагаю, что читатели ваших изданий спустя какое-то время постепенно перейдут к изданиям «Scribner» для взрослых.

Предположим, что мне удастся сохранить моих читателей запечатанными в целлофан, стерильно in vitro, — и вот наступит день, когда они начнут читать другие книги «Scribner». Я упомяну некоторые: Хемингуэй — с его болезненным повторением темы кастрации… «From Here to Eternity»[82], которой не помешал бы словарь нецензурных слов, поясняющих ее нецензурные эпизоды, «Europa» и «Europa Revisited», которые комбинируют коммунистическую пропаганду с порнографией самым любопытным способом. Я не критикую список взрослой литературы «Scribner», моя мысль о том, что между этими списками есть некоторый нелепый перекос.)

В ответном письме редактор заявила, что Боб глубоко заблуждается на ее счет и что она вовсе никакая не фрейдистка.

10 марта 1952 года

Алиса Далглиш — Роберту Хайнлайну

…но я отдаю себе отчет, что сейчас в мире полно разных псевдопсихологов, которые выискивают всевозможные подобные вещи в книгах

---

[82] Примечания: 82

«From Here to Eternity» — дебютная книга Джеймса Джонса, удостоенная Национальной книжной премии США и напечатанная «Scribner's» в 1951 году.

для молодежи… Я не хочу с ними дискутировать, я просто стараюсь, чтобы они сюда не лезли. И конечно же, я не думаю, что вы пишете «грязные книги». Так же как и я.

17 марта 1952 года

Роберт Э. Хайнлайн — Алисе Далглиш

Какое огромное облегчение обнаружить, что вы не один из «врагов», а союзник! Однако, прежде чем это выяснилось, я достаточно разозлился, чтобы перестать быть дипломатичным. В обычных обстоятельствах я бы никогда не стал спорить о Фрейде с фрейдистом, об астрологии с верующим в астрологию, о призраках с медиумом, о теологии со священником или министром и об экономике с марксистом. Подобные разговоры ни к чему хорошему не приводят…

…Вы же понимаете, что, когда мы с вами в одной команде, а не по разные стороны баррикад, вам не составляет труда уговорить меня на какие-либо исправления. Так чего же вы хотите?

Алиса хотела, чтобы в следующем романе героям было не по шестнадцать, а по восемнадцать лет. Из-за своей возрастной категории «Семейство Стоун» не смогло попасть на армейский сегмент рынка, куда уходила существенная доля плано-

вых продаж «Scribner's». На этом замечании в декабре 1952 года дискуссии о романе наконец-то завершились. Хайнлайн проигнорировал указание редактора, и вопрос о возрастной категории героев вновь вспучился при приемке следующей книги, «Астронавта Джонса». Порой все выглядит так, словно писателю нравится вновь наступать на одни и те же грабли. Если бы Боб верил в теорию Фрейда, он счел бы эту свою особенность проявлением *мортидо*. Но Боб держал Зигмунда за бессовестного шарлатана, поэтому он счел, что Алиса — вздорная сумасбродка, издателям просто нравится пить его кровь, и вообще он жутко устал от этого детского проекта. Однако до финального скандала, расставившего все точки над «i», оставалось еще шесть долгих лет.

С. В. Голд